

Рассказы из Истории Русской Церкви

(Граф М. В. Толстой)

Предисловие.

Распространение христианства среди славян.

1. Появление христианства на Руси. Св. кн. Владимир.
2. Распространение христианства, Князь Ярослав I.
3. Начало Монашества, Препп. Антоний и Феодосий.
4. Печерская обитель. Распространение христианства на севере.
5. Удельная систем. Владимир Мономах.
6. Приемники мономаха. Древние святые. ч
7. Нашествие Батыея и порабощение Руси.
8. Русь под монголами. Св. Александр Невский.
9. Приемники Александра Невского. Собор во Владимире.
10. Князь Даниил Московский.
11. Борьба между Тверью и Москвой. Возвышение Москвы при Иоанне Калите.
12. Митрополит Алексей. Преподобный Сергей Радонежский.
13. Ученики преп. Сергия.
14. Святитель Стефан Пермский.
15. Преп. Сергей и Герман Валаамские.
16. Нашествие Тамерлана. Разделение Русской митрополии.
17. Святой Иона Рязанский. Собор во Флоренции. Падение Константинополя.
18. Покорение Новгорода. Освобождение от монгольского ига.
19. Южнорусская митрополия. Преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский. Соловецкая обитель.
20. Основатели монастырей 15-16 веков.
21. Князь Василий Иоаннович. Нашествие Крымского хана. Преподобный Максим Грек.
22. Царь Иоанн Грозный. Стоглавый Собор. Покорение Казани.
23. Митрополиты Иоасаф и Макарий. Святитель Гурий Казанский.
24. Митрополит Филипп Московский. Разгром Новгорода. Смерть Иоанна Грозного.
25. Установление патриаршества. Царь Борис Годунов.
26. Киевская митрополия. Церковная уния.
27. Смутное время. Патриарх Гермоген.
28. Осада Троице-Сергиевой Лавры. Избрание на царство Михаила Романова.
29. Царь Михаил Романов. Патриархи Иоасаф I и Иосиф.
30. Угодники Божии 17-го века. Упадок просвещения.
31. Пагубные последствия унии. Восстановление православной иерархии.
32. Митрополит Петр Могила. Преподобные Афанасий Брестский и Иов Почаевский

33. Царь Алексей Михайлович. Патриарх Никон. Исправление богослужебных книг. Старообрядчество.
34. Низложение Патриарха Никона. Собор 1666 года.
35. Патриарх Иоаким. Соловецкий бунт. Собор 1681 года. Заботы о просвещении.
36. Стрелецкий мятеж в Москве. Борьба с расколом. Подчинение Киевской митрополии Патриарху.
37. Царь Петр Великий. Уничтожение патриаршества и учреждение Святейшего Синода.

Приложение: Хронологический Список митрополитов и патриархов. Хронологический Список Великих Князей, Царей и Императоров.

Предисловие.

История Церкви — это прежде всего история деяний и подвигов святых праведников и подвижников. Вспомним слова евангельские: *“Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем же сделаешь ее соленою?”* (Мф. 5:13). Именно поэтому в основу “Истории Русской Церкви,” подготовленной Издательским Отделом Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, положен труд известного русского агиографа графа М. В. Толстого [1] “Рассказы из истории Русской Церкви.”

Сравнивая труд М. В. Толстого с подобными ему трудами, мы не найдем в этой книге каких-либо редких фактов, не известных в той или иной степени церковно-исторической науке. Однако, несмотря на это, книга М. В. Толстого была куда более любимым чтением по истории Русской Церкви, чем многие иные, имевшие на титуле имена прославленных историков. Причина здесь только одна: “История Русской Церкви” М. В. Толстого написана церковно и научает церковности. История Церкви — это описание ее святости и благочестия, открывающихся в ее подвижниках. Естественно поэтому нам и от церковного историка ожидать “по тщательном исследовании всего сначала,” как пишет евангелист Лука (Лк. 1:3) прежде всего благочестивого повествования о событиях, чтобы мы узнали твердое основание церковного учения (Лк. 1:4). Такие повествования Церковь преимущественно заключала в круг Четий-Миней, подчеркивая равноценность различных временных отрезков пред вечностью. Но и хронологическое (“от сотворения мира”), по годам (“полетное”) изложение всегда признавалось Церковью имеющим свой смысл и значение. Именно поэтому преподобный Нестор, монах Киево-Печерской Лавры, составлял “Летопись.” М. В. Толстой в своей “Истории” следует традициям как церковного летописания, так и житийного повествования, и потому читатель получает от его книги и исторические познания, и благочестивое назидание.

Естественно, что М. В. Толстой, опиравшийся на доступные в середине XIX века источники и литературу, заимствовал из них данные, некоторые из которых, по мере развития церковно-исторической науки были уточнены. Именно поэтому не изменяя авторского текста, редакция сочла необходимым внести некоторые уточнения и дополнения фактического характера, которые оговариваются. Кроме того, книга снабжена справочным материалом, часть которого подготовлена специально для данного издания и публикуется впервые — это Хронологический список Русских святых и подвижников благочестия IX–XX вв. Даты кончины святых по тексту книги приведены в соответствие с более выверенным “Хронологическим списком.”

История Русской Церкви неотделима от истории Российского государства, народа. Недаром среди святых, прославленных Русской Православной Церковью, — великие благоверные князя Владимир, Александр Невский, Димитрий Донской и многие другие русские государственные люди. Недаром же и в Акафисте преподобному Сергию, игумену Радонежскому и всея России чудотворцу, назван этот святой подвижник “данным России воеводою,” “светозарным светилом в православной Российской державе.” Поэтому и в данном издании читатель найдет сведения по истории русской государственности, жизнеописания великих князей, царей, императоров Российских, историю народных движений.

Предлагаемый том охватывает период с начального времени устройства Русской Православной Церкви и до учреждения Святейшего Синода. Десятилетия открытых гонений на Церковь после 1917 года заставляют нас теперь пристальнее взглянуть в предысторию второй российской смуты и более глубоко оценить целый ряд исторических явлений. Всего этого, конечно, нет в настоящем томе, но может быть восполнено в будущем.

Прориси икон Пресвятой Богородицы и святых выполнены иконописцем священником Вячеславом Савиных.

Примечания

1. [1] Граф Михаил Владимирович Толстой (1812-1896), русский духовный писатель, автор многочисленных книг по истории Русской Церкви: “Патерик Свято-Троицкой Лавры,” “Древние святыни Ростова Великого” (М., 1847), “Русские святыни и древности” (тт. I-III, М., 1861- 1868) и других, сотрудник журналов “Русский Архив,” “Богословский Вестник” и “Чтения Общества любителей истории и древностей.”

Распространение христианства среди славян.

(Глава написан проф. Н. Тальбергом)

Просветителями славян были Святые братья *Кирилл и Мефодий*. Отец их, Лев, занимал должность помощника военачальника в Солуни (Салониках), откуда и сам был родом. По некоторым изысканиям, Лев был славянином, мать их — гречанкой. Задолго до жизни Св. братьев г. Солунь был окружен славянскими племенами, которые — без успеха — пробовали захватить самый город. Близкое соседство греков и славян оказывало на оба племени взаимное влияние. Понятно, что Св. братья могли с детства хорошо знать славянский язык, учитывая в особенности славянское происхождение их отца. В то время — в начале 9 века — в Византии господствовали еще иконоборцы, которые в Солуни занимали и епископскую кафедру. Не страшась возможности потерять свой пост, Лев, с семьей, сохраняли благочестие и истинное благоверие.

В семье с раннего детства выделялся младший сын Константин (род. в 827 г.). Он превосходил своих сверстников в учении, поражал своєю памятью. Особенно прилежно изучал он труды Св. Григория Богослова, но не мог всего постигнуть. Горячо молился отрок о просветлении. В 842 г., после смерти отца, Константин на 15 году был приглашен в Царьград в качестве сверстника к шестилетнему императору Михаилу 3. Ожидалось, что он окажет доброе влияние на отрока-государя. Константину в столице удалось усовершенствоваться в науках, к чему он так стремился.

В это время патриархом был сицилиец родом, ученый монах Св. Мефодий (сконч. 846), пострадавший за Православие и чтимый, как исповедник. Он вместе с опекунами императора стремился поднять общее образование. При дворце была устроена высшая

школа. Константин учился у выдающихся ученых, среди которых были Лев Философ, ранее митр. Солунский, и будущий (с 857 г.) знаменитый патриарх Фотий. С последним Константин особенно сблизился; влияние его сказывалось и в дальнейшей жизни Святого. Константину открывалось блестящее положение при дворе, а также возможность женитьбы на крестнице воспитателя царя, Феоктиста, ученого сановника, выписавшего его из Салоник. Он же назначил Константина библиотекарем Св. Софии. Но все это было ему чуждо. Рукоположенный около 850 г. во священники, он вскоре оставил Царьград и удалился в монастырь на “узком” море (разумеется Мраморное море). Но там ему удалось остаться недолго. Он был возвращен в столицу и назначен учителем философии в придворной школе кесаря Барды. По желанию царя, Константин вступил в прения с низвергнутым патриархом иконоборцем Иоанном Грамматиком, прозванным Ианнием, считавшим себя непобедимым в спорах. Константин оказался победителем.

Около 851 г. Константин Философ был отправлен к сарацинам и — вернее всего в Багдаде — вел прения с тамошними мудрецами. Их более всего интересовали вопросы о Св. Троице и о воплощении Господа Иисуса Христа от Девы Марии. После обнаружившегося в спорах бессилия сарацин произведена была попытка отравить Константина, но Господь охранял его. Эта миссия, расширив знания Константина в области изучения религий и языков (в особенности арабского), явилась подготовкой к главной его апостольской деятельности.

Старший из всех сыновей Льва, Мефодий, отличался сродными брату нравственными качествами. Он обладал величавой наружностью. Царь, зная достоинства Мефодия, назначил его воеводой (князем) Струмской области в Македонии. Состоялось это, по-видимому, около 843 г. Мефодий, прослужив около 10 лет, познал суету мирской жизни и решил искать высшаго удовлетворения в тиши иноческой кельи. Он удалился в обитель на горе Олимп. В местности этой было несколько монастырей. Там подвизался одно время Пр. Феодор Студит. Мефодий предавался молитве и книжным занятиям. К нему присоединился затем брат Константин. Они, подвизаясь аскетически, расширяли вместе свои знания. По воле Божией Св. братья готовяли себя к будущей просветительной работе.

Когда они пребывали в обители, к имп. Михаилу явились послы от хазар. Племя это, уралочудского происхождения, обитало с III-IV в. по берегам Каспийского моря вблизи устья Волги. В это время хазары распространяли свою власть до Днепра и даже доходили до Оки. Они были язычниками, мусульманами и, в меньшем числе, евреями и христианами. В конце 8 века усилилась среди них иудейская религия, которую исповедывали знатные вельможи и “каганы” (князья). Хазары издавна поддерживали дружеские отношения с Византией. Теперь — в 858 г. — они просили прислать исповедников византийской веры, которые могли бы состязаться с евреями и сарацинами. Император отправил в эту миссию Константина, поручив ему взять с собой Мефодия. По пути Св. братья пол года прожили в тогдашнем греческом Крыму — Херсонесе (Корсуни). Константин основательно постиг еврейский язык, читал самарянские книги. Нашел он Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами. Св. Братьями были обретыены мощи Св. Климента, папы Римского (третий епископ Рима, сосланный на работы в каменоломнях нынешнего Инкермана и утопленный в море ок. 100 г.). В хазарской земле Св. братья исповедывали превосходство христианства и крестили до 200 человек. Миссия их продолжалась три года. По возвращении в Царьград, Константин остался при церкви Св. Апостолов. Мефодий, отказавшись от предложенного ему епископства, стал игуменом Полихрониева монастыря, не имея священного сана, что тогда иногда допускалось. Во время хазарской миссии, относимой к 858 г., патриархом был Фотий.

В конце 862 г. моравский князь Ростислав отправил послов к имп. Михаилу. Он указывал, что народ его принял христианство, но никто не разъяснил ему веру на понятном языке. Он просил прислать учителя, который просвещал бы моравов на славянском языке. Вы-

бор царя и патр. Фотия остановился на Св. братьях. Михаил III в беседе с ними подчеркивал знание ими, как солунянами, славянского языка. Они перед отездом составили славянскую азбуку. Предполагается, что основой Кирилло-Мефодиевского переводного языка была обработанная разговорная речь византийских славян, дополненная фракийско-македонским говором и особенностями моравско-паннонскими.

К этому времени Моравия входила в состав империи Карла Великого, который первым позаботился об ее крещении. По его желанию, еп. Зальцбургский, в юрисдикции которого значилась Моравия, и еп. Пассауский отправили туда миссионеров. Но богослужения и проповеди на немецком языке были непонятны населению. Князь Ростислав, хотя и посаженный на престол внуком Карла Великого, королем Людовиком Немецким, сочувствовал национализму народа и с переменным успехом боролся с чужеродной властью. В 855 г. он отложился от германского императора. Поэтому Ростислава устраивала миссионерская деятельность, направленная не из католического запада, а из Византии.

Св. братья прибыли в Моравию весной 863 г. Они привезли с собою, кроме азбуки, часть переводов Св. Писания и богослужебных книг. Обосновавшись в *Велеграде* (Девине), они продолжали эту работу, установили богослужение на славянском языке, создали школы и поучали народ. Последний с радостью внимал их проповеди. Появление греческих проповедников в земле, считаемой немцами своей, не нравилось германским епископам и папе. Именно в это время очень обострились отношения папы Николая I с патр. Фотием. Последовало приказание папы Св. братьям прибыть в Рим. Пробыв в Моравии три года, они пустились в путь. По пути они задержались в Паннонии. Тамошний князь Коцел, племянник князя Ростислава, учился у них по славянским книгам. Оттуда с ними отправились в Рим 50 учеников в дополнение к тем, которых они взяли с собой из Моравии. В Венеции Св. братья встретились с враждебным к ним отношением западного духовенства. Последнее, ссылаясь на Пилатовы надписи на Кресте Христовом, признавало церковными языками только греческий, латинский и еврейский. Пришлось вести с ними прения, подобные тем, которые имели иногда место и в Моравии.

Прибыв в Рим в конце 867 г. они не застали в живых папу Николая I (ум. 867). Новый папа *Адриан II*, более мягкий, с почетом встретил их, привезших мощи Св. Климента, которые были положены в церкви его имени. В Риме, с одной стороны, были довольны успехами христианства в Моравии, с другой же стороны, не одобряли широкого введения славянского языка в богослужения. Вообще, при изучении отношения пап к деятельности Св. братьев в славянских землях, надо учитывать общую политику Рима. Перемены относительно их миссионерской работы зависели от того, каковы в то или иное время были отношения Рима с Византией, к которой церковно тяготела Болгария, а также от того, кого из наследников Карла Великого в данный момент поддерживали папы. Когда Св. братья прибыли в Рим, в Царьграде царствовал Василий Македонянин, патриарх же Фотий, столь ненавистный Риму, был заменен Игнатием. Последний был настроен к Риму примирительно. Болгарский вопрос находился в стадии рассмотрения. Папа в это время поддерживал западных Каролингов и ему важно было доброжелательство моравского князя, враждовавшего с восточно-немецкими Каролингами.

Папа Адриан проявил доброжелательность к Св. братьям. Привезенные ими ученики славяне были поставлены в диаконы и в священники. Тогда же, по-видимому, Мефодий стал иеромонахом. Папа и его совет, выслушав доводы Константина, утвердили введенные им в славянских странах порядки. Последовало разрешение совершать канонические часы и божественные службы на славянском языке. Константин вскоре заболел и, приняв за 50 дней до смерти схиму с именем *Кирилла*, преставился 14 февраля 869 г. Он был торжественно погребен. Мефодий, ссылаясь на завещание матери, просил о разрешении похоро-

нить брата на родине. Папа сначала согласился, затем же по настоянию ближайших советников отказал, предложив в виде особого исключения погребсти Св. Кирилла в храме Св. Петра. Тогда Мефодий просил и получил разрешение погребсти брата в церкви Св. Климента в Риме.

Вскоре после смерти брата **Мефодий**, посвященный во епископа Моравии и Паннонии был отправлен папой в последнюю страну. Об этом просил князь Коцел. К этому времени Болгария церковно подчинилась Византии. В Моравии же воцарился Святополк, выдавший дядю своего, Ростислава, немцам и в те годы друживший с ними. Папе важно было привлечь на свою сторону князя Паннонии и моравский народ. В грамотах к моравским и паннонским князьям папа Адриан сообщал о разрешении применять славянский язык в богослужении с тем только, чтобы на литургии Евангелие и Апостол читались сначала по-латыни, а потом по-славянски. Мефодий поселился в г. Мосбурге у Блатенского озера, и сначала работа его в Паннонии развивалась успешно. Но вскоре яростную кампанию против него повел Зальцбургский епископ, считавший Паннонию в своей юрисдикции. По его распоряжению Мефодий был схвачен и в начале 871 г. заточен в Швабии. Там он просидел два с половиной года. Только тогда опять по причине общей политики новый папа Иоан VIII (с. 872) решился заступиться за него. Он доказывал Зальцбургскому епископу правоту Мефодия и то, что Паннония, как часть Иллирии, находится в непосредственной юрисдикции Рима. Мефодий был освобожден в конце 873 года или в начале 874 года. В 874 г. он был уже в Моравии и вновь поселился в Велеграде.

Миссионерская работа его не ограничивалась Моравией. Она распространялась на Краковскую Польшу, частично подчиненную Святополку, и на Чехию. Семена его попадали в Словакию, в Прикарпатскую Русь (Угорскую и Червонную), а через Паннонию — в Сербию, в Словению. Немецкие епископы продолжали борьбу с Мефодием, находя поддержку у коварного кн. Святополка. Они донесли папе, что Мефодий не исповедует католическое учение о происхождении Духа Святого и от Сына, а также не признает папской власти, отчего и устанавливает славянскую службу. В 879 г. папа вызвал Мефодия в Рим. По выслушании его перед лицом епископов, папа Иоанн сообщил Святополку, что архиепископ моравской Церкви признан “православным во всех церковных учениях” и он возвращает его в Моравию. Наряду с этим был поставлен викарным епископом в г. Нитру пресвитер немец Вихинг, присланный Святополком и не сочувствовавший Мефодию.

По возвращении в Велеград, Мефодий ощутил тяжесть положения. Против него был князь, еп. Вихинг и прочие немцы. Чувствуя приближение кончины, Святитель усилил работу по переводу священных книг. Он имел уже подготовленных “споспешников.” Святыми братьями были переведены все книги Священного Писания, кроме Маккавейских, Номоканон, Патерик, Часослов, Служебник, избранные чтения Нового Завета, Паремейник, Чины таинств и др. В 882 г. архиепископ Мефодий ездил в Царьград к царю Василию Македонянину. Патриархом в то время был снова Фотий. Преставился Святитель Мефодий в Велеграде 6 апреля 885 г., назначив своим преемником Горазда моравлянина, почитаемого народом.

Сразу после его кончины еп. Вихингом при полной поддержке Святополка воздвигнуты были гонения против учеников Св. Мефодия. Новый папа Стефан V (с 885) был тоже противником святого дела. Не получив еще сведений о кончине Св. Мефодия, папа писал Святополку: “Мы весьма удивились, что Мефодий предан лжеучению, а не назиданию, вражде, а не миру, и если это так, как мы слышали, то лжеучение его мы совершенно отвергаем.” Ученики Святителя — Горазд, Климент и Наум — подверглись заточениям, издевательствам и вместе с 200 священниками были изгнаны из Моравии в 886 г. Положение православия улучшилось в Моравии при внуке Святополка, Моймире II. Папой был тогда — с

898 г. — Иоанн IX, враждовавший с немцами и нуждавшийся в поддержке славян. Но в 907 г. окончилось бытие Моравии, разделенной между богемцами (чехами) и венграми.

В **Болгарии** ученики Св. Мефодия приняты были с большою радостью. Царь Борис-Михаил, крещением своим в 864 г, способствовавши насаждению христианства в стране, был учеником Св. Мефодия. В 866 г. по соображениям политическим он просил Рим прислать в Болгарию способных учителей веры, что и было исполнено. Но в 870 г. он окончательно примкнул к восточному Православию. Борис желал иметь национальную Церковь, а не зависимую от Византии. Приход учеников Св. Мефодия был ему особенно важен. Св. Климент, с помощью Св. Горазда, Св. Наума (основателя известного монастыря на Охридском озере) и др. учеников Св. Мефодия развил широкую просветительную деятельность на славянском языке. Св. Климент, объезжая страну, понятно для народа проповедывал слово Божие, разъяснял заповеди и догматы. Св. Князь Борис удалился в 893 г. в монастырь, где скончался в 907 г. При втором сыне его Симеоне, правившем по воле отца с 896 г., Св. Климент был поставлен в 899 г. епископом. Св. Климент, подготовив достойных людей, поставил многочисленных священников, диаконов, чтецов. Царь Симеон (†927) известен и тем, что в 907 г. прекратил церковную зависимость от Царьграда и объявил Доростольского митрополита Леонтия патриархом болгарской Церкви. Это был золотой век православной национальной культуры Болгарии. Позднее последняя политически и культурно подпала под власть Византии. Эта просвещенная православная страна имела большое значение для зарождавшегося христианства на Руси.

Из Моравии христианство перешло **Богемию** (Чехию). Распространению его способствовал брак (871) кн. Святополка с богемской княжной. В 874 г. богемский князь Боривой и его супруга Людмила крещены были в Велеграде Св. Мефодием. Святитель лично трудился в Чехии. В Праге воздвигнуты были церкви Св. Климента и Св. Георгия. После кончины Боривоя (894) Чехия в лице **Св. Людмилы** (†928) и воспитанного ею в знании славянской письменности внука **Св. Вячеслава** имела двух преданных Православию членов династии. Оба они прияли мученическую смерть от родственников. Св. Вячеслав был убит в 935 г. братом Болеславом, главой языческой партии. Последний старался истреблять христиан, пока германский император Оттон I силою оружия не принудил его в 950 г. оставить их в покое. При кн. Болеславе II Благочестивом христианство восторжествовало, но как католическое. В 967 г. в Праге учреждена была католическая епископия. Саксонский славянин Дитмар, знавший славянский и латинский языки, поставлен был епископом. Народ некоторое время боролся за Православие. Но в 1097 г. разгромлен был последний оплот Православия — Сазанская обитель. С этого времени православная вера сохранилась только в народных глубинах.

В древней **Польше** было время, когда богослужение совершалось на славянском языке и по восточному обряду. Часть Польши входила в обширную епархию Св. Мефодия. В 965-6 г. г. польский князь Мечислав женился на христианке Дамбровке, дочери Болеслава I чешского, и крестился. Позднее же, женившись на княжне католичке, он признал власть папы. В церквях славянское богослужение было заменено латинским. В 1025 г. король Мечислав II изгнал из Польши священников и монахов восточного обряда.

Для России было особенно важно, что великое дело Святых Кирилла и Мефодия закрепилось и развилось в самой близкой к ней Болгарии, передавшей ей православную славянскую культуру.

1. Появление христианства на Руси.

Св. кн. Владимир.

“Духовное возрождение целого народа, как и одного человека, совершается не одинаково, — говорит недавно почивший знаменитый архипастырь [1], — в одном народе оно совершается ранее, в другом — позднее, в одном — быстро, в другом — медленно.”

Преподобный Нестор повествует, что апостол Андрей из Синопы через Корсунь, или Херсон, доходил берегом Днепра до Киевских гор, благословил их и водрузил там крест, сказав: “На сих горах воссияет благодать Божия.” Оттуда он отправился на север, до берегов Волхова и озера Ильмень, а оттуда — в Рим [2]. Но в летописи Нестора не упомянуто, чтобы путешествие Первозванного Апостола оставило по себе следы на почве Киевской Руси.

Известия о частных обращениях жителей южной Руси к христианству начинаются с IV века. Блаженный Иероним писал: “Гунны изучают псалтирь; хладная Скифия согревается огнем веры истинной; войска рыжих и белокурых гетов и даков носят за собою походные храмы.” Из этих слов видно, что под именем холодной Скифии нужно разуметь ту, которая простиралась от левого берега Дуная до Дона, где, по свидетельству древних, еще с I века по Р. Х. обитали славяне. У гетов, или готфов, живших в нынешней Бессарабии вместе со славянами, еще при Константине Великом [3] образовалась епархия.

О распространении веры между готфами и скифами более всех заботился святой Иоанн Златоуст. Он посылал миссионеров к скифам, жившим за Дунаем, и для готфов посвятил епископа Ульфилу. Но гунны, авары и болгары — одни за другими — опустошали Скифию, и христианство, еще слабое между скифами, искоренялось войною или гонением язычества.

На севере Русской земли, где славяне, жившие при впадении Волхова в озеро Ильмень, призвали к себе на княжение Рюрика с братьями (около 862 года), почти не было слухов о христианстве. Двое из сподвижников Рюрика, Аскольд и Дир, отправились из Новгорода искать счастья в Царьград. На берегу Днепра они увидели городок и завладели им; это был Киев. Отсюда в 866 году они предприняли поход к Царьграду с языческой дружиной на 200 вооруженных судах, открыли себе путь в Черное море и в самый Босфор Фракийский (Константинопольский пролив), опустошили берега Пропонтиды (Мраморного моря) и заставили трепетать столицу империи. Блаженный Патриарх Фотий, столько заботившийся о просвещении славян, вынес из Влахернского храма ризу Богоматери и погрузил ее в море, тихое и спокойное. Вдруг оно закипело бурей и разбило суда руссов [4]. Аскольд и Дир, объятые страхом, уверовали во Христа. Повествуют, что по возвращении с остатками флота в Киев Аскольд принял на вече народном епископа, присланного от Патриарха Фотия. Стали рассуждать о вере своей и христианской и спросили епископа: чему он хочет учить их? Епископ открыл Евангелие и стал говорить им о Спасителе мира и земной Его жизни, говорил и о разных чудесах, совершенных Богом в Ветхом Завете. Руссы, слушая проповедника, сказали: “Если и мы не увидим чего-нибудь подобного тому, что случилось с тремя отроками в печи, мы не хотим верить.” Служитель Божий не поколебался; он смело отвечал им: мы ничтожны перед Богом, но скажите, чего хотите вы? Они просили, чтобы брошено было в огонь Евангелие, и обещали обратиться к христианскому Богу, если оно останется невредимым. Тогда епископ воззвал: “Господи! Прослави имя Твое перед сим народом,” — и положил книгу в огонь. Евангелие не сгорело. Видя это, князя и многие язычники, пораженные чудом, приняли крещение [5].

Спустя 15 лет, Олег, принявший на себя правление в Новгороде по смерти Рюрика и в малолетство сына его Игоря, предпринял поход на юг. Оставив позади войско, он прибыл на ладьях к Киеву, вызвал к себе обманом Аскольда и Дира и умертвил их. Местность и удобство Киева пленили Олега; он сказал: “Да будет он матерью городов русских”; и поселился на берегах Днепра. Оттуда с огромной ратью, собранной из всех подвластных ему племен, на легких судах он пустился к югу и осаждал Константинополь. Греки откупились от него деньгами. При язычнике Олеге христианство могло скорее ослабеть, нежели усилиться в Киеве; однако и он, хотя без намерения, знакомил руссов с верой Евангельской. Когда послы его были в Царьграде для заключения мира, им показали “страсти Господни, терновый венец, гвозди и хламиду багряную” и мощи святых и учили их христианской вере. Возвратясь в Киев, они рассказали землякам, что видели и слышали.

При Игоре вера Христова имела более покоя и свободы в Киеве. В договоре, заключенном им с греками, упоминается о том, что руссы крещенные будут присягать в соборной церкви святого Илии в Киеве и целовать крест. Таким образом, христиан между руссами уже было столько, что надобно было упоминать о них в договоре, и в Киеве был соборный храм, что может указывать на существование и других храмов.

Но еще ярче воссиял свет Евангелия в России по смерти Игоря. Игорь был женат еще при жизни правителя Олега. Жена его, природная славянка [6], родившаяся близ Пскова или лучше сказать, в той стороне, где после основался Псков, называлась Прекрасною, а при браке переименована Ольгою.

По смерти мужа, убитого возмущившимися древлянами (в 946 году), и в малолетство сына Святослава, который остался сиротой на пятом году, Ольга правила Русской землей, как Любуша у чехов и Драгомира в Богемии. Она наказала и усмирила древлян, обложив их тяжелой данью, учредила в Новгородской земле погосты и оброки. При ней в Киеве было много христиан. Одаренная светлым, проницательным умом Ольга видела непорочную жизнь христиан и понимала, что язычество не могло воспитать таких людей; беседы с учителями христианскими (один из них сопровождал ее в Царьград) открыли ей небесную чистоту и высоту учения Христова. Она решила креститься, и чтобы вернее ознакомиться с христианством, отправилась сама в Константинополь в 957 году. Там пробыла она около трех месяцев и хотя сначала была принята очень холодно и должна была долго простоять на пристани, но потом пользовалась вниманием императора и наставлениями Патриарха Полиевкта, знаменитого по святости жизни и по высокой образованности. Патриарх сам крестил Ольгу, нарек ее Еленой и сказал ей: “Возлюбив свет и отвергнув тьму, благословенна ты между женами Русскими; благословлять тебя будут сыны Русские до последнего рода” [7].

Возвратясь в Киев, она заботилась о распространении христианства, но не могла обратить сына своего Святослава.

Он не только не обнаруживал расположения к истинной вере, но, исключительно занятый мечтами о власти и славе, не раз выражал гнев свой на предложения матери.

Блаженная княгиня после крещения своего прожила еще 12 лет и успела посеять первые семена веры в юном внуке Владимире и его братьях. Пользуясь частыми отсутствиями войнолюбивого сына, она посетила свою родину. Там, обозревая местность нынешнего Пскова и стоя на берегу реки Великой, где тогда был густой лес и многие дубравы, она увидела три светящихся луча, как бы падающие с неба на крутое возвышение противоположного берега. Равноапостольная княгиня водрузила крест на этом месте [8] и предрекла, что здесь будет храм Святой Троицы и воздвигнется великий и славный город [9].

Тогда как святая мать подвизалась для счастья своей Родины, сын ее Святослав, русская по чужим землям, едва не потерял своей: стесненные печенегами, беспомощные

киевляне доведены были до того, что готовы были передать город врагам. Возвращаясь поспешно в Киев, Святослав прогнал печенегов, но снова спешил за Дунай, тогда как мать его лежала на одре смертном. Благоверная Ольга сказала со скорбью сыну: “Погреби меня и тогда иди, куда хочешь.” Спустя три дня, 11 июля 969 года, святая Ольга скончалась; она завещала не совершать над ней языческой тризны и не насыпать кургана языческого, а послала деньги на поминавание Патриарху, и духовник ее совершил над ней погребальное пение. Церковь называет святую Ольгу “денницей спасения земли Русской, равноапостольною и единоревнительницею апостолам” [10], а преподобный Нестор говорит о ней: “Она предтекла христианству в земле нашей, как зарница пред солнцем, как утренняя заря пред светом полуденным; как луна в ночи, так светила она между людьми неверными. Она и по смерти молит Бога за Русь. Ее славят все сыны Русские, видя ее лежащую в теле много лет.”

Эти прекрасные слова летописца доказывают, что в его время Церковь уже чтит Ольгу между святыми, и мощи ее почивали открыто. Другой летописец [11] говорит, что святая Ольга почил в гробе, как спящая, в десятинной церкви Богородицы, куда перенес мощи ее святой князь Владимир при митрополите Леонтии.

После Святослава, который жил и умер упорным язычником, наступили междоусобия между тремя сыновьями его. Младший из них, Владимир, рожденный от наложницы Малуши, Ольгиной ключницы, с восьмилетнего возраста был отправлен Святославом в Новгород под присмотром дяди, Добрыни Любчанина, который, как грубый язычник, давал полную волю страстям своего воспитанника. По смерти отца Владимир с Добрыней завладел Киевом посредством измены, велел умертвить старшего брата своего Ярополка, взял себе насильно невесту его Рогнеду, княжну Полоцкую, и беременную жену его, гречанку. Сделавшись единовластителем Русской земли, Владимир проводил свою молодость в необузданном сластолюбии: кроме пяти жен, у него было в разных местах до 800 наложниц. Он отличался также страстью к войне и отдаленным походам.

В 983 году Владимир ходил на ятвягов и покорил землю их (в нынешней Гродненской губернии). Возвратясь в Киев, он совершал жертвоприношения идолам. Старшины и бояре сказали ему: “Бросим жребий на отрока или девицу; на кого падет, того и принесем богам.”

Жребий пал на юного Иоанна, сына одного варяга-христианина по имени Феодора, жившего в Киеве. Посланные сказали отцу: “Отдай сына богам; они выбрали его себе в жертву.” Феодор отвечал: “Ваши боги — истуканы, сотворенные руками человеческими. Един Бог, которому поклоняются греки, сотворил небо и землю. Не дам сына моего вам.” Услышав этот ответ, киевляне сбежались и разломали двор варяга. Он стоял с сыном на сених. Ему кричали: “Поддай сына твоего!” Он отвечал: “Пусть боги ваши сами придут и возьмут его.” Язычники подрубили сени под ними и умертвили обоих [12].

Но приближалось уже время общего просвещения земли Русской: ужасное братоубийство, сластолюбие грубое не могли не тяготить совести Владимира. Он думал облегчить душу тем, что ставил новых кумиров на берегах Днепра и Волхова, украшал их серебром и золотом, приносил тучные жертвы перед ними. Но все это, как чувствовал он, не доставляло покоя душе — душа искала света и мира. Владимир чувствовал тревогу, движения и сомнения в душе. Он стал припоминать свое детство и наставления блаженной бабки своей Ольги. К великому князю, недовольному старой верой, явились проповедники новых вер. Первыми явились послы из восточной Болгарии, мусульмане. Описание магометова рая, населенного прекрасными гуриями, понравилось сластолюбивому князю, но обрезание казалось ему мерзостью, а запрещение пить (крепкие напитки) — несовмести-

мым с обычаями Руси. После немецкие паписты говорили о величии невидимого Бога и о ничтожности идолов; но князь знал папскую политику и отвечал им:

“Идите обратно, отцы наши не принимали веры от папы.” Выслушав проповедь иудеев хозарских, Владимир спросил: “А где ваше отечество?” “В Иерусалиме, — отвечали они, — но Бог разгневался на отцов наших и расточил их по чужим странам.” “И вы, отвергнутые Богом, — сказал им Владимир, — еще приходите учить других? Или хотите, чтобы и мы лишились своего отечества?” Наконец выслушан был философ, инок греческий. Показав несправедливость других вер, он представил историю Ветхого и Нового Завета и в заключение развернул картину страшного суда. “Добро стоящим одесную, — сказал Владимир, — и горе грешным на левой стороне.” — “Крестись, — и будешь в раю с праведными,” — отвечал ему инок. Отпустив последнего проповедника с уважением и дарами, Владимир созвал бояр и старшин на совет об избрании новой веры; решено было отправить послов в разные страны и рассмотреть каждую веру на месте. Послы побывали у болгар восточных, потом у немцев и, наконец, прибыли к грекам. Императоры Василий и Константин, узнав причину прибытия Русских выборных, известили о том Патриарха, и Патриарх в присутствии послов совершил торжественную службу. Великолепие храма Софийского, множество духовенства в богатых облачениях, стройное пение клира привели Русских в восторг. Они думали, что стоят на небе, а не на земле. Возвратясь в Киев, они с восхищением говорили о вере греческой. “Если бы греческий закон не был лучше всех других, — сказали великому князю бояре и старцы, — то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая из людей.” Владимир решился принять крещение, но не хотел унижаться перед греками и положил завоевать себе веру.

Через год после совещания о вере Владимир пошел с войском к Корсуню [13] и, взяв его, требовал себе от двора Константинопольского руки царевны Анны, сестры императора. Ему отвечали: “Пусть примет святую веру.” — “Я давно испытал и полюбил закон христианский,” сказал Владимир. Но прежде, чем невеста его прибыла в Корсунь, с языческим князем случилось то же, что было некогда с Савлом: он ослеп. Прибывшая царевна советовала ему не медлить с крещением, как верным средством к исцелению. Когда епископ возложил руку на выходящего из купели князя, Владимир, в крещении Василий, прозрел и душевно и телесно и в восторге воскликнул: “Теперь я увидел Бога истинного” [14]. По крещении Владимир вступил в брак с царевной и отдал Корсунь грекам, а сам возвратился в Киев новым человеком с памятниками боевой и христианской славы [15].

Равноапостольный князь искал лучшей веры не для себя одного, но для всего своего народа. Прежде всего, крестились в Киеве сыновья его. Потом уничтожены были идолы; главного из них, Перуна, Владимир велел привязать к хвосту конскому, стащить с горы и бросить в Днепр; суеверный народ плакал из сожаления к старине своей и долго следовал по берегу за уплывавшим истуканом [16]. Тогда же князь велел объявить, чтобы на другой день все жители Киева, не исключая женщин и детей, собрались на берег Днепра для принятия Крещения, под опасением немилости князя за ослушание.

Киевляне давно уже знали греческую веру, знали и решимость князя и бояр переменивать веру и охотно шли креститься. Необозримые толпы людей, старцы и юноши, матери с младенцами покрыли берег реки. Туда явился и Владимир с собором духовенства. Народ взошел в Почайну, взрослые держали на руках младенцев, священники с берега читали молитвы. Владимир, объятый небесным восторгом, молился Господу и поручал ему себя и народ свой. “В этот день небо и земля ликовали,” — говорит летописец.

Святой Владимир не ограничился просвещением престольного своего города, оспешил с распространением святой веры и во всех других городах, больших и малых, — причем первым деятелем был святой Михаил, первый митрополит Киевский и всея Руси.

После Киева был просвещен святой верой второй из славных городов Русских — Новгород Великий. Но здесь перемена веры обошлась не без сопротивления: нужно было укрощать возмущение силою [17]. После того благовестие веры Христовой принесено было в область Ростовскую. Там, как и в Новгороде, ревностные благовестники крестили много людей, поставили церкви и священников, но еще не искоренили полностью язычества.

В прочие города Владимир отправил сыновей своих и с ними священников для водворения веры Евангельской; в то же время он распространял и просвещение: в Киеве открыто было училище, богослужebные и учительные книги получены были из южной Болгарии. Храмы строились преимущественно на тех местах, где прежде стояли идолы. Особенная заботливость святого князя обращена была на построенный им в Киеве храм Богородицы, прозванный Десятинным, потому что в пользу его блаженный храмоздатель назначил десятую часть из своих доходов.

Нравственная жизнь Владимира совершенно изменилась после благодатного решения. Довольствуясь одной женой (царевной), с которой сочетался браком по закону христианскому, он отпустил от себя всех прочих жен и наложниц, а Рогнеде послал сказать: “Я теперь христианин и должен иметь одну жену; ты же если хочешь, выбери себе мужа между боярами.” Рогнеда отвечала: “Я природная княжна. Ужели, тебе одному дорого царство небесное? И я хочу быть невестой Христовою” [18].

Повествователь почти современный [19], говорит, что Владимир глубоко скорбел о прежней нечистой жизни и говорил: “Господи! Был я, как зверь, жил я по-скотски, но Ты укротил меня. Слава Тебе, Боже!”

Владимир-христианин заботился о внутреннем благоденствии своих владений, которые прежде распространял мечом. Он не поднимал оружия на соседей, но жил с ними мирно. Только дикие печенеги вынуждали его воевать с ними. Желая скрепить мир с Польшей родственным союзом, святой Владимир женил сына своего (а, может быть, и племянника [20]) Святополка на дочери короля Болеслава.

Но вместе с Польской королевной прибыл бискуп Рейнеберг, пустил в ход римские происки и расположил Святополка к папизму и восстанию против великого князя. Владимир заключил Святополка в темницу вместе с женою и бискупом [21].

Жестокий и мстительный в язычестве Владимир-христианин сделался образцом кротости и любви к ближнему; он не хотел наказывать даже и преступников. Епископы представили ему, что злодейства умножились и строгие меры правосудия необходимы. Послушав их, он стал наказывать преступников, но весьма осторожно и без жестокости. Бедным и нуждающимся отворен был вход к нему: он щедро раздавал им пищу, одежду, деньги; покоил странников, выкупал должников, невольникам и пленным возвращал свободу. Видя, что больные не в силах придти к нему за помощью, он приказал развозить по улицам мясо, рыбу, хлеб, овощи, квас и мед. В праздничные дни всегда были у него три трапезы: первая — для митрополита с епископами, иноками и священниками, вторая — для нищих; третья — для самого князя с боярами и дружиной. Такова была христианская жизнь приснопамятного крестителя земли Русской!

Святой равноапостольный князь Владимир преставился в старости [22] 15 июля 1015 года и погребен в созданной им Десятинной церкви, рядом с гробницей супруги его Анны, скончавшейся за 4 года до него. Церковь уже чтит память его при сыне его Ярославе. Митрополит Иларион называет его вторым Константином апостолом Русской земли и, обращаясь к нему, говорит: “За благие дела получив ныне возмездие на небеси, блага, уготованные от Бога любящим его, и насыщаясь сладким Его лицезрением, помолись Господу о земле твоей и о людях, над которыми ты благоверно владычествовал” [23]. Но мощи святого Владимира не были открыты и прославлены [24]. Они покоились в мраморном гробе,

который при нашествии татар был скрыт в земле под развалинами Десятинной церкви и обретен в 1635 году [25]. Святая Церковь, празднуя память равноапостольного князя, воспевает: “Радуйся, слава России! Радуйся, правитель верных; радуйся, божественней Владимир, первоначальник наш; радуйся, забрало веры; радуйся, притекающих пристанище тихое; радуйся, камень веры и молебник о поющих и величающих тебя верно” [26].

Немедленно по кончине Владимира Святополк, как старший в семье княжеской, сел на престол и спешил задобрить киевлян ласками и подарками; но они знали, каков он, и не доверяли ему; к тому же братья его были в походе против Печенегов с князем Борисом. Чтобы вернее сохранить власть, Святополк решился умертвить двух любимых сыновей Владимира [27], Бориса и Глеба.

Святые князья Борис и Глеб — прекрасные весенние цветы новопросвещенной Русской земли, ранние и яркие звезды на христианском небосклоне России.

Рожденные от матери христианки и оставаясь по малолетству еще довольно долго при отце своем, тогда как прочие братья [28] отправлены были на уделы, они росли и развивались в благочестии, не тронутые заразой язычества. Они оба, как и праведный отец их, любили назидательное чтение. Борис (в крещении Роман) научен был грамоте, прилежно читал книги, особенно же подвиги и жития святых; а Глеб (в крещении Давид), младший брат, слушал с полным вниманием и наслаждением. Читая о страдании мучеников, святой Борис обливался слезами и молился: “Господи Иисусе Христе! Удостой меня участвовать в святом произволении святых Твоих; научи меня идти по их следам. Молю сердце мое, чтобы оно знало Тебя и Твои заповеди; даруй мне дар, какой даровал Ты угодникам Твоим” [29]. Борис и Глеб горячо любили отца своего, любили друг друга и были всегда неразлучны в детстве. И отец преимущественно любил их, видя на них благодать Божию, и назначил им соседственные уделы, Борису — Ростов, а Глебу — Муром. Прибыв в свои уделы, они делали все, что могли, для распространения святой веры и отличались правосудием, кротостью, смирением и милосердием к бедным.

Вызванный из Ростова отцом, состарившимся и больным, Борис был отправлен против печенегов и, возвращаясь после напрасной погони, на берегу реки Альты, близ южного Переяславля, узнал о смерти блаженного родителя. Это известие поразило его тяжелой скорбью: он горько плакал, говоря: “Свет очей моих, не буду уже я наслаждаться благим учением и мудростью твоей!” Окружавшие его предлагали ему выгнать Святополка и возвести его на великое княжение. “Нет, — отвечал святой Борис, — не подниму я руки на брата старейшего; умер отец мой, пусть он будет мне вместо отца.” Он распустил войско и собирався в Киев, куда звал его Святополк, обещая ему лучший удел.

Был вечер субботы, 24 июля 1015 года. Борису дали знать, что к нему подосланы убийцы. Он велел священнику петь утреню, сам читал шестопсалмие и канон. Окончилась утренняя; он стоял еще перед иконой и молился: “Господи! Ты пострадал за грехи наши; удостой и меня пострадать за Тебя. Умираю не от врагов, а от брата; не поставь ему того во грех.” Затем, причастившись Святых Тайн и простясь со всеми, покойно лег в постель. Убийцы, как звери, ворвались в шатер, пронзили Бориса копьями и, думая, что он умер, вышли вон. Но раны не были смертельны; страдалец опомнился и вышел из шатра. Один из злодеев ударил его копьем в сердце. Тело святого Бориса тайно привезли в Вышгород и схоронили при церкви святого Василия.

Святополку мало было смерти Борисовой. Он послал к Глебу гонца: “Иди скорее, — отец тяжело болен и зовет тебя.” Глеб поспешил в Киев. Он был близ Смоленска, плывя на ладьях по реке Смядыне, когда старший брат Ярослав, княживший в Новгороде, прислал сказать ему, что отец умер, а брат Борис убит Святополком. Глеб оплакал смерть отца и еще более горевал о брате, которого нежно любил. “Не услышу я более кротких наставле-

ний твоих, брат мой любимый. Если получил ты милости у Господа, моли Его, чтобы и я пострадал, как ты; лучше быть мне с тобой, чем в этом злом мире.” Так говорил плачущий юноша, рано постигнув суету временной жизни. Скоро встретили его убийцы, посланные Святополком. Спутники Глеба увидели их и схватились за оружие, чтобы защитить любимого князя. Глеб сказал им: “Братцы, если мы не будем драться с ними, они возьмут меня и поведут к брату; если же вступим в бой, они всех нас убьют. Плывайте к берегу, а я останусь на середине реки.” Убийцы, приблизившись к лодке святого князя, схватились за оружие. Напрасно Глеб говорил им, что ни в чем не виноват перед братом: злодеи заставили повара Глебова, родом из Торков, зарезать своего господина, вынесли тело князя из лодки и бросили между колодами в глухом лесу [30].

За смертью святых страстотерпцев последовало кровавое волнение во всей России. Святополк убил еще и брата Святослава, княжившего в земле Древлянской, и вступил в отчаянную борьбу с Ярославом. То с дикими печенегами, то с поляками четыре года сряду обаграл он свою Родину кровью. Наконец, он встретился с Ярославом в 1019 году на берегах реки Альты, на месте страшного братоубийства. Ярослав молился и сказал: “Кровь невинного брата моего вопиет к Всевышнему!” Три раза возобновлялась битва упорная и жестокая; подобной, по словам летописца, не бывало еще на земле Русской. Наконец Святополк обратился в бегство. Терзаемый тоской, гонимый небесным гневом, беспрестанно слыша за собой мнимую погоню, изверг бежал через Польшу в пустыни Богемские и там кончил гнусную жизнь свою, заслужив проклятие современников и прозвание “окаянного.” Заняв престол Киевский, Ярослав прежде всего захотел отдать последний долг страдальцам-братьям. Скоро он узнал о месте погребения святого Бориса, но целый год искал напрасно останки святого Глеба. Только в 1020 году тело его было случайно найдено в лесу звероловами, перевезено в Вышгород и погребено подле святого Бориса. Тело святого Глеба, лежавшее пять лет на открытом воздухе, нимало не повредилось от перемен погоды; ни птицы, ни звери плотоядные не коснулись его; оно было белым и нетленным, как живое. Скоро у могилы мучеников начали совершаться знамения и чудеса. Великий князь Ярослав по совещании с митрополитом Иоанном решился открыть мощи новоявленных мучеников, прославленные нетлением и даром чудотворений. С благоговейной радостью перенесли святые мощи в часовню, поставленную на месте церкви святого Василия, которая незадолго перед тем сгорела. Решились соорудить новую церковь и установить праздник в честь мучеников. Лес приготовили зимой, ко дню кончины святого Бориса построили церковь и поставили в ней икону святых князей. 24 июля 1021 [31] года храм был освящен митрополитом Иоанном в присутствии великого князя и при многочисленном стечении народа. Во время литургии хромой, ползавший у раки святых, встал и начал ходить на виду у всех. Митрополит поставил открыто на правой стороне церкви мощи первых Русских чудотворцев и установил ежегодно праздновать память их в этот день. В 1072 году храм, сооруженный Ярославом, обветшал, и сын его Изяслав построил новый храм. При торжественном перенесении святых мощей из старой церкви в новую мощи святого Бориса были несены князьями, а каменную раку святого Глеба везли на санях. Тогда же совершилось несколько чудес, и положено праздновать каждый год 2 мая перенесение мощей святых страстотерпцев.

“Приидите, восхвалим чудотворцев и мучеников: пострадав законно, они победили врага и ныне, светло украшенные радостно предстоят Христу. И мы с любовью прославляем память их песнями, взывая к ним: радуйтесь, заступники вселенной и поборники на врагов; радуйтесь, врачи болящих и прогонители демонов; радуйтесь, любезная чета прекрасных братьев, любимых Христом — Роман славный и Давид чудный” [32].

С памятью святого страстотерпца Бориса неразлучна память о верном слуге его, преподобном Ефреме Новоторжском. Ефрем, уроженец венгерский, пришел на службу к князю Борису, вместе с двумя своими братьями Моисеем и Георгием. Последний из них был при своем князе на берегу реки Альты и хотел прикрыть его собой от последних ударов убийц, когда блаженный Борис, уже раненный, вышел из шатра. Злодеи умертвили Георгия и отрезали ему голову, чтобы снять с шеи золотую гривну. Узнав о смерти князя и любимого брата, Ефрем искал тело Георгия на месте убийства, но нашел только голову его, которую взял с собой. Он принял иночество и удалился на берег реки Тверцы, в селение Новый Торжок. Там построил он странноприимный дом и несколько лет усердно служил странникам. Когда открылись мощи святого князя Бориса и Глеба, преподобный Ефрем построил в честь новоявленных мучеников каменный храм и при нем основал обитель иноческую. Веселясь духом, что в созданном им храме верующие молятся любимому князю его, прославленному Господом, он подвизался в посте и молитве и мирно почил в глубокой старости 28 января 1053 года [33].

2. Распространение христианства. Князь Ярослав I.

Разделение России на уделы имело губительные последствия для государства; но Промысл Божий и из этого великого зла извлек благо для Церкви Своей. Сыновья святого Владимира, просвещенные христианством, отправляясь в свои уделы, брали с собой священников, созидали храмы и заботились о водворении христианства. Исторические предания свидетельствуют, что святой Борис содействовал утверждению веры в Ростове, Мстислав — в Тмутаракани, Судислав — в Пскове, Изяслав — в Полоцке и что святой Глеб несколько раз, хотя и безуспешно, пытался просветить крещением жителей Мурома.

Ярослав-Георгий, которого преподобный Нестор называет христоролюбцем, а позднейшие историки — великим и мудрым, сделавшись единодержавным обладателем России, ревностно продолжал святое дело равноапостольного отца своего, употреблял все средства к утверждению в Русской земле веры Христовой, заботился о распространении священных и назидательных книг, повелевая писцам своим списывать их и предлагать для чтения всем желающим; создал в Киеве великолепный Софийский собор по образцу знаменитого храма, воздвигнутого Юстинианом в Константинополе, хотя в меньших размерах, и украсил его мозаическими картинами и Византийскими фресками [1]. Он построил еще несколько храмов в разных областях своего обширного государства, даже самых отдаленных, как, например, в Чудской стороне, где он основал г. Юрьев (ныне Дерпт) с храмом ангела своего святого великомученика Георгия. Везде, где мог, он заводил училища; любил духовенство и иноков; ревностно заботился об укоренении благочестия в собственном благословенном семействе. Супруга его Анна и сын Владимир прославлены от Бога святостью и нетлением.

Святая благоверная княгиня Анна, дочь Шведского короля Олава, называлась в языке Индегердою, а во святом крещении Ириною. По кончине супруга она постриглась с именем Анны и скончалась 10 февраля 1050 года.

Святой князь Владимир Ярославич в юных летах получил от родителя Новгородское княжение и княжил там 18 лет. Оставив о себе незабвенную память сооружением Софийского собора, первой и важнейшей святыни Великого Новгорода, донныне уцелевшей во всей древней красе своей, он преставился на 33-м году от рождения [2], 4-го октября 1052 года, и был погребен в апсидной (красного шифера) гробнице рядом с матерью, блаженной княгиней Анной, в Корсунской паперти Софийского собора [3].

Возвратимся к рассказу о распространении христианства при святом Владимире равноапостольном и ближайших его преемниках.

На юге России, близ средоточия власти духовной и княжеской, проповедь евангельская имела наибольший успех: в конце XI века там было семь епископий [4], не только по городам, но и по многим селениям стояли храмы христианские. Между тем восток России еще мало был знаком с христианством, а в северо-восточных дебрях и болотах еще господствовало язычество; оно держалось там даже и в начале XII века. Святители и смиренные иноки принимали на себя трудный подвиг просвещать светом истины грубых язычников.

В Новгороде, как мы уже видели выше, дело обращения народа поначалу обошлось не без сопротивления, которое надлежало укрощать силой. Окончательное утверждение святой веры в Новгороде суждено было первому Новгородскому епископу, блаженному Иоакиму. Прибыв на свою паству, он ниспроверг оставшихся еще идолов, построил деревянный соборный храм и при нем основал монастырь, называвшийся Десятинным [5]. Ревнуя о христианском просвещении, он поставил ученика своего Ефрема в должность наставника в училище, куда Ярослав велел собрать до 300 детей. Пастырские труды блаженного Иоакима продолжались 37 лет (993-1030) [6].

В области Ростовской, несмотря на ревностные подвиги первого епископа Феодора, многие жители долго еще не принимали крещения и были настолько упорны и неприязненны к святителю, что он вынужден был покинуть Ростов и переселиться в Суздаль, где проповедь его была успешнее [7].

Дикая страна Вятичей оставалась в язычестве до конца XII века. Один только из древнейших городов ее, Курск, стал христианским городом ранее прочих соседних мест.

Удел святого Глеба — Муром — также долго упорствовал в язычестве, чему способствовало в особенности то обстоятельство, что после кончины святого Глеба Муромская область долго оставалась без княжеского надзора. Первый из князей, поселившихся в Муроме, святок Константин (Ярослав) Святославич, внук Ярослава Первого, отправил сына своего князя Михаила для убеждения Муромцев к покорности; но язычники убили юного князя и выбросили тело его из города. Когда Константин приступил к Мурому с войском, жители согласились принять его на княжение, но не захотели принимать новой веры. Константин построил первую церковь Благовещения над могилой сына своего и однажды, когда муромские язычники собрались с оружием, чтобы убить его, вышел к ним один с иконой Богородицы в руках. Пораженные ужасом, язычники пали на землю, единогласно прося крещения. Через несколько дней после этого чудесного обращения весь народ Муромский торжественно крещен в реке Оке [8].

Во многих местностях, особенно на севере, распространение святой веры встречало препятствия. Особенно волхвы, друзья невежества и чувственных страстей, были опорой падающего язычества. Суеверия еще долго держались в народе усилиями волхвов, пока власть их над народом не была ослаблена подвигами пастырей Церкви.

Несмотря на препятствия со стороны язычества, христианство нигде не водворилось так мирно, так быстро, как водворилось в России. Сколько борьбы и страданий вытерпели исповедники имени Христова между Греками и Римлянами! Сколько пролито крови при введении христианства в разных странах Западной Европы и в Америке! В России же не было ничего подобного.

Говорят, что Русский народ, всегда кроткий и мало испорченный язычеством, спокойно принимал крещение из покорности к уважаемому князю и тем охотнее, что в течение ста лет (от Аскольда до Владимира) привыкал видеть христиан близ себя. Эти причины справедливы; но почему же они не оказали того же влияния при обращении западных Сла-

ван? Последние — тот же народ, как и Славяне восточные, с тем же характером кротости и миролюбия; они жили целое столетие в соседстве западных христиан, тогда как наши предки с трех сторон окружены были язычеством. Однако между западными Славянами латинские миссионеры гибли от ярости озлобленного народа, который проливал кровь за своих мнимых богов и не хотел покориться Евангелию.

Значит, мало было одного кроткого народного духа, мало и долговременного знакомства с соседями-христианами. Что же еще нужно было для мирного успеха святой веры?

Необходимо сеять слово Божие так, как сеяли апостолы Христовы и последователи их — проповедники Православной Восточной Церкви.

Латинский миссионер приходил к язычникам с огнем и мечом, с жестоким насилием и корыстолюбивыми притязаниями; проповедуя Христа Распятого, он в то же время проповедовал царскую власть папы Римского. Проповедник восточный не опоясывался мечом, не проливал крови, не зажигал костров; он приходил не с войском, а с картиной Страшного Суда, не требовал земных выгод, не отягчал никого новой земной властью.

Латинский миссионер приносил с собой латинскую Библию, непонятную для народа, к которому он приходил. Проповедник православный приносил Священное писание в переводе на язык того народа, к которому он обращался с проповедью; сила его проповеди заключалась в силе Слова Божия; вместо него действовала на душу язычника сама Библия. Так было и в России, для которой уже был готов перевод Священных книг — труд святых Кирилла и Мефодия.

Церковная иерархия и правление Церкви со времени Крещения Руси при святом Владимире были устроены по образцу Православной Восточной Церкви.

Главный архипастырь — митрополит Киевский и всей Руси — избирался и поставлялся в Царьграде от Вселенского Патриарха; начальствовал над епископами, но управлял Церковью не самовластно, а во всех важных случаях сзывал епископов на совет. Князья называли его “отцем.” Он принимал деятельное участие в делах общественных, мирил князей, поднимал их на защиту родной земли, останавливал народные волнения.

К счастью новопросвещенной страны между первыми митрополитами Киевскими было несколько мужей богоугодных. Первый святитель и просветитель земли Русской, ревностный подражатель апостолов митрополит Михаил скончался в 992 году. Мощи его прославлены нетлением [9]. Иларион был прежде старшим священником в селе Берестове, где был летний дворец великого князя и где, по примеру отца, любил жить Ярослав, обогащая церковь и причет своими дарами. Блаженный Иларион и тогда был известен великому князю, как постник, муж добродетельный и просвещенный. Не довольствуясь священническим служением, он налагал на себя особенные подвиги. Из Берестова часто удалялся он на соседнюю гору, покрытую тогда дремучим лесом, выкопал себе там пещерку в две сажени и в ней предавался уединенной молитве и богомыслию, удаляясь от шума житейского. Такие подвиги располагали к нему благочестивого князя и возвышали его в общем мнении народа. В 1051 году Ярослав собрал собор епископов в Киеве и предложил им посвятить Илариона в сан митрополита [10]. Тогда в первый раз первосвятитель Русский был избран и посвящен собором Русских святителей, по воле Русского самодержца, и из природных Русских; в первый раз обнаружилась мысль, что и наша Церковь, подобно многим другим, может сделаться независимой в собственном управлении, не нарушая ни канонов церковных, ни уважения к патриарху Цареградскому. Перед посвящением Иларион был пострижен в монашество [11], а после посвящения он испросил себе благословение и утверждение Цареградского Патриарха. О пастырских подвигах блаженного Илариона не сохранилось подробных сведений, но преподобный Нестор замечает, что с того времени “вера христианская начала плодиться.” В правление Илариона развивалось

устройство церковного богослужения, и прибыли из Греции певцы для обучения Русских стройному действенному пению. Тогда же начало процветать Русское духовное освещение: сам Иларион написал “Слово о Законе и Благодати,” направленное против Иудеев, Похвалу равноапостольному Владимиру, Исповедание веры и нравственное наставление. В его же время положено основание Лавре Печерской, которая, как увидим ниже, имела большое значение в истории Русской Церкви. Блаженный Иларион преставился около 1067 года, проведя несколько последних лет в схиме, в пещерном монастыре. Мощи его нетленно почивают в пещерах преподобного Феодосия [12].

Митрополит Иоанн II, посвященный в 1080 году в Константинополе, заслужил имя “доброе.” Современный ему летописец говорит о нем: “Подобного ему еще не было на Руси да и не будет. Был муж, сведущий в книгах, искусный в учении, милостивый к убогим и вдовицам, равно ласковый к богатому и бедному, смиренный и молчаливый, владевший даром слова и утешавший святыми беседами печальных.”

Ефрем, скопец, любимец и казначей великого князя Изяслава, постриженник Печерский, изучивший впоследствии монашескую жизнь на востоке, вынес оттуда знание устава иноческой жизни и благочиния Церковного. Возведенный в сан епископа Переяславского, он управлял делами митрополии за болезнью митрополита Иоанна III и в 1090 году стал называться митрополитом, хотя постоянно жил в Переяславле южном, укрепив его каменной стеной и украсив несколькими храмами.

Блаженный Ефрем установил празднование 9 мая в память перенесения мощей святителя Николая Чудотворца из Ликии в итальянский город Бар, завел в разных местах больницы для безвозмездного пользования больных и за благодеяния свои получил от Господа дар творить чудеса при жизни и после смерти. Преставился он в первых годах XII века и погребен в построенной им соборной Архангельской церкви в Переяславле. Ныне мощи его почивают в Антониевых пещерах.

Епархии упразднились епископами. Избрание епископа в удельном княжестве почти всегда зависело от князя, который представлял избранного митрополиту для посвящения. Власть епископа, сообразно с правилами Православной Церкви, была чисто духовная. Он поставлял служителей алтаря, судил их и наказывал по правилам Церковным. Епископы призывались на совещания народные, мирили князей в их распрях, и князья не решались на важные предприятия без благословения архипастырей. Более других епископов участвовал в гражданском управлении Новгородский владыка, избираемый (после кончины Ярослава I) народным вече при участии князя, игуменов и Софийского причта.

Содержания митрополита и епископов шло из десятины доходов, пожертвованных князьями в пользу Церкви, из судебных пошлин и из доходов с недвижимых имений, пожертвованных в пользу Церкви [13]. Эти доходы митрополит и епископы употребляли не столько на себя, сколько на содержание соборного храма с его причтом, на пропитание нищих, больных, странников, сирот и вдов, на пособия потерпевшим от пожара и неурожая, на возобновление храмов и монастырей. Так дом каждого святителя был домом призрения всякой нищеты.

Приходские храмы иногда обеспечивались пожертвованиями от своих строителей и благотворителей. Христолюбец Ярослав, поставляя храмы по городам и селам, давал священникам от имения своего “урок,” т.е. определенное жалованье. Общим же источником содержания причтов были добровольные приношения от прихожан, как это издревле и постоянно существовало в Церкви Восточной.

Православная Церковь Русская управлялась на основании Греческого Номоканона (называвшегося позднее Кормчей книгой), принесенного в Россию из Царьграда вместе с православной верой. Усердием двух христианских князей — равноапостольного Владими-

ра и сына его Ярослава — даны два новых устава, касающиеся Церковных дел, по духу и по существенным основаниям совершенно согласные с древними Церковными правилами, но в некоторых частностях применяемые к особенным потребностям православной Церкви среди Русского народа [14].

Церковный устав святого Владимира дошел до нас в разных списках, более или менее пространных и относящихся к разному времени (от XIII до XVII века). Он состоит из трех существенных частей. В первой из них говорится о десятине, дарованной великим князем в пользу созданной им в Киеве церкви Пресвятой Богородицы. Во второй части перечисляются предметы суда Церковного, переданного митрополиту и епископам, или те преступления, по которым должны подлежать суду Церкви все христиане земли Русской. К таким преступлениям отнесены: 1) дела против веры и православной Церкви, как-то: суеверие, еретичество, колдовство, или волшебство, отправление языческих обрядов, святотатство, оскорбление храмов и ограбление могил; 2) дела семейные: похищение жен, вступление в брак в запрещенных степенях родства и свойства [15], ссоры между мужем и женой, обличенное прелюбодеяние, оставление матерью незаконнорожденного младенца, противоестественные пороки, оскорбление родителей и тяжбы о наследстве.

Третья часть заключает в себе перечень лиц, подлежащих ведомству Церкви. Здесь поименованы: 1) лица, служащие Церкви: игумен, поп, диакон и те, кто в клиросе (причетники), попадьа, попович, чернец, черница и просвирница; 2) лица, принятые под покровительство Церкви и получающие содержание из Церковных доходов: вдовы, слепые, хромые, калеки, врачи, прощенники (получившие чудесное исцеление), прикладники (люди, находящиеся под епитимией и потому временно отданные в руки Церкви), задушный человек (раб, отпущенный на волю по духовному завещанию господина), странники и паломники. Сверх того, тот же устав предоставляет, по примеру Византийского законодательства, наблюдению епископов городские весы и всякие мерилы и воспрещает тиунам, или судьям, нарушать Церковные суды или судить их без святительского наместника.

Христолюбивый Ярослав в дополнение церковного устава, данного отцом его, дал свой устав по церковным делам при митрополите Иларионе незадолго до своей кончины. Этот устав, дошедший до нас в многочисленных разнообразных списках, имеет свои особенности. О некоторых предметах, изложенных в уставе святого Владимира, он вовсе не упоминает, как-то: о десятине в пользу Церкви, о торговых мерах и весах, о тяжбах за наследство. О других предметах, например, о преступлениях семейных и нарушающих целомудрие, о незаконных браках и разводах, о незаконном рождении детей в уставе Ярослава говорится гораздо подробнее, нежели в уставе святого Владимира.

Отличительные черты Ярославова устава состоят в следующем: 1) суд церковный отделяется от светского, или княжьего; 2) определяются более ясным и точным образом степени преступления и виды наказаний — епитимьи, денежные пени и градские казни. Назначение последних предоставляется князю, — существенное различие уголовного суда древней России от судов Западной Европы, где право налагать уголовные наказания было предоставлено судьям церковным; 3) оставляя неприкосновенным святительский суд над лицами, подведомственными Церкви, Ярослав исключает из этого суда дела уголовные (душегубство и кражу с поличным). Если кто из лиц, состоящих в ведении Церкви, был обвиняем в этих делах, то подлежал суду смешанному, т.е. князьему вместе с церковным.

Церковные уставы Владимира и Ярослава имели повсеместное значение в земле Русской. Удельные князья, со своей стороны, применяли эти уставы в своих областях, по своему, конечно, усмотрению.

3. Начало Монашества, Препп. Антоний и Феодосий.

Церковные уставы святых Владимира и Ярослава упоминают об игуменах, чернецах и черницах. И действительно, некоторые монастыри мужские и женские возникли уже со времени Крещения Русской земли [1]. Но эти обители, основанные князьями или епископами при кафедрах, известны почти только по имени и не сделались рассадниками Русского иночества, доколе не возникла дивная обитель Киево-Печерская.

“Много монастырей, — пишет преподобный Нестор-летописец, — поставлено от князей, от бояр и от богатства; но не таковы они, каковы поставленные слезами, пощением и молитвой. Антоний не имел ни золота, ни серебра, но все стяжал слезами и постом.”

Антоний, в мире Антипа, родился в местечке Любече, недалеко от Чернигова. Здесь и поныне показывается пещера, в которой юный Антипа испытывал силы свои в великих подвигах иночества. “Бог положил ему на ум, — говорит преподобный Нестор, — желание странствовать, и, странствуя, достиг он Святой Горы (Афонской). Здесь он смотрел многие обители чудные и, возжелав облещись в чернические ризы, молил игумена одной из обителей постричь его; тот возложил на него монашеский образ, назвав его Антонием, и учил его монашескому чину.” По примеру большей части тогдашних черноризцев Афонских Антоний избрал для себя образ жизни отшельнический. Близ одного монастыря Афонского, Есфигмена, в котором он принял пострижение, доселе называют пещеру, где начал свои подвиги первоначальник иноков русских. Успехи его в духовной жизни, постоянно возрастающие, радовали всех. Тогда игумен сказал ему: “Антоний! Иди опять в Россию, и да будет тебе благословение от Святой Горы; от тебя произойдет множество черноризцев.”

Антоний пришел в Киев (около 1028 года) и, ища себе здесь места для жительства, обходил монастыри, но не захотел ни в одном из них остаться. Затем начал ходить по дубрам и горам и пришел на холм, где существовала уже небольшая пещера, выкопанная священником Иларионом (впоследствии митрополитом). Возлюбив это место, преподобный Антоний поселился на нем и выкопал себе пещеру при подошве холма, пребывая в молитве, трудах, посте и бдении, не давая себе покоя ни днем, ни ночью; сухой хлеб, и то через день, был его пищей; простая вода, и то в меру, была его питьем. Вскоре о подвигах Антония узнали люди; одни приносили ему необходимое для жизни, другие просились к нему в сожительство.

Первым поселился при нем преподобный Никон, иеромонах, которому преподобный Антоний поручал постригать приходивших к нему впоследствии. В 1032 году присоединился к ним Феодосий.

Замечательна жизнь этого избранника Божьего с самых первых лет его юности. Родившись в городе Василеве (близ Киева) и вскоре переселившись с родителями в Курск, Феодосий едва начал приходить в сознание и возраст, как уже обнаружил в себе самое благочестивое настроение души. Каждый день ходил он в церковь и со всем вниманием слушал божественную службу; чуждался детских игр, не любил светлых одежд, какие давали ему родители, а облакался в простые и убогие; сам упросил родителей отдать его на учение книжное к одному из городских учителей и вскоре так успел в знании Священного Писания, что все чудились премудрости и разуму мальчика; он отличался совершенной скромностью и покорностью не только учителю, но и соученикам своим. На 13-м году лишившись отца своего и оставшись под надзором матери — женщины строгой и упорной, не сочувствовавшей влечению сердца сына, хотя и пламенно любившей его, Феодосий еще более начал подвизаться. Смирение его простиралось до того, что он с рабами своими

в простой одежде ходил на работы; по-прежнему удалялся игр со сверстниками и не хотел надевать нарядной одежды, несмотря ни на увещания матери, ни даже на сильные от нее побои. Услышав о святых местах Палестинских и встретив странников, которые шли туда, Феодосий упросил их взять его с собой и тайно от матери ушел с ними. Мать догнала его, наказала побоями и некоторое время держала в оковах. Сын принужден был остаться дома, но попрежнему часто ходил в церковь. Заметив, что литургия совершается редко по недостатку просфор, он стал печь просфоры; потом возложил на себя железные вериги. Но когда мать заметила это по крови на одежде сына, она сорвала с него вериги.

Но ничто уже не могло удержать юношу от стремления к подвижнической жизни. Тайно от матери ушел он в Киев, обошел там все монастыри и, наконец, пришел к преподобному Антонию, подвизавшемуся в пещере. Бросившись к ногам отшельника, юноша со слезами умолял принять его к себе. “Чадо, — сказал ему Антоний, — видишь пещеру мою; она трудна для жизни, место мое тесное. Ты молод, не вытерпишь.” Феодосий отвечал: “Сам Бог привел меня к твоей святыне; буду делать все, что ты мне повелишь.” Принятый в пещеру Феодосий по приказанию Антония был пострижен Никоном и со всем жаром чистой души предался трудам подвижничества так, что опытные старцы Антоний и Никон дивились подвигам юноши. Еще раз надлежало ему вытерпеть борьбу с материнской любовью: мать отыскала его и хотела насильно вернуть домой, но Феодосий убедил ее оставить мир и постричься в женской обители при церкви святителя Николая, на могиле Аскольдовой.

Жизнь пещерная была, вообще, строга. Отшельники питались одним ржаным хлебом; в субботу и в воскресенье они ели сочиво (вареный горох или бобы). Чтобы иметь хлеб, занимались простым рукоделием, продавали его, покупали рожь и, разделив ее между собой, сами мололи на ручных жерновах. По окончании утрени копали землю в огороде; после литургии трудились в подземных своих кельях. Феодосий трудился более обоих старцев. Крепкий телом, он брал на себя часть их работы: носил за них воду, рубил дрова, молот рожь. Иногда в знойную ночь, обнажив плечи и грудь, он отдавал тело свое в пищу комарам и мошкам, кровь текла по нему, а он спокойно пряд и пел псалмы. В храме, устроенном в пещере, являлся он прежде других и, став на месте, не сходил с него до конца службы.

Тогда, по словам преподобного Нестора, три светила сияли в пещере: Антоний, Никон и Феодосий. Вскоре присоединился к ним еще один подвижник — преподобный Моисей Угрин (венгр), родной брат Георгия и Ефрема, вместе с ними служивший у князя Бориса. Когда святой Борис был умерщвлен на реке Альте, он один уцелел из слуг князя и скрылся у сестры его, княжны Предиславы. После того он попал в плен и был отведен в Польшу, где томился пять лет в оковах. Крепкий телом и красивый лицом, он невольно обратил на себя внимание одной знатной и богатой польки. Воспламененная страстью, она выкупила его из оков и всячески старалась привлечь его к себе. Но напрасно источала она ласки и угрозы; напрасно заключала его в темницу и томила голодом; напрасно предлагала свои богатства и даже предлагала свою руку; напрасно жаловалась на своего невольника королю Болеславу, которого благословением пользовалась: ничто не могло поколебать нового целомудренного Иосифа. Дав Богу обет быть иноком, он вскоре получил возможность достигнуть своей цели: к нему пришел афонский черноризец и тайно постриг Моисея.

Узнав, что пленник уже инок, искусительница запылала злобой, велела ежедневно бить его палками и, наконец, сделать евнухом, так что страдалец, истекая кровью, едва остался жив; а Болеслав в угоду неистовой женщине выгнал всех черноризцев из своих владений. Суд Божий не замедлил покарать нечестие и неправду: Болеслав умер внезапно;

поднялся мятеж в земле ляхов, много панов было избито народом, и в числе их погибла и та нечестивая полька, которая мучила целомудренного Моисея. Это было около 1027 года. Мало-помалу собравшись с силами и оправившись от жестоких страданий, многострадальный Моисей спустя несколько лет пришел в пещеру к преподобному Антонию. Здесь провел он десять лет в посте и молитвах, но постоянно больной и слабый телом. За великую победу над нечистой страстью Господь дал ему власть врачевать эту страсть и в других. Один брат, мучимый волнением плоти, пришел к преподобному Моисею и просил у него помощи. “Во всю жизнь не говори ни с одной женщиной,” — сказал мученик целомудрия и коснулся тела брата своего посохом, без которого не мог ходить от прежних терзаний; нечистая страсть утихла, и брат освободился от искушения. Преподобный Моисей предузнал блаженную свою кончину [2].

Слава преподобного Антония привлекла в пещеру его еще двух подвижников из знатных бояр. У первого боярина при великом князе Изяславе (сыне Ярослава I) был сын, который любил слушать беседу преподобного Антония и его сподвижников и пожелал по примеру их отречься от мира. Отвергая мирскую пышность, оставив жену и дом отца, он просил о пострижении. Антоний напомнил ему о важности обетов иноческих, о власти отца, о гневе великого князя. Юноша отвечал, что готов потерпеть даже мучения, но не возвратится в мир. Тогда Никон постриг его по воле Антония и назвал Варлаамом.

В то же время пришел к дивному старцу другой любимец великого князя, скопец, пользовавшийся полным доверием Изяслава. По усердной просьбе его он был также пострижен и назван Ефремом.

Пострижение этих двух важных лиц сильно прогневало Изяслава; он потребовал к себе Никона, с гневом допрашивал его и велел ему убедить новопостриженных воротиться домой, угрожая в случае неисполнения его воли сослать в заточение всех старцев и раскопать пещеру. “Делай, что хочешь, — отвечал преподобный Никон, — а я не могу отнимать воинов у Царя Небесного.” Антоний и сподвижники его удалились из своей пещеры с намерением перейти в другую область. Княжий отрок известил о том князя. Супруга Изяслава, родом польская княжна, вступилась за пещерных иноков. “За какое-то дело, — говорила она мужу, — король Болеслав изгнал черноризцев, и много бед вышло из того в Польской земле.” Изяслав, убоясь гнева Божия, отпустил Никона и приказал воротить уходивших отшельников. Антоний, всегда покорный и смиренный, возвратился в свою пещеру.

Отец Варлаама силой увлек его из пещеры домой и сорвал с него иноческую одежду. Но юный подвижник просидел три дня молча в доме отца без пищи и питья, желая только одного — возвращения в пещеру. Наконец, на четвертый день отец сжалился над сыном, опасаясь, чтобы он не умер голодной смертью, и Варлаам с радостью возвратился в свою пещеру.

С этого времени к пещере начало еще более стекаться народа: одни приходили за благословением отшельников, другие просили пострижения. А некоторые из прежних братьев стали оставлять пещеру. Так преподобный Никон удалился в Тмутаракань и там основал Богородицкий монастырь. Другой инок, родом болгарин, постриженник монастыря святого Мины, удалился вместе с Никоном к Черному морю и затем один отправился к Царьграду, но, встретив уединенный остров, поселился на нем, от чего и остров долго прозывался Болгаринов. Третий черноризец, преподобный Ефрем, переселился в один из Цареградских монастырей.

По удалении Никона преподобный Феодосий был посвящен в сан пресвитерский и стал отправлять богослужения в пещерной церкви.

Число братии в пещере простиралось уже до 15 человек. Преподобный Антоний, любя уединение, собрал братию и сказал им: “Бог собрал вас сюда, братия, и над вами посылает благословение Святой Горы Афонской, данное мне постригшим меня игуменом, а от меня перешедшее на вас. Я назначу вам игумена, а сам пойду в другое место жить наедине, как привык издавна.” Назначив первым игуменом Варлаама, он выкопал себе новую пещеру, которая и поныне называется Антониевой, или Ближней, в расстоянии 100 сажень от прежней пещеры.

Чуждаясь, по глубокому смирению, власти игуменской и сана иерейского и уединяясь в новой пещере, он не переставал быть великим отцом и наставником для всех учеников своих; дух его постоянно пребывал с братией, и крепкие молитвы его низводили на сердца подвижников благодать небесную, укрепляющую их в жизни духовной. В особенных случаях игумен и братия обращались к нему за советами и наставлениями.

Так в 1057 году преподобный Антоний не только одобрил желание братии построить монастырь на горе, но и послал просьбу к великому князю: “Князь мой! Бог умножает братию, а место у нас тесное; не подарить ли ты нам ту гору, что над пещерой?” Изяслав охотно исполнил смиренную просьбу великого отшельника. На горе построили малую деревянную церковь Успения Богородицы, но братия еще жила в пещере.

В это время великий князь Изяслав-Дмитрий основал в честь ангела своего монастырь Дмитриевский, украсил его великолепно и, думая возвысить новую обитель над Печерской при помощи богатства, взял туда в игумены Варлаама [3].

Тогда братия выбрала на игуменство преподобного Феодосия, и святой Антоний утвердил избрание. Первым делом нового игумена было устройство нагорного монастыря, не доконченное предместником его Варлаамом: Феодосий построил более обширный деревянный храм, окружил его кельями и оградил тыном. Приняв начальство над братией, он не переменял своего смирения и образа жизни: на труды и на службу церковную выходил прежде всех. Он не отвергал никого из тех, кто желал быть черноризцем, ни бедного, ни богатого, но постригал не вдруг, а прежде испытывал во всех послушаниях.

Окончательно устроив братию на новом месте, бдительный игумен стал вводить в Печерский монастырь (около 1062 года) порядок общежительного жития по уставу Студийскому, принесенному из Цареградского монастыря преподобного Феодора Студита блаженным Ефремом скопцом [4]. Этот устав перешел из Печерского монастыря во все прочие русские обители, а потому преподобный Феодосий называется “начальником общего жития монашеского в России” и Киево-Печерский монастырь — “старейшим из всех монастырей русских.”

Кроме игумена, появились там и другие, подчиненные ему должностные лица. Так домоestik, или уставщик, распоряжался пением или чтением в церкви. Церковные строители (пономари) заведовали церковным вином, елеем для лампад и звоном. Эконому поручена была казна и все монастырское имущество. Келарь имел в своем ведении братскую трапезу, просфорню и все съестные припасы. Ключнику, помощнику келаря, вверены были ключи от погребов. Начальник хлебопеков заведовал пекарней. Вратарь находился постоянно при вратах обители.

Братия разделялась на четыре степени: одни еще не были пострижены и ходили в мирской одежде, другие, хотя еще и не были пострижены, но ходили в монашеской одежде, третьи были уже пострижены и носили мантию, а четвертые были облечены в великую схиму.

Все в обители совершалось не иначе, как с благословения игумена, и освящалось молитвой. В келиях не позволялось братии держать никакой собственности: ни пищи, ни излишней одежды, ни какого-либо другого имущества. Келейные занятия состояли в молит-

ве, чтении и пении псалмов и рукоделии. После повечерия запрещено было инокам ходить друг к другу и беседовать между собой. Для наблюдения за всем этим преподобный Феодосий имел обычай каждую ночь обходить все келии и, если слышал в келии молитву инока, то благодарил Бога, а если слышал беседу двух или трех иноков, то ударял рукою в двери келии и отходил, а наутро призывал виновных и обличал: раскаивающихся прощал, а на других налагал эпитимии. Для отдохновения братии, проводившей в богослужении большую часть ночи и все утро, назначалось полуденное время, а потому ворота монастырские запирались тотчас после обеда и не открывались до вечерни.

Преподобный Феодосий с величайшей заботливостью и любовью следил за духовным развитием всей братии и не упускал случая подать каждому приличное наставление. Когда он поучал, то говорил тихо, смиренно, как бы умоляя того, к кому обращался; когда обличал виновного, слезы текли из глаз его. Если кто из братии подвергался искушениям от злых духов, он призывал его, убеждал не ослабевать в борьбе, указывал на опыты подвижников и подкреплял искушаемого силой своей молитвы.

Но не столько правилами устава и устными наставлениями руководил свою братию богомудрый игумен, сколько примером своей святой, высокой, истинно подвижнической жизни. За братской трапезой он вкушал только сухой хлеб и вареную зелень без масла; не пил ничего, кроме воды; одежду носил ветхую и худую, а под ней колючую власяницу. Для сна никогда не ложился, но после повечерия засыпал сидя. Часто проводил он ночи без сна, в молитве за себя и за обитель, что много раз замечали церковные будильники, слыша плач его и звук земных поклонов, когда приходили за благословением к утрени. Когда наступал Великий Пост, он удалялся в пещеру, известную доньне под именем Феодосиевой, или Дальней, а иногда переходил из нее в другую, близ монастырского села; возвращался в обитель накануне Лазаревой субботы. В свободное время он сам трудился в пекарне, рубил дрова и носил воду.

Смирение преподобного Феодосия было изумительно. Однажды он замедлил до вечера у великого князя Изяслава, где-то далеко от города. Князь приказал одному из своих слуг отвезти его в обитель. Слуга, видя инока в худой одежде, сказал ему дорогой: ты, чернец, всегда празднен, а я живу в хлопотах и в труде; дай мне отдохнуть в повозке, а сам садись на лошадь. Преподобный обменялся местом со слугой и целую ночь то ехал верхом, то шел подле лошади, чтобы не уснуть. Когда рассвело, вельможи, ехавшие к великому князю, при встрече с Феодосием слезали с коней и кланялись ему. Слуга испугался, но смиренный игумен успокоил его и угостил в обители.

Столько же замечательно было и милосердие преподобного Феодосия. Он был заступником притесняемых и обиженных. Особенно же любил он бедных. Для них построил он при монастыре особый двор и отделял им десятую часть монастырских доходов. Каждую субботу отсылал он воз хлебов в темницы. Однажды привели к нему воров, пойманных в монастырском селе. Увидев их связанными, преподобный заплакал, велел развязать и накормить их; потом, дав им наставление не обижать других и снабдив всем нужным, отпустил с миром.

По свидетельству преподобного Нестора, Феодосий поучал братию в церкви духовными словами: “Молю вас, братия, — говорил он инокам, — будем подвизаться в посте и молитве. Попечемся о спасении душ наших; возвратимся от злобы и от путей греха, каковы любодеяние, кража, клевета, празднословие, пьянство, объедение, неприязнь к брату. Взыщем Бога рыданием, слезами, пощением, бдением, покорностью, послушанием. Назвавшись чернецами, должны мы каждый день каяться о своих грехах. Покаяние есть путь, приводящий к Богу; он есть ключ к Царству; без него никому нельзя войти в Царство Небесное [5].

Сила веры преподобного игумена обнаружилась во многих благодатных опытах. Собрав множество иноков, он не любил собирать запасы для обители, но заботился прежде всего о спасении душ и во всем возлагал упование на Бога. Когда недоставало хлеба и других припасов для братской трапезы и угощения приходящих или вина и елея для церковной службы, то по молитве Феодосия все являлось в свое время: иногда благодетели монастыря с избытком доставляли то, что было на этот раз нужно, иногда пустые закрома неожиданно оказывались полными.

В обращении с князьями и вельможами преподобный Феодосий оказывал тоже смирение, простоту и любовь к правде без всякого лицемерия, как и в обращении с простым народом, который всегда находил в нем помощника и покровителя. Великий князь Изяслав, весьма любивший добродетельных иноков, по примеру христолюбивого родителя своего Ярослава I нередко посещал преподобного Феодосия и с любовью слушал его наставления, почитая святого старца, как отца. Он никогда не позволял себе въезжать в монастырь на коне и не брал с собой многочисленной свиты. Однажды Изяслав пришел в обитель во время послеобеденного отдыха братии, когда Феодосий запрещал впускать кого бы то ни было, чтобы не нарушать покоя иноков; привратник хотя и узнал князя, но не смел впустить его, не доложив Феодосию. Изяслав у ворот дождался настоятеля и не только не оскорбился строгостью устава монастырского, но еще более полюбил Феодосия. Изяславу понравились брашна монастырския. Он спрашивал: отчего его брашна, которые гораздо дороже, не так сладки? “Оттого, — отвечал Феодосий, — что здесь братия все готовит с молитвой и благословением, а твои рабы ссорятся, клянут друг друга и получают побои от приставников, когда готовят тебе трапезу. У нас, когда хотят что-нибудь варить или печь хлебы, пекарь берет сначала благословение у игумена, потом кладет три земных поклона перед алтарем и, зажегши свечу от святого алтаря, разводит огонь; вливая воду в котел, он говорит: “Благослови, отче!” Приняв благословение, он начинает свое дело.”

Когда после неудачного похода на половцев в 1067 году Святослав и Всеволод, братья Изяслава, изгнали его из Киева, Феодосий долго отказывался иметь общение с Святославом и никогда не переставал устно и письменно обличать его в незаконном поступке. В церковных молитвах он поминал одно только имя Изяслава и только по усиленной просьбе братии согласился вслед за именем законного князя помянуть имя Святослава за любовь его к Церкви. Святослав смиренно выслушивал обличения от святого старца и приглашал его в свой дворец. Однажды Феодосий пришел к Святославу во время пиршества; песни и музыка оглашали дворец княжеский. Феодосий сел поодаль, опустив глаза в землю, и потом, взглянув на князя, сказал: “Будет ли так на том свете?” Святослав прослезился и велел прекратить игры. После уже всегда умолкали игры в палатах князя, когда возвещали о приходе Феодосия. “Если бы отец мой встал из мертвых, — говаривал Святослав Феодосию, — я так не обрадовался бы ему, как твоему приходу.”

Несчастливая битва с половцами на реке Альте, после которой Изяслав лишился великокняжеского престола, была предсказана преподобным Антонием князьям, пришедшим к нему за благословением. Военачальник, варяг Шимон (в крещении Симон), друг Феодосия, утраченный предсказанием святого отшельника, пал к ногам его и молил, чтобы не погибнуть ему в битве; блаженный старец сказал ему: “Многие падут от меча, преследуемые врагами; но ты, сын мой, останешься жив и будешь положен в том храме, который здесь воздвигнется.” И действительно, Симон чудесно уцелел в кровопролитной битве.

Через несколько месяцев изгнанный Изяслав возвратился в Киев и начал гневаться на преподобного Антония за общение его с Всеславом Полоцким, который при Изяславе содержался в темнице, а по изгнании его был возведен киевлянами на престол. Услышав о неудовольствиях против Антония, князь Черниговский Святослав взял его к себе в Елец-

кий монастырь, незадолго перед тем основанный на месте явления иконы Богородицы на ели. Преподобному Антонию особенно понравилась Болдина гора, покрытая густым лесом, и он выкопал в ней себе пещеру. Скоро собрались к нему иноки [6]. Так смиренный старец и самое гонение обратил во славу Божию.

Возвратясь в свою Киевскую пещеру по просьбе великого князя, который скоро почувствовал, что согрешил перед человеком Божиим, преподобный Антоний был награжден небесной славой за земное унижение. К нему пришли из Царьграда четверо зодчих, которые были наняты в чудном видении Самой Царицей Небесной во Влахерне для построения Ей церкви в Киеве. Царица повелела им идти к Антонию и Феодосию, которых указала им в видении, сказав: “Этот Антоний только благословит вас на труд и отойдет на вечный покой; на другой год последует за ним Феодосий.” Окончив рассказ, зодчие спросили: “Где же нам строить церковь?” Антоний сказал: “Подождите три дня.” Затем обратился он к Богу с пламенной молитвой и просил о чудесном указании места для храма. По молитве его в одну ночей на избранном месте было сухо, а все окрестности покрыты были росой; а в другую ночь — одно оно оросилось, тогда как прочие места были сухи. Благословение места для Великой Печерской церкви было последним земным делом дивного Антония. На 90-м году своей многотрудной жизни, 7 мая 1073 года, он мирно предал дух свой Господу [7].

По кончине преподобного Антония вскоре последовала закладка нового храма на предназначенном месте. Земля эта принадлежала князю Святославу, который охотно подарил ее монастырю и сам первым начал копать ров для основания храма.

Наконец, и преподобный Феодосий приблизился к дню блаженного упокоения. Он велел собрать всю братию, находившуюся на послушании в селах и других местах. Когда все собрались, он учил братию со слезами спасению души и богоугодной жизни, пощению, усердию к Церкви, братолюбию и покорности. Вскоре заметили, что блаженный игумен лежит в сильном лихорадочном изнеможении: то томил его холод, то огонь сильно жег его, так что не мог он говорить. В продолжение трех дней был он в таком положении, что думали, не умер ли он. Затем встал он и сказал: “Братия и отцы! Вот я знаю, что время жизни моей оканчивается, как открыл мне Господь еще во время поста в пещере.” Благословив избранного братией игумена и простившись со всеми, он лег в постель, взглянул на небо и с веселым лицом громко сказал: “Благословен Бог! Если так, то я уже не боюсь, а с радостью отхожу из сего света.” Затем он предал дух свой Господу, 3 мая 1074 года, 65 лет от роду. Мощи преподобного Феодосия погребены были в его пещере. Незабвенны заслуги преподобного Феодосия перед русским монашеством и вообще перед Русской Церковью. Он первый ввел в своей обители общежительный устав и своим мудрым правлением, своей святой жизнью дал новую силу этому уставу, доставил ему такое уважение, что его стали вводить во всех монастырях русских. Дух благочестия и подвижничества, укоренившийся при преподобном Феодосии, крепко держался и при его преемниках. Печерский монастырь был сонмом святых подвижников, украшенных различными дарованиями духовными, и рассадником усердных делателей вертограда Церкви во всех краях Русской земли. “Радуйся, насадитель винограда Христова, — так взывает к Феодосию составитель похвального ему Слова, — ибо простерлись ветви его до моря, и отрасли до великих рек. Нет ни страны, ни места, куда не проникли бы отпрыски от виноградной лозы святого Феодосия.”

Строение храма, начатое при разных чудесах и знамениях, происходило в краткое время игуменства преподобного Стефана, который вскоре должен был из-за несогласий с братией оставить обитель и основать вблизи ее новый монастырь — Кловский, или Влахернский; впоследствии же стал епископом во Владимире Волынском [8]. После него был

четвертым игуменом преподобный Никон, собеседник и первый ученик великого Антония, присный друг преподобного Феодосия, который поручал ему братию, когда временно удалялся из обители. В 1083 году пришли к игумену Никону иконописцы из Царьграда, чудесно нанятые в видении почившими первоначальниками Печерской обители — Антонием и Феодосием, и принесли с собой чудотворную икону Успения Божьей Матери, которая и доньше остается драгоценнейшей святыней Печерской Лавры [9]. Тогда же греческие купцы привезли мозаику на украшение церкви. Но преподобный Никон не дождался освящения храма [10]. При преемнике его, игумене Иоанне, 14 августа 1089 года Великая церковь Печерская была освящена митрополитом Иоанном с епископами: Иоанном Черниговским, Исайей Ростовским, Лукой Белогородским и Антонием Юрьевским.

Красота и великолепие этого храма изумляли современников. Внутренность его блистала золотом и мозаикой и привлекала взоры иконной живописью. Помост устроен был мозаически из разноцветных камней, расположенных красивыми узорами. Верхи церкви были позолочены; крест, поставленный на главном куполе, был выкован из чистого золота; современники называли Печерскую церковь “небеси подобной” и говорили, что она составляет славу и украшение всей земли Русской.

Когда Великая церковь была освящена, игумен и братия Печерского монастыря решились перенести в нее мощи преподобного Феодосия. Преподобному Нестору, летописцу, поручено было выкопать мощи. Они оказались совершенно нетленными: суставы не распались, и только волосы присохли на голове; на следующий день собрались бывшие в Киеве епископы, пришли игумены всех монастырей с черноризцами и множество народа. Святые мощи перенесены были в Великую Церковь и поставлены в притворе 14 августа 1091 года [11].

Прославление имени преподобного Феодосия было довершено в 1108 году причислением его к лику святых при митрополите Никифоре. Тогда же начали праздновать день преставления блаженного первоначальника монашеского жития, а также и день перенесения мощей его.

“Приидите все верные, — взывает Святая Церковь, празднуя память преподобного Феодосия, — воспоем богоносных отцев, которых прославил Христос Бог наш. Воззовем к ним голосом радости и чистой совести: Радуйся, ангел земной и человек небесный, Антоний преблаженный! Радуйся, восточная звезда златозарная, отец наш Феодосий, светило и пастырь монашествующих! Радуйтесь, похвала наша, помощники и утешители вселенной, водворяясь с ангелами в свете Пресвятой Троицы! Молите Господа, чтобы избавил нас от врагов видимых и невидимых и от всякой беды и напасти!” [12].

4. Печерская обитель. Распространение христианства на севере.

Ученики преподобного Феодосия, достойные великого наставника, были сильны духом для подвигов духовных. “Господь собрал таких черноризцев в обители Пречистой Матери Своей, что они сияли добродетелями, как звезды, в земле Русской. Одни крепки были в посте, другие в бдении или в коленопреклонении; иные постились через день или через два дня; другие вкушали только хлеб с водой; иные — вареную зелень, а другие и невареную. Все же пребывали в любви. Младшие покорялись старшим, не смея говорить пред ними иначе, как с покорностью и послушанием великим. А старшие имели любовь к младшим, наставляя их, как детей любезных. Если кто впадал в какое-либо согрешение, его утешали с кротостью, и трое или четверо по любви делили эпитимию одного. Если брат

выходил из монастыря, все братия скорбели о том, посылали за ним и просили возвратиться в монастырь. И когда приходил, все шли к игумену, кланялись и умоляли игумена. И потом с радостью принимали брата. Такова была божественная любовь, таковы смирение и воздержание в святом братстве. И по смерти сияют преподобные, как неугасающая свеча, различными чудесами и молят за нас Бога [1].”

Самый трудный и самый опасный вид иноческой жизни — затворничество. В Печерской обители было несколько затворников. Они доказали своим примером, что не может быть такого искушения, которого бы не вынесли силы человеческие, укрепляемые незримой силой Божьей. Преподобный Исаакий был богатым купцом торопецким. Пожелав жизни иноческой, он раздал все свое имение и пришел в пещеру к преподобному Антонию, прося пострижения. Антоний принял его и постриг. Исаакий наложил на себя тяжелые подвиги: надел власяницу и сверх ее покрылся сырой козлиной кожей, которая на нем высохла, затворился в тесной пещере и молился Богу со слезами. Пищей его была просфора, и то через день; воду пил он в меру. Антоний приносил ему и то, и другое, подавая в малое окошко, куда едва проходила рука. Семь лет провел он в таких подвигах, не выходил из затвора, не ложился на бок, но только сидя засыпал ненадолго. С вечера до полуночи он пел псалмы и клал поклоны. Однажды он сел отдохнуть после ночных поклонов. Внезапно пещера озарилась ярким светом. Возшли два светлых юноши. “Исаакий, — сказали они, — мы ангелы, и вот идет к тебе Христос, — поклонись ему.” Обольщенный затворник, не оградив себя ни крестным знаменем, ни сознанием своего недостойнства, поклонился до земли бесовскому действию, как самому Христу. Бесы воскликнули: “Ты наш, Исаакий, пляши с нами!” Они подхватили его, начали им играть и оставили полумертвым. Наутро Антоний, по обычаю, подошел к окошку и сотворил молитву; ответа не было. Великий старец подумал, что затворник уже преставился; откопали пещеру и вынесли его как мертвеца, но тут заметили, что он еще дышит. Опытные в духовной жизни старцы узнали дело бесов. Во время болезни ходил за ним сначала преподобный Антоний; потом Феодосий взял больного к себе в келью и служил ему. Исаакий был в таком расслаблении, что не мог не только встать или сесть, но даже оборотиться с одного бока на другой. Два года пролежал он, ничего не вкушая, лишенный языка и слуха. Денно и ночью молился о нем Феодосий. Наконец, на третий год Исаакий заговорил, начал слышать и, как младенец, стал учиться ходить. Насильно приводили его в церковь, потом приучали ходить в трапезу. Но хотя и лежал перед ним хлеб, он не дотрагивался до него, если кто из братии не положит ему в руки. Потом Феодосий велел, чтобы он сам приучался брать хлеб; таким образом, мало-помалу Исаакий оправился от страшного потрясения, произведенного в нем нападением бесовским. Он опять начал вести строгую жизнь. Искушенный в затворе, подвижник не захотел уже идти опять в пещеру, но надел власяницу и начал помогать поварам в кухне. Прежде всех приходил он в церковь и стоял неподвижно. Во время зимы ходил он в протоптанных черевьях, так что ноги примерзали к земле, но он стоял на одном месте до конца службы. После заутрени уходил в поварню, приготовлял воду и дрова, разводил огонь. Над ним смеялись, как над юродивым. Укрепившись в силах духовных, он снова вошел в прежнюю пещеру и выдержал много нападений от злых духов, которые являлись к нему в виде лютых зверей и гадов. “Победил ты нас,” сказали наконец бесы. “Вы победили меня прежде, — отвечал им Исаакий, — когда пришли в образе Христа моего и ангелов. Теперь, в подлинном своем виде, вы мне не страшны, вы точно гадки и злы.” Еще много лет провел он в подвигах воздержания, поста и бдения до блаженной кончины своей [2].

Тому же искушению духовной гордости подвергся и другой затворник — Никита, постриженный при игумене Никоне. Желая славы пред людьми и избирая великое дело по-

движничества не для Бога, он просил у старца дозволения идти в затвор. Игумен не позволял ему. “Чадю! Ты молод, — говорил он, — и потому не полезно для тебя сидеть праздным; лучше тебе трудиться вместе с братьями, и ты не потеряешь твоей награды; сам ты видел брата нашего Исаакия, как он прельщен был; только великая благодать Божия спасла его, и он творит ныне чудеса.” Никита отвечал: “Никогда не соблазнюсь я такой вещью, а прошу у Господа, дабы дал мне дар чудотворения.” — “Выше сил твоих прошение твое, — сказал Никон, — остерегись брат, чтобы вознесшись, не упасть. Смирение наше приказывает тебе служить братии.” Никита настоял на своем, и тайная гордость его привлекла к нему отца гордости. Явившийся в виде ангела, он дал ему совет оставить молитву и заниматься только книгами, а на себя принял молиться за него и молиться в виду его. Скоро стал Никита прозорливым и учительным. Он послал сказать Изяславу: “Ныне убит Глеб Святославич в Заволочье, пошли скорее сына твоего Святополка на Новгородский престол.” Как сказал он, так и исполнилось: князь Глеб точно был убит 1078 года, мая 30-го. Это оправдавшееся прозрение обратило внимание всех на Никиту: князья и бояре стали приходить к нему, чтобы слушать наставления его и предсказания. Никто не мог сравниться с ним в знании книг Ветхого Завета; он знал их на память, но книг Нового Завета он чуждался. По этой последней странности поняли, что он обольщен. Любовь отцов не могла быть равнодушной к несчастью брата. Игумен и подвижники Печерские пришли к прельщенному брату и, помолвившись, отогнали от него беса. Они вывели его из затвора и спрашивали о Ветхом Законе, желая что-нибудь услышать от него. Но он с клятвой уверял, что никогда не читал книг. Тот, который прежде знал на память все ветхозаветные книги, теперь не знал ни слова, и отцы едва научили его грамоте. С того времени он посвятил себя посту и чистому, смиренному, послушливому житию, так что превзошел добродетелями других подвижников. В 1096 году он избран и посвящен в сан епископа Великого Новгорода, где однажды во время пожара молитвой угасил пламя, а в сильную засуху испросил дождь на жаждущую землю. После тридцатилетнего святительства блаженный пастырь скончался 30 января 1108 года и погребен в Софийском соборе [3].

Преподобный Иоанн многострадальный представляет собой пример тяжелой борьбы с плотской похотью и славной победы над ней при совокупном действии твердой воли подвижника и благодати небесной. “Послушай, — сказал Иоанн одному брату, страдавшему унынием от борьбы с нечистыми помыслами, — я расскажу тебе, что было со мной. От самой юности много я страдал, мучимый похотью плоти, и не знаю, чего не делал я для своего спасения. По два и по три дня пребывал я без пищи, часто и по целой неделе не ел ничего, томил себя жаждой, носил на себе вериги. В таком страдании провел я три года и все не находил желанного покоя. Я пошел в пещеру, где лежит отец наш Антоний, и пробыл тут день и ночь, молясь пред его гробом. Тогда услышал я голос: “Иоанн! Тебе надобно затвориться здесь, чтобы, по крайней мере, невидением и молчанием ослабить брань. Господь поможет тебе молитвами Своих преподобных.” С того времени поселился я в скорбной и тесной пещере. Вот уже 30 лет живу я здесь и только недавно нашел покой, а всю жизнь провел обуреваемый страстями. Жестока была моя жизнь в постоянной борьбе с плотским вождением. Не имея силы выносить эту борьбу, я думал бежать отсюда. Наконец, я возложил на себя тяжелые вериги и выкопал себе яму по плечи; при наступлении великого поста влез в нее и своими руками засыпал себя землей, так что только руки и голова остались у меня свободными. Так, подавляемый землей, провел я весь пост, не имея возможности двинуть ни одним членом тела. Но и тут не вдруг прекратилось волнение плотское. Ноги мои, засыпанные землей, были как в огне, так что корчились жилы, трещали кости, жар обнимал чрево и все члены мои. Но я забывал лютую болезнь и в душе своей радовался, что чрез это утихали нечистые движения. Подлинно, я лучше желал сгореть

в этом огне для Бога, чем выйти из ямы. Враг спасения навел на меня страх, желая выгнать меня из пещеры. Я увидел страшного змея, который хотел пожрать меня, дыша пламенем, осыпая меня искрами, и много дней продолжалось это действие лукавого. В самую ночь Светлого Воскресения Христова этот змей так напал на меня, что голова моя как бы поглощена была его пастью. Тогда воззвал я из глубины сердца: “Господи Боже и Спаситель мой! Почто оставил Ты меня? Помилуй меня, Ты един человеколюбивый; избавь меня от скверного беззакония моего, чтобы не увязнуть мне в сети неприязненного; избавь меня от врага моего; блесни молнией и прогони его.” Лишь только произнес я эти слова, вдруг блеснула молния; змей исчез, и я не видел его с тех пор. Свет Божественный осиял меня, как солнце, и я услышал голос: “Иоанн! Вот тебе помощь; отселе внимай себе, чтобы не случилось тебе худшее и не пострадал ты в будущем веке.” Я поклонился и сказал: “Господи! зачем же Ты оставлял меня так долго мучиться?” — “По силе терпения твоего, — сказано в ответ, — навел Я на тебя искушение, чтобы ты был выжжен как золото; крепким и сильным слугам назначает господин тяжкую работу, а немощным и слабым — малую и легкую; ты молись о себе погребенному здесь против тебя: он может помочь тебе в этой борьбе; он выше Иосифа.” Я не знал имени умершего, уже после узнал, что это был Моисей Угрин. Молись и ты, брат, сему преподобному Моисею.” Блаженная кончина преподобного Иоанна последовала в затворе, где он подвизался. Святые мощи его почивают в том же положении, в котором он умер: голова и крестообразно сложенные руки — на виду; все прочее — в земле [4].

В удалении от мира и его соблазнов, отшельники, еще не вполне укрепившиеся в любви к Богу, подвергаются иногда искушению сребролюбия, страсти не столь грубой, как страсти плотские, но тем не менее опасной для души. Несколько подобных примеров было и в обители Печерской. Один инок по имени Феодор, при вступлении в монастырь раздавший все свое имение нищим, поселился в Варяжской пещере [5] и провел много лет в строгом воздержании. Но по искушению врага в сердце его зародилась скорбь о розданном имении и желание обогатиться, чтобы не терпеть нужды в старости. Искуситель помог ему отыскать в пещере сокровище, состоявшее из золота и дорогих сосудов. Обрадованный Феодор хотел уйти с богатством своим в мир. По счастью, другой инок, по имени Василий, связанный с ним союзом братской любви, успел привести сребролюбца в раскаяние. Феодор снова забыл сокровище и, чтобы впредь не увлекаться опасными помыслами, поставил у себя в пещере жернова, брал из закромов рожь и ночью молотил ее. Между тем до Мстислава, сына великого князя Святополка Изяславича, дошел слух, что Феодор нашел клад в пещере; он призвал Феодора и Василия и стал их допрашивать. Феодор отвечал ему: “Еще при жизни отца нашего Антония слышал я, что в этой пещере было древнее варяжское хранилище. Я видел там много золота и сосудов латинских, но Бог отнял у меня память, теперь не знаю, где зарыл их.” Мстислав, будучи пьян, велел мучить Феодора и сам пустил стрелу в Василия, который вынул ее, бросил к ногам князя и сказал, что он сам погибнет от стрелы. Оба инока в ту же ночь скончались, а Мстислав через несколько лет был смертельно ранен стрелой [6].

Другой инок по имени Арефа имел много богатства в своей келье и никогда не подавал нищим. В одну ночь воры украли все его сокровище. Отчаяние довело его до тяжелой болезни. Но, выздоровев, он раскаялся, роздал нищим все, что у него осталось, сделался затворником и провел остаток жизни в посте и молитве [7].

Искушение страсти сребролюбия постигло также преподобного Еразма, который прежде того употребил все свое имение на украшение Великой церкви Печерской. Враг стал внушать ему: “Нет тебе пользы от того, что ты истратил добро свое на церковь; лучше было бы, сберечь деньги у себя и подавать нищим.” Мучимый помыслом, он занемог и

семь дней лежал в бесчувственном положении. На восьмой день Еразм внезапно встал как здоровый и сказал: “Отцы и братия! Я великий грешник, но ныне явились мне отцы наши Антоний и Феодосий и сказали мне: “Мы молились за тебя, и Господь дал тебе время на покаяние.” Потом видел я и Пречистую Богородицу с Предвечным Сыном Ее на руках, и Она сказала мне: “Ты украсил церковь Мою иконами, и Я украшу тебя в царстве Сына Моего; встань, покайся, а на третий день Я возьму тебя к Себе.” После того Еразм исповедал грехи свои пред всеми, постригся в схиму и на третий день умер [8].

Два киевлянина, Иоанн и Сергей, перед прославленными чудотворениями Печерской иконой Богоматери заключили между собой духовное братство. Спустя несколько времени Иоанн заболел; чувствуя приближение смерти, он пригласил к себе преподобного игумена Никона и при нем, раздав много имения бедным, завещал 1000 гривен серебра и 100 гривен золота пятилетнему сыну своему Захарии, а до совершеннолетия его отдал это наследство на сохранение другу своему Сергию. Захария, пришедши в возраст, стал просить у Сергия отцовской собственности. “Отец твой, — отвечал Сергей, — отдал имение свое Богу; у Него и проси, а я ничем не должен ни тебе, ни отцу твоему; отец твой был так глуп, что раздал имение бедным, а сына оставил нищим.” Молодой человек со слезами просил дать ему половину или даже третью часть наследства, но Сергей отказал. “Если ты ничего не взял у отца моего, — сказал наконец Захария, — то иди и поклянись в том пред чудотворной иконой Богородицы, пред которой ты заключил союз братолюбия с отцом моим.” Сергей пошел в церковь и пред иконой Богородицы сказал, что ничего не взял из имения Иоаннова. Но когда хотел он лобызать святую икону, то не мог подойти к ней и закричал: “Преподобные отцы Антоний и Феодосий! Запретите этому жестокому ангелу губить меня; молитесь Пресвятую Богородицу, чтобы прогнаны были от меня злые духи; пусть возьмут серебро и золото в запечатанном ящике, в моей клети.” Принесли ящик и нашли в нем 2000 гривен серебра и 200 гривен золота. Пораженный чудом, Захария отдал золото и серебро в распоряжение игумена Иоанна, а сам постригся и сделался строгим постником; до самой кончины он не вкушал ничего, кроме сырой зелени [9].

Безопаснее затворничества путь общежительной жизни, подвиги послушания и отречения от своей воли. В числе смиренных послушников был преподобный Николай Святоша, сын Черниговского князя Давида Святославича, в миру Святослав-Панкратий. Он первый из русских князей добровольно принял иночество, хотя имел жену и детей; одна дочь его была супругой святого князя Всеволода-Гавриила. Оставив княжество, он проходил разные послушания в Печерской обители: три года работал на братию в поварне, сам рубил дрова, носил из реки воду на плечах своих и приготавливал братскую пищу; еще три года стоял у врат монастырских, как сторож, не отходя никуда, кроме церкви; отсюда взят был служить при трапезе и своим усердием приобрел общую любовь. После таких подвигов послушания преподобный должен был по совету игумена и всей братии поселиться в келии и заботиться только о собственном спасении. Он повиновался, и никто никогда не видел его праздным. Своими руками он насадил пред своей кельей небольшой сад и постоянно занимался каким-либо рукоделием, имея в устах молитву Иисусову. Не вкушал ничего, кроме общей монастырской пищи на трапезе, и не имел у себя никакой собственности, потому что раздавал нищим и на устройство Церкви все, что получал от родственников. Братья его много старались возвратить его в мир, особенно через врача, поселившегося для князя-инока в Киеве. Врач уверял, что такая суровая жизнь очень вредна для здоровья князя. Да и благочестивые братья твои, Изяслав и Владимир, — говорил врач, — терпят укоризну от твоей нищеты. Кто из князей поступал так? Кто из бояр пожелал иночества, кроме того Варлаама, что был здесь игуменом?” Блаженный отвечал ему: “Много думал я и положил не щадить плоти моей, чтобы она не одолевала меня; пусть она, угнетает-

мая многими трудами, смирится. Если никто из князей не делал этого прежде меня, то пусть я буду вождем, и кто захочет, пойдет по следам моим. Благодарю Бога моего, что освободил меня от работы мирской и сотворил слугой рабам Своим, блаженным черноризцам. Братия мои пусть думают о своем спасении, а мне прибыток, если умру для Христа.” Опыт показал, что подвижническая жизнь надежнее искусства врачевания. Подвижник-князь бывал нездоров; но каждый раз выздоравливал прежде, нежели приходил врач. Раз захворал врач и очень тяжело. Князь-инок послал ему сказать: “Если не будешь пить зелья, будешь здоров; а если не послушаешься, много будешь страдать.” Врач не послушался и едва спасся от смерти. В другой раз случилось заболеть врачу; он послушал совета блаженного князя и на третий день выздоровел. В 1142 году преподобный Николай примирил князей Черниговских с братьями великого князя Всеволода и тем прекратил междоусобицу; это была последняя земная служба его Церкви и родине: в том же году 14 октября он мирно почил [10] брат его Изяслав выпросил себе на благословение крест и власяницу умершего и надевал последнюю, когда отправлялся на войну, для избавления от опасностей.

Преподобный Алипий, научившись иконописанию от греческих художников, которые расписывали Великую Печерскую церковь, принял пострижение при игумене Никоне, трудился неусыпно и бесплатно писал иконы для игумена, для братии для церквей Киевских. Если случалось ему получать плату за труд, то одну треть ее употреблял на краски, другую — на милостыню, а третью — на свои нужды. За чистую и добродетельную жизнь он удостоился священства и прославлен от Бога даром чудотворения: он помазывал раны своими красками, как лекарством, и больные исцелялись. Одна из икон, чудесно написанных в его келье, находится и теперь в Ростовском Успенском соборе, где она сохранилась невредимой при трех больших пожарах, при падении первого каменного храма и при грабительских набегах татар и ляхов [11]. Другая икона была также чудесно написана в последние дни жизни Алипия. Он сказал братии: “Ангел, написавший икону, стоит теперь предо мной и хочет взять меня.” С этими словами первый русский иконописец предал дух свой Богу [12].

Преподобные Спиридон и Никодим занимались печением просфор, трудясь единодушно в течение тридцати лет. Первый из них, быв неграмотным, выучил наизусть всю псалтирь и прочитывал ее ежедневно при своей работе. Оба они почил около 1140 года [13].

Марк, называемый пещерником и гробокопателем, живя в пещере, постоянно копал землю и выносил ее на своих плечах, приготовляя места для погребения братии. За свой труд не брал он ничего, а если кто давал ему, он раздавал нищим. Однажды, утомившись от трудов, он не успел раскопать могилу достаточной ширины. Случилось тогда умереть одному из братии. Место оказалось так тесно, что мертвый едва с нуждой был вложен в могилу; братия роптали на Марка, не имея возможности ни убрать покойника, как следовало, ни возлить на него елей. Пещерник смиренно кланялся и говорил: “Простите меня, отцы святые, по худости моей не dokonчил.” Иноки еще более стали бранить его. Тогда Марк сказал умершему: “Сам, брат, потрудись: возьми и возлей на себя елей.” Мертвый протянул руку, взял масло и возлил его себе на лицо и на грудь крестообразно; потом, отдав сосуд, оправил на себе одежду и почил. Когда совершилось это чудо, на всех напал страх [14].

Некоторые из братии Печерской исключительно посвящали себя на служение нуждам ближних; таков был преподобный Прохор, прозванный Лебедником, уроженец Смоленский, постриженный при игумене Иоанне. Он так полюбил воздержание, что лишил себя ржаного хлеба, а вместо него собирал лебеду, растирал ее, пек себе хлеб и тем питался.

Кроме просфоры церковной и хлеба из лебеды, он не вкушал ничего: ни овощей, ни вина, никогда не был печален и всегда весело работал для Господа. В княжение Святополка Изяславича после сильных междоусобий наступил голод. Лебеды родилось очень много. Блаженный Прохор удвоил труды свои, собирая лебеду и приготавливая из нее хлеб. Всем голодным он раздавал хлеб свой, который казался всем сладким, как будто испеченный с медом; но тот же хлеб, если брали его тайно у Прохора, оказывался нестерпимо горьким. Когда по причине войны между князьями прекратился привоз соли, Прохор собрал золу из всех келий и раздавал ее нуждающимся; она оказывалась чистой солью. Князь Святополк, желая воспользоваться народным бедствием для своего обогащения, послал отнять соль у Прохора. Привезли отнятую соль; оказалось, что это зола; три дня подержали и выбросили. Тогда нуждающиеся по наставлению Прохора стали подбирать пепел, выброшенный князем, и он был для них солью. Узнав, как Прохор делал хлеб из лебеды и соль из пепла, князь с чувством раскаяния пришел в монастырь и примирился с игуменом Иоанном, которого прежде он сослал было в заточение и возвратил только по настоянию Владимира Мономаха. А к блаженному Прохору он стал иметь великое уважение и заключил с ним такой договор:

“Если я прежде тебя умру, то положи меня в гроб своими святыми руками, чтобы видно было на мне твое незлобие; если же ты престоишься прежде меня, я возьму тебя на плечи и сам отнесу в пещеру, чтобы Господь простил мне грех мой пред тобой.” В 1107 году настало время кончины преподобного Прохора. Святополк собирался тогда на войну с половцами. Блаженный послал ему сказать, чтобы пришел, если хочет исполнить свое обещание. Дав наставление князю, Прохор предрек ему победу, благословил его и вскоре скончался. Князь своими руками перенес его в пещеру [15]; потом он отправился на войну и возвратился с победой. После того он пред всяким походом приходил за благословением в обитель Печерскую.

Некоторые из подвижников Печерских имели дар исцеления болезней. При преподобном Феодосии был черноризец пресвитер, по имени Дамиан. Он отличался необыкновенной кротостью и был такой постник, что кроме хлеба и воды не вкушал ничего до самой кончины своей. Если приносили дитя, страдающее каким-либо недугом, или приходили больные в монастырь, преподобный Феодосий поручал Дамиану сотворить молитву над больным. Дамиан совершал молитву, помазывал освященным елеем, и страждущие получали исцеление. Когда он сам разболелся и приближался к кончине, ангел явился ему в образе преподобного Феодосия, обещая Царство Небесное. После пришел Феодосий и сел подле него. Умиравший, взглянув на игумена, сказал: “Не забудь же, что ты обещал мне в эту ночь.” Великий Феодосий отвечал ему: “Брат Дамиан, да будет тебе, что обещано мной.” Тот же, сомкнув очи, предал дух свой Господу [16].

При преподобном Антонии постригся безвозмездный врач Агапит, уроженец киевский. Он помогал великому отшельнику в заботах его о больных. Когда занемогал кто-либо из братии, Агапит, оставляя свою келью, переходил к больному брату, служил ему и давал вместо лекарства свою пищу — вареную траву. И больной по молитве его выздоравливал. Если же болезнь продолжалась, блаженный Агапит оставался неотступно при больном, молясь непрестанно, пока Господь подавал здравие по его молитве. Многие из города приходили к нему, и безмездный врач никому не отказывал в благодатной помощи. Сделался болен князь Владимир Мономах, княживший тогда в Чернигове. Не получая помощи от своих врачей, он послал звать к себе Агапита. “Если пойду к князю, — рассуждал блаженный Агапит, — то должен ходить и ко всем. Для человеческой славы не пойду за ворота монастырские, чтобы не преступить обета моего. Если выгонят меня отсюда, пойду в другую сторону и после опять возвращусь.” Он не пошел к князю, но послал ему варе-

ную траву, которую употреблял в пищу. Исцеленный князь пришел благодарить чудотворца, но Агапит скрылся. Найдя в келье золото, положенное князем, он выбросил его вон. Чудесное врачевание безмездного врача Печерского возбудило зависть в армянине, который славился тогда врачевным искусством. Но, убедившись многократными опытами, что во врачевании Агапита действует не искусство земное, а сила Небесная, армянин вскоре по блаженной кончине Агапита [17] сам сделался иноком и в добрых подвигах кончил жизнь.

Других подвижников Благодать Божественная призывала к спасению путем страданий и телесных болезней. Преподобный Пимен, прозванный многоболезненным, родился больным и вырос в болезнях: страдания очистили душу его от грехов. Много раз просил он родителей, чтобы дозволили ему постричься, но им не хотелось отдавать в монастырь единственного своего наследника. Наконец, не видя надежды на выздоровление, они решились отнести его в Печерскую обитель, дабы молитвы отцов испросили ему исцеление. Но и эти молитвы остались безуспешными, потому что сам больной усердно молил себе не здоровья, а умножения болезни, чтобы остаться в монастыре. Он желал только одного — иночества. И вот в одну ночь пришли к нему невидимые иноки, совершили над ним обряд пострижения, облекли страдальца в иноческую одежду. Никто не слышал, как пришли они; никто не знал, как в запертой церкви, в раке преподобного Феодосия, очутились волосы Пимена, отнятые при пострижении. Только звуки пения дошли до некоторых; но обряд был кончен, когда пришли к Пимену и нашли его уже постриженным с горящей свечой в руках. Более 20 лет пробыл Пимен в тяжкой болезни, так что прислужники тяготились им, нередко оставляя его без пищи и питья; но он все переносил с радостью. В ту же пещеру принесен был другой больной, чтобы слуге было удобнее ходить за двумя вместе, но и после того часто оставляли их без присмотра. “Брат, — сказал Пимен лежавшему с ним больному, — служащие нам гнушаются нами. Если Бог нас исцелит, можешь ли ты исправлять эту службу?” Больной обещался посвятить всю жизнь на служение больным. По слову блаженного Пимена, он встал здоровым и служил ему; но однажды обленился — и вновь заболел. “Маловерный, — сказал ему Пимен, — разве ты не знаешь, что болящий и служащий ему получают равную награду? Здесь — скорбь легкая, а там веселье вечное. Бог, который исцелил тебя, может исцелить и меня; но я не желаю. Пусть я сгнию в этой жизни, чтобы там плоть моя осталась без истления; пусть здесь будет вокруг меня смрадный запах, но чтобы там наслаждаться мне неисчерпаемым благоуханием.” Перед смертью добровольный страдалец сделался здоров, обошел все кельи, чтобы проститься с братьями, указал себе место для погребения и скончался в мире [18].

Преподобный Григорий-чудотворец постригся еще в игуменство преподобного Феодосия. Под его руководством он обучился смирению, послушанию и нестяжательности; особенно же любил он непрестанную молитву и столь успел в духовной жизни, что творил чудеса, провидел будущее и одним приближением своим изгонял бесов. Особенным подвигом его было исправление воров: три раза они покушались обокрасть его. Но он чудесами своими обратил их к покаянию. Недостойному брату Мономаха, князю Родиславу Всеволодовичу, шедшему в поход на половцев, блаженный Григорий предсказал, что он утонет в реке (что вскоре и исполнилось), и за это предсказание сам тотчас был утоплен по воле разгневанного князя, но на третий день найден мертвым в своей келье с камнем, привязанным на шее [19].

В числе иноков Печерских был преподобный Нестор-летописец, поступивший в обитель при преподобном Феодосии незадолго до его кончины и постриженный при игумене Стефане. Обладая необыкновенными дарованиями и разнообразными сведениями богословскими и историческими, он посвятил труды свои на изображение жизни и чудес но-

воявленных чудотворцев, святых мучеников Бориса и Глеба; потом написал житие наставника своего преподобного Феодосия; наконец, положил начало русской летописи, доведенной им до 1110 года. Многих происшествий был он самовидцем, а о других узнал от брата своего по иночеству, монаха Яна Вышатича, жившего 96 лет и умершего в 1106 году, следовательно, родившегося еще при Владимире Равноапостольном. Преподобный Нестор преставился в 1115 году в глубокой старости [20].

В жизни преподобного Тита, пресвитера Печерского, находим поразительный пример силы примирения. Он имел искреннюю любовь к иеродиакону Евагрию, но ненавистник добра посеял вражду между ними: они стали ненавидеть друг друга, не могли смотреть один на другого и старались не встречаться. Так прошло много времени; они дерзали совершать литургию и принимать Святые Тайны, не примирясь между собой. Наконец Тит тяжело заболел и послал к Евагрию, умоляя простить его. Братия, видя Тита умирающим, насильно привели Евагрия, чтобы простился с братом. Больной, увидя его, поднялся с помощью других и пал к ногам его, повторяя со слезами: “Прости меня и благослови!” Евагрий отворотился от брата и сказал: “Не прощу его ни в этом веке, ни в будущем!” С этими словами он вырвался из рук монахов и упал мертвый, а Тит встал совершенно здоровым. “Что было с тобою?” — спросили Тита. “Я видел, — сказал он, — что ангелы отступили от меня, а злые духи радовались моей злобе на брата. Тогда начал я просить прощения у брата. Когда привели его ко мне, я увидел ангела с огненным копьем; когда же Евагрий не захотел простить меня, грешного, ангел ударил его копьем, а мне подал руку и исцелил меня [21].”

В распространении веры Христовой много потрудились Киевские подвижники. Преподобный Евстратий-постник попался в плен к половцам, разорившим Печерский монастырь в 1096 году. Он вместе с монастырскими работниками был продан в Корсунь одному еврею. Еврей стал принуждать пленников своих голодом к отречению от Христа. Подкрепляемые наставлениями Евстратия, они решились скорее умереть, нежели изменить вере, и все скончались голодной смертью. Остался один Евстратий, привыкший с юности к посту; он пробыл 14 дней без пищи и питья. В день Пасхи еврей распял Евстратия на кресте; распятый страдалец благодарил Господа Иисуса Христа за то, что Он удостоил его пострадать так, как пострадал Он сам. “Я верую, — говорил он жидам, — что Господь скажет некогда и мне, как сказал разбойнику: днесь будешь со Мной в раю. Но вас постигнет мщение за кровь христианскую.” Раздраженный еврей пронзил страдальца копьем и бросил тело его в море [22]. Казнь Божия постигла убийцу: он был повешен. Многие из евреев — свидетелей страданий и исполнения пророчества распятого инока уверовали во Христа и крестились. Таким образом мученический подвиг преподобного Евстратия положил основание христианства между хозарами-иудеями.

Нечто подобное случилось тогда и у половцев. В числе пленных, приведенных ими из Киева, находился преподобный Никон (впоследствии прозванный Сухим); он достался в рабы одному Половчанину, который держал его в оковах. Богатые родственники хотели выкупить пленника. “Не тратьте понапрасну денег, — сказал он им. — Если бы Господу было угодно, чтобы я был свободен, Он не отдал бы меня в руки беззаконников. Охотно перенесу все, что случится по воле Его.” Не получив выкупа, половцы озлобились, начали мучить пленника: морили голодом, били, жгли на огне, резали ножами, летом сажали на солнце, зимой держали на морозе. И так прошло три года; страдалец молился и, наконец, удостоившись откровения, предсказал своим мучителям, что через три дня он будет в Печерском монастыре. Думая, что Никон хочет бежать, половец подрезал ему жилы на обеих ногах; но на третий день, в самый полдень, он вдруг сделался невидимым и внезапно явился, окованный цепями и покрытый ранами, в Великой Церкви Печерской. Спустя не-

которое время, пришел в Киев половец, у которого Никон был в плену, и узнал своего пленника, так чудесно спасшегося из плена. Это так поразило язычника, что он немедленно крестился, принял пострижение в Печерской обители и усердно служил преподобному Никону Сухому, который прожил еще несколько времени [23]. Узнав по слухам о чудесном избавлении Никона крестились многие половцы; а в последних годах XI века и в начале XII крестились в Киеве и вступили в брак с русскими князьями три дочери половецких ханов.

Просветителем диких вятичей был преподобный Кукша, священноинок Печерский. Хотя Курск был христианским городом в начале XI века (в раннюю молодость преподобного Феодосия, как мы видели из жития его), но другие поселения вятичей — Мценск, Брянск, Козельск — оставались языческими. Одушевляемый святой ревностью к вере, Кукша с учеником своим оставил тихую Печерскую обитель, чтобы проповедовать Истину Неба грубым язычникам; проповедь сопровождалась чудесами, которые утверждали веру в сердцах простых людей; большая часть крестилась, но упорные в суеверии идольские жрецы замучили святого проповедника. “Все ведают, — писал блаженный Симон, епископ Владимирский, о преподобном Кукше, — как он бесов прогнал, вятичей крестил, дождь свел, озеро иссушил, сотворил многие другие чудеса и после многих мучений убит был учеником своим.” В один день и час с ним скончался и преподобный Пимен-постник, друг Кукши, исцелявший недужных, имевший дар пророчества и за два года предсказавший свое отшествие к Богу. Став посреди церкви, он громко воскликнул: “Брат наш Кукша теперь убит.” Сказав эти слова, он преставился [24].

И на север — в землю Ростовскую и Суздальскую — стремились с Евангельской проповедью благодатные чада Антония и Феодосия. Мы видели прежде, что вера Христова еще не укоренилась в Ростове, и первый епископ того края святой Феодор вынужден был оставить Ростов и поселился в Суздале. Преемник его, грек Илларион, после бесплодной борьбы с язычеством удалился в Царьград. Третьим епископом Ростовским был святой Леонтий — один из учеников преподобного Антония, первый святитель (первопрестольник) из числа иноков Печерских. Он велик по действиям земной жизни как равноапостольный просветитель Ростовского края. Он велик на небе, как сильный молитвенник за землю Русскую. В пещеру преподобного Антония пришел он, без сомнения, позднее 1032 года, потому что тогда Феодосий нашел у Антония одного только Никона, рукоположен в сан епископа был прежде 1051 года, т.е. прежде, нежели был посвящен блаженный митрополит Илларион, второй святитель из пещерян. В земле Ростовской, населенной чудским племенем Мери, святитель Леонтий встретил язычников упорных, суровых и диких. Они не хотели слушать его, а близкого князя для помощи не было [25]. Увещания и мольбы о любви христианской не имели успеха; язычники осыпали святителя бранью, били его и выгнали из города. Но он решился не оставлять вверенного ему стада. Поселясь за городом близ ручья Брутовщины, он построил здесь деревянный храм архистратига Михаила. Видя невозможность действовать прямо на жителей Ростова, закоренелых в язычестве, он обратился к юному, еще не испорченному поколению: стал приглашать к себе детей, кормил их и ласкал; обласканные дети охотно ходили к Леонтию, а он учил их началам святой веры и потом крестил; вслед за детьми обратились к Христу и некоторые из взрослых. Но застарелые язычники взволновались и бросились к Церкви с дубинами и оружием. Причет, окружавший Леонтия, испугался; но святитель был спокоен, облачился в ризы святительские и вместе со священниками и диаконами, также облаченными в ризы, вышел к дикому народу. Спокойная твердость его поразила язычников: они пали перед ним в страхе, и многие из них крестились. Святой Леонтий рукоположил многих священников и диаконов, но не успел привести ко Христу всю “заблудящую чудь” (как выражается

древний писатель жития его). Апостольский подвиг его окончился мученической смертью [26].

Преемником великого святителя был также инок Печерский Исая, бывший игуменом Дмитриева монастыря в Киеве по кончине блаженного Варлаама. Он превзошел многих подвижников в посте, молитве и других добродетелях и за высокую жизнь свою поставлен епископом Ростовской страны в 1078 году. Блаженный святитель, найдя в Ростове людей новокрещенных и еще не утвердившихся в вере, усердно наполнял их учением веры и крестил их; истреблял идолов и на местах их строил храмы [27]. Утешением для святого Исая послужило участие князя Владимира Мономаха. Этот набожный князь построил на свой счет храм в Ростове и прислал для него одну из чудесных икон преподобного Алипия. Ревностный святитель преставился в 1090 году [28].

Почти современно святителю Исаяе трудился в просвещении остальных язычников Ростовского края преподобный Авраамий, не принадлежащий к Печерскому братству. Неизвестно, откуда пришел он в Ростов, где весь чудский конец города поклонялся еще каменному идолу Велесу. Близ озера Неро Авраамий поставил себе убогую хижину, начал принимать приходивших к нему христиан и поучал их Закону Божию, а вместе и молить Господа, чтобы помог сокрушить идола Велеса и привести Ростовцев к истинной вере. Скорбя об этом всей душой, благочестивый старец скоро удостоился видения святого евангелиста Иоанна Богослова, который вручил ему жезл для сокрушения идола. Идол немедленно был сокрушен. На том месте, где явился святой Иоанн Богослов, Авраамий поставил церковь, а там, где стоял прежде Велес, устроил первую в Ростове иноверческую обитель с малым храмом во имя Богоявления Господня. При помощи Божией преподобный Авраамий мало-помалу привел ко Христу и крестил всех остальных язычников города Ростова и почил в глубокой старости [29].

Около того же времени христианство укоренилось и в других окраинах Русской земли. Так в пределах древней Биармии при слиянии двух рек Сухоны и Юга в начале XII века существовал Троицкий Гledenский монастырь близ города Устюга Великого. Можно предполагать, что в этих местах уже были тогда христиане, — если не туземцы, то поселенцы Новгородские, — и что самое основание иноческих обителей имело целью дальнейшее распространение христианства между коренными жителями.

Около 1174 года многие жители Новгородской области, вероятно вынужденные бежать от смут на своей родине, оставили насиженные места и поплыли по Волге до устья Камы. Часть выходцев осталась на Каме, а остальные поплыли дальше на запад, где они нашли укрепленный город Болванск (ныне село Никулицкое) и овладели им. Туземцы, грубые язычники финского поколения, убежали от новых пришельцев в леса и долго боялись вернуться. Новгородцы построили в занятом городке церковь. Оставшиеся на Каме поплыли по реке Вятке пока не достигли черемисского города Кокшарска (нынешний Котельнич); завоевав его, они соединились с ушедшими на запад и вместе для защиты от туземцев основали крепкий город Хлынов (нынешняя Вятка). Переселенцы старались просветить христианством язычников, среди которых жили. Сначала встретили они со стороны суеверия сильное сопротивление, но постепенно вотяки стали обращаться в христианство. Раннее водворение христианства в Вятке было залогом успешного действия русских проповедников Евангелия на северо-восточных пределах России.

Почти в то же время трудился преподобный Герасим, уроженец и постриженник Печерский. В 1147 году он пришел из Киева на берега реки Вологды и у ручья Кайсарова основал обитель с храмом Святой Троицы. Это было еще до основания города Вологда. Тогда был здесь глухой лес, а в лесу — посад с Воскресенской церковью, и при нем малый

торжок. Подвижник благочестия примером своей жизни и светлыми наставлениями озарил дикую страну и мирно почил 4 марта 1178 года [30].

5. Удельная система. Владимир Мономах.

Раздробление Русской земли на множество уделов препятствовало развитию государственного значения потомков святого Владимира: каждый из них смотрел на свое княжество, как на временную стоянку, в ожидании более обширного или более богатого удела. Народ, со своей стороны, смотрел на князя, как на временного правителя.

Самодержец (по выражению современников — самовластец) Ярослав I, разделив свои владения между пятью сыновьями, назначил старшего из них, Изяслава, великим князем. Порядок и согласие между князьями не могли быть прочными, тем более, что великий князь не был государем для младших, а только имел надзор над ними — надзор отца за детьми, не пользуясь даже правом лишать виновных княжения. По прямому смыслу завещания Ярослав имел в виду постоянную неприкосновенность владений, данных каждому из сыновей его.

Через несколько лет по кончине Ярослава старший сын его был выгнан из Киева (как мы видели выше), а младшие сыновья стали заботиться, каждый на счет прочих, об усилении владений своих. Междоусобия сделались непрерывными. Наконец, все князья решились по совету лучшего из них — Владимира Всеволодовича Мономаха, внука Ярослава I от третьего сына его, Всеволода, — не подчиняться суду великого князя, но сделать общий княжеский съезд и на нем порешить возникшие споры. Этот первый съезд князей (по нынешнему — общий конгресс) был в Любече в 1097 году и впоследствии нередко повторялся, причем утвердилось новое правило — отнимать по общему приговору уделы у князей, которые окажутся виновными. Границы княжения и отношения князей стали определяться договорами.

Но и этих мер было недостаточно для спокойствия и порядка. Право на великое княжение принадлежало старшему в роде. Несмотря на то, князья очень часто восходили на киевский престол не по старшинству, а по согласию союзников, по выбору народа и просто по праву сильного. Ни один княжеский род не мог укрепиться на киевском престоле, где успели перебивать предки всех родов княжеских. Так было и в других княжениях, где иногда брат наследовал брату, иногда — сын отцу, иногда один родственник вытеснял другого только потому, что был сильнее его.

Раздоры князей губительно действовали на народ: он учился подражать им в самоуправстве. Когда Изяслав Мстиславич звал киевлян на войну против родственников низверженного и постриженного великого князя Игоря Олеговича, некоторые из народа сказали: “Идем с радостью, но враг князя и народа Игорь не в темнице сидит, а живет спокойно в монастыре святого Феодора; убьем его и пойдем на Олеговичей Черниговских.” Тысячи голосов завопили: “Убьем Игоря!” Напрасно князь Владимир, брат Изяслава, митрополит Климент и народные сановники запрещали, удерживали, молили. Неистовые устремились к монастырю, схватили жертву свою в церкви во время литургии, безжалостно убили Игоря и бросили нагого на площади. На другой день феодоровский игумен, совершая печальный обряд погребения убиенного князя-схимника Гавриила, воскликнул к народу: “Горе живущим ныне! Горе веку суетному и сердцам жестоким! Где любовь христианская?” [1]

Недаром народ, ненавидя род Олеговичей, был искренно привязан к племени Мономаха. Родоначальник этого племени, из которого вышло много святых князей, князь Вла-

димир Всеволодович, прозванный Мономахом, славный победами, подвигами за Отечество и благими нравами, употребил всю свою жизнь на примирение князей и успокоение земли Русской [2]. Летописцы хвалят его за привязанность к отцу, которого он никогда и ни в чем не ослушался, за снисходительность, милосердие, щедрость, незлобие. Он творил добро врагам своим и любил отпускать их с дарами; молясь в церкви, всегда проливал обильные слезы. Но всего яснее изображает его душу завещание и поучение, написанное им для сыновей.

“Приближаясь ко гробу, — пишет он, — благодарю Всевышнего за умножение дней моих. Рука его довела меня до старости маститой. И вы, дети мои, помните заповеди Божии, ходите по стопам отцов ваших. Страх Божий — основание добродетели. Велик Господь, и чудны дела Его! О, дети мои! Хвалите Бога и любите человеков. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас; спасут вас дела добрые. Не забывайте бедных, кормите их и мыслите, что всякое достояние принадлежит Богу, а нам дано только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли. Сиротам будьте отцами, не давайте сильным губить вдов и слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного; жизнь и душа христианина священны пред Спасителем нашим. Принимайте с любовью благословение пастырей духовных; творите им добро, да молятся они за вас Всевышнему! Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце и думайте: “Мы тленны, ныне живы, а завтра во гробе.” Бойтесь лжи, пьянства и любострастия, равно пагубного для тела и души. Старцев чтите, как отцов, мудрых слушайте, старшим покоряйтесь, с равными и меньшими имейте любовь, беседуйте без криводушия, воздерживайтесь от смеха, старайтесь опускать очи к земле, а душу возносить к небу. В пути, на коне, не имея дела, читайте наизусть молитвы или повторяйте чаще: “Господи, помилуй!” Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на постели! Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал отец мой, так делали все добрые люди в мое время. Когда озаряло их восходящее солнце, они радостно славили Господа.”

Благочестие и добрые дела являлись принадлежностью семейства Мономаха. Старшая сестра его, блаженная княжна Анна, прозванная Янкою, постриглась в Киевском Андреевском монастыре, основанном родителем ее, великим князем Всеволодом, и занималась воспитанием девиц, сама учила их грамоте, пению и рукоделиям. Она преставилась 3 ноября 1112 года. Сестра ее Евпраксия и дочь Владимира Мономаха Марина кончили жизнь свою в подвигах иночества в той же обители.

Достойный сын благочестивого Мономаха, святой Мстислав-Феодор, заслужил от современников имя Великого. С 12-летнего возраста отправленный дедом княжить в Новгороде, он еще в молодости явился образцом мужества и великодушия христианского. Олег, князь Черниговский, убил брата его Изяслава и захватил удел его — Ростов и Суздаль. Мстислав, не желая проливать кровь, послал сказать ему: “Ты убил брата моего, но на войне гибнут цари и князья; будь же доволен своей наследственной Рязанью, а я упрошу отца моего помириться с тобою.” Олег не послушал кротких убеждений и увещаний, но разбитый Мстиславом потерял свои завоевания и едва укрылся в Муроме. Тогда Мстислав снова предложил ему мир, умолил отца простить Олега, и Мономах согласился, сознавшись, что сын пристыдил его великодушием.

Вскоре Олег снова нарушил мир, снова был разбит и бегал в отчаянии, не зная, где приклонить голову. Мстислав послал сказать ему: “Святополк и отец мой Владимир (о себе он не говорил) не лишат тебя земли Русской; я буду твоим ходатаем, останься в своем княжении, только смирись.” Вслед за тем он возвратился в Новгород и примирил Олега с великим князем Святополком и Мономахом.

Понятно, что таким князем не могли не дорожить новгородцы. Когда Святополк хотел послать в Новгород сына своего, новгородские послы объявили ему: “Если у сына твоего две головы, то пришли его к нам. Новгороду нужен Мстислав, новгородцам дал его Всеволод; мы вскормили его для себя и любим его, а сына твоего не хотим.”

Мстислав остался в Новгороде, где сохранились, как памятники его благочестия, каменные храмы: Благовещенский на Городище, близ Новгорода, где со времени Рюрика было пребывание князей, и великолепный собор на княжьем дворе во имя святителя Николая, которого мощи незадолго пред тем были перенесены в Барград.

Этот последний храм был памятником признательности блаженного князя к великому святителю за исцеление от болезни. Святой Николай в видении повелел больному князю Мстиславу послать в Киев послов за иконою своею, вид и мера которой были показаны. Послы отправились, но буря, поднявшаяся на озере Ильмень, удержала их у острова Липного три дня. Здесь нашли они пловшую по воде икону святителя Николая, того самого вида (круглую) и размера, какие показаны в видении. Больной князь, приложась к святой иконе, получил исцеление [3].

После многих воинских подвигов при защите пределов новгородских доблестный Мстислав по воле отца перешел в Белгород, а в 1125 году, оплакав кончину родителя, сел в Киеве на престоле великокняжеском. В Киеве он устроил монастырь в честь ангела своего, великомученика Феодора, и храм в честь Пирогощей иконы Богородицы, доставленной из Царьграда.

После блистательного похода против дикой Литвы доблестный и благочестивый князь скончался в один из светлых дней Пасхи (15 апреля 1132 года), на 56 году своей жизни и погребен в построенном им монастыре. Он умел править Русскою землею, хранил порядок и правду, мог бы надолго утвердить спокойствие в России, если бы дожил до маститой старости отца своего. Еще современники не только называли его добрым и христоролюбивым князем, но и надеялись на загробные молитвы его. В одном древнем Прологе сказано, что он был неудержимо милостив ко всякому, серебра и золота в руки не принимал, потому что не любил богатства, и заранее узнал день преставления своего [4].

Во время княжения святого Мстислава, при святительстве святого епископа Никиты была основана в Новгороде первая общежительная обитель преподобным Антонием, чудотворцем. Он был уроженцем города Рим, сыном богатых и благородных родителей.

Зная твердо догматы веры православной и хорошо научившись греческому языку, он прилежно читал книги святых отцов; по кончине родителей, будучи 18 лет от роду, он раздал бедным большую часть имения, а оставшееся золото, серебро, драгоценные сосуды и другие церковные вещи вложил в бочку (делву) и пустил в море. После того Антоний в 1086 году удалился в пустыню, где отыскал православных монахов, укрывавшихся от папских гонений в горах и расселинах, и поселился с ними, приняв пострижение. Оттуда по любви к уединению он перешел на одну приморскую скалу и здесь, стоя на камне, провел год и два месяца в посте и молитве, после чего неисповедимыми судьбами Божиими перенесен вместе с камнем, на котором стоял, по морю, реке Неве, Ладожскому озеру (Невоозеро) и вверх по реке Волхов в страну Новгородскую. Камень пристал к берегу в ночь с 7 на 8 сентября 1106 года. Преподобный услышал звон к утреннему пению, увидел жителей неведомой страны и не понимал языка их, а они смотрели с удивлением на чудного пришельца, который не смел сойти со своего камня, не зная, где он, и опасаясь новых гонений от враждебного Рима. После трехдневной молитвы Господь послал ему человека, знающего греческий и латинский языки. С изумлением узнал от него Антоний, что пред ним Великий Новгород и Святая София, что он в три дня и три ночи совершил тот путь, который обыкновенно совершается в полгода. Ликовала душа пришельца, когда он увидел священ-

ное величие храма Святой Софии, благолепие обрядов церковных и услышал сладкогласное пение, хотя и на незнакомом ему языке. Обучившись несколько русскому языку, он открыл тайну своего чудного пришествия одному только епископу святому Никите, который посоветовал преподобному устроить обитель иноческую в честь Рождества Богородицы на том месте, где пристал к берегу пливший камень, и выпросил это место у новгородских посадников.

Спустя год после того случилось однажды, что рыбаки, трудившись целую ночь в рыбной ловле, ничего не поймали. Тогда преподобный Антоний предложил им гривенный слиток серебра с тем, чтоб они еще раз закинули сети в Волхов и все, что поймают, отдали в новую обитель. Рыбаки закинули сети и едва могли вытянуть их на берег: к общему изумлению, в неводе, кроме великого множества рыбы, оказалась та самая бочка, которую Антоний, еще будучи в Италии, бросил в море. Но рыбаки заспорили, уверяя, что бочка принадлежит им издавна и что они занимались ловить рыбу, а не товары. Преподобный должен был прибегнуть к суду посадников, и бочка была присуждена ему, когда он объяснил, что в ней находятся золотые потиры, церковная утварь, также золото и серебро, доставшееся ему в наследство от родителей. Это богатство послужило на построение каменного храма и на покупку близлежащих земель для монастыря. Святитель Никита сам начал копать ров под основание церкви, но не дожидая до окончания строительства храма. После 16-летнего игуменства преподобный Антоний, предугадав свою блаженную кончину, открыл духовному отцу дивную повесть жизни своей и велел предать писанию во славу Божию [5].

Два сына блаженного великого князя Мстислава Владимировича оставили по себе память добродетельной и святой жизни.

Старший из них, святой князь Всеволод-Гавриил, в ранней юности был оставлен отцом в Новгороде на княжение, когда престарелый Мономах вызвал Мстислава к себе, чтобы иметь в его лице помощника.

Достойный сын великого Мстислава много сделал добра для новгородцев; но они заплатили ему злом.

Начало своего княжения юный князь ознаменовал основанием Юрьева монастыря в Новгороде: вместе с игуменом Кириаком он заложил там в 1119 году величественный храм великомученика Георгия, наделив обитель разными угодьями. По случаю рождения сына Иоанна он построил на торговой новгородской площади, на Петрятином дворище, храм святого Иоанна Предтечи и выдал для нового храма весьма значительную по содержанию грамоту [6].

Наступило тяжкое время для Новгорода: угнетаемый двухлетним голодом, народ питался липовым листом, березовой корой, соломой и мохом; по улицам лежали трупы, и некому было погребать их; родители отдавали детей своих купцам иноземным, чтобы только спасти их от голодной смерти. В эти горестные дни Всеволод явил всю отеческую любовь свою к народу: он был отцом сирот и вдов, питателем нищих и голодных, истощал на них казну свою, но и ее не доставало для множества просящих.

Пребывая в Новгороде, Всеволод делал походы в Емь (Финляндию) для охранения новгородских границ, в Эстонию и Литву; все эти походы были удачны,

В 1132 году дядя его, князь Ярополк, вступил на киевский престол, дал Всеволоду удел Переяславский, который считался старшим после Киева и служил иногда переходным к великому княжению. С неудовольствием отпустили новгородцы своего доброго князя, упрекая его, что он изменил Святой Софии; а между тем родной дядя его, младший сын Мономаха князь Юрий Долгорукий, вооружился, говоря, что Ярополк хочет сделать племянника наследником своим в Киеве. Утром въехал Всеволод в Переяславль и до обе-

да выгнан был Юрием. Избегая междоусобия, богобоязненный князь возвратился в Новгород, но там на вече уже не хотели принять его, позабыв благодетельное его правление и славные победы. Спустя два года брат его Изяслав, лишенный удела тем же дядею Юрием, пришел в Новгород просить помощи. Новгородцы зашумели, вызываясь защищать Мстиславичей против властолюбивого Юрия. Всеволод выступил с войском, но поход был неудачен. Новгородцы требовали новой войны, хотели снова идти к Суздалью, но и на этот раз Бог не благословил оружия новгородского. Начали зимний поход, с терпением сносили холод и вьюги, но кровопролитная битва на Ждановой горе (26 января 1135 года) осталась навсегда памятною в летописях: здесь новгородцы потеряли множество людей, побили еще более суздальцев, но не могли одержать победы, и сам Всеволод едва спасся с остатком дружины. “Вся земля Русская разодралась тогда,” по красноречивому выражению летописца.

Раздраженные неудачей новгородцы, собравшись на смутное вече, осудили Всеволода на изгнание. Он был заключен в епископском доме с женою, детьми и тещею (супругою святого князя Николы Святоши), семь недель содержался, как преступник, под стражею и получил свободу только тогда, когда прибыл в Новгород избранный народом князь Святослав Олегович, друг Юрия.

Добродушный Ярополк дал изгнаннику Вышгород. Жители Пскова, до того времени неразлучные с новгородцами под властью одного князя, дорожили благодеяниями Всеволода и с живым усердием звали его к себе. Всеволод согласился на призыв любви; по дороге имел он утешение видеть, что между князьями его времени не иссякла любовь христианская. Полоцкий князь Василий, вместо того, чтобы мстить за обиды, нанесенные ему Великим Мстиславом, принимал и провожал Всеволода с братскою любовию. Верные псковитяне приняли с восторгом призванного ими князя и не устрашились, когда новгородцы поднялись на них войною. Устроив засеки и засев в окопах, они поклялись не выдать своего князя. Одумался Святослав Новгородский, побоялся кровопролития и воротился в Новгород, говоря: “Пусть Бог все управит своим промыслом.”

Между тем святой Всеволод заложил в Пскове каменный храм Святой Троицы. Не более одного года княжил он в Пскове, но этот последний год его жизни был ознаменован непрерывными благодеяниями. Блаженный князь во всю жизнь свою любил Господа и его служителей; любил и нищих, которых щедро снабжал всем нужным. Предчувствуя близкую кончину, он смирял себя постом и молитвою, питал нищих, призывал странных, сам перевязывал раны больным; но окрестные народы трепетали при имени князя, который никому не выдавал чести своей и верного ему Пскова; никто не смел нападать на подвластный ему город. После краткой болезни он мирно скончался в летах зрелого мужества 11 февраля 1138 года.

Опамятовались граждане Великого Новгорода, услышав о кончине блаженного князя, и послали протопопа от Святой Софии именем Полюда и с ним несколько благоговейных людей, чтобы взять мощи князя в Новгород. Но рака не двинулась с места, потому что святой князь хотел остаться там, где любили его. Горько плакали послы новгородские, раскаиваясь в неблагодарности своего народа, и молили дать им хотя малую часть от святых мощей на утверждение града их. Тогда отпал сам собою ноготь от руки блаженного князя. С радостью принял святыню протопоп Полюд и возвратился с нею в Новгород, а псковитяне погребли благоверного князя в построенном им храме великомученика Димитрия Солунского, потому что Троицкий собор был еще недостроен. Спустя 54 года они обретены нетленными. Святой князь явился в видении одному богобоязненному человеку и сказал: “Объяви властям, чтобы перенесли мощи мои в храм Святой Троицы; там хочу я возлечь. Господь Иисус Христос предал мне град мой Псков, чтобы хранить его от нече-

стивых немцев.” Святые мощи были благоговейно перенесены открыто в Троицкий соборный храм (27 ноября 1192 года) [7]; там они прославились многими чудотворениями.

В ночь, под 30 число июля 1363 года святой князь явился соборному пономарю, спавшему в притворе храма, и сказал: “Завтра объяви причту Святой Троицы и посадникам, чтобы вынесли иконы из церкви; в следующую ночь Господу угодно явить чудо над моими мощами.” Приказание было исполнено, и ночью обрушился громадный свод храма и отшиб малую часть челюстей благоверного князя, которая и донныне сохраняется в серебряном ковчеге.

Над гробницу святого Всеволода висит огромный и тяжелый меч его с надписью: “honorum meum nemini dabo” (чести моей никому не отдам) [8].

Другой сын Великого Мстислава, благоверный князь Ростислав-Михаил, родоначальник князей Смоленских, принадлежал к числу тех редких правителей, которые в блеске верховной власти находят более тягости, нежели наслаждения. Два раза возводили его на престол великого княжения, но он не любил власти и всегда готов был отказаться от нее. Достигнув глубокой старости и уже больной, он отправился из Киева в Новгород, чтоб утвердить там сына своего Святослава. На дороге смоленские послы встретили его за 300 верст от города; в Смоленске жители всех сословий приняли с подарками добродетельного старца-князя. Утомленный путем, он не мог ехать далее Великих Лук и там взял клятву с послов новгородских — забыть прежние неудовольствия на сына его и не искать себе другого князя. Больной, возвратился он в Смоленск, где сестра его Рогнеда и сын Роман уговаривали его остаться, чтобы быть погребенным в сооруженной им церкви Петропавловской [9]. “Везите меня в Киев, — отвечал он, — если умру по дороге, положите меня в отчем монастыре у святого Феодора; если же Бог исцелит меня молитвами Пречистой Своей Матери и преподобного Феодосия, постригусь в Печерском монастыре.” Блаженный князь скончался в пути с тихою молитвой на устах: “Ныне отпусти раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром.” Это были последние слова его, и слезы остановились на застывших ланитах почившего [10].

Блаженный князь Ростислав отличался необыкновенным незлобием: он все прощал другим, помнил только о своих грехах, о своих долгах пред Богом и забывал о том, что должны ему другие. Часто говорил он Печерскому игумену: “Приготовь мне келью, боюсь смерти неожиданной.” Во время великого поста по субботам и воскресным дням, приглашал он к своей трапезе игумена с избранными старцами обители преподобного Феодосия, беседовал с ними о душевном спасении, а в каждое воскресенье поста приобщался Святых Тайн. Ему очень хотелось уклониться от суетного мира в Печерскую обитель, чтобы краткую, мимо текущую жизнь посвятить Богу в безмолвии. Не раз говорил он о том Печерскому игумену, блаженному Поликарпу [11], но благоразумный старец останавливал его, говоря: “Бог требует от тебя других подвигов: твори правду и блюди землю Русскую.” Ростислав не равнялся свойствами с отцом и дедом, но любил родину, любил мир и правду и боялся запятнать себя кровью Русскою.

6. Приемники Мономаха. Древние святые.

Между тем, как достойный сын Мономаха Мстислав Великий и благочестивые сыновья его Всеволод и Ростислав подавали земле Русской пример христианских и царственных добродетелей, на северо-востоке России, в земле Суздальской, княжил младший сын Мо-

номаха Юрий (Георгий) Владимирович, прозванный Долгоруким. Властолюбивый, но беспечный, он знаменит в истории гражданским образованием восточного края Руси, в котором он провел цветущие лета своей жизни. Он заботился о распространении там христианской веры, строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли; открыл пути в лесах дремучих; основал новые города: Юрьев-Подольск, Переяславль-Залесский и Дмитров. Но он не любил дикого и сурового севера, считал себя изгнанником в земле Суздальской и скучал по Киеву. “Неужели и детям моим не будет части в земле Русской?” — говорил он, стараясь добыть Киев. Юрий не имел добродетелей великого отца, не прославил себя в летописях ни одним подвигом, ни одним действием искреннего добросердечия, свойственного Мономахову племени. Он не уважал святости клятв и часто волновал Русь в пользу своего честолюбия. Будучи сыном Мономаха, которого любили во всех концах земли Русской, он не умел заслужить народной любви ни на севере, ни на юге, где, наконец, удалось ему незадолго до смерти занять престол великого княжения. Народ киевский столь ненавидел Долгорукого, что, узнав о смерти его, поспешил разграбить дворец княжеский и не дал похоронить тела его подле гробницы Мономаховой: Юрия похоронили за городом в Спасском Берестовском монастыре.

Сын его Андрей, прозванный Боголюбским, любил север, как родину; там народ был спокойнее, нежели на юге, не судил и не менял князей, но повиновался им усердно и сражался за них мужественно. Видя, что ему нечего искать на юге при жизни сыновей старшего из Мономаховичей, Великого Мстислава, храбрый и набожный Андрей тяготился в душе нерасчетливым властолюбием отца своего и тайно удалился из Киева в наследную область, где ростовцы и суздальцы приняли его с радостью и по смерти отца признали своим князем. Он мог тогда же завоевать себе древнюю столицу, но хотел единственно тишины долговременной и порядка в своем наследственном уделе. Он основал новое великое княжество суздальское, или владимирское, которое промысл Божий предназначил быть истинным сердцем Русского государства. Чувствуя, что Россия гибнет от раздробления власти, Андрей старался ввести единодержавие.

Удаляясь из Киева в Суздаль, он тайно взял с собою знаменитую икону Богоматери, написанную, по общему верованию наших предков, святым евангелистом Лукою. Из Иерусалима она была перенесена в Царьград императрицею Евдокиею, супругою Феодосия Младшего, и поставлена во Влахернском храме, а Патриарх Константинопольский Лука Хризверг прислал ее в Киев великому князю Юрию, который поставил икону в девичьем монастыре в Вышгороде. Оттуда и взял ее Андрей. Когда пришли на берег Клязьмы, не доезжая до Владимира, кони, везшие икону, остановились и не могли сдвинуться с места. Князь построил здесь каменный храм и поставил на время икону, а место назвал Боголюбовым, потому что Богородица возлюбила его. Построив во Владимире великолепный соборный храм [1], благочестивый князь перенес в него чудотворную икону и украсил ее окладом из 15 фунтов золота, жемчугом и драгоценными камнями. Быв свидетелем многих опытов благодатной помощи от сей святой иконы, князь Андрей питал к ней особенную веру и, когда выходил на брань, имел обычай брать с собою ее честный крест. Так поступил он и в 1164 году, отправляясь в поход против восточных болгар-мусульман. Пред сражением благочестивый князь укрепил дух свой приобщением Святых Тайн и молитвою пред иконой Богоматери. Болгары были разбиты, и князь далеко преследовал их. По возвращении из преследования на место битвы князь, прежде всего, принес благодарение Богоматери пред чудотворною Ее иконой. В это время от животворящего креста и иконы Богоматери воссиял свет, озаривший все войско. Память о сем чуде доселе сохраняется в празднестве Всемиловитовому Спасу (1 августа), установленном по желанию Ан-

дрея и по сношению с императором греческим Мануилом, который в тот же день видел свет от Креста Господня и победил сарацин [2].

Княжение Андрея Боголюбского кончилось страдальческой смертью: люди, осыпанные милостями князя, убили его в Боголюбове. Последние слова его были: “Господи! В руце Твои предаю дух мой” [3]. За девять дней до убиения святого князя Андрея скончался сын его князь Глеб, 20-летний юноша, благочестивый, чистый душою и телом. Тело его, положенное во Владимирском соборе, прославлено нетлением и чудесами [4].

Между тем, как в земле Суздальской возникало новое великое княжество, на архиерейской кафедре Великого Новгорода сияли добродетелями два великих святителя — Нифонт и Илия-Иоанн.

Святой Нифонт, уроженец киевский, монах Печерский, за святость жизни поставленный в сан епископа Новгородского в 1130 году, великолепно возобновил Софийский храм и построил каменные церкви: Успения и святого Климента в Новгороде и Спасскую на Псковском Завеличье [5].

В 1147 году великий князь Изяслав решил последовать примеру Ярослава Великого и созвал собор епископов для избрания и посвящения митрополита. К несчастью, тогда происходило кровавое междоусобие между Изяславом и Юрием Суздальским за киевский престол, и почти все князья удельные, разделившись на две стороны, принимали участие в этой распри. Естественно, тогда не могло быть того единодушия на соборе, какое было при самодержце Ярославе, тем более что давность обыкновения — получать первосвященителей из Царьграда — обратилась как будто в непреложный закон. Нельзя было ничего сказать против лица, предлагаемого великим князем: это был Климент Смолятич, родом русин, черноризец и затворник, строгий и просвещенный подвижник. Но святой Нифонт и Грек Мануил, епископ Смоленский, утверждали, что митрополит может быть посвящен не иначе, как вселенским Патриархом в Царьграде. Несмотря на их несогласие, Климент был посвящен русскими епископами в Киеве, а для блаженного Нифонта наступило тяжелое время. За несогласие покориться новому митрополиту, он вызван был в Киев и содержался в заключении до тех пор, пока Юрий Долгорукий, утвердись на киевском престоле, не отпустил его с честью в Новгород. Вскоре в Царьграде посвятили нового митрополита Константина [6], и Нифонт поспешил в Киев, чтобы встретить его, но, не дождавшись приезда митрополита, скончался в Киеве 21 апреля 1156 года, в субботу пасхальной недели [7]. Новгородский летописец, благоговей пред высокими добродетелями святого Нифонта, говорит: “Мы за грехи наши лишены утешения видеть у себя гроб его.”

Известны ответы блаженного Нифонта на вопросы Кирика, иеромонаха новгородского Антониева монастыря, относящиеся к богослужению, совершению Таинств и обрядов. Эти ответы в древности пользовались полным уважением всей Русской Церкви и теперь служат для нас доказательством, что все существенное в догматах веры и совершении Таинств сохранилось издревле неизменным, как непреложна самая воля Божия.

Через несколько лет после преставления блаженного Нифонта вступил на Софийскую кафедру по избранию народного веча святой Илия-Иоанн, природный новгородец, священник Власьевской церкви на Волосовой улице [8]. Он был посвящен в Киеве в 1166 году и вскоре после того получил от митрополита грамоту, предоставлявшую Новгородскому владыке и преемникам его сан архиепископа.

Вскоре после того новгородцы, беспрестанно призывая и изгоняя князей, не послушались Андрея Боголюбского. Тогда великий князь решил сломить гордыню Новгорода и послал многочисленное войско с 72 князьями. Бесчеловечно опустошив область Новгородскую на триста верст в окружности, князья осадили Новгород. В третью ночь осады, 25 февраля 1170 года, святитель Илия со слезами молился пред иконою Спасителя [9], и

Небесный Голос возвестил ему: “Иди в церковь Спаса, что на Ильиной улице, возьми там икону Богородицы, носи ее на городские стены и увидишь чудное спасение.” Наутро архиепископ вынес икону на наружное укрепление города [10] прямо против осаждающих. Народ молился с воплем и слезами. Осаждавшие простерли воинскую отвагу до наглости против святыни: сыпались стрелы на молящихся, и одна из них поразила святую икону [11]. Тогда на суздальцев напал внезапный ужас, и они потерпели страшное поражение; в плен взято их было так много, что за пленного суздальца давали только по две ногаты (денежки). Святитель установил ежегодный праздник (27 ноября) Знамения Богородицы в память о чудной победе, “дне избавления Новгорода и дне наказания для врагов его” [12].

После того Новгород некоторое время наслаждался миром. Блаженный пастырь, умиряя народ и умилостивляя князей, находил время на сооружение многих храмов в городе и Благовещенской обители на озере Мячине [13], на составление церковных правил, сохранившихся до нашего времени, а может быть, и на писание летописи. Достигнув глубокой старости, пред концом жизни он сложил с себя омофор и принял схиму под именем Иоанна. По усердной просьбе духовенства и всего народа он передал архиепископство брату своему Гавриилу и преставился 7 сентября 1186 года [14].

В числе князей, которых много переменялось при 40-летнем святительстве архиепископа Илии-Иоанна, был святой Мстислав — сын блаженного великого князя Ростислава и внук святого Мстислава Великого. Еще в молодости он заслужил у современников прозвание Храброго не только по личному мужеству в битвах, но и по особенному благородству характера, по которому всегда вступался за правого против виноватых и за слабого против сильных. Руководствуясь древним обычаем, по которому киевский престол должен был принадлежать старшему в роде, он вместе с братьями посадил на киевское княжение дядю своего Владимира Мстиславича против воли Андрея Боголюбского. Привыкнув, как пишут современные летописцы, от ранней юности не бояться никого, кроме Бога Единого, храбрый князь не побоялся стотысячной рати Боголюбского. С малочисленною, но смелою дружиною он заперся в Вышгороде, рубился на вылазках днем и ночью и выдержал девятидневную осаду. Между тем в стане осаждающих не было ни усердия, ни согласия: одни князья тяготились самовластием Андрея, другие опасались коварства Олговичей, некоторые же тайно доброжелательствовали Мстиславу и его братьям. Наконец, когда один из князей, подручных Андрею, Ярослав Луцкий, открыто перешел на сторону осажденных, несметные полчища осаждающих взволновались и ночью в беспорядке обратились в бегство, стараясь переправиться на другой берег Днепра.

При свете утренней зари Мстислав стоял на стене Вышгорода. Он смотрел с изумлением, как войско многочисленное, как бы гонимое сверхъестественною силою, бросалось с крутого берега в глубину Днепра; поднял руки к небу и восхвалял заступников Вышгорода, святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Мгновенно вскочил на коня храбрый князь и поспешил довершить поражение врагов, завладел станом неприятельским и множеством плененных, которых отпустил без выкупа. Посадив в Киеве старшего брата своего Романа, он отдал ему и Смоленск. Себе храбрый князь не искал никакого удела: он был везде, куда звала его правда и слава. С того времени Мстислав Ростиславич считался храбрейшим из всех храбрых князей. Вскоре новгородцы прислали звать его к себе на княжение, но он колебался, говоря, что не хочет расстаться с добрыми братьями и своею отчиною — Смоленском. “А Великий Новгород, разве, не твоя вотчина? — возразил посадник. — Иди князь, поклонись святой Софии, послужи ей верой и правдой, как служили дед твой и прадед.” Мстислав согласился, потому что добрая душа его, как пишут современные летописцы, “всегда рвалась на дела великие.”

С восторгом встретили новгородцы храброго князя, прославившегося борьбою с тем самым Андреем, который угрожал Святой Софии своими несметными полчищами. Мстислав усмирив чюдь, принудив ее платить дань, освободил Псков от междоусобий и собиравшись в поход на Полоцкого князя, которого прадед ограбил некогда Новгород и Святую Софию.

Но приближался уже предел земной его жизни: во всей силе мужества он внезапно поражен был тяжким недугом. Чувствуя приближение смерти, Мстислав велел нести себя в Софийский собор и там пред всем народом приобщился Святым Тайн; после того он взглянул на супругу и трех сыновей и, прослезясь, сказал: “Поручаю их добрым братьям моим, особенно берегите младенца моего Владимирка.” Тогда успокоились крестообразно мощные руки его на широкой груди, которая служила щитом Великому Новгороду, и почил доблестный князь 14 июня 1180 года. Громко рыдал о нем народ, погребая храброго князя в Софийском соборе в древней аспидной гробнице блаженного храмоздателя Святой Софии князя Владимира Ярославича [15].

Современники, оплакивая раннюю кончину Мстислава, всеми любимого, величают мужественную красоту его, светлый смелый взгляд голубых очей, исполинский рост, необыкновенную силу, удачу в победах, младенческое добродушие, соединенное с пылкостью сердца благородного, ненависть к неправде, смирение пред старшими родом и летами, ласковость и приветливость ко всем, милосердие к бедным и сиротам, горячее усердие к Богу и Церкви. По свидетельству летописца, он был красою Руси и своего века. Другие воевали для корысти, он — только для правды и славы, презирая опасности и отдавая всю добычу Церкви и своей дружине, которую ободрял в битвах, говоря: “За нас Бог и правда, умрем сегодня или завтра, умрем лишь с честью.” Не было земли на Руси, где бы не желали служить ему и где бы не оплакивали ранней его кончины.

В лице храброго Мстислава мы видим уже третье поколение святых князей из благословенного рода Мономахова, как бы самим Промыслом Божиим предназначенного для счастья и славы России. Но и в других родах княжеских того времени появлялись личности, удивлявшие современников благочестием и святостью жизни. К числу их принадлежит преподобная княжна Евфросиния, в миру Предислава, внучка владетельного князя Полоцкого Всеслава Брячиславича. Отец ее Святослав-Георгий был младшим из семи сыновей князя Всеслава. Родители воспитывали Предиславу в страхе Божиим, и она оказывала такую любовь к книжному учению, что изумляла тем родителей. Красота ее стала привлекать князей, но сердце чистой девы было занято любовью к Небесному Жениху, и она тайно удалилась в девичий монастырь, где игуменствовала тетка ее, вдова князя Романа Всеславича, и по неотступной просьбе была пострижена под именем Евфросинии. Впоследствии она испросила себе позволение жить в пристроенной к Софийскому собору келии и голубце. Здесь она пребывала в молитве, занималась списыванием книг и плату, какую получала за то, раздавала нищим. Потом по особенному видению решила она основать свой монастырь на загородном месте, отданном ей местным епископом с ветхою Спасскою церковью.

Там к благочестивой Евфросинии скоро собрались сестры. В числе их была младшая родная сестра ее Градислава, нареченная в иночестве Евдокиєю; потом двоюродная сестра ее Звенислава принесла к преподобной все дорогие вещи, приготовленные ею на приданое, и навсегда отреклась от мира с именем Евпраксии. Ревнуя о благолепии дома Божия, блаженная Евфросиния, вместо ветхого деревянного храма, построила (около 1160 года) каменный храм Спасителя в своем монастыре, сохранившийся до нашего времени [16], и приготовила для нового храма драгоценный на престольный крест [17]. Горя любовью к Спасителю и Богоматери, она воспользовалась родственною связью с домом императоров

Комнинов, чтобы выпросить одну из трех икон, писанных, по преданию, евангелистом Лукою, которая тогда находилась в Ефесе [18]. По усердной ее просьбе император Мануил и Патриарх Лука Хризверг прислали ей Ефесскую икону, и Евфросиния, украсив ее драгоценною ризой, поставила в своей Спасской церкви.

Преподобная игуменья усердно заботилась о спасении сестер своих о Господе. Древний жизнеописатель ее передает трогательную беседу, которую она возбуждала их к подвижничеству. “Я собрала вас о Господе, — говорила преподобная, — как кокош собирает птенцов, собрала словесных овец на духовную пажить. Паситесь же в заповедях Господних, возрастайте в добродетелях от силы в силу, чтобы я с радостью заботилась о вашем спасении и видела с утешением духовные плоды трудов моих. Стараюсь я сеять в вас слова Божии, но сердечные нивы ваши не остаются ли в прежнем виде? Они не зреют, а время жатвы близится, и лопата готова, чтобы отделить плевелы от пшеницы. Страшусь, не нашлись бы между вами плевелы и не преданы бы были Огню Негасимому. Старайтесь, молю вас, старайтесь сохранить себя от грехов и спастись от геенны. Творите из себя чистую пшеницу Христову, измелитесь в жерновах смирения, трудами постническими, чистотою, любовью, молитвами, — да будете Богу как хлеб сладкий!”

Уже в преклонных годах преподобная Евфросиния исполнила давнее свое желание — посетить святые места Палестины. Вверив обитель сестре своей Градиславе-Евдокии, она отправилась на восток в сопровождении родного брата своего князя Давида и Звениславы-Евпраксии. На пути она встретила с императором Мануилом, шедшим в поход против венгров; потом в Константинополе была обласкана Патриархом Лукою. Она посетила Святую Софию Цареградскую, поклонилась святыням и в других местах столицы восточной и продолжала путь в Иерусалим. Здесь, остановясь в русском монастыре пресвятой Богородицы, блаженная княжна несколько раз ходила на поклонение живоносному Гробу Господню и поставила над ним золотую лампаду. Потом обошла места, ознаменованные земною жизнью Спасителя, и в русском монастыре занемогла. После краткой болезни она предала дух свой Господу 23 мая 1173 года. Тело преподобной Евфросинии погребено было в окрестностях Иерусалима, в общежительном Феодосиевом монастыре, на паперти храма, там, где покоились мощи преподобного Саввы Освященного и преподобного Феодосия. Впоследствии [19] святые мощи ее перенесены в Киевские пещеры, где нетленно почивают и поныне в раке, окованной серебром в знак благодарности за исцеления.

В одно время с преподобною Евфросинией жил великий святитель Русской Церкви святой Кирилл Туровский, по выражению древнего писателя жития его, “златословесный учитель, светлым учением богоразумия своего просветивший все концы Русские.” Он родился в Турове, на реке Припяти, от богатых родителей, но, отказавшись от наследства, принял монашество в Туровском Борисо-Глебском монастыре. Не довольствуясь строгою жизнью обыкновенных иноков, блаженный Кирилл по примеру великих столпников востока первым из русских стал подвизаться на столпе. Впоследствии возведенный в сан архипастыря Туровского он с ревностью предлагал пастве своей поучения в храме. По любви к уединению блаженный пастырь в 1182 году оставил кафедру и проводил последнее время жизни своей в уединенной молитве. Он преставился 27 апреля 1183 года.

После святого Кирилла сохранились драгоценные памятники трудов его: объяснение чина черноризцев с превосходными мыслями об иноческой жизни, 24 молитвы, покаянный канон, вполне достойный имени Великого не по обширности, но по обилию и глубине чувств, и 12 поучительных слов на Господские праздники; слова эти справедливо оставили за Кириллом имя русского Златоуста; они дышат любовью к слову Божию и спасению людей.

Вот несколько тропарей из покаянного канона, написанного святым Кириллом:

“Становлюсь обличителем против меня самого в злых делах, которыми прогневал я Христа, преступая заповеди его: передаю письму все помыслы, слова и дела, все скверны и беззакония — вслух всему миру.”

“Доколе тебе, бедная душа, быть в узах, объятой страстями, обидами, немилосердием, гордостью, пьянством? Эти тенета врага сведут тебя живую в ад. Воззови в покаянии: о, Христе мой! Разорви узы греха и спаси меня.”

“Душа моя! Горька темница и тяжелы оковы — злые твои страсти. Если не сбросишь их, сама себя отдашь ты бесам и будешь ими мучима.”

“Как человек, согрешил я, но прости меня, как Бог, Ты, Отче, Сыне и Святой Дух! Тебе поклоняюсь я верно и ищу Твоей милости, до последнего вздоха моего.”

“Всех я грешнее, не смею взглянуть на Небо; припадая, вопию пред Тобою, Матерь Божия Пречистая: умилосердись надо мною, избавь меня от вечного мучения.”

Подвижничество на столпе по примеру великого Симеона Столпника, продолжалось на востоке до XII века, но и там, как необыкновенно тяжелое, мало находило подражателей. В Русской Церкви при суровом климате нашего отечества столпничество было еще реже: кроме святого Кирилла известен только один русский столпник также XII века — преподобный Никита, Переяславский чудотворец.

Уроженец Переяславля-Залесского, преподобный Никита заведовал сбором податей на своей родине в то время, когда устройство многих городов Суздальского края князем Юрием Долгоруким и перенесение Переяславля с низменного берега озера Клещина на берег реки, прозванной тогда Трубежем, требовали усиленных налогов. Сборщик Никита был беспощаден к другим, не столько для князя, сколько для своей корысти: грабил бедных, теснил слабых и безнаказанно наживался на счет других. Так жил он много лет без страха Божия. Однажды случилось ему войти в церковь и услышать чтение из книги Исайи-пророка: “Измыйтесь и чисти будете, отымите лукавства от душ ваших” и проч. Слова эти так потрясли душу Никиты, что он целую ночь провел без сна. Наутро, желая развлечься, он пригласил к себе приятелей на веселую беседу и велел жене приготовить обед. Но когда она стала варить, то сперва увидела кровь на поверхности воды, потом разные члены человеческого тела. В ужасе сказала она о том мужу, и он увидел то же самое. “Горе мне, много согрешившему,” — промолвил он с глубоким вздохом и ушел из дому. Игумен Никитского монастыря, куда пришел Никита, ища спасения, велел ему стоять три дня у ворот обители. Никита сделал еще более: он пошел и сел нагой в тростниковое болото; там комары и мошки осыпали его; кровь текла из тела, искусанного ими. Принятый в обитель, Никита затворился на 20 столпе. Там молился он о грехах своих в тяжелых веригах и каменной шапке [20], открытый морозу и зною. По ночам, выходя из обители, он выкопал два колодца [21].

В таких многотрудных подвигах душа блаженного Никиты очистилась и удостоилась благодати Божией. Князь Михаил, сын Всеволода Черниговского (тогда еще отрок, а впоследствии мученик, как увидим ниже), страдал тяжким недугом. Услышав, что в Переяславле живет святой столпник, удостоенный дара исцелений, он с верою отправился к нему; преподобный Никита послал ему жезл свой, и больной, опершись на него, стал здоров. Признательный князь 16 мая 1186 года велел поставить в память о милости Божией, крест на том месте, где получил исцеление [22]. Вскоре после того родственники блаженного Никиты, приходившие к нему, прельстясь блестящими веригами, которые показались им сделанными из драгоценного металла, умертвили столпника 24 мая ок. 1186 года [23].

Иноческая жизнь в Новгороде и его окрестностях в это время особенно распространялась из Хутынского монастыря. Основателем этой знаменитой обители, находящейся в 10

верстах от Новгорода, на высоком берегу реки Волхов, был преподобный Варлаам (в мире Олекса Михалеви́ч, или Алексей Михайлович) — уроженец новгородский, сын благочестивых и благородных родителей. Приняв на себя пострижение, он поселился на месте, называемом Хутынъ, где он видел светлый луч из чащи леса. Мало-помалу собиралась к нему братия, которой он построил малую деревянную церковь Преображения Господня.

Дар прозорливости и чудотворений привлекал к Варлааму особенное уважение граждан вольного города. Особенно замечательны в житии его два опыта прозорливости.

Однажды блаженный игумен Хутынский увидел на Великом Волховском мосту толпу народа и палача, который готовился сбросить в реку человека, осужденного на смерть. Преподобный остановился и, благословив народ, стал просить, чтобы отдали ему осужденного, дабы он загладил вину свою служением в монастыре. Народ единогласно воскликнул: “Отдайте, отдайте, отдайте его отцу нашему Варлааму!” Впоследствии этот несчастный постригся в обители и кончил жизнь в богоугодных подвигах. Но в другой раз, встретив на том же мосту другого, осужденного на потопление, прозорливый старец, несмотря на просьбы сродников несчастного и многих из народа, не захотел вступить за него и проехал мимо; казнь совершилась. На вопросы учеников, почему он поступил не так, как прежде, старец сказал им: “Первый осужденник, которого я выпросил у народа, был весьма грешный человек и осужден справедливо. Но так как в сердце его возбудилось раскаяние, и я видел, что по вере своей он может спастись, то и выпросил его у народа и пристроил в обитель, как было угодно Богу. Другой же осужден был напрасно, и я видел, что он умирает мученической смертью и готов ему венец от Христа; не нужно мне было ходатайствовать о нем, потому что сам Христос — Помощник ему и Избавитель” [24].

Часто приходил преподобный для беседы к владыке Новгородскому. Однажды, расставаясь с владыкою, святой Варлаам сказал ему: “Если Бог благословит, приеду к святыне твоей на санях в пятницу первой недели поста святых апостолов.” И действительно, в ночь накануне этого дня выпал снег на полтора аршина, при сильном морозе. Святой Варлаам исполнил свое обещание и с тем вместе успокоил народ, испуганный безвременною непогодой, предсказав необыкновенный урожай, что и сбылось, потому что снег истребил червей, появившихся во множестве на корнях хлеба [25].

Незадолго до блаженной кончины преподобный Варлаам окончил сооружение каменного храма в своей обители [26]. Чувствуя приближение смерти, он назначил вместо себя настоятелем ученика своего Антония и предал Богу праведную свою душу 6 ноября 1192 года [27].

Сокровище мощей преподобного Варлаама со дня преставления его и донныне остается под спудом. Он был отцом иноков и насадителем иночества в пределах Новгородских. Преемник его в игуменстве, преподобный Антоний, основал свой монастырь [28] на берегу Дымского озера, в 15 верстах от г. Тихвина. Там он почил 24 июня 1224 года [29].

Третий игумен Хутынский, также ученик преподобного Варлаама, преподобный Ксенофонт, удалился за 25 верст от Новгорода и на берегу речки Робейки около 1230 года основал пустынную обитель с храмом Святой Троицы [30].

Другие ученики преподобного Варлаама, Константин и Козьма, уединились в окрестности Старой Руссы и там на острове, омываемом двумя речками Полистью и Снежною, положили основание Косинской обители [31].

7. Нашествие Батыя и порабощение Руси.

В северном великом княжестве, основанном Юрием Долгоруким и укрепившемся при сыне его Андрее Боголюбском, некоторое время сохранялось единое княжество, но и там, наконец, появились княжеские уделы. Брат Андрея Всеволод Георгиевич, прозванный Великим, княжил славно и счастливо 37 лет и строго соблюдал правосудие. “Не обинуясь лица сильных, — по словам летописца, — и не втуне нося меч, от Бога данный,” он казнил злых, миловал добрых, мстил иногда жестоко, но без несправедливости; уважал древние обычаи, требовал безусловной покорности от князей южных, но без вины не отнимал у них уделов; повелевая Новгородом, он льстил иногда своеволию граждан; мужественный и счастливый в битвах, он старался сохранить мир и не любил кровопролития бесполезного. Он соорудил несколько храмов, укрепил Владимир, Суздаль и Переяславль-Залесский и казнил убийц Андреевых.

Первая супруга Всеволода Мария, родом ясыня, мать 8 сыновей, из коих двое умерли в младенчестве, отличалась благочестием и мудростью. Летописцы называют ее русскою Еленою, Феодорою, второю Ольгою. В последние годы жизни, страдая тяжким недугом, она показывала собою пример удивительного терпения, часто сравнивала себя с Иовом, а пред кончиною призвала сыновей и заклинала их жить в любви и помнить мудрые слова Великого Ярослава, что междоусобие губит князей и Отечество, возвеличенное трудами предков; советовала детям быть набожными, трезвыми, приветливыми ко всем и особенно уважать старцев [1].

В княжение Всеволода в 1204 году взят крестоносцами третьего крестового похода Царьград, — происшествие, горестное для наших предков, тесно связанных с греками, ведрою и торговлею. Ограбив богатые храмы [2], похитив многие святыни [3], крестоносцы избрали не только своего императора — Балдуина, графа Фландрского, но и латинского патриарха Фому Морозини; православный Патриарх Иоанн Каматер, оставив им в добычу казну Софийскую, удалился из города, как бедный странник, на осле, прикрытый рубищем. Папа Иннокентий III, один из самых могущественных первосвященников римских, поспешил воспользоваться этим случаем, чтобы подчинить себе Русскую Церковь. Он писал к нашему духовенству, что вера истинная торжествует в Царьграде и во всей империи, что Церковь Римская есть ковчег спасения, и вне ее все должно погибнуть: неужели, одни только жители земли Русской захотят быть отверженными от паствы Христовой? Увещание папы осталось без последствий; митрополиты наши поставлялись после того в Никее, где пребывали православные Патриархи царьградские до изгнания латинян из Константинополя.

Тогда же другие крестоносцы сделались опасными для северо-западной России. Еще Ярослав I утвердился в Прибалтийском крае, населенном эстонскою чудью, построив там город Юрьев (Дерпт), и заботился о распространении православной веры между туземцами; но во время междоусобий власть князей в этом крае ослабела, и только по временам новгородцы производили в нем опустошения и заставляли чудь платить дань. В другой стороне Прибалтийского края, по Западной Двине до самого устья, латыши или ливы издревле платили дань князьям Полоцким. Сюда-то к устью Двины пристал в 1158 году корабль бременских купцов и положил основание двум торговым конторам в Уксуле и Далене. Узнав о том, архиепископ Бременский с благословения папы Александра III отправил сюда миссионеров. Вслед за миссионерами открылся крестовый поход против язычников; в конце XII века крестоносцы утвердились в Ливонии; в 1200 году епископ Альберт основал Ригу, а два года спустя возник в Ливонии и орден рыцарей Меча. Князь Полоц-

кие не имели достаточных сил для изгнания пришельцев и готовы были довольствоваться данью, которую привыкли брать с латышей или ливонской Чуди. Немцы не только отказались им в платеже дани, но мало-помалу совершенно завладели всею южною частью приморского края, или, собственно, Ливонией. Папа отпуская грехи всякому, кто под знаменем креста лил кровь на берегах Двины. Ежегодно из Германии толпами отправлялись туда странствующие богомольцы, но не с посохом, а с мечом — искать спасения души в убийстве людей.

Северная часть Прибалтийского края и особенно страны, пограничные с областью Псковской, еще держались под властью Новгорода, который тогда более, чем когда-либо, нуждался в доблестном князе. Там княжил малолетний сын великого князя Всеволода; бояре владимирские правили именем князя-отрока. Мстислав Удалой, или Удатной, сын святого князя Мстислава Храброго, вздумал воспользоваться обстоятельствами, зная, что память отца его любезна новгородцам и что они тяготеют самовластием Всеволода. Он внезапно занял Торжок и прислал посла к новгородцам с такими словами: “Бью челом Святой Софии и гробу родителя моего; низко кланяюсь Великому Новгороду. Я сведал, что Суздальский князь угнетает вас. Новгород — моя отчина; иду восстановить вольность его по всей старине.” Эта речь пленила граждан вольного города; они единогласно объявили Мстислава своим князем. Удалой Мстислав собрал войско для защиты от Всеволода; но осторожный старец не хотел битвы: он довольствовался возвращением к себе юного сына, сам предложил мир Новгороду и назваля отцом Мстислава, который поспешил ополчиться на немцев, прошел по Чудской земле до самого моря и взял выкуп 400 гривен серебра. Вскоре после того (15 апреля 1212 года) великий князь Всеволод скончался. Великое княжение Суздальское разделилось тогда на две области: Константин, старший из сыновей умершего, княжил в Ростове и Ярославле; второй сын Юрий (Георгий), которого отец перед смертью назначил наследником всего великого княжения, владел Владимиром и Суздаlem; оба желали единовластия, и каждый считал себя законным наследником; первый опирался на право старшего в роде, а последний — на предсмертную волю отца. Братья их также разделились: Ярослав-Феодор в Переяславле-Залесском и Святослав в Юрьеве-Польском взяли сторону Георгия; Дмитрий-Владимир в Москве остался верным Константину. Началось кровавое междоусобие. Большая часть князей, в том числе и Мстислав Удалой, была на стороне Константина. Борьба братьев кончилась битвою на берегах реки Липецы. Летописцы оплакивают эту страшную сечу, в которой сын шел на отца, брат на брата. Константин при помощи Мстислава, одержал победу, не стал преследовать брата и медленно пошел к Владимиру. Георгий не мог уже обороняться, покорился старшему брату и уступил ему великое княжение, а Константин оказал великодушие, объявив его своим наследником.

Правление Константина продолжалось только три года (1216-1219). Он заложил в Ростове на месте прежней соборной церкви, которая по неопытности зодчих обрушилась, великолепный храм Успения Богородицы [4]; оказывал любовь к просвещению, необыкновенную в его время: когда еще вся Европа коснела в глубоком невежестве, у Константина были писцы, которые списывали для него множество рукописей, и просвещенный князь часто и прилежно читал их. Он был благочестив, любил раздавать милостыню, не оскорблял ни одного человека, но словом и делом утешал всякого.

При нем святительствовал во Владимире святой епископ Симон, постриженник Печерский и писатель житий подвижников Киевских, поступивший на епископскую кафедру в 1214 году по желанию князя Георгия. Он преставился 20 мая 1226 года, приняв пред кончиною схиму. Современный летописец называет его “блаженным, милостивым и учительным епископом,” а по сочинениям он известен, как благочестивый и искусный жиз-

неописатель. Он написал для друга своего Поликарпа, Печерского инока, повествование о жизни и трудах подвижников, трудившихся в Печерской обители. Сочинение блаженного Симона, как и житие преподобного Феодосия, написанное преподобным Нестором, вошло в состав первоначального Патерика Печерского, который сохранился во множестве древних списков. В превосходном послании к Поликарпу святой Симон, величая обитель преподобных Антония и Феодосия, из которой вышло тогда уже до 50 епископов, выражается так: “Я рад бы был оставить епископию и служить игумену в Печерском монастыре. Но тебе известно, что удерживает меня. Кто знает, что у меня, грешного Симона-епископа, одна соборная церковь во Владимире — красота города! а другая — в Суздале, которую сам я построил? Сколько они имеют городов и сел! И десятину собирают со всей земли той. И всем тем владеет худость наша. Но пред Богом говорю тебе: всю эту славу и власть сочел бы я за ничто, если бы мне хоть колом торчать за воротами Печерского монастыря и быть попираему людьми. Один день в дому Божией Матери лучше тысячи лет временной чести. В нем хотел бы я жить лучше, чем в селениях грешников” [5].

Ко всеобщей горести народа, великий князь Константин скончался в цветущих летах на 33 году жизни.[6] Он оставил по себе сыновей: Василька, Всеволода и Владимира, — назначив им уделы: первому — Ростов, второму — Ярославль, а третьему — Углич. Великое княжение он предоставил брату Георгию. Сыновьям своим, из коих старшему было только 10 лет, он завещал жить согласно, делать добро и чтить дядю, как второго отца.

Русская земля некоторое время наслаждалась тишиной. Здесь мы можем остановить взор на двух отрадных явлениях христианской жизни: благоверной чете Муромских чудотворцев и князе Новгородском, в ранней юности удостоенном Небесной Славы.

Блаженный Давид, князь Муромский, был вторым сыном князя Юрия Владимировича Муромского [7]. Старший брат его Владимир княжил в Муроме. Между тем князь Давид подвергся тяжкой болезни: тело его покрыто было струпьями. Дочь бортника, славившаяся умом и красотой, вылечила его приготовленной мазью; князь дал слово жениться на ней, но потом нашел неприличным для себя супружество с девицею простого рода, дочерью лесного пчеловода. Болезнь возобновилась. Евфросиния вновь вылечила князя; и он выполнил свое обещание — сочетался с нею браком. Когда же он наследовал княжение после брата, муромская знать объявила ему: “Или отпусти жену, которая своим происхождением оскорбляет знатных барынь, или оставь Муром.” Князь, верный долгу христианина, согласился лучше отказаться от власти княжеской, нежели разлучиться с супругою. Он остался после того с весьма скудными средствами к жизни и нередко скорбел о том. Но умная княгиня говорила ему: “Не печалься, князь, Бог милосерд и не оставит нас в бедности.” В Муроме скоро открылись раздоры и кровопролития и князь Давид по усердной просьбе бояр возвратился с княгинею на свое княжение.

В Муроме правление князя Давида было правдивым, но без суровой строгости, милостивым, но без слабости. Умная и благочестивая княгиня помогала супругу советами и делами благотворительности. Оба жили по заповедям Господа, не любили ни гордости, ни неправедной корысти; покоили странников, облегчали участь несчастных; чтили иноческий и священнический чин, ограждая его от нужд. Оба вели жизнь постническую, чистую, целомудренную. Когда князь и княгиня достигли старости, то в одно время приняли иночество, один — с именем Петра, другая — с именем Февронии. Оба преставились в один день — на пасхальной неделе 1228 года и, согласно завещанию, положены в одном гробе [8].

В Новгороде княжил тогда старший сын князя Ярослава, внук Всеволода Великого, юный князь Феодор. По воле отца, он собирался вступить в брак: уже готова была невеста [9], гости князя собрались на пир. Но не свадебным весельем окончились приготовления,

а плачем погребальным [10]: жених, чистый девственник, прекрасный душою и телом, скончался от внезапной болезни. Это было 5 июня 1233 года. Мать умершего князя блаженная княгиня Феодосия перенесла тяжкую потерю с покорностью воле Божией. Она говорила: “Ты, Господи, дал. Ты и взял; да будет благословенно святое имя Твое!” [11] Тело юного князя погребено было в Юрьеве монастыре, а впоследствии, прославленное нетлением и чудесами, перенесено в Софийский собор [12].

Между тем, как новгородцы оплакивали раннюю кончину своего юного князя, дед его, Удалой Мстислав, был далеко на юге России. Прощаясь в 1218 году с гражданами вольного города, он сказал им: “Бью челом Святой Софии и гробу отца моего. Иноплеменники завладели княжеством Галицким; пойду, прогоню их. Но вас, верные новгородцы, никогда не забуду; желаю, чтобы кости мои лежали под сводами святой Софии, в ногах у блаженного родителя моего.”

Обширное княжение Галицкое (нынешняя Галиция), окруженное народами иноплемennыми и иноверными — венграми, ляхами и другими, — в это время оставалось без главы. Умный и властолюбивый князь Галицкий Роман Мстиславич соединял в себе, по выражению летописи, “мудрость Соломонову, дерзость львиную, быстроту орлиную, ревность Мономахову.” Галичане и волынцы, хотя не любили его за жестокость, но уважали, не боясь под щитом его ни хищных ятвягов, ни дикой Литвы. Романа знали и в Византии, на защиту которой он ходил с войском, знали и в Риме. Папа Иннокентий прислал к князю Галицкому посла, чтобы доказать ему превосходство закона латинского; не выдержав спора с Романом, искусным в прениях богословских, посол, наконец, сказал ему, что папа может наделить его городами и сделать великим королем посредством меча Петра. Роман, обнажив свой собственный меч, отвечал ему: “Такой ли у папы? Доколе ношу его при бедре, не нуждаюсь в чужом мече и кровью покупаю города по примеру дедов моих, возвеличивших землю Русскую.” Этот смелый князь в 1205 году погиб в битве с ляхами, оставив княжение малолетнему сыну своему Даниилу под опекою матери. Тогда начались и несколько лет продолжались неурядицы в земле Галицкой, обуреваемой внутренними мятежами и нападениями хищных соседей. Уже самый Галич был занят венграми, но подрос с дружиною Удалой Мстислав, разбил и обратил в бегство врагов, сел на престоле Галицком, обручил дочь свою юному Даниилу, привел подкрепление из южной Руси и орды половецкие, завоевал и очистил от венгров и ляхов все Галицкое княжество. Неустрасимый воин, но искусный политик, он впал в непонятное ослепление: по совету галицких бояр-изменников, Мстислав обручил другую дочь свою с венгерским королевичем Андреем и обещал ему в наследство все княжение Галицкое, безвинно обидев Даниила, который лишился законного своего достоинства. Это безрассудство, как кажется, не было вполне оценено современниками. Им было не до того: приближалось бедствие ужасное — гибель ратей, гибель князей, порабощение государства.

Русская земля в 1223 году в первый раз услышала о татарах. Казалось, самая природа предчувствовала что-то страшное. На западе появилась комета величины необыкновенной, с хвостом, обращенным на юго-восток, наподобие копья. В то же лето сделалась необыкновенная засуха, леса и болота загорались; густые облака дыма закрывали свет солнечный; мгла тяготила воздух, и птицы, к изумлению народа, падали мертвыми на землю.

Из глубины Средней Азии нахлынули полчища монголов, или татар (как называли их современники). По воле Чингис-Хана, завоевателя большей части Азии, эти дикие орды начали опустошение в степях половецких. Множество половцев бежали в Киевскую область с семействами и стадами и принесли туда весть о новом страшном неприятеле. Бодрый Мстислав Галицкий собрал южных князей на совет в Киеве; они решились встретить

неприятеля вне пределов отечества, в степях половецких. Перейдя Днепр, они достигли реки Калки [13] и здесь увидели несметные полчища татар. Половцы обратились в бегство: князья не успели еще изготовиться к битве, потому что Удалой, князь Галицкий, желая один воспользоваться честью победы, не дал им вести о начале сражения. Этот порыв славолюбия храброго князя погубил войско русское. После ужасной сечи татары одолели русские рати и погнали их в беспорядке перед собой; завладели укрепленным станом, умертвили всех пленников, задушили трех князей под досками и пировали на их трупах. Павших в битве было множество, в том числе шесть князей. Избегшие смерти и плена князья разбежались по своим уделам, и победители шли за бегущими остатками русского войска до самого Днепра, истребляя все, что попадалось на пути. Вся южная Россия трепетала: народ с воплями отчаяния молился в храмах. Вдруг татары обратились на восток и ушли в Бухарию.

Земля Русская, по словам летописцев, от начала своего не видала подобного бедствия: войско прекрасное и многочисленное совершенно исчезло, народ разбежался в ужасе по лесам и болотам. Мстислав Галицкий, в первый раз в жизни потерпев поражение, в горести и ужасе уехал в Галич, где нашел страшный беспорядок, произведенный венграми и ляхами. Не чувствуя в себе прежней бодрости духа, он не только выдал дочь за королевича Андрея, но и возвел его на престол Галицкий, оставив себе одно Понизовье [14]. Сознавая вину свою перед зятем Даниилом Романовичем и видя неблагодарность другого зятя — венгерца, Мстислав думал снова вооружиться, привести на помощь половцев и возратить Даниилу отцовское наследие. Но он не успел исправить зла, которое сделал. На пути в Киев в 1228 году Мстислав заболел и скончался в Торческе, постриженный в схиму. Тело знаменитого князя, пережившего свою воинскую славу, было отвезено в Киев и погребено в построенной им Воздвиженской церкви.

После несчастной битвы при Калке несколько лет не слышно было о татарах. Северная Русь наслаждалась миром. Великий князь Георгий Всеволодович занимался устройством Русской земли, заложил при впадении Оки в Волгу Нижний Новгород, посылал войска на помощь Новгороду и Пскову против ливонских немцев. К стыду своего имени, князь Ярослав Владимирович, недостойный внук святого Мстислава Храброго, был другом и союзником немцев. Он оставил по себе злую память: княжив в Пскове, поссорился с гражданами и ушел к ливонским рыцарям, вместе с ними ходил опустошать Псковские земли, прогнал от себя добродетельную супругу Евпраксию и едва ли не принял участия в убийстве ее пасынком, сыном его от немки [15].

В Ростове юный Василько, сын великого князя Константина Всеволодовича, скоро стал показывать своими делами, что вполне достоин любви отца и дяди. Вот как описывает его современник: “Он был красавец лицом, с очами светлыми и грозными; он был храбр, добр сердцем, ласков с боярами. Кто из бояр служил ему, кто ел хлеб его и пил из его чаши, тот не мог забыть его, не мог быть слугою другого князя. В нем мужество соединено было с умом и правдивость — со знанием. Он был во всем сведущ, на все способен. Это был отец и кормилец сирот, великое утешение печальным. Очи сердца его открыты были Богом на весь церковный чин, и он был отцом для всех бедных” [16]. При первом появлении татар Василько по воле дяди своего великого князя Георгия ходил с ратью на помощь к южным князьям и дошел уже до Чернигова, когда узнал о жестоком поражении русского войска на берегах Калки. При княжении Василька на Ростовскую епископию по желанию его был посвящен в Киеве блаженный епископ Кирилл II из архимандритов Рождественского монастыря во Владимире [17].

Между тем снова поднималась гроза над Русскою землею. В глубине великой Татарии жил хан Октай, или Угдай, старший сын и преемник завоевателя Чингис-Хана. Он дал

полмиллиона войска племяннику своему Батыю и велел ему идти на покорение северных берегов моря Каспийского и дальнейших стран.

В 1237 году Батый разорил столицу закамских болгар. Едва слух о том достиг Русских князей, как монголы сквозь густые леса вступили в южную часть Рязанской области. Владетели Рязанские дали знать великому князю во Владимир, что пришло время крепко стать за веру и отечество; но они не дождались помощи от Георгия. Тогда старший из князей Рязанских, Юрий, послал сына своего Феодора с дарами к Батыю, который, узнав о красоте супруги Феодора Евпраксии, захотел видеть ее; но юный князь отвечал ему, что христиане не показывают жен злочестивым язычникам. Батый велел мучительно умертвить Феодора; а Евпраксия, услышав внезапно о страдальческой кончине любимого супруга, ринулась в беспамятстве из высокого терема вместе с сыном своим младенцем Иоанном, которого держала на руках, и оба убились до смерти. Батый двинул страшную рать свою к Рязани и взял приступом город после пятидневной кровавой битвы. Князь Юрий с семейством и множество народа погибло. Варвары распинали пленников, оскверняли храмы насилием женщин и девиц, обагрjali алтари кровью священников. Весь город с окрестными монастырями обратился в пепел. Несколько дней продолжались убийства. Наконец умолк вопль отчаяния, ибо уже некому было стенать и плакать.

Только одного из князей, Олега Ингваревича Красного, привели после битвы к Батыю живого, но изнемогающего от ран. Удивляясь смелости и красоте его, Батый предлагал ему свою дружбу и убеждал отречься от веры Христовой. Но когда юный князь назвал его безбожным, варвар, разъярившись, велел разнять его по суставам [18]. Старый князь Ингварь, возвратившись из Чернигова, где он находился во время разорения его родины, похоронил тела князя Юрия, сына своего Олега и других убиенных князей в Рязани, а над могилами князя Феодора Юрьевича с супругою и сыном поставил каменные кресты на берегу реки Осетра, подле знаменитого храма святого Николая Заразского [19].

Продолжая свой опустошительный набег, Батый близ Коломны встретил сына великого князя, Всеволода, который соединился с остатками Рязанской дружины, смело вступил в неравную битву, потерпел поражение и бежал к отцу во Владимир.

Батый в то же время сжег Москву, тогда еще ничтожный городок, перерезал жителей и пленил второго сына Георгиева — Владимира. Великий князь увидел, как опасны новые неприятели, и поспешил выехать из столицы, поручив защиту ее двум сыновьям, а сам отправился собирать войска.

В праздник Сретения Господня, 2 февраля 1238 года, татары подошли к стенам Владимира. Из города стали пускать в них стрелы. “Не стреляйте!” — кричали татары, показывая на пленного князя Владимира, которого они влачили за собою, бледного, истомленного страданиями. Братья его Всеволод и Мстислав не могли удержаться от слез и говорили дружине: “Лучше нам умереть за святую веру, чем быть в неволе варварской. Все это навел на нас Бог за грехи наши.” Неприятель поставил вокруг города стенобитные орудия, и в мясопустное воскресенье, 7 февраля, вскоре после заутрени начался приступ. Князя Всеволод и Мстислав, мать их княгиня Агафия с дочерью и двумя снохами, многие вельможи собрались в соборный храм Богоматери и приняли от епископа Митрофана иноческое пострижение; все они принесли исповедь в грехах своих, причастились Святых Тайн и приготовились к смерти. Татары завладели городом и зажгли церковь; тогда епископ сказал: “Господи, простри невидимую руку Свою и прими в мире души рабов Твоих,” — и благословил всех на смерть неизбежную. Все бывшие в соборе [20] страдальчески умерли от дыма и мечей неприятельских, кроме сыновей великого князя, которые успели пробиться с дружиною за город и там пали в битве; большая часть жителей столицы была убита, немногие взяты в плен. Великий князь, получив весть о гибели своего семейства,

столицы и народа, сказал с Иовом (многострадальным): “Так ли, Господи, угодно милосердию Твоему? Зачем я остался один?”

Благоверный Георгий под тяжестью бед не только не пал духом, но еще больше окреп. Удалясь в Ярославль, он взял с собою Ростовских князей с их дружинами и решил идти в глушь лесов на берега реки Сити, где тянутся болота на огромные пространства. Туда же пригласил он ополчение братьев своих, Ярослава и Святослава. Батый, взяв Владимира, отправил сильные отряды к Ярославлю в погоню за великим князем; но Георгий решил сберечь слабые силы свои до лучшего времени. Он разбил стан свой на берегах Сити [21] и ждал татар от Ярославля; но они, опустошив Переяславль и Кашин, напали на него со стороны Бежецкого Верха. С великим князем был брат его Святослав со своими юрьевцами и племянники князя Ростовские с их дружинами, но не было брата Ярослава с переяславцами. Открылась кровопролитная война с неприятелем многочисленным и расвирепевшим; русские дружины при всем своем мужестве не устояли; великий князь был убит вместе с племянником Всеволодом Константиновичем, первым князем Ярославским; почти все русское войско легло на поле сражения. Это было 4 марта 1238 года. [22]

Князь Василько Ростовский, израненный, остался пленником в руках варваров. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбью об отчизне и голодом, он был влачим татарами до Шеренского леса [23]. Здесь он должен был вытерпеть последнюю борьбу с обольщениями славы и ужасами смерти. Татары любовались величественным его видом, знали по опыту мужество и крепость руки юного князя: они старались убедить его, чтобы он поступил к ним на службу и пристал к нечестивым их обычаям. Но напрасно обольщали его дружбою Батыя, напрасно хвалились своим воинственным счастьем. Мужественный князь не слушал их; он не хотел прикоснуться к пище и питью татар, считая их нечистыми. “О, темное Царство, — сказал он, — не разлучить тебе меня со Христом моим. Он предал нас в ваши скверные руки, любя нас и даруя нам жизнь вечную. Но есть Бог, и темное царство погибнет, когда исполнится мера беззаконий его: взыщет Он кровь верных Своих.” Варвары скрежетали зубами от ярости, готовые напиться кровью страдальца. А он молился вслух: “Господи, Ты знаешь тайны сердца моего, знаешь все нечистоты мои; очисти меня от грехов моих.” Он молился за себя, за малолетних сыновей своих Бориса и Глеба, за всех братьев-христиан; он благодарил Бога, что в цвете лет умирает мучеником, и память о нем не будет бесславною. Варвары много мучили неустрашимого князя, свирепо умертвили его и бросили в лесу Шеренском.

Между тем Ростовский епископ Кирилл, возвращаясь из Белозерской страны, куда он удалился от татар, проходил по берегам реки Сити и в куче мертвых тел отыскал обезглавленное тело святого великого князя Георгия. Он узнал его по княжескому одеянию, взял с благоговением священные останки, привез в Ростов и, с великою честью совершив надгробное служение, положил в Ростовском соборе [24]; туда же привезли тело святого Василька, найденное в лесу Шеренском [25]. Вдовствующая супруга его, княгиня Мария, дочь святого князя Михаила Черниговского, дети, епископ Кирилл и весь народ Ростовский встретили с горьким плачем тело любимого князя и погребли его под сводами соборного храма [26].

Полчища татар с берегов Сити устремились к Новгороду; взяли Волок-Ламский, Тверь, Торжок, не давая никому пощады. Уже Батый был в 100 верстах от Новгорода, где плоды долговременной торговли обещали ему богатую добычу; но вдруг, испуганный непроходимыми лесами и болотами этого края, обратился назад к Козельску, который осмелился сопротивляться и выдержал семинедельную осаду. Наконец татары завладели Козельском, умертвили всех жителей и прозвали Козельск “злым” городом. Князь Козель-

ский, младенец, из племени князей Черниговских, пропал без вести; говорили, что он утонул в крови.

Отдельные отряды татар по завоевании Владимира рассеялись по великому княжеству, завладели в течение одного месяца четырнадцатью городами, в том числе Ростовом, Ярославлем, Галичем, Дмитровым, Переяславлем, Юрьевым. “Головы жителей, по словам летописца, падали на землю, как трава скошенная.” Один из этих отрядов (вероятно изпод Козельска) приступал к Смоленску, где прославился доблестными подвигами святой мученик Меркурий [27].

Батый, как бы утомленный убийствами и разрушением, удалился в землю Половецкую, на берега Дона. Ярослав Всеволодович, брат святого великого князя Георгия, в надежде, что буря миновала, спешил из Киева во Владимир принять достоинство великого князя и господствовать над развалинами и трупами.

На юге России продолжалась борьба между князьями, которые не приняли участия в бедствиях северной Руси, издали смотрели на них равнодушно, помышляя единственно о выгодах своего властолюбия; Михаил Черниговский, заняв Киев, посадил в Галиче сына своего Ростислава; но Даниил Галицкий успел завладеть без битвы своим родовым княжеством. Галичане, по выражению летописца, “стремились к Даниилу, как пчелы к матке или как жаждущие к источнику водному.” Но приближалась уже кара Божия и к южной Руси. Покорив совершенно половцев, толпы Батыевы снова появились в пределах России: опустошили Переяславль-южный и Чернигов на пути к Киеву.

Батый давно слышал о Киеве, о церковных сокровищах древней столицы и о богатстве людей торговых. Михаил Черниговский, княживший тогда в Киеве, удалился в Венгрию. Смелый Даниил Галицкий занял Киев; но и он видел невозможность обороны столицы с малочисленною дружиною и решился искать помощи у короля венгерского, поручив оборону Киева опытному и храброму боярину Димитрию.

Несметная рать Батыева со всех сторон облегла Киев; стенобитные орудия действовали день и ночь. Татары разбили стены и ворвались в город. Но Димитрий не знал страха. Он отступил с киевлянами к церкви Десятинной, ночью укрепил ее тыном и на другой день снова оборонялся. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; они схватили мужественного Димитрия и привели к Батыю, который, удивляясь его храбрости, даровал ему жизнь.

Варвары несколько дней торжествовали победу ужасами разрушения. Они ограбили дома жителей и великолепные храмы, разрушили до основания церковь Десятинную — первое здание греческого зодчества в России, похитили все сокровища Печерской обители, сияли с главы Великой церкви златокованный крест, разломали ее до самых окон вместе с кельями и стенами монастырскими. Пещеры со святынею мощей были закладены и скрыты от варваров [28].

Гибель России совершилась. Князья, которые не жалели отчизны в кровавых междоусобиях, заботясь только о личной прибыли или о первенстве и власти, теперь все поравнялись: все сделались рабами варваров. Исчезла самобытность государства, исчезли начатки просвещения, успехи промышленности и торговли, разрушены города, храмы и обители иноческие. Словом, погубило все земное, все временное, все дела рук человеческих. Уцелело только то, что вечно и неизменно: святая вера Христова, Церковь православная, которой, по обетованию Спасителя, не одолеет и самый ад. Она одна уцелела между развалинами, горела и не сгорела, подобно купине, прохлаждаемая росой Любви Небесной. Она очищалась, как золото в горниле страданий, возвышалась незыблемо, как каменный утес посреди бурь океана. Только на этот утес могла опереться Русь, когда наступил светлый день воскресения ее из могилы!

8. Русь под монголами. Св. Александр Невский.

Страшное иго порабощения легло на Русскую землю. Более двухсот лет Церковь Русская, князья и народ наслаждались свободой; но князья — кровопролитными распрями, а народ — грубыми пороками и суевериями, остатками язычества, навлекли на себя наказание Божие. Наступило время тяжких и продолжительных страданий.

Поработитель Руси — Батый основался на берегах Волги, назвав столицу свою Сараем. Здесь кочевала Орда его, известная под именем Золотой, или Кипчакской. Но и сам Батый не был полновластным повелителем: он, в свою очередь, зависел от великого хана, наследника Чингиса, который кочевал с большою ордою в пустынях Средней Азии.

Особенно тяжело и безотраднo было положение князей. Покорностью диким завоевателям определялась не только участь самих князей, но и участь народа: по судьбам Вышнего, это было для князей уроком — дорожить счастьем народа. И когда для спокойствия христианской земли своей князья жертвовали своим самолюбием, имуществом, здоровьем и самую жизнь — это была жертва чистая, высокая, христианская [1].

В 1243 году Батый назначил в города русские своих надзирателей — баскаков, а князьям приказал являться к нему с изъявлением покорности. Прежде всех подвергся этому унижению великий князь Ярослав Всеволодович: он должен был отправиться в Золотую Орду к Батыю, а одного из сыновей своих послал в Татарию к великому хану монголов — Октаю. Батый принял Ярослава с уважением и назвал “главою всех князей русских,” отдав ему Киев. Поступок великого князя служил примером для князей удельных: они также били челом надменному татарину, чтобы мирно господствовать в областях своих.

Мало-помалу князья начали устраиваться в своих уделах; мало-помалу начали оживать города и селения Русской земли, изнуренной, безлюдной, полной развалин и гробов. Ростовская область поступила в наследство малолетним сыновьям князя-мученика, Бориса и Глебу Васильковичам под опекою матери [2]; впоследствии младший из них получил в удел Белозерскую область и сделался родоначальником князей Белозерских [3]. Также и в Ярославле стали княжить сыновья князя Всеволода Константиновича, павшего на берегах Сити [4], святые князья Василий и Константин [5]. На юге князь Михаил Всеволодович должен был по воле хана уступить Киев великому князю и возвратился в Чернигов. Храбрый Даниил Галицкий, после опустошения земли своей монголами, должен был смириться и идти на поклон к Батыю, который в знак особенного благоволения впустил его в свой шатер без всяких суеверных обрядов, ненавистных православным князьям. “Ты долго не хотел меня видеть, — сказал Батый, — но теперь загладил вину повинованием” [6]. Впрочем Даниил мечтал об освобождении при помощи западных государей, входил даже в сношения с папою и хитрил пред ним, изъявляя расположение к покорности римским догматам. Папа Иннокентий IV, со своей стороны, нарек его королем русским, прислал ему корону и скипетр, разрешил совершать литургию на квасном хлебе и наблюдать обычаи, не принятые Римскою Церковью. Храбрый и умный король Галицкий ожидал помощи от западных соседей, которых папа побуждал ко всеобщему ополчению против монголов; но так как это ополчение не состоялось, то Даниил снял с себя личину, отрекся от связи с Римом и смеялся над гневом папы [7].

Состояние Церкви было так же скорбно, как и состояние государства. На огромном пространстве от Белого озера до южного Галича Батый оставил за собою пепел и пустыню: храмы Божии были истреблены огнем или остались грудями камней; священная утварь, иконы, книги сделались добычею богохульных хищников; украшенные сединою

служители алтарей умерщвлены, а молодые отведены в плен [8]. Нелегко было возобновить храмы и все нужное к богослужению; еще труднее — найти способных священнослужителей среди всеобщего опустошения и нищеты, тем более, что образование более или менее сохранилось только на юге — в Галиче и Волыни, — в странах, менее угнетенных дикими завоевателями. Митрополиты и прочие архипастыри должны были, подобно князьям, являться с поклоном в Орду для утверждения на своих кафедрах. Монголы не поднимали явного гонения на христианскую веру, как некогда римские императоры в первые века христианства. Чингис в “Ясе,” принятой преемниками его за основной закон государства, признавал единого высочайшего Бога, но вместе с тем велел чтить всех богов, чьи бы они ни были; отсюда толпы жрецов идольских в Орде и уважение к жрецам всех религий. В ярлыках, выдаваемых ханами русским святителям, запрещалось хулить веру русскую под страхом смертной казни, но произвол дикого завоевателя был для него выше всякой религии; он говорил: “Бог владеет небом, а сын Божий, хан — землю.” Естественно, что ему не могли быть приятны те, кто не признавал мнимо-божественного его достоинства. Естественно также, что тот же неукротимый произвол принуждал иногда христиан следовать суевериям языческим. Много страдала Русская Церковь и от ненасытной алчности татар: они нападали внезапно, без всякой причины на города, покорные их власти, грабили церкви, монастыри, отнимали все, что попадалось в руки.

В премудром намерении Промысла и любви Божией иго монголов было врачевством для нравственных болезней народа русского. Какое же действие оказало иго на народ? Общее бедствие прежде всего пробудило в народе чувство покаяния: люди русские применили к себе покаяние ниневитян и каялись; вспоминали о рабстве Израиля в Египте и возносились мыслию от земли к Небу. Народ сознавал, что он народ христианский, а лютые властители его — неверные, ненавистные Богу. Таким образом утвердилась вера в превосходство христианского учения. Эта вера ободряла народ в скорбях, в трудах самых тяжелых: она заставляла дорожить тем, что внушало ему христианство. Благодаря вере Христовой, народ русский удержал любовь к разоренной родине и не перенял дикой хищности от монголов.

К довершению бедствий Русской Церкви, она в первые, самые тяжкие годы порабощения Руси оставалась без первосвященителя. Митрополит Иосиф Грек, прибыв из Царьграда пред самым нашествием Батыея, пропал без вести [9]. Управление митрополией с 1243 года принял на себя Кирилл — один из южных игуменов по выбору князей. Но всеобщее расстройство дел не прежде дозволило ему принять посвящение от Патриарха, как в 1250 году. Возвратясь оттуда в Киев, он отправился обозреть северные епархии своей митрополии, посетил Чернигов, Рязань, Владимир и, наконец, Новгород, который не видал у себя Батыея и единственный из престольных городов Руси оставался еще независимым и неразоренным.

Можно думать, что сам Господь хранил Новгород вместе с Псковом и другими его пригородами, как оплот, со стороны Запада, более опасного для Руси, нежели орды монгольские: татары разоряли государство и губили народ, а латинство грозило опасностью самой чистоте веры Православной. Папы старались воспользоваться для своих целей общими бедствиями Русской земли и поднимали на нее крестовые походы: то из Швеции, то из Ливонии. Но на западных пределах Руси, в великом Новгороде, княжил тогда юный князь Александр, сын великого князя Ярослава Всеволодовича, одаренный необыкновенным разумом, мужеством, величественною красотою и крепкими мышцами Самсона; голос князя, по выражению летописца, гремел, как труба на вече.

В 1240 г. шведский король, вследствие папской буллы, отправил многочисленное войско под начальством зятя своего Биргера на ладьях в Неву, к устью Ижоры; при войске

были бискупы, чтобы крестить русских. Благоверный Александр вышел к ним навстречу с малою дружиной, но с твердой надеждой на Бога. На берегах Невы, где шведы стояли уже станом, встретил Александра начальник приморской его стражи ижорянин Пелгуй, ревностный христианин, и поведал ему чудное видение, которого удостоился накануне.

Ожидая князя, он провел ночь на берегу финского залива в бдении и молитве. Мрак ночной исчез, и солнце озарило поверхность тихого моря. Вдруг Пелгуй услышал шум на море и увидел ладью с гребцами, овеванными мглою, и двумя лучезарными витязями в ризах червленых; витязи походили на святых страсотерпцев Бориса и Глеба, как изображались они на иконах. Один из витязей сказал другому: “Брат Глеб, вели грести скорее, да поможем сроднику нашему Александру.” Битва началась 15 июля, в день памяти святого Владимира, просветителя Руси, в начале дня и продолжалась до ночи. Шведы бились упорно, но потерпели страшное поражение. Александр собственным копьем “возложил печать на лице” Биргера. Темная ночь спасла остатки шведов: они спешили бежать во свояси, наполнив три судна телами лучших своих мужей и оставив поле битвы, усеянное трупами своих собратий [10]. Эта славная победа доставила Александру прозвание “Невского.”

Кончив со шведами, Невский витязь должен был поспешить против ливонских рыцарей, которые завладели Изборском, разбили псковитян и при помощи изменника Твердислава ворвались в самый город Псков. Александр двинулся на защиту Пскова и разбил немцев на весеннем льду Чудского озера. Пятьсот рыцарей пало в битве, около пятидесяти попало в плен. Когда Александр с торжеством входил в город святой Ольги, ведя за собою пленных рыцарей, весь Псков с восторгом встречал его. Он завещал псковичам любовь к своему потомству. “Если кто из позднейших моих потомков прибежит к вам в печали, — сказал он, — или просто придет пожить к вам, и вы не примете и не почтете его, как князя, то назоветесь вторыми жидами.”

Эта знаменитая победа защитника православия над ливонскими рыцарями (современники прозвали ее “Ледовым побоищем”) заставила орден трепетать за собственное существование [11]; папа принужден был до времени отложить свои виды на присоединение Русской земли к латинству. Александр после того недолго оставался в Новгороде. Отец его, великий князь Ярослав, должен был ехать в Большую Орду на берега Амура, где монголы по смерти Октая занимались избранием нового великого хана. Он в последний раз простился с отечеством; сквозь степи и пустыни достигнув до ханского стана, в числе многих других данников, смирился пред троном нового хана Гаюка и скончался в Орде 30 сентября 1246 года, как полагают, от яда, данного ему матерью хана [12]. Тело его было привезено и погребено во Владимире, в соборной церкви.

Почти в то же время в Золотой Орде Михаил Всеволодович, князь Черниговский, и боярин его Феодор явились исповедниками и мучениками святой веры. Потребованный к Батю Михаил просил благословения у отца духовного епископа Иоанна. “Многие князья ездили в орду, — сказал ему епископ, — и, прельстясь славою мира сего, ходили сквозь огонь, кланялись идолам, вкушали оскверненную пищу; но ты, князь, не подражай им.” Князь отвечал: “Я желаю пролить кровь мою за Христа и за веру чистую.” То же сказал и боярин Феодор. Епископ дал им святые дары на путь и отпустил с молитвою. Когда Михаил прибыл в стан Батю с юным внуком Борисом Ростовским и боярином Феодором, Батый приказал жрецам совершить над Михаилом все, что следует по языческим уставам, и потом уже представить его в ханскую ставку. Жрецы потребовали, чтобы князь и боярин прошли сквозь огонь [13]. Михаил отвечал: “Христианин поклоняется Творцу, а не твари.” Узнав о непокорности русского князя, Батый озлобился и велел ему выбрать одно из двух: или поклониться богам, или умереть. “Я готов поклониться царю, — отвечал Михаил —

ему вручил Бог судьбу царств земных: но я христианин и не могу поклониться тому, чему поклоняются жрецы.” Напрасно юный Борис со слезами умолял деда побережь жизнь свою, напрасно бояре Ростовские вызывались принять на себя и на весь народ епитимию за князя: Михаил, подкрепляемый благочестивым Феодором, не хотел слушать их. Он сбросил с плеч княжескую шубу и сказал: “Не погублю души моей; прочь слава мира сего тленного, не хочу ее.”

Пока вельможи ханские относили к Батыю ответ князя-христианина, блаженный Михаил и достойный боярин его начали петь псалмы и, окончив пение, приобщились Святых Тайн. Татарские чиновники еще раз сказали им: “Идут от хана убить вас; покоритесь и останетесь живы.” Михаил и Феодор отвечали в один голос: “Не слушаем вас, не хотим славы мира сего.” Скоро явились убийцы. Соскочив с коней, татарские палачи схватили Михаила, растянули за руки и за ноги и начали бить кулаками и палками по груди, потом повернули лицом к земле и били ногами. Долго длилось это зверство. Наконец, какой-то отступник Домант, уроженец Путивля, отрезал ножом голову святому мученику. Последнее слово его было: “Я христианин!” [14].

Тогда стали уговаривать боярина Феодора и обещали ему почести. Он отвечал: “Не хочу кланяться твари, хочу страдать за Христа моего, как и государь мой князь.” Его мучили так же, как и князя, и, наконец, отрубили ему голову. Это было 20 сентября 1246 года. Тела исповедников Христовых брошены были в пищу псам, но остались целы и невредимы. Господь, за Которого пострадали мученики, явил Свое знамение в подкрепление веры слабых и унижение язычества. Над святыми мощами стоял столп светлый, горели огоньки, и слышалось небесное пение. Богобоязненные христиане тайно взяли их и принесли в Чернигов [15].

Вскоре по страдальческой кончине святой князь Михаил вместе с боярином Феодором явился в сиянии Небесного Света дочери своей блаженной Евфросинии [16] и возвестил ей, что они оба мученическим подвигом стяжали вечное блаженство. За великий подвиг свой князь-мученик и на земле был награжден благословением небесным: в потомках его постоянно сохранялось живое благочестие [17]. Между тем, как род многих других потомков равноапостольного Владимира давно уже угас, ветви рода святого князя Михаила поныне зеленеют на земле Русской [18].

Почти в то же время, как святой Михаил Черниговский был замучен в Орде Кипчакской, в Большой Орде преставился, как мы уже видели выше, великий князь Ярослав Всеволодович. После непродолжительного правления брата его Святослава, престол великого княжества достался по праву престолонаследия Александру Невскому.

Теперь победителю шведов и рыцарей предстояла другая, более трудная победа — победа над самим собой. Доселе он не преклонял выи своей в Орде, и русские люди с гордостью называли его своим независимым князем. Но теперь он должен был пожертвовать своей воинской славой и идти на поклон к Батыю, который давно слышал о нем и желал его видеть. Александр любил отечество более княжеской чести своей, более самой жизни. Он не хотел подвергать Русскую землю новым бедствиям и смиренно поехал в стан монгольский, где Батый принял его с ласкою и освободил от исполнения обрядов языческих (в уверенности, что герой-христианин отвергнет их и предпочтет смерть за веру Христову). Узнав Александра, Батый сказал, что молва не преувеличила достоинств доблестного князя, что он действительно человек необыкновенный. Оттуда Александр должен был предпринять путешествие в глубину Татарии к великому хану. И там он нашел такой же прием, как у Батыя: великий хан утвердил Александра на престоле Владимирском, поручив ему всю южную Россию и Киев.

Прямо из Орды Александр с торжеством прибыл во Владимир, где радостно встретили его митрополит Кирилл с духовенством, бояре и народ. Вскоре прибыло к новому великому князю посольство от папы: отчаявшись водворить латинство в России оружием крестоносцев, папа надеялся еще успеха от хитрых обольщений. Он уверял Александра, что Ярослав, отец его, находясь в Татарии у великого хана, дал слово монаху Карпини принять веру латинскую и, без сомнения, исполнил бы свое обещание, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный к истинному стаду Христову; что сын обязан следовать благому примеру отца, если хочет душевного спасения и мирского счастья, что в противном случае он доказал бы свою безрассудность, не повинувшись Богу и Его наместнику (папе), что князь и народ русский найдут тишину и славу под сенью Римской Церкви. Александр, посоветовавшись с мудрыми людьми, написал папе ответ, в котором изложил подробно всю историю Ветхозаветной и Новозаветной Церкви и догматы семи Вселенских Соборов, заключив свое послание так: “Все это мы ведаем, а от вас учения не приемлем.” Этот ответ обличает высокую умеренность благоверного князя и его истинно христианское желание правды и мира в делах веры: Александр не думал укорять римлян, но только доказал, что вера русских чиста и Православна.

Южная Россия давно уже была обложена данью; новый хан Золотой Орды Сартак, сын недавно умершего Батыея, захотел также распространить эту меру в северной России и в Новгороде. Александр снова ездил в Орду и старался яснее определить отношения Руси к хану: ему удалось придать делу такую форму, что только исчисление народа и раскладка дани были поручены татарским чиновникам, а все прочие дела по управлению государством остались в заведовании природных русских князей: они сохраняли свое право суда по родным законам, право войны и мира без ведома хана и, наконец, — что всего важнее — неприкосновенность не только веры, но и церковного устройства. Таким образом, Александр достиг того, что Русь, совершенно покоренная монголами и не имевшая возможности бороться с ними, получила от своих сильных и диких властителей права державы почти самостоятельной.

Зимой 1257 года прибыли чиновники татарские, сочли народ в областях северной Руси и поставили сборщиков дани поголовной, от которой было избавлено одно только духовенство. Дань поголовная требовалась и от Новгорода: герой Невский, некогда ревностный поборник новгородской чести и вольности, должен был с горестью взять на себя дело тяжкое и неприятное — склонить к рабству народ гордый, пылкий, который все еще славился своею исключительною вольностью. Александр отправился в Новгород, где едва успел усмирить народ и подчинить его общему закону. Баскаки сочли жителей Новгорода, распределили налоги и удалились, потому что новгородцы обязались доставлять определенное количество серебра прямо в Орду или через великих князей, но не хотели иметь дела с татарскими сборщиками.

Ненадолго мог успокоиться во Владимире защитник земли Русской: он снова должен был отправиться в Орду, чтоб избавиться от обязанности присылать татарам вспомогательное войско и оправдать изгнание из городов Суздальской области “бесерменских купцов” — хивинцев-мусульман, которые откупили тогда у монголов дань русских княжеств и мучили христиан бесчеловечным сбором податей. Хан принял оправдание, согласился не требовать войска, но продержал великого князя в Орде всю зиму и лето. Осенью Александр возвращался в Россию успокоить народ и обрадовать его новою милостью хана. Близок был конец путешествия: Александр уже миновал монгольские пустыни и достиг Нижнего Новгорода, но жестокий недуг уже сокрушал его тело, изнуренное трудами. Отдохнув здесь некоторое время, он доехал до Городца, но там, чувствуя приближение кончины, поспешил принять схиму с именем Алексия и преставился в ночь на 14 ноября

1263 года на 45 году от рождения. В продолжение немногочисленной своей жизни Александр участвовал более нежели в двадцати битвах, четыре раза ездил в Орду, где многие из современных князей сложили свои головы под ножами убийц; но он, хранимый самим Богом, везде был цел и невредим, мечи врагов и ножи убийц щадили его, только он сам не щадил себя. Истоцив силы в ревностном служении отечеству, он не давал себе покоя и, отягченный трудами непомерными, скончался в цвете лет [19].

Горестная весть о кончине Александра достигла Владимира в то самое время, когда народ молился в соборном храме о благополучном возвращении его на родину. Блаженный митрополит Кирилл со слезами воскликнул к народу: “Чада мои милые, закатилось солнце земли Русской!” Слезы и рыдания народа прервали речь первосвященника; все поняли горький смысл слов его и в один голос завопили: “Погибаем, погибаем!” Митрополит с духовенством, князья, бояре и народ в глубоком унынии встретили останки любимого князя у Боголюбова; по словам летописца, земля стонала от вопля и рыданий. Наконец, тело великого труженика за Русскую землю было привезено во Владимир и 23 ноября погребено в соборной церкви Рождественского монастыря. Современники повествуют, что усопший великий князь, когда при отпевании хотели разнять руку его для вложения разрешительной грамоты, сам, как бы живой, простер руку и принял грамоту из руки митрополита [20]. Все присутствующие поражены были ужасом при этом чудесном событии и уверились, что Бог желает прославить Своего угодника.

С того времени благоверного князя Александра Ярославича называют святым и чтят в лике ангелов-хранителей Русской земли [21]. Святая Церковь, восхваляя память благоверного князя Александра, взывает так: “Драгоценная отрасль священного корня, блаженный Александр, тебя явил Христос Русской земле, как некое божественное сокровище, как нового чудотворца, преславного и Богоприятного. Ты невидимо посещаешь людей Христовых и щедро подаешь исцеления всем усердно приходящим к тебе и единомысленно вопиющим: Радуйся, столп пресветлый, просвещающий нас светлостью чудес! Радуйся, победивший помощью Божией гордого короля! Радуйся, освободивший город Псков от неверных! Радуйся, презревший догматы латинян и вменивший в ничто все их обольщения! Радуйся, облако росы, орошающее мысли верных! Радуйся, прогонитель темных страстей! Радуйся, заступник Русской земли! Моли Господа, даровавшего тебе благодать, соделать державу сродников твоих Богоугодною и сынам России даровать спасение” [22].

9. Преемники Александра Невского. Собор во Владимире.

Преемником Александра Невского на великом княжении был брат его Ярослав Ярославич, князь Тверской. Следуя примеру отца и великого брата, он старался, сколько мог, угождать хану. Летописцы не говорят ни слова о характере Ярослава; но дела его показывают, что он не имел великих качеств брата, не ладил с новгородцами, жаловался на них хану, желая вооружить татар против Новгорода [1], обижал народ и винулся, как преступник, не довольствовался властью ограниченной, но не умел расширить и утвердить ее. Он скончался на возвратном пути из Орды (в 1272 году). Тело его было отвезено для погребения в Тверь.

Кратковременное правление Ярослава ознаменовано мученичеством князя Романа Рязанского. Князь Роман Олегович происходил из рода благочестивого, искренно преданного вере и отечеству; два деда его, Юрий и Олег Игоревичи, умерли страдальцами за отчину в битве с Батыем. Последний из них, богатырь и красавец, умирал от ран на поле битвы; Батый, дивясь мужеству князя, хотел лечить его, с тем чтобы принять к себе в службу.

“С врагом христиан не могу быть в приязни,” — сказал умирающий князь, и разъяренный Батый велел разрубить его в куски. Отец Романа, князь Олег Ингваревич, вытерпел много мучений от татар: захваченный в плен Батыем, он томился в Орде более десяти лет в тяжелой неволе и, возвратившись на родину, скончался иноком [2]. Таковы были предки благоверного князя Романа: он воспитывался скорбями в любви к святой вере; жил в слезах и молитве за родину; старался облегчать, сколько мог, участь разоренных и угнетаемых подданных. Благодетельного князя много утешило учреждение кафедры православного епископа в самой Орде [3]. Один из злых баскаков, которого князь удерживал от бесчеловечных насилий при сборе дани, донес хану Менгу-Темиру, что князь Рязанский поносит великого царя и его веру. Хан вызвал Романа в Орду и велел объявить ему, что он должен выбрать одно из двух: или смерть мучительную, или веру татар [4]. “Покорный воле Божией, — сказал князь, — я повинуюсь власти хана, но никто не заставит меня изменить святой моей вере.” Татары стали бить князя. “Я христианин,” — говорил он; но уста заткнули платком, оковали его и бросили в темницу. Гордый Темир произнес приговор твердому князю: “Пусть умрет мучительною смертью.” На месте казни мученик стал говорить собравшемуся народу о святости веры Христовой. Ему отрезали язык. Затем стали мучить его с ужасающим зверством: ему вырезали глаза, обрубили персты рук и ног, обрезали уши и губы, потом отсекали руки и ноги. Когда же осталось одно туловище, но еще с искрами жизни, мучители содрали с головы кожу, отрубили голову и воткнули ее на копье. Мученический подвиг святого Романа совершился 19 июля 1270 года [5]. Память его, как мученика, была постоянно чтима в Русской Церкви [6].

Современники считали за особенную милость Божию к Русской земле, что в ней еще есть такие князья, которые, презирая славу мирскую, великодушно проливают кровь свою за веру Христову. Также за милость Небесную почитали они явление чудотворной иконы Божией Матери, прозванной Феодоровскою, в окрестностях города Костромы, где тогда княжил Василий Ярославич, утвержденный на престол великого княжения после смерти брата своего Ярослава [7].

Святая вера жила крепкою жизнью в сердцах народа, но устройство церковное много пострадало при совершенном расстройстве государства. Ревностный митрополит Кирилл, обозрев состояние Церкви почти во всех пределах своей обширной митрополии, заметил, к прискорбью своему, значительные беспорядки в совершении таинств и обрядов, недостаток должной разборчивости при посвящении в духовный сан и даже самое святоупство. Нравы народа также требовали исправлений: в иных местах укоренились игры и обычаи, противные христианской нравственности и правилам Церкви. Такое неустройство в духовном чине и народе происходило, как замечает сам митрополит, частью от небрежения пастырей, редко посещавших свою паству, и, наконец, оттого, что правила церковные, определявшие круг пастырской деятельности, для многих были невразумительны [8]. В 1274 году он открыл Собор во Владимире с епископами Далматом Новгородским, святым Игнатием Ростовским, Феогностом Сарайским и Симеоном Полоцким. Изобразив долг пастырей блюсти за исполнением законов Церкви, он говорил отцам Собора: “Какую пользу получили мы, пренебрегши Божественные правила? Не рассеял ли нас Бог по лицу всей земли? Не взяты ли были грады наши? Не пали ли сильные наши от острия меча? Не отведены ли в плен дети наши? Не запустели ли святые Божии церкви? Не томят ли нас каждый день безбожные и нечестивые люди? И все это постигло нас за то, что мы не храним правил святых отцов наших.” Канонические определения этого Собора [9] направлены к прекращению замеченных беспорядков и относятся к правильному поставлению служителей Церкви, к доброму их поведению и обязанностям служения, к правильному совершению таинств, к благочинию при богослужении и к исправлению жизни народа.

Епископам воспрещено брать плату или дары с посвящаемых. Кроме пошрины, определенной обычаем (не более семи гривен), за посвящение “на мзде” (за деньги) назначено извержение из сана и посвящающему и посвящаемому. Собор определил, чтобы избираемый в сан священства был тщательно испытан в образе жизни и поведении, чтоб он был или девственник, или в законном первом браке с девицею, хорошо знал грамоту, чтобы не был обвиняем в кощунстве, чародействе, воровстве, пьянстве, прелюбодеянии, лихоимстве, вольном или невольном убийстве. Обличенный в одном из этих пороков не может быть даже и причетником. Возраст для посвящения, на основании древних церковных правил, определен: для диакона — 25, а для священника — 30-летний. Сверх того, поступающий в клир должен был быть непременно человеком свободным или получить освобождение от прежнего господина. Священники, замеченные в нетрезвости и алчности к прибытку, если не исправлялись, осуждались на лишение сана. “Пусть лучше будет один достойный служитель Церкви, — прибавляют отцы собора, — нежели тысяча беззаконных.”

Собор обратил особенное внимание на совершение таинств, определил совершать крещение чрез погружение в особом сосуде (купели), а не чрез обливание [10]; при миропомазании помазывать части тела освященным миром, не смешивая его с елеем, как делали некоторые; преподавать Святые Тайны всякому новокрещенному, совершать браки с согласия родителей и по православному чиноположению в храме [11].

Заметив, что непосвященные дерзали иногда исполнять то, что предоставлено было только посвященным, Собор запретил диаконам совершать проскомидию и освящать приношения (плоды, кутью за умерших и т. п.), причетникам — касаться священных сосудов и совершать каждение, а мирянам — входить в алтарь, сказывать прокимен и читать Апостол.

В жизни христиан были замечены языческие обычаи: новгородцы в праздники устраивали неприличные зрелища, оскорблявшие честь праздников. Буйные толпы тешились кулачным боем, бились кольями, причем многих убивали до смерти и с убитых снимали окровавленное платье. Собор определил: “Отлучать от Церкви всех, участвующих в таком бесчинстве, и не принимать от них приношений. Если кто из них умрет, священники под опасением низвержения не должны отпевать его и хоронить вблизи церкви. Убитые на кулачном бое прокляты в сей и в будущей жизни.”

Большая часть правил Владимирского Собора составляет только возобновление древних постановлений Церкви, и даже наказания, определенные Собором, суть те же самые, какие издревле назначались Церковью за нарушения тех же правил [12]. В историческом отношении определения Владимирского Собора очень важны потому, что раскрывают тогдашнее состояние христианского общества, показывают его недуги и меры, какие принимали для уврачевания этих недугов попечительные святители.

На этом Соборе был посвящен в сан епископа Владимирского и Нижегородского архимандрит Печерского монастыря Серапион, которого митрополит Кирилл привез с собою из Киева, — престарелый подвижник, пастырь, по выражению современников, “учительный и сильный в Божественном писании.” Он недолго управлял паствой, скончался 12 июля 1275 года в глубокой старости [13] и погребен во Владимирском Успенском соборе.

После блаженного Серапиона сохранилось несколько “Слов”; из них особенно четвертое может служить указанием на образованность пастыря Русской Церкви XIII века. В этом “Слове” проповедник обличает слепых суеверов, убивавших волхвов и волшебниц по самым странным причинам. Обличение его исполнено ума и вполне согласно с духом Откровения; читая его, видишь и изумляешься, какое расстояние отделяло тогда Запад от светлого Востока. Что делалось на Западе в XIII веке? На кострах горели мнимые волхвы

по распоряжениям епископов! Благословен Господь Бог, благоволивший хранить свет Свой в Церкви Российской посредством светильников Своих! [14]

Приведем несколько отрывков из поучений блаженного Серапиона. Одно из “Слов” своих он начинает так:

“Дети! Я чувствую в сердце своем великую скорбь о вас: ибо вовсе не вижу вашего обращения от дел беззаконных. Не так скорбит мать, видя детей своих больными, как скорблю я, грешный отец ваш, видя вас, болящих делами беззаконными. Многократно беседовал я с вами, желая отвратить вас от худых навыков, но не вижу в вас перемены. Разбойник ли кто из вас — не отстает от разбоя; вор ли кто — не пропустит случая украсть; имеет ли кто ненависть к ближнему — не имеет покоя от вражды; обижает ли кто другого и захватывает чужое — не насыщается грабительством; лихоимец ли кто — не перестает брать лихву; бедный, он не подумает о том, что, как родился нагим, так и умрет, не имея ничего, кроме вечного проклятия; любодействует ли кто — не отказывается от своего любодейства; сквернословец и пьяница не отстают от своей привычки. Чем мне утешиться, видя, что вы отступили от Бога? Чему мне радоваться? Всегда сею я на ниве сердец ваших семя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плод. Умоляю вас, братия и дети, исправьтесь, обновитесь добрым обновлением, перестаньте делать зло, убойтесь Бога, сотворившего нас; вострепещите суда Его страшного! К кому идем? К кому приближаемся, отходя от сей жизни? Чего мы не навлекли на себя? Каких не понесли мы наказаний от Бога? Не была ли пленена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не в короткое ли время отцы и братия наши пали мертвыми на землю? Не отведены ли в плен жены и дети наши? А мы, оставшиеся, не порабощены ли горьким рабством от иноплеменников? Вот уже сорок лет — томление и мука и тяжкие налоги, не прекращаются также голод и мор скота нашего. Мы и хлеба не можем есть в сладость. От воздыханий и печали сохнут кости наши. Что же довело нас до этого? Наши беззакония и наши грехи, наше непослушание, наша нераскаянность. Умоляю вас, братия, пусть каждый из вас вникнет в свои мысли, рассмотрит сердечными очами дела свои, возненавидит их и откажется от них. Прибегните к покаянию: гнев Божий прекратится, и милость Господня изльется на нас. Мы в радости будем жить на земле нашей; а по отшествии из сего мира придем с радостью к Богу своему, как дети к отцу, и наследуем Царство Небесное, для которого Господом мы созданы. Ибо Господь сотворил нас великими, а мы чрез непослушание сделались малыми. Не погубим, братия, своего величия. Не слышащие о делах и законе спасаются, но исполняющие закон. Ежели в чем согрешим, опять прибегнем к покаянию, обратимся с любовью к Богу; прольем слезы; будем по мере сил давать милостыню нищим; имея возможность, помогать бедствующим, (от бедствий избавлять). Если не будем таковыми, то продолжится гнев Божий на нас. Пребывая же всегда в Божией любви, будем жить в мире.”

Так обличал грешников ревностный святитель в то самое время, когда Русь страдала под страшным ярмом неверных, и благоверные князья ее проливали кровь свою за имя Христово. Но та же вера, которая воодушевляла их на крепкий подвиг, в то же время действовала и на неверных, приводя их ко Христу: примером тому может служить жизнь преподобного Петра, царевича Ордынского.

Преподобный Петр-царевич — живой пример тому, что пребывание пастырей Русской Церкви в Орде, тяжелое для них самих, не оставалось бесплодным для веры Христовой. Ростовский епископ Кирилл, которого современники называли блаженным и учительным, приходил в Орду к хану Бергаю [15], был принят им ласково и по желанию хана рассказал ему о святой вере: как распространил ее в Ростове святой Леонтий и какие чудеса совершаются при мощах его силою Христовою. В числе слушателей беседы епископа

с ханом был юный племянник Бергая, сын брата его. Слово о вере Христовой пало на добрую почву — в сердце доброго юноши. Он был сильно поражен тем, что услышал, и стал уверяться в пустоте своей языческой религии — в пустоте поклонения солнцу, звездам, огню. В том же году у хана захворал сын, и хан, вспомнив рассказы епископа об исцелениях, совершающихся при гробе святого Леонтия, вытребовал Кирилла к себе для исцеления сына. Святитель, после теплой молитвы к Богу и Пресвятой Богородице, молил создателя Леонтия оправдать дело святой веры пред заблудшими. Прибыв в Орду, он исцелил царевича молитвою и освященною водой. Щедро одаренный ханом Ростовский епископ отправился в отечество, а юный племянник хана во время вторичного пребывания епископа в Орде решил удалиться с ним в Ростов, чтобы там принять крещение. Не смея открыть своих намерений матери и боясь власти дяди, он тайно ушел из Орды, догнал на дороге епископа и со слезами просил взять его с собою. Святитель согласился.

В Ростове царевич жил в доме епископа, ходил смотреть на чин богослужения, слушал чтение и пение, и все это приводило его в восторг. Тогда в кафедральном храме епископа, говорит древний повествователь, “на левом клиросе пели по-гречески, а на правом — по-русски.” Царевич просил крестить его. Епископ опасался как бы не навлечь гнева ханского на Ростов за царевича. Но прошло довольно времени, поисков о царевиче не было из орды, и епископ крестил его с именем Петра. Новый христианин научился русскому языку, усердно читал книги, трудолюбиво молился, посещал богослужение, жил чисто и воздержанно, оставаясь в доме епископа.

Блаженный Кирилл скончался, и 19 сентября 1261 года из Авраамиевой обители возшел на кафедру Ростовскую святой Игнатий. Петр продолжал жить и при святом Игнатии в кафедральном доме. Продолжая усердно посещать храм Божий и жить благоговейно, по временам забавлялся он соколиною охотой на берегу озера Неро. Раз, замедлив до ночи на ловле, заснул он у озера. Ему явились во сне, а по пробуждении и наяву святые апостолы Петр и Павел; в ужасе он пал перед ними; они, подняв его, ласково сказали: “Не бойся, друг Петр, мы посланы к тебе Богом, в Которого ты уверовал, и желаем, чтобы здесь, где заснул ты, создана была церковь в наше имя; завтра ты выменяешь три иконы: одну — Богородицы с предвечным Младенцем, другую — святого Николая, а третью — великомученика Димитрия, отнесешь их к епископу и скажешь: “Апостолы Петр и Павел повелевают построить во имя их церковь на указанном ими месте.” Затем дали они царевичу два мешка: один с золотом, другой с серебром, — и стали невидимы. Блаженный Петр пробыл в молитве до утра на месте, где явились ему апостолы. Потом нашел в городе у иконописца три указанные иконы, выменял и понес их к епископу. В ту же ночь святому Игнатию явились апостолы и приказали построить во имя их храм. Устрашенный видением, святитель Игнатий утром пригласил к себе князя (Бориса Васильковича) и рассказал ему о видении, недоумевая, где строить храм. В это время они увидели Петра с иконами на руках; епископ и князь поражены были изумлением, откуда Петр-иноземец мог достать такие превосходные иконы, каких не мог написать тогда ни один иконописец в городе. Выслушав рассказ Петра, они благоговейно поклонились иконам, отслужили пред ними молебное пение, отнесли их в крестном ходе на место явления святых апостолов и здесь поставили в построенной наскоро часовне.

По требованию князя Петр решил купить у него довольно большое место для церкви и монастыря на берегу озера; князь приказал протянуть вервь вокруг выбранного места, и Петр потребовал, чтобы выкопали ров, “как бывает в орде, чтобы не пропало то место.” Затем царевич начал класть в вырытом рву монеты, вынимая их из мешков апостольских и кладя девять серебряных, а десятую золотую; так клал он по всему протяжению рвов, а монеты, к изумлению и ужасу князя, не истощались. Целый воз денег достал-

ся князю, который принял их, как благословение апостольское, и несколько дней щедро раздавал милостыню бедным. На отведенном месте построен был храм в честь святых апостолов Петра и Павла, и при нем основалась обитель иноков.

Сам царевич остался мирянином, но был молчалив, всегда занимаясь в душе то молитвою, то размышлением о вечности. Святой Игнатий и князь, опасаясь, как бы царевич не удалился в Орду, предложили ему вступить в брачную жизнь, и Петр согласился. Невестю себе он выбрал дочь ордынского вельможи, поселившегося в Ростове. Святой Игнатий сам венчал его; а князь побратался с ним, и святитель укрепил это душевное братство их церковною молитвою. На земли, предоставленные храму и царевичу, князь Борис выдал грамоты [16]. Петр прожил в супружестве много лет, имел детей, оставаясь отцом всех бедных и несчастных, пережил и князя, нареченного брата, и святого Игнатия [17]. В глубокой старости, овдовев, он принял монашество в основанной им обители и мирно перешел ко Господу, Которого возлюбил, и погребен в построенной им церкви. Это было, вероятно, около 1290 года [18].

Между князьями русскими, современными преподобному царевичу Петру, были также замечательные подвижники благочестия.

Благоверный князь Роман Углический был сыном князя Владимира, получившего Углический удел от родителя — великого князя Константина Всеволодовича — в то же время, когда братья его, святые Василько и Всеволод, получили Ростов и Ярославль. Блаженный Роман вступил в управление княжеством в 1261 году и был попечительным отцом народа. В уделе его были города Углич, Кашин, Бежецкий Верх, Устюжна, Дмитров, Звенигород, и он еще построил на высоком берегу Волги напротив слободы Борисоглебской новый город Романов, соорудил до 15 храмов в разных местах своего княжества, устроил богадельни и странноприимные дома. Каждый день он слушал службу Божию, часто беседовал с опытными иноками и любил читать божественные книги. Осиротевший, вдовый и бездетный блаженный Роман посвятил последние дни жизни своей подвигам молитвы, поста и благотворительности. Он мирно почил 3 февраля 1285 года и погребен в соборном храме города Углича [19].

Между князьями южными славился особенно благочестием в последние годы жизни своей Волынский князь Василий Романович, родной брат короля Даниила Галицкого. Храбрый и неутомимый воин, дожив до старости, он скончался монахом и тружеником в окрестностях Львова (Лемберга), в дикой, заросшей кустарником пещере, под горою Георгиевского монастыря [20], оплакивая грехи мирского властолюбия и кровавой деятельности.

Сын его Владимир-Иоанн, наследовавший область родительскую, был истинный страдалец Божий. Кроткий, милостивый к другим, строгий к себе, трезвый и целомудренный, смелый на войне и в звериной ловле, любознательный и начитанный (современники звали его философом), этот князь четыре года страдал, как Иов: нижняя губа его гнила, болезнь распространялась и становилась сильнее; но он терпеливо сносил боль и занимался делами; болезнь усилилась: вся мясистая часть бороды отпала, нижняя челюсть и зубы прогнили, — он молился и благотворил. Никто из князей южных не построил столько монастырей и городов, никто более его не наделил храмов книгами и утварью; пред смертью он все движимое имущество — золото, серебро, одежды — раздал бедным [21].

В конце XIII века мы видим образец особенного рода жизни, высокого и трудного, — образец юродства о Христе. Неизвестно, шел ли кто в Русской земле по этому пути прежде блаженного Прокопия Устюжского, но из прославленных чудотворцев Русской Церкви Прокопий является первым подражателем блаженных угодников Божиих Греческой Церкви, посвятивших себя этому тяжкому подвигу.

Блаженный Прокопий был иностранным купцом и торговал в Новгороде. Пленившись учением Православной Церкви, он отказался от папизма, принял Православие и оставил торговлю.

Жизнь православных иноков так подействовала на него, что он, раздав имение бедным, поселился на некоторое время в Хутынской обители [22], но вскоре удалился в Великий Устюг и там вступил на новый путь жизни, на путь юродства. Он нашел полузырянский город с христианскими храмами; соборная церковь в нем была деревянная и очень высокая. На паперти ее Прокопий стал проводить ночи в молитве, а днем ходил по городу, претерпевая насмешки, брань и побои; над ним издевались и дети, и те, у кого духовный смысл был еще менее развит, нежели у детей, и кто не мог понять поступков человека духовного. Блаженный Прокопий молился за них молитвою Распятого: “Господи, не постави им греха сего.” Отдыхать ложился он то на навозе, то на камне или на голой земле. Одежда на нем была изорванна, и в ней он переносил северные морозы. Он принимал пищу от нищих и от людей богобоязненных, а от богачей, обогатившихся неправдою, не брал ничего. Утешением для праведника служила праведная чета — Иоанн и Мария. Иоанн Буга, или Бога, был монгольским сборщиком в Устюге; дозволяя себе всякое своеволие, он взял силою дочь одного гражданина Марию. Народ взволновался и готов был убить дерзкого баскака. Тогда Бога принял крещение и женился на Марии. Народ примирился с ним. Бога-Иоанн переменял жизнь свою, жил с супругою праведно и чисто; на Соколей горе он построил храм Предтечи с монастырем. Блаженный Прокопий посещал иногда Иоанна и Марию, но не пользовался удобствами их жизни [23]. Другом и собеседником его был блаженный Киприан, основатель Архангельской Устюжской обители, но и у него не искал он покоя для себя [24].

Раз была ночью жестокая стужа. Сильная вьюга засыпала дома и улицы снегом, и мороз и ветер северный так были резки, что птицы падали мертвые на землю, даже скот и люди замерзали. Можно представить себе, каково было нагому Прокопию. Терзаемый морозом, он пытался войти в хижину нищих, чтобы сколько-нибудь погреться: но одни запирали дверь, другие прогоняли его палкою. Прогнанный страдалец нашел сарай, где в углу лежали собаки; он лег около собак, чтоб от них согреться, но и собаки ушли от него. Не тяжело ли не найти защиты от смерти у людей и даже у псов? “Буди имя Господне благословенно,” — сказал Прокопий и пошел на обыкновенный свой ночлег — на паперть соборную; дрожа всеми членами и ожидая смерти, молился он, да примет Бог душу его. И вот он почувствовал некую теплоту; взглянув, он увидел пред собою ангела Божия с прекрасною ветвию в руке; небесный гость, коснувшись веткою лица Прокопия, оживил страдальца: приятная теплота разлилась по всему телу его. Об этом блаженный Прокопий рассказал любимому клирику Симеону, отцу святого Стефана Пермского, под условием — не говорить о том другим до смерти юродивого.

Любимым местом, где часто и долго сживал Прокопий, был один камень на берегу реки Сухоны. Здесь, смотря на плывущие мимо суда, он молился за тех, которые вверяли судьбу свою неверной стихии.

В один воскресный день Прокопий говорил народу в храме: “Покайтесь, братия, во грехах ваших; умиловляйте Бога постом и молитвою; иначе город погибнет от града огненного.” — “Он не в своем уме,” — говорили слушавшие Прокопия. После литургии Прокопий, сидя на паперти, плакал и рыдал, плакал потом днем и ночью. Проходившие мимо его спрашивали: “Что с тобою, Прокопий? Что за скорбь у тебя?” Блаженный отвечал: “Бдите и молитесь, да не внидете в напасть.” Но проповеди его не принимали к сердцу. На третий день Прокопий пошел по городу и говорил со слезами: “Плачьте, други, плачьте о грехах ваших, молитесь, чтоб избавил вас Господь от гнева правды своей, чтобы

не погубил вас, как Содом и Гоморру, за беззакония ваши.” Но и теперь закаменевшие в грехах не были тронуты и не приходили в себя; над проповедником смеялись, как над безумцем, и молитвенником за них оставался один Прокопий. Чрез неделю после первой проповеди в полдень явилось на небосклоне черное облако; приближаясь к городу, оно росло все более и более; наконец, день превратился в темную ночь. Молнии бегали огненными полосами, и страшные грохоты грома раскатывались в воздухе, не прерываясь ни на минуту; от громовых ударов тряслись стены зданий, и от оглушительных звуков не слышно было людского голоса. Тогда-то увидели, что городу грозит гибель, вспомнили о проповеди Прокопия и бросились в Соборный храм Богоматери. Прокопий был уже здесь и пред иконою Благовещения молился с горькими слезами, да будет Богоматерь ходатаицею за людей согрешивших. И весь народ с рыданием молился о спасении от гнева Божия; вдруг от иконы потекло миро ручейком и по храму разлилось благоухание. В то же время произошла перемена в воздухе: не стало удушливого зноя, тучи с громами и молниями откатились вдаль — на пустынные места. Скоро узнали, что за 20 верст от Устюга, в дебри Котовальской, пали с градом раскаленные камни, поломали лес, но никто из людей не убит, и даже скот везде остался цел. Между тем из святой иконы истекло столько мира, что им наполнили сосуды церковные; а мазавшиеся этим миром получали исцеление от различных болезней [25].

После этого Прокопий стал опять юродствовать и юродством скрывал от людей обильную благодать, обитавшую в нем. Он носил в руке три кочерги. Замечено было, что, когда он носил их вверх головами, в тот год бывал хороший урожай; когда же оборачивал их головами вниз, бывал недостаток во всем.

Блаженный Прокопий преставился в старости 8 июля 1303 года у ворот обители Архистратига Михаила. Согласно с его желанием, тело его похоронили на берегу реки Сухоны близ соборной Успенской церкви. Камень, на котором часто сидел он на берегу Сухоны, молясь за плавающих, положен над гробом его, а на месте кончины поставлена часовня [26].

Церковь поет блаженному Прокопию: “Ты был бездомным, Прокопий, и, перенося всякое оскорбление, приносил Богу дела добрые, как фимиам благовонный, как жертву приятную. Потому ты и получил дерзновение пред Ним в Обителях Небесных. Моли даровать очищение грехов славящим святую память твою” [27].

Так при тяжком испытании Русской земли Господь прославлял в ней избранных Своих многоразличными путями спасения!

10. Князь Даниил Московский.

Спустя тридцать лет после грозы Батыевой Русская земля как-будто отдохнула, обязанная внутренним устройством и тишиною умному правлению Ярослава Всеволодовича и великого сына его святого Александра. Некоторые местные грабежи татар, маловажные распри князей, даже самая утрата государственной независимости казались легким злом в сравнении с ужасными всеобщими бедствиями минувших лет, еще свежими в памяти народа. Войны внешние были довольно счастливыми: победы витязя Невского и бодрая охрана западных пределов отечества доказывали, что русские люди еще умеют владеть мечом; а торговля, ободряемая ханскими грамотами, доставляла купцам и землевладельцам способ платить дань без больших затруднений.

В таком состоянии находилось великое княжение, когда оно досталось по смерти дядей Димитрию Александровичу, сыну святого Александра Невского. Восемнадцатилетнее его правление (1276-1294), памятное для Русской земли одними несчастиями, протекло в непрерывных кровавых междоусобиях, возбуждаемых безумным властолюбием младшего брата его Андрея, который не мог успокоиться, пока не сделался великим князем. Непрестанно враждуя со старшим братом и вовлекая в свои распри всех прочих удельных князей, Андрей в то же время умел угождать ханам и получать от них войска для разорения городов русских. Так однажды татары, приведенные Андреем, напомнили время Батты: они опустошали окрестности Владимира, Суздаля, Юрьева, Ростова, жгли и грабили селения, монастыри, церкви, не щадя ни икон, ни сосудов, ни утвари церковной. Народ разбежался и погибал в лесах от жестоких морозов. Переяславль-Залесский, удельный город Димитрия (бежавшего в Новгород), хотел обороняться и был жестоко наказан: не осталось жителя, по словам летописи, который бы не оплакал смерти отца, сына или брата. Это кровопролитие случилось 19 декабря 1282 года. В праздник Рождества Христова ограбленные храмы стояли пустыми; вместо священного пения раздавались в городе стоны и рыдания. Один только Андрей, злобный и недостойный сын великого отца, праздновал и ликовал с татарами. В другой раз он привел рать хана Ногая, который в то время завел неустройство в Золотой орде и основал свою собственную, Ногайскую. Снова татары опустошили и ограбили много городов; даже духовенство, свободное от дани ханской, не спаслось от всеобщего грабежа. Ужас царствовал повсюду, и только дремучие леса служили убежищем для несчастного народа. Димитрий укрылся тогда во Пскове; он отказался от великого княжения, довольствуясь наследственным уделом Переяславским. Изнуренный горем и болезнью, он умер на пути близ Волока-Ламского, приняв схиму пред кончиною [1].

При несчастном правлении его утвердилось независимость Тверского княжества. Оно было прежде частью Суздальского и Владимирского, но сделалось отдельным при Ярославе Ярославиче (младшем брате Невского, наследовавшем после него великое княжение). При нем же учреждена епископия в Твери, и первым архипастырем там был блаженный епископ Симеон. Кафедра его была прежде в Полоцке, но неустройство и распри литовских князей принудили его переселиться в Тверь, принадлежавшую к той же епархии. Великий князь Ярослав Ярославич принял его с любовью и наделил новую епископию богатыми имениями и угождями. Блаженный Симеон управлял паствою, как один из лучших пастырей Церкви. По свидетельству летописи, он хорошо знал священные книги, благоволит нищим и сиротам, без боязни говорил правду князьям и вельможам [2]. Он пережил благодетеля своего Ярослава, заложил при сыне и преемнике его князе Михаиле соборный храм в Твери и мирно почил 3 февраля 1289 года.

Незадолго пред тем угас великий светильник Церкви Русской: блаженный первосвяtitель Кирилл преставился в глубокой старости 9 декабря 1280 года в Переяславле-Залесском, при объезде северных епархий. Тело его перевезено было во Владимир, а потом в Киев и заключило собою ряд первосвятительских могил в Софийском соборном храме. В продолжении многолетнего святительства (1243-1280) он старался восстановить разрушенное опустошителями, водворять мир между враждующими, оберегать вверенное ему стадо от влияния римского, исправлять беспорядки в жизни духовенства и народа, утвердить управление Церкви на правилах Соборов и святых отцов. Преемником его был Максим, родом грек, присланный Патриархом из Царьграда.

Между тем княжение Ярославское перешло из рода великого князя Константина Всеволодовича в род князей Смоленских. Это произошло следующим образом. Феодор Ростиславич, по прозванию Черный, сын Смоленского князя Ростислава Мстиславича женился

на дочери последнего князя Ярославского, святого Василия Всеволодовича, Марии, единственной наследнице княжества Ярославского. Он был воспитан в страхе Божиим, чуждался распрей и ссор, хотя отличался мужеством и знанием ратного дела. Только неудовольствия с братьями, которые дали ему из всего княжества Смоленского один небольшой городок Можайск, заставили его жить в Ярославле, где теща, княгиня Ксения, не хотела уступить ему власть.

Князь Феодор вместе с другими князьями ходил на поклон в орду и по воле хана Менгу-Темира предпринимал поход против яссов, или алан, которые жили близ Кавказа и не хотели платить дани татарам. Возвратившись оттуда с богатою добычей, мужественный князь обратил на себя особенное внимание хана и жены его; последняя предложила ему руку своей дочери. Феодор не побоялся ответить, что у него есть супруга и что он, как христианин, не может иметь другой. Но пока он с опасностью для жизни отклонял от себя лестную честь быть зятем ханским, теща его княгиня Ксения по возвращении его в отечество не впустила его в Ярославль, объявив, что там есть уже законный князь сын его и Марии — малолетний Михаил. Даже посредничество ордынского посла не могло победить упрямства властолюбивой княгини. Добрый и миролюбивый Феодор не хотел призывать гнева ханского на отчизну, и Господь Сам устроил судьбу его: он вскоре овдовел и получил Смоленское княжество после умерших братьев. Тогда он снова отправился в орду, где принят был с прежнею благосклонностью. Для брака его с дочерью хана оставалось одно препятствие — языческая вера невесты. Дочь Менгу-Темира крестилась с именем Анны и с разрешения Патриарха Царьградского вступила в христианский брак с Феодором [3], причем хан назначил города на содержание дочери и зятя. С дозволения тестя благочестивый князь поставил несколько храмов в улусах орды; твердый в бедах он не изменялся и в счастии: по-прежнему любил Господа более всего и старался о славе имени Его.

Скоро мечты властолюбивой Ксении рассеялись: внук ее, умер в младенчестве. Тогда благоверный князь Феодор отправился в Ярославль с супругою и с двумя сыновьями, Давидом и Константином, родившимися в Орде. Жители Ярославля не хотели принять их, но князь Феодор со Смоленскою дружиною принудил их к покорности, а виновники возмущения по воле хана были наказаны.

За непокорность ярославцев блаженный князь Феодор заплатил им благодеяниями: он распространил город Ярославль, обвел его земляным валом, построил в нем несколько храмов и великолепно украсил их. Особенно любил он монастырь Спасский: часто он молился там, раздавал милостыню бедным, кормил братию. Супруга его княгиня Анна, хотя родилась и воспиталась в язычестве, но подражала ему в добродетелях; она построила храм Архангела Михаила на берегу реки Корости [4].

При частых смутах этого несчастного времени не удивительно, что блаженный князь Феодор вовлекался невольно в распри князей. Удрученный старостию, скорбями и недугами, он почувствовал близость кончины и велел отнести себя чрез весь город в монастырь Спасский. Когда поставили его здесь в притворе церковном, то на вопрос игумена “Что пришел, брат? Желает ли сподобиться ангельского образа?” князь, подняв руки к небу, сказал: “Всею душою готов, Владыка и Творец мой, работать Тебе, — и, обратясь к игумену, прибавил: — Да, честный отче.” По совершении пострижения понесли его в келью к игумену, где весь день прощался он со всеми, исповедал всенародно грехи и ошибки в жизни своей и давал прощение другим. Позвав к себе княгиню и детей, простился с ними, наказывая детям исполнять его наставления. Поздно вечером попросил игумена облечь его в схиму и затем попросил, чтобы, кроме игумена и немногих братии, все вышли. Во время утреннего пения он оградил себя крестным знаменем и предал дух свой Богу; это было 19 сентября 1299 года [5].

Между тем, как святой князь Феодор подавал современным князьям назидательный пример благочестия, умеренности и миролюбия, злобный Андрей Александрович, достигнув великого княжения, продолжал терзать землю Русскую. Наконец распри дошли до судилища хана: посол ханский созвал князей во Владимире, и суд кончился миром или, лучше сказать, ничем, потому что посол ханский взял дары, а великий князь дал слово оставить в покое братьев и племянников, но в то же время собирал войско, чтобы усмирить их.

Тогда возобновились, но, к сожалению, безуспешно древние съезды князей, учрежденные некогда Мономахом; на них присутствовали и святители, как толкователи уставов правды и совести. Но в этих съездах не принимали участия князья уделов отдаленных: Рязанские, Смоленские и другие. Нашествие монголов разорвало последние связи между разными частями Русской земли: великий князь, не удержав господства над уделами собственного великого княжения Владимирского, мог ли вмешиваться в дела других областей и быть душою общего согласия и порядка? Неустройство и междоусобия продолжались до смерти Андрея; он окончил жизнь в 1304 году, заслужив ненависть современников и презрение потомства.

Не таков был брат его Даниил, княживший в Москве. Из четырех сыновей святого Александра Невского, только самый младший вполне усвоил себе христианское благочестие родителя. И Господь, предназначивший высокую будущность потомству угодника Своего Александра, избирает только род Даниила для управления Русскою землею: “Праведное семя его возлюбил Бог, благоволил ему царствовать в роды и роды” [6].

Жизнь Даниила ознаменована печатью особенного избрания Божия. Двухлетним младенцем остался он по смерти отца [7], но никто не нападал на князя-младенца, никто не покушался завладеть уделом его. А как часто в то время и у взрослых князей отнимали уделы другие князья, более сильные!

Ему достался самый незначительный из уделов великого княжения, с ничтожным городком — Москвою. Пришедши в возраст, Даниил увеличил свое княжество, не прибегая к мерам насилия. Неизбежно вовлекаемый в междоусобия князей [8], он держал себя умеренно и осторожно, берег свою совесть и старался гасить ссоры любовью [9]. Храбрый, но вместе с тем и миролюбивый, он брался за оружие только для того, чтобы грозою меча утратить злонамеренных. Довольный своим жребием, он не отнимал чужой собственности ни насилеи, ни коварством; за то сам Господь неожиданно благословил его новым владением.

Родной племянник блаженного Даниила, сын умершего великого князя Димитрия, Переяславский князь Иоанн Дмитриевич, кроткий, набожный, благотворительный, был связан узами тесной дружбы с благочестивым дядей. Умирая бездетным [10], он отказал свой удел Даниилу, которого современники называли “Богоснабдимым” [11], потому что Сам Бог, видя благочестие и бескорыстие раба Своего, снабжал его всем нужным. Здесь заложено начало соединению русских княжеств в одну мощную державу и первенству Москвы над прочими уделами!

Блаженный князь Даниил не искал достоинства великого князя; но оно досталось впоследствии сыновьям и внукам его. Он построил на берегу реки Москвы деревянную церковь в честь заступника своего преподобного Даниила Столпника и при ней основал монастырь [12]. Приняв схиму с именем пророка Даниила, он преставился 4 марта 1303 года. По глубокому смирению он указал могилу себе не в храме, а на общем кладбище основанной им иноческой обители [13].

Описывая внутренние дела Русской земли, мы давно не упоминали о защите западных ее пределов. Там в это время бодрствовал на страже мужественный князь, но не пото-

мок святого Владимира, а литвин, родившийся язычником, — явление дотоле небывалое и неслыханное!

Миндовг, великий князь Литовский, заманив к себе жену Довмонта, князя Нальшанского, заставил ее разделить с ним ложе; Довмонт, исполняя долг языческой мести, убил Миндовга и двух сыновей его. Это было осенью 1263 года. Вслед за тем началась резня в Литве: сын Миндовга Воишелг страшно мстил за смерть отца. Тогда Довмонт с тремястами семей литовских, спасая жизнь, бежал во Псков. Здесь дохнула на него, говорит древний летописец, “обновляющая благодать Божия.” Он крестился и был назван Тимофеем. Псковичи посадили его на столе святого Всеволода-Гавриила; но с тем вместе, желая соединить его с дорогим для них родом святого Александра Невского, они выпросили для Довмонта руку княжны Марии, дочери великого князя Дмитрия Александровича. Так пришлец из Литвы стал княжить во Пскове. Но этот пришлец щедро возблагодарил свое новое отечество: своими доблестями, своею ревностью по вере он напомнил Пскову лучших князей из рода Рюрика — Мстислава Великого, Всеволода и деда жены своей приснопамятного Александра. Довмонт пошел войной на дикую Литву, которая часто вторгалась в пределы Русские из лесов своих, опустошала жилища и уводила в плен множество христиан. Еще прежде псковские священники насадили православное христианство в Летгаллии, а в это время Литовский князь Гердень уступил эту область гермейстеру Ливонских рыцарей, и, таким образом, папизм угрожал новопросвещенным. Пользуясь отсутствием Герденя, Довмонт с 270 воинами прошел с огнем и мечом по его владениям, взял в плен жену его с детьми и толпы литовцев. Переправившись через Двину, храбрый князь оставил при себе только 70 воинов, отпустив остальных с добычею во Псков. Скоро сторожевые дали знать, что Гердень приближается с войском. “Братья псковичи, — сказал Довмонт, — кто стар из вас, тот мне отец; кто молод, тот мне брат. Я слышал о вашем мужестве. Пред вами жизнь и смерть. Братья мои! Постоим за Святую Троицу.” Слова Довмонта одушевили псковичей. С дружиной в 70 человек он одолел 700 литовцев, многих побил и потопил в Двине. На другой год он снова ходил в Литву: страна предана была опустошению, и князь Гердень убит.

Особенно важны подвиги Довмонта в обуздании Ливонских рыцарей: немцы, завладев Ливонией, готовы были простирать далее свои завоевания. В отношении к вере они были вреднее языческой Литвы, которая довольствовалась грабежом, не касаясь совести; а немцы не только грабили, но и принуждали православных к папизму, объявляя русских язычниками. В 1268 году силы почти всех русских князей собрались в Новгород, чтобы выгнать из Эстонии датчан, которые вздумали заводить поселение в стране, издавна платившей дань Новгороду. Довмонт с ратью псковскою присоединился к войску тестя своего, великого князя Дмитрия. В самом начале похода дворяне Божии (так называли себя Ливонские рыцари) прислали послов с клятвенными уверениями, что они не станут помогать датчанам и желают сохранить мир с князьями. Но когда войска русские приблизились к Раковору (Везенбергу), магистр ордена и дерптский бискуп явились с многочисленным войском на защиту датчан. Началась страшная битва; особенно отличалось мужеством правое крыло союзного войска, где стояли Довмонт и Дмитрий. Бискуп был убит, и с ним легло, по показанию самих немцев, до 1350 человек. Пользуясь темнотою ночи, рыцари обратились в бегство. Новгородцы, чувствуя большой урон в войске, возвратились назад; а Довмонт с псковичами прошел по Везенбергскому округу до самого моря, разоряя капища эстов, и возвратился со множеством пленных. Спустя несколько дней после Раковорской битвы, немцы тайно вступили в пределы псковские и ограбили несколько сел. Довмонт с небольшим отрядом догнал и разбил их. Иные скрылись на остров; Довмонт велел зажечь траву, и клятвопреступники погибли.

На следующий год магистр явился с 18 000 войска и стенобитными орудиями; он грозил сравнять Псков с землею. Осмотрев силы неприятелей и собрав войско, Довмонт пришел в Троицкий собор, положил меч свой пред алтарем, пал на лицо и молился со слезами: “Господи Боже сил! — говорил он — Призри на кротких и смиренных рабов Твоих и смири высокоумие гордых.” Игумен Мирожский Исидор препоясал князя мечом и благословил на битву за святую веру; храбрый князь, не дожидаясь новгородцев, ударил с дружинами псковскими на немцев, разрубил лицо магистру и истребил несколько тысяч латинян. На десятый день осады подоспели полки новгородские: немцы бросились спасаться бегством и потом заключили мир на условиях, какие предписал им Довмонт.

После того немцы и Литва надолго оставили в покое пределы Русские. Защищая Псков мечом своим, Довмонт укрепил его каменною стеною [14]. Он судил народ праведно, не давал слабых в обиду, помогал бедным, посещал узников в темницах, покоил странников, любил духовенство, строил храмы [15], проводил жизнь в посте и молитве и благоговейно чтил праздники.

Приближаясь к блаженной кончине, доблестный князь, уже маститый старец, должен был в последний раз отразить немцев от Пскова. В начале 1299 года Ливонские рыцари неожиданно напали на Псков, грабили и жгли монастыри в окрестностях города [16]. Блаженный князь вывел дружину, сразился с немцами под стенами города, на берегу реки Великой, вогнал их в воду и многих захватил в плен. Спустя несколько месяцев, 20 мая 1299 года, после тяжелой болезни святой Довмонт скончался. Горько плакал весь народ псковский, погребая тело его под сводами соборного храма Святой Троицы, “за которую,” по словам летописца, “он много потрудился.” Спустя год мирно почил и блаженная супруга его Мария, в иночестве Марфа [17].

Псковичи верили, что мужественный и благочестивый князь их — угодник Божий и небесный заступник города, в котором княжил. Пред битвою с врагами они обращались с молитвою к святому князю Довмонту [18]. В 1480 году, когда немцы в числе ста тысяч человек осадили Псков, святой князь Довмонт явился во сне одному благочестивому мужу и сказал ему: “Возьмите одеяние (покров) гроба моего, обнесите его три раза вокруг города с крестным ходом, молитесь, и не бойтесь.” Исполнив волю святого князя, псковитяне смело вступили в бой с врагами и принудили их снять осаду [19].

11. Борьба между Тверью и Москвой.

Возвышение Москвы при Иоанне Калите.

Как жизнь, так и кончина великого князя Андрея Александровича были несчастьем для Русской земли. Явились два искателя великого княжения: князь Михаил Ярославич Тверской и князь Георгий Данилович Московский; первый из них имел более прав, как внук Ярослава Всеволодовича и двоюродный дядя Георгия, следовательно — старейший в роде. Это, по понятиям того времени, казалось неоспоримым, и бояре великокняжеские, похоронив тело Андрея в Городце Волжском, поспешили в Тверь поздравить Михаила с престолом Владимирским. Новгородцы также признали его своим князем, с условием, что хан утвердит за ним великое княжение. Тщетно блаженный митрополит Максим уговаривал Георгия не искать великого княжения и обещал ему именем вдовствующей княгини Ксении, матери Михаила, предоставить на выбор несколько городов в прибавок к Московской области. Дядя и племянник поехали судиться к хану; началась продолжительная кровавая борьба между Москвою и Тверью.

Сначала Михаил превозмог соперника и приехал с ханскою грамотой во Владимир. Зная неуступчивость врага своего, он хотел смирить Георгия оружием и дважды приступил к Москве, но не мог взять ее. Это еще более усилило взаимную злобу, пагубную для обоих князей. Впрочем, летописцы оправдывают Михаила и винят князя Московского, который заслужил всеобщую ненависть гнусным злодейством: он велел зарезать Рязанского князя Константина, находившегося у него в плену.

Несколько лет Михаил властвовал спокойно и жил большею частию в Твери, управляя великим княжением и Новгородом чрез наместников. Между тем Георгий в Орде три года бил челом вельможам ордынским, одаривал их и, наконец, сумел снискать милость нового хана Узбека, который выдал за него замуж любимую сестру свою Кончаку, названную в крещении Агафиею, объявил его великим князем и дал ему войско. В сопровождении монголов и воеводы их Кавгадыя Георгий возвратился в отечество и хотел немедленно завоевать Тверь.

Михаил отправил посольство к племяннику и велел сказать ему: “Будь великим князем, если так угодно царю; но оставь меня спокойно княжить в моем наследии; ступай во Владимир и отпусти войско.” Георгий вместо ответа опустошал с татарами Тверскую область. Михаил призвал на совет епископа и бояр: “Судите меня с племянником, — говорил он, — не сам ли хан утвердил меня на великом княжении, а теперь отдал его Георгию? Я не спорю против воли ханской, а Георгий ищет головы моей, терзает наследственную мою область. Скажите, кто из нас виноват?” Епископ и бояре единогласно отвечали ему: “Ты прав, государь, пред лицом Божиим: возьми меч праведный и иди на врага; с тобою Бог и верные слуги, готовые умереть за доброго князя.” — “Не за меня одного, — сказал Михаил, — но за множество людей невинных, лишаемых крова отеческого, свободы и жизни.” Началась кровопролитная битва, и Михаил обратил в бегство врагов своих, освободив множество тверитян, взятых в неволю татарами. Жена Георгия и Кавгадый попались в плен. Первая, к несчастью, вскоре умерла скоропостижно, и враги Михайловы распустили слух, будто бы она была отравлена ядом.

Не желая продолжать кровопролития, Михаил отпустил Кавгадыя с богатыми дарами к хану и предложил Георгию ехать с ним в Орду на суд. Уверенный в правоте своей, он не спешил и спокойно занимался в Твери делами правления. Между тем коварный племянник предупредил дядю и успел при помощи Кавгадыя очернить его перед Узбеком.

Наконец, и Михаил собрался в Орду. Приняв благословение от епископа Варсонофия, помолившись и благословив детей, он отправился в путь. Благочестивая супруга его княгиня Анна, проводила его до берегов Нерли; там он исповедался пред духовником и открыл ему свою тайную мысль: “Я всегда любил отечество, но не мог прекратить наших злобных междоусобий; буду доволен, если хотя смерть моя успокоит землю Русскую.”

Во Владимире, куда провожали Михаила два старших сына Димитрий и Александр посол ханский объявил ему гнев Узбека: сыновья умоляли отца не ездить в Орду, но послать их вместо себя, чтобы умиловить хана. “Царь требует меня, а не вас, — отвечал Михаил, — за мое послушание падет много голов христианских; тогда и я не избегну смерти; не лучше ли теперь положить душу за братию?” Он написал завещание, распределил уделы сыновьям, дал им отеческое наставление и отпустил их в Тверь.

Михаил нашел Узбека на берегу моря Сурожского (Азовского) при устьях Дона, вручил дары хану и шесть недель жил спокойно в Орде. Вдруг хан повелел судить Михаила с Георгием. В числе судей были Кавгадый и вельможи ханские, подкупленные Московским князем. В первом заседании суда обвиняли Михаила в неисправном платеже дани; в этом он легко оправдался. Во второе заседание привели его уже скованным и объявили ему две новых вины, сказывая, что он обнажил меч на посла ханского и опоил ядом ордынскую

царевну. “В битвах не узнают послов, — отвечал Михаил, — но я спас Кавгадья и отпустил его с честью. В смерти Кончаки я невинен; как христианин, свидетельствую Богом, что у меня и в мысли не было такого злодеяния.” Судьи не слушали его, удалили от него верных его слуг и наложили ему на шею колодку.

Узбек ехал тогда на ловлю к берегам Терека. Вся орда тронулась за ханом; вслед за нею повлекли и Михаила. Страдалец, обремененный цепями и тяжелой колодкой, терпел унижение и муку с удивительной твердостью; спокойно готовясь к смерти, он несколько раз причащался Святых Тайн; проводил ночи в молитве и чтении Псалмов Давидовых, причем отрок княжеский держал книгу и перевертывал листы. Несколько раз верные слуги предлагали ему бегство, говоря, что кони и проводники готовы. Князь отвечал: “Не дай Бог и думать о том; спасусь сам, а народ мой подвергну беде; что же будет ждать меня там? Да будет воля Божия!”

Орда кочевала уже далеко за Тереком близ Дербента, когда Узбек утвердил смертный приговор Михаилу. Страдалец не ужаснулся смерти. Отслушав утреню (с ним были игумен и два священника), он благословил сына своего Константина (которого прислал перед собой в орду) и передал ему на словах все, что было в сердце его заветного, супруге, детям и братьям. “Дайте мне теперь Псалтырь, — сказал он, — прискорбна душа моя до смерти!” Разогнув книгу, он прочел слова: “Сердце мое смятется во мне, и боязнь смерти нападе на мя.” Душа его невольно содрогнулась. Игумен сказал ему: в том же псалме написано: “возверзи на Господа печаль твою.” Князь продолжал: “Кто даст ми криле, яко голубине, и полещу и почию?” Он закрыл книгу. В ставку вбежал один из отроков княжеских с лицом бледным, сказывая, что князь Георгий, Кавгадья и толпа народа приближаются к шатру. “Ведаю, для чего,” — отвечал Михаил и поспешил отправить юного сына к супруге Узбека, надеясь, что она сбережет его.

Недалеко от шатра на площади остановились Георгий и Кавгадья, отрядив палачей на убийство. Всех людей княжеских разогнали: Михаил стоял один и молился. Убийцы повергли его на землю, мучили, били пятами; наконец один из них по имени Романец (вероятно, отступник) вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце. Это было 22 ноября 1319 года. Тело святого страстотерпца лежало нагое, пока народ по обычаю татарскому грабил имущество князя. Кавгадья, свирепо взглянув на Георгия, сказал ему: “Он твой дядя; оставишь ли труп его на поругание?” Тогда Георгий приказал слуге покрыть тело [1].

Память Михаила была священна для современников; великодушный в бедствиях он заслужил славное имя “отечестволюбца.” Все жалели его искренно, но всех более верные жители Твери. Он любил их, как отец, и возвеличил Тверское княжество. Святой Михаил отличался добродетелями семейными, нежною привязанностью к супруге [2], к детям и особенно к матери, умной и добродетельной Ксении, воспитавшей его в духе благочестия [3].

Вскоре злодей Кавгадья погиб внезапно; чрез несколько лет Провидение наказало и коварную жестокость Георгия. В 1325 году Георгий встретил в Орде князя Димитрия, старшего сына святого Михаила. Пылкий юноша, носивший прозвание “Грозные Очи,” затрепетал от ужаса и гнева при виде убийцы отца и вонзил меч по рукоятку в грудь Георгия на глазах хана. Георгий испустил дух, а Димитрий был казнен в орде. Великое княжение было предоставлено сначала Александру Михайловичу Тверскому и вскоре потом, когда он перебил татар в Твери [4], — Иоанну Даниловичу Московскому.

Иоанн Данилович более напоминал собою благочестивого родителя, святого князя Даниила, чем коварного брата своего Георгия. При нем, как выражаются летописцы, “мир и тишина воцарились в земле Русской.” Монголы перестали, наконец, опустошать города и села и кровию бедных жителей орошать пепелища; христиане за 40 лет отдохнули от на-

сий. Узбек и его преемники, довольствуясь определенной данью, перестали посылать воевод своих на грабеж Русских уделов: они были заняты делами Востока и внутренними беспокойствами Орды. Еще отечество наше сетовало в уничижении; головы князей еще падали в Орде по мановению руки ханов. Но земледельцы могли уже спокойно трудиться на нивах, купцы — ездить с товарами из города в город, бояре — наслаждаться избытком.

Эта благословенная перемена ознаменовала возвышение Москвы, которая со времен Иоанна становится сердцем России, истинною матерью городов русских, заменяя собою древний первопрестольный Киев, который вместе с другими южными уделами почти в то же время перешел под власть язычника Гедимины [5].

Мы видели, что прежние великие князья предпочитали свои наследственные уделы Владимиру, совершая в нем только обряд возведения на престол великокняжеский: Дмитрий Александрович жил в Переяславле-Залесском, Михаил Ярославич — в Твери. По той же привязанности к родине Иоанн Данилович не захотел выехать из Москвы, тем более, что там находилась уже и кафедра русской митрополии.

Блаженный митрополит Максим испытал много скорби во время своего архипастырства. Жизнь его была скитальческой: разъезжая по отдаленным епархиям своей паствы, он долго не мог найти себе постоянного места жительства. В Киеве нельзя было жить ему при непрестанных грабежах и насилиях татарских; а переселением на север он опасался оскорбить князей южных, и, сверх того, на севере непрочно было место престола великокняжеского: он был то во Владимире, то в Переяславле, то в Твери. Блаженный первосвященник проливал теплые молитвы пред Богоматерью об указании ему воли Божией, и всеблагая Мать страдающих утешила его Своим явлением, в котором указала Максиму место успокоения во Владимире. Сюда переселился он в 1299 году и здесь преставился [6]. По кончине его южные князья обратились к Патриарху Константинопольскому с просьбою об учреждении особой митрополии для южных областей Русских. Это поручение возложено было на игумена Ратского монастыря на Волыни Петра, о котором князья (тайно от него самого) писали к Патриарху, чтобы он рукоположил этого игумена на южную митрополию. Между тем явился соперник Петру: некто игумен Геронтий [7] отправился в Царьград просить митрополии Русской лично для себя; но Промысл Божий устроил так, что смиренный Петр получил то, чего напрасно домогался властолюбивый Геронтий. Тот, кто ничего не искал для себя, поставлен был в сан первосвященника всех областей Русских, потому что Геронтий, задержанный бурей, замедлил на дороге, а Патриарх не захотел разделить митрополии.

Великий во святителях святой митрополит Петр [8] с самой ранней юности был строгим подвижником благочестия. Двенадцати лет вступил он в монастырь и был образцом в исполнении послушаний монастырских и в подвигах молитвы и поста. Удостоенный сана пресвитерского он начал учиться иконному писанию, потому что находил услаждение всегда взирать на святые изображения Господа Иисуса Христа, Пречистой Его Матери и святых угодников и, взирая на них, возноситься умом к самим изображаемым. Наконец, после многолетних иноческих подвигов святой Петр сам основал монастырь на избранном им уединенном месте близ реки Рати, создал в нем церковь во имя Спасителя и, собрав немалое число братий, словом и делом поучал их жизни в Боге. Новое звание открыло в нем новые добродетели: он был кроток в назидании, безгневен в обличении согрешающих, щедр и милостив в призрении убогих; если не имел ничего другого, то раздавал требующим свои иконы и отдавал свою власяницу.

Извлеченный из мирной обители на чреду первосвященства (1308) святой Петр встретил немало огорчений. Он видел татарский набег в Брянске и сам вынужден был искать безопасности в храме, был холодно принят князьями северными, которые не знали

его, и, наконец, подвергся клевете, от которой должен был оправдываться на Соборе. Тверской епископ Андрей, сын Герденя, князя Литовского, тайно послал к Патриарху донос, в котором ложно возводил на митрополита какие-то тяжкие вины. Как человек легковерный и честолюбивый, он мог завидовать Петру и, епископствуя в той области, где жил великий князь, мог сам желать для себя митрополичьего престола. Патриарх не поверил обвинению, но для расследования дела прислал одного из своих клириков, требуя оправдания. Созван был Собор в Переяславле-Залесском; прибыли епископы Ростовский и Тверской, знатнейшие игумены и пресвитеры. Из числа князей были Тверские — Димитрий и Александр Михайлович и Московский — Иоанн Данилович. Прочитан был присланный к Патриарху донос; он произвел сильное волнение в присутствовавших. Чтобы укротить смятение, невинный святитель, подобно святому Григорию Богослову, предложил: “Возлюбленные братия и чада во Христе! Я не лучше пророка Ионы. Если из-за меня такое великое волнение, извергните меня из среды своей.” Наконец, истина восторжествовала; все пожелали узнать имя клеветника. Когда открылось, что это епископ Андрей, то все обратились против него с укоризною и посрамлением. Один только смиренный святитель Петр принял его под свою защиту и сказал ему слова любви: “Мир тебе, чадо. Не ты сие сотворил, но древний завистник рода человеческого, диавол. Отныне блюдишь лжи, а прошедшее да простит тебе Господь” [9].

Между тем святому Петру готовился новый тяжкий подвиг: он должен был отправиться в Орду, чтобы получить от нового хана Узбека подтверждение прежних грамот, освобождающих духовенство от дани, и чтобы предупредить послов папы, которые могли испросить себе у хана вредные для Православия преимущества в южных областях Руси. Бог благословил путешествие святителя полным успехом, и святой Петр, принятый ханом с великими почестями, получил от него подтверждение всех прежних прав клира [10].

Устроив таким образом внешние дела Церкви, он тем с большею ревностью заботился о внутреннем ее благосостоянии: объезжал епархии, не стесняясь ни болезнями телесными, ни преклонною старостию; поучал вверенное ему стадо словом и примером [11], щедро благотворил бедным и обличал противников истины. К этому времени жизнеописатель святого Петра относит обличение и осуждение еретика Сеита [12].

Самым важным из дел великого святителя Петра было переселение его в Москву: он положил прочное основание мира и будущего величия России, когда перенес первосвятительскую кафедру из Владимира в Москву и принес с собою новой столице русской благословение Божие. Жизнеописатель святого Петра повествует, что в Москву привлекла его любовь к князю Иоанну Даниловичу, известному миролюбием, набожностью и щедростью к бедным. В 1325 году святой Петр был уже в Москве, где по его желанию происходила закладка храма в честь Успения Пресвятой Богородицы. Убеждая князя к сооружению этой соборной церкви, святой Петр пророчески говорил ему: “Если послушаешь меня, сын мой, то и сам прославишься с родом твоим паче иных князей, и град твой будет славен пред всеми градами русскими, и святители поживут в нем, и взыдут руки его на плечи врагов его, и прославится Бог в нем.” Князь с усердием приступил к совершению дела богоугодного: быстро воздвигаемы были стены храма. Но еще скорее приближался к концу своему блаженный святитель. Он только успел заложить себе каменный гроб в новой церкви, но не освятил ее. Незадолго до блаженной кончины первосвятителя Петра князь Иоанн видел сон: представилась ему высокая гора и на вершине ее — снег; но вдруг снег растаял и исчез. Рассказав об этом сновидении святителю, князь услышал от него такое объяснение: “Гора высокая — это ты, князь; а снег — это я, смиренный. Мне прежде тебя должно отойти из сей жизни в вечную” [13]. Вскоре после того святитель почувствовал приближение блаженной кончины. Князя Иоанна Даниловича тогда не было в Москве;

святой Петр призвал к себе тысяцкого Протасия Вельяминова и сказал ему: “Чадо, я отхожу от жития сего; оставляю сыну моему, возлюбленному князю Ивану, милость, мир и благословение от Бога ему и семени его до века. За то, что сын мой успокоил меня в старости, воздаст ему Господь сторицею в мире сем и дарует ему живот вечный, и не оскудеют от семени его обладающие местом его, и память его прославится.” После того святитель предоставил все свое стяжение на строение соборной церкви, простился со всеми, начал петь вечерню и во время пения с молитвою на устах и с воздетыми к небу руками преставился 21 декабря 1326 года. Мощи его положены были в гробнице, которую он себе приготовил; чудеса от мощей открылись при самом погребении и не прекращались после того [14]. Преемник святого Петра митрополит Феогност, родом грек, прибыл из Царьграда в 1328 году.

Вскоре начало сбываться пророчество святителя. При любимом его князе Иоанне Москва стала возвышаться над старинными городами; первосвятители утвердились на кафедре Московской. Единодержавная власть великого князя Московского возрастала и усиливалась в потомстве Иоанна и облеклась, наконец, порфиною царскою. Верная Москва, с любовью почитая память первого своего святителя и сохраняя в первопрестольном храме своем нетленные его мощи, как залог своего благоденствия, благоговейно соблюла святые иконы, им написанные, панагию его и жезл пастырский [15]. Святая церковь взывает к святителю Петру устами благодарной его паствы: “Ты явился новым чудотворцем, богоносный Петр, подавая исцеления всем, притекающим к тебе с верою, и невидимо посещая людей Христовых; ты просвещаешь землю нашу, и мы единодушно взываем к тебе: радуйся, жилище света бесстрастного! Радуйся, прогонитель страстей темных! Радуйся, разрушивший козни демонов! Радуйся, возвеселивший лики ангельские! Радуйся, высота чистого боговедения! Радуйся, глубина смирения, омывающая болезни! Радуйся, пастырь и учитель земли Русской! Радуйся, возвеличивший державу князей наших! Радуйся, преславный источник чудотворений! Радуйся, утверждение града нашего! Светло ликуй, преславный град Москва, имея в себе святителя Петра — зарю солнечную, озаряющую чудесами всю землю Русскую: он врачует немощи и прогоняет недуги вопиющих ему: радуйся, Иерарх Бога Вышнего, чрез тебя посещающего паству твою” [16].

После преставления святителя Петра великий князь Иоанн Данилович прожил еще несколько лет. По воле хана Узбека он должен был вместе с другими князьями ополчиться против псковитян, которые не хотели выдать Александра Тверского, между тем как хан требовал его к суду своему. Иоанн двигался медленно, надеясь, что жители Пскова образумятся; наконец, видя, что надобно сражаться или уступить, прибежал к другому способу: избегая кровопролития бесполезного, он склонил митрополита Феогноста наложить клятву церковную на Александра и на всех псковитян, если они не покорятся. Тогда Александр созвал вече и, сказав: “Да не будет проклятие на друзьях и братьях моих ради меня,” — удалился в Литву. Спустя несколько лет он сам добровольно решил ехать в Орду и явился к Узбеку. “Царь верховный, — сказал он хану, — я заслужил гнев твой: милуй меня или казни. Если помилуешь, прославлю Бога и твое великодушие. Если хочешь головы моей — вот она пред тобою!” Свирепый хан смягчился, взглянул на него милостиво и объявил, что “князь Александр смиренною мудростию спас себя от казни.” Узбек возвратил Александру княжение Тверское.

Благоразумный Иоанн, видя, что все бедствия Русской земли произошли от несогласия и слабости князей, старался присвоить верховную власть над князьями удельными. Князья Рязанские повиновались ему беспрекословно; он выдал одну из дочерей своих за князя Ярославского, другую — за князя Ростовского, и предписывал законы зятям своим в собственных их областях [17]. Оставался у него еще один непокорный соперник: возвра-

тившись из орды и уверенный в милости ханской, мог ли Александр Тверской спокойно видеть враждебный род князей Московских на престоле великого княжения, мог ли не думать о мести? Но подозрительность Узбека предупредила новое столкновение Москвы с Тверью: слыша, что Александр собирает войско, хан вызвал его в орду и там велел умертвить его вместе с юным сыном Феодором; им отрубили головы и розняли по суставам [18]. Новые князья Тверские — Константин и Василий Михайловичи, младшие братья убитого Александра не дерзали выходить из воли великого князя Московского; самый Новгород смирился пред ним.

Пораженный внезапно тяжким недугом достойный сын святого Даниила принял пострижение в схиму и скончался в зрелых летах 31 марта 1340 года. Москвичи проливали слезы, погребая тело его в соборе Архангельском (где с того времени стали погребаться все князья Московские) [19], называли его “собирателем” земли Русской и государем-отцом. Князь Иоанн Данилович не любил проливать кровь в междоусобиях; освободив великое княжение от грабителей внешних и внутренних, он восстановил безопасность собственности и личности, был правосуден, набожен, усерден в построении храмов и весьма милостив к нищим; он всегда носил с собою калиту (мешок, наполненный деньгами для бедных), отчего и прозван Калитою, [20]; он окружил свою столицу дубовыми стенами и возобновил сгоревший в его время Кремник, или Кремль. В духовном завещании (душевной грамоте) он разделил удел свой между сыновьями, а Москву предоставил им всем вместе. О городах великого княжения (Владимире, Переяславле, Костроме и проч.) в завещании не было сказано ни слова. Иоанн мог располагать только своею отчиною, а назначение ему приемника зависело от хана.

12. Митрополит Алексей.

Преподобный Сергей Радонежский.

В первой половине XIII века упразднились русские княжения в Галицкой и Волынской землях. Последний князь Галицкий, Георгий Юрьевич, умер бездетным, и хан Золотой Орды, считая себя верховным властителем земель Русских, прислал в Галицию своих наместников; но жители убили их и поддались сначала Болеславу, зятю Гедимина, а потом, когда он вздумал обращать их из Православия в папизм, присягнули на верность свояку его Казимиру, который, сделавшись королем Галицким, заключил мирный договор с Литвою и уступил часть новых своих владений сыновьям Гедимина. Так прекратило существование знаменитое княжество, или королевство, Даниила Романовича, и древнее достоинство России, приобретенное оружием святого Владимира, было разделено между иноплемениками.

Около того же времени скончался Гедимин. В Вильне, новой столице Литовской, было уже много христиан православных, а папизм еще не успел проникнуть туда. Почти все сыновья Гедимина были крещены в православной вере. Один только Ольгерд, с 1341 до 1377 года великий князь Литовский, долго и упорно оставался язычником [1].

Ольгерд, второй сын Гедимина, превосходил братьев умом и славолубием; вел жизнь трезвую, деятельную: не пил ни вина, ни крепкого меда, не терпел шумных пиршеств, был занят единственно мыслию о распространении своих владений, не чтил святости договоров и был всегда готов на войну с соседями, если только она казалась ему выгодною.

Духовник первой супруги его, священник Нестор, успел обратить к христианству нескольких литовцев и в том числе двух родных братьев — любимцев Ольгерда. Кумец и Нежило (в крещении Иоанн и Антоний) перестали являться в храм Перкуна для принесения

ния жертв Зничу (огню) [2] и соблюдали пост в известные дни. Это обнаружило их веру жрецам. Ольгерд по настоянию жрецов приказал бросить в темницу обоих братьев. Там провели они целый год, томимые голодом и сыростью темницы, но оставались тверды в вере. На другой год старший брат Иоанн ослабел и объявил жрецам Зничу, что отрекается от христианства. Тогда Ольгерд освободил обоих братьев. Но Антоний не перестал быть твердым христианином, и даже брат его Кумец, терзаемый угрызениями совести, открыто объявил князю, что он не хочет изменить святой вере и остается христианином. Свирепый язычник решился отдать Иоанна и Антония в распоряжение жрецов. После бесчисленных зверских истязаний Антоний 14 апреля 1347 года был повешен на дубе. Иоанна мучили долее, потому что надеялись снова отвлечь его от христианства; наконец 24 апреля жрецы повесили его на том же дубе.

Родственник мучеников Круглец, также придворный Ольгерда, умный и прекрасный юноша, пораженный твердостью страдальцев, принял крещение с именем Евстафия и признался в том самому Ольгерду, отказавшись есть мясо в Рождественский пост. Пришедши в ярость, Ольгерд принялся мучить Евстафия, велел лить ему в рот холодную воду при жестоком морозе, ломать ноги железными прутьями и содрать кожу с головы вместе с волосами. Мученик все терпел и еще утешал христиан, свидетелей его подвига, надеждою на блаженную вечность. Наконец святой страдалец был повешен 13 декабря на том же самом дубе, который был освящен мученической смертью Иоанна и Антония [3].

“Кровь мучеников — семя христианства,” по выражению одного из древних писателей церковных [4]. Пример страданий мучеников литовских привлек многих язычников к истинной вере.

Между тем как эти события происходили в Литве, престол великого княжения по кончине Иоанна Данииловича Калиты был занят старшим сыном его Симеоном с утверждения хана Узбека. Новый великий князь при самом вступлении на престол показал опыт твердости в сношениях с новгородцами, которые отказались от уплаты ордынской дани, говоря, что Новгород сам избирает князей и не терпит насилия. Симеон ополчился против Новгорода со всеми удельными князьями, принудил своевольных граждан просить мира, взыскал с них дань и сам обязался грамотою соблюдать древние уставы Великого Новгорода.

Вместе с митрополитом Феогностом Симеон должен был отправиться в Орду на поклон новому хану Джанибеку — сыну и преемнику Узбека. С честью и милостию отпустив великого князя, хан удержал митрополита: фанатики ислама настоятельно требовали, чтобы митрополит платил дань за себя и духовенство. Феогност ссылался на ханские ярлыки, освобождающие Церковь от податей; но мусульмане, не желая нарушать устава монгольского правительства, хотели довести первосвященника до того, чтобы он сам отказался от прежних прав. С этою мыслию они томили митрополита и подвергали его разным истязаниям; но блаженный Феогност терпел и не соглашался сделаться предателем Церкви. Наконец, он раздал татарским вельможам богатые дары (до 600 тогдашних рублей) и возвратился в отечество с прежними правами [5].

Видя усиление Литовских князей, Симеон старался не только уклониться от всякого разрыва с ними, но и привязать их к себе родственными союзами [6]. В то же время сын Ольгерда Андрей, крещенный в православной вере, княжил во Пскове по избранию тамошних граждан.

Святой митрополит Феогност неутомимо трудился, обзревая северные и южные области обширной своей паствы. Ослабленный старостию и трудами он чувствовал нужду в помощнике, который мог бы заменять его при частых отсутствиях святителя из Москвы.

Вероятно, не без особенной воли Божией он избрал в это звание будущего своего преемника, великого по духу веры Алексия.

Еще при княжении святого князя Даниила Александровича переселился в Москву из Чернигова, разоренного тогда татарами, знатный боярин Феодор Бяконт. Здесь под защитою кроткого и благочестивого князя он нашел спокойную жизнь и оставил по себе многочисленное потомство [7]. Старший сын его Елевферий, родившийся в 1300 году [8], был принят от купели сыном князя Даниила — отроком Иоанном. Обучившись грамоте, Елевферий узнал на 13-м году жизни об ожидающем его высоком назначении; однажды раскинул он сети на птичек и, долго сторожив их, от утомления задремал. Вдруг слышит он голос: “Алексий! К чему такой труд твой? Тебе надобно быть ловцом людей.” Эти слова глубоко запали в душу отрока; он стал молчалив, покинул игры детские, искал уединения, проводил время в молитве и чтении книг и изнурял себя постом.

На 15-году он решил посвятить себя иноческой жизни и в 1320 году был пострижен в Московском Богоявленском монастыре с именем Алексия, которое слышал он в сонном видении за семь лет пред тем. Наставником и руководителем юного инока был старец Геронтий, опытный в духовной жизни. Прошло более 20 лет в иноческих подвигах Алексия. Блаженный митрополит Феогност любил Геронтия и ученика его, часто призывал их к себе для беседы, и однажды повелел Алексию жить на святительском дворе и заведовать церковными судебными делами. Алексий провел 12 лет в этой должности со званием наместника митрополичьего. В конце 1352 года блаженный первосвятитель, уже дряхлый и слабый, рукоположил наместника своего в сан епископа Владимирского и на совете с великим князем Симеоном назначил Алексия своим преемником. С извещением об этом избрании тогда же послали грамоту в Константинополь.

В то время свирепствовала в Москве и во многих других областях Русской земли страшная моровая язва, известная под именем “черной смерти.” Она началась в Китае, где истребила до 13 миллионов народа, обошла всю Северную и Среднюю Азию, большую часть Европы и из Скандинавии перешла во Псков, где свирепствовала с такою силою, что едва лишь треть жителей осталась в живых. Псковитяне призвали к себе из Новгорода блаженного архиепископа Василия; как добрый пастырь, он спешил утешить их, презирая опасность, и молился вместе с ними, обходя город крестным ходом с чудотворными иконами и святыми мощами. На возвратном пути блаженный святитель скончался, без сомнения, зараженный язвою [9]. Скоро язва посетила Новгород, Киев и почти все города русские; в Москве в короткое время скончались блаженный митрополит Феогност [10] и великий князь Симеон с двумя сыновьями.

Симеон скончался 36 лет от рождения. Достигнув великокняжеского сана в бодрой юности, хитрый, благоразумный, твердый он умел угождать ханам и даже выпрашивать у них облегчение дани для уделов разоренных, умел ладить с Литвою и держать в страхе Новгород. Русскими князьями он повелевал строго, не допуская их до междоусобий, и заслужил от них прозвание “Гордого.” Он справедливо именовал себя “великим князем всея Руси,” как это вырезано на его печати. В завещании своем он обращается к братьям с такими словами: “Худых людей не слушайте, а если кто станет ссорить вас, слушайтесь отца вашего, владыку Алексия.”

Преемником Симеона был родной брат его Иоанн Иоаннович, тихий, миролюбивый и слабый. Хотя новгородцы желали иметь великим князем умного Константина Суздальского, но Джанибек утвердил на великом княжении Иоанна Московского.

Преемнику Феогноста предстояла борьба с разными неприятностями. Болгарский (Тырновский) Патриарх еще при жизни Феогноста посвятил Феодорита в митрополита для Русской митрополии. Хотя Константинопольский Собор признал поступок Болгарско-

го Патриарха незаконным и, отвергнув Феодорита, назначил Владимирского епископа Алексия в митрополиты всея Руси (в 1354 году), однако, уступая требованию Ольгерда, который не хотел, чтобы христиане, живущие в Литве, зависели от митрополита, избранного в Москве, патриарх решился поставить для Литвы другого митрополита, какого-то Романа. Это произвело тревогу в Русской земле, тем более, что Роман стал притязать и на Тверскую епархию. Чтобы положить конец смутам, святитель Алексей должен был снова отправиться в Царьград, где Патриарх подтвердил Роману, что он может управлять только Литвою и Волынью, а Алексею предоставил быть митрополитом Киева и всея Руси [11].

С восторгом приняла Москва своего первосвятителя, который стал прилагать труды к трудам, как истинный пастырь стада Христова [12]. А во время путешествия святителя воссиял в Русской земле великий светильник благодати, скрывавшийся дотоле в тени дремучего леса.

В Ростовской области жил благочестивый боярин Кирилл с женою своею Мариюю. У них было три сына: Стефан, Петр и Варфоломей. Еще до рождения последнего (в 1314 году) Промысл Божий указал, что он будет избранным сосудом благодати. Однажды, когда Мария слушала литургию, младенец закричал во чреве три раза: — пред чтением Евангелия, в начале Херувимской песни и при возгласе “Святая Святым!” После этого необыкновенного приключения Мария во все остальное время беременности не употребляла ни мяса, ни молока, ни рыбы, ни вина, а питалась только хлебом и водою и молилась Богу. Новорожденный младенец был назван Варфоломеем, и в нем открылась дивная особенность: в среду и пяток он не брал сосцов матерних.

На 7-м году отдали Варфоломея учиться грамоте; он учился с усердием, но почти без всякого успеха, и грамота не давалась ему, к глубокому огорчению доброго дитяти. Однажды Варфоломей увидел близ дома родительского под дубом старца-черноризца, стоявшего на молитве. Отрок подошел и дождался конца молитвы. “Что тебе надобно, чадо?” — спросил старец. “Учусь грамоте, — отвечал отрок, — но не успеваю; помолись за меня Богу, отче, чтобы я мог выучиться грамоте.” Старец помолился и дал ему часть просфоры в знамение благодати Божией, сказав при том, что отроку надлежит соделаться обителем Св. Троицы и привести многих к разумению воли Божией.

Получив неожиданный и совершенный успех в учении, благодатный отрок чуждался детских игр, смеха и праздности, прилепился к церковному Богослужению, читал священные книги и соблюдал строгое воздержание: в среды и пятки не вкушал ничего, а в прочие дни питался хлебом и водою.

Все это происходило в окрестностях Ростова. Там воспламенялись только первые искры того великого светильника благодати, которому надлежало просиять в мрачной пустыне и оттуда светить престольному граду и всем пределам земли Русской.

Притеснения московских правителей [13] в Ростове принудили Кирилла переселиться с семейством в одну из областей великого княжения — в Радонеж, который отдан был Иоанном Калитою в удел меньшому сыну его Андрею. Там переселенцам обещались разные льготы, а Кирилл, некогда богатый, из-за разных несчастий оскудел. Старшие сыновья Кирилла уже вступили в брак, а младший, Варфоломей, желал сделаться иноком. Но, повинуясь воле родителей, он оставался при них и служил им до того времени, пока они сами не вступили в монастырь и, недолго пожив в монашестве, отошли к Богу [14]. Тогда, отдав последний долг родителям и предоставив имение их брату Петру, Варфоломей пошел искать себе места для пустынножительства вместе со старшим братом своим Стефаном [15].

Они долго ходили по лесам, пока не полюбились им место в густой дубраве, в 10 верстах от Радонежа и от Хотькова, удаленное не только от жилищ, но и от путей челове-

ских. Оно возвышалось небольшим холмом над окрестностью, почему и прозывалось Маковицею, или Маковкою. Здесь пустынники поставили келью, а потом небольшую церковь, которая была освящена в честь Пресвятой Троицы [16] по благословию святого митрополита Феогноста. Вскоре после того Стефан переселился в Московский Богоявленский монастырь, а Варфоломей принял пострижение от некоего игумена Митрофана на 24-м году жизни в 1337 году, 7 октября, в день памяти святых мучеников Сергия и Вакха причем, по обычаю того времени наречено ему имя Сергий.

Юный инок остался в глухом лесу без предшественника и без сверстника, без наставника и без помощника, с единым Богом Вездесущим, всегда готовым прийти на помощь к призывающим Его. Много искушений предлежало пустыннику: голод, жажда, мороз, страх зверей, уныние и смущение души, тягость и волнение плоти. И невидимые враги старались преследовать отшельника; во время ночной молитвы ему представлялись ужасающие видения и слышался вопль: “Беги отсюда, не надейся здесь жить!” Мужественный подвижник прогонял пустынные страхи и мечтания крепкою, смиренною молитвою; он обуздывал плоть постом, трудами и бдением. Иногда стаи голодных волков рыскали около кельи с ужасным воем; иногда приходили и медведи. Однажды Сергий увидел перед своею хижиною медведя и, примечая, что тот голоден, сжалился над ним, вынес кусок хлеба и предложил ему пустынный обед на пне. Зверь полюбил странноприимство пустынника и часто приходил за угощением. А пустынник привык миловать зверя, делил с ним хлеб, а иногда отдавал ему последний кусок, сам оставаясь без пищи.

Около двух лет пробыл преподобный Сергий в совершенном одиночестве; потом стали приходить к нему люди, ищущие спасения, и просили дозволения жить подле него. Он выставлял им трудности пустынной жизни, но они обещали терпеть все с помощью Божиею. Так собралось к Сергию до 12 братьев [17], построены кельи, и обитель обнесена тесною оградю.

Но для совершения литургии не было священника, а для управления новою обителью не было игумена. По глубокому смирению преподобный Сергий не хотел принять ни игуменского, ни пресвитерского сана. Он управлял только посредством примера своей жизни: он был первым в том, что был всем слуга. Он строил кельи, рубил дрова, молот жерновом рожь, пек хлебы, варил пищу, носил воду на гору в водоносах и ставил их у кельи каждого. Но братия чувствовала нужду в игумене-наставнике и неотступно умоляла Сергия принять на себя настоятельство. Смиранный отшельник долго не соглашался; наконец, братолюбие одержало победу. “Желаю, — сказал преподобный Сергий, — лучше повиноваться, нежели начальствовать, но страшусь суда Божия и предаю себя в волю Господню.” Взяв с собою двух старцев, он отправился в Переяславль-Залесский к Афанасию, епископу Волынскому, которому святой митрополит Алексей поручил дела митрополии на время отсутствия его в Царьграде. Сергий просил епископа назначить игумена для новой обители. “Я слышал о тебе, — сказал святитель, — тебя избрал Господь; ты будешь игуменом в обители Святой Троицы.” Так преподобный Сергий против желания принял посвящение в сан пресвитера и игумена. Это было в 1354 году.

Возвратившись из Царьграда, святитель Алексей узнал пустынножителя Сергия, и с того времени святая любовь соединяла двух угольников Божиих. В 1357 году совершился великий подвиг святителя в Орде, где супруга хана Джанибека Тайдула лежала больная и слепая уже три года. Хан писал к великому князю Иоанну: “Мы слышали, что есть у вас служитель Божий Алексей, которого Бог слушает, когда он о чем попросит. Отпустите его к нам; если его молитвами исцелет моя царица, то дарую вам мир; если же не отпустите его, пойду опустошать вашу землю.” Смутился великий святитель: любовь к родине и усердие к святой Церкви не позволяли ему отказаться от исполнения воли грозного хана.

“Прошение и дело превышают меру сил моих, — говорил он князю, — но я верую Тому, Который даровал прозрение слепому. Он не презрит моления веры.” Собираясь в путь, святитель совершил молебствие в соборном храме пред чудотворною иконою Богоматери и при раке святителя Петра. Вдруг во время молебна пред глазами всех сама собою зажглась свеча при гробе чудотворца. С остатком этой свечи и освященною водою отправился святитель в Золотую Орду, был принят там с честью, отслужил над болящею молебствие с чудною свечою, окропил больную святою водою, и Тайдула прозрела [18]. В том же году святой Алексей должен был снова по просьбе князей отправиться в Орду, где по смерти Джанибека воцарился свирепый Бердибек и требовал к себе князей русских.

Там святой Алексей сумел снискать милость хана, хотя свободно обличал мусульманство, и получил ханский ярлык с подтверждением прав духовенства.

Торжественно встречали на родине ходатая за землю Русскую. В Нижнем Новгороде встретили его князья Суздальские. В Москве великий князь с юным сыном Дмитрием, духовенство и народ вышли встречать первосвятителя за город. “Владыко! Чем заплатим тебе за труды твои? Ты даришь нас жизнью мирною,” — говорил святому Алексею восьмилетний отрок Дмитрий, наследник Московского престола.

Спустя два года по возвращении святителя из Орды (1359 г.) скончался великий князь Иоанн, сын Иоанна Калиты. В краткое время правления Иоанна, за мягкосердечие прозванного Кротким, заметно ослабела власть великого князя над удельными княжествами; удельные князья с одной стороны, а с другой — Ольгерд Литовский все чаще нарушали спокойствие Русской земли.

Смерть его подала повод для притязаний Суздальских князей на великое княжение, и старший из них, Дмитрий Константинович, был утвержден новым ханом Наврузом в достоинстве великого князя. Новгород, не любя и боясь самовластия богатых князей Московских, охотно принял к себе великокняжеских наместников, а Дмитрий согласился на все условия, предложенные ему вечем вольного города. Он желал перенести во Владимир, как в древнюю столицу великокняжескую, и престол митрополии; но святитель Алексей, благословив Суздальского князя на великое княжение в кафедральном соборе Владимирском, не захотел расстаться с Москвою по любви к юному Дмитрию, о котором он заботился, как отец о родном сыне, и из послушания воле Божией, изреченной устами святителя и чудотворца Петра.

Несмотря на заботы по управлению обширным Московским княжеством, которые легли на рамена святого Алексея, по малолетству князя он неусыпно продолжал свою пастырскую деятельность и занимался строением иноческих обителей. В 1361 году он основал женскую общежительную обитель во имя заступника своего преподобного Алексея человека Божия; там первою игуменьей была благочестивая старица Иулиания, а после родная сестра святого Алексея старица Юлия [19]; в том же году основан им обетный монастырь на берегу реки Яузы во имя Нерукотворенного образа Спасителя [20]. На следующий год основан был святителем Владычень монастырь близ Серпухова, где первым игуменом был ученик его Варлаам [21]. В 1365 году святой Алексей основал в самом Кремле Московском монастырь в честь чуда Архангела Михаила на месте, подаренном царицею Тайдулою. Это был благодарный памятник чудесному исцелению царицы, совершившемуся 6 сентября. Святитель весьма щедро украсил построенный им каменный храм Архангела, обеспечил содержание обители и учредил полное общежитие [22]. Он любил эту обитель и в ней подвизался по временам в посте и молитвах; ей отказал по духовному завещанию несколько селений [23]. Святой Алексей восстановил из развалин древние монастыри: Благовещенский близ Нижнего Новгорода и Константино-Еленинский во Владимире.

В это время Золотая Орда волновалась смутами: в 1363 году явилось вдруг два хана. Один из них, Муруд, или Мюрид, признал малолетнего Дмитрия Московского великим князем и главою князей русских. Дмитрий Суздальский удалился из Владимира в свой удел, а святитель с радостью благословил своего питомца на великое княжение чудотворною Владимирскою иконою Богоматери.

Слабая рука 12-летнего отрока взяла кормило государства, раздробленного, теснимо-го извне и возмущаемого внутренним междоусобием. Калита и Симеон Гордый положили в Москве начало великого и спасительного дела — единодержавия; слабость Иоанна Кроткого и неспособность Дмитрия Суздальского приостановили успехи этого дела и дали удельным князьям надежду на независимость от престола великокняжеского. Требовалось много твердости и ума, чтобы поддержать то, что начинало клониться к падению. Но, по счастью, Провидение даровало Дмитрию пестунов и советников мудрых. Святой Алексей был душою советов и дел юного князя Московского: непрестанными заботами святителя росла и крепла власть великокняжеская.

Между тем как святой Алексей трудился в управлении Церковью и государством, преподобный Сергей Радонежский продолжал свои иноческие подвиги в пустыне, служившие примером благочестия для его братии и для всех приходивших к нему.

Первым подвигом преподобного Сергея был подвиг воздержания. Мы видели выше опыты его постничества в младенчестве и отрочестве. Сделавшись иноком, он часто по нескольку дней пребывал без пищи. В житии его изображается один поучительный случай постнического труда. Проведя три дня без пищи, Сергей приходит к старцу Даниилу и говорит ему: “Я слышал, что ты хочешь сделать сени у себя пред кельею; я сделаю тебе сени, а ты дашь мне хлеба за труд.” Даниил сказал, что у него есть хлеб, но гнилой. Сергей отвечал, что для него хорош и гнилой хлеб, построил старцу сени и получил обещанное воздаяние за труд. Сотворив молитву, он растворил гнилой хлеб с водою, утолил голод и воздал Богу благодарение.

Другой подвиг благоносного пустытника состоял в смирении и нестяжательности. Даже тогда, когда имя его сделалось известным не только в земле Русской, но и на востоке, преподобный Сергей оставался неизменно верен заповеди Евангельской о смирении и нищете. Он носил одежду из толстого и грубого сукна и притом самую ветхую, со множеством заплат, сделанных собственными его руками. Однажды не случилось в монастыре хорошего сукна для одежды, и никто из братии не хотел употребить единственную оставшуюся половину дурного сукна. Смиренный игумен взял это сукно себе, сшил из него рясу и не снимал ее до тех пор, пока она не распалась от гнилости. Приходившие в обитель иногда не признавали преподобного по внешнему виду за игумена, но думали видеть в нем одного из монастырских работников. Так было с одним поселянином, который изда-лека пришел, чтобы видеть знаменитого первоначальника Троицкой обители. Он увидел Сергея в огороде, копавшим землю в поте лица и одетым в разодранное рубище. Вскоре прибытие в обитель одного князя, который повергся на землю пред Сергием, вразумило поселянина, и он сделался учеником учителя смирения. До нашего времени сохранились памятники нестяжательности преподобного Сергея в его одежде, келейных и богослужебных вещах [24]; они свидетельствуют, что богоносный отшельник был чужд привязанности к внешним удобствам, предпочитая всему сокровище духовное.

С умножением числа братии, преподобный игумен установил правило, чтобы после повечерия иноки не ходили из кельи в келью и не беседовали друг с другом, а занимались молитвою и рукоделием каждый на своем месте. Наблюдая за исполнением этого правила, он сам по совершении своей келейной молитвы в глубокую ночь обходил все кельи братии. Если находил кого в молитве, за книгу или за рукодельем, радовался и благодарил

Бога о нем. Если же слышал празднословящих, ударял в дверь или в окно и удалялся. А наутро, призвав их к себе, старался привести к смиренному сознанию греха; непризнающихся он обличал и подвергал епитимии. Другим правилом преподобного Сергия запрещалось братии в случае недостатка пищи и других потребностей ходить по деревьям и скалам за подаянием; пустынники должны были с терпением просить и ожидать милости от Бога. Это было трудное правило для обители, которая находилась в таком дремучем лесу, что к ней едва можно было пробраться по узкой, едва заметной тропинке [25]! Но Сергий веровал, и сбывалось по вере его; уповал, и упование не посрамляло его. По молитве блаженного игумена сам Бог чрез неизвестных христоролюбцев посылал хлеб во время скудости. “Видите ли, братия, — говорил Сергий ученикам своим, — Господь не оставляет рабов Своих. Будем подвизаться, не ослабевая.”

Случалось, что недоставало вина для совершения литургии, фимиама для каждения и воска для свеч; тогда зажигали лучину и при таком освещении совершали утреннюю и вечернюю службу. Даже самые книги писались в обители не на хартиях, а на бересте [26].

Так в начале своем великая Лавра Сергиева была пустыня безлюдная, дикая, бесплодная, безводная, скудная, беззащитная и беспомощная! Но основатель ее и сподвижники его твердо уповали на Бога Спасяющего; упование их оправдывалось в течение многих веков и ныне оправдывается в нашем скудном верою веке. Современный нам великий святитель в одном из слов своих говорит: “Желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной кельи, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыхании преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором впечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных. Посмотрел бы я, как позже других насажденный в сей пустыне преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности быть преемником преподобного Сергия. Послушал бы молчания Исаакиева, которое, без сомнения, поучительнее моего слова. Взглянул бы на благоразумного архимандрита Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте. Ведь это все здесь, только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге. Откройте мне ковчег, покажите сокровище; оно непохитимо и неистошимо; из него без ущерба его можно заимствовать благопотребное, например, безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования.”

Иногда братия жаловалась на недостаток воды и говорила игумену: для чего на таком месте создал обитель? Сергий отвечал: “Я хотел один безмолвствовать здесь; но Богу угодно было устроить обитель. Он не презрит вас, работающих Ему в молитве день и ночь, и подаст вам все нужное.” По молитве преподобного Сергия возник источник и потекла вода там, где ее не было [27]. И в других случаях вера чудотворца являлась чудодейственною: великий Сергий молитвою воскресил отрока, который был принесен к нему едва живым и умер на глазах его, и исцелил так же бесноватого.

Слава о духовных подвигах Сергия и дарованной ему от Бога благодати распространилась не только в Русской земле, но и в странах отдаленных. К богоносному пустыннику пришли посланные от Патриарха Царьградского Филофея и принесли ему крест, параманд, схиму и послание Патриарха [28]. “Не к другому ли кому вы посланы?” — спросил их смиренный Сергий, а сам поспешил к святителю Алексию и донес ему о случившемся.

По прочтении послания, в котором Патриарх советовал составить общее житие в обители, митрополит и со своей стороны подтвердил совет Патриарха.

С того времени в обители Троицкой учреждено было совершенное общежитие [29] и запрещено инокам что бы то ни было называть своим, потому что всякая собственность в монастыре должна быть общею для всех. Так совершилось благоустройство обители, причем стало возрастать число братии, и начало водворяться в ней всякое обилие. Но чтобы избыток не повлек за собою нерадения и пороков, мудрый основатель обители ввел в ней странноприимство, питание нищих и подавание просящим [30]. Об этом учреждении он сказал ученикам своим: “Если сохраните заповедь мою без роптания, то и по кончине моей обитель распространится и многие годы стоять будет благодатию Христовою” [31].

Казалось, что после того монастырь Сергиев уже стал безопасен от превратностей; но внезапно поднялась буря, которая едва не лишила обители блаженного ее основателя и хранителя. В один субботний день святой Сергей стоял в алтаре, совершая сам вечернюю службу. Брат его Стефан, который опять пришел в обитель, стоял на левом клиросе. “Кто тебе дал эту книгу?” — спросил Стефан канонарха. “Игумен,” — отвечал тот. “Кто здесь игумен? — с гневом сказал Стефан. — Не я ли первый основал это место?” И прибавил к тому другие жесткие слова. Сергей слышал все это в алтаре. Ему понятно было, что здесь излилось тайное негодование многих на новый порядок обители [32]. По окончании вечерни он не пошел и в келью, а удалился из обители на место, называемое Киржач, где вскоре собралось к нему немало братии и основан был монастырь. Лучшие старцы Троицкой обители умоляли святителя Алексия возвратить им игумена. Немедленно святитель послал к Сергию двух архимандритов, убеждая его возвратиться на первоначальное место подвига. Узнав волю архипастыря, смиренный угодник Божий отвечал посланным: “Скажите господину моему митрополиту, что все исшедшее из уст его принимаю, как из уст Христовых.” Он возвратился в Троицкую обитель, где ученики, радуясь возвращению любимого наставника, целовали руки его, ноги и одежду.

В это время святитель Алексей был обременен заботами о водворении мира и утверждении единой державы в земле Русской. Еще прежде, вскоре после того, как Димитрий Суздальский без борьбы уступил престол великого княжения юному Димитрию Московскому, последний должен был помочь первому в получении Нижегородского удела, неправильно захваченного братом его Борисом Константиновичем по смерти другого брата, Андрея. Первосвятитель послал в Нижний Новгород преподобного Сергия объявить Борису, чтобы шел тот судиться с братом к великому князю; но князь отвечал, что повинуется только велениям хана. Тогда Сергей согласно с волей митрополита затворил все храмы в Нижнем Новгороде, а великий князь двинул на него войска свои, но до боя дело не дошло. Суздальские князья разделились между собою мирно [33].

Подкрепляемый мудрыми советами великого святителя юный Димитрий Иоаннович усмирил своеволие новгородцев и выдержал несколько нападений Ольгерда Литовского, который, победив немецких рыцарей скучал, и искал случая к войне, несмотря на преклонную свою старость. Он усердно помогал брату второй жены своей Тверскому князю Михаилу Александровичу, и кровавая брань между Москвою и Тверью продолжалась с ожесточением. Михаил Тверской успел достать себе в Орде ярлык на великое княжение и возвратился оттуда с ханским послом. Но время беспрекословного повиновения воле ханской уже миновало. Тщетно посол звал Димитрия во Владимир выслушать грамоту хана [34]; но он отвечал: “К ярлыку не еду, Михаила во Владимир не пущу, а тебе, послу, даю путь свободный.” Действительно, Михаил не только не мог занять столицы великого княжения, но, гонимый московскими отрядами, едва успел пробраться к зятю своему Ольгерду в Вильну. Советники великого князя убедили его и святого Алексия призвать Твер-

ского князя для примирения в Москву; но здесь споры князей еще более усилились, и князь Тверской был на некоторое время задержан в Москве [35]. Это несчастное происшествие еще более разожгло закоренелую вражду, и великий князь должен был пять лет бороться с Михаилом Тверским, пока, наконец, не усмирил его, ополчившись почти со всеми удельными князьями и осадив Тверь. Тогда, наконец, заключен был мирный договор между Москвою и Тверью [36].

Около того же времени Димитрий успел усмирить и Литву, где в 1377 году умер поседавший в коварстве старец Ольгерд [37].

Земля Русская наслаждалась спокойствием, и все удельные князья повиновались великому князю не как старшему между равными, но как государю; один только смелый Олег, князь Рязанский, оставался тайным врагом Москвы и ждал случая, чтобы удовлетворить своему честолюбию.

Примирение великого князя с Михаилом Тверским было последним государственным делом великого святителя Алексия. Последние годы его были омрачены скорбью о беспорядках, которые современники называли “церковною смутою.” Король польский Казимир и князь огнепоклонников Ольгерд сильно злобствовали на митрополита за попечение его о Московском великом княжестве. Они требовали от Патриарха Филофея особого митрополита для западных епархий. Патриарх был вынужден уступить воле властителей иноверных [38] и посвятил в сан митрополита Антония, епископа Галицкого, а по смерти его — Киприана, родом серба, и притом с тем, чтобы по смерти святого Алексия он остался митрополитом всея Руси. Великий князь Московский выразил сильное неудовольствие назначению Киприана без его согласия и при жизни святого Алексия.

При таких обстоятельствах маститый первосвятитель, чувствуя приближение своей кончины, захотел, подобно предшественнику своему блаженному Феогносту, избрать себе при жизни достойного преемника. Он призвал к себе преподобного игумена Сергия и приказал принести для него золотой крест. “Прости меня, Владыко, — сказал с поклоном Сергий, — я от юности не носил злата, тем более в старости желаю пребывать в нищете.” Тогда святитель объявил богоносному пустыннонику, что он, чувствуя немощь старческую, намерен посвятить Сергия в сан епископа и назначить его своим преемником. Не только с глубоким смирением, но даже с живою скорбью отрекся любитель пустыни от высокого назначения. Долго и настойчиво старался святитель убедить Сергия; но смиренный труженик сказал ему решительно: “Владыко святой! Если не хочешь прогнать нищету мою от твоей святыни, не говори о таком тяжком бремени моему достоинству.” Уразумев, что дальнейшие настояния заставят Сергия удалиться в безвестную пустыню, прозорливый святитель отпустил его обратно в монастырь.

Кто может постичь это священное состязание двух праведников! По человеческим соображениям, богомудрый Сергий не хотел противиться воле Патриарха, назначившего митрополитом Киприана, отягчить тем свою совесть и обречь себя на продолжительные треволения. Сверх того, по внушению Духа Божия он мог ясно ведать свое назначение, помня слова апостола: Каждому дается особенное явление Духа на пользу (1 Коринф. 12:7). “Великий отец наш Сергий, как бы в некоторое вознаграждение Православной Церкви за то, что не отдал ей в епископство самого себя, в обилии возвращает под сению своею сынов послушания и разума духовного, которых потом избрание церковное призывает к епископству”[39].

Между тем великий князь готовил в преемники престарелому святителю своего любимца Михаила (Митяя). Кроме осанистой наружности, этот Михаил отличался обширными познаниями в делах гражданских; он много читал книг, имел хорошую память и беседа его была разнообразна и интересна. Поэтому-то великий князь и взял Митяя из Колом-

ны, где он был священником, и сделал его своим печатником; потом, согласно со своими видами, убедил его постричься в монашество и в тот же день, как он постригся, сделал его архимандритом в своем Спасском монастыре [40]. Димитрий усиленно просил святого Алексия, чтобы он благословил Михаила на преемство митрополии, но святитель отвечал ему: “Михаил еще молод в иночестве. Я не могу благословить его. Пусть будет митрополитом тот, кого изволит Бог и Пресвятая Богородица и избрет Патриарх с Собором.”

Предавая престол митрополии и верное свое стадо в волю Божию, святой митрополит и чудотворец Алексий предал и дух свой Богу 12 февраля 1378 года, 78 лет от рождения, пробыв на кафедре всероссийской митрополии 24 года. Смиранный первосвятитель повелел положить тело свое вне церкви; но благодарный питомец его Димитрий, по совету епископов решился отступить от его завещания, и хранение священных останков предоставил той самой обители, которую почивший святитель вверил попечительству великого князя [41].

Драгоценными памятниками его учения служит Евангелие, писанное собственною рукою святителя, Окружное послание к пастве и Послание к нижегородским христианам.

Евангелие святителя Алексия писано им в 1355 году, когда он был в Константинополе и, следовательно, мог иметь в руках лучшие списки подлинника. Евангельский текст у святого Алексия, во многом несходный с прежними славянскими списками, включает не только исправление ошибок, сделанных писцами, но совершенно новый перевод с подлинника [42] и отличается буквальной близостью к греческому тексту. “Сей подвиг, по словам современного нам архипастыря, важен, между прочим, потому, что чрез него святитель, Богом просвещаемый, предварительно обличил неправое мнение людей, явившихся после него, которые донныне утверждают, будто в священных и церковных книгах и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода заменить понятным непозволительно и противно православию: он поверял и исправлял; и потому, очевидно, не так рассуждал, как новые ревнители не очень старой старины, а точно так же, как и древле, и ныне рассуждает Православная Церковь” [43].

В Окружном послании святитель советует христианам: “Приходите к отцу духовному с покаянием и слезами; отвергните все дела злые и не возвращайтесь к ним. Истинное покаяние в том, чтобы возненавидеть свои прежние грехи. Оставив все дела свои, без лени собируйтесь на церковную молитву. Не говорите: отпоем себе дома. Как хранина без огня от одного дыма не может нагреться, так и молитва домашняя без церковной. Церковь именуется земным небом. В ней заклается Агнец, Сын и Слово Божие для очищения грехов всего мира; в ней проповедуется Евангелие царствия Божия и писания святых апостолов; в ней престол славы Божией, невидимо осеняемый херувимами; в ней руками священническими приемлются тело и кровь Божественная и преподаются верным во спасение и очищение души и тела. Имейте знамение Христово в душах ваших. Знак же для овец стада Божия есть приобщение тела и крови Христовой. Вы, дети, как овцы словесного стада, не пропускайте ни одного поста, не возобновив на себе сего знамения; причащайтесь тела и крови Христовой.”

В Послании к нижегородской пастве святитель поучает страху Божию и сильно восстает против пьянства. “Корень зла, — говорит он, — поднимающий всякие беззакония, — пьянство. Оно губит душу, помрачает зрелище очей, обессиливает тело, сокращает в человеке страх Божий, удаляет его от Бога и доводит до нищеты душевной и телесной” [44].

Ублажая память великого святителя, истинного отца Церкви и государства, святая Церковь взывает к нему: “Радуйся, светило Российской митрополии, свято-прозябший гроздь винограда жизни, сопрестольник апостолов, верный хранитель Божественных дог-

матов, преблаженный святитель Алексий! Стекаясь с любовью к благодатной раке твоей, славословим Христа Бога нашего, даровавшего нам тебя, угодника Своего, как обильный источник врачеваний, как защиту и утверждение престольному граду Москве и всей земле Русской” [45].

По преставлении святителя Алексия великий князь настоятельно хотел видеть любимца своего Михаила на кафедре первосвятительской, а Михаил желал, чтобы посвящение было совершено в Москве русскими епископами, нарочно для того созданными. Никто из них не смел прекословить великому князю, кроме епископа Суздальского святого Дионисия [46], который утверждал, что самовольное посвящение митрополита без благословения патриарха будет противно правилам церковным. Голос святителя, уважаемого за добродетельную жизнь, друга преподобного Сергия Радонежского, был принят Дмитрием во внимание. Михаил уже считал себя первосвятителем, позволял себе украшаться святительской мантией и белым клобуком и употреблял жезл архиерейский, перешел жить на митрополичий двор и заведовал всеми судами и сборами церковными. Теперь же он был вынужден искать посвящения в Царьграде и, отправляясь туда, грозил мщением не только Дионисию, но и Сергию, которого считал врагом своим [47]. Но блаженный игумен, услышав об угрозах честолюбца, спокойно сказал ученикам своим: “Михаил не получит желаемого и Царьграда не увидит.” Предсказание праведника сбылось: Михаил умер по пути в Царьград.

В это время великий князь был занят другими заботами: ему предстояла ожесточенная борьба с татарами не только за целостность, но и за существование Русского государства.

Мамай уже давно злобился на Дмитрия, который отказывал ему в послушании (как мы видели выше) и осмеливался обнажать меч против татар [48]. Как истинный властелин Орды, Мамай приготовился к страшному нашествию на Русскую землю. Кроме несметных полчищ монгольских, он вел с собою наемные войска и вступил в тесный союз с Ягайлом Литовским [49], который условился действовать с ним заодно. К ним пристал и внутренний изменник, Олег Рязанский, в надежде распространить свои владения после уничтожения Московской державы.

Великий князь, со своей стороны, приготовился к обороне; с ним соединились все князья удельные со своими дружинами. Составилось ополчение, какого не видала земля Русская даже в самые счастливые времена своей целостности и независимости: более 150 000 всадников и пеших стояло под Коломной, на Девичьем поле, где Дмитрий обзирал войско. Признавая в богоносном игумене Троицком силу веры и дар пророчества, достойный воспитанник святого Алексия пришел к преподобному Сергию и спрашивал его: идти ли ему против сильного и грозного врага? Преподобный, совершив молитву, благословил великого князя и сказал ему: “Тебе, государь, должно попещись о врученном тебе христомименитом стаде; Бог правды дарует тебе победу и сохранит тебя для вечной славы, а многими из сподвижников твоих готовы венцы мученические.” Он отпустил с Дмитрием двух своих иноков: Александра Пересвета и Андрея Ослябю, — которые были облечены в схиму и горели желанием пролить кровь свою за веру христианскую.

Выступив против врагов, великий князь отважно перешел Дон, чтобы предупредить соединение Мамай с Ягайлом [50]; здесь получил он от преподобного Сергия просфору и послание, в котором было писано: “Иди, иди смело, князь, надейся на помощь Божию.” Эти слова одушевили мужеством Дмитрия и все войско русское. На берегу реки Непрядвы, на обширном поле Куликовом произошла знаменитая кровопролитная битва 8 сентября 1380 года. Мамай, не успев соединиться с Ягайлом, был разбит и обратился в бегство. Преподобный Сергий, во время битвы стоя с учениками своими на молитве, говорил об

успешном ходе сражения и о решительной победе над врагами; он даже наименовал павших на поле брани и принес за них молитву. В числе их были оба инока, посланные Сергием на войну. Один из них, Пересвет, мужественно вступил в бой с татарским великаном и богатырем Темир-Мурзою: они ударили друг друга копьями и оба пали мертвыми с коней [51].

Великий князь, возвратясь с победою, поблагодарил богомудрого Сергия за советы и молитву и с восторгом восхвалял милость Божию. Вся Русская земля ликовала, в первый раз после порабощения одержав победу над неверными. Благодарные потомки единогласно прозвали Димитрия Донским, двоюродного брата его, Серпуховского князя Владимира Андреевича, одного из главных виновников счастливой победы — Храбрым, а самую битву — Мамаевым побоищем. Эта достолавная битва еще не освободила Русской земли от постыдного ига, даже не прекратила варварских нашествий [52], но доказала возрождение сил Руси и явилась зарею ее свободы и независимости.

Молитвенное участие в поражении Мамаю не было последним опытом любви к отечеству в жизни дивного пустычника. В 1385 году преподобный Сергий ходил в Рязань, чтобы примирить великого князя с коварным Олегом. Богомудрый игумен умел смягчить сердце вероломного князя, и тот заключил с Димитрием искренний союз, скрепленный по том и родственною связью [53].

Любовь и вера Донского героя к основателю Лавры Троицкой была так велика, что он имел преподобного Сергия восприемником детей своих от святой купели и свидетелем при своем духовном завещании [54].

Великий князь Димитрий Донской скончался в 1389 году после краткой болезни, едва достигнув сорокалетнего возраста. По словам летописца, невозможно описать скорби народной о смерти любимого государя, которого современники называли “орлом высокопарным.” Долго не умолкали стенания и вопли. Кроткий и незлобивый, как младенец, но твердый в делах правления, мужественный в битвах, смиренный в счастии, терпеливый в бедствиях, чистый и целомудренный, добрый отец семейства Димитрий был достойным питомцем великого святителя Алексия; он ежедневно ходил в церковь, часто приступал к Святым Тайнам и носил власяницу на голом теле, но не пожелал по примеру предков принять перед смертью иноческого пострижения [55]. Престол великого княжения наследовал старший сын его, 17-летний Василий.

Между тем богоносный Сергий, подвизаясь в пустыне своей, возрастал духом и восходил от силы в силу. Мы не можем описать здесь бесчисленных знамений, в которых разнообразно проявлялась дарованная Сергию благодать Господня; но не должны умолчать об одном чудесном видении, которое не только преисполнило небесною радостью самого дивного подвижника, но и сохранилось вечным залогом благоволения Божия к обители Сергиевой. Однажды глубокой ночью, Сергий пел акафист пред иконою Богоматери и молил Царицу небесную, да призрит Она на избранное им место. Окончив правило, он сел отдохнуть; но вдруг сказал ученику своему Михею: “Бодрствуй, чадо, мы будем иметь чудное посещение.” Едва сказал он эти слова, как услышан был голос: “Пречистая грядет.” Преподобный поспешил из кельи в сени, и там осиял его великий свет ярче солнечного. Он узрел Богоматерь, сопровождаемую апостолами Петром и Иоанном. Сергий пал на землю. Препоблагая Матерь коснулась его и сказала: “Не бойся, избранник мой, молитва твоя о учениках твоих и о месте сем услышана; при тебе и после тебя Я неотступна буду от обители твоей и буду покрывать ее.” Когда видение кончилось и преподобный Сергий пришел в себя, он нашел ученика своего полумертвым от страха и поднял его. “Скажи, отче, — спрашивал блаженный Михей, — что за чудное видение? Душа моя едва не разре-

шила от тела.” Но Сергей не мог еще говорить от сильных движений духа; только лицо его цвело и сияло радостью [56].

Наконец, приблизилось время богоносному Сергию перейти к нескончаемому божественному видению. Предвидя приближение кончины, преподобный игумен поручил управление обителью своему ученику Никону, а сам предался совершенному безмолвию. В сентябре он почувствовал предсмертный недуг, призвал сподвижников своих и дал им последние наставления. Пред самым исходом души праведник принял Святые Тайны Христовы и предал чистую душу свою Господу 25 сентября 1392 года на 78-м году жизни. В минуту разрешения души от тела небесное благоухание разлилось в келье, и лик богоносного старца сиял дивным светом и чистотою. Святые мощи были преданы земле близ деревянной церкви, построенной первоначальником Троицкой обители.

Преподобный и богоносный отец наш Сергей, игумен Радонежский, чудотворец — не только великий светильник благодати, но и особенный избранник Божий в деле распространения иноческой жизни: он — отец монашества средней Руси; последующие судьбы основанной им Лавры показывают в нем дивного заступника земной отчизны его. “Благодарение Богу, — скажем с блаженным Епифанием [57], — что он даровал нам такого богоугодного старца, святого и преподобного Сергия.”

“От юности ты принял Христа в душу твою, преподобный, и более всего желал уклониться от шума мирского, мужественно поселился в пустыне и в ней возрастил чада послушания, плоды смирения. Всех, приходящих к тебе с верою, ты просвещаешь чудесами и всем обильно подаешь исцеления. Подвижник добродетелей, истинный воин Бога-Христа, ты много подвизался против страстей в жизни временной, был образцом для учеников своих в молитвах, посте и бдении; а потому и вселился в тебя Пресвятой Дух, светло украсив тебя Своими дарами. Предстоя престолу Святой Троицы, поминай стадо, которое ты мудро собрал, и не забудь посещать, по обещанию, чад твоих, Сергей, преподобный отец наш” [58].

13. Ученики преп. Сергия.

Однажды глубоким вечером во время молитвы, великий чудотворец Сергей услышал голос, звавший его по имени. Сотворив молитву, он открыл окно и увидел необыкновенный свет с неба. “Сергий! — говорил голос. — Господь услышал молитву твою о чадах твоих!” Чудотворец увидел множество прекрасных птиц. Небесный голос продолжал: “Так умножится число учеников твоих, и после тебя не оскудеют последующие стопы твоим.” Сергей в удивлении и радости позвал к себе ученика своего Симона, и тот успел еще увидеть конец явления.

Эти прекрасные птицы, порхавшие в обители Сергиевой и вокруг нее, изображали собою достойных учеников великого наставника. Одни из них до гроба оставались в обители отца своего; другие стали основателями монастырей вокруг престольного града, послуживших образцом благочестия для живущих в шуме мирской жизни; наконец, третьи удалились в непроходимые дебри севера и оттуда светили миру дивными подвигами и распространяли веру Христову между полудиким населением.

В числе учеников преподобного Сергия первое место принадлежит тому, кого сам великий отец иноков назначил своим преемником. Преподобный Никон, уроженец Юрьева-Поволжского, еще в ранней юности слышал о подвигах Сергия и пришел к нему. Но Сергей, вероятно, находя неудобным присоединить к собору опытных старцев юношу, кото-

рый мог нуждаться в отдельном руководстве, не принял в свою Лавру своего будущего преемника и отослал его в Серпуховский Высоцкий монастырь к ученику своему Афанасию. Никон пробыл там не более двух лет [1], много успел в иноческих добродетелях и удостоен священства. После того преподобный Сергий, видя успехи Никона в духовной жизни, принял его в свою обитель и велел ему жить в своей келье. Здесь будущий игумен Сергиевой обители нашел для себя “высшее училище духовного любомудрия в беседе с богомудрым Сергием, и новое поощрение к подвигам и добродетелям в близком его примере, и ограждение от искушений в его прозорливом руководстве и подкрепление против своих немощей в его сильной молитве, и райское утешение в сей молитве. Любящее сердце преподобного Сергия было для Никона отверстою дверью, отколе исходил к нему благодатный свет и мир; верное сердце Никона к Сергию было также отверстою дверью для открытия помыслов и душевных движений, дабы никакая мгла сомнения или смущения не уменьшала чистоты совести. Так почил на Никоне дух Сергия, который сперва возложил на него часть своих попечении о братии под своим наблюдением и, наконец, за шесть месяцев до своего преставления совершенно передал ему начальство над своею Лаврою” [2].

Приняв на себя настоятельство (в 1392 году), преподобный Никон выполнял с точностию все заповеди богоносного своего наставника и разделял труды с братиею. Самое имя Никона пользовалось всеобщим уважением, как нечто священное [3], но слава человеческая тяготила смиренного подвижника; он испросил себе у братии увольнение от игуменства и провел шесть лет в безмолвии. Когда же избранный на место его игумен отказался от начальства, преподобный Никон по неотступным просьбам братии снова вынужден был принять на себя настоятельские заботы, но с условием отделять себе из каждого дня некоторую часть для безмолвного богомыслия и слезной молитвы.

Пустынная жизнь в обители Сергиевой текла тихо и богоугодно. Но святому месту грозила неожиданная опасность. В 1408 году слух приближающегося нашествия неверных поколебал страхом всю землю Русскую. Преподобный Никон молил Господа о защите и призывал на помощь чудотворца Сергия, дабы не погибли плоды многолетних благословенных трудов его. Однажды после долгой ночной молитвы он присел отдохнуть и задремал. Внезапно явились ему святители Петр и Алексей и с ними богоносный Сергий. “Так угодно судьбам Божиим, — сказал Сергий, — чтобы нашествие иноплеменников коснулось и сего места. Но ты, чадо, не скорби и не смущайся: искушение будет непродолжительно, и обитель моя не запустеет, но после распространится еще более.” После того явившиеся изрекли Никону мир и исчезли из его глаз.

Вскоре за предвещанием последовало событие. Татарский военачальник Эдигей, недовольный тем, что великий князь Василий Дмитриевич не помогал хану в походе против Литвы, устремился с полчищами ханскими прямо к Москве. При этой страшной вести великий князь, не имея готового сильного войска, удалился с семейством в Кострому. Он надеялся на крепость стен кремлевских, на суровость зимы (это было в конце ноября 1408 года). Защитником Москвы остался дядя великого князя, князь Владимир Андреевич Храбрый, украшенный сединою честной старости и славною памятью Куликовской битвы; он ободрял народ своим величественным спокойствием в опасности, но принужден был выжечь посады, чтобы не подпустить врагов слишком близко к стенам кремлевским. Эдигей, обложив Москву, напрасно ждал к себе князя Тверского со стенобитными орудиями [4] и не предпринимал ничего против столицы, опасаясь действия кремлевских пушек. Несмотря на недостаток нужных для приступа снарядов, он хотел зимовать в Коломенском, чтобы взять Москву голодом, а между тем отряды татар рассыпались по областям великого

княжения, сожгли и разорили их, ограбили церкви и монастыри. Тогда в числе прочих опустошена и сожжена была обитель великого чудотворца Сергия.

Только три недели продолжалась осада Москвы: Эдигей получил от хана Булата известие о внутренних смутах в Орде и должен был поспешить в свои степи, взяв выкуп с жителей московских. Великий князь воротился в столицу и с любовью обнял храброго дядю [5].

Тогда и преподобный Никон возвратился на пепелище обители, из которой успел удалиться заблаговременно и притом спасти некоторые святыни: утварь преподобного Сергия и книги. Блаженный игумен снова устроил обитель на прежнем месте с деревянным храмом Святой Троицы.

“Друг молчания, делатель бдения, образец целомудрия, неистощимое сокровище молитвы” [6] преподобный Никон занимался преимущественно Богослужением, келейною молитвою и чтением книг [7].

Радостным венцом и сладостною наградою терпения и подвигов преподобного Никона было явление и прославление цельбоносных мощей чудотворца Сергия.

Когда исполнилось 30 лет со дня преставления преподобного Сергия, Бог благоволил явить миру сокровище святыни. Преподобный Никон, приступая к созданию каменного храма, в присутствии князя Звенигородского и Галичского Юрия Димитриевича вынес из земли мощи отца своего 5 июля 1422 года. При открытии гроба разлилось благоухание необыкновенное. И не только тело чудотворца оказалось нетленным, — самые одежды его были невредимы, хотя с обеих сторон гроба стояла вода. Мощи на время поставлены были в деревянном храме. Каменный храм, как место покоя великого Сергия [8], созидался и украшался с благоговейною любовью и с усердными молитвами. Он и теперь, непоколебим веками, освящает молящихся, и руки нечестивых врагов доныне не прикасались к нему. Святые мощи преподобного Сергия перенесены в новый храм при самом его освящении.

Вскоре после того преподобный Никон почувствовал близость кончины. Уже на одре болезни призвал он братию и дал последнее наставление. В предсмертном изнеможении он сказал: “Отнесите меня в светлую храмину, уготованную мне молитвами отца моего,” — и скончался 17 ноября 1426 года. Мощи его были преданы земле подле храма, в котором почивали уже открыто обретенные им мощи великого чудотворца Сергия [9].

Несколько обителей иноческих основаны самим преподобным Сергием или учениками его с благословения великого учителя прежде блаженной его кончины.

Так, когда преподобный Сергий удалился из своей обители, чтобы избегнуть тревоги и несогласия, он поселился в лесу близ реки Киржач, на прекрасном высоком месте, и основал малый монастырь с церковью Благовещения Богородицы. Вскоре после того, возвращаясь по воле святителя Алексия в свой монастырь, преподобный Сергий поручил ученику своему Роману окончить устройство новой пустынной обители и быть в ней наставником иноков. Блаженный Роман исполнил заповедь отца своего: устроил Благовещенский монастырь и был образцом подвижнической жизни для своей братии. Он преставился 28 июля 1392 года [10].

В предыдущей главе мы упоминали об основании в 1361 году святым митрополитом Алексием Спасского монастыря на берегу реки Яузы под Москвою. Первым игуменом этой обители был Андроник, один из любимых учеников великого аввы Сергия, уроженец ростовский, отличавшийся, при строгом постничестве, кротостию и глубоким смирением. Вскоре по устройении обители отец и наставник монашествующих Сергий приходил посмотреть на труд ученика своего и благословить новое место подвигов иноческих [11]. Преставление преподобного Андроника, по всей вероятности, относится к первым годам

XV века [12]. Преемником его был ученик его преподобный Савва, а третьим игуменом — Александр, ученик Саввы и самого Андроника. Он построил в обители своей прекрасную каменную церковь.

Вскоре после построения храм Спасов расписан был лучшими иконописцами того времени, андрониковскими иеромонахами: старцами Даниилом Черным и учеником его, Андреем Рублевым. Они поступили в сию обитель еще при преподобном Андронике и отличались такою ревностию к посту и иноческим подвигам, что удостоились Божественной благодати; они столько возвысились в святой любви к Богу, что никогда не занимались земным, но всегда ум и мысли свои возносили к невещественному и Божественному свету, а чувственное око всегда возводили к написанным вещественными красками ликам Владыки Христа, Пречистой Матери Его и всех святых. В самый праздник Светлого Воскресения Христова они, сидя на скамейках и имея пред собою честные иконы, смотрели на них неуклонно и исполнялись святою радостью и светом. Так поступали они и в другое время, когда не занимались писанием икон [13]. Последние труды их, уже в глубокой старости, посвящены были расписанию двух соборов: Троицкого в Сергиевой Лавре и Спасского в своем монастыре. Вскоре Господь за благоговейное украшение святых храмов воззвал их обоих созерцать славу Небесных обителей и лики праведников на Небе. Блаженный Андрей предварил своею кончиною наставника своего Даниила; спустя немного времени и Даниил стал приближаться к смерти; перед самым преставлением он увидел возлюбленного ему Андрея, в радости призывающего его к себе [14].

Вскоре по основании Андроникова монастыря в Москве, когда преподобный Сергей в 1363 году приходил на родину для примирения Ростовских князей с великим князем, два пустынножителя Феодор и Павел попросили у богоносного старца благословения для устройства обители и указания места. Первый из них пришел из Новгородской стороны в Черный лес на реке Устье, построил себе из хвороста хижину, а при большой дороге из Белозерска в Москву повесил на дереве кузовок, чтобы принимать от проходящих милостыню для своего пропитания. Он жил, как птица Небесная, без забот о земном, проводя время в молитвах. Спустя три года пришел к нему Павел, и оба старца вместе обратились к великому отцу пустынножителей, бывшему тогда в Ростове. Сергей избрал прекрасное местоположение на берегу реки Устья в 15 верстах от города и сказал пустынножителям: “Призрит Бог и Пресвятая Богородица на место сие.” Ободренные этими словами, а потом и явлением святых Бориса и Глеба Феодор и Павел построили монастырь Борисоглебский. Игумен Феодор после недолгого настоятельства поручил обитель сотруднику своему Павлу, а сам удалился сначала на берег Кубенского озера, а потом на устье реки Ковжи, где основал новый монастырь [15]. Предузнав кончину свою, блаженный старец возвратился в Борисоглебскую обитель, где и преставился 22 октября 1409 года. Вскоре после него скончался и преподобный Павел [16].

В 1365 году, возвращаясь из Нижнего Новгорода в Москву, преподобный Сергей положил основание Георгиевской пустыни в Гороховском округе, на реке Клязьма [17].

В числе учеников преподобного Сергея находился родной племянник его, сын брата его Стефана Феодор (в миру Иоанн). Он приведен отцом на 13-м году в пустыню Сергия и тогда же был пострижен в монашество. Под непосредственным руководством игумена дяди юный инок возрастал в чистоте и святости, недоступный соблазнам грешного мира. В душе его не было ничего сокровенного для отца и наставника; он открывал ему грехи свои и помыслы тревожные и днем, и ночью. Удостоившись священства в обители Сергиевой, Феодор почувствовал желание основать новый общежительный монастырь. Святой Сергий, видя твердость и неизменяемость этого помысла в продолжение долгого времени, признал его делом Божиим и согласился отпустить Феодора и с ним некоторых из братии,

чтобы они избрали место для новой обители. Им понравилось место близ Москва-реки, именуемое Симоново. Сергей сам приходил осмотреть это место, одобрил и благословил. Тогда Феодор с разрешения святителя Алексия поставил церковь Рождества Богородицы и основал общежительный монастырь, известный донныне под именем Симонова [18]. Отличаясь не только привлекательною наружностью, но и добродетелями иноческими и обширным умом, новый игумен приобрел себе всеобщее уважение. Великий князь Димитрий Донской избрал его духовником своим и часто поручал ему дела церковные. Так в 1381 году Димитрий посылал Феодора в Киев, чтобы пригласить в Москву митрополита Киприана, а в 1383 году отправил его с поручениями в Царьград к Патриарху Нилу, который, беседуя с Феодором, весьма полюбил его, посвятил в сан архимандрита и возвел монастырь его на степень патриаршей ставропигии. Наконец, в 1388 году преподобный Феодор снова путешествовал в Царьград с поручением великого князя, который писал, что желает видеть его на святительской кафедре. Патриарх рукоположил Феодора в сан архиепископа в Ростове, где до того времени были только епископы; но, утомленный трудами, понесенными на благо Русской Церкви во время долгих и опасных путешествий, блаженный святитель недолго правил Ростовскою Церковью [19]: он преставился 28 ноября 1394 года [20].

Другой ученик, “спостник и собеседник великого Сергия” [21], преподобный Мефодий, проведший несколько лет под руководством великого наставника иноческой жизни, в 1361 году удалился по благословению его искать безмолвия. За рекой Яхромою, в дубовой роще, на месте, окруженном болотами и лесами, он поставил себе келью и жил в совершенном уединении. Но вскоре подвижническая жизнь его сделалась известною и начала собирать к нему ревнителей пустынножительства. Преподобный Сергей, посетив любимого ученика, дал ему совет построить обитель и храм на другом, более сухом и обширном месте и благословил то самое место, где поныне стоит обитель [22]. Преподобный Мефодий сам трудился при построении храма во имя чудотворца Николая, “пеш” нося деревья через речку [23]. Обитель Мефодиева была и остается обителью трудолюбия; основатель ее всегда был первым между братиею по неутомимым подвигам труда, поста, молитв и нищелюбия. Иногда, как любитель безмолвия, он удалялся для молитвы за 2 версты от обители. Сюда же приходил к нему для духовной беседы богоносный Сергей [24]. Блаженный игумен Мефодий переселился в вечную жизнь 14 июня 1392 года [25].

По просьбе Серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго преподобный Сергей в 1378 году ходил в Серпухов, основал там монастырь в честь Зачатия Богородицы и дал этой новой обители первого игумена, ученика своего Афанасия, который был сыном священника из Обонежской пятины и, слыша о пустынных подвигах игумена Радонежского, пришел к нему из отдаленного края и принял пострижение в Троицкой обители.

С помощью благочестивого князя новый игумен Афанасий построил в новом городе Серпухове храм и кельи монастыря, прозванного Высоцким по высокому берегу реки Нары, на котором он стоит вблизи реки Оки в версте от города. Скоро собрались к нему ученики: первым из них был преподобный Никон, будущий игумен Лавры Сергиевой, присланный сюда самим Сергием, а вторым — Амос, сын знатных родителей из Ярославской области, который при пострижении был назван Афанасием. Блаженный игумен ревностно заботился о душевной пользе учеников своих, советовал им остерегаться праздности и как можно чаще заниматься чтением книг [26]. Преподобный Афанасий был другом святого митрополита Киприана, и когда Киприан по неудовольствию великого князя Димитрия вынужден был удалиться из Москвы в Киев и потом в Царьград, Афанасий, оставив игуменство, добровольно последовал за ним в изгнание. В Царьграде, в Предтеченской обители, старец купил себе келью и жил с несколькими учениками, занимаясь

то молитвою, то списыванием книг [27], то делами благотворения. Святитель Киприан, возвращаясь в Москву по приглашению преемника Димитриева, сильно упрашивал Афанасия возвратиться с ним вместе и обещал ему почести. Но смиренный старец отказался. “Келья моя дороже мне всех почестей,” — сказал он. Святитель отвечал ему: “О, ум рассудительный! О, взор светлый! Возлюбил ты горькое и скорбное, зная, что, по слову пророка, эта горечь слаще меда. Дивлюсь твоему подвижническому житию, скорблю, что и я не могу наслаждаться им.” Таким образом, блаженный Афанасий остался в Константинополе, но и там трудился для блага Церкви Русской [28]. Там он и почил в глубокой старости в первых годах XV века [29].

Между тем основанная им обитель находилась под управлением ученика его Афанасия, который вел жизнь богоугодную и скончался 12 сентября 1395 года [30].

По желанию великого князя Димитрия Донского богомудрый Сергей основал в 1378 году [31] монастырь Дубенский на реке Стромьни с церковью Успения Богородицы в 30 верстах на юго-восток от Троицкой Лавры при речке Дубенка, впадающей в реку Дубна, и поставил игуменом ученика своего Леонтия. Вторым игуменом в той же обители был преподобный Савва Стромьнский по благословию преподобного Сергия [32].

В 1380 году также по желанию Донского в благодарность Богу за победу над Мамаем основан преподобным Сергием другой монастырь, Дубенский на острове, также с Успенскою церковью, к северо-западу в 40 верстах от Лавры Сергиевой при другой речке Дубенка [33]. Здесь первым игуменом был преподобный Савва, впоследствии игумен Лавры и основатель Сторожевского монастыря близ Звенигорода.

В 1385 году великий отец пустынножителей Сергей основал по желанию великого князя Димитрия Голутвин монастырь близ Коломны при впадении Москва реки в Оку [34] с церковью Богоявления Господня. Здесь он поставил игуменом ученика своего блаженно-го Григория [35].

Во все эти места преподобный Сергей сам ходил, по обычаю, пешком, чтоб избрать место и положить начало обители. Средства, как для построения, так и для содержания этих трех монастырей даны были великим князем.

Еще при жизни чудотворца Сергия ученик его блаженный Никита положил основание Покровскому Высокому монастырю на восточной окраине города Боровска, на берегу реки Протва [36].

Другой ученик Сергия, преподобный Ферапонт, с иконою Успения Богородицы, данною ему в благословение от дивного наставника, удалился в густые леса Мосальской округи и там соорудил Успенскую Боровенскую обитель [37].

Преподобный Авраамий, возлюбивший Господа с молодых лет, усердный послушник в обители Сергиевой, был удостоен сана священства и пожелал подвизаться в безмолвии. Испросив благословение великого наставника, он удалился в страну Галичскую на берег озера. Здесь, стоя на молитве под горою, он увидел на горе сияющую икону Богородицы с Предвечным Младенцем. На месте явления иконы пустынный при пособии местного удельного князя устроил храм и обитель в честь Успения Богоматери [38]. Обитель процвела и сделалась многолюдною; преподобный Авраамий назначил ей настоятеля — ученика своего Порфирия, а сам удалился в пустыню, за 30 верст далее, где по желанию учеников основал новый монастырь в честь Положения пояса Богоматери. Потом он перешел на реку Вочу и благословил учеников своих построить храм в честь Собора Богоматери и третью обитель. Наконец, неутомимый просветитель дикого края нашел себе лучшее место в 13 верстах от Вочского монастыря, под горой, на которой был Чудский Городок — гнездо старого чудского суеверия. Здесь нужно было много Света и Силы Небесной, чтобы рассеять оставшийся мрак язычества. Когда собрались сюда ревнители духовной жиз-

ни, Авраамий основал на Чудском Городке храм в честь Покрова Богоматери: сам на старческих плечах своих носил землю для укрепления крутого берега и ревностно трудился вместе с учениками при устройении обители. Велико было значение основателя четырех монастырей в чудской стороне! Он сам жил уединенно под горою; но сюда приходили к нему ученики для исповедания помыслов своих; сюда же приходили и окрестные жители и получали полезные наставления. Чухломская сторона чтит его как своего просветителя. Преподобный Авраамий, прозываемый также Чухломским и Городецким, почил 20 июля 1375 года [39].

По блаженной кончине чудотворца Сергия многие из чад его разлетелись, как птицы Небесные, по разным краям Русской земли и свили себе священные гнезда — обители иноческие.

Преподобный Савва, о котором мы говорили выше по случаю основания Дубенского монастыря на острове, научившись с молодых лет от блаженного наставника своего послушанию, смирению, чистоте мыслей и слезной молитве, желал уединения, но недолго наслаждался им на пустынном острове Дубенском: по удалении преподобного Никона в безмолвие смиренный подвижник Савва принужден был неотступными просьбами братии принять на себя управление обителью Сергиевой [40].

Спустя некоторое время, духовный сын преподобного Саввы князь Юрий Дмитриевич, брат великого князя Василия, желая устроить монастырь в уделе своем, умолил духовника своего принять на себя это святое дело. Преподобному Савве понравилось место близ Звенигорода на горе Сторожевской [41]. Он принес с собою икону Богородицы, поставил себе хижину на уединенной горе и близ нее — небольшой деревянный храм в честь Богоматери.

Скоро слух о святой жизни нового подвижника Звенигородского привлек к нему многих, искавших безмолвия. Преподобный Савва с любовью принимал приходивших к нему и завел общежитие в новом монастыре, щедро одаренном селами и угождениями от местного удельного князя. Прекрасный белокаменный храм Рождества Богородицы в Сторожевской обители остается поныне памятником трудам преподобного Саввы и благотворительности князя Юрия [42]. Блаженный основатель обители, несмотря на богатые пособия духовного сына, не переставал сам трудиться: он вырыл своими руками колодезь под горой, который поныне доставляет прекрасную воду, а для безмолвных подвигов выкопал себе пещерную келью в овраге в версте от монастыря. Преподобный Савва достиг глубокой старости и предал Богу праведную свою душу 3 декабря 1407 года. Мощи его погребены были на паперти созданного им храма [43].

Другие ученики великого Сергия пошли далее от Москвы — в пределы Тверские, Новгородские и Костромские. Так блаженный Ксенофонт основал Тутанский монастырь в Тверском уезде [44]. Преподобный Иаков Железнодорожский, из рода Галичских дворян Амосовых, поселился в 1392 году в 30 верстах от Галича в глухом лесу у железных рудников в уединенной хижине на берегу речки Тепзы. Приидя случайно в Москву, он своими молитвами возвратил к жизни супругу великого князя Василия Дмитриевича, которая страдала трудными родами и была при смерти. Когда великий князь послал просить молитвы отшельника о больной, старец отвечал: “Молись Богу и Пречистой Матери Его; о княгине не скорби, будет здорова и в нынешний же вечер родит сына, наследника тебе.” София Витовтовна благополучно родила сына Василия, а благородный супруг ее дал щедрое пособие на устройство Железнодорожской обители. Преподобный Иаков преставился в глубокой старости 11 апреля 1442 года [45].

Отшельник Афанасий, по прозванию Железный Посох, и Феодосий поселились в Новгородском краю на Череповском урочище, в весьма красивой местности при впадении

речки Ягорбы в реку Шексну среди непроходимых дремучих лесов. Там поставили они церковь в честь Святой Троицы и устроили монастырь. Житие их неизвестно [46].

Если верить сохранившимся памятникам старины, то к числу учеников преподобного Сергия, основавших новые монастыри, должно отнести преподобного Пахомия, Нерехотского чудотворца [47], и блаженного Никиту Костромского [48]. Небесные птицы из дивного гнезда Сергиева залетели и в дикие дубравы вологодские, и на живописные берега реки Обноры, и в непроходимые тундры Белозерского края.

Прежде других учеников преподобного Сергия пришел на берега Обноры преподобный Сильвестр [49]. Он остановился в глухом лесу, водрузил крест, поставил себе келью и “подвизался подвигом добрым и изнурил свое многострадальное тело” [50]. Долго окрестные жители не знали о пребывании отшельника в лесу; но один из них, сбившись с дороги, увидел пустытника, одетого в рубище, который изумлен был появлением человека близ своей кельи и рассказал путнику, что он давно уже живет в пустыни, питается травами и кореньями и не желает, чтобы знали о нем люди. Вскоре затем пришелец этот нарочно посетил подвижника и принес запас хлеба, а вслед за ним начали приходиться многие за благословением и Духовными советами. Некоторые пожелали жить в пустыне и с благословения преподобного Сильвестра поставили себе кельи. Таким образом устроился монастырь с деревянным храмом Воскресения Христова. Многолюдное стечение богомольцев, знатных и простых, вынудило любителя пустыни искать себе по временам уединения в дремучем лесу [51]. Преподобный Сильвестр преставился 25 апреля 1379 года; мощи его почивают под спудом в Воскресенской церкви [52] и прославлены многими чудотворениями в XVII веке, а в наше время с середины 1860 года исцеления от гроба его потекли обильною, неистощимою струей и текут донныне [53].

Вскоре по кончине блаженного Сильвестра воссияло в Обнорской стороне новое пустынное светило. Преподобный Павел, уроженец московский, сын благородных родителей, в ранней юности сделался учеником великого наставника — Сергия. Он трудился несколько лет с безответным послушанием в обители Троицкой, потом провел 15 лет в отшельнической келье в лесу под надзором богоносного Сергия, и жил в нескольких монастырях [54]. Но сердце любителя пустыни жаждало совершенного безмолвия: переходя с одного места на другое, наконец, остановился он в лесу Комельском над речкою Грязовицею и избрал себе жилищем дупло старой липы. В нем дивный Павел прожил три года, славя Бога вместе с пернатыми; они лишь одни вторили пению отшельника в дебрях безлюдных, куда не проникал до него голос человеческий. Здесь пустытник непрестанно молился Господу, питался травой и кореньями и в безмолвии очищал ум духовным созерцанием [55].

По особенному внушению Божию преподобный Павел оставив дупло свое, перешел на реку Нурму, впадающую в реку Обнору, и, полюбив место, сказал: “Здесь покой мой, здесь вселюся!” Построил себе хижину, почти такую же тесную, как и оставленное им дупло, и проводил дни свои в бдении и молитве. Пять дней в неделю оставался он вовсе без пищи и питья; только по субботам и воскресеньям вкушал немного хлеба и воды. При нем поселилось несколько ревнителей благочестия, но еще не было обители иноческой. Однажды в светлую ночь Пасхи преподобный Павел услышал в пустыни своей звон колоколов и увидел свет на том месте, где после была поставлена им церковь Святой Троицы.

Между тем на тех же пустынных берегах Нурмы, в 4 верстах от пустыни Павловой подвизался другой отшельник преподобный Сергей Нурмский, пострижник Афонский. Он пришел с востока в пределы Московские искать просвещения духовного от Радонежского светила. Успев в духовной жизни, Святогорский Сергей с благословения русского Сергия водворился в этой пустыни еще тогда, когда отшельник Павел обитал в дупле

липы, как птица, обретшая себе храмину, и горлица — гнездо свое (Псалом 83, ст. 4). Два раза нападали на Сергия разбойники: в первый раз они избили пустычника до полусмерти, но во второй раз были прогнаны силою его молитвы. Когда к блаженному Сергию собралось до 40 подвижников, он поставил деревянный храм Преображения Господня и устроил общежительную обитель.

Услышав о подвигах Павла, Сергей пошел к нему и увидел в лесу, что стая птиц вилась около чудного отшельника; мелкие пташки сидели на голове и на плечах старца, и он кормил их из рук. Тут же стоял медведь, ожидая себе пищи от пустычника; лисицы, зайцы и другие звери бегали вокруг, не враждуя между собою и не боясь медведя. Вот жизнь невинного Адама в Эдеме, владычество человека над тварью, которая вместе с нами стенает от нашего падения и жаждет освободиться в *свободу славы чад Божиих!* (Римл. 8:21-22).

С духовною радостью узнали друг друга два великих подвижника. Павел избрал себе духовным отцом Сергия, облеченного в сан пресвитерский еще на Святой горе Афонской, и открывал ему все свои помыслы. При частых взаимных посещениях [56] Сергей посоветовал Павлу устроить монастырь на том месте, которое было указано ему в видении. Старцы расстались во временной жизни для свидания в вечной: Сергей стал готовиться к отшествию в Небесную обитель, а Павел пошел в Москву, чтоб испросить благословение на основание монастыря [57].

Возвратясь в свою пустыню, преподобный Павел не нашел уже в живых своего собеседника и духовного отца: преподобный Сергей Нурмский предал Богу чистую свою душу 7 октября 1412 года [58]. Построив деревянный храм Святой Троицы, преподобный Павел учредил общежительную обитель и строго наблюдал, чтобы все в монастыре исполнялось по преданию отцов, чтобы в кельях не было никакой собственности, кроме икон и книг. Он заповедовал на работах соблюдать безмолвие, не носить в монастырь хмельных напитков и рукодельем изгонять праздность. “Нищих не забывайте, — говорил он, — помните, что мы сами нищие и душою, и жизнью.” Поручив настоятельство ученику своему Алексию, сам преподобный Павел по-прежнему жил отшельником на горе, в своей келье. Он приходил к братии на молитву только по субботам и дням воскресным. В эти дни разделял он с братией трапезу; но сам вкушал только хлеб с водою и овощами: ни масла, ни молока, ни рыбы он никогда не вкушал. Когда слух о нем распространился, то многие приходили к нему для пользы душевной. Он был доступен для каждого, и для каждого готово было у него живое слово назидания. Он наставлял и словом, и жизнью, узнавал тайные помыслы приходящих к нему, врачевал душевные недуги и утешал скорбящих. Так великий подвижник достиг глубочайшей старости — 112 лет, из которых 50 провел в разных монастырях и 40 лет — в Обнорской. Но дивный старец еще был свеж и бодр, очи его были светлы, сияя кротостию и благодушием, стан не согбенный, борода густая и окладистая, белая, как снег. Пред кончиною он провидел разорение Костромы татарами и преставился 10 января 1429 года [59].

“Возлюбив жизнь безмолвную, преподобный отче, ты удалился от людей, поселился в пустыни и жил со зверями и пернатыми. Ныне пребываешь ты во свете святых. Поминай нас, почитающих память твою” [60].

В стране Белозерской процвели святостию жизни великие подвижники Кирилл и Феррапонт. Оба они были учениками святого Феодора и богомудрого наставника иноков Сергия Радонежского, потому что, пребывая в Симоновской обители, пользовались духовными советами преподобного Сергия.

Первый из них, называвшийся в миру Козьмою, сын благородных родителей и сирота с ранней юности, жил в Москве у родственника своего боярина Тимофея Вельяминова [61] и надзирал за слугами его. Но, не чувствуя расположения к светской жизни, Козьма

стремился душою на служение Господу. Он открыл сердце свое преподобному Стефану, игумену Махрищскому, который успел испросить согласие боярина и отвел юношу в Симонов монастырь к архимандриту Феодору. Облекши Козьму в иночество с именем Кирилла, святой Феодор поручил его опытному старцу, а потом назначил ему послушание в хлебне и поварне. По временам посещал Симонов преподобный Сергей и прежде прочих посещал Кирилла в хлебне, где подвижник носил воду, рубил дрова, топил печи и, смотря на пылающий огонь, говорил сам себе: “Смотри, Кирилл, не попасть бы тебе в вечный огонь.” Эти смиренные труды Кирилла продолжались 9 лет; потом уважаемый братиею за подвижническую жизнь он был удостоен иерейства; а по возведении святого Феодора на святительскую кафедру в 1390 году назначен архимандритом обители. Кирилл, будучи архимандритом, не изменил образа жизни и в свободное время выходил на работу вместе с послушниками; но посещения богатых и знатных людей смущали смиренный дух подвижника. Он недолго оставался настоятелем и перешел подвизаться на Старое Симоново. И здесь шум города беспокоил любителя безмолвия: преподобный Кирилл молил Богоматерь указать ему место, удобное для спасения души. Однажды ночью читал он акафист Богоматери и услышал голос от Ее иконы: “Иди на Белое озеро, — там тебе место.” Вместе с тем Кирилл увидел на дальнем севере прекрасную местность, озаренную светом.

В числе иноков Симонова монастыря был тогда преподобный Ферапонт, уроженец Волока-Ламского, в миру Феодор, из рода дворян Поскочиных. Он тайно ушел из родительского дома, постригся в Симонове, проводил жизнь подвижническую и по временам слушал наставления преподобного Сергия. Незадолго до видения, которого удостоился Кирилл, Ферапонт, связанный с ним узами духовного дружества, был послан настоятелем по какому-то делу в дальнюю Белозерскую сторону. С посохом странническим ходил он по живописным берегам Белого озера, пленился тишиною густых лесов и вынес оттуда жажду уединения пустынного.

Дождавшись возвращения друга, Кирилл спросил Ферапонта: есть ли на Белом озере место, где бы можно было безмолвствовать иноку? Ферапонт отвечал, что там много прекрасных мест. Друзья ушли тайно в пустынную сторону, долго ходили по Белозерскому краю, тогда еще глухому и малолюдному, и взошли на гору Мауру. Здесь леса, луга и воды соединились на огромном пространстве; подошву высокой горы омывают волны озера Сиверского. С одной стороны быстрая Шексна извивается по лугам необозримым, с другой — несколько синих озер разбросано среди густых дебрей.

Здесь преподобный Кирилл узнал прекрасную местность, указанную ему в видении; он пал с усердною молитвою пред иконою Богородицы, которую принес с собой, поставил деревянный крест, и подле него пустынники выкопали себе землянку.

Вскоре Ферапонт ушел далее за 15 верст от Кирилла и поселился между двумя озерами: Пашским и Бородавским, — на красивом высоком месте. Тут он расчистил землю для насаждения овощей и прогонял уныние безмолвия то трудом, то молитвою и бдением.

Между тем преподобный Кирилл более года подвизался в своей землянке, не видясь ни с кем, кроме двух крестьян, которые приносили ему сухой хлеб. После того пришли из Симонова два инока, любимые Кириллом, а вслед за ними стали приходиться многие. Преподобный Кирилл увидел, что настал конец безмолвному его уединению; в 1397 году он построил храм в честь Успения Богородицы.

Когда в окрестности распространилась молва, что пришедший из Москвы архимандрит Кирилл устраивает в пустыни монастырь, то соседнему боярину Феодору пришлось на мысль, что, верно, архимандрит принес с собою много денег, и он послал слуг своих ограбить его. Но две ночи сряду подходили они к обители и видели вокруг обители ратных людей. Феодор подумал, что, верно пришел кто-нибудь из московских вельмож к Ки-

риллу, и послал узнать, кто такой пришел. Ему отвечали, что более недели, как никого из посторонних не было в обители. Тогда Феодор пришел в чувство и, поспешив в обитель, со слезами исповедал Кириллу грех свой. Преподобный сказал ему: “Будь уверен, сын мой Феодор, что ничего нет у меня, кроме одежды, которую видишь на мне и нескольких книг.” Боярин с того времени стал благоговейно уважать преподобного Кирилла.

Когда в обители Кирилловой умножилось число братии, он дал для нее устав общежития и освящал его примером своей жизни. В церкви никто не смел беседовать, и никто не должен был выходить из нее прежде окончания службы. За трапезу каждый садился на своем месте, и в трапезе была тишина. Весьма строго заповедал преподобный Кирилл, чтобы ни при нем, ни после него хмельных напитков не только не пили, но и не держали в обители. Из трапезной каждый молча шел в свою келью, не заходя к другому. Никто не смел получать ни писем, ни подарков, помимо настоятеля, — к нему приносили нераспечатанные письма; без его благословения и не писали писем. Деньги хранились в монастырской казне, и ни у кого не было никакой собственности. Даже пить воду ходили в трапезную: в келье же ничего не держали, кроме икон и книг, и она никогда не запиралась. Иноки старались один пред другим являться как можно раньше к службе Божией и на монастырские работы, подвизаясь не для людей, а для Господа. Когда случался недостаток в хлебе и братия понуждали настоятеля послать за хлебом к христороубцам, Кирилл отвечал: “Бог и Пречистая Богородица не забудут нас — иначе зачем и жить на земле?” — и не позволял докучать мирянам просьбами о подавании.

Почти одновременно с Кирилловым монастырем возникла и обитель Ферапонтова. Когда к преподобному Ферапонту стали стекаться любители пустынной жизни, он построил в 1398 году храм Рождества Богородицы и учредил общежитие, но не согласился принять на себя ни священства, ни игуменства. На усиленные просьбы братии, желавшей иметь его настоятелем, старец отвечал: “Не я оградил это место, а Пречистая Богородица: Она и может наставить вас на все полезное.” Но преподобный Ферапонт оставался для всех отцом и наставником. Устав обители был во многом сходен с Кирилловским; братия занималась то списыванием книг, то плетением сетей для ловли рыбы. В монастыре была крайняя скудость до того времени, пока князь Андрей Можайский, сын Донского, владевший и Белозерскою странюю, не пожаловал новой обители земли и озера и прислал утварь для храма ее.

Друзья, основатели пустынных обителей, приходили друг к другу для духовной беседы. Но в 1408 году им суждено было расстаться: князь Андрей, давно желавший построить монастырь близ Можайска, вызвал к себе преподобного Ферапонта и умолил его принять на себя устройство новой обители. На просьбы князя старец сначала отвечал только слезами, но потом согласился исполнить волю его или, лучше сказать, волю Божию. Он покинул свою пустыню [62] и переселился в Можайск, где при богатых средствах князя скоро устроился монастырь Рождества Богородицы в Лужках, в версте от города. Основатель новой обители пользовался особенным уважением первосвятителя Фотия, который с любовью беседовал с ним о духовной жизни и облек его саном архимандрита. После 18-летнего настоятельства в Можайском монастыре преподобный Ферапонт преставился в глубокой старости 27 мая 1416 года [63].

Приближался уже конец земных подвигов преподобного Кирилла. Господь наградил угодника Своего даром прозорливости и чудотворений: преподобный Кирилл узнавал помыслы приходивших к нему, исцелял больных, умножал молитвою запасы монастырские, щедро раздавая хлеб нищим во время голода; укротил бурю на озере осенением животно-рящего креста, испросил чадородие Белевскому князю Михаилу и супруге его Марии.

Приближаясь к блаженной кончине, богоносный Кирилл призвал к себе братию, строго заповедал не нарушать данного им устава и сказал рыдавшим ученикам своим: “Не скорбите о моем отшествии: если получу дерзновение у Господа и труд мой будет угоден Ему, то не только не оскудеет обитель моя, но еще больше распространится по отшествии моем, — только любовь имейте между собою.” Он блаженно почил на 90-м году своей жизни 9 июня 1427 года [64].

Преподобный Кирилл любил заниматься списыванием книг [65]. После него сохранилась подлинная духовная грамота, писанная на столбце обыкновенной бумаги мелким, четким и красивым почерком [66], и три послания, которые, отличаясь простотою изложения и искренностью благочестивой души, глубоко назидательны. В одном из них, писанном к великому князю Василию Дмитриевичу, чудотворец говорит: “Ты, государь, приобретаешь себе великую пользу душевную смирением своим, посылая ко мне грешному, ничему, недостойному, страстному и чуждому всякой добродетели, с просьбою о молитве. Я, грешный, с братиею своею рад, сколько силы будет, молить Бога о тебе, нашем государе, и о княгине твоей и о детях твоих и о всех христианах, порученных тебе Богом. Но будь и сам внимателен к себе и ко всему княжению, в котором Дух Святой поставил тебя пасти людей, искупленных кровию Христовою. Чем больше удостоен ты власти, тем более строгому подлежишь ответу. Воздай Благодетелю долг твой, храня святыя Его заповеди и уклоняясь от путей, ведущих к погибели. Как на корабле, если ошибется наемный гребец, вред от того бывает не важный; если же ошибется кормчий, то губит весь корабль: так, государь, бывает и с князьями. Если согрешит боярин, наносит пакость себе, а не всем; но если согрешит сам князь, причиняет вред всему народу. Слышал я, что у тебя, великий князь, великое несогласие с твоими сродниками, князьями Суздальскими; ты выставляешь свою правду, а они — свою; кровь христиан льется. Осмотрись, государь. Если они правы в чем-либо, уступи им смиренно; если в чем правда на твоей стороне, стой за правду. Если они будут кланяться тебе, Бога ради, государь, окажи им милость, сколько можно, покажи к ним любовь и сострадание, дабы не погибли, блуждая в татарских странах. Никакая власть, ни царская, ни княжеская, не может избавить нас от нелицемерного Суда Божия; а если будешь любить ближнего, как себя, если утетишь души скорбные и огорченные, — это много поможет тебе, государь, на страшном и праведном Суде Христовом.”

Благотворителю своему, князю Андрею Можайскому и Белозерскому, богомудрый старец напоминает посланием, что он поставлен от Бога удержать людей от зла в своей отчизне. “Смотри, государь, чтобы судьи судили суд праведно, как пред Богом, не кривя; чтобы не было подлогов и поклепов... Наблюдай, чтобы не было в твоей области питейных домов, — от них великая пагуба людям: крестьяне пропиваются, а души их гибнут... Также пусть не будет у тебя и таможенных сборов, — эти деньги неправедные. Пусть не будет в твоей вотчине ни разбоя, ни воровства. Если не уймутся от злого дела, вели наказывать, кто чего стоит. Унимай подчиненных твоих от скверных слов и брани, — все это гневит Бога. Если не потщишься управить всем тем, взыщется на тебе, потому что ты — властелин над своими людьми, поставленный Богом. Не ленись сам давать управу крестьянам; это вменится тебе выше поста и молитвы. Удерживайтесь от пьянства. Подавайте по силе милостыню. Вы часто не можете поститься и молиться ленитесь: пусть же милостыня восполнит недостатки ваши.”

Звенигородского князя Юрия Дмитриевича преподобный Кирилл утешал в скорби о болевшей супруге и по смирению своему просил, чтобы князь отложил намерение приехать к нему в монастырь. “Знаю, государь, — писал старец, — что по грехам моим выйдет из того искушение, если поедешь ко мне. Извещаю тебя наперед, что нельзя тебе видеть

нас: оставлю монастырь и уйду, куда Бог наставит. Вы думаете, что я тут добрый, святой человек. Нет! Истинно я всех грешнее и окаяннее и исполнен срама. Не удивляйся сему, князь Юрий: слышу, что ты сам читаешь и знаешь Священное Писание и понимаешь, какой вред происходит от человеческой похвалы, особенно для нас слабых. Был у нас брат твой, князь Андрей; но здесь его вотчина, и нам нельзя было не отдать поклона своему государю. А твоей вотчины здесь нет. Если поедешь ты сюда, все люди станут говорить: для Кирилла поехал князь” [67].

Знаменитая Лавра чудотворца Кирилла [68] и по преставлении его долго и неослабно соблюдала устав своего основателя; она почиталась основным камнем иночества для всего севера Русской земли и воспитала в недрах своих многих дивных подвижников, которые разошлись по крайним пределам севера и светили миру из пустынных своих обителей, как яркие звезды во мраке ночи.

Не всех духовных чад великого отца нашего Сергия могли мы исчислить в нашем кратком рассказе: имена и деяния многих из них известны единому Богу, Которому посвятили они многотрудную жизнь свою. На духовном потомстве заступника земли Русской сбилось обетование, дарованное ему в дивном видении; птенцы гнезда его свили свои пустынные гнезда, и бесчисленное множество прекрасных птиц Божиих наполнило собою дебри и тундры сурового севера, поморье и острова Ледовитого моря [69].

14. Святитель Стефан Пермский.

Преп. Сергий и Герман Валаамские.

У друзей Божиих бывают и друзья святые. Таковы были друзья богоносного распространителя иноческой жизни чудотворца Сергия: преподобные Стефан Махрицкий и Димитрий Прилуцкий, святители Дионисий Суздальский с учеником своим Евфимием и Стефан Пермский.

Первое место между ними занимает преподобный Стефан Махрицкий как ближайший собеседник Радонежского отшельника почти с самого водворения его в пустыни. Рожденный и воспитанный в Киеве Стефан постригся в Печорской обители и провел там несколько лет в подвигах послушания и молитвы. Притеснения папистов заставили его вместе с другими Печерскими иноками искать убежища в Москве, где благосклонно принял его великий князь Иоанн, сын Калиты и отец Донского. По грамоте его и благословению святителя Стефан поставил себе келью в уединенном месте на берегу речки Махрищи в 35 верстах от обители Сергиевой; своими руками рубил он лес и обрабатывал землю, чтоб иметь пропитание от трудов своих. Желая сохранить безмолвие, он сначала не хотел принимать приходивших к нему, но потом уступил просьбам усердия. Когда собралось к нему несколько ревнителей иноческой жизни, киевский подвижник поставил храм Святой Троицы, кельи и трапезу и ввел общежитие; святитель [1] посвятил его в сан иерея и игумена. Это было, вероятно, в 1358 году [2].

Приняв настоятельство, Стефан был примером добродетелей для братии; он трудился более всех, носил убогое рубище, был кроток и молчалив. Особенные обстоятельства доставили подвижнику Махрицкому утешение видеть у себя в монастыре преподобного Сергия, который пришел туда, уклоняясь от неудовольствия, воздвигнутого родным его братом. Когда игумен Махрицкий услышал о приходе игумена Радонежского, он велел ударить в било и вышел к нему навстречу со всею братией: оба они поклонились друг другу до земли, прося взаимно благословения, и долго не вставали, потому что ни один из

них не хотел принять на себя первенства. Наконец, умоленный блаженным Стефаном, преподобный Сергей дал благословение ему и всей братии. Он пробыл несколько дней в монастыре Махрицком и выпросил себе одного из тамошних иноков, хорошо знающего окрестности, чтобы избрать себе место для безмолвного уединения [3]. Такое место нашлось в 15 верстах от Махры над рекою Киржач [4].

Нечто подобное тому, что случилось с преподобным Сергием, суждено было испытать и преподобному Стефану: он также должен был удалиться из своей обители и основать монастырь в другом месте. Близ Махры жил один благочестивый человек, хранивший от юности чистоту телесную, смирение и любовь ко всем; он отдал обители Махрицкой свою усадьбу с засеянными полями, а сам принял иночество с именем Григория и был любимым учеником блаженного Стефана. Это было не по сердцу соседним владельцам: они знали уважение великого князя Дмитрия к Стефану и опасались, чтобы земли, которыми они владели, не перешли во владение монастыря. Четверо из них, братья Юрцовские, подняли гонение на игумена и грозили убить его, если он не уйдет из Махры. Тогда преподобный Стефан, уступая место злобе, удалился вместе с Григорием на север и в 60 верстах от Вологды на реке Авнеже основал в 1370 году [5] пустынную обитель с храмом Святой Троицы. Пустынножителем помогал богатый землевладелец Константин Дмитриевич, который и сам принял иночество с именем Кассиана.

Великий князь Дмитрий прислал книги и другие вклады в Авнежскую пустынь, а Стефана вызвал в Москву, принял его с любовью и велел остаться в Махрицкой обители, которой тогда же пожертвовал земли и угодья [6].

Всегда кроткий и покорный Стефан возвратился в Махру, продолжал подвизаться в подвигах духовной жизни и по временам, как уверяет предание, приходил для беседы к великому чудотворцу Сергию. Достигнув глубокой старости и предчувствуя приближение кончины, он облекся в великую схиму и предал дух свой Господу 14 июля 1406 года [7].

Подвиги преподобного Дмитрия Прилуцкого начались на родине его в Переяславле-Залесском. Сын богатого купца, обученный в юности чтению книг он не стремился к земному богатству, но искал Небесного. Приняв пострижение в Нагорном Борисоглебском [8] монастыре, он снискал себе чистою, равноангельною жизнью любовь и уважение братии. Спустя несколько лет Дмитрий основал на берегу Переяславского озера Николаевский монастырь [9] с правилами строгого общежития для братии.

Друзья Божии любят друг друга: блаженный Дмитрий в первый раз познакомился с дивным пустынником Радонежским тогда, когда преподобный Сергей приходил в Переяславль и был посвящен в сан игумена [10]. Это было в 1354 году. С того времени преподобный Дмитрий часто ходил к преподобному Сергию для духовных бесед и возвращался с одушевлением на новые подвиги. Он был весьма красив лицом, и красота его расцветала от поста; во избежание искушений в обители, посещаемой мирскими людьми, он закрывал лицо свое куколем и избегал женщин. Одна из именитых жен переяславских, слышавшая о необыкновенной красоте его, захотела непременно видеть лицо его, и ей удалось это тогда, когда преподобный готовился к священнослужению; но нецеломудренная внезапно поражена была расслаблением. Братия, увидев жалкое положение ее, сжалились над нею и просили настоятеля простить ее. Тронутый раскаянием и слезами ее, он сказал: “Зачем ты хотела видеть грешника, уже умершего миру?” — и крестным знаменем возвратил ей здравие.

Слух о высокой жизни преподобного Дмитрия дошел до соименного ему великого князя, который просил подвижника быть восприемником детей его. Преподобный исполнил желание доброго князя и получил от него щедрые дары для обители. Но, избегая славы человеческой, он решился удалиться в глухое место и отправился с любимым учени-

ком своим Пахомием на север, тогда еще малолюдный, в непроходимые дубравы вологодские. При слиянии рек Лежи и Великой, недалеко от Авнежской волости, он поставил храм Воскресения Христова, существующий донныне; но окрестные жители, боясь потерять часть земли своей, не позволили устроить монастырь. Смиранный отшельник рад был и тому, что успел построить церковь [11], и, не желая быть никому в тягость, ушел в Вологду, где еще не было до него обителей иноческих. За 3 версты от города полюбилося ему уединенное место “при луке” (излучине) реки Вологда. Здесь преподобный Димитрий решился основать монастырь. Владельцы места (Илья и Исидор) с радостию подарили землю и сами затоптали свои озими и нивы, чтобы немедленно приступить к постройке храма. Каждый из жителей Вологды спешил жертвовать, сколько кто мог. Многие из учеников преподобного Димитрия перешли из Переяславля к нему на Прилуки. Так составила в 1371 году первая общежительная обитель с храмом Спасителя в окрестностях Вологды.

Блаженный игумен нового монастыря подвизался в молитве и трудах. Он не искал ничего от людей и не прерывал молитвенного правила для богатых посетителей, но любил втайне помогать бедным. Пища его состояла из одной просфоры с теплою водою; одеждою в зимнее и летнее время служил ему ветхий овчинный тулуп. Для братии принимал он подавание от мирян, но с разбором. Одному благотворителю, человеку скупому и немилостивому, он сказал: “Отнеси назад, что принес нам, и накорми слуг и сирот-крестьян, живущих у тебя, чтобы не страдали они от голода и наготы; когда останется от того что-нибудь, принеси нашей нищете.”

Другой опыт прозорливости показал преподобный Димитрий на родном своем брате, переяславском купце, который, торгуя неудачно и обремененный долгами, два раза приходил к Прилуцкому игумену за благословением на путь в Югру и Печору, к диким народам чуди и самоеди. По благословию преподобного Димитрия он торговал счастливо: после первой поездки уплатил все долги свои, а после второй разбогател. Но в третий раз блаженный старец отказал ему в благословении, советуя довольствоваться тем, что уже нажил. Купец не послушался и пропал без вести в дикой стороне.

Однажды, занимаясь работою вместе с братией, преподобный Димитрий вздохнул и сказал: “Мы, братия, строим земные, тленные дела, а благоверный великий князь Димитрий уже не печется о суетной жизни.” Спустя несколько дней пришло известие, что великий князь скончался в тот самый день и час.

Когда преподобный Димитрий достиг глубокой старости и приближался к блаженной кончине, братия спросила, где похоронить его. “Бросьте, — отвечал он — грешное тело мое в болото.” Он мирно преставился 11 февраля 1392 года. Мощи его были погребены в построенном им храме [12] и прославлены многими чудесами [13].

Святитель Дионисий, в миру Давид, с молодых лет посвятил себя на служение Богу; по примеру киевских подвижников он выкопал себе пещеру на берегу реки Волга, в 3 верстах от Нижнего Новгорода [14]. Сначала он жил здесь один отшельником, а потом, когда собрались к нему и другие искатели безмолвия (около 1335 года), основал монастырь в честь Вознесения Господня. Обширным знанием Правил Веры и строгою подвижническою жизнью Дионисий приобрел всеобщее уважение. Современники видели в нем “мужа кроткого, рассудительного, знающего Святое Писание, учительного, славного постничеством и исполненного любви ко всем” [15]. Под опытным его руководством воспитались в иноческой жизни великие подвижники: Евфимий Суздальский, Макарий Унженский и Павел Высокий [16].

Князья Нижегородские, Борис и Андрей Константиновичи, уважали блаженного Дионисия; супруга последнего из них княгиня Анастасия основала в престольном своем городе на берегу реки Волги Зачатиевский девичий монастырь и приняла в нем по смерти

мужа пострижение с именем Вассы. Она всегда пользовалась наставлениями преподобного Дионисия [17].

Святитель Алексей, лично зная добродетели и образованность Дионисия, рукоположил его в сан епископа Суздальского в 1374 году. По кончине святого Алексея, когда великий князь Димитрий настоятельно хотел видеть митрополитом любимца своего Михаила (Митяя) и созвал епископов для посвящения его в Москве, только один из них, блаженный Дионисий, смело поддерживал убеждение, что по зависимости Русской Церкви от Царьградской поставление первосвятителя без воли Вселенского Патриарха будет незаконно. Великий князь должен был согласиться с мнением Дионисия, и Митяй отправился в Константинополь, угрожая, что по возвращении лишит Дионисия сана и своими руками спорет скрижали с его мантии.

Вслед за Митяем поспешил туда и Дионисий по вызову Патриарха [18]. Он пробыл в Царьграде более года и объяснил Патриарху опасность, угрожающую Русской Церкви от ереси стригольников, усилившейся в Новгороде и Пскове [19]. Патриарх, лично узнав высокие достоинства Дионисия, почтил его саном архиепископа и дал ему фелонь многокрестную (полиставрий). “Мы нашли его, — писал Патриарх в грамоте, — достойным всякой похвалы; видели пощение и слезы его, молитву и милостыню — все, чем обозначается духовный Божий человек; он присутствовал и на святом Соборе, духовно беседовал с епископами о Священном Писании, причем показал ревность к вере и глубокое разумение священных правил.”

После несчастной смерти Митяя блаженный Дионисий мог бы, пользуясь расположением Патриарха, испросить себе сан митрополита, но он не искал земной чести. Между тем московское посольство, состоявшее из духовных и светских лиц, воспользовалось белыми листами с печатью великокняжескою, чтобы написать просьбу от имени Димитрия к Патриарху о поставлении в первосвятительский сан одного из членов посольства — Пимена, архимандрита Переяславского. Патриарх поспешил исполнить мнимое желание великого князя; но Димитрий не хотел видеть обманщика на кафедре чудотворцев Петра и Алексея, заточил Пимена в Чухлому и призвал на митрополию блаженного Киприана.

Блаженный Дионисий в конце 1381 года возвратился из Греции с патриаршим поручением — заботиться об истреблении ереси стригольников в Новгороде и Пскове. “Смирение наше и великий Собор, — писал Патриарх псковичам, — послали к вам боголюбивого архиепископа Суздальского Дионисия, мужа честного, благочестивого, добродетельного, известного хранителя священных канонов; он от лица нашего посетит и благословит вас, научит и наставит устроить должное и соединит вас с соборною апостольскою Церковью Божию. Вы должны знать, что отлучающиеся от Церкви отлучаются от самого Христа Бога; все, что услышите из уст его, примите, как наше собственное слово.” Ревностный святитель успел почти искоренить ересь в двух вольных городах.

Между тем смута церковная продолжалась. По-видимому, Димитрий полюбил Киприана; но после нашествия Тохтамышша великий князь, возвратившись в столицу, был разгневан тем, что митрополит искал убежища у враждебного ему князя Тверского [20]. Он вызвал блаженного Киприана из Твери, осыпал его укоризнами за оставление паствы во время опасности и изгнал из Москвы, назначив на место его Пимена, которого прежде не хотел видеть [21]. Впрочем, Димитрий не мог уважать этого хитрого честолюбца и, убедившись в достоинствах и заслугах святого Дионисия, пожелал видеть его на первосвятительской кафедре. Дионисий еще раз в 1383 году предпринял путешествие в Царьград, получил утверждение от Патриарха, но на обратном пути был задержан в Киеве князем Владимиром Ольгердовичем, который объявил, что если Московский князь по своей воле

изгнал из Москвы Киприана, митрополита всея России, то он, князь Киевский, задерживает Дионисия. Подвижник-пастырь преставился в заточении 15 октября 1385 [22].

Один из учеников святого Дионисия, преподобный Евфимий, называется “спостником и собеседником” [23] преподобного Сергия. Он родился в Нижнем Новгороде и в ранней юности пришел в пещерную обитель Дионисия. Здесь по воле настоятеля Евфимий носил воду и рубил дрова в пекарне; взгляд на огонь возбуждал в нем слезы сокрушения о грехах, ввергающих грешников в огонь вечный. Трудясь неутомимо, он проводил ночи в молитве и постился, употребляя пищу не досыта, а воду пил мерою. Когда князь Борис Константинович в 1352 году пожелал построить в Суздале монастырь и просил у блаженного Дионисия одного из учеников его для настоятельства в новой обители, Дионисий назначил Евфимия. “Не удаляй меня, отче, от пребывания с тобою: тяжело мне жить с чужими,” — со слезами говорил Евфимий. “Господня земля, а непослушания бойся,” — отвечал Дионисий. Евфимию тогда было 36 лет.

В Суздале принял его святой епископ Иоанн, первопрестольник [24] Суздальский, ревностный архипастырь, сеявший семя слова Божия на новой ниве между дикою мордвою [25], бескорыстный и сердобольный, облегчивший повинности крестьян — жителей церковных земель и устроивший богадельни для больных и престарелых. Он сам указал место для обители вблизи города на берегу реки Каменки, рукоположил Евфимия в сан архимандрита и освятил новопостроенный храм в честь Преображения Господня [26]. При самом построении храма преподобный Евфимий приготовил в нем место для своего погребения и своими руками обтесал камни для гроба. К смиренному подвижнику собралось до трех сот человек. Он посещал иногда преподобного Сергия Радонежского и подражал равноангельной жизни его, раздавал пищу бедным, успокаивал больных, платил долги за должников и защищал угнетаемых. После 52-летнего настоятельства блаженный старец преставился 88 лет 1 апреля 1404 года [27]. Память преподобного Евфимия прославлена многими чудотворениями.

К числу друзей великого чудотворца Сергия принадлежит также святой Стефан, богумудрый просветитель и апостол земли Пермской. Уроженец Великого Устюга, сын благочестивых родителей он еще в юных летах отличался необыкновенными дарованиями и любознательностью. В сердце его горело желание посвятить жизнь свою просвещению диких обитателей севера — зырян, которых он встречал на торгу в родном своем городе.

Для приготовления себя к святому и великому делу он пошел в “Ростов и постригся в Григорьевском монастыре [28], где было много книг. Здесь он выучился по-гречески [29], занимался языком зырян (который знал еще на родине), составил зырянскую азбуку и перевел на этот язык несколько церковных книг. Решась на подвиг апостольский, он упражнялся в смирении, кротости, терпении и любви, чтобы переносить все неприятности и скорби для Господа без вреда великому делу и своей душе.

В 1379 году блаженный Стефан явился в Москву к Герасиму, епископу Коломенскому, управлявшему делами митрополии [30]. “Благослови меня, владыко, — просил Стефан, — идти в страну языческую, великую Пермь; хочу учить вере людей неверных, привести их ко Христу или пострадать за Христа моего.” Епископ увидел в Стефане особенное призвание Божие, удостоил его священства, снабдил антимином и святым миром; а великий князь дал ему охранную грамоту.

Из Устюга блаженный Стефан спустился по Северной Двине до впадения в нее реки Вычегды. Здесь начинались тогда поселения зырян; здесь предстояло ему много борьбы, трудов, лишений и скорбей; здесь стало пред ним язычество лицом к лицу, с непримиримой злобою против истины. Главными идолами зырян были Воипель и Золотая Баба. Кроме того, зыряне поклонялись огню, камням и деревьям, верили в духов добрых и злых и

слыхали о великом духе, будто бы недоступном для поклонения. У них были кудесники (волхвы), готовые на все для защиты дикого язычества.

Первым зырянским поселением, которое встретил Стефан при устье Вычегды, был Котлас. Здесь радушно приняли московского проповедника; он крестил здесь многих жителей и основал храм [31]. Продолжая далее путь по правому берегу реки Вычегды, ставя по местам кресты и часовни, как самые понятные для простых людей указания новой веры, Стефан остановился при слиянии реки Вымь с Вычегдою, в главном поселении зырянского народа Усть-Выме. Простые сердцем люди с изумлением слушали нового проповедника и крестились; они часто приходили к благовестнику, беседовали с ним и полюбили его. Когда число уверовавших возросло значительно, блаженный Стефан построил здесь храм Благовещения Богородицы, имея в виду то, что, как Благовещение было началом спасения для всего мира, так и церковь эта послужит начатком спасения земли Пермской [32]. Новосозданная церковь привлекла к себе не только уверовавших, но и неверных зырян, которые часто приходили к ней, чтобы только полюбоваться ее красотой, и отходили с мыслию о величии Бога христианского. Но много было и таких между зырянами, кто по привязанности к старому зловерию оскорблял проповедника и покушался убить его. Предметом особого поклонения зырян-язычников была “прокудливая” береза, громадная по толщине и вышине. Святой Стефан срубил и сжег обожаемое неверными дерево и сильною речью обратил ко Христу многих озлобленных язычников. На этом месте он поставил храм в честь Архистратига Михаила, победителя духов тьмы [33].

Упорнейшие из неверных, особенно волхвы, кудесники и старцы, неоднократно собирались к Стефану и вступали с ним в торжественные прения о вере в присутствии многочисленного народа; но каждый раз были побеждаемы и посрамляемы. Благодаря этому обратилось ко христианству еще великое множество мужей, жен и детей. Тогда Стефан начал учить их пермской грамоте, им же изобретенной, и книгам: Часослову, Осьмогласнику, Псалтири и другим, переведенным им на пермский язык книгам; а обучившихся, судя по их успехам, одних предназначал во священники, других — в диаконы, третьих — в чтецы. Учил их также церковному пению и письму, заставляя переписывать книги, а сам переводил другие с русского на пермский. Радуясь успеху предприятия и видя, как ежедневно умножается стадо Христово, святой благовестник построил еще несколько храмов в разных местах по рекам и погостам, где жили зыряне. Сооружение церквей сопровождалось повсюду сокрушением идолов. Святой Стефан сам с учениками своими днем и ночью, при народе и без народа обходил леса, погосты, распутия, входил в дома жителей и где только ни отыскивал кумиры и кумирницы, все это разрушал и предавал огню. Равным образом все приношения язычников, которые были повешены вокруг идолов или над ними и служили украшением их, как-то: шкуры соболей, куниц, горностаев, бобров, лисиц, белок и других зверей — собирал в кучи и сжигал, к немалому удивлению зырян, которые не могли понять, почему он не хочет воспользоваться сам этими ценными мехами.

Против распространения христианства восстал старшина вымичей, престарелый кудесник и начальник волхвов, которого зыряне чтили более всех своих чародеев. Имя ему было Пам, или Пам-Сотник. “Не оставляйте, — говорил он, — богов отеческих, не слушайте московского бродягу. Может ли быть для нас из Москвы что-либо доброе? Не оттуда ли пришли на нас тяжкие дани и насильства, тиуны и приставники? Но меня слушайте, вашего одноземца, одноплеменника и давнего учителя, желающего вам добра — меня, старца, а не того, который по летам годился бы мне во внуки.” Много раз святой Стефан вступал в открытые прения со злым кудесником, но Пам оставался непреклонен и, наконец, предложил в оправдание своей веры пройти невредимо сквозь огонь и воду. Он требовал того же и от Стефана. “Я не повелеваю стихиями, — отвечал смиренный проповед-

ник Христов, — но Бог Христианский велик, и я иду с тобою.” Стефан приказал собравшемуся народу зажечь избу, стоявшую особо, и, когда пламя охватило ее, он, призвав на помощь Бога, взял волхва за одежду и принуждал его идти в огонь вместе. Но Пам упал к ногам человека Божия и молил избавить его от верной смерти. Он отказался также и от испытания водою. Народ хотел убить обманщика, но блаженный Стефан сказал: “Христос послал меня учить, а не убивать людей. Если Пам не хочет спасительной веры Христовой, пусть Бог накажет его, а не я” [34]. Пам был выгнан из Пермской земли и удалился со своими сообщниками на берега реки Оби; там, между березовскими остояками, он основал селение Алтым [35].

В 1383 году святой Стефан отправился в Москву, чтобы испросить для жителей Перми особого епископа из-за отдаленности этого края от Ростова и по нужде избирать священников, знающих народный язык. Великий князь Димитрий был в восторге от подвигов Стефана, а Собор епископов, вполне одоббив предлагаемую им меру, избрал на новую кафедру самого Стефана. Рукоположенный в сан епископа во Владимире и отпущенный с дарами великого князя новопоставленный святитель Пермский, прибыв к своей пастве, утвердил кафедру свою в Усть-Выме и с еще большею ревностью принялся за свое апостольское дело. “Он, — как выражается жизнеописатель его Епифаний, — повсюду изыскивал, где оставались некрещенные, — и, в каких бы пределах ни находил их, обращал от язычества и крестил; а всех крещенных утверждал в вере, учил их пермской грамоте, писал им книги, ставил и святил церкви, которые снабжал книгами и иконами, открывал монастыри [36], постригал в чернецы, устраивал игуменов, поставлял священников, диаконов и причетников. И священники его служили обедни на пермском языке, пели вечерню и заутреню пермской речью, и канонархи его возглашали по пермским книгам, и певцы всякое пение совершали по-пермски. Вот прекрасная картина, напоминающая времена апостольские!

Обходя свою паству, святитель вместе с догматами истинной веры преподавал правила семейной и гражданской жизни, миролюбиво решал споры, помогал бедным. Во многих местах с утешением видел он достойные плоды своей проповеди: мир и любовь между теми, которые прежде были дики и злы [37]. Но в большом селении Гам, в 30 верстах от Яренска, он нашел, что многие из новокрещенных увлечены кудесниками снова в язычество. “Слепой Гам!” — сказал с горестию святитель [38].

Святой Стефан был истинным отцом своих зырян во всех их нуждах и бедствиях. В 1358 году при нападении вогуличей на зырянские поселения ревностный святитель отправился сам в полном облачении, с духовенством и множеством зырян вверх по Вычегде на встречу врагам. Заметив издали ладью Стефана и приняв его за страшного волхва, вогуличи пустились бежать и оставили вес награбленное у зырян. В неурожайные годы, когда в Пермском крае начался страшный голод, добрый пастырь привозил на ладьях хлеб из Устюга и Вологды, был теплым заступником паствы своей против насилия тиунов и бояр, ходатайствовал пред великим князем о льготах для края, разоренного голодом, предпринимал путешествие в Новгород с просьбою и убеждениями, чтобы вече обуздало своеволия и наглость новгородской вольницы, которая производила грабежи в Перми, по Каме и Волге и опустошала поселения по Вычегде. Великий князь в то же время наказал за то же Новгород силою оружия. Святитель Перми был принят в Новгороде с честью; вече щедро заплатило за убытки, понесенные зырянами, и строго запретило ушкуйникам касаться Стефановой паствы [39].

В 1390 году святой Стефан ходил в Москву по нуждам своей паствы. Не успев зайти в Троицкую обитель преподобного Сергия, он остановился в 9 верстах, сотворил молитву и сказал: “Мир тебе, духовный брат!” Преподобный сидел в то время за трапезою; он

встал, поклонился в ту сторону, где находился св. Стефан и сказал: “Радуйся и ты, Христов пастырь; мир Божий да пребывает с тобою” [40]. В Москве святитель Пермский нашел особенное внимание со стороны первосвятителя Киприана и нового великого князя Василия Димитриевича.

Спустя шесть лет равноапостольный просветитель Перми снова посетил Москву, но уже не вернулся к детям своим: проведя 18 лет в трудах апостольских, он заболел и скончался в Москве 26 апреля 1396 года. Мощи его погребены в Спасской кремлевской обители [41].

В церковной службе святителю Стефану выражаются чувства новокрещенных к просветителю их. “Сокровище премудрости, Стефан богомудрый, подражатель апостолов, ты проповедовал в дальних странах людям, не знающим Бога, привел их от тьмы к свету богоразумия и насадил в оледеневших сердцах живое семя веры. Приняв премудрость не от человеков, но от Вышнего Промысла, ты изложил на языке новом и неведомом [42] святые писания и ими привел к познанию Христа сидевших во мраке неверия. Приидите ныне новопросвещенные соборы, почтим достойно песнями и хвалами отца и благодетеля, породившего нас новою жизнью. Господи, молитвами угодника твоего Стефана, спаси и ущедри всех нас” [43].

Почти в то же время, как святой Стефан обращал ко Христу жителей Перми, северные окраины Русской земли тоже имели своих просветителей.

На Валаамском острове Ладожского озера преподобные Сергей и Герман были основателями иноческой жизни. Хотя опустошение этого края шведами лишило нас точных сведений о первоначальниках Валаамской обители, но подвиги их должно отнести к первой середине XIV столетия [44]. Известно, что Православное Христианство было распространено в Карелии пред самым нашествием татар (в 1227 году), а с 1249 года шведы, утвердись на юго-западе этой страны, огнем и мечом принуждали карелов к папизму, возбуждали в них ненависть к христианству и заставили их искать помощи у прежних ложных богов. Король Магнус, усердный слуга папы, в 1349 году насильно переkreщивал народ в окрестностях Орешка (нынешнего Шлиссельбурга); в то же время старцы Сергей и Герман, поселясь на пустынном острове, явились отрадными лучами во тьме для угнетенного края, оживили там учением и своею жизнью православную веру и основали иноческую обитель с полным общежитием. Блаженная кончина их последовала, вероятно, в половине XIV века [45]. Не только Финская Карелия, но и Олонецкий край, по древнему преданию, почитают преподобных Сергия и Германа своими просветителями [46].

Спустя некоторое время по преставлении Валаамских святителей на другом острове Ладожского озера поселился преподобный Арсений, новгородец, постриженник Лисичьей обители близ Хутыня. Он подвизался три года в одном из Афонских монастырей и перед возвращением в отечество получил от игумена икону Божией Матери и устав общежития с заповедью основать обитель на дальнем севере. Прожив несколько времени на Валааме, он пустился по Ладожскому озеру на ладье искать себе уединенного места и был занесен бурей к острову Коневцу. Здесь преподобный Арсений поставил крест и часовню в каменной скале и решился при помощи Божией превратить остров, посвященный суеверию, в обитель истины и благочестия. По местному преданию, преподобный Арсений освободил окрестных жителей — карелов — от страха злых духов и обратил их к вере Христовой [47]. Мало-помалу собралась к нему братия; в 1398 году был построен храм в честь Рождества Богоматери, и в нем поставлена икона, принесенная преподобным Арсением со Святой горы [48]. Так основался Рождественский Коневский монастырь. Достигнув глубокой старости, преподобный Арсений Коневский преставился 12 июня 1446 года [49].

Дикая чудь в стране Каргопольской имела благовестником своим преподобного Кирилла Челмогорского. Еще в XIII веке Белозерский князь Глеб Василькович, усмирив “чудь белоглазую,” основал город Каргополь [50]. Вскоре за тем блаженный старец Вассиан устроил здесь Спасскую обитель [51], а спустя около 30 лет после кончины Вассиана в 43 верстах от Каргополя на горе Челма, поселился преподобный Кирилл. Постриженник монастыря преподобного Антония Римлянина он шесть лет проходил подвиги послушания, три года странствовал по пустынным местам и, наконец, избрал себе место пребывания на уединенной горе Челма. Место было дикое, но прекрасное: при подошве горы с одной стороны — обширное озеро Лекшма, с другой — небольшое озеро Челма. Гора покрыта была лесом и в летнее время изобиловала ягодами: морошкой и голубицею. Первую зиму отшельник провел в тесной пещере, которую выкопал в горе; потом построил себе келью и при ней часовню. Здесь, не заботясь об удобствах жизни временной, отшельник проводил время в посте и молитве, обрабатывал землю заступом, сажал овощи и не знал другой пищи, кроме овощей и диких ягод. Много искушений претерпел он от духов злобы, много скорбей — от чуди белоглазой. Однажды дикари зажгли лес, чтобы прогнать пустытника, но молитва его прекратила пожар; в другой раз они хотели ограбить преподобного Кирилла, но не нашли в келье его ничего, кроме иконы Богоматери. Мало-помалу неверные жители стали сблизаться с отшельником и слушать его беседу; наконец, в течение долгой подвижнической жизни преподобного Кирилла почти вся окрестная чудь приняла от него святое крещение. Он поставил на горе храм Богоявления Господня и устроил общежитие для собравшихся к нему немногих ревнителей пустынной жизни. Прожив на Челме 52 года и достигнув глубокой старости, преподобный Кирилл почувствовал близость кончины и молил у Господа милости увидеться с духовником и получить напутствие Святых Тайн. По молитве блаженного старца посетил его игумен Вассиановой пустыни Иосиф. Причастившись Святых Тайн, преподобный Кирилл мирно преставился 8 декабря 1378 года 89 лет от роду [52].

Почти в то же время дикие лопари слышали проповедь Евангельскую от аввы Лазаря. Он был постриженником Цареградской Высокогорской обители, прожил 9 лет в Кесарии у епископа Василия, по кончине его переселился в Новгород к блаженному архиепископу Василию (Калике) [53]. Спустя несколько лет, уже при архипастырстве святого Моисея Лазарь в 1352 году переселился по особенному внушению на необитаемый остров Мурму, или Муч, на Онежском озере. Он водрузил там крест, поставил часовню и хижину. Жившие на берегах озера лопари и мурманская чудь, переселившись на остров, беспрестанно оскорбляли старца, прогоняли его. Но он был утешен и укреплен видением от образа Богородицы, который сохранился невредимым при случившемся пожаре хижины. Однажды старшина лопарей принес к преподобному Лазарю слепорожденное дитя: дивный старец окрестил младенца, приложил к чудотворному образу, и дитя прозрело. После того дикие язычники стали уважать отшельника, весьма многие из них крестились, а некоторые даже приняли иночество в обители, основанной преподобным Лазарем. Авва Лазарь предал дух свой Господу 8 марта 1391 года. Всех лет жизни его было 105, из которых почти 40 лет прожил он на Мурманском острове [54].

Таким образом, по мере развития иночества в отдаленных пределах Русской земли насаждалась там и вера Христова. Крест, водруженный иноком в пустыни по соседству от грубого, суеверного племени, или часовня и хижина, им воздвигнутая, были семенем обители, которая скоро возросла, когда умножилось число новых искателей служения Господу. Благочестие иноков привлекало в недра обители иноверных соседей, которые здесь узнавали учение Церкви Христовой, здесь начинали любить Господа Иисуса, а нередко, облакаясь во Христа, принимали и сан иноческий. Других из неверных Господь

привлекал к единению со Своей Церковью ревностью тех любителей безмолвия, которые оставляли прежние обители для обращения неверных и полагали начало новым иноческим общежитиям. Таким образом от одной обители произрастали другие, и тем пролагались новые пути для приведения язычников к единому Царству Божию; возникали понемногу в окрестностях монастырей и отдельные храмы, являлись священники — новые просветители неверных. В новопокоренных землях, основывая города и селения, государи русские также прежде всего размножали обители и церкви; архипастыри посылали священников и иноков, и уста, призывавшие дотоле ложных богов и демонов, начинали исповедовать имя Сына Божия Иисуса Христа [55].

Нельзя не заметить, что христианство в конце XIV и начале XV века распространялось преимущественно в отдаленных краях, подвластных Великому Новгороду; а между тем в ближайших владениях “великого вольного города” чудь, обитавшая на Ижоре, около Иваньгорода, Яма, Копорья, Ладоги, Орешка и по берегу Варяжского (Балтийского) моря, еще не была утверждена в вере Христовой. Не только выборным гражданским правителям, но и архипастырям Новгородским не было возможности заняться просвещением чудских племен: они были преимущественно озабочены прекращением беспрестанных усобиц между своевольными гражданами и сохранением мира с великими князьями Московскими. По мере того, как в Москве возвышалось и укреплялось единодержавие, вольность новгородская стала клониться к упадку, ускоряя сама свое падение и буйною дерзостью, и междоусобиями [56].

В конце XIV века жили в Новгороде двое угодников Божиих, подвизавшихся в юродстве: Феодор и Николай Кочанов. Первый из них, полюбив с детства благочестие и привыкнув к посту, не имел нигде постоянного жилья; в жестокие морозы он бегал босым и полунагим по улицам Торговой стороны; все, что получал от богатых, раздавал бедным и переносил насмешки и оскорбления от буйной молодежи. Господь наградил его даром прозорливости. Случалось, что блаженный Феодор говорил вслух: “Берегите хлеб,” — и наступал голод. В другое время он говорил: “Тут чисто будет сеять репу,” — и вслед за тем пожар опустошал улицы Торговой стороны.

Блаженный Никола Кочанов был сыном почетных в Новгороде людей — супругов Максима и Иулиании — и подражал в благочестии родителям и особенно праведной матери [57], соблюдая пост и чистоту душевную и телесную. Уважаемый вельможами и народом и желая избежать славы человеческой, он посвятил себя на подвиг юродства Христа ради и скитался по улицам города, подобно безумному, терпеливо снося ругательства, а иногда и побои от людей безрассудных.

Впрочем, блаженный Николай юродствовал всегда на Софийской стороне, не переходя через Волхов и Торговую сторону, откуда всегда гнал его блаженный Феодор, говоря: “Не ходи, юродивый, на мою сторону, а живи на своей.” Оба блаженные рабы Божии вполне понимали друг друга, но показывали вид непримиримой вражды, обличая тем постоянную распрю двух частей, или сторон, древнего Новгорода. Однажды блаженный Николай, преследуемый блаженным Феодором, перебежал по волнам Волхова, как по суше, на свою сторону, кидая в мнимого врага своего капустными кочанами (по старинному новгородскому выражению “кочанми”), от чего и получил прозвание Кочанова.

Однажды посадник Новгородский, пригласив к себе на пир всех именитых людей в городе, позвал и блаженного Николая, которого встретил на улице. Приидя в дом посадника до возвращения хозяина, юродивый был прогнан и побит слугами. Когда собрались гости и настало время угощения, в погребах не оказалось ни капли вина и меда в бочках. Тогда вспомнил посадник о блаженном Николае и, узнав, что слуги прогнали его, послал

отыскивать юродивого. Лишь только праведник взошел в дом и послал за напитками в погреб, все бочки оказались наполненными, как были прежде.

Мнимые враги окончили земное свое поприще почти в одно время: блаженный Феодор преставился 19 января [58], а блаженный Николай 27 июля 1392 года [59].

16. Нашествие Тамерлана.

Разделение Русской митрополии.

Описывая подвиги насадителей иночества — учеников и духовных друзей великого чудотворца Сергия — и распространение веры Христовой в отдаленных окраинах Русской земли, мы отклонились от дел общего управления в Русской Церкви. Теперь мы возвратимся к продолжению “церковной смуты,” возникшей по кончине святого митрополита Алексия.

Мы видели, что Митяй-Михаил умер на пути в Царьград; Пимен, посвященный на основании подложных грамот, не был принят в Москве и заточен в Чухлому; святитель Киприан, призванный на кафедру великим князем Димитрием, изгнан им же по недовольству сразу после нашествия Тохтамышша; и, наконец, святитель Дионисий, получивший утверждение на митрополию от Цареградского Патриарха, задержан в Киеве и скончался в заточении [1]. Около того же времени в Константинополе умер Пимен, вызванный на суд к Патриарху, а в Москве скончался великий князь Димитрий Иоаннович Донской. Преемник его поспешил призвать на Московскую кафедру святителя Киприана.

Так окончилась “церковная смута,” продолжавшаяся почти 13 лет (с 1376 до 1389 года). Святитель Киприан на пути в Русскую землю, где предоставлялась ему власть первосвятительская, как в Московских, так и в Литовских странах [2], посетил свое отечество Сербию, опустошенную турками, которые в битве Коссовской положили конец некогда сильной и знаменитой державе Сербской.

Много важных дел ожидало иерарха, возвращавшегося в знакомую ему Русь. Папизм, проникавший с запада, грозил подавить Православие и распространить влияние римских бискупов на православные епархии юга. Новгород попытался своевольно отделиться от суда митрополичьего [3]. В Твери проблема вражды между князем и епископом требовала соборного рассмотрения [4]. Но, с другой стороны, было немало и таких явлений, которые могли порадовать благочестивого пастыря: в стране Пермской воссиял свет Евангелия, а подвигами духовных птенцов из гнезда Сергиева распространялись на севере России обители иноческие.

В марте 1390 года блаженный Киприан прибыл в Москву. Сам великий князь с матерью, блаженною великою княгинею Евдокиею, встретил его за городом. Блаженный святитель прежде всего занялся делами митрополии, которые находились в крайнем беспорядке.

Между тем юный великий князь вступил в брак с княжною Софиею, дочерью Витовта [5]. Василий надеялся приобрести в тесте сильного сподвижника против Ягайла и посредника в деле мира с Литвою. Спустя несколько месяцев после свадьбы Василий отправился к хану Тохтамышу, который принял его с особенною ласкою не как данника, а как друга и союзника, утвердил великое княжение наследственным в роде владетелей Московских, отдал Василию всю область Суздальскую, Нижегородскую, Мещеру и несколько мелких уделов [6].

Такая благосклонность дикого властителя, еще недавно разорившего Москву, объясняется обстоятельствами времени: Тохтамыш начал гибельную для себя войну с грозным Тамерланом и боялся, чтобы князья русские не пристали к этому страшному завоевателю, который шел против него от моря Аральского к берегам Волги и Яика (Урала).

Вскоре последовали важные события в татарской Орде и навели ужас на всю Русскую землю. Тамерлан, разбив Тохтамыша, устремился вслед за ним к северу, перешел Волгу и степи, взял Елец и стал на берегу Дона с 400 000 монголов. Ожидали такого же всеобщего разрушения, какое было при нашествии Батыя. В это страшное время великий князь явил себя достойным сыном Дмитрия Донского: он не пал духом, велел немедленно собирать войску и сам принял начальство. Многие из воевод Дмитрия уже лежали в земле; другие, послужив отцу, хотели служить и сыну; поседлые в бранях старцы-витязи сели на коней и явились перед полками в доспехах, обогранных кровью татарскою на Куликовом поле. Войско шло охотно и бодро тем же путем, которым шел Донской против Мамай. Поручив Москву храброму дяде своему Владимиру Андреевичу, великий князь стал с ратью за Коломною на берегу реки Оки, готовый встретить неприятеля.

Между тем в Москве все церкви были отворены с утра до глубокой ночи; весь народ молился с горькими слезами. Тогда блаженный Киприан отправил по желанию великого князя духовенство во Владимир за чудотворною иконою Богоматери, которая была принесена из Вышгорода Андреем Боголюбским и, находясь с того времени в соборном Владимирском храме, носила название Владимирской. Умилительно было шествие святой иконы из прежней в новую столицу. Жители Владимира провожали святыню с горестию; москвитяне приняли ее с восторгом, как залог мира и благоденствия. Когда священное шествие приблизилось к Москве, митрополит с духовенством и со всеми жителями столицы вышел за город на Кучково поле для сретения грядущей Заступницы рода христианского. Все пали ниц перед иконою; не было ни одного человека, который бы не плакал и не молился из глубины души. Все зывали единодушно: “Матерь Божия! Спаси землю Русскую!” И молитва сокрушенных сердец была услышана. В тот самый день, когда Москва сретила икону Богоматери, Тамерлан оставил берега Дона и пошел назад в свои степи. Не одна Москва — вся Русь спаслась защитою Царицы Небесной. “Не наши воеводы прогнали врага, — говорили современники, — не наши рати устрашили его; у него были войска неисчислимы. Сила невидимая послала на него страх, и он бежал, Богом гонимый.” Великий князь по совету с митрополитом положил построить на месте сретения чудотворной иконы монастырь, сохраняющий и доныне имя Сретенского, и установил праздновать 26 августа день избавления Русской земли от ужаснейшего из всех завоевателей [7].

Нужды юго-запада, где Православие подвергалось угнетениям латинства, часто требовали присутствия первосвятителя. Блаженный Киприан неоднократно предпринимал путешествия в Смоленск, Киев, Луцк и другие юго-западные епархии. Он имел свидание с Витовтом, который на съезде князей в Смоленске дал слово святителю не теснить православною веры. Сам фанатик Ягайло принял Киприана с уважением.

Устраивая дела Церкви в странах, подвластных государям иноверным, блаженный Киприан в то же время заботился об ограждении прав Церкви от гражданской власти. В несчастное время тяжкого порабощения первосвятители Русские получали ярлыки от ханов. Теперь, когда великий князь один только имел сношение с Ордою и все внутренние дела начали зависеть исключительно от его власти, митрополиту надлежало иметь подтверждение прав своих от государя Московского. В 1402 году великий князь Василий Дмитриевич дал митрополиту Киприану грамоту, подтверждающую уставы Владимира и Ярослава о судах церковных и права владения именьями, принадлежащими митрополичьей кафедре [8].

После тяжких трудов и тревог жизни блаженный Киприан обрел уединение в любимом своем селе Голенищеве близ Москвы, окруженном тенистыми рощами. Там он занимался учеными трудами, “перелагая многие святые книги с греческого языка на русский” [9], написал многие жития святых [10] и духовное завещание, наполненное благочестивыми мыслями. Приведем из него небольшой отрывок.

“Род людей земнородных! Оплачем общую нашу долю. Как унизилось высокое создание Божие, образ и подобие Творца! Лежит без дыхания, полно червей нечистых, испускает смрад гнусный. Как пропала мудрость, замолкло слово, распалось двойственное естество!.. Земля — состав наш, земля — покров, хотя земля же и восстанет. Нагим младенцем вышел я для плача, нагим и отхожу. К чему же труды? К чему заботы, когда знаем такой конец свой? Выходим из тьмы в свет и отходим из света в тьму. С плачем выходим из чрева матерного в этот мир, с плачем и отходим из мира печального во гроб. И начало и конец — слезы. Что же в середине? Сон, мечты, тени — таковы блага жизни! Жизнь исчезает, как цвет, как прах, как тень.”

Еще в начале своего святительского служения блаженный Киприан написал житие святого митрополита Петра и тем напомнил жителям столицы, что возвышение ее началось с того времени, когда святой Петр перенес в Москву свою кафедру; напомнил и о том, в каких близких отношениях находились тогда святитель и князь, взаимно содействуя друг другу. Он сам испытал чудную помощь от молитвы святому Петру, когда жил в Царьграде после первого изгнания по проискам Митяя. “Мне нельзя было выйти из Царьграда, — пишет святитель Киприан, — морем владели латиняне (генуэзцы), а на суше — безбожные турки. Тут напала на меня тяжкая болезнь. Я обратился за помощью к святому Петру-чудотворцу и молился ему так: “Угодник Божий! Ты имеешь дерзновение к Богу; если угодно тебе, чтобы я, раб твой, достиг до твоего престола и поклонился чудотворному гробу твоему, подай мне облегчение в болезни.” И, верьте мне, в тот же час тяжкий недуг мой прекратился, и через несколько дней я оставил Царьград. Угодник Божий помог мне совершить путь и поклониться честному гробу его, а великий князь Московский принял меня с честью” [11].

В посланиях блаженного Киприана к игуменам встречается много благочестивых советов и размышлений. “Горе нам, — пишет святитель к Афанасию, — что мы оставили путь правый. Все хотим повелевать, быть учителями, не быв учениками. Новоначальные хотят властвовать над многолетними и высокоумствуют. Особенно скорблю и плачу о лжи, господствующей между людьми. Ни Бога не боясь, ни людей не стыдясь, сплетаем мы ложь на ближнего, увлекаемые завистью. Лютый недуг — зависть!: много убийств совершено в мире, много стран опустошено ею... Самого Господа распяли жида по зависти... Приобретем братолюбие и сострадание. Нет иного пути ко спасению, кроме любви, хотя бы кто и измождал тело свое подвигами, — так говорит великий учитель Павел. Кто достиг любви, достиг Бога и в Нем почивает” [12].

Кроме того, святитель Киприан, по известиям летописцев, положил начало Степенной книге [13], описывал деяния русских Соборов [14], начал летопись, которую не успел закончить [15].

Возвратясь из поездки в западные епархии, святитель Киприан, отягченный старостию и болезнями, удалился в уединенную келью свою в селе Голенищеве. Здесь он и преставился 16 сентября 1406 года [16].

При последнем посещении Смоленска блаженным Киприаном этот древний город, захваченный Витовтом, принадлежал уже к Литовской Руси. Последний владетель Смоленский князь Юрий Святославович искал убежища в вольном Новгороде и получил звание наместника в Торжке, но там запятнал себя гнусным злодейством. Друг его, разделявший

с ним изгнание, князь Симеон Вяземский имел прекрасную, добродетельную супругу по имени Иулиания. Жестокий и сластолюбивый Юрий воспылал вожделением и хотел осквернить ложе Симеона; он не преуспел в том ни соблазном, ни угрозами и решился на явное злодеяние: в своем доме, среди веселого пира, он убил князя Симеона, надеясь безнаказанно насытить похоть свою насилем. Но целомудренная Иулиания, любя непорочность более всего в мире, схватила нож и ранила насильника в плечо. Тогда любострастие уступило место ярости. Юрий, обнажив меч, погнался за мужественной княгиней, изрубил ее и велел бросить тело ее в реку Тверцу [17]. Это было 21 декабря 1406 года.

Другой поучительный пример целомудрия и искреннего благочестия представляла собою мать великого князя святая великая княгиня Евдокия Димитриевна. В супружестве она была женою нежною, кроткою, набожною и вместе с мужем своим заботилась о спасении души, не предаваясь стремлениям чувственности. Благочестивое расположение молодых супругов поддерживали великие угодники Божии: святитель Алексий был отцом и хранителем юной четы, святой Феодор, игумен Симоновский, был духовником их, а великий чудотворец Сергей принимал детей их от святой купели. Благоверная княгиня поддерживала супруга своего в борьбе со скорбями и в ратных подвигах неусыпную молитвою и щедрою милостынею бедным. В память Мамаева побоища она построила в Московском Кремле на дворе княжеском каменный храм Рождества Богородицы [18], а лишившись супруга, основала рядом с Чудовым монастырем женскую обитель Вознесения Господня. Из духовного завещания Донского видно, что он высоко уважал подругу своей жизни [19].

Блаженная Евдокия была матерью для всех бедных, благотворила обителям иночским, в том числе преподобному Кириллу Белозерскому в северной дикой пустыне, и вела жизнь подвижническую. Но, скрывая от людей свои подвиги, известные единому Богу, она являлась везде пышною княгиней, с веселым лицом, носила богатые одежды, украшалась жемчугом и драгоценными камнями. Такая жизнь вдовы-княгини служила поводом к клевете. Она слышала о людских толках и радовалась, что подвергается бесславию. Но когда худая молва дошла до сыновей ее, которые не могли скрыть беспокойства от матери, княгиня-подвижница призвала детей в свою молельню, сняла часть своей одежды; сыновья испугались, увидя худобу ее тела, изнуренного постом и отягченного веригами. Она попросила детей не открывать другим того, что они видели, и не обращать внимания на людские толки.

Приближение кончины было извещено ей явлением ангела. После видения она онемела и знаками требовала, чтобы подали ей икону. Когда подали ей образ Архангела Михаила, она обрадовалась и сказала: “Он точно в таком виде явился мне.”

Наконец, пришло время княгине заключиться в обитель, к которой давно стремилась душа ее. Идучи туда, она встретила на дороге нищего-слепца, который закричал ей: “Боголюбивая княгиня, кормилица нищих! Ты обещала мне во сне даровать зрение; исполни же слово твое.” Как будто нечаянно, не обращая внимания на слепого, княгиня опустила ему длинный рукав своей рубашки; слепец ощутил его в руке, отер им глаза и прозрел. Приняв иночество в своей Вознесенской обители с именем Евфросинии, она удвоила свои молитвенные подвиги, заложила там каменный храм [20] и основала Горицкий монастырь в Переяславле-Залесском [21]. Но скоро Господь призвал в Небесные обители кроткую и боголюбивую душу праведницы: достойная супруга Донского преставилась 7 июля 1407 года [22].

Таким образом Москва, лишившись общего отца-первосвятителя, чрез несколько месяцев проводила на вечный покой и вдовствующую княгиню, которую все бедные и страждущие привыкли называть матерью. Но столице великокняжеской и другим городам русским предстояло новое горе — внезапное нашествие татар. Великий князь Василий успел

усилить великое княжение без всякого кровопролития, обогатил казну свою доходами и не делился ими с ордою, имея возможность считать себя независимым. Он не принял участия в войне Тохтамышша с Витовтом, видел, что монголы, некогда страшные силою, теперь начали уже хитрить, стараясь поссорить государей, которые были для них опасны, и не послушался татарского князя Эдигея, который требовал его содействия в походе против Литвы. Эдигей разорил окрестности Москвы и несколько недель держал в осаде самую столицу.

Спустя три года по кончине святого Киприана прибыл в Москву новый митрополит Фотий, избранный и назначенный Патриархом для всей Русской земли, уроженец города Моневашии в Морее. С юности он воспитывался в пустыне, пользуясь наставлениями благочестивого старца Акакия, и не желал ничего, кроме безмолвия, а потому неохотно отправился в страну отдаленную, иноязычную и холодную [23].

Посетив Киев, он прибыл в Москву и был поражен еще свежими следами нашествия Эдигея [24]: все города русские от Рязани до Ростова и от Нижнего Новгорода до Твери и Серпухова были опустошены; Кремль Московский уцелел, но все посады Москвы сгорели [25]. Затем он посетил древний кафедральный город своей митрополии Владимир и поручил прибывшему с ним греку, священнику Патрикию, охранять Златоверхий Успенский собор, известный своим богатством. Но едва успел митрополит выехать из Владимира на север, как этот город был опустошен ордынским царевичем Талычой с толпами татар. Грабители ворвались в соборный храм, оборвали святые иконы, но тщетно принуждали Патрикия выдать сокрытые им сокровища — сосуды и казну. Его жгли, сдирали с него кожу, влачили по городу, привязав к лошадиному хвосту, и замучили до смерти, но не могли принудить к измене. Так пострадал доблестный служитель алтаря, нашедший на чужой земле венец мученический [26]. Талыча посылал татар захватить самого святителя; но Фотий удалился с Пахомием в глухие леса на озеро Синег (ныне в Покровском уезде). Тихая, безмятежная дубрава напоминала собою пустыню старца Акакия. Здесь святитель Фотий построил малый деревянный храм Рождества Богородицы и с сокрушением сердца повторял: “Думал ли я расстаться с любезною пустынею, молчанием и плачем о грехах моих? И вместо прежнего покоя сколько предстоит тревог, волнений и трудов тяжких!” Святитель пробыл в уединении около месяца, потом должен был возвратиться в Москву по требованию великого князя и здесь узнал о помолвке дочери Московского государя и родной внучки Витовта с сыном византийского императора Иоанном Палеологом. Блаженный Фотий с радостью благословил этот брачный союз [27].

Много трудов предстояло святителю на его кафедре. Как свидетель страшных явлений гнева Божия (мора, голода и нашествия иноплеменников), он обращался к духовенству и народу с духовными увещаниями. В окружном послании к духовенству [28] он в особенности указывает на два великих дарования, данных священству благодатию Христовою: на право вязать и разрешать грехи и на право совершать великое Таинство Евхаристии. Сообразно с высоким достоинством духовного сана святитель требовал, чтобы священники жили чисто и безукоризненно, чтобы они были светом мира и солию земли. Внушая духовенству бдительность о словесном их стаде и благоговение к священнодействию, блаженный Фотий пишет: “В благолепии держите церковь, как земное Небо, и в особенности святой алтарь, и с благоговением входите в него: ибо там не земного царя жилище, но гроб и ложе, и место селения Царя Царствующих, окружаемого Небесными Силами. Приготовляясь к священнодействию Христовых Тайн, ночь проводите в молитве и предстоянии пред Богом и только разве по преизнеможению вкушайте мало сна до утрени; после утрени же никак не предавайтесь сну, а после священнослужения храните святую чистоту жизни.” Святитель запрещал духовенству заниматься торговлею и отда-

вать деньги в рост. Для предупреждения соблазнов он предписывал вдовым священникам и диаконам вступить в монастырь, а при мирских церквях не священнодействовать [29].

В отношении народа блаженный Фотий обращал внимание на беспорядки в жизни мирян: он предписывал строго исполнять правила церковные при совершении браков, удерживаться от сквернословия [30], соблюдать посты, заботиться об очищении совести чрез покаяние пред отцом духовным, чуждаться ворожбы и колдовства. Особенно возмущался дух ревностного первосвятителя судебными поединками, хотя они допускались законами того времени. Убившего на поединке он считает душегубцем и потому налагает на него 18-летнюю епитимию, а убитому отказывает в христианском погребении [31].

Так заботился блаженный Фотий об исправлении своей паствы; но обстоятельства часто отвлекали его от занятий духовных к устройству хозяйственных дел митрополии. Хотя при митрополите Киприане были определены права и преимущества церковных имений, но не все беспорядки были устранены. А после опустошений Тохтамыша и Эдигея, когда кафедра митрополии несколько лет оставалась праздною, земли церковные были захвачены князьями, боярами и даже епископами; некоторыми доходами митрополии пользовалась казна великокняжеская. Это ввело митрополита в споры с людьми сильными, подвергло его клеветам и злоречию; но усиленная и продолжительная настойчивость помогла ему восстановить владения своей кафедры в прежней их целостности. Заботы о делах земных блаженный Фотий облегчал духовными беседами с подвижниками благочестия, чадами великого Сергия Радонежского. Между близкими к первосвятителю иноками были юный монах Иона [32], который приготавливался подвижническою жизнью в преемники Фотию, и преподобный Савва Тверской, отличавшийся, кроме строгости жизни, мудрым рассуждением, так что Фотий часто призывал его для совета в затруднительных случаях [33].

Мирные занятия иноческие, сродные душе блаженного Фотия, может быть, отвлекали его от церковных дел юго-западного края. Множество дел и забот удерживало первосвятителя в Москве, а между тем церковными делами Литовских епархий заведовал наместник митрополичий, живший в Киеве, хотя состояние Церкви Православной при государях иноверных могло требовать более близкого и непосредственного надзора самого митрополита [34].

Для митрополии Русской готовилось новое бедствие — разделение. Оно истекало из давнего желания великих князей Литовских образовать у себя самостоятельное церковное управление, независимое от Москвы. Витовт созвал к себе подручных ему русских князей и объявил, что нужно отнять у Фотия управление юго-западными епархиями и иметь особого митрополита. По общему решению [35] отправили посольство в Царьград, чтоб испросить согласие императора [36] и Патриарха на разделение Русской митрополии. Но ни тот, ни другой не нашли нужным исполнить желание Витовта, и Григорий Симвлак, которого желали видеть митрополитом, возвратился без успеха.

Тогда Витовт в 1414 году созвал епископов и архимандритов своей области на Соборе в Новгороде-Литовском, изложил им свои намерения, обвиняя императора и Патриарха в корыстолюбивых целях, а Фотия — в небрежении о Церкви и обременении южных епархий пошлинами, которые отсылаются в Москву. Как видно из летописи, некоторые епископы и тогда не соглашались посвятить Григория без патриаршей воли [37]. Витовт настоял, и Григорий был посвящен в Новгороде 15 ноября 1415 года. В оправдание свое Собор епископов [38] издал грамоту, в которой изобразил все невыгоды, какие терпела кафедра Киевская от пребывания митрополитов в Москве, жаловался на незаконное вмешательство греческого императора в дела Русской Церкви, ссылаясь на правила апостольские, на поставление митрополитов Илариона и Климента в Киеве [39] и на примеры Болгарии и Сербии, где епископы сами издавна избирают и поставляют себе первосвятителя.

Чтобы устранить от себя обвинение в измене Православию, епископы пишут: “Мы храним правила святых отцов, клянем ереси, чтим Патриарха Константинопольского и других и имеем с ними одну веру, но отвергаем беззаконную в церковных делах власть, присвоенную царями греческими.”

Витовт, со своей стороны, издал грамоту, в которой высказал резкие жалобы на императора, Патриарха и Фотия, уверяя, что он действовал единственно для чести и пользы Русской Церкви [40].

Блаженный Фотий желал предупредить бедствие личным объяснением с великим князем Литовским, но по дороге в Литву был ограблен на границе и принужден возвратиться в Москву. Узнав о посвящении Григория, святитель не замедлил ответить на грамоту епископов Литовско-Русских. Он не опровергал обвинений, возводимых лично на него (замечательная черта смирения пастырского), не обвинял Витовта, но всю вину сложил на Григория и на епископов, посвятивших его, осудил своевольное нарушение церковных правил и внушал всем верным, чтобы прекратили всякое общение с нарушителями древнего порядка церковного, изменившими своему клятвенному обещанию. Епископам Литовским блаженный Фотий напоминает, что каждый из них при своем поставлении давал пред алтарем Господним обещание не принимать иного митрополита, кроме присланного из Царьграда, и церковными правилами доказывает, что приемлющие власть не от законного чиноначалия церковного и самовольно поставляющие себе пастыря сами себя подвергают извержению из сана [41]. Это определение первосвятителя и все дело о Григории было рассмотрено Собором великорусских епископов, созванных в Москву в марте 1416 года по случаю посвящения Новгородского владыки. Святители произнесли соборное осуждение на незаконно поставленного митрополита Киевского [42]. Замечательно, что в это смутное время, когда оспаривались права митрополии Московской на Киев, в особенном изобилии открылись знамения от мощей почившего в Москве первосвятителя всея Руси святителя Петра. Первый из митрополитов Киевских, перенесший свою кафедру в городок святого князя Даниила, свидетельствовал чудесами о неизменности своего благоволения к Москве и утешал своего преемника, незаконно отвергаемого самовольными [43].

Впрочем, на этот раз разделение Русской митрополии не было окончательным. По смерти или удалении митрополита Григория [44] Витовт согласился, чтобы Фотий снова принял в свое заведование епархии юго-запада [45], а блаженный святитель поспешил посетить города, возвращенные в его паству [46].

Но несмотря на радость, доставленную старцу митрополиту прекращением разрыва между двумя половинами Русской Церкви, последующие годы были скорбны для попечительного пастыря. Три года сряду был неурожай, и во многих местах появился голод. Моровая язва свирепствовала в разных краях Русской земли и особенно во Пскове. Святитель рассылал послания и поучения, призывая к покаянию нераскаянных и утешая унылых. Впрочем, сам Господь посылал утешение верному рабу Своему [47].

В 1425 году открылся новый источник тяжких забот для блаженного Фотия: в Москве скончался великий князь Василий Дмитриевич [48], оставив по себе малолетнего сына Василия. Трудно было надеяться, чтобы братья умершего великого князя добровольно согласились подчиниться младенцу-племяннику. И действительно, старший из них, Юрий Дмитриевич, не согласился на завещание умершего брата, не поехал в Москву, куда звали его от имени племянника, и начал собирать полки в своем обширном княжестве. Влекомый желанием мира, маститый первосвятитель сам отправлялся в северный Галич и убеждал Юрия прекратить притязания на великокняжеский престол и заключить вечный мир с племянником; Юрий не согласился. Тогда святитель расстался с ним, не дав благослове-

ния ни князю, ни народу. Немедленно губительная болезнь начала свирепствовать в Галиче, где прежде ее не было. Народ пришел в ужас, а князь догнал блаженного Фотия, умолил его воротиться в город и согласился на мир, но с условием, чтобы спор о престоле предоставлен был решению хана [49]. Так первосвященник успел остановить, хотя бы на время, кровавые междоусобия!

Исполнилось 20 лет архипастырского служения блаженного Фотия в Москве. Рано утром в четверг Пасхальной недели (20 апреля 1430 года) святитель увидел пред собою светоносного мужа с венцом на голове и с посохом в руке. В трепете Фотий спросил: “Кто ты и как явился сюда, когда двери заперты?” “Я не из числа людей, — отвечал посетитель, — но ангел Божий, послан к тебе от Господа Вседержителя. Господь повелел сказать тебе слово для утверждения твоего. Внимай себе и стаду твоему. Христос Бог дает тебе время на рассмотрение жизни твоей и на распоряжение о пастве.” Услышав эти слова, святитель в трепете пал к ногам посланника Божия, но тот стал невидим. После того блаженный Фотий успокоился, предоставил себя воле Божией и продолжал свое пастырское служение. Он еще раз предпринял путешествие в западную Русь, был вместе с юным великим князем Василием в Вильне у Витовта, который хотел короноваться королем Литовским, но тщетно ждал венца из Рима. Отпущенный с ласкою, митрополит в Новгороде узнал о кончине престарелого Витовта [50] и там же увиделся с преемником его Свидригайлом.

Исполнился срок, данный блаженному Фотию для приготовления к вечности: он мирно почил 1 июля 1431 года [51], оставив своим преемникам Церковь Русскую умирною и воссоединившеюся под властью одного иерарха. Пред смертью он написал, подобно предшественнику своему Киприану, завещательную грамоту, в которой, сказав о своей прежней спокойной жизни в Греции и внезапном избрании на престол Русской митрополии, потом о своих многоразличных скорбях в России по случаю постигавших ее бедствий и особенно по случаю церковного мятежа, испрашивает себе прощения у всех и сам преподает прощение всем, благодарит тех, кто содействовал воссоединению Церкви, умоляет соблюдать неприкосновенными все церковные имущества, приобретенные им в России и Литве, поручает молиться о душе своей и преподает всем последнее благословение [52].

После святителя Фотия сохранилось много посланий и поучений. В одном из них он обращает внимание пастырей на важность служения, к которому они призваны.

“Как небо отстоит от земли, — говорил он, — так наш сан выше всякого мирского, так Христово священнодействуемое таинство выше всего в мире. Христос сам священнодействовал, дав нам тело Свое и кровь Свою в пищу и питье, и завещал чрез апостолов творить то же самое. Превыше всего рука священническая: она касается Божественного угля. Приняв человека смрадного и мертвого, силою благодати Христос сотворил его яко Бога, поручил нам дело, которое принадлежит единому Богу, — прощать грехи человеческие [53].

В послании к литовцам святитель Фотий, упомянув о совершившемся воссоединении Русской митрополии, говорит, что он с теплою любовью духовною пришел к их любви, чтобы сеять между ними семя слова Божия; объясняет притчу “о человеке-царе, состязавшемся с рабами своими,” прилагает ее к тем страшным казням Божиим, которые тогда поражали Литву и всю Россию; убеждает всех покаяться и исправиться, угрожая гневом Божиим, и, в частности, дает наставления князьям, вельможам и богатым. “Вы, благородные князья и вельможи, — говорит он, — которым поручен народ христианский, молю вас, не престанно оказывайте всякое благодеяние и заступничество и помощь Христовым людям, по природе родственной вам и присной братии, от которых и вы сами произошли. И за них Христос пролил кровь свою, и вас поставил над ними владельцами. Посему умоляю вас, чада мои, призирай и блюсти их в соблюдении заповедей Христовых и во всем со-

держатъ нелицемерный судъ Божией правды. Такъ, чада мои, немилостивымъ владельцамъ предлежитъ тяжкій судъ, державныхъ и сильнейшихъ ожидаетъ грозное испытание отъ праведнаго Судии. Ибо, какъ правосудие, такъ и правомерие любитъ Богъ, будучи праведенъ и промысля о праведныхъ. Въ постановленияхъ касательно торжищъ не делайте ничего вопреки правды Божией и узаконеннаго вамъ, не обижайте и не корыстуйтесь излишнимъ несправедливо насчетъ братии вашей. Ибо неправильно собранное во зле погибнетъ и приобретаетъ вамъ вечную душевную тщету; а сеющие съ благословениемъ съ благословениемъ и пожнутъ и въ тишинѣ съедятъ трудъ плодовъ своихъ. И такъ молю васъ, будьте довольны оброками вашими... Богатые! Стяжите милосердіе и человеколюбіе и оказывайте нищимъ щедрое подаііе... Самъ Богъ убожаетъ и богатитъ, смиряетъ и возноситъ, возводитъ отъ земли убогаго и воздвигаетъ отъ гноища нищаго” [54].

Особенно назидательны посланія блаженнаго святителя во Псковъ по случаю моровой язвы. “Изначала, — пишетъ митрополитъ, — Творецъ нашъ Христосъ Владыка наказываетъ насъ, свое достояніе, многоразличными наказаніями и болезнями къ нашему исправленію, требуя обращенія нашего, а не погибели. Посему, многократно всячески претитъ намъ, щадя корень, да сохранитъ плоды. Вотъ и на насъ, возлюбленные, последовало такое Божіе наказаніе, на Москву и на иные окрестныя грады и на Тверь и на другія страны. Мы за то только благодаримъ глубину судебъ Божіихъ и неизреченную пучину человеколюбія Господа, что Онъ не внезапно и не горько беретъ Свои созданія, а даетъ вполне приготовиться къ христіанской кончинѣ съ чистымъ покаяніемъ и исповѣданіемъ, съ елеосвященіемъ и причащеніемъ честнаго животворящаго Христова тела и божественныя и животворящаго Его крови; а многіе отходятъ къ Богу и въ подобіи великаго ангельскаго одеянія. И я имею надежду на человеколюбіе Божіе объ отходящихъ такимъ образомъ къ вечной жизни. Молюсь также человеколюбцу Богу и надеюсь, ожидая, что Онъ праведный гневъ Свой обратитъ въ прежнее милосердіе къ намъ, своему достоянію. Страшась же и трепеща постигшихъ насъ Владычныхъ наказаній, все мы, православные, вместе должны внимательно испытать себя и познать, за что мы такъ страдаемъ, и не уклонились ли съ праваго пути. А затѣмъ со слезами да потщимся снова вступить на правый путь, прибегнемъ къ Богу, чистосердечно исповѣдуясь Ему во всемъ, и отступимъ отъ всехъ нечистотъ и страстей” [55].

Святитель Фотій ревностно боролся съ ересью, или, лучше сказать, расколомъ стригольниковъ, возникшимъ во время “церковной смуты.” Это лжеученіе появилось въ Псковѣ. Расколоучители — Карп-стригольникъ и Никита-диаконъ [56] — нападали сначала на беспорядки духовенства, а потомъ стали отвергать самую іерархію Церкви, утверждая, что епископы и священники поставляются и ставятъ “на мздѣ” (т.е. за плату). Отвергая священство, они съ тѣмъ вместе отвергали и Таинства, совершаемые освященными лицами, отвергали и поминаеніе умершихъ, толкуя его, какъ источникъ доходовъ для духовенства: они сами поставляли себѣ учителей по выбору народа и безъ всякаго посвященія. Церковное отлученіе, произнесенное владыкою Новгородскимъ стригольникамъ, снятіе діаконалскаго сана съ расколоучителя Никиты и самая смерть Карпа и Никиты, убитыхъ народомъ въ 1376 году [57], не прекратили лжеученія. Къ несчастію, самыя обстоятельства благопріятствовали беспорядкамъ: Псковъ, враждуя съ Новгородомъ, тяготился властію владыкъ Новгородскихъ, которые, со своей стороны, также тяготились зависимостію отъ митрополитовъ, пребывающихъ въ Москвѣ; Русская Церковь, раздираемая “церковною смутною,” или вовсе оставалась безъ іерарха, или управлялась часто сменяемыми митрополитами. Наконецъ, дело о лжеученіи дошло до Царьграда. Патриархъ Нилъ поручилъ святому Дионисію, архіепископу Суздальскому, бывшему въ Царьградѣ въ 1387 году, посетить лично новгородскую паству и употребить ревностное попеченіе объ истребленіи пагубнаго ученія стригольниковъ. Патриархъ прислалъ съ нимъ две увещательныя грамоты, въ которыхъ объяс-

нял заблуждающимся необходимость священноначалия, несправедливость пренебрежения к священству вообще на основании недостойных примеров некоторых духовных лиц и, наконец, пояснил различие между мздою за посвящение и вознаграждением необходимых расходов [58]. По свидетельству одной летописи [59], святой Дионисий совершенно прекратил мятежи и соблазны в Новгороде и Пскове; но они прекратились, как видно из последующих событий, только внешне и на некоторое время, потому что действия стригольников продолжались еще долго. После обличительной грамоты, присланной в Новгород Патриархом Антонием (преемником Нила [60]), митрополит Фотий в 1416 году написал послание псковитянам. Он выражал свою глубокую скорбь о пагубной ереси; ободрял православных мыслию, что сколько ни было еретиков и раскольников, как не нападали они на Церковь Божию, но сами все погибли, а Церковь оставалась непоколебимою и сияет, как солнце. Приводил целый ряд правил, строго запрещающих производить раскол в Церкви и отделяться от епископа или священника, каковы бы они ни были, пока тот и другой по законному суду не будут лишены своего сана. Наконец, убеждал православных псковичей, чтобы они и сами поучались Божественным заповедям, а стригольников старались вразумлять и наставлять на путь истины. “Если же они не обратятся к истинному пути и останутся бесчувственными, — присовокуплял митрополит, — то отжените их от своей православной веры, да не будут они среди вас, как плевелы среди пшеницы.” Прошло уже более десяти лет, и тот же первосвятитель вновь писал псковитянам, как прискорбно ему, что между ними доселе остаются еретики, отвергающие священство и иночество. “Благословляю вас, детей моих, — говорил он, — не сообщайтесь с ними ни в пище, ни в питии, да не осквернитесь, пока не покаются. А я по Божественным Правилам сотворю суд на таковых и осуждение” [61].

Увещения митрополита не остались без действия. Псковитяне ревностно принялись за стригольников, стали отыскивать их и казнить. Некоторые из заблуждающихся обратились, другие упорствовали в заблуждении, а иные бежали. О всем этом псковитяне дали знать митрополиту. Фотий хвалил усердие их и советовал и вперед так поступать, но не одобрял того, что они наказывали еретиков смертной казнью. Тех, которые не обратились, велел, как и прежде, увещевать — если не послушают, не принимать в общение с собой, даже наказывать, но только умеренными наказаниями и заточением. Псковитяне переменили образ своих действий. Благомыслящее гражданское начальство по предварительном сношении с духовною властью положило, захватив всех державшихся мнений стригольников, заключить их на всю жизнь в темницу. Мера эта приведена была в исполнение и послужила к уничтожению лжеучения, о котором с того времени ничего уже не известно [62].

Пагубное учение стригольников, распространявшееся в продолжение 50 лет, было плодом своего времени, произведением той почвы, на которой появилось и развилось. Резкие примеры симонии, или святокупства, случавшиеся тогда в самом Царьграде при поставлении митрополитов Русских (напр., Романа и Пимена), очень естественно могли возбуждать многих против самих патриархов. В Новгороде ересеначальники могли указывать на поборы митрополитов при месячном суде, а в Пскове — на пошлины, собираемые в пользу Новгородских владык их наместниками. Укоры пастырям Церкви и инокам за соблазнительную и нетрезвую жизнь подтверждались грамотами самих святителей Алексия и Фотия, обращенными к духовенству. Сверх того, при духе вольности, или, лучше сказать, необузданного своеволия, каким постоянно отличались новгородцы и псковитяне, они постоянно вмешивались в церковные дела, сами избирали и при первом неудовольствии сменяли владык своих. При таком порядке вещей здесь легче, нежели в другом ме-

сте, могло образоваться восстание против духовенства, открытое неповиновение и, наконец, отложение от самой Церкви [63].

Суммируя общий взгляд на события, которые мы описали выше: от нашествия татар до разделения Русской митрополии на две отдельные половины, — мы могли убедиться, что ни угнетения полудиких завоевателей, ни беспорядки гражданского быта при жалкой неурядице удельного правления, ни местные проявления лжеучений, ни самые церковные смуты не могли ослабить или поколебать твердой привязанности русского народа к Церкви Православной, основанной на краеугольном камне — Самом Господе и Спасителе нашем Иисусе Христе.

Ему единому, Царю веков, нетленному, невидимому, премудрому Богу [64], честь, слава и поклонение во веки веков. Аминь.

17. Святой Иона Рязанский.

Собор во Флоренции. Падение Константинополя.

По кончине святителя Фотия митрополичья кафедра в Москве оставалась несколько лет праздною: непрестанные распри между юным великим князем Василием и дядею его Юрием Галицким не давали досуга позаботиться о замещении кафедры. Хотя в сан первосвятительский был избран и наречен Рязанский епископ Иона [1], но не спешили отправить его в Царьград для посвящения.

Родившись близ Солигалича, епископ Иона с двенадцатилетнего возраста был иноком в одном из Галичских монастырей, а после перешел в Московскую Симоновскую обитель, которая славилась святостию жизни первых своих настоятелей. Юный инок еще застал здесь старцев, которые хорошо помнили и неизменно хранили их правила и учреждения. Между ними известны: Варфоломей, строитель (эконом) Симонова монастыря, Иоанн Златый и Игнатий-иконник. Собственная ревность Ионы к подвигам иноческим скоро сдружила его с этими благочестивыми старцами, а их наставления и пример воспитали в нем самом строгого подвижника. Подобно им, он неуклонно стоял за исполнение правил монастырских и, не выходя из границ послушания, с дерзновением напоминал новым настоятелям о правилах благочиния, переданных святыми их предшественниками. А сам подвизался в непрерывных трудах: пощении, молитве и чтении слова Божия, проходя разные иноческие послушания [2]. В этих подвигах дух его возрастал и совершенствовался столь быстро, что прозорливому оку и в простом послушнике можно было провидеть будущего великого пастыря Церкви Русской.

Строгая жизнь и твердое знание правил церковных доставили блаженному Ионе такое всеобщее уважение, что он посвящен был в сан епископа Рязанского, а когда скончался митрополит Фотий, назначен управляющим делами митрополии.

Между тем кровавые междоусобия между дядею и племянником продолжались несколько лет и сопровождалась страшными злодействами [3]. Счастье служило попеременно той или другой стороне: сначала Василий, разбитый дядею, должен был удалиться в Коломну; по смерти Юрия великий князь долго вел борьбу с сыновьями его, Василием Косым и Дмитрием Шемякой; только младший из Юрьевичей, Димитрий Красный, не принимал участия в междоусобии [4]. Наконец, Василий Васильевич, по-видимому, утвердился прочно на великом княжении.

Между тем Смоленский епископ Герасим отправился в Царьград, а осенью следующего года возвратился оттуда уже в сане митрополита [5]. Он остановился в Смоленске и

не пошел в Москву, где продолжались княжеские междоусобия. Впрочем, он управлял западными епархиями не более двух лет [6].

После смерти Герасима великий князь Василий с согласия великого князя Литовского, всех русских князей, духовенства и народа, отправил нареченного митрополита Иону в Константинополь для поставления. Только и теперь не суждено было святителю Рязанскому сделаться первосвятителем всей Русской земли: еще до приезда его был избран на Русскую митрополию и посвящен в Царьграде Исидор, родом болгарин, а блаженному Ионе обещали, что он будет митрополитом после Исидора.

Избрание Исидора было в связи с делом, давно уже задуманным. Греческая империя находилась тогда в крайней опасности; она была заключена почти в одних стенах столицы; все ее области были уже во власти турецкого султана; войска были немногочисленны и большею частью наемные; финансы государства почти не существовали. Император Мануил Палеолог и сын его Иоанн очень ясно видели, что греки решительно не в силах защитить себя от турок; они думали, что единственное средство для спасения империи состоит в примирении с папою, чтобы через него получить помощь от западных христиан.

Переговоры об этом продолжались более 20 лет. В 1433 году отцы Базельского Собора, (который считал себя Вселенским и действовал в духе независимости от папы) приглашали греков к себе для рассуждения о примирении Церквей и уверяли, что от Собора вернее можно ожидать помощи, нежели от папы Евгения II, который находился тогда в самом ненадежном положении, между тем как на стороне Собора было несколько королей и сам немецкий император Сигизмунд. Но император Иоанн, возлагая всю свою надежду на папу (хотя и отправлял посольство для предварительных совещаний в Базель), согласился на то, чтобы Собор был открыт в Италии, и притом с тем условием, чтобы папа предоставил от себя содержание грекам, присутствовавшим на Соборе. Указ императора созывал в Константинополь всех православных епископов. Многие из них прибыли лично, но из Патриархов вселенских один только Иосиф Цареградский согласился ехать в Италию; Патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский отказались присутствовать на Соборе и назначили вместо себя местоблюстителей.

Исидор был давно известен императору: еще в сане игумена он был отправлен в числе посольства в Базель [7]. После посвящения в сан митрополита он получил поручение склонить русских к участию в предполагаемом Соборе. Прибыв в Москву, Исидор тотчас же начал возвещать, что в Италии готовится восьмой Вселенский Собор для примирения Церквей, в котором необходимо участвовать и представителю Русской Церкви. Он стал собираться к путешествию. Напрасно великий князь Василий Васильевич убеждал митрополита не ездить в латинскую землю и даже запрещал ему свою властью. Наконец, видя упорство Исидора, Василий сказал ему: “Если уже ты непременно желаешь идти на Собор, то принеси нам оттуда наше древнее Православие, которое мы приняли от предка нашего святого Владимира; а нового и чуждого не приноси нам, — мы того не примем.” Исидор дал клятву стоять за православие [8] и отправился в Италию, взяв с собою епископа Суздальского Авраамия и много других духовных и светских лиц, числом до ста.

Между тем император Иоанн с Патриархом Иосифом, 22 митрополитами и епископами и почти 700 другими лицами духовными и светскими отправились на папских галерах в Италию. Собор был открыт в Ферраре 9 апреля 1438 года под председательством папы Евгения, при котором было 11 кардиналов и до 150 латинских епископов. Несколько месяцев прошло в частных совещаниях о чистилище и о состоянии праведников по смерти. Папа, видя непреклонность греков к принятию латинского учения, начал действовать принудительно, прекратив выдачу назначенного им содержания. Наконец, 8 октября были открыты торжественные заседания Собора. Для ведения прений назначены были с обеих

сторон по шести лиц и в числе их были со стороны греков блаженный Марк, митрополит Ефесский, и Исидор, митрополит Русский. Предметом соборных рассуждений избран был вопрос: законно ли прибавление к Символу Веры “Filioque” (и от Сына), сделанное латинами? Этим вопросом занимались до 8 декабря в 15 соборных заседаниях. Спорившие тщетно истощали все свое знание и искусство: ни та, ни другая сторона не хотела уступить ни в чем; так и не пришли к никакому решению или соборному определению.

После того Собор был перенесен во Флоренцию. Здесь с 26 февраля возобновились торжественные заседания, посвященные рассмотрению латинского учения об исхождении Святого Духа от Отца и Сына. Все прения со стороны греков вел почти один Марк Ефесский, а со стороны латинян один провинциал ордена Доминиканцев Иоанн, славившийся своею диалектикою. Начали разбирать свидетельства отцов Церкви Греческой и в продолжение пяти заседаний рассмотрели только весьма немногие из них, вдаваясь в величайшие тонкости и словопрения, которые утомляли всех. Император, наскучив медленностию, поручил Марку Ефесскому изложить главные основания православного учения о спорном предмете. Это изложение и было зачитано на следующем заседании Собора. Но так как латиняне и после этого не хотели согласиться с греками и требовали продолжения соборных заседаний, то император, убедившись из опыта, что прения не приводят решительно ни к какому соглашению, запретил Марку являться на заседания. Греки слушали, что говорил провинциал Иоанн, и не возражали ему ни слова. Тогда раздраженный папа прислал объявить Патриарху, что, так как греки отказались от дальнейших состязаний, то они должны к наступающей Пасхе (5 апреля) или изъявить согласие на учение Римской Церкви, или отправляться в отечество. Этим окончились соборные действия во Флоренции, не приведшие ни к какому результату. Отселе начинается долгая и тяжкая борьба между совестью императора Иоанна и требованиями латинян, между видами на помощь колеблющейся империи и опасением подвергнуться общему укору и проклятиям за измену православию. Надежда на истинный христианский мир Церковью была потеряна. Надобно было купить его уступками и уступками тяжкими.

Чтобы принять на себя как можно меньше ответственности пред Церковью и народом, Палеолог старался приблизить к себе тех членов Собора, которые оказались наиболее преданными делу соединения: Виссариона Никейского, Исидора Русского и Григория духовника. С ними он советовался, чрез них старался направить умы прочих, грозил своим гневом тем, кто оставался верным Православию, не допускал их к участию в прениях и вместе с тем никому не позволял возвратиться в отечество. Папа, со своей стороны, старался воздействовать на греков, задерживая выдачу денег на содержание.

Когда в понедельник страстной недели возобновились частные совещания греков в кельях больного Патриарха Иосифа, митрополит Исидор первым подал голос: “Лучше душою и сердцем соединиться с латинами, нежели возвратиться, не кончив дела. Возвратиться, конечно, можно; но как возвратиться, куда и зачем?” С этим мнением открыто согласился Виссарион, другие же промолчали. Один Марк Ефесский оставался непреклонным.

После нескольких собраний сделана была первая уступка латинянам: греки признали, что “Дух Святой исходит от Отца чрез Сына.” После того Патриарх Иосиф внезапно скончался. Уступки продолжались: согласились, что Таинство Евхаристии равно действительно при совершении его на квасном хлебе или на опресноках; признали, хотя и неявно, учение о чистилище и, наконец, решились написать, что греки почитают папу верховным первосвященником, наместником Иисуса Христа, пастырем и учителем всех христиан, управляющим Церковью Божией, с сохранением прав и преимуществ четырех Восточных Патриархов, так что они занимают первые места непосредственно после папы.

Латиняне и греки спешили составить соборное определение о соединении Церквей (unio ecclesiarum). Под ним подписались сперва греки: кое-кто, как первые виновники дела, подписались с радостью, другие — увлекаемые подкупом или боязнью. Немногие же успели освободиться от подписи, скрывшись из Флоренции [9]. Одного только Марка Ефесского никто не тревожил, потому что все были убеждены в непоколебимой твердости сего великого мужа Православной Церкви. Когда соборное определение было принесено на подпись к папе и на вопрос его: “Подписался ли Ефесский”? — ему отвечали: — “нет”; то папа невольно воскликнул: “Так мы ничего не сделали!” Вместе с папою подписались кардиналы, епископы и аббаты.

Торжественное обнародование соединения совершилось в кафедральной церкви флорентийской. Кардинал Юлиан и митрополит Никейский Виссарион громогласно прочли с кафедры соборное определение: один на латинском, другой на греческом языках.

Так заключен был мир, но мира как такового — не было! Не было мира в духе примирившихся! Признали, что Таинство Евхаристии действительно, как на опресноках, так и на квасном хлебе. Но греки отказались от причащения за литургиею латинскою, а латиняне отказались даже присутствовать при литургии греческой. После того греки начали разъезжаться с Собора. Папа напутствовал императора одними благословениями и обещанием выслать флот и войско на помощь Царьграду, если согласятся на то европейские государи. Странники, с лишком два года не выдавшие отечества, прибыли в Константинополь 1 февраля 1440 года.

Как смотреть на это соединение Церквей, Восточной и Западной, будто бы совершившееся во Флоренции? Без всякого сомнения, это было соединением незаконным и недействительным, а только мнимым, призрачным. Рассматривая обстоятельства, предшествовавшие собору, с первого же взгляда можно видеть, что не искреннее, святое желание мира церковного, но посторонние своекорыстные цели побуждали императора и папу стараться о восстановлении древнего союза Церквей. На соборных прениях латиняне не могли опровергнуть несомненных доказательств, приводимых греками. По прекращении публичных собраний мало-помалу грекам пришлось пойти на вынужденные уступки, порождённые то стеснением в способах содержания, то подкупом, то льстивыми убеждениями, то милостями, то насилием. Наконец, разными неправдами с помощью немногих изменников Православия латиняне достигли призрака торжества над греками. Такой ли собор присвоит себе право именоваться восьмым Вселенским [10]? Если даже не принимать в соображение очевидной незаконности определений, вынесенных на этом соборе, то нельзя признать Флорентийский собор Вселенским уже и потому, что акт соединения церквей не подписан никем от имени Патриарха Константинопольского за смертью Иосифа, а равно и от имени Патриарха Антиохийского, потому что местоблюститель его Марк Ефесский остался непреклонным поборником православия. С точки зрения латинян собор также не был Вселенским; кроме папы с немногими кардиналами и епископами, на нем не присутствовали епископы французские и других стран Европы, которые упорно продолжали свой собор в Базеле и, наконец, осудили папу, как еретика, а созванный им собор признали незаконным.

Не можем умолчать об одном дивном событии, явно подтверждающем неправославность лжесобора Флорентийского: Суздальский священник Симеон, бывший с Исидором на соборе, не хотел покориться латинству, много пострадал за это и вместе с Тверским послом Фоною решился бежать в отечество. Не имея ни средств, ни защиты, ни знания путей, они пристали было к путешествующим купцам; но, приближаясь к одному грозно укрепленному городу, купцы отогнали их от себя, опасаясь потерпеть из-за них, как за людей неизвестных и сомнительных. На одной горе, утомясь и недоумевая о пути, Симеон и

Фома легли и задремали. Вдруг видит пресвитер старца, который, взяв его за правую руку, сказал: “Благословился ли ты от последовавшего стопам апостольским Марка, епископа Ефесского?” Он отвечал: “Да! Я видел сего чудного и крепкого мужа и благословился от него.” Тогда явившийся говорил далее: “Благословен от Бога человек сей, потому что никто из суетного латинского Собора не преклонил его ни именем, ни ласкательством, ни угрозами мук. Ты сие видел, не склонился на прелесть и за то пострадал. Проповедуй же заповеданное тебе от святого Марка учение, куда ни придешь, всем православным, которые содержат предание святых апостолов и святых отцов семи Соборов, и имеющий истинный разум да не уклоняется от сего. О путешествии же вашем не скорбите: я буду неотступно с вами и чрез сей непроходимый город проведу вас безопасно. Теперь, восстав, идите; прошед немного, увидите место, где две палаты, и подле них — жену, именем Евгению, которая примет вас в дом свой и успокоит; а потом вскоре и чрез город пройдете без задержания.” Пресвитер спросил старца, кто он, и явившийся отвечал: “Я Сергей Маковский (Радонежский), которого ты некогда призывал в молитве. Ты обещался прийти в обитель мою, но не пришел; и теперь обещания не исполнишь, но поневоле там будешь.” Пробудясь, пресвитер рассказал видение своему спутнику, и они пошли с радостью. Все получилось по предсказанию: Евгения пригласила их для успокоения; потом прошли они чрез город среди множества вооруженных людей, не будучи никем задержаны. Так Симеон возвратился в отечество, где сбылось над ним предсказание великого чудотворца [11].

Достиг ли папа своей цели, успел ли утвердить свою власть над греками? Нисколько. Лишь только бывшие на Соборе сошли с галер на родной берег и были встречены вопросом, чем кончился Собор, то многие из них с сокрушением отвечали: “Мы продали нашу веру, мы променяли Православие на ересь латинскую!” Как бы отдавая себя на суд своих соотечественников и отрекаясь от принятого соединения, они восклицали: “Да отсечется рука, подписавшая незаконное определение! Да исторгнется язык, изрекший согласие с латинянами!” Один из митрополитов, бывший местоблюстителем патриарха Александрийского, Антоний Ираклинский явившись на Собор архипастырей в Константинополе, торжественно исповедал: “Я не был согласен с одобрявшими соединение, как вы сами знаете, однако же подписался под определением, хотя недобровольно. И с той поры совесть меня мучит. Я отвергаю соединение и предаю себя суду Церкви, как виновного.” Такие известия произвели сильное смущение в православных жителях столицы. Все чуждались новопривывших. Духовенство, остававшееся в Царьграде, не хотело совершать богослужения даже с теми, которые раскаялись в своем согласии на унию. Патриархи Востока, собравшись во Иерусалиме, произнесли осуждение на всех, соединившихся с Западною Церковью. Не молчал и твердый адамант Православия блаженный Марк Ефесский, изнуренный летами и болезнями, но твердый духом: окружными посланиями ко всем православным христианам он заклинал всех удалиться от Флорентийского единения, как от дела богоненавистного. И голос великого поборника Православия имел неотразимую силу. Собор Флорентийский не только не привлек греков к папе, но еще сильнее возбудил в них ненависть к латинству.

Достиг ли император того, чего так пламенно желал достигнуть, принося чистоту своей веры в жертву земным выгодам? Нет. Бог не благословил предприятий, основанных на измене Православию. Император не получил из Рима обещанных пособий: никто из государей Европейских не отозвался на воззвание папы, кроме короля Венгерского и Польского Владислава, который ополчился против турок и погиб под Варною. Иоанн Палеолог, хотя находил нужным выглядеть ревнующим о соединении, для чего поставлял на Царьградский патриарший престол лиц, преданных унии, но до конца своей жизни не хотел

или не смел обнародовать определения Флорентийского собора и умер (в 1448 г.) православным, отречьшись от всякого союза с Римскою Церковью. А по смерти его новая попытка сближения с Римом для защиты от турок произвела сильное волнение между православными и только ускорила падение империи.

Каков был успех Исидора в Русской земле? Облеченный саном кардинала и званием легата от ребра Апостольского (a latere apostolico) для всех стран северных, он возвестил соединение Церквей в Будине, Кракове и Львове, совершая литургии в храмах латинских, провел зиму в Киеве, где получил грамоту на все митрополичьи отчины и доходы [12]. Весною 1441 года он прибыл в Москву, но там уже знали о действиях его в Италии. Пред ним несли крест латинский. Лжепастырь, надеясь на простоту и малообразованность своей паствы, поступил решительнее, нежели его собратия в Константинополе. На первой литургии уже возносимо было имя папы Евгения, а по окончании службы архидиакон с амвона прочитал определение Флорентийского собора. Все эти новости, неслыханные в Церкви Русской, сильно изумили и духовных и мирян. Никто не знал, что и думать о виденном и слышанном. Но великий князь Василий, одушевляясь ревностью к чистому учению Церкви, торжественно в храме стал обличать изменника Исидора, называл его лжепастырем, губителем душ, еретиком, наконец, велел низвести недостойного митрополита с престола и, посадив его под стражу в Чудове монастыре, созвал на Собор епископов [13] и знатнейшее духовенство для рассмотрения Флорентийской соборной грамоты. Когда сие определение признано было противным древнему православному учению и от спутника Исидорова Авраамия узнали весь ход дела на Соборе Флорентийском, тогда великий князь повелел склонить Исидора к раскаянию и исправлению. Но все было напрасно. Пробыв в заключении все лето, предатель Православия бежал сначала в Тверь, где также подвергся заключению, потом в Литву и, наконец, в Рим с печальною вестью о неудавшемся замысле.

Может быть, он надеялся добиться большего успеха в областях Русских, подлежащих литовскому и польскому иноверному владычеству. Но и там православные не поддались оболъщению, не прельстились привилегиями Владислава Варнского, не уступали даже будучи преследуемыми [14]. Таковы были последствия Флорентийских постановлений! Вместо сближения Русской Церкви с Римом или уклонения ее от Православия они только усилили отвращение Руси от латинства.

После побега из Москвы изменника Исидора великий князь послал грамоту в Царьград о том, чтобы Собором восточных святителей разрешено было избирать и поставлять митрополита в Москве; но слух об измене Православию в Царьграде заставил воротить посла с дороги [15].

А между тем новые страшные междоусобия надолго отодвинули заботу о делах церковных. Великий князь Василий был захвачен врагом своим Дмитрием Шемякою в обители Троицкой, ослеплен (16 февраля 1446 года) и заточен в Углич. Похититель великого княжения вызвал в Москву святителя Рязанского, встретил с почетом, как нареченного митрополита, и успел убедить его принять “на свою епитрахиль” и доставить к нему малолетних детей Василия из Мурома, куда укрыли их верные бояре. Обманутый коварным обещанием милостей детям несчастного отца, святитель исполнил волю Шемяки, но сам же должен был вскоре отвезти их в отцовскую темницу — в Углич.

Управляя церковными делами в Москве, как блюститель митрополии, правдолюбивый святитель был всегдашним обличителем беззаконного князя и ходатаем за Василия Темного (так прозвали современники венценосного слепца). Он непрестанно твердил Шемяке: “Ты поступил несправедливо и меня ввел в грех и стыд. Тебе бы следовало выпустить князя на свободу, а ты и детей его засадил с ним в неволю. Ты мне дал свое правое

слово и тем сделал меня обманщиком, посрамив седины мои. Какой вред может причинить тебе князь, лишенный зрения, с малыми детьми? Если еще ты сомневаешься в том, возьми с него клятву при свидетельстве братии нашей, епископов.” Шемяка решился созвать епископов на совет по этому делу, объявил свободу Василию Темному и дал ему в удел Вологду.

Спустя несколько месяцев Василий, успокоенный советом любивших отечество иноков [16], снова занял престол великокняжеский, незаконно у него отнятый. Враги спешили примириться с ним. Когда же Шемяка и по заключении мирного договора продолжал коварствовать и заводить новые смуты, тогда Собор пастырей русских обратился к нему с грозным обличительным посланием. “Враг рода человеческого возбудил тебя на брань междоусобную, — писали святители. — Презирая святость крестных обетов, ты, второй Каин и Святополк в братоубийстве, разбоем схватил старшего брата твоего, великого князя, и злодейски истерзал его: на добро ли себе и людям? Долго ли властвовал и в тишине ли? Не беспрестанно ли волнуемый, мучимый страхом, перебегал с места на место, днем томимый заботами, а в ночи — сновидениями и мечтами? Искал ты большего, но сгубил свое меньшее. Великий князь снова на престоле, ибо данного Богом никто отнять не может. Одно милосердие государя спасло тебя: он поверил клятве твоей и опять видит измену... Ты дерзаешь быть вероломным, презрел крестное целование, а епитрахили наши сквернишь своими богомерзкими речами... Епитрахили наши святительские не могут оскверниться твоими гнусными, клятвопреступными словами, но ты губишь бедную душу свою... Никогда между христианами не было даже слуху о таких злодействах, какие ты совершил. Принеси покаяние пред Богом и примиришься с великим князем, а он готов, по нашему ходатайству жаловать тебя и держать, как брата. Если же не раскаешься, то чужд будешь Богу и Церкви Божией и православной вере, не будет тебе части с верными, не будет на тебе милости Божией и силы животворящего креста, который ты целовал клятвопреступно. Ты будешь проклят и погибнешь навеки” [17].

Закоренелый клятвопреступник смирился, но ненадолго. Вскоре он опять начал междоусобие [18], потерял свой Галичский наследственный удел и бежал в Новгород. Потом еще раз пытался, но напрасно, вернуть удел свой, после чего снова нашел убежище в Новгороде и там, отлученный от Церкви, умер отравленный ядом [19].

Еще прежде смерти непримиримого врага своего великий князь Василий Темный, едва успев утвердиться на своем престоле, начал помышлять о поставлении митрополита. Из Константинополя ожидать было нечего: в Москве уже слышали, что в Царьграде свирепствует разделение между верными Православию и принявшими соединение с Римом. Основываясь на правилах церковных и примерах прежнего времени [20], Собор пастырей русских 5 декабря 1448 года возвел Иону на престол митрополита Киевского и всея Руси.

Новый первосвятитель прежде всего озаботился соединением епархий юго-запада под одно управление, что было особенно нужно ввиду опасности со стороны латинства. Он принял участие в мирных сношениях великого князя с королем Казимиром [21] и утвердил своим благословением договор их. Король, со своей стороны, изъявил согласие на подчинение святителю Ионе православных епархий Литовского княжества и звал самого Иону в Литву для личного свидания. Вначале 1451 года митрополит отправился в Литву. Король сдержал свое слово и выдал святителю грамоту на управление Киевскою митрополиею. При таком положении своем святой Иона немедленно вытребовал к себе Волынского епископа Даниила, посвященного Исидором, заставил его отречься от согласия с Римскою Церковью и дать клятву на верность православию, после чего отпустил его на епархию. Он также назначил заместников своих в города, непосредственно зависевшие от

киевской митрополии: Киев, Вильну, Новогрудок и Гродно), — с правами выдавать одобрительные грамоты ищущим духовного сана, надзирать за соблюдением церковных постановлений, судить виновных и управлять церковными имениями.

Кроме попечений о поддержании православия в западном краю Руси, святому Ионе, уже одаренному благодатию прозорливости и чудес, предстояло много забот и скорби внутри Московского государства. Едва успел он возвратиться в Москву из Литвы, как разнеслись слухи о нашествии на Россию Мазовши, сына Седиахмета, хана Ногайского. Великий князь выехал из Москвы, вверив ее охранение святому Ионе и боярам. Неприятель (22 июля 1451 года) зажег посады московские. Пастырь, готовый положить душу свою за стадо, подкреплял заключавшихся вместе с ним в Кремле духовными пособиями. Под знонем страшного пожара, в облаках дыма, несшегося на Кремль, он совершал крестные ходы по стенам его. Стрелы татарские искали своих жертв. Один инок Чудова монастыря Антоний, по прозванию Кловыня, уважаемый святителем за строгость жизни, едва успел сказать, что Господь за молитвы святительские спасет город, как пал, пронзенный стрелой [22]. Вечером того же дня осажденные сделали вылазку и бились с татарами ночью. На другой день неприятеля уже не было под стенами Московскими: он бежал, оставив тяжелые запасы в добычу осажденным. Святой Иона сам почтил погребением богоугодного инока и в память милости Божией поставил церковь на своем дворе в честь Положения ризы Пресвятой Богородицы, которое празднуется Церковью 2 июля [23]. После другого нашествия ногайских татар, которые приходили, “похваляясь, на Русь,” как говорит летописец, и были прогнаны юным сыном великого князя Иоанном, святитель устроил в Успенском соборе придел в “похвалу Божией Матери” [24].

Содействуя благоденствию Русской земли своими молитвами, престарелый митрополит, как попечитель отечества, разделял с великим князем важнейшие государственные заботы, постепенно приготавлившие самодержавие государей Московских. Своим благословением он утверждал все договоры Василия с удельными князьями, старался удерживать последних в зависимости от великого князя и в согласии с ним. Когда жители Вятки, возмущенные Шемякою, долго не покорялись великому князю, святой Иона отправил к ним игумена со своим посланием к воеводам и прочим начальникам земским, в котором укорял их за своеволие и грабительство и увещевал принести великому князю раскаяние в своих винах; в то же время духовенству вменялось в обязанность строже наблюдать за поведением своих духовных детей. Видим отсюда, как усердно власть Духовная помогала распоряжениям власти гражданской.

Святитель Божий старался насаждать в пастве своей истинное благочестие и искоренять дурные привычки то увещаниями и распоряжениями пастырскими, то с помощью гражданской власти. Вот что писал великий князь своим сельским волостелям: “Отец мой, митрополит Иона, говорил мне, что ваши люди ездят незванные в митрополичьи села и на праздники, пиры и братчины, и на этих пирах бывают убийства, воровство и другие худые дела. И я, великий князь, дал митрополиту грамоту, чтобы в его села не ездили незванные на праздники, пиры и братчины” [25]. В Вышгороде, волости Верейского князя Михаила, десятильник и дворяне святителя избиты были до полусмерти. Святитель потребовал от князя, дабы горожане немедленно подвергнуты были наказанию. “Спроси старых бояр своих, — писал святитель князю, — бывало ли такое неуважение к Церкви Божией и к святителям при твоих прародителях и родителях? Тебе известно, что великий князь Витовт, как и теперешний король и все их княжата и паны, — все нашей веры; но спроси, как они оберегают Церковь и какую воздают ей честь! А эти люди, будучи православными христианами, поносят и бесчестят Церковь Божию и нас... Молю тебя, чтобы ты, как пра-

вославный властитель, защитил от горожан Церковь Божию и меня, своего отца и пастыря, дабы вперед не было ничего подобного” [26].

Жители Смоленска скорбели о том, что древняя чудотворная икона Богородицы Одигитрии оставалась в Москве. Епископ их Мисаил прибыл в Москву с усердною просьбою возвратить святыню в Смоленск. Святой Иона, желая, чтобы древняя святыня питала и поддерживала древнее благочестие в смолянах, убедил великого князя отпустить к ним чудотворную икону [27].

В 1453 году Константинополь пал под ударами поклонников Магомета. Несчастные греки искали себе убежища на Западе, имея там уже довольно своих соотечественников, то переменою вероисповедания, то своею образованностью снискавших себе покровительство папы и государей. Были выходцы из поработанной империи и у нас: Россия отверзла свои сокровища для облегчения их участи и для выкупа страдавших в плену [28]. Страдания Церкви Греческой были неизобразимы. Дивный защитник веры от латинства и ислама святой Патриарх Геннадий (в миру Георгий Схоларий) просил святителя Иону о помощи бедствующим христианам Востока. Отправляя ответ с послом великого князя, святитель Московский извинялся в скудости посылаемых пособий и писал, что дорожит союзом с православною Церковью Цареградскою [29]. Может быть, благодаря этим сношениям даровано было Русской Церкви право избирать и поставлять себе первосвятителей, не сносась с Константинопольским престолом, и митрополия Русская поставлена была выше всех прочих, первую после престола Патриархов Иерусалимских [30].

Отношения Московского первосвятителя к воссоединенным епархиям не изменялись, пока Рим не возобновил своих притязаний на западную половину Русской митрополии. В 1458 году Григорий, ученик отступника Исидора, был поставлен в Риме митрополитом Русской земли. Великий князь лишь только услышал об этом, написал к королю Казимиру, чтобы тот не принимал к себе новопоставленного митрополита, который ни за что не будет принят в Москве. Епископы северо-восточной Руси на Соборе определили: не иметь никаких сношений с самозванцем Григорием и признавать законным митрополитом только того, кто посвящен у гроба чудотворца Петра. Святой Иона, удрученный старостию и болезнью, не мог сам отправиться в Литву, но вместо себя послал с письмами к литовским православным епископам, князьям, панам и народу двух игуменов из знатнейших монастырей своей митрополии: Троицко-Сергиева — Вассиана, знаменитого красноречием, и Кирилловского — Кассиана. Князья успокоили митрополита своей твердостью в православии; епископы литовские также обещали быть верными, но, к скорби святого Ионы, некоторые из них вошли в сношение с Григорием. Лжемитрополит привез с собою в Литву грозную буллу папы Пия II. Папа, посылая к королю Григория, повелевал “поймать и сковать нечестивого отступника Иону” [31]. Но Господь посрамляет гордость человеческую! Папа называет святого Иону нечестивым отступником, а Господь тогда уже прославил его даром предвидений и чудотворений [32]. Внушая всем твердо стоять в Православии, святой Иона писал: “Если бы кому пришлось и умереть за свое исповедание, верую Христу, моему Владыке, причтен будет пострадавший к лику мучеников” [33].

Так подвизался святитель Божий, уже близкий к блаженной кончине! По совету великого князя и с согласия епископов он сам назначил себе преемником старшего из архиепископов по служению, а может быть и по летам, Феодосия Ростовского. Это было сделано с тем намерением, чтобы Церковь Русская в таких затруднительных обстоятельствах, не оставалась без архипастыря.

О близости кончины святой Иона извещен был свыше. Тогда же для засвидетельствования святости его пред людьми открыто было о том же ключарю Успенского собора священнику Иакову. В одну из ночей сторож Успенского собора приметил необыкновенное

освещение в запертном храме и услышал пение. Видя это, ключарь немедленно отпер церковь, вошел в нее, нашел свечи горящими, но никого не увидел; только услышал голос: “Пойди, скажи рабу Моему митрополиту Ионе, что по его молитве о посещении его тела, ради спасения души Я попустил быть знамению на ноге его с болезнью. Он же, устроив потребное о себе и о порученной ему пастве, с благодарением переселится из жизни временной в вечную, где всем веселящимся жилище.” Смущенный пресвитер не посмел явиться к своему митрополиту с такою вестию, но наутро сам святитель призвал его, обличил заслушание божественному повелению и предсказал ему за это скорую смерть жены его, тогда здоровой. Болезнь открылась в ноге святителя, но, преодолевая болезнь, святитель Иона не отлучался от Церкви, с радостью приготавливаясь к блаженному исходу. Он скончался в глубокой старости 31 марта 1461 года, во вторник на страстной неделе. Мощи его преданы земле в северо-западном углу Успенского собора.

Память святого митрополита Ионы осталась священной для Церкви Русской. Не прошло и года после блаженной его кончины, как духовный друг его святой Иона, владыка Новгородский, поручил сербскому иноку Пахомию, жившему тогда в России, составить канон в честь святого Ионы-митрополита. Спустя 11 лет, при построении вновь Успенского собора мощи его обретены нетленными, причем многие больные получили исцеление. А в 1547 году на соборе Московском было установлено повсеместное празднование памяти великого святителя [34].

После святого Ионы сохранилось много его посланий [35]. Одни из них относятся к охранению гражданского покоя России и порядка внутреннего церковного управления; другие — к защите Православия от насилий папизма; третьи утешают скорбящих или вразумляют нарушителей закона.

Святой Иона писал к вятскому духовенству: “Молю вас, священники Господни, осмотритесь всячески и содрогнитесь. Смотрите, в какие уста входит бессмертное Тело и честная Кровь Христа — Спасителя нашего и Владыки. Если с устами нечистыми и гнусными дерзаете приступать или допускать кого-либо к бессмертным и животворящим Тайнам, вы, как трава, прикасаетесь к огню.”

Святитель писал к детям, не повинующимся своей матери [36]: “Жаловалась мне на вас мать ваша, а моя дочь, княгиня, что вы по нерадению ли своему, или по научению диавола, или по своей молодости не только не почитаете ее, но еще и обижаете во всем. Муж ее, князь, дал ей отдельное владение, чем ей прожить, пока угодно Богу, а потом по смерти учинить помощь душе своей; вам отец ваш дал особые части, а вы отняли у своей матери данное ей. Это дело богопротивное, дети: вы строите себе погибель во времени и вечности. Ужели не помните вы Господа, Который говорит: “Иже злословит отца или мать, смертью да умрет”? И апостол сказал: “Чада, послушайте родителей своих, — это благоугодно Богу.” И в другом месте Писание говорит: “Яко раб послужи родившим тя: что бо воздаем противу даяния их?” В Книге Притчей писано: “Чтйя отца и мать долги дни сотворит и очистит свои грехи; благословение бо отчее утверждает дома, клятва же матерняя искореняет и основание...” Пишу вам кротко, чтобы вы пришли в чувство, испросили бы прощение у матери и возвратили бы ей почтение по Божию повелению, слушались бы ее во всем, а не обижали; пусть она заведует своим, а вы — своим по благословению отцовскому. Отпишите к нам, когда вы примиритесь со своею матерью, и я, по святительскому долгу и по вашему чистому покаянию, буду молить за вас Бога. Если же станете опять гневить и оскорблять свою мать, то, делать нечего, сам боясь Бога, по святительскому долгу, пошлю за своим сыном, за вашим владыкою, и за другими многими лицами, и вместе с ними возложим на вас духовную тягость церковную, свое и прочих священников лиц неблагоговение.”

Москва утвердилась и окрепла под покровом деятельности и молитв трех дивных святителей. Великий в смиреннии святитель Петр перенес престол митрополии в малый и убогий город святого князя Даниила: пророческим словом он возвестил будущее величие Москвы. Великий в вере святитель Алексей упрочил великокняжеское достоинство в роде Иоанна Калиты, поддержав малолетнего внука его и возвысив Москву над прочими удельными городами. Великий в законе и правде святитель Иона возвратил престол законному великому князю, смирил междоусобие, был крепкою опорой несчастного слепца в делах государственных и неусыпным стражем Православия в делах церковных.

Первоначальное образование под надзором строгих иноков Симоновского монастыря имело влияние на всю жизнь святителя. Сам неуклонно держась правил церковных и закона христианского в исполнении своих обязанностей, он требовал и от других строгого исполнения своего долга [37]. И неоднократно в суде его над нарушителями сего долга изрекался грозный приговор суда Божия. Малолетняя дочь великого князя Василия Анна была при смерти. Молитвы святителя, к которому принесли ее почти бездыханною, возвратили болящей здоровье и силы. Между боярами нашелся один, который говорил, что княжна выздоровела сама собою. Святитель, призвав его, сказал: “Страшна хула на Святого Духа. Поверь, сын мой, здоровье возвращено больной Самим Господом по вере родителей благочестивых.” В ответ на эти слова неверующий начал кощунствовать. “Да заградятся хульные твои уста, — изрек святитель, — и да умрешь ты вместо княжны, бывшей при смерти.” Боярин внезапно пал мертвым к ногам святителя. Другой вольнодумец, боярин Василий Кутуз, страдал зубною болезнью. Святой Иона подозвал его к себе по окончании литургии, дал ему наставление и сильно ударил по лицу. Пришедши в себя от сильной боли, Василий почувствовал, что зубная болезнь совершенно миновала, и раскаялся в своем неверии. Ключник святого Ионы, Пимен, обличенный в том, что отказал бедной вдове в малой мере меда для ее подкрепления в немощи, в тот же день по предсказанию святителя лишился жизни. Другой слуга святителя, которому поручено было раздавание милостыни бедным, отказавший в подавании также нищей вдове, за жестокосердие и обман пред святым Ионою, по его обличению, немедленно впал в болезнь и вскоре умер [38]. Достоинно замечания то, что в двух последних случаях кара постигла виновных за недостаток любви.

Вскоре после святителя Ионы скончался и великий князь Василий Темный на 47 году жизни: страдания и скорби преждевременно изнурили в нем телесные силы. Он утвердил великое княжение за старшим сыном своим Иоанном, который с юных лет был соправителем отца, лишенного зрения; но отделил небольшие уделы и меньшим сыновьям, клятвенно обязав их слушаться матери не только в делах семейных, но и в государственных. Он приготовил многое для успеха своего преемника: присвоил себе большую часть уделов, принадлежавших потомкам Донского, властвовал в Суздале и Рязани [39], покорил Вятку и ослабил вольность новгородскую. Хотя Василий не умел повелевать, как повелевали отец и дядя его, но оставил сыну государство более сильное и более обширное: рука Божия явно влекла Москву к величию, благословив доброе начинание Калиты и Донского.

18. Покорение Новгорода.

Освобождение от монгольского ига.

Приступаем к описанию той блистательной эпохи, когда северо-восточная Русь, свергая с себя иго рабства ордынского, восстает, как воскрешенная из гроба, свободная извне и

сильная внутри своей целостью под скипетром единого самодержца. Православная Церковь перестает страдать от нашествия варваров, которые обращали в груды пепла храмы Божии и обители иноческие, и от кровавых междоусобий князей; она находит себе ревностных защитников в благочестивых государях, помазанниках Божиих.

После двух тяжких веков внешнего порабощения и внутреннего неурейства Руси Господь “вознес избранного из людей Своих.” На престоле обширной державы Русской является Иоанн III, сын Василия Темного: он свергает иго Орды, уничтожает уделы, подчиняет себе вольный Новгород, водворяет самодержавие в расширенной им державе и становится твердым стражем и поборником православной веры в пределах западной Руси, соединенной с иноверной Польшей [1].

Начинаем с судьбы Новгорода. По кончине святого архиепископа Ионы избран был владыкой на вече протодиакон и ризничий Феофил. Испросили дозволение нареченному владыке явиться за посвящением к митрополиту, но в Новгороде открылись сильные волнения против великого князя, который требовал, чтобы новгородцы не смели “вступаться в его земли и воды и держали имя его честно и грозно по старине и по крестному целованию.” Легкомысленный народ, несмотря на увещания Феофила, мечтал о прелестях свободы, хотел тесного союза с Казимиром, королем Польским и великим князем Литовским, и принял от него воеводу — князя Михаила Олельковича. Мятежом руководила, к удивлению современников женщина, гордая и честолюбивая, вдова посадника Исаака Борецкого Марфа, мать сыновей уже взрослых, из которых один, Димитрий, был в то время посадником. Заключили договор с королем: он обязался помочь Новгороду в случае войны с Московским государем, не ставить римских костелов на земле Новгородской и предоставить владыке посвящаться там, где будет угодно Новгороду. Два последних условия были поставлены для того, чтобы удержать на кафедре Феофила, который хотел было удалиться в монастырь, не желая быть пастырем мятежников и клятвопреступников. На вече громко кричали: “Не хотим Иоанна! Да здравствует Казимир! Да исчезнет Москва!” Иоанн взялся за оружие, разбил дружины новгородские на берегах Шелони (14 июля 1474 года) и показал умеренность: он взыскал с Новгорода около 80 пудов серебра, отнял северное поморье и поселения на берегах Двины, обязал новгородцев под присягой платить ему народную дань, а митрополиту — судную пошлину, ставить владык в Москве, не иметь сношений с Казимиром и не принимать к себе врагов великого князя. Со своей стороны государь дал слово забыть прошедшее, простил всех злоумышленников, в том числе и Марфу Борецкую с сыновьями, и не прикоснулся к вольности новгородской.

Феофил был посвящен в Москве и отпущен с честью. Но умеренность самодержца не отрезвила людей, привыкших к своеволию; несогласия новгородцев с наместниками великокняжескими продолжались, недовольные являлись в Москву требовать суда. Наконец, кое-кто из знати новгородской устроил так, что двое чиновников от веча прибыли в Москву с признанием Иоанна государем великого Новгорода. Державный собиратель земли Русской был убежден, что настало время водворить единовластие, и если при первом походе не покорил Новгорода, то единственно потому, что надеялся изменить порядок дел мало-помалу, не прибегая к мерам насилия. Теперь он спешил воспользоваться данным ему поводом и потребовал, чтобы новгородцы отказались от всех древних прав своих, уже отживших свой век и несогласных с новым положением государства Московского. Буйный народ взволновался, избил многих, которых считал сторонниками Москвы, и отважился снова вступить в сношения с Казимиром. Иоанн снова пошел с многочисленной ратью на Новгород и окончательно покорил его в конце 1477 года.

Ударил последний час новгородской вольности! Иоанн принял присягу от новых подданных, уничтожил вече, перевез в Москву вечевой колокол, казнил начальников мятежа и отправил в ссылку Марфу Борецкую.

В числе виновных пострадал один невинный: архиепископ Феофил, принужденный по званию владыки принять участие в договоре с Литвой, должен был отказаться от управления епархией и был заточен в Московском Чудовом монастыре, где провел около трех лет в тесном заключении и тяжело заболел. В болезни явился ему святой Нифонт, епископ Новгородский, почивающий в ближних пещерах Киевской Лавры, и напомнил ему прежнее обещание поклониться Печерским чудотворцам. Больной святитель отправился в Киев и уже приближался к Днепру, как болезнь его усилилась, и он получил откровение, что, хотя не достигнет живым до пещер, но тело его успокоится в них [2].

Другим важным делом государя Московского был брак его с греческой царевной. Брат последнего императора греческого Константина Палеолога, деспот Фома, умер в Риме. Сыновья его жили благодеяниями папы, не заслуживая их своим легкомысленным поведением; но юная сестра их, царевна Софья Фоминична, была предметом общего доброжелательства. Папа Павел II искал ей достойного жениха и обратил взор на великого князя Московского, незадолго перед тем овдовевшего [3]. Папа надеялся через юную царевну, воспитанную в правилах Флорентийской унии, убедить Иоанна к соединению с Римом и таким образом покорить себе Русскую Церковь. Он сам через особое посольство предложил великому князю знаменитую невесту, “отрасль царственного древа, которого тень покоила некогда все христианство православное, еще нераздельное.” Брак Иоанна с царевной совершился в ноябре 1472 г. и доставил Московскому государству более известности в Европе, которая чтит в Софии племя древних венценосцев Цареградских. В виде приданого Иоанн принял герб властителей Восточной Римской империи — орла двуглавого, соединив его на своей печати с гербом Московским. Но папа не преуспел в своих замыслах, и присланный им легат, хотя имел прения с духовными лицами в Москве, но сам вынужден был прекратить спор будто бы за неимением книг. Сама София сделалась в Москве ревностной православной христианкой.

Наконец, наступило для Русской земли время полного освобождения от ига ордынского. Мы видели, что Дмитрий Донской отважился вступить в бой с татарами на берегу Непрядвы; но незабвенная Куликовская битва не освободила Руси от постыдной власти монголов. Сам победитель и потомки его продолжали подвергаться нашествиям татар, земля Русская обгалялась кровью и дымилась пожарами. Хотя Большая Орда давно уже не была так сильна, как во времена Батыея, хотя отделились от нее уже многие другие Орды, как-то: Ногайская, Крымская, Казанская и Астраханская, — но и при державном Иоанне хан Большой Орды Ахмат еще осмеливался вторгаться в Русские пределы. Иоанн, помня обетование двух соименных святителей Московского и Новгородского, девять лет не платил дани и, наконец, в 1480 году решился торжественно объявить свободу Русского государства. Когда хан Ахмат отправил в Москву послов для сбора дани, великий князь взял при них басму (изображение хана), бросил на землю и растоптал ногами, велел умертвить послов, кроме одного, которого отправил сказать хану, что и с ним поступит так же, как с его басмой, если он не оставит в покое Русской земли. Скоро услышали в Москве о походе Ахмата. Иоанн встретил его на берегах Угры поздней осенью, когда реки начинали уже замерзать. Прошло около двух недель в бездействии; Иоанн, не любивший проливать крови в битвах, решил отступить на поля Боровские. Бояре изумились, а воины оробели, думая, что великий князь страшится битвы. Митрополит Геронтий и Ростовский архиепископ Вассиан убедительными грамотами напоминали Иоанну обет его стоять крепко за веру и отечество. Старец Вассиан, достойный брат преподобного Иосифа Волоколамско-

го, писал так: “Наше дело говорить царям истину: что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из владык земных, о том ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты, вняв молению и доброй думе митрополита, своей родительницы, благоверных князей и бояр, поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага христианского, мы, усердные твои богомольцы, денно и ночью припадали к алтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победой. Что же слышим? Ахмат губит христианство, грозит тебе и отечеству: ты же пред ним уклоняешься, молишь о мире и шлешь к нему слов; а нечестивый дышит гневом и презирает твое моление?.. Государь! Каким советам внимаешь? Советам людей, недостойных имени христианского. И что советуют? Повергнуть ли щиты, обратиться ли в бегство? Но помысли: от какой славы и в какое уничижение низводят они твое величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви — разорению, тьму людей — гибели! Чье сердце каменное не изливается в слезах от единой мысли об этом? О, государь! Кровь паствы вопиет к небу, обвиняя пастыря. И куда бежать? Где воцаришься, погубив данное тебе Богом стадо? Смертным ли бояться смерти? Судьбы Божии неизбежны. Я стар и слаб, но не убоюсь меча татарского, не отвращу лица моего от его блеска... Отложи страх и возмогай о Господе в державе крепости Его! Един поженет тысящу и два двинут тьму, по слову мужа святого: “Не суть боги их, яко Бог наш! Господь мертвит и живит.” Он даст силу твоим воинам. Поревнуй предкам своим: они не только землю Русскую хранили, но и многие иные страны покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Владимира, коих данниками были цари греческие, и Владимира Мономаха, ужасного для половцев. А прадед твой, великий, достославный Димитрий, не сих ли неверных татар победил за Доном? Презирая опасность, он сражался впереди и не думал: “Имею жену, детей и богатство; когда возьмут землю мою, вселюся инде,” — но стал перед лицом Мамаю, и Бог осенил главу его в день брани. По какому святому закону ты, государь православный, обязан уважать его, злочестивого самозванца, который силой поработил наших отцов за их малодушие и воцарился, не будучи ни царем, ни племени царского? То было действием гнева Небесного; но Бог есть Отец чадолюбивый: наказует и милует. Древле потопил Фараона и спас Израиль, спасет и на род твой, и тебя, когда покаянием очистишь свое сердце; ибо ты человек и грешен. Покаяние государя есть искренний обет блюсти правду в судах, любить народ, не употреблять насилия, оказывать милость и виновным... Тогда Бог восстановит нам тебя, государя великого, яко древле Моисея, Иисуса и других, освободивших Израиль, да и новый Израиль — земля Русская освободится тобой от нечестивого Ахмата, нового Фараона. Ангелы снидут с небес в помощь тебе, Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы, и одолеешь врагов, и смятутся они и погибнут. А мы Соборами святительскими день и ночь молим Его, да рассыплются племена нечестивые, хотящие брани; да будут омрачены молнией небесной и, как псы голодные, да лижут землю языками своими” [4]. Но осторожный Иоанн не решился на битву. Тогда, по словам летописца, совершилось чудо: при отступлении русских войск от левого берега Угры татары вообразили, что их заманивают в сети и вызывают на бой, приготовив засады. Объятый странным ужасом, хан спешил удалиться. Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые! Россияне, наконец, остановились; но Ахмат ушел в степи, разорив в Литве двенадцать городов, за то что Казимир не дал ему помощи. Так кончилось это последнее нашествие хана Большой Орды на Россию: он не мог ворваться в ее пределы и не вывел ни одного пленника московского. “Да не похвалятся легкомысленные страхом своего оружия, — писали современники. — Нет, не оружие и не мудрость человеческая, но Господь спас ныне Россию!” [5] При всеобщем ликовании народа в благодарность Богоматери, заступничеству Которой приписали освобождение от ига монголов,

установлен был ежегодный крестный ход в Москве с чудотворной Владимирской иконой 23 июня — в день бегства Ахмата от Угры.

Так положен был конец бедственному рабству наших предков! Оно продолжалось около двух с половиной столетий. Иго, в начале своем страшное и губительное, позднее сделалось более легким, ограничивалось временными нашествиями, вмешательством в распри князей и в последнее время — только платежом дани. Наконец Господь помиловал Русскую землю и положил конец монгольскому владычеству, даровал Иоанну победу без пролития крови.

Освобождение России было почти современно уничтожению уделов и водворению самодержавия. Покоритель Новгорода присоединил к своему государству все отдаленные северные владения бывшего вольного города — Вятку и Пермскую землю до самого хребта Уральского, присвоил себе уделы многих [6] мелких владетелей, подчинил верховной своей власти ханов, или царей, Казанских и, наконец, завоевал Тверское княжество, которое боролось некогда с Москвой и спорило с ней о первенстве [7]. Собиратель уделов в одно целое мог справедливо именоваться самодержцем всея Руси; только Псков оставался еще вольным городом [8], и Рязанское княжество сохранило вид державы независимой [9].

Счастливей в делах государственных Иоанн был менее счастлив в делах семейных. От второй супруги своей Софии, царевны греческой, он имел сначала несколько дочерей, потом по молитве великого чудотворца Сергия Радонежского [10] — сына Василия. Старший сын и наследник Иоанн Младой скончался еще при жизни отца, оставив после себя малолетнего сына Димитрия, которого державный дед назначил своим наследником и сам венчал на царство в первопрестольном Успенском соборе венцом Мономаховым [11]. Но, как видно, Промысл Божий судил царствовать в России потомству императоров греческих: Иоанн разгневался на невестку, мать Димитрия (может быть, по проискам греческой партии), заключил под стражу юного внука и запретил ему называться великим князем, а вскоре объявил сына Василия наследником престола.

Дочь Иоанна Елена состояла в супружестве с Александром, сыном Казимира, наследственным великим князем Литовским и избранным королем Польским. При заключении сего брака Александр обязался грамотой не беспокоить супруги в исповедании православной веры и дозволить ей иметь домовую церковь, но слишком слабым характером, он допустил изуверов силой обращать православных к папизму, запретил строить храмы православные, умножил костелы в городах русских и даже стал стеснять и оскорблять совесть супруги своей. Иоанн, разгневанный на зятя, объявил войну. Грамота его заключалась словами: “Хочу стоять за христианство, сколько мне Бог поможет.”

Бог благословил оружие, поднятое за православную веру: Александр лишился многих владений, которые перешли к Московскому государству [12]. Но Иоанну не суждено было окончить войну с Литвой и наказать зятя: он скончался после 43-летнего царствования, 27 октября 1505 года.

Иоанн принадлежит к числу весьма немногих государей, воздвигаемых провидением для решения судеб народов. Явившись на троне в то время, когда новая государственная система возникла повсюду вместе с новым могуществом государей на развалинах системы феодальной или поместной, Иоанн, великий и державный, совершил в Русской земле то же, что современные ему венценосцы совершали в Западной Европе: он не только учредил единовластие, но был первым истинным самодержцем России, заставил благоговеть пред собой вельмож и народ, восхищая милостью, ужасая гневом и карой. Князья племени святого Владимира и Гедимины служили ему наравне с другими подданными, славились чинами бояр, дворецких, окольничих, приобретая эти чины долговременной службой госуда-

рю. Не принимая на себя титула царя [13], он умел внушить народу беспредельную покорность воле монаршей. Он первым завел сильное многочисленное войско и умел найти воевод смелых и удачливых, хотя сам не был отважным воином и никогда не решался на войну без крайней необходимости. При Иоанне были приглашаемы в Россию иностранные мастера, которые лили пушки, чеканили монету и строили великолепные здания [14].

Царствование Иоанна может служить ясным доказательством той истины, что венценосцы великие являются в свое время по воле Того, Кем цари царствуют и сильные пишут правду. Рожденный и воспитанный данником степной Орды, без образования, без наставлений, руководимый только природным умом Иоанн сделался одним из знаменитейших государей своего времени: силой и хитростью он восстановил свободу и целостность России, оттеснил Литву, сокрушил вольность Новгорода, захватил уделы, расширил свои владения до пустынь Сибири и Лапландии на севере, а на юге — почти до самого Киева. Браком с царевной Софьей он обратил на себя внимание Европы и проявил мудрость в политике внешней; ласкаемый от Рима до Константинополя, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни императорам западным, ни гордым султанам, он не хотел вмешиваться в дела чужие, избирал союзы только для пользы России, искал средства для исполнения своих замыслов, а сам никому не служил орудием. При нем Россия, как держава независимая, величественно подняла главу свою в пределах Европы и Азии, спокойная внутри и не боясь врагов внешних.

Таков был наш первый самодержец в делах государственных, в политике внутренней и внешней! Но в делах церковных он не присваивал себе власти, на которую не имел права. При всех важных случаях он ограничивался тем, что созывал на Соборы святителей и знатнейшее духовенство. Соборы в царствование Иоанна созывались чаще, нежели прежде [15]. Государь только утверждал соборные решения и содействовал исполнению приговоров своей властью. Так же поступали и преемники Иоанна.

На Соборе 1503 года Иоанн предложил вопрос об имениях церковных, по поводу вотчин владычных и монастырских, отобранных им в Новгородской епархии после покорения вольного города. Самодержец желал, чтобы были отобраны в казну имения и прочих монастырей русских. Замечательно, что того же желали пустынники Белозерские: Паисий Ярославов [16] и ученик его преподобный Нил Сорский говорили, что неприлично монастырям владеть селами, так как чернецы должны жить в пустынях и кормиться своим рукоделем. Но преподобный Иосиф, ученик Пафнутия Боровского и основатель монастыря близ Волоколамска, держался другого мнения. Он находил необходимым, как для благолепия церковного, так и для поддержания монашеской жизни в сословиях более образованных, чтобы монастыри пользовались некоторым довольством и владели недвижимыми имуществами [17]. Святители рассудили, что в Греческой Церкви не существовало запрещения монастырям и церквам владеть недвижимыми имениями; в Русской земле было то же со времен святых Владимира и Ярослава; даже злочестивые ханы ордынские щадили собственность епископов и обителей иноческих. “Не смеем, — заключил Собор, — отдать церковного стяжания: оно принадлежит Богу и неприкосновенно.” И государь, слово которого было законом, добровольно подчинился решению Собора.

На том же Соборе рассуждали о вдовых священниках. Еще святой Фотий, желая пресечь повод к соблазну стригольникам во Пскове, запрещал псковским вдовым священникам священнодействовать. Митрополит Феодосий особенно заботился о нравственности белого духовенства: вдовых священников он отсылал в монастыри, развратных же лишал сана. К скорби доброго пастыря, недостойных оказалось довольно много, и множество храмов опустело без священников; народ поднял ропот на святителя, и Феодосий отказался от кафедры [18]. Собор 1503 года постановил правилом, чтобы вдовые священники и

диаконы отправляли священнослужения, пока сами не решатся обязать себя монашеским обетом чистоты. Им было предоставлено, если ведут они жизнь непорочную, причащаться в алтаре: иереям — в епитрахильях, диаконам — в стихарях, а за пение на клиросе пользоваться четвертой частью доходов. С того времени стали выдавать епитрахильные грамоты [19].

Важнейшим предметом для обсуждения на Московских Соборах в конце XV и в начале XVI века была ересь жидовствующих. В 1470 году пришел в Новгород из Киева еврей Схария (Захария); хорошо знакомый с естественными науками, известными тогда под именем алхимии, он успел обольстить легковерных мнимыми чудесами магии и совратить их в ересь. Два священника Дионисий и Алексей, обманутые Схарией, и вновь прибывшие из Литвы четыре еврея распространили заразу ложного учения; сам Софийский протопоп Гавриил попал в число зараженных ею. В 1480 году великий князь Иоанн по неведению взял в Москву двух начальников этого общества: священника Алексея — протопопом в Успенский собор, а Дионисия — священником в Архангельский; сюда перешла с ними и ересь. Они казались людьми кроткими, воздержанными, праведными, а сами тайно рассеивали плевелы лжеучения. Действуя тайно и хитро, они нашли себе слушателей даже при дворе; таковыми был: близкий к великому князю дьяк Феодор Курицын с братом Иваном Волком. Алексей и Курицын имели такой свободный вход к великому князю, какого никто не имел. Нельзя было придумать обстоятельств более благоприятных для распространения ереси. Она была под защитой таких людей, которые занимали важные места в Церкви и в государстве, могла даже ожидать покровительства самого великого князя, которого, как сам он после признавался, еретики старались уловить в свои сети. Так прошло еще несколько лет.

В Новгороде архиепископ Сергей, слабый духом и телом и нелюбимый народом, видел опасность, но не имел твердости действовать против нее [20]. Наконец, провидение дало Церкви Русской сильного поборника веры. На кафедру Новгородскую явился известный ученостью, а еще более ревностью к правде, мужественный, деятельный и твердый Геннадий [21]. Вскоре по прибытии к пастве он открыл существование тайного общества и донес о том великому князю и митрополиту, а сам приступил к розыску. Некоторые из еретиков были уличены в Москве и преданы казни. Со своей стороны, ревностный Геннадий, руководствуясь строгим указом государя, действовал успешно. В Новгороде еретики присмирели; одни покаялись, другие подверглись заточению.

Не так было в Москве: там ересь находила покровительство, с одной стороны, в лице Курицына, с другой — в новом митрополите Зосиме. Несмотря на то, по державной воле Иоанна в Москве 17 октября 1490 года открыт был Собор [22]. Допросили еретиков, обличили их, предали проклятию, некоторых сослали в заточение, других отправили в Новгород к святителю Геннадию, который, давно желая искоренить настоящее зло и страхом наказания предотвратить будущее, подверг еретиков всенародному позору [23].

По-видимому, лжеучение утихло, тем более, что и суд Божий карал богохульников [24], но втайне оно продолжало распространяться в Москве. Зосима не только потакал злу, но и наказывал смелых обличителей нечестия. Даже в самом Новгороде еретики употребляли во зло снисходительность святого Геннадия, исходатайствовали себе свободу лицемерным покаянием и разнесли свое нечестивое учение по многим городам и селам. Всеобщее ожидание кончины мира, оказавшееся напрасным [25], дало им повод с бесстыдной наглостью смеяться не только над ожиданием христиан, но и над самими догматами православия: “Если Христос есть Мессия, — говорили они, почему же не является Он в славе Своей по вашему ожиданию?” Ересь снова усилилась в Новгороде [26] с диким нечестием и страшными мерзостями разврата. Пламенный ревнитель Православия Геннадий призвал

к себе на помощь преподобного Иосифа Волоколамского: они оба стали действовать решительно, несмотря на силу ереси при дворе. Хотя митрополит Зосима принужден был в 1494 году оставить кафедру, но для искоренения зла нужно было участие целой Церкви Русской, нужен был новый Собор, который и был созван державным Иоанном в 1503 году. В числе заседавших на Соборе был и игумен Волоколамский; он требовал казни еретиков. Обвиняемые были столь дерзки, что решились открыто защищать свое учение. Но пламенное, проникнутое силой Слова Божия и Писаний Отцов Церкви слово Иосифа по всем пунктам обличало и опровергало их; важнейшие из еретиков, наконец, были осуждены на смерть и всенародно сожжены в клетке; другим резали языки, иных заключали в темницу. Осужденные хотели было спасти себя лицемерным раскаянием, но Иосиф утверждал, что притворство, под страхом наказаний не есть раскаяние истинное, и еретики не избегли строгости гражданского суда. Так, по крайней мере внешне, кончились успехи ереси, которая распространяясь тайно, свирепствовала долго и сильно [27].

Мы изложили ход жидовской ереси в Русской Церкви, но не сказали еще ни слова о сущности лжеучения еретиков, известных под именем жидовствующих. По соборному дознанию 1503 года они: 1) отвергали воплощение Сына Божия; 2) не верили воскресению Иисуса Христа и вообще воскресению мертвых; 3) не чтили Богородицы, угодников Божиих, икон и мощей; 4) не признавали Святой Евхаристии и прочих Таинств; 5) держались более Ветхого Завета, нежели Нового, празднуя Пасху по Иудейскому календарю; 6) не соблюдали постов, отвергали монашество и предавались явному разврату.

Происхождение ереси из Литвы ясно указывает на то, что начало ее нужно искать в брожении идей рационализма, распространенных на Западе задолго до времен Лютеровой реформы и даже до появления Социнианства [28]. Жидовский элемент был внесен в учение ереси, по всей вероятности, самим Схарией или людьми, пришедшими с ним в Новгород, потому что они сами были евреями.

Весьма болезненно было для Церкви Русской появление в недрах ее такой новой, совершенно противной христианству ереси. Но в то же время отрадой и славой Церкви были два ревностных деятеля: неутомимый в подвигах святой архиепископ Геннадий [29] и искренно благочестивый учитель чистой веры преподобный Иосиф Волоколамский [30].

19. Южнорусская митрополия.

Преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский.

Соловецкая обитель.

Обозрение достославного царствования Иоанна III отвлекло нас от дел южной митрополии, о которых мы почти не упоминали с того времени, когда Православная Русская Церковь по преставлении святителя Ионы окончательно разделилась на две половины под управлением двух отдельных иерархов.

Чистота веры и ревность к православию сохранялись в юго-западной Руси иноверной властью, несмотря на козни папизма. Мы видели, что гонение, воздвигнутое в Литве на Православие, послужило во вред самим гонителям: слабый великий князь Александр за послабление фанатизму принужден был уступить Москве свои восточные владения до Днепра. Хотя папа со времени Флорентийского Собора считал себя законным распорядителем Церкви не только на западе, но и на востоке, но уния не распространялась в Литовской Руси, несмотря на то, что ученик отступника Исидора Григорий долго занимал первосвятительскую кафедру Киева [1]. Преемниками его были архипастыри православ-

ные, избираемые своими епископами с утверждения Патриарха Константинопольского. Несмотря на скудость сведений об этом времени, мы часто встречаем указания на сношение их с Константинополем и никакого намека на сношение с Римом [2].

Живое и общее стремление к наукам, пробудившееся в Европе, отразилось и на западной Руси. Некоторые из дворян православных еще в XV веке слушали уроки в Краковской академии, в Праге и других местах. Необходимость охранения чистой веры предков от покушения папы заставила умножать свои собственные училища. А для размножения православных богослужебных книг и сохранения их от злонамеренных повреждений послужили типографии в Кракове, Вильне и других местах, учрежденные вскоре по изобретении книгопечатания [3].

Блистательным памятником заботливости южных пастырей о лучшем управлении Церковью Христовой служит Виленский Собор 1509 года. На нем составлены были правила благоразумные, твердые, достойные Восточного Православия. Изобразив печальное состояние южной своей Церкви, Собор постановил: 1) Никого не допускать до подкупа для получения сана епископского и епископа, поставляющего в священство за деньги, лишая власти. 2) Не поставлять в священство людей чужой епархии. 3) Поставлять в священство людей достойных, одобренных судом духовника. Если бы и сам государь прислал недостойного, то всем епископам с митрополитом, являсь к государю, объявить недостойность того и ни за что не посвящать. 4) Отлучать от священства тех, кто, скрыв свое поведение пред духовником, обнаружат в жизни свое недостойство. 5) Не допускать до священнодействия тех священников и иночествующих, которые являются без увольнительной грамоты. 6) Не допускать к служению и вдовых священников, пока не поступят в монашество. 7) Священников и игуменов без вины не лишая церковей их. 8) “Если князь или боярин отнимет церковь у священника без вины и свидетельства святительского, то не давать другого священника, пока не оказана будет справедливость невинно обиженному.” 9) Князь или боярин может оставлять церковь без священника не долее, как на три месяца; по прошествии срока сего посылать священника по усмотрению епископа. 10) Не отнимать имений у церковей. 11) Священник, священствующий только по воле князя или боярина, но без благословения святителя, лишается сана. 12) Также поступать с игуменами и иеромонахами, произвольно удаляющимися из обители. 13) Епископам не принимать на себя мирских дел и не уклоняться от Соборов за недосугами. Наконец, 14) “Если государь или бояре или другая власть пришлют за митрополитом или епископом по какому-либо из постановленных и утвержденных теперь правил, желая нарушить заповедь, положенную по правилам апостольским, и выполнить свою волю, то никому на то не осмеливаться, а всем немедленно съехаться к митрополиту, каждому на свой счет, смиренно просить государя и твердо стоять, дабы не был нарушен закон, положенный и утвержденный по правилам Божиим, апостольским и отеческим” [4].

Эти определения писаны, как очевидно, под влиянием особенной осторожности и внимания к влиянию иноверной гражданской власти; они поставлены, таким образом, в главное руководство для управления Православной Церковью среди козней папизма.

Южная Русь много страдала от набегов крымских татар; они несколько раз опустошали юг, убивали или уводили в плен христиан, грабили и жгли храмы. Особенно поражен был юг глубокой скорбью, когда татары, сделав внезапный набег, умертвили митрополита Макария [5], мужа святой жизни и пастыря ревностного (1 мая 1497 г.). Макарий отправился из Вильны в Киев с тем, чтобы заняться исправлением дел, расстроженных нападениями тех же татар, преимущественно же возобновлением Софийского храма; татары нагнали его в селе Скрыголове на реке Бичи за 5 миль от Мозыря. Современный летописец, знавший жизнь Макария, оплакивает смерть, его как наказание за грехи паствы, но вместе

видит в ней залог наград за его святую ревность. И он не ошибся: мощи Макария прославлены нетлением, как мощи священномученика [6].

В северной Руси, или государстве Московском, усердие к вере и отвращение от всего неправославного были так же живы и искренни, как и на юго-западе Русской земли, хотя образование не только мирян, но и клира находилось тогда в жалком положении. В XIV веке, даже в начале XV еще были (особенно в Новгороде, в Москве и других городах) училища для первоначального обучения грамоте, чтению, письму и церковному пению под руководством местных священнослужителей [7], но к концу XV столетия невежество стало усиливаться. Как печальна картина, представленная блаженным архиепископом Геннадием, богомудрым ревнителем просвещения! “Вот, — пишет он митрополиту, — приводят ко мне мужика для поставления в священный сан: я приказываю дать ему читать апостол, а он ступить не умеет; приказываю дать ему псалтырь, а он и по той едва бредет. Я отказываю ему, и на меня жалобы: “Земля, господине, такова; не может добыть, кто бы умел грамоте.” Вот и обругал всю землю, будто нет человека на земле, кого бы ставить в священство! Бьют мне челом: “Пожалуй, господине, вели учить.” Приказываю учить ектению, а он и к слову пристать не может; ты говоришь ему то, а он другое. Приказываю учить азбуку, а они, немного поучившись азбуке, просятся прочь, не хотят учить ее. А у меня духа недостает ставить неучей в священники. Мужики-невежи учат ребят грамоте и только портят, а между тем за ученье вечерни принеси мастеру кашу да гривну денег, за утреню — то же или и больше; за часы особо... А отойдет от мастера, и ничего не умеет, едва-едва бредет по книге; а церковного порядка вовсе не знает.” Вот как готовили к сану учителей Церкви! Вот каковы были познания будущих наставников народа! Святитель Геннадий молил великого князя и митрополита об учреждении первоначальных училищ, но не видно, чтобы желания его были исполнены [8].

Не было в храмах живой изустной проповеди Слова Божия: она, по необходимости, заменялась уставными чтениями из древних учителей Церкви. Люди неграмотные, составляющие огромное большинство народа, не могли освободиться от суеверия и ложных толкований, потому что поучения, писанные для древнего времени или другой страны, переведенные неясным языком и читаемые в церкви без всякого изъяснения, были для них совершенно невразумительны. Такое невежество народа открывало к нему свободный доступ всем учителям лжи, всем святителям ересей и расколов. Пагубные плоды такого посева увидим в последующее время.

Только смиренные обители иноческие продолжали распространять просвещение духовное по Русской земле; в них по-прежнему духовный опыт объяснял подвижникам тайны веры и благочестия; примеры святой жизни разливали свет и жизнь на современников. Во многих обителях списывали отеческие сочинения, заносили в летописи события современные, писали жития угодников Божиих.

Памятником пастырской заботливости святого владыки Новгородского Геннадия сохранился составленный им полный список Библии [9]. При этом он желал не только доставить православным возможность читать Священное Писание, необходимое для всех и почти никому недоступное [10], но и оградить простодушных от обольщений еретиков, которые выдавали подложные и баснословные сочинения за книги священные.

Другим знаменитым ревнителем и тружеником духовного просвещения был преподобный Иосиф, Волоцкий чудотворец. Уроженец Волока-Ламского он исходил из дворянского рода Саниных. Ученик опытного наставника, преподобного Пафнутия Боровского, Иосиф наследовал ему по желанию братии управление монастырем. Как пламенный приверженец общежительного жития, он предлагал братии ввести в обитель чин общежития, и когда предложение не было принято, тайно ушел на Белое озеро и там несколько

лет в виде простого послушника на опыте изучал устав общежития, который был составлен преподобным Кириллом и сохранился во всей строгости. Так у братии все было общее: и пища и одежда; собственности личной не было; послушание было совершенное, так что без благословения старца не делалось ни малейшего дела; в храме иноки вели себя благоговейно, каждый стоял на своем месте, погруженный в молитву; за трапезой безмолвно внимали чтению душеспасительных книг. Иосиф принял на себя послушание в хлебопекарне монастырской; между тем он старался точнее узнать устав преподобного Кирилла и беседовал со старцами, более прочих знакомыми с преданиями богомудрого основателя обители. Здесь Иосиф нашел тот порядок, который желал учредить в своем братстве. Посетив еще несколько монастырей [11], ревностный игумен возвратился в свою обитель, снова предложил братии правила общежития и, получив новый отказ, решил оставить навсегда Пафнутиев монастырь и основать свой собственный, чтоб устроить его по своему желанию. Для сего с семью преданными ему иноками он удалился в знакомые ему леса Волоколамские.

Князь Волоколамский Борис Васильевич, давно слышавший о добродетелях Иосифа, узнав о прибытии его в пределы Волоколамские, отдал в полную его волю выбор места для обители [12]. Она была основана преподобным Иосифом в 1479 году.

В самом начале существования монастыря ревностный основатель не имел возможности учредить общее житие; но когда число братии возросло значительно и удовлетворение внешних нужд обеспечено было обильными вкладыми, тогда Иосиф учредил порядок общежительных монастырей, избрав образцом преимущественно устав Кирилло-Белозерского монастыря.

По правилу преподобного Иосифа у братии должно быть все общее: одежда, обувь, пища, питье; никто из братии без благословения настоятеля не мог взять в келию ни малейшей вещи, не должен был ничего ни есть, ни пить отдельно от других; хмельные напитки не только не позволялось держать в монастыре, но запрещалось привозить приезжающим и в гостиницу. К божественной службе должно было являться по первому благовесту и занимать в храме определенное для каждого место; переходить с места на место или разговаривать во время службы запрещалось. После литургии все должны были идти в трапезную, вкушать пищу безмолвно и внимать чтению. В свободное от службы время братия должна была участвовать в общих работах или, сидя по кельям, заниматься рукоделием. После повечерия не позволялось останавливаться в монастыре или сходиться, но каждый должен был идти в свою келью и с наступлением вечера исповедоваться отцу своему духовному, в чем кто согрешил в течение дня. Женщинам и детям запрещен был вход в монастырь, а братии — всякая беседа с ними [13]. Без благословения никто не мог выходить за ворота. Для управления монастырем был совет из старцев.

Под руководством преподобного Иосифа братия подвизалась усердно на поприще иноческой жизни. Все время было посвящено или молитве, или трудам телесным. Пища была самая простая; все носили худые одежды, обувь из лык, терпели зной и холод с благодушием; не было между ними смеха и празднословия, но видны были постоянные слезы сокрушения сердечного. В кельях своих братия ничего не имели, кроме икон, книг божественных и худых риз, а потому у дверей келий и не было запоров. Кроме обыкновенного правила монашеского, иной полагал еще по тысяче, другой и по две и по три тысячи поклонов в день. Для большего самоумерщвления плоти иной носил железную броню, другой — тяжелые вериги, третий — острую власяницу. Большая часть ночи проходила в молитве, сну предавались на короткое время, иной сидя, иной стоя. И все такие подвиги предпринимались не самовольно, но с благословения настоятеля. Таким образом послушание освящало их, а любовь увенчивала. Каждый готов был помочь телесным и ду-

шевным нуждам своего брата. Знатность происхождения, мирская слава и богатство за вратами были забываемы. Приходил ли в монастырь нищий или богач, раб или вельможа, — они равны были: на каждого возлагались одинаковые труды, и почеть отдаваема была только тем, кто более подвизался и преуспевал на поприще иноческих подвигов.

Сам Иосиф во всем был примером для братии. Прежде всех приходил он в храм Божий, пел и читал на клиросе, говорил поучения и после всех выходил из храма. Была ли общая работа для братии, он спешил и здесь предварить всех, трудился, как последний из братии; носил такую убогую одежду, что часто его не узнавали; изнурял себя постом и бдением, вкушая пищу большей частью только через день и проводя ночи в молитве. Но не видали его никогда дряхлым или изнемогающим; всегда лицо его было светло, отражая душевную чистоту. С любовью помогал он братии во всех их нуждах; особенное внимание обращал на душевное состояние каждого, подавал мудрые советы и силу слова подкреплял усердной молитвой к Богу о спасении вверенных ему душ. Когда кто из братии боялся или стыдился открывать ему свои помыслы, опытный старец, провидя внутренние помышления, сам заводил беседу о них и подавал нужные советы. Ночью тайно обходил он кельи, чтобы видеть, чем кто занимается, и если слышал где разговор после повечерия, то ударял в окно, показывая свой надзор. Во время одного из таких обозрений заметил он, что кто-то крадет жито из монастырской житницы. Увидя Иосифа, вор хотел бежать, но Иосиф остановил его, сам насыпал ему мешок жита и отпустил с миром, обещаясь впредь снабжать его хлебом.

Благодетельное влияние Иосифа не ограничивалось одним монастырем, но распространялось на всю Волоцкую область. Слава добродетельной жизни Иосифа, мудрость наставлений, подкрепляемых свидетельствами Писания и Отцов Церкви, сила слова привлекали к нему многих. Князь Волоколамский Борис часто посещал его, открывал ему свою душу и руководствовался в жизни благочестивыми его советами. Сын его Иоанн был крестником и духовным сыном Иосифа. Вельможи и высшие сановники считали для себя за счастье удостоиться беседы с Иосифом, избирали его себе духовным отцом, с любовью исполняли его советы и исправляли жизнь свою по его указанию. Женщины, не имея возможности лично пользоваться наставлениями Иосифа, спрашивали советов его письменно или через своих духовников.

Особенно он любил помогать нуждающимся. Имел ли кто из поселян нужду в семенах для посева или лишался домашнего скота и земледельческих орудий приходили к Иосифу, и он снабжал всем нужным. В один год в Волоколамской области был голод. Не имея насущного пропитания, поселяне стекались к обители Иосифа, прося хлеба. В продолжение всего этого несчастного времени Иосиф питал около семисот человек, не считая детей. Чтобы дать приют некоторым из них и особенно детям, Иосиф построил подле монастыря странноприимницу и при ней церковь в честь Введения во храм Богородицы, велел покоить всех болящих и страждущих, кормить всех бедных, поставил здесь особого смотрителя, и эта странноприимница получила название “Богорадного монастыря.” Когда истощились собственные средства обители, Иосиф, несмотря на ропот братии, делал займы и кормил бедных. В то же время убеждал и владетельных князей употребить свои меры для вспомоществования страждущим от голода. По устроению Промысла Божия, пожертвования преподобного Иосифа в пользу бедных не остались без вознаграждения, для новых воздаяний бедным. Великий князь Василий Иоаннович, лично удостоверившись в оскудении обители, обильными дарами спешил вознаградить издержки. Братья великого князя Симеон, Дмитрий и Юрий также присылали от себя пожертвования в обитель Иосифа.

Мы знаем уже подвиги преподобного Иосифа в борьбе с ересью жидовствующих. Твердые речи его на Соборе и богомудрые писания много способствовали к обузданию ереси [14] и успокоению Церкви.

Но вскоре неутомимый сберегатель мира церковного сам подвергся огорчениям в собственном своем монастыре. Главной причиной этих беспокойств был князь Волоколамский Федор Борисович. Он начал делать различные притеснения Иосифову монастырю, который принадлежал тогда вместе с владениями Волоцкого князя к епархии Новгородской. Чтоб избавиться от обид, преподобный Иосиф решился, по примеру некоторых других обителей [15], перейти под непосредственное покровительство великого князя и митрополита. В 1507 году желание его было исполнено, и он получил от великого князя несудимую грамоту.

Переход Иосифа из Новгородской епархии в область митрополита оскорбил владыку Новгородского: архиепископ Серапион [16] подверг Иосифа церковному запрещению за то, что он без ведома и воли своего архипастыря уклонился из паствы его; а великий князь, приняв запретительную грамоту Серапиона личным оскорблением [17], объявил владыку лишенным кафедры и подверг тяжкому заключению в Москве, в Андрониевом монастыре. На Соборе 1509 года обвинили Серапиона в неправильном отлучении Иосифа, который желал, но не мог получить благословения архипастыря [18], а Иосифу выдали разрешительную грамоту. Спустя несколько времени двое богоугодных мужей — святитель и игумен — примирились, и прежняя любовь водворилась между ними [19].

Пользуясь расположением великого князя, преподобный Иосиф последние годы жизни своей провел в мире. Но он подвергался тяжким и частым недугам. Перед концом жизни ослабело у него зрение, так что он с трудом видел, но не мог читать, едва мог ходить и в церковь, водимый и поддерживаемый братией. Чувствуя свою немощь и приближение к смерти, он вновь просил великого князя охранять своим покровительством монастырь, насажденный его потом и трудами и возвращенный молитвами и слезами. Чувствуя приближение кончины, он поручил братии избрать из своей среды преемника ему. Выбор пал на Даниила, старца, любившего нищету, пребывавшего в трудах, посте и молитвах. Преподобный Иосиф утвердил это избрание и после того часто беседовал со своим преемником об обязанностях его звания, завещал ему поступать во всем по духовной грамоте, написанной самим Иосифом, а братии внушал иметь любовь и почтение к новому игумену.

В последние дни своей жизни преподобный Иосиф принял великую схиму и пребывал постоянно в совершенном уединении и в молитвенной беседе с Богом. Во время церковного богослужения братия выносили его в храм: там, в уединенном месте, невидимый другими, он слушал церковную службу. В субботу, 8 сентября 1515 года, приобщившись Святых Тайн, он созвал всех братий, преподал им мир и благословение и при последнем прощании изрек им утешительное обетование. “Вот вам знамение, — сказал он, — если я получу некое дерзновение и милость у Господа, место сие святое не оскудеет, и обитель распространится.” На следующий день братия отпела у него в последний раз утреню. В церкви богослужение еще продолжалось, и в то время, как там начали петь “Святой Боже,” преподобный Иосиф, оградив себя крестным знаменем, предал дух свой Богу 75 лет от рождения [20].

Из обители преподобного Иосифа вышло много великих подвижников. Некоторые из них возведены были на кафедры святительские: непосредственный преемник Иосифа, Даниил, был после митрополитом. Ростовский архиепископ Вассиан II, брат Иосифа; епископы Смоленский Савва Слепушкин, Коломенский Вассиан Топорков, Тверской Акакий, Крутицкие Савва Черный, Нифонт и другие были постриженниками и учениками богомудрого игумена Волоколамского. Из простых иноков замечательны по своей жизни Гера-

сим Черный и Кассиан Косой, пришедшие с Иосифом из Пафнутиева монастыря. Первый из них, строгий постник, жил впоследствии вне обители, в затворе, занимаясь молитвой и рукоделием. Одним из главных его занятий было списывание книг. Кассиан Косой ни летом, ни зимой не носил обуви, не знал меховой одежды; он так изнурял себя постом, что преподобный Иосиф находил нужным умерять его подвиги.

Известен также по жизни добродетельной Иона Голова, в мире бывший приставником у детей князя Бориса. В одно время он не досмотрел за князем Феодором, который упал и повредил себе язык. Избегая гнева князя, он удалился, как в тихое пристанище, в обитель Иосифа, постригся в монашество и проходил самые тяжелые послушания, непрестанно пребывая в трудах и молитве. Непрестанное сокрушение и смирение наделили его обильным даром слез, а любовь и святость жизни привлекали к нему всех. Проходящие мимо обители воины брали хлеб, который он пек, на благословение, а больные для исцеления. Ему отдался в послушание племянник его, юный Епифаний, оставивший двор князя Бориса и убежавший от похвалы человеческой, чтоб удостоиться благословения Божия. Шесть лет провел он в беспрекословном повиновении своему духовному отцу, подвизаясь в молитве; никакое обидное слово не могло вызвать с его стороны гнева и ропота. Через 14 лет по кончине Епифания тело его найдено было нетленным. Славится также своим благочестием Дионисий, из рода князей Звенигородских: он исправлял послушание в хлебопекарне за двоих братьев и каждый день прочитывал по 77 псалмов и полагал по 3000 земных поклонов. Но, любя уединение, он выпросил себе у Иосифа позволение идти на Белоозеро к Нилу Сорскому. С ним вместе удалился туда и другой знаменитый инок Иосифова монастыря Нил Полев из рода князей Смоленских. Князь Андрей Андреевич Голенин-Ростовский был душевно привязан к Иосифу и любил слушать его наставления. Однажды, отправившись на охоту, он заехал в монастырь Иосифа, вошел в церковь, где совершалась Божественная служба, и, пав к ногам Иосифа, умолял его немедленно постричь в монашество, повторяя, что он не выйдет из храма, пока не исполнится его желание. И тут же, свергнув с себя драгоценную одежду, облекся в грубую власяницу инок и получил при пострижении имя Арсений. Свое имение он подарил монастырю, а слуг отпустил на свободу. Отданный в послушание Ионе Голове, он разделял с братией все труды, держал чреду на поварне и в хлебопекарне, ходил за больными. Никогда не видали его праздным; одежду носил он одинаковую с братией и питался той же пищей, что и все [21].

Писания преподобного Иосифа по большей части находятся в тесной связи с обстоятельствами его жизни: та же ревность о славе Божией и вечном благе своей братии, которая одушевляла его во всех делах, открывается и в сочинениях праведника. Преподобный Иосиф одарен был обширной и твердой памятью; при светлом уме, при опытности в духовной жизни он обладал обширными сведениями [22]. Главное из творений его — шестнадцать слов против еретиков и жидовствующих, известное под общим наименованием “Просветителя.” Здесь богоносный игумен является глубоким богословом, основательно защищающим догматы и постановления христианской Церкви цитатами из Священного Писания и свидетельствами Отцов Церкви, а иногда объясняющим и своими умозаключениями. В предисловии к этой книге, изложив сущность новгородской ереси, он говорит о Соборе, бывшем против еретиков при Зосиме, и о нечестивых мнениях самого Зосимы. После сего, прерывая повествование, он опровергает еретические мнения в XIV Словах. В XV Слове он доказывает, что не всякого еретика тотчас же после покаяния можно допускать к общению с Церковью, но нужно различать свойство и тяжесть ереси и отступление от веры. Рассматривая действия новгородских еретиков после Собора, бывшего на них при Зосиме, до второго Собора, преподобный Иосиф доказывает, что с такими еретиками

нельзя поступать снисходительно. В XIV Слове он старается доказать, что раскаяние, под страхом казни не должно освобождать кающегося от наказания.

Основатель Волоколамского монастыря желал оградить обитель свою определенными правилами, дабы своеволие не ввело в нее, ко вреду духовной жизни, своих обычаев. В таком духе написан им “Устав монастырю” в 14 главах [23]. В заключение Устава приложены “завещание, или духовная грамота, грешного, или худого, игумена Иосифа” и дополнительные правила для иноков.

Сверх того преподобный Иосиф оставил после себя много посланий, написанных им во время борьбы с еретиками по поводу спора со святым Серапионом и для назидания разных лиц в жизни духовной [24].

Чтобы ближе ознакомить читателей с писаниями преподобного Иосифа, извлечем из них наставления его о том, как надобно служить единому Богу.

“Прежде всего возлюби Господа Бога всем сердцем и всем умом твоим и крепостью; пусть не отлучает тебя от любви Божией ни жизнь, ни смерть, ни настоящее, ни грядущее. Пусть все правила и привычки твои будут угодны Богу... Мало говори и много размышляй; не будь дерзок в слове, не излишествуй в беседе, не будь склонен к смеху, украшайся стыдливостью. Трудись руками своими, благодари за все, терпелив будь в скорби, охраняй сердце от гордости и худых помышлений. Не засматривайся на жизнь ленивых, а ревнуй житию святых; радуйся успехам добродетельных, но не завидуй. Плачь о согрешающих, но не осуждай их, — есть Судия, Который воздаст каждому по делам его. Не оправдывай себя, а признавай себя грешником пред Богом и людьми; не беседуй льстиво; не клеветчи ни на кого и не слушай клеветы. Пусть ярость не доходит до насилия, и похоть не владеет тобой; не гневайся напрасно и не думай о мести, чтобы платить злом за зло. Пусть укоряют тебя, но ты не укоряй; пусть бьют тебя, но ты не бей; пусть обижают тебя, но ты не обижай. Остерегайся бесед женских и вина: то и другое отуманивает даже самых умных людей. Совершая заповеди Господа, не будь печален, а жди награды от Бога и ищи Жизни Вечной.

Читай завещанные книги и, отнюдь, не читай запрещенных. Ищи небесного и не жаждай земных благ: над ними растянута сеть — увязнешь, как птица. Откажись от мирской мудрости и умудряйся во Христе. Одно дело мудрость Его и другое — мудрость мира, который распял Христа, Господа славы.

Пусть исходит из уст твоих слово утешения, укрепляя любовь к тебе других. Беседуй с лицом веселым, чтобы весело было и разговаривающему с тобой. Разговаривая с бедняком, не оскорби его: кто обижает нищего, оскорбляет Создателя. Не стыдись кланяться всякому, как созданному по образу Божию. Старшего летами постарайся почитать; с равными встречайся мирно; младших принимай с любовью; пред почтенными не ленись стоять. Алчущего накорми, жаждущего напои, как повелел Господь, нагого одень, странного введи в дом, больного посети; дойди до темницы и узнай беду тамошних; чего требуют, подай; поскорби, вздохни и прослезись с ними; вспомни, что многие из них страждут за один какой-нибудь грех, а мы постоянно грешим и, однако, живем счастливо. Так скорби о грехах своих, воздыхай о соблазнах и падениях города, где живешь.

Ищи человека, боящегося Бога и служащего Ему всей душой, и к нему прилепись душой и телом. Если нашел ты такого человека, будь покоен: ты нашел ключ к Царству Небесному. Следуй ему во всем, внимай словам его, делай приятное ему. Монастыри и дома святых пусть будут для тебя пристанищем; прибегай к ним, принимай в них участие, утешай их в нищете их. Если есть у тебя нужное для них, принеси им: ты отдашь это в руки Божии. Пойми, чего требует Царь Небесный от твари своей — малой и легкой мило-

стыни. Подай же малость и получишь вечное; подай немного и возвратится тебе во сто раз. Милующий убогого дает взаймы Богу.

Мир этот пройдет мимо нас, и слава его исчезнет; а придет Господь с Небесными Силами, поставит каждого на суд и каждому воздаст по делам его. Помни, что можешь завтра же увидеть, как разверзнутся небеса, сойдут ангелы, и ты станешь пред Страшным Судилищем и будешь давать отчет в твоей жизни, в делах, словах и мыслях. Позаботься же о себе, вспомни грехи свои, не забывай о суде. Помни, что ты человек смертный, немощный и подверженный страстям. Помни, что ты живешь в жизни печальной, погубившей многих добрых и злых, умных и неумных, богатых и бедных. Помни, что ты человек слабый, не можешь вынести ни труда одного дня, ни бдения одной ночи. Вспомни, сколько ты грешил пред Богом в юности своей. Подумай, сколько там под землей душ, оскорблявших Бога, желавших получить малый отдых и не получивших. Подумай, как часто поднималось море жизни нашей от плоти нашей, сколько бурь и мятежей, сколько ветров, сколько грехов, сколько слез по городам, домам и торгам! Подумай, сколько было людей после Адама, и все прошли без следа. Прославились на небе и на земле лишь те, кто жил по заповедям Божиим. Что в этом мире не ложь? Все полно болезни и страха. Рождение наше — со страстями, и смерть страшна. А что будет до смерти, неизвестно; все пути наши печальны. Плоть наша неумерима. Здоровая воюет, немощная печалит нас; не давай ей хлеба — ослабеет. Кто в этой жизни прожил без скорби? Кто не стонал? Сколько обманутой жизнью! Подумай, что скоро, скоро оставишь ты все видимое: и эту землю, и это небо, и этих людей. Подумай, как ничтожен ты телом и душой. Малая скорбь одолевает тебя, малое слово громит тебя, малая болезнь, как огонь, обжигает тебя и ввергает в скорбь. Каждое веселье света оканчивается печалью. Ныне играют свадьбу, завтра плачут над мертвецом. Ныне рождаются, завтра погребаются. Ныне радость, завтра слезы. Ныне богат, завтра нагой. Ныне знатен, завтра труп, поедаемый червями. Содрогнемся и вострепещем. Что с нами будет, не знаем. Покаемся теперь; после смерти нет покаяния. Что сделаем здесь, то и найдем там; что посеем, то пожнем” [25].

Другим путем, но к той же цели — спасению своей души и пользе ближнего — шел великий отец Русской Церкви, преподобный Нил Сорский из дворянского рода Майковых. Он родился в 1433 году и положил начало иноческой жизни в Кирилловой обители, где пользовался советами мудрого и строгого старца Паисия Ярославова. Спустя некоторое время он пошел с учеником своим и сотрудником монахом Иннокентием к святым местам восточным и несколько лет провел на Афонской Горе и в монастырях Константинопольских. В это время он особенно напитал дух свой наставлениями великих отцов пустынных, которые путем внутреннего очищения и непрестанной молитвы, совершаемой умом в сердце, достигали светоносных озарений Духа Святого. Душеспасительные уроки сих богомудрых отцов не только изучил он умом и сердцем, но обратил в жизнь и постоянное упражнение [26].

Возвратясь в Белозерский монастырь, преподобный Нил уже не остался жить в нем, но срубил себе келью недалеко от него; потом отошел на 15 верст, где, водрузив крест, поставил сперва часовню и уединенную келью и при ней ископал кладезь, а когда собралось к нему для жительства несколько человек братии [27], то построил деревянную церковь Покрова Богородицы. Отсюда писал он к другу своему Иннокентию: “Когда мы жили вместе с тобой в монастыре (Кирилловом), ты знаешь, как удалялся я мирских связей и старался жить по Священному Писанию, хотя по лености моей и не успевал. По окончании странствования моего пришел я опять в монастырь, устроил себе вблизи его келью, жил сколько мог. Теперь переселился я вдаль от монастыря, нашел благодатию Божией место по мыслям моим, мало доступное для мирских людей, как сам ты видел [28].

Живя наедине, занимаюсь испытанием духовных писаний: прежде всего испытываю заповеди Господни и их толкование и предания Апостольские, потом жития и наставления Святых Отцов. О всем том размышляю и что, по рассуждению моему, нахожу богоугодно-го и полезного для души моей, переписываю для себя. В этом жизнь моя и дыхание. О немощи моей и лени возложил упование на Бога и Пречистую Богородицу. Если что случается мне предпринимать и если не нахожу того в Писании, на время отлагаю в сторону, пока не найду. По своей воле и по своему рассуждению не смею предпринимать что-либо. Живешь ли отшельнически или в общежитии, внимай Святому Писанию и следуй по стопам Отцов или повинуйся тому, кто известен тебе как муж духовный в слове, жизни и рассуждении... Святое Писание жестоко лишь для того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений, а желает жить по своей страстной воле. Иные не хотят смиренно испытывать Святое Писание, не хотят даже слышать о том, как следует жить, как-будто Писание не для нас писано и не должно быть выполняемо в наше время. Но истинным подвижникам и в нынешние, и во все века слова Господни всегда будут словами чистыми, как очищенное серебро; заповеди Господни для них дороже золота и камней драгоценных, слаще меда и сота.”

Как для себя, так и для учеников своих, преподобный Нил поставил правилом не общежительное житие, а строгое скитское (аскетическое). При построении храма надлежало сделать на болотистой почве высокую насыпь, тем более, что под церковью назначалась братская усыпальница. Руками богомудрого старца и живших при нем скитников насыпан был высокий холм для храма и усыпальницы. Кельи были поставлены на возвышении; каждая от другой и от храма — на расстоянии брошенного камня. Скитники собирались в храм свой, по примеру восточных, только по субботам, воскресеньям и праздникам; в прочие дни каждый молился и трудился в своей келье. Всенощная скитская продолжалась всю ночь в полном смысле слова: за каждой кафизмою предлагалось по три и четыре чтения из Святых отцов. Во время литургии пели только Трисвятую песнь, аллилуия, херувимскую и “достойно”; все прочее читалось протяжно, нараспев. В субботу приходили в братскую усыпальницу, где совершалась панихида за упокой усопших. В завещании ученикам преподобный Нил так изображает внешнюю сторону скитского жития: “а) Пропитание снискивать трудами рук, но не заниматься даже земледелием, так как оно по сложности своей неприлично отшельнику. б) Только в случае болезни или крайней нужды принимать милостыню, но не ту, которая могла бы служить кому-либо в огорчение. в) Не выходить из скита. г) В церкви не иметь никаких украшений из серебра, даже и для священных сосудов, а все должно быть просто. д) Здоровые и молодые должны утомлять тело постом, жаждой и трудом, а старцам и слабым дозволяется успокоение в известной мере. е) Женщинам отнюдь не входить в скит.” Немногосложно правило для наружной жизни! Но преимущественный труд и подвиг скитского жития состоит во внутреннем подвижничестве, в бдительности над состоянием души, в очищении ее молитвой и богомыслием. Сие то подвижничество преподобный Нил и изображает довольно подробно для учеников своих и в обширном сочинении “Предание о жительстве от Святых отцов учеником своим,” или скитском уставе [29].

Сколько устав преподобного Иосифа Волоцкого отличается внешней строгостью, столько творения дивного подвижника Сорского — глубокими сведениями о внутренней жизни во Христе [30]. Введенный им неслыханный дотоле на севере скитский образ жизни, полное отречение от всего земного, высказанное им на Соборе [31], и заботы об исправлении испорченных переписчиками церковных книг восстановили многих против преподобного Нила и учеников его; но он продолжал терпеливо идти путем своим, не обращая внимания на клевету людскую.

Преподобный Нил предал дух свой Господу 7 мая 1508 года, достигнув 75-летнего возраста. Перед кончиной он заповедал ученикам своим: “Молю вас, бросьте тело мое в пустыне, потому что оно согрешило пред Богом и недостойно погребения; пусть растерзают его звери и птицы. Или, если хотите, выкопайте яму и положите его туда без всякого уважения. Бойтесь слова, сказанного великим Арсением, ученикам его: “На суд стану с вами, если кому отдадите (для почитания) тело мое. Во всю жизнь я избегал чести и славы века сего; того не желаю и по смерти.” И предсмертное желание великого ревнителя нищеты и смирения исполнилось: обитель его осталась одной из самых малолюдных и бедных на севере России, и святые мощи его почивают под спудом в убогой часовне [32].

И дальние окраины севера, суровые берега и острова “Студеного моря” (как называли наши предки Северный океан с его заливами) населились пустынножителями. В начале XV века пришел (неизвестно откуда) на корельский берег Белого моря преподобный Евфимий. Но едва усердный труженик успел построить храм святителя Николая и несколько келий, как в 1419 году норвежские разбойники напали на монастырь, сожгли церковь и умертвили нескольких иноков. Вскоре за тем сыновья Марфы-посадницы, владевшей на севере огромными пространствами земли, осматривая имения свои, утонули в устье Двины [33] и были погребены в развалинах разоренной обители, а мать их доставила богатые средства для возобновления церкви и келий. Блаженный Евфимий известен не только работами по устройству монастыря, но и по ревности к просвещению дикого Карельского края светом евангельской истины. Он просвещал заблудших словом и примером жизни своей. Преставление преподобного Евфимия последовало около 1435 года [34].

Почти в то же время на одном из бесплодных островов Белого моря возникла обитель иноческая, которой суждено было занять одно из самых видных мест между монастырями Русской земли.

В Белозерской Лавре преподобного Кирилла подвизался инок Савватий. Безответное послушание игумену, кроткая любовь к братии и строгая жизнь приобрели ему уважение всех. Это тяготило старца, и он решил скрыться в безмолвном месте. Услышав, что в Новгородской стороне на озере Нево (Ладожском) есть остров Валаам и на нем — монастырь, отделяемый от мира водой, любитель смирения и безмолвия собрался на этот тихий остров; Белозерские иноки не без скорби расстались с подвижником Божиим. На Валааме Савватий был также иноком послушливым и безответно выполнял поручения, не спрашивая и себя, для чего требуют того или другого. Дошло до слуха Савватия, что еще дальше на севере есть Соловецкий остров [35], никем необитаемый, весьма тяжелый для пребывания на нем, редко доступный даже для рыбаков. Загорелась душа пустыннолюбивого старца желанием пожить там в любезном безмолвии. Когда объявил он о своем желании игумену и братии, они никак не хотели расстаться с Савватием. Чудная ревность к суровым подвигам! Убеленный сединами старец ночью бежал с Валаама. Когда достиг он берега Белого моря и стал расспрашивать прибрежных жителей о Соловецком острове, они рассказали ему, что остров велик, с озерами, лесами, горами, но необитаем оттого, что очень неудобно сообщение с ним. Этот рассказ еще более воспламенил в старце желание поселиться там. “Чем же ты будешь питаться и одеваться там, старец, когда ты так беден и дряхл?” — спросили люди, с которыми беседовал Савватий. Подвижник отвечал: “У меня такой Владыка, Который и дряхлости дает силы свежей юности, и голодных питает до сытости.” Старец решился остаться на время в часовне, стоявшей вблизи устья реки Выга [36]. Здесь увидался он с отшельником Германом и от него узнал еще более, как благоприятен для безмолвия остров. Герман изъявил готовность не только проводить его до острова, но и поселиться с ним там. На малой ладье отправились они по беспокойному морю и, хранимые Господом, на третий день счастливо достигли берега. Близ горы Секирная, на

расстоянии 12 верст от нынешней обители, поставили они крест [37] и себе кущи. Это были первые отшельники на дальних Соловках. Подвиги их с 1429 года освятили негостеприимный остров сурового севера. Это отшельничество далеко тяжелее отшельничества восточного. На здешней почве нельзя было иметь никакой растительной пищи, а страшный холод зимы и сырость осени сжимали самую жизнь в организме телесном. Подвижники Божии терпеливо выносили все перемены климата в своих хижинах, согреваясь любовью к Господу; они молились и пели псалмы, ожидая вечности блаженной.

Когда прибрежные жители Кеми услышали, что на Соловецком острове поселились монахи, они позавидовали и послали туда одну семью, с тем чтобы она, ознакомясь ближе со средствами острова, открыла удобства и другим для поселения. Раз Савватий пел с другом своим воскресную всенощную и вышел покадить крест, поставленный пред кельей. Неожиданно слышит он крик и вопль и в смущении спешит в келью сказать о том Герману. Оградясь крестным знаменем, Герман идет на голос крика и видит только рыдающую женщину. “О чем ты так плачешь?” — спросил он. “Я шла к мужу, — отвечала она, — и вдруг встретились мне двое юношей светлых, с гневом стали жестоко бить меня и говорили: бегите отселе, не для вас это место, сонмы иноков будут здесь славить Бога, — бегите, чтобы скорая смерть не постигла вас. И мгновенно исчезли они.” Герман рассказал старцу, что узнал, и оба прославили Господа за Его дивную волю.

На шестом году соловецкой отшельнической жизни авва Герман для нужд келейных отправился на берег к реке Онеге. После того в том же году старцу Савватию было извещение о скором разрешении его от уз телесных. Он поспешил на твердую землю, чтобы приобщиться Святых Тайн, и в два дня на утлой ладье достиг берега. Там встретил он игумена Нафанаила, жившего при часовне на реке Выга; рассказав о себе, где он жил, Савватий просил преподать ему разрешение и приобщить Святых Тайн. Нафанаил спешил напутствовать больного и просил святого старца идти в часовню и там ждать его до утра. “Не весте, что утре будет,” — сказал старец и просил не отлагать исполнения просьбы его до утра. Игумен исполнил желание святого старца и просил подождать его в часовне, чтобы насладиться духовной беседой. “Как Господу угодно, так и будет,” — отвечал старец и пошел к часовне. В это время прибыл на берег новгородский купец Иоанн. Помолясь в часовне, зашел он в келию и здесь увидел благолепного старца. Усладясь беседой его, купец предложил ему богатое подаяние. “Мне это не нужно, — сказал старец, — раздай бедным,” и объяснил, как много значит для души подаяние милостыни. Купец опечалился тем, что святой старец не принял у него ничего для себя, и Савватий с лаской любви сказал ему: “Останься, друг, до завтра здесь, не будешь жалеть о том, и путь твой будет покоен.” Купец отвечал, что ныне же должен отправиться в море. Но едва вышел из келии, как в море поднялась буря. Пришлось и против желания остаться на берегу. Наутро добрый купец пришел принять благословение у старца; с молитвой толкнул дверь, ответа не было, взошел в келию и увидел старца, сидящего в куколи и мантии, с кадильницей в руке, но не слышал ответа на приветствие: старец скончался с молитвой на устах. Это было 27 сентября 1435 года. Пришедший игумен Нафанаил вместе с Иоанном похоронили почившего подвижника.

По кончине преподобного Савватия остров, освященный его молитвами и подвигами, не надолго остался необитаемым. В поморский край пришел инок по имени Зосима [38], искавший удобного места для безмолвия. При устье реки Сума встретил он блаженного авву Германа и узнал от него о подвигах преподобного Савватия. Зосима обрадовался и вместе с Германом пустился в ладье через Белое море на Соловецкий остров. Прибыв безбедно на желаемое место, пустынники ходили по острову с мыслью, где бы Бог благословил устроить обитель, и остановились недалеко от морского берега, на берегу озера с при-

ятной водой. Они поставили себе кущи и провели ночь в молитве. Это было в 1436 году. Наутро преподобный Зосима вышел из хижины и увидел над местом их необыкновенный свет и парящую на воздухе церковь. Незнакомый еще с видениями, он ужаснулся и в страхе поспешил в кущу. Старец Герман, увидев изменившееся лицо его, понял, что он видел что-нибудь особенное и спросил: “Что случилось с тобой, брат мой? Ты видел что-то необыкновенное.” Зосима передал ему, что видел. Старец рассказал ему, в свою очередь, как еще при Савватии прогнаны были с того места мирские люди, и как оно свыше назначено было для пребывания иноков. Обрадованный уверением небесным о назначении места, Зосима утвердился в намерении основать здесь обитель. Помолясь Господу, отшельники начали рубить деревья для сооружения кельи; днем они занимались работой, а ночь проводили в молитве. В исходе лета Герман отправился на Сумский берег, чтобы запастись хлебом, и надеялся возвратиться осенью. Но ветер, а потом и снег не позволили ему пуститься в море, и он провел зиму на берегу. Зосима остался один, но возложил упование на Господа. Он удвоил молитвенные бдения свои [39]. Духи злобы стали тревожить отшельника разными призраками, домогаясь прогнать его с места, но Зосима подвизался твердо. “Если дана вам, — говорил он, — власть надо мною, делайте что хотите; если же нет, напрасно трудитесь.” Призраки исчезли. Но стала грозить голодная смерть: скудный запас хлеба исчезал. Зосима обратился с молитвой к Господу о помощи. И вот приходят к нему два человека с запасом хлеба, муки и масла и говорят: “Возьми это и положи у себя; если будешь иметь нужду, можешь употреблять в пищу до нашего возвращения.” Зосима не успел спросить, кто они и как зимой попали на остров. Напрасно прождав их немалое время, он понял, что это — помощь от Господа, и возблагодарил Его. Весной Герман привез с собой запас хлеба и рыболова Марка со снастью для рыбной ловли. Духовные друзья прославили вместе Господа за дивную благодать Его.

Когда разнеслась молва о новом подвижнике Соловецком, к преподобному Зосиме стали приходиться любители безмолвия, и он принимал их с любовью. На месте дивного видения срублен был небольшой храм Преображения Господня и при нем трапезная. Послали одного монаха в Новгород испросить благословения архипастыря и антиминос для нового храма. Возблагодарив Господа за благодать, одушевившую таким мужеством рабов Его, святитель [40] решил послать игумена Павла с антиминосом для освящения храма и для управления новым братством. Так началась обитель Соловецкая. Для содержания своего братия рубили дрова, копали под огород землю, доставали из озер соль. Последнюю время от времени продавали они сторонним людям, которые стали ездить на остров и взамен соли привозили хлеб. Приобретая трудами рук средства к жизни, иноки по наставлению и примеру Зосимы ревностно славилы Бога в храме и довольны были малым. Но жадная зависть подняла войну против пустынников. Боярские люди явились на остров и отнимали у иноков рыбную ловлю. “Это отчина бояр наших,” — говорили они, тогда как дотеле никто не жил на острове. Лопари также жестоко обижали иноков. Эти нападения злости также тревожили Зосиму. Старец Герман успокаивал его. “Нужны терпение и молитва,” — говорил он. Между тем игумен Павел недолго мог вытерпеть трудности жизни на суровом и глухом острове. После него были еще два игумена, но и они возвратились в Новгород.

Так как настоятели, посылаемые на остров, не могли ужиться там, то братия решилась избрать игумена из своей среды, и стали они просить первоначальника своего, преподобного Зосиму, чтобы он принял на себя игуменство. Но смиренный подвижник не хотел и слышать о том. Пустынники собрались к Герману и сказали: “Мы собрались сюда для подвижника Божия Зосимы, из нас никто не может быть игуменом; игуменом должен быть тот, кому поручили мы души свои.” Затем тайно отправили посла в Новгород, чтобы

архипастырь вызвал и посвятил в игумена Зосиму. Святитель согласился и, вызвав Зосиму, убедил его принять сан священства и игуменства. В Новгороде уже слышали о чудном подвижнике соловецком, и многие желали получить от него благословение в домах своих. Преподобному игумену Зосиме дарили для обители церковную утварь и хлеб; другие вызывались помогать обители в возможных нуждах.

Возвратившись на свой остров, преподобный Зосима ревностно занялся устройением внутреннего быта обители. Постановив непрременным правилом для нее общежитие, он внушал братии вести жизнь иноческую так, как заповедали великие отцы общежития: не желать и не искать для себя, а заботиться об общем покое; в храме стоять со страхом Божиим, не сходить с места до конца службы, не разговаривать с другими, в трапезе сохранять молчание и внимать назидательному чтению. Поныне известен устав его о жизни братии. “Игумен, — говорится в нем, — священники, старцы, вся братия едят и пьют в трапезе; кушанье — для всех одинаковое; по келиям, за исключением больных, нет стола; из трапезы не выносят еды и питья. Одежда и обувь выдаются из казны. Если кто может, покупает себе келию; иначе живут в келиях обители. Дохода нет никакого ни священникам, ни братии, ни служащим в монастыре и за монастырем: все нужное для каждого выдается из казны” [41].

Бог благословил монастырь по молитвам угодника Своего. По двум грамотам [42] новая обитель получала земли по реке Суме и право на владение целым островом Соловецким и другими соседними островами.

Слух о высокой духовной жизни преподобного Зосимы привлекал на остров ревнителей вечного спасения со всех сторон. Приходили священники, диаконы, причетники, иноки, желая жить с преподобным и пользоваться наставлениями его: старец принимал их с любовью. Даже лопари и чудь, даже норвежцы приходили к преподобному Зосиме и поучались душевному спасению. Мало зная язык русский, они слушали язык сердца чистого, которое без слов говорит сердцам о Боге и вечности [43].

В 1465 году по совету Кирилловских иноков [44] преподобный Зосима перенес мощи преподобного Савватия, уже прославленные чудесами, с берега реки Выга в свою обитель. Между тем люди мира грешного не переставали оскорблять иногда Соловецких иноков. Блаженный игумен отправился в Новгород. “Часто приходят к нам боярские дети, — говорил он владыке Феофилу, — и много делают оскорблений, не позволяя ловить рыбу и угрожая даже совсем выгнать нас из нашей пустыни; заступись за нас.” Владыка обещал помочь. Старец обратился с просьбой и к новгородским боярам. Боярыня Марфа, вдова посадника, была тогда лицом сильным в Новгороде. К ней более, чем к кому-либо, нужно было обратиться с просьбой, потому что слуги ее, жившие на ее землях, близких к острову, более других, оскорбляли послушников обители. Преподобный явился к ней. Гордая боярыня, возмущившись, сочла за личное оскорбление жалобы иноков и приказала выгнать Зосиму из своего дома. Преподобный спокойно перенес оскорбление и сказал со вздохом ученикам: “Настанут дни, когда обитатели сего дома перестанут ходить в нем; затворятся двери его и дом зарастет травой.” Прочие же бояре почтительно принимали преподобного, у кого бы только он был. Марфа почувствовала затем вину свою и пригласила к себе святого старца. Встретив его с детьми своими, просила она простить ее вину пред ним и обителью. Она вручила ему новую вкладную грамоту на землю и рыбные ловли. За обедом, к которому приглашено было несколько бояр, Зосима сидел молча и по обыкновению мало кушал. Взглянув на сидевших с ним, он увидел, что шестеро бояр сидят без голов; в другой и третий раз смотрел он на них и видел одно и то же. Слезы жалости потекли из глаз его, и он уже более не касался пищи. Ученик его Даниил, когда вышли они из дома боярыни, спросил его: что значит, отче, что во время стола три раза смотрел ты на

сидевших и потом с поникшим лицом плакал? Святой старец открыл ученику, что видел он, и не велел говорить о том до времени другим [45].

Великий светильник глубокого севера Русской земли, начальник общежития в стране нестерпимых морозов, богоносный Зосима прожил 42 года на Соловецком острове и 26 лет настоятельствовал в созданной им обители. Убеленный сединами, чувствуя близость кончины, созвал он братию и сказал: “Дети, я иду в путь отцов, изберите себе наставника.” Они зарыдали о разлуке с ним. “Не плачьте, — сказал преподобный, — поручаю вас милостивому Спасителю и Матери Божией.” Братия со скорбью объявила, что только он, наставник их, может назначить им вместо себя наставника. Преподобный указал на Арсения и, обратясь к последнему, сказал: “Ты строитель и питатель обители сей; смотри, чтобы сохранялось все установленное по храму и трапезе, соблюдался чин, введенный смирением моим. Заповедую ученикам моим соблюдать устав киновии; опьяняющее питье и женские лица не должны быть на этом острове, даже и дающие млеко животные не должны быть здесь. Телесно разлучаюсь я с вами, но духом с вами пребывать буду.” Сказав последнее: “Мир всем,” — он осенил себя крестным знамением и предал душу свою Господу 17 апреля 1478 года [46].

Вскоре по блаженной кончине преподобного Зосимы множество исцелений и других благодатных знамений доказали святость угодника Божия. Особенно пловцы Белого моря много раз испытывали дивную помощь в страшных опасностях, когда призывали на помощь преподобного Зосиму. “Постоянно обуреваемые бедами и страстями, прибегаем к тебе, преподобный Зосима, и молим быть молитвенником за нас пред Богом. Посещай милостиво, отче наш, за тобой спасаемые, поем: благословен Бог отец наших” [47].

Под руководством великого аввы образовались крепкие подвижники благочестия. Таковыми были священосец и ученик святой Иоанн, Василий-ученик, Онуфрий-ученик и пустынный, Герасим-ученик и отшельник [48]. Все они пережили дивного наставника. Пережил и его ветхий старец Герман. Более 50 лет прожил авва на острове Соловецком. Он не был человеком книжным, но многолетний духовный опыт научил его различать явления духовные от естественных. Убежденный в том, что жизнь великих подвижников доставляет назидание многим, авва Герман приказывал ученику своему Досифею [49] и другим записывать все, что он видел при жизни преподобного Савватия и как тот жил с ними на острове. Он любил слушать назидательное чтение и собирал книги. Несмотря на глубокою старость, он много раз путешествовал на твердую землю для нужд обители, и самая кончина застигла старца в 1479 году вдали от обители — в Великом Новгороде, куда он был послан игуменом Арсением. Преподобный Герман преставился в обители преподобного Антония Римлянина [50].

Прославляя подвиги первоначальников Соловецкой обители, святая Церковь воспева-ет: “Избегая шума многомятежного мира, мудрый Савватий, ты поселился на пустынном острове и в ладье телесной при кротком дыхании всеоживляющего Духа легко переплыл пучину житейскую, в которой мы теперь подвергаемся бурям и напастям: молись о душах наших” [51].

“Воссияла весна духовная в стране лютого мороза, когда ты, богомудрый Зосима, руководимый доблестным Германом, проник в незнакомые отоки моря, в селение Савватия, и там собрал множество подвижников, неусыпно прославляющих Господа” [52].

20. Основатели монастырей 15-16 веков.

Прежде, нежели приступим к изложению общецерковных и соединенных с ними гражданских событий при преемнике Иоанна III, обратим благоговейный взор на подвиги тружеников Божиих, насадителей иночества, основателей пустынных обителей, которые светили, как яркие светильники, среди лесов, болот и дебрей покрытой мраком земли Русской.

В стране Белозерской доживал последние годы долгой своей жизни дивный подвижник Мартиниан, ученик преподобного Кирилла Белозерского, основатель общежительной обители на безлюдном острове озера Вожа, а после преподобного Ферапонта — настоятель в монастыре его. Там подал он совет державному слепцу, изгнаннику Василию Темному, искать наследия, отнятого Шемякою [1], и благодарный великий князь, возвратив снова престол, вызвал Мартиниана к себе и поручил ему игуменство в Лавре чудотворца Сергия. Искренне любя великого князя Василия и желая ему добра, преподобный Мартиниан всегда прямо говорил ему правду. Однажды Василий поручил ему уговорить вельможу, удалившегося к Тверскому князю, возвратиться в Москву, и обещал, что тот не только будет прощен, но и получит награду. Боярин послушался преподобного, но вместо почести заключен был в темницу. Услышав о том, Мартиниан немедленно явился к великому князю и сказал ему: “Таков ли праведный суд твой, государь! Ты продал грешную мою душу, лишив свободы того, кому ручался я за свободу душою моею. Да не будет благословение мое на тебе и на твоём княжении!” Великий князь сознал свой грех. Вслух перед боярами своими сказал он, как бы гневаясь: “Судите бояре, что со мною наделал болотный чернец? Пришел ко мне во дворец и снял с меня благословение Божие.” Бояре не понимали, что это значит. Великий князь прибавил: “Виноват я пред Богом, забыл свое слово и поступил несправедливо; пойдём к Святой Троице, к преподобному Сергию и блаженному Мартиниану, чтобы получить прощение.” Вслед за тем освободил он боярина и осыпал его милостями и потом отправился в обитель преподобного Сергия. Здесь со всей братиею вышел к великому князю навстречу обрадованный Мартиниан. Но обитель, близкая к столице, тяготила пустытника. Он припоминал себе слова наставника своего преподобного Кирилла: “Добро иноку хранить молчание и нестяжание и избегать всего, что может возмущать чувства.” С другой стороны, желал он докончить устройство внутреннего порядка в любезной ему Ферапонтовой обители.

Он протился с братиею Лавры в 1455 году и еще 28 лет управлял обителью преподобного Ферапонта. Здесь он преставился 86 лет от рождения 12 января 1483 года [2]. Любимый ученик великого Кирилла и собеседник подвижника Ферапонта воспитал много духовных чад. В числе их особенно замечателен преподобный Галактион. Он жил в келье своего отца и наставника, и когда старец по дряхлости не мог ходить в церковь, Галактион носил его на плечах своих. Достигнув тайными подвигами высокого совершенства духовного и желая сохранить смирение, Галактион по благословию преподобного Мартиниана иногда налагал на себя юродство и предсказывал будущие события. По кончине наставника своего он прожил еще 20 лет в обители, служа примером строгой жизни и подкрепляя ослабевших. Так сказал он одному брату, который впал в уныние и хотел оставить обитель: “Что это, брат, задумал ты? От волнения не убежишь, хотя бы ты и удалился от нас: нельзя нигде избежать искушений вражьих.” Когда в 1505 году великий князь Василий посылал войско против Казани, прозорливый подвижник говорил: “Еще много раз князь Василий будет хлопотать о Казани, но безуспешно; родится сын Иван, тот овладеет Казанским царством” [3]. Блаженный Галактион предвидел свою кончину и известил о

том братию; сотрудник его Савва скорбел о разлуке с ним. “Не скорби, чрез восемь дней увидимся,” — сказал ему Галактион. И точно, спустя 8 дней после блаженного Галактиона умер и Савва. Это было в 1506 году.

В Тверской области, близ города Кашина, в селе Грибково (ныне Кожино) у боярина Василия Кожина [4] родился сын Матвей. Рано обученный грамоте молодой Кожин женился на девице из рода Яхонтовых, но, скоро овдовев, решил быть слугою Царя Небесного и постригся в Клобукове монастыре [5] с именем Макария. Спустя несколько лет, не довольствуясь подвигами послушания и стремясь душою из городской обители в пустынное уединение, Макарий удалился с семьей иноками из Клобукова, чтоб отыскать безмолвное место для подвигов. В 18 верстах от Кашина между двумя озерами, вблизи Волги, нашел он место красивое и тихое, какого искал всей душою. Водрузив крест, поставил он хижину и стал подвизаться в безмолвии. Место трудов его назвал Колязиной пустыней боярин Иван Коляга, которому принадлежали ближние земли. Этот Коляга сначала ненавидел пустынников, но, исцеленный преподобным Макарием от тяжкой болезни, отдал свои земли под новую обитель иноческую. Она была устроена в честь Святой Троицы, и Макария принудили принять на себя настоятельство. В сане игумена Макарий трудился наряду со всею братиею, как и в то время, когда был простым иноком. Для умножавшейся братии купил он у Тверского князя село Сергеевское. Игумен к подвигам инока присоединил заботу и труд наставлять братию и посетителей обители. К Макарию приходили и простые люди, и многие вельможи. Они уважали его, как отца, хотя носил он одежду худую, покрытую заплатами. По такому одеянию и по простоте обращения иные принимали его за человека простого и даже смеялись над ним. Утешением для него было ходить по местам безмолвным и беседовать с природою. Тогда почти единственными жителями пустынного края были дикие звери; но они были кротки с кротким рабом Божиим и иногда принимали от него пищу.

Духовная жизнь цвела в обители Макария. Вот что говорил сам Макарий посещавшему его преподобному Иосифу Волоколамскому: “Когда пришел я на это место, то со мною пришли из Клобукова монастыря семь старцев. Они были так совершенны в добродетелях и духовной жизни, что все братия приходили к ним принимать наставления; они же учили всех полезному, одних утверждали в добродетелях, а уклонявшихся к бесчинию удерживали запрещением и не позволяли следовать своей воле.” Благодать Божия проявлялась в подвижнике Божиим чудными знаменами еще в земной жизни его. Раз привезли в обитель его расслабленного Захария, и больной со слезами просил Макария помолиться за него. “Зачем привезли тебя ко мне, брат мой, зачем просишь ты помощи у грешника, который едва кое-что приобрел только для своего спасения?” — говорил смиренный игумен. Расслабленный не переставал просить помощи. “Знаю, — говорил он, — что молитва твоя за меня несчастного не останется тщетною пред Богом.” Макарий сказал ему: “Сын мой! Бог не хочет смерти грешника и ведет его к покаянию. Вот и на тебя пришло посещение Божие. Если покаешься и отстанешь от прежних привычек худых, получишь исцеление; если же нет, хуже будет с тобою.” Захария со слезами исповедал все грехи свои. Блаженный благословил его, и больной стал здоров. Другой случай произошел с бесновавшимся молодым человеком Василием Рясиним. Макарий отслужил молебен о его здравии, осенил его крестом, и выздоровевший больной уже не возвратился в свой дом, а принял в обители иночество. Раз недобрые люди украли рабочих волов обители, но внезапно ослепли. Блуждая по окрестностям, они невольно воротились в обитель и покаялись в грехе своем Макарию; преподобный разрешил их от греха и слепоты, прибавив: “Вперед не грешите.”

С тех пор, как поселился в пустыни, Макарий не изменял своего иноческого правила до глубокой старости: твердо стоял он на молитве днем и ночью. Раз вступив на жесткий путь, не оставлял его до гроба и часто лил слезы умиления. По смерти нашли на нем тяжелые вериги, о которых дотоле не знали. Блаженная кончина его последовала 17 марта 1483 года, на 83 году жизни его [6].

Родная сестра преподобного Макария Ксения Васильевна была замужем за помещиком Иваном Гавреневым, верным слугою Углицкого князя Андрея Васильевича. Сын их, отрок Павел Гавренев, часто приходил в обитель Калязинскую, а по смерти родителей совсем перешел к дяде: был им пострижен на 11-м году возраста и наречен Паисием. Под руководством опытного старца в тиши обители юный инок возрастал в жизни духовной, не тревожимый опасными волнениями и наветами мира: с юных лет научился он подвигам послушания, поста и молитвы. Он занимался списыванием душеполезных книг и, между прочим, списал книгу святого Григория Богослова. Не засоряемый впечатлениями мирскими и очищаемый подвигами самоотречения, дух его стал способен и к созерцанию мира духовного. Раз во время ночной молитвы явился к нему ангел и сказал: “Ты должен быть наставником для многих; ты выйдешь отсюда и будешь жить там, где тебе велят, так надобно для славы Божией.” Паисий со страхом выслушал эту весть и тайно пересказал наставнику своему преподобному Макарию.

Прошло некоторое время после чудного видения. По просьбе князя Андрея, желавшего основать обитель иноческую в Угличе, преподобный Макарий отпустил к нему юного инока. Паисий поселился в хижине на левом берегу реки Волги в 3 верстах от Углича и на первый раз построил деревянный храм Богоявления с несколькими кельями. К нему собралось 10 человек братии, и он ввел строгое общежитие. По настоянию князя подвижник принял сан игуменства. Благочестивый и добрый князь искренно уважал Паисия и щедро подавал пособия для новой обители; в 1482 году освящен был каменный храм в честь Покрова Богоматери. Но ни уважение князя, ни сан игумена не ослабили подвижнической строгости в достойном ученике преподобного Макария. Он сам копал землю, носил воду и в жестокие морозы ходил в одной власянице. Светская ветренность смеялась над трудолюбивым старцем, но себе во вред. Раз молодой боярин ехал мимо обители и, увидев старца, заступом копающего землю, посмеялся над ним. Вдруг лошадь сбросила его с себя, и он упал без чувств: блаженный Паисий привел его в чувство и кротко сказал: “Не осуждай иноков.” Печальная участь любимого князя Андрея, скончавшегося в темнице (в 1493 г.) [7], и детей его, сосланных в заточение, оживляла в душе подвижника мысль, что в Царстве Божие входят путем скорбей многих. Преподобный просил великого князя за невинных детей; но это не облегчило горькой их участи; удручаемый скорбию и немощами глубокой старости, передал он управление монастырем ученику своему Геннадию, но неугомимом продолжал молитвенные подвиги. Каждый воскресный день и каждый праздник сам он совершал литургию. Когда же, наконец, ноги отказались служить, ослабленные дряхлостью и подвигами, он сидя совершал келейное правило. Преподобный Паисий почил от трудов на 107-м году своей жизни 6 июня 1504 года [8].

Между тем невинные дети князя Андрея Васильевича, жертвы подозрительности державного дяди, невинно томились в Вологодской темнице. Старший из них, Димитрий, тосковал и по временам горько жаловался на жестокость Иоанна III. Но младший — Иоанн, с юных лет кроткий и богобоязненный, находивший утешение только в изучении Закона Божия, и самую темницу сделал для себя училищем благочестия; не только не роптал он на суровую участь свою, но благодарил за нее Господа, по примеру мучеников Божиих: он подвизался в молитве и в ней находил для себя силу и утешение. Он утешал брата теми высокими мыслями христианскими, которыми жила душа его. “К чему скорбеть, брат

мой? — говорил он Димитрию. — Бог внушил великому князю позаботиться о спасении душ наших. Не видишь ли, как мы далеки от мира, опасного для души? Все, что есть в мире — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, — все это не от Отца, но от мира. Тесен затвор наш? Но не тесным ли путем шли в Царство Небесное святые? Они терпели голод, стужу, побои, раны, темницу, потерю всего; но пели псалмы и утешались чтением Слова Божия. Будем же и мы подражать им, и нам дан будет венец нетления.” Так чистая душа блаженного юноши смотрела на земную участь свою, как на строение благой премудрости Божией, обращающей и дела людские в средства ко спасению. Накопец, страдалец Божий истомился в душном воздухе темницы и, чувствуя близость кончины своей, захотел облечься в иноческую одежду. Почему же давно он не облекся в эту одежду? Тогда подозрительная политика людская, конечно, возвратила бы ему свободу. Но в таком случае брат Димитрий, не желавший иночества, не принявший его и пред смертью, остался бы один в темнице; а этого не допускала нежная любовь к брату. По просьбе блаженного узника Прилуцкий игумен Михаил облек его в иноческую одежду, назвав Игнатием. Страдалец причастился Святых Тайн и, осенив себя крестным знаменем, сказал: “В руки Твои, Господи, предаю дух мой.” Так перешел он в вечный покой 19 мая 1523 года, 45 лет от рождения. Горько плакал брат Димитрий о потере утешителя и наставника-брата. Но, смотря на светлое лицо почившего, не имевшее вида мертвенности, и ощущая легкое благоухание, исходившее от почившего, успокоился уверенностью в блаженной его доле. Весь город собрался к темнице, услышав о преставлении блаженного князя: его уважали в узах более, нежели других, обладавших силою власти земной. Во время погребения блаженного князя-инока совершилось несколько чудес [9].

Собеседником и другом преподобного Паисия был пришелец из Греции, потомок княжеского рода по имени Константин. Он прибыл в Москву с невестою Иоанна III, царевною Софиею, но не захотел остаться при дворе великокняжеском и, любя уединение и скорбя о горькой участи своей родины, страдавшей под игом турок, избрал себе скромное место боярина при Ростовском архиепископе Иоасафе из князей Оболенских. Когда святитель Иоасаф отказался от кафедры и удалился в Ферапонтов монастырь, на место своего пострижения, сюда вместе с ним перешел и князь Константин. Здесь в молитве и чтении книг находил он покой душе. Это было спустя шесть лет по преставлении преподобного Мартинаана. Константин не желал пострижения иноческого, хотя и уговаривали его блаженный Иоасаф и другие. Явившись ему в сонном видении, преподобный Мартинаан грозил подвергнуть его строгому наказанию за сопротивление доброму совету. “Видал я во сне, — рассказывал он владыке Иоасафу, — благолепную церковь с иконами; посреди ее как бы кафедра, и на ней — преподобный Мартинаан с жезлом в Руке. “Постригись,” — говорит мне игумен. “Не постригусь,” — отвечал я. “Если не послушаешься, — продолжал он, — буду бить тебя жезлом,” — и хотел ударить меня. От страха я проснулся.” Константин тогда же, по просьбе его, пострижен был с именем Кассиана.

В обители Ферапонтовой жил он недолго и удалился с несколькими братьями в удел доброго Угличского князя Андрея, с которым был дружен еще в мире. В 15 верстах от Углича, на берегу Волги при слиянии с рекой Учма, водрузил он крест, поставил кельи и по благословению Ростовского архиепископа построил храм в честь Успения Богоматери. Но храм поврежден был разливом Волги. Добрый князь Андрей доставил ему средства построить храм и кельи на новом месте и назначил еще пособие на содержание обители. Чудотворец Кассиан, предугадав свое отшествие к Господу, преподал наставление братии, приобщился Святых Тайн и преставился 2 октября 1504 года [10].

В половине XV века подвижник по имени Савва, пришедший из чужих стран (из Сербии, а по сказанию других, со Святой Горы Афонской), спасался в окрестностях Пскова,

сначала в Снетогорском [11], потом в Елеазаровом монастыре [12], где пользовался наставлениями преподобного Евфросина; наконец, он удалился за 15 верст далее на урочище, называемое Крыпцы, находившееся в непроходимом месте, где жили только медведи и другие дикие звери, около озера, обильного рыбой. Там на камне поставил себе Савва малую хижину, подвизался в посте и молитве, питался хлебом и водою, а в среду и пяток пребывал вовсе без пищи, возделывая землю своими руками, что впоследствии завещал и ученикам своим, которые вскоре начали стекаться к нему на жительство, привлекаемые молвою о святой его жизни. Не желая сам начальствовать, блаженный старец в обители своей поставил игумена по имени Кассиана и устроил общежительство, не позволяя никому из братии считать что-либо своим, хотя бы кто и пожертвовал из имения своего при вступлении в монастырь. В келии у самого Саввы ничего не было, кроме икон Спасителя и Божией Матери, убогой мантии и ветхой рогожи, на которой он ложился для краткого успокоения. Посадники и бояре псковские усердно жертвовали имения для нового монастыря, а псковский наместник князь Ярослав Васильевич Оболенский, имея великую веру к преподобному Савве, подавал много милостыни обители и еженедельно приезжал туда ко всенощному бдению. Однажды он вздумал отправиться туда с супругою, которая была больна и хотела просить преподобного о исцелении. Но прозорливый старец выслал к нему навстречу ученика своего с такими словами: “Грешный старец Савва говорит тебе, князь: не входи с княгинею в монастырь, ибо, по преданию святых Отцов, не дозволено женщинам входить в обители иноческие; если же не послушаешь меня, то супруга твоя не получит исцеления.” Князь смиренно повиновался, взошел один в монастырь и просил прощения в нарушении заповеди, которой не знал, а старец вышел к княгине за ворота обители, там отслужил для нее молебен с водосвятием и окроплением святой воды исцелил княгиню от болезни. Благодарный князь в память сего избавления устроил чрез непроходимые болота мост к обители преподобного Саввы в 1400 саженой длины, существующий донныне под именем “моста Ярославля,” а в 1487 году по совету с посадниками, с тысяцкими и со всем Псковским вечем, по благословию духовенства всех соборов богоспасаемого града Пскова дал обители крепостную грамоту на владение землями.

В том же году преподобный Савва, достигнув маститой старости, впал в тяжкую болезнь и мирно отошел ко Господу 28 августа 1495 года. Ученики с великим плачем погребли его на правой стороне построенной им деревянной церкви святого Иоанна Богослова [13].

В дикой и суровой стране Олонецкой воссиял великий светильник благочестия — преподобный Александр Свирский [14]. Жизнь его — чудновысокая, отражение чистой Евангельской жизни.

Дивный раб Божий родился в древней Обонежской пятине, в селе Мандера, что ныне в Каргопольском уезде. Когда он отдан был учиться грамоте, то сначала отставал в сравнении с прочими. Это сильно огорчало отрока. Раз со слезами молился он в храме о раскрытии разумения своего и слышал голос: “Встань, — ты получишь, чего просил.” Веселым воротился он в дом и с того времени легко и скоро стал понимать книжную мудрость. Богобоязненный отрок постоянно соблюдал пост и молился по ночам. “Зачем ты, сын мой, так изнуряешь себя?” — со скорбью говорила мать. Сын отвечал: “Зачем же тебе, мать моя, отклонять меня от приятного мне воздержания?” Родители хотели, чтобы вступил он в брак; но он уклонялся от того под разными предложениями и думал об одном, как бы совсем расстаться с миром.

Тайно от родителей отправился он прямо на Валаамский остров и на 26-м году возраста облекся в иночество. Здесь провел он 13, лет как самый строгий к себе послушник. Крепкий здоровьем он усердно служил всем, носил воду, таскал из леса дрова и того ни-

когда не допускал, чтоб отказаться от приказания старших. Ночь проводил в молитве, а иногда обнаженное тело свое отдавал в пищу комарам.

В 1486 году Александр удалился на озеро Рощенское в 6 верстах от реки Свири, избрал себе место и там, где впоследствии построен был храм Спасителя, 7 лет подвизался в тесной хижине. Здесь по случаю нашел его боярин Завалишин и подумал, что видит привидение, — так изнурил себя подвигами раб Божий. По усердной просьбе набожного боярина преподобный открыл ему жизнь свою под условием молчания. “Семь лет живу я здесь, не видя никого, — говорил он, — ни разу не вкушал я хлеба, а довольствовался травою; иногда же приходилось мне есть одну сырую землю.” — “Трудно было жить тебе так?” — спросил изумленный боярин. “Вначале было тяжело, — отвечал подвижник, — сильно страдал желудком; по временам я валялся на земле, не в силах будучи поднять головы; я совершал пение свое, лежа на земле; раз очень сильно страдал я и вот вижу кого-то светлого. “Чем ты болен?” — спросил он меня. “Желудком,” — отвечал я. “Покажи мне больное место,” — сказал он. И когда я указал, он возложил на меня руку и сказал: “Се здрав еси, к тому не согрешай, но работай Господу.” С того времени чувствую себя здоровым.” Была еще борьба отшельнику. Духи злобы не раз являлись ему в грозных привидениях, но он не уступал насилию и молитвою их рассеивал. Спустя 7 лет стали собираться к нему труженики, но и они сперва жили отшельнически, не близко один от другого. Боярин Завалишин доставлял по временам отшельникам хлеб, что укрепляло слабых.

По особенному внушению преподобный Александр начал строить монастырь в 130 сажнях от своей хижины, а сподвижники убедили его принять на себя сан священства и настоятельство. В 1508 году был освящен храм Святой Троицы. Новый игумен не переменил строгости по отношению к себе, но казался последним в обители. Он первый выходил на труды и больше других трудился: то месил в хлебне тесто и пек хлебы, то носил воду из озера, то рубил и носил дрова, то молот рожь за других своими руками. Никогда не спал он даже на рогоже, а всегда на голой доске или сидя. Одежда его была покрыта заплатами. Иные и смеялись над ним за такую одежду, но он оставался верен себе. Усердно заботился он о спасении чад своих, иноков, и умолял братию приближаться к Богу смирением, трудами послушания, постом и молитвою.

Высокая духовная жизнь северного пустытника привлекала к нему многих из ближних и дальних мест. К великому подвижнику одни приходили для испрошения благословения и молитв, другие шли со скорбями земной жизни, третьи открывали больную совесть свою. Преподобный принимал всех с кроткою любовью и старался помогать всем.

Вот один из многих опытов прозорливости великого подвижника. При освящении храма Святой Троицы народ подавал ему деньги и вещи. Соседний поселянин Григорий также хотел подать от себя что-то, но преподобный не принял. Два и три раза Григорий пытался положить дар свой в фелонь игумена, но старец отталкивал руку его. “Рука твоя смердит, — сказал ему наконец преподобный, — ты бил ею мать твою и тем навлек на себя гнев Божий.” — “Что ж мне делать?” — спросил в сокрушении Григорий. “Ступай, испроси прощение у матери твоей и впредь не смей оскорблять ее.” Незадолго до блаженной кончины святой пустытник утешен был видением Богоматери, обещавшей ему не забывать обители его и умножить число братии богоугодной.

Много подвижников благочестия воспитал преподобный Александр. В бывшей Ордежской пустыни подвизался ученик его преподобный Макарий, основатель этой обители, почивший в 1532 году. В Важеозерской Спасской пустыни, в 12 верстах от Свирского монастыря почивает сподвижник его и основатель пустыни преподобный Никифор. В Оятской пустыни скончались питомцы Свирского наставника Игнатий, Леонид, Дионисий, Феодор, Ферапонт, Корнилий и Афанасий (поставленные, по рукописным святцам, в лике

преподобных). Александр в духовном своем завещании писал: “Братии моей приказываю жить во Христе и, отнюдь, не держать в нашей пустыне опьяняющего питья, не иметь вражды между собою и не считаться ни в чем. Бог дал, доселе считаться не из чего — казны монастырской нет; что Бог посылал при моей жизни, какой христоролюбец давал вклад в монастырь — то все пошло в дом Святой Троицы и боголепного Преображения, на храм и теплую церковь и на другой монастырский расход.” Святой старец скончался на 85-м году от рождения 30 августа 1533 года [15].

И из необъятного леса Комельского свет Божий продолжал сиять на окрестности. Какое благословенное Богом место была эта дубрава, расстилавшаяся во всю южную полосу Вологодского края, рассекаемая пустынным течением Нурмы и Комелы и других безвестных речек! Казалось, дебри были созданы для обитания диких зверей, но именно туда стремились ангелоподобные люди, чтобы сперва по краям леса, где только позволяла местность, а потом даже и в самой дремучей глуши его с большим дерзновением созидать свои духовные твердыни.

Преподобные Сергей Нуромский и Павел Обнорский с южной стороны коснулись только сих девственных лесов, и едва ли не впервые застучала их иноческая секира на вековых соснах, не выдавших дотоле руки человеческой [16]. В конце XV столетия подвизались здесь преподобный Авраамий и Коприй на берегу реки Печенга [17], преподобный Иннокентий, друг и собеседник Нила Сорского [18], преподобный Онуфрий и Авксентий, основатели Перцовой пустыни [19], и, наконец, великий отец пустынножителей Корнилий.

Родители преподобного Корнилия, люди знатные и богатые, по прозванию Крюковы, оставили его сиротой в младенчестве, поручив дяде Лукьяну Крюкову, служившему при дворе великой княгини Марии, супруги князя Темного. Лукьян, удалясь в Белозерскую обитель преподобного Кирилла, взял с собою и 13-летнего племянника. Здесь отрок, приняв пострижение, начал труды иноческие тяжелым послушанием в хлебнях, в свободное время списывал книги, носил вериги, потом предпринял странствование по пустынным обителям [20]. Это странствование не было праздным: юный инок набирался опыта в жизни духовной, терпел голод и жажду, зной и мороз ради Господа.

В 1497 году Корнилий перешел в глухой и дикий Комельский лес и поселился в 45 верстах от Вологды. Сначала он подвизался одиноко и безмолвно, потом стали собираться к нему любители безмолвия; он построил в 1501 г. деревянную церковь Введения Богоматери во храм и посвящен был в сан священства. Решась жить в обществе братии, блаженный Корнилий не щадил себя для их пользы. Он сам наряду с другими трудился в лесу и в обители, рубил и очищал лес. Разбойники, досадуя на старца, как на помеху ремеслу их, избили его до того, что едва добрал он до кельи. Раз шел он с братиею по лесу, и на него упало дерево, мимо которого другие прошли счастливо; последствием была тяжкая болезнь, от которой пролежал он на одре полтора года; а рана на голове его еще долго не заживала. Едва оправился он от этой болезни, как, будучи на работе, поскользнулся и покатился по ребрам страшной стремнины: он разбился до того, что отчаивались в сохранении его жизни; но Господь сохранил раба Своего. Немало пришлось ему перенести огорчений и за самое место, где основалась пустынная обитель. На него жаловались даже великому князю, будто он отнимает чужую собственность, тогда как заселял он непроходимый лес. Когда число братии увеличилось, он построил (в 1512 г.) новый, более прежнего обширный храм. При этом одни из братии плотничали, другие писали иконы или занимались разною работою, третьи списывали книги. Корнилий построил также храм в честь начальника пустынной жизни Антония Великого; при теплом храме устроена братская трапеза. Для наблюдения за порядком в храме назначил он еkkлесиарха, а для хозяйственных дел

— келаря; установил чин утренних и вечерних служб. В постоянное руководство своей братии он дал письменный устав [21]. Для больных и странников поставил больницу и странноприимный дом. Если приходилось преподавать кому-либо из братии наставление в присутствии других, старец не обличал его лично, а говорил против греха его. Если же кто сам приходил к нему исповедать грех свой, для облегчения совести он возлагал епитимию.

Преподобный Корнилий особенно любил исполнять заповедь Спасителя о милостыне. Случилось, что ко дню праздника преподобного Антония запасы вышли, и раздавать было нечего. Преподобный обратился к Богу, и на рассвете дня праздничного посланный великого князя Василия принес богатую милостыню, так что весь народ питался с избытком. Милосердие и вера его открылись в блистательном виде во время голода, посетившего Вологодскую страну. Для всех приходящих отворены были клетки с мукою, хотя мука покупалась по дорогой цене. Родители оставляли детей у стен обители, не имея чем кормить их: преподобный устроил для них богадельню на монастырском дворе и кормил их. Иные по два и по три раза получали милостыню, во зло употребляя доброту старца, и приставники говорили о том преподобному Корнилию; но он приказывал подавать помощь всем просящим без различия. За подвиги любви утешен он был видением. В праздник великого Антония, вечером после обычного правила, сел он отдохнуть и в тонком сне видит преподобного Антония: египетский отшельник приказывает ему идти за ним и выводит на обширное поле с грузами просфор и калачей. “Вот твои подаяния нищим, — сказал Небесный посетитель, — собирай себе в полы.” Корнилий стал собирать, собралось так много, что они посыпались на землю. Корнилий проснулся и с радостными слезами дивился видению. Потом рассказал о том братии и заповедал, чтобы при жизни и по смерти его щедро подаваема была милостыня нищим.

Устроив обитель свою, старец по случаю неудовольствий, поднятых против него некоторыми строптивыми людьми, решился удалиться на новое уединение. Напрасно уговаривали его лучшие из братии не оставлять обители своей. Сказав им, что он не расстанется с ними духом, он поручил управление монастырем 12 ученикам, а сам с учеником Геннадием отправился искать себе уединения и за 70 верст от своей обители на Сурском озере, стал подвизаться в посте и молитве. В 1526 году великий князь Василий с молодою супругою Еленою ходил на богомолье в Кириллов монастырь. На пути посетив Корнилиеву обитель, узнал, что Корнилия там нет. Он послал сказать Корнилию, что желает видеть его. Старец явился к великому князю в Вологду. Василий рад был свиданию с дивным подвижником; он просил его молить Господа и Богоматерь, дабы даровано было ему чадородие — потом потребовал, чтобы старец возвратился в свою обитель, и смиренный пустыжник повиновался. После сего великий князь сказал ему: “Слышал я, отче, что монастырь твой не имеет ни сел, ни деревень: проси, что тебе нужно, — дам все.” Преподобный благодарил великого князя и просил утвердить за монастырем окружающую его землю с лесом, дабы братия спокойно, трудами рук своих доставала себе хлеб. Великий князь исполнил желание старца [22].

В обители с радостью встретили преподобного Корнилия. Он принялся по-прежнему трудиться здесь и очищать лес для нивы. Раз в полдень братия отдыхала, а он собирал хворост; внезапно поднявшееся пламя обхватило вокруг него лес, и он едва не сгорел; но поднявшийся ветер открыл ему дорогу среди пожара. Невзирая на старость, он не уклонялся ни от каких трудов по обители и первый являлся на церковную службу. Одежду любил он самую бедную. Инок Закхей просил его, чтобы мантия Закхеева, связанная лыками, заменена была другою. Игумен отдал Закхею свою, а на себя надел Закхееву.

Сила Божия, могущественно действовавшая в дивном подвижнике, действовала чрез него и в других людях, которых сердца были открыты для нее. Осязаемый опыт тому был

следующий: инок, посланный на работу, принесен был в монастырь едва живой, избитый разбойниками. Преподобный велел позвать духовника, а сам пошел к больному и лишь только коснулся перстом ран его, как тот встал здоровым.

За год до смерти передал он правление обители ученику своему Лаврентию. На четвертой неделе после Пасхи изнемогший от лет старец велел вести себя в церковь, чтоб еще раз причаститься Святых Тайн. Возвратясь из церкви, простился со всеми, выслушал акафист Спасителю и Богоматери и тихо предал дух свой Господу; это было 19 мая 1537 года, на 82-м году жизни [23].

Великий пустынножитель Комельский примером жизни своей и наставлениями возрастил для духовной жизни много мужей богоугодных. Таковы блаженный Лаврентий Комельский [24] и основатели монастырей: преподобный Геннадий Любимский, Иродион Илозерский, Адриан Пошехонский [25], Кирилл Новоезерский.

Земною родиною Кирилла был город Галич; родители его были людьми богатыми и благочестивыми из дворянского рода Белых, или Белого. Еще в отрочестве Кирилл ушел из родительского дома искать преподобного Корнилия, о котором много слышал. Дорого встретил он старца. На вопрос: “Куда идешь?” — Кирилл отвечал: “К Корнилию; у него, как слышно, учатся спасению, а мне хотелось бы спастись.” — “Благословен Бог, вразумивший тебя, — отвечал старец, — если хочешь, иди за мною к Корнилию.” На другой день в виду показалось местопребывание Корнилия; указывая на него, старец сказал: “Иди, чадо, к блаженному Корнилию, я попрошу его за тебя”; благословил его и расстался с ним. Преподобный Корнилий с любовью принял отрока и вскоре же постриг его в иночество; ему было тогда около 20 лет. Молодой инок с горячею любовью начал совершать подвиги иночества, учиться послушанию, посту и молитве. После молитвы общей со всем усердием трудился он то в пекарне, то на другой службе. В свободное от трудов время получался житию святых, читал святые книги, особенно псалмы Давидовы. Чистая, духовная жизнь его радовала всех, живших с Корнилием. Родители блаженного, без пользы ища сына долгое время, начали уже считать его умершим, как спустя 7 лет Комельский монах сказал им, что в их пустыни ведет высокую жизнь молодой инок, неизвестно откуда пришедший. Отец отправился в пустынь с богатыми пожертвованиями и не узнал в строгом постнике Кирилле сына своего.

Сын продолжал молить Господа о спасении родителей. Наконец, отец, узнав сына, объявил ему, что сам желает иночества, и его постригли с именем Варсонофия. Спустя 8 дней было получено известие, что мать блаженного Корнилия скончалась инокинею Еленою. По распоряжению Кирилла, оставшееся имение роздано было бедным и слугам дана была свобода. Отец прожил в обители около трех лет в посте и молитвах; сын покоил старость его до гроба.

Спустя год по смерти родителя Кирилл, стремясь к высшему совершенству, решил вести жизнь отшельническую, в глуши лесов северных. По благословению Корнилия отправился он на север и ходил по пустыням; пищу его составляли теперь то разные травы [26], то кора сосновая; чаще ему случалось видеть зверей, чем людей. Так провел он около 7 лет, очищая в уединении душу молитвою и созерцаниями духовными. По временам посещал он, как благоговейный поклонник, святые места Новгорода и Пскова; но, проходя по жилым местам, не заходил он ни в один дом и не брал ни от кого подаваний, кроме разве куска хлеба. Дух его возвысился в таких подвигах, но телесное здоровье ослабело. Он молил Господа указать ему место постоянного пребывания. Молитва была услышана.

По Небесному указанию блаженный Кирилл в 1507 году из Тихвина пошел к Белоозеру; с Кобылиной горы увидел Новое озеро и на нем — Красный остров; ангел во сне известил его, что здесь назначено ему место [27]. Пустынник под высокую елью устроил себе

хижину, выпросил у соседних крестьян Красный остров для основания обители, поставил другую келью, сборную, для ожидаемой братии, соорудил две малые церкви Вознесения Христова и Одигитрии. Вероятно, тогда, как испрашивал он благословение архипастыря на освящение храмов своих, посвящен он был в сан священства. Один за одним стали собираться к Кириллу искатели безмолвия. Но на пустынном острове предстояли им скорби. Рыболовы, приезжавшие на остров для своего промысла, видели в Кирилле своего врага; опасаясь, что озеро сделается собственностью монастыря, они делали ему разные оскорбления, домогаясь согнать его с острова. Блаженный переносил оскорбления их терпеливо. Не так принял он людей, живших бесчестным, бесчеловечным ремеслом. Шайка разбойника, грабившего берега Нового озера, досадовала уже на то, что поселились на острове люди, которые могут знать о ее делах. Хищники приплыли на челнах к Красному острову. “Сыны беззакония, — грозно сказал отшельник при встрече с ними, — вы забыли, что есть грозный суд правды Божией, и на пустой остров явились вы для грабежа, и у пустытника думаете найти корысть? Что вы делаете?..” Приведенные в ужас хищники молили простить их. “Вперед не злодействуйте, чтобы не быть в аду,” — сказал преподобный и отпустил их.

Он служил для учеников своих образцом подвижнической жизни: сам копал землю и рубил лес, в жесточайшие морозы ходил в худой одежде и даже иногда босой. Когда только нужно было для других, сам совершал литургию, никогда не утомляясь. Похотливая жена вздумала прельстить блаженного на грех: она явилась в келью, когда чтением молитв готовился он к совершению литургии. На вопрос блаженного: “Зачем пришла?” — лукавая отвечала, что, не зная, где добыть огня, пришла сюда. Преподобный обличил ее пред всею братиею. “Вздумала, — говорил он, — видеть тело мое мертвое, заживо погребенное.” Пораженная страхом трепетала она всем телом. Преподобный успокоил ее кротким наставлением, но впредь запретил женщинам являться на остров его.

Опыты прозорливости и чудесных исцелений доказали святость угодника Божия, который мирно преставился 4 февраля 1532 года [28]. В числе чудес преподобного Кирилла Нового (так звали его современники) особенно замечательно следующее: в селе Кеме в 1620 году жена священника Михаила сильно страдала от родов. Преподобный явился ей в иерейском облачении с крестом в руке и сказал “Иди в монастырь мой — и будешь здорова.” Она почувствовала облегчение, хотела идти в обитель, но удержана была родными по опасению за ее здоровье. Преподобный явился опять в прежнем виде. “Не бойся, Антонина! — сказал он. — Пусть священник отслужит молебен, и ты будешь здорова. Мужу твоему иерею Михаилу скажи, чтоб учил людей добру. Видите гнев Божий: то нападают иноплеменики, то посещает голод и мор. Это за то, что презирают праздники Божии, не постанут в среду и пяток, не чтят воскресного дня и валяются в тине грехов. Если не покаются, хуже того будет.”

“По успении твоём, блаженный, и рака твоя — учитель наш. Истекающими из нее чудесами возбуждая к трудам и подвигам, она говорит нам: любите Господа, чтоб обрести благодать; не ставьте ничего выше Его, дабы тогда, как приидет Он, найти покой с избранными и сподобиться Жизни Вечной” [29].

21. Князь Василий Иоаннович. Нашествие Крымского хана.

Преподобный Максим Грек.

Сын и наследник державного Иоанна великий князь Василий принял державу родительскую без всяких священных обрядов, которые могли бы напоминать народу о злополучном Димитрии, пышно венчанном и сверженном с престола в темницу. Безжалостно осужденный на самую тяжкую неволю, скрытый от людей, от света солнечного в тесной, мрачной палате, изнуряемый горестью, скукою праздного уединения, лишенный всех приятностей жизни, без отрады, без надежды в летах цветущих юноша Димитрий преставился в 1509 году [1].

Война с Литвою, начатая при Иоанне, продолжалась еще более десяти лет при Василии, благоприятствуя иногда одной, иногда другой стороне. Важнейшим приобретением для Московского государства было завоевание Смоленска, крепкого оплота со стороны Литвы (28 июля 1514 года). Оно, по словам летописца, казалось “светлым праздником для всей Русской земли.” Сто десять лет находился Смоленск под властью Литвы. Уже обычаи изменялись, но имя русское еще трогало сердца жителей, и любовь к древнему отечеству вместе с братолюбием православным облегчили великому князю это важное завоевание, которое увековечено в памяти народной основанием Новодевичьего монастыря в Москве [2].

Хотя после того войска литовские и польские под предводительством князя Константина Острожского [3] разбили войска московские в Оршинской битве, но Василий при замирении с Литвою удержал Смоленск и все прежние приобретения Державного Иоанна.

Княжение Василия казалось только продолжением Иоаннова. Будучи, подобно отцу, ревнителем самодержавия, твердым, непреклонным, хотя и менее строгим, он следовал тем же правилам в политике внешней и внутренней; решал важные дела в совете бояр, учеников и сподвижников Иоанна, их мнением утверждая собственное, являл скромность в действиях монархической власти, но умел повелевать; любил выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая к приобретениям, важным для государственного могущества.

Утверждение самодержавия было главною его целью. Еще Рязань сохраняла тень независимости под управлением вдовы, княгини Агриппины, из-за малолетством сына ее Иоанна. Но, когда этот последний владелец Рязани, достигнув совершеннолетия, захотел снять с себя опеку матери и великого князя Московского и вступил в союз с ханом Крымским, Василий заключил его в оковы и взял себе Рязань вместе с остальными городами этого древнего княжества.

Еще Псков тоже считался вольным городом и пользовался вечевыми правами, хотя и под управлением Московских наместников. Но самые остатки народного правления не могли уцелеть в общей системе самодержавия. Повод к тому скоро представился. Псковитяне жаловались на своего наместника. Великий князь, приехав в Новгород, вызвал к себе на суд посадников и старост псковских; они были задержаны, и в то же время было объявлено во Пскове, что граждане, если хотят жить по старине, должны исполнить волю государя — отменить народное вече, снять вечевой колокол и во все города принять наместников великокняжеских. Горько было псковитянам расстаться со своею вольностью, но они покорились беспрекословно, не выказав дерзости новгородской [4]. Так кончилась самобытность Пскова как вольного города! Отселе он становится уже областным городом Московского государства, но продолжает быть оплечьем Руси со стороны Литвы и Ливонии, и жители города, неохотно покорившегося Москве, служат ей верно и за нее проливают кровь свою в тяжелой борьбе с соседями-врагами.

Оставался еще один удельный владетель в Путивле, в стране Северской, — князь Василий Шемяка, перешедший добровольно из литовской зависимости под власть великого князя Московского. Он был верным стражем южной России, но, как родной внук ненавистного Шемяки, не внушал к себе доверия. Вызванный в Москву, он умер в темнице, несмотря на ходатайство Троицкого игумена Порфирия [5] и самого митрополита Варлаама [6].

Успехи великого князя Василия в войнах с соседями и ограждении целостности государства возбуждали зависть в Крымском хане Махмет-Гирее. Воспользовавшись войною Литовскою и надеясь не встретить сильного сопротивления, хан возмутил казанских татар и в одно время с ними двинулся к Москве. Татары, восточные и южные, соединились в Коломне и стали под Москвою, где все трепетало от ужаса. В это время одна престарелая инокиня Вознесенского монастыря, лишенная зрения, сидя в своей келье, узрела в видении, что во Флоровские (Спасские) ворота выходит из Кремля, как бы крестным ходом, сонм святителей, в числе которых она узнала чудотворцев Петра, Алексия, Иону и святителя Ростовского Леонтия, а среди них — чудотворный Владимирский образ Богоматери. Едва вышли они из ворот, как сретили их богоносные подвижники Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский близ великого торгу Ильинского и, припав к стопам святителей, вопрошали их, зачем они идут вон из города и на кого оставляют его при настоящем нашествии врагов. Святители со слезами ответствовали: “Много молили мы всемилостивого Бога и Пречистую Богородицу о избавлении от предлежащей скорби; Господь же не только повелел нам выйти из города, но и вынести с собою чудотворный образ Пречистой Его Матери; ибо люди сии презрели страх Божий и о заповедях Его не радели, а посему попустил Бог прийти сему варварскому народу, да накажутся ныне и чрез покаяние возвратятся к Богу.” Чудотворцы Сергей и Варлаам стали умолять отходящих святителей, чтоб они своим ходатайством умилиствовали правосудие Божие, и начали вместе с ними петь молебн, произнесли молитву Пречистой Богоматери и, осенив град крестообразно, возвратились в Кремль [7]. Москва была спасена: татары удовольствовались дарами и удалились без кровопролития [8].

После того великий князь, свободный от дел воинских, занялся важным делом семейным, тесно связанным с государственною пользою. Он был уже двадцать лет супругом, не имея детей, следовательно, и надежды иметь их. Отец с удовольствием видит наследника в сыне — таков устав природы; братья же не так близки к сердцу, и сверх того братья великого князя Василия не оказывали ни великих свойств душевных, ни искренней привязанности к старшему брату, более опасаясь его, как государя, нежели любя как единокровного [9]. Не только льстецы придворные, но и ревностные слуги отечества могли советовать Василию, чтоб он развелся с супругою, обвиняемою в неплодии, и новым супружеством даровал наследника престолу. Следуя их мнению и желая быть отцом, государь решился на дело жестокое в смысле нравственности: он без милосердия отвергнул Соломонию [10] и повелел постричь ее в Рождественском девичьем монастыре. Повествуют, что она противилась совершению беззаконного обряда, билась об землю, вырывала ножницы из рук митрополита Даниила; наконец, видя неодолимое насилие, залилась слезами и, надевая мантию, сказала: “Бог увидит и отомстит моему гонителю.” Но порывы страстей скоро утихли в сердце невольной постриженницы; она всю душою обратилась к Господу и изгнала из души мирские мечты. Она стала очищать сердце, столько нечистое у всех нас, духовною бдительностью, самоукорением, покаянием, молитвою. Так, восходя от совершенства к совершенству путем скорби и борьбы с собою [11], блаженная инокиня София прожила в Суздальской Покровской обители, куда заточили ее после пострижения, 17 лет

и мирно почила 16 декабря 1542 года [12]. Современники почитали ее преподобномученицею [13] и осуждали Василия за жестокость и нарушение церковных уставов [14].

Если митрополит Даниил, уклончивый и человекоугодливый, охотно согласился на развод великого князя и сам постриг супругу его, то нашлись любители правды, которые прямо сказали государю, что дело его противно совести: таковы были князь-инок Вассиан [15] и преподобный Максим Грек, святогорец.

Преподобный Максим, хотя и не родился в Русской земле, но по великим подвигам своим вполне принадлежит Русской Церкви, для которой он был светильником при жизни и остался светильником по смерти в своих сочинениях.

Получив начальное воспитание в отечестве своем, в городе Арт, Максим по любви к наукам путешествовал по Европе: в Париже у знаменитого грека Иоанна Ласкаря, потом во Флоренции и Венеции изучал словесные науки, историю, философию, богословие; основательно узнал языки латинский и древнегреческий, познакомился с языками французским и итальянским. По возвращении в отечество поступил на Афон и здесь в Ватопедской обители принял иночество.

Когда великий князь Василий Иоаннович, желая разобрать в своей библиотеке собрание греческих рукописей и некоторые из них увидеть в переводе, попросил начальство Афонских обителей прислать к нему ученого грека, то на Максима указали, как на человека, самого способного исполнить желание великого князя. Максиму не хотелось расставаться с безмолвием Святой Горы, но, повинувшись воле старцев, он в 1516 году отправился в Москву. Здесь принят он был ласково: ему указано было жить в Чудове монастыре и получать содержание от великого князя. Сокровища греческой учености привели его в восторг; сочинений, непереуведенных на славянский язык, нашлось много. На первый раз ему поручили перевести толкование на псалтирь. В помощь ему, мало знакомому со славянским языком, дали переводчиков с латинского Димитрия Герасимова и Власия и для писмоводства — иноков Сергиевой Лавры Силуана и Михаила Медоварцев. Через полтора года перевод толковой псалтири совсем был окончен; Максима осыпали милостями и оставили для новых трудов. Потом поручили ему пересмотреть богослужебные книги, и он принялся за это дело по-прежнему при пособии переводчиков. Многосведущий Максим нашел много грубых ошибок, внесенных невежественными переписчиками в церковные книги, и “разжигаемый — как говорил он сам, — божественною ревностью, очищал он плевелы обеими руками.” Но слепая привязанность людей к старине принимала отзвук его об ошибках прежних писцов за оскорбление святыни. Сначала ропот был тайным. Митрополит Варлаам, у которого испрашиваемо было разрешение на важные перемены в древних книгах, понимал преподобного Максима; великий князь отличал его своею любовью. И клевета не смела открыто восставать на труженика. Советами его пользовались в делах Церкви и государства, отличая в нем человека умного и образованного, инока пламенного в любви к истине и вере. Он был усердным ходатаем за вельмож, впадавших в немилость великого князя, и Василий был внимателен к его просьбам.

В конце 1521 года на кафедру первосвятительскую, оставленную правдивым и рассудительным Варлаамом, взошел новый митрополит, Даниил. Блаженный Максим скоро понял, что он не может уже с прежнею свободою и покоем трудиться для истины, и он обратился к новым предметам деятельности; он стал писать против папизма [16], магометан и язычников. Митрополит Даниил требовал, чтобы Максим перевел церковную историю Феодорита. Рассудительный Максим представлял, что это сочинение по содержащимся в нем письмам Ария и других еретиков может быть опасно “для простоты.” Даниил принял такой ответ за непослушание непростительное и остался в сильной досаде. Он не только не приближал к себе Максима, но, как видно из последствий, был очень недоволен его ис-

правлениями книг при Варлааме. Великий князь продолжал быть благосклонным к Максиму. Пользуясь этою любовью, Максим свободно обличал пороки вельмож, духовенства и народа. Он писал, что неприлично, бесполезно, весьма опасно инокам владеть недвижимыми имениями. Это сильно оскорбило Даниила и ему подобных [17].

Когда великий князь Василий вознамерился приступить к расторжению своего брака, преподобный Максим прислал ему обширное сочинение: “Главы поучительные к начальствующим правоверных,” начинавшееся убеждением не покоряться плотским страстям. “Того признавай царем истинным и самодержцем, благоверный государь (так писал Максим Василию), кто управляет подданными по правде и закону, а бессловесные похоти и страсти старается преодолевать в себе... Кто побеждается ими в оскорбление смыслу, тот не образ одушевленный Владыки Небесного на земле, а человекообразное подобие бессловесного естества.” Разгневанный государь повелел заключить обличителя в темницу Симоновской обители, отягчив его цепями.

С того времени вся остальная жизнь преподобного Максима была длиною и непрерывною цепью страданий. Сначала старались, но тщетно, уличить праведника в мнимом соучастии в деле виновных бояр; потом осыпали его обвинениями в порче книг, оскорбительной для веры. Действительно, нашлись в первых переводах его некоторые неточности в выражениях: Максим искренно признался в них и извинился недостаточным знанием русского языка. Узника выхватили из Симонова, отправили в Волоколамскую темницу, запретив ему не только приобщение Святых Тайн, но и самый вход в церковь, как еретика нераскаянному; здесь от дыма и смрада, от оков и побоев по временам приходил он в омертвление; но здесь же явившийся ему ангел сказал: “Терпи, старец! Этими муками избавишься от вечных мук.” Там Максим углем на стене написал канон Святому Духу Утешителю. Спустя шесть лет (в 1531 году) снова потребовали Максима к духовному суду в Москву. Это потому, что в Москве лучшие люди стали говорить за Максима и против Даниила, а сам Максим не признавал себя ни в чем виновным, когда в монастыре увещевали его покаяться. Из книг Максима выбрали все, что можно было выставить против него. Но и по судному списку ошибки в поправках оказались то ошибками писцов, то ошибками незнания русского языка. Тщетно блаженный страдалец три раза повергался пред Собором, умоляя о помиловании ради милости Божией, ради немощей человеческих, со слезами просил простить ему ошибки, если каковы и допущены им в книгах, и отпустить его в Афонское уединение. Максима оставили и после суда под запрещением церковным; но немалым облегчением для него было то, что послали его в Тверь под надзор добродушного епископа Акакия, который принял его милостиво и обходился с ним приветливо. Особенно приятно было для Максима, что он теперь мог читать книги и писать. В 1532 году написал он для себя самого “Мысли, какими инок скорбный, затворенный в темнице, утешал и укреплял себя в терпении” [18].

В то время, когда исповедник правды Максим томился в тесном заключении, проповедь слова Христова распространялась в крайних пределах Русской земли. Еще преподобный авва Лазарь [19] благовествовал Евангелие лопарям, жившим по берегам Онежского озера. Теперь Благовестие достигло до собратий их на берегах Колы и Печенег, на северных окраинах “моря студеного.”

Уроженец Ростовский (род. около 1480 г. [20]), с юных лет постриженник Соловецкой обители блаженный Феодорит после многолетних подвигов в разных обителях [21] по любви к совершенному безмолвию удалился в устье реки Кола; по рукоположении во пресвитера он построил здесь монастырь. Долговременное пребывание в соседстве с лопарями ознакомил Феодорита с их языком: он начал благовествовать бедным детям бедной природы, простым и кротким, по собственному его отзыву, и скоро некоторых крестил.

Он учил лопарей грамоте и перевел на их наречие некоторые молитвы. Наконец проповедь ревностного инока, подтверждаемая и чудесными знаменами, принесла обильные плоды: в один день он крестил до двух тысяч человек.

В то же время был призван Господом на подвиг просвещения лопарей еще и другой труженик, сын новгородского священника Митрофан [22]. С юных лет благочестивый он по временам удалялся в уединение, чтобы беседовать со своею душою и Господом. Раз, когда он молился в уединенном месте, услышал он голос: “Не здесь твое место; тебя ждет земля непросвещенная и жаждущая.” Повинуясь небесному призыванию, отправился он на реку Печенгу, к диким лопарям. Эта страна дальнего севера входила прежде в состав Новгородских владений, а потом перешла под державу Московскую. Русские и в начале XVI века бывали здесь только временными гостями, являлись для рыбных и звериных промыслов. Для них в Коле была часовня, а церковей вовсе не было. Длинная и широкая полоса по реке Печенге была занята более кочующими, чем оседло живущими лопарями. Тут было поле обширное для деятельности проповедника, полного ревности к истине Христовой и к спасению людей.

Первые сношения с лопарями завязал Митрофан под видом дел торговых. Потом он говорил с ними о их верованиях и об одной небесной вере. Лопари обожали не только духов, но даже гадов и ночных нетопырей, поклонялись и камням. Проповедник Евангелия говорил им, что один есть истинный Бог, один Творец земли и неба, один Отец всех племен и народов, один Спаситель всех потомков первозданного и согрешившего человека. Он внушал им, как близок к людям Отец Небесный, посылающий пищу и одежду, и как грубо, ошибочно обожание идолов и духов, из которых первые не видят и не слышат, а другие не более, как слуги Божии, мятежные или покорные, но все они творение одного Творца вселенной. Тяжелы подвиги, какие надлежало совершать проповеднику у лопарей. Жрецы языческие, кебуны, восстали на Митрофана сперва с гордою надеждою оспорить его, потом с ярою злобою, готовые убить и растерзать непобедимого проповедника новых мыслей и дел. Не раз они били его жестоко и таскали за волосы. “Ступай прочь отселе, — говорили ему кебуны, — иначе ждет тебя злая смерть.” Не раз собирались они и убить его; но Господь хранил раба Своего. Ревнитель небесной истины с кротостию переносил брань и побои и, когда свирепела злоба, удалялся в горы, а потом опять выходил на проповедь. Когда он снова являлся к дикарям, одни из них, волнуемые слепотою злобою, кричали: “Убьем его”; другие говорили: “Он ни в чем не виноват пред нами, напротив, он желает нам добра; за что же убивать его?” Таким образом, сперва немного было тех, кто принимал к сердцу слова проповедника истины; потом число их становилось значительнее. Для научения новопросвещенных Митрофан пользовался молитвами, которые перевел на язык лопарей блаженный Феодорит [23].

После долгих трудов и скорбей проповедника значительное число лопарей, живущих у реки Печенги, уверовали в Господа Иисуса. Блаженный Митрофан не крестил их, потому что не был облечен саном священства: он даже не был еще иноком. Он отправился в Новгород испросить у архиепископа Макария грамоту на построение храма. Из Новгорода привел он с собою и плотников, которые более из усердия к Богу, нежели за деньги, решились идти с ним в дальнюю и дикую сторону. При построении церкви блаженный храмоздатель за три версты носил на плечах своих бревна и лес. В Коле, тогда еще малолюдном местечке, он нашел иеромонаха Илию, который освятил храм, крестил обученных вере лопарей и постриг в монашество самого проповедника с именем Трифона. Это было не прежде 1531 года [24]. Блаженный Трифон стал устроить на устье реки Печенга обитель Святой Троицы. Теперь у него были две заботы: распространение Евангелия и устройство обители. Чтобы продолжать дело Евангельской проповеди, надлежало путешествовать. А

что это значило в той стране? Жилища лопарей были разбросаны по местам болотистым, пересеченным горами и скалами; ни сел, ни деревень не было, а только уединенные шалаши. Каково же было, не встретив готовности сердец в одном жилье, идти по тундрам и горам, чтобы встретить, может быть, подобный же прием в другом отдаленном месте? Но подвижник Божий трудился терпеливо. Когда между обращенными им нашлись готовые посвятить жизнь свою служению Господу, это облегчило труды проповедника веры. Лопари, наученные Трифоном живому благочестию, с живым одушевлением передавали другим семена благочестия, и целый дикий край приобрел совсем новый вид. Крещенные лопари до того полюбили святую веру, что одни приносили в пользу обители плоды торговли своей — деньги, другие отдавали земли, озера и приморские уголья. Звание игумена в новой обители преподобный Трифон предоставил другому иноку, а сам заботился о том, чтоб оградить рассадник благочестия, насажденный в дикой стране, защитой гражданской власти. Он отправился в Москву и испросил у государя охранную грамоту [25].

С 1570 года во всем северном крае был сильный продолжительный голод. Несколько лет сряду мороз убивал посевы хлеба. Это вызвало блаженного Трифона на новые тяжкие труды для обители. Взяв с собою нескольких братьев, он ходил по Новгородскому краю из одного поселения в другое, испрашивая у боголюбивых подаяния. Все, что получал, отсылал он на содержание братии. Так кормил он духовных детей своих целых 8 лет.

С юных лет возлюбив Господа, перенесши столько трудов и скорбей для Него, в летах зрелости дивный старец продолжал подвизаться до гроба. Раз купил он в Коле ручные жернова и положил их себе на плечи, чтобы нести в свою обитель. Ученики просили его не мучить себя такою ношею. “Братия! — сказал старец. — Тяжелое бремя лежит на потмках Адама с рождения до самой смерти; лучше повесить камень на шею, нежели соблазнять братию праздностию.” И 158 верст от Колы до Печенгской обители, дорогою то болотистою, то гористою нес он жернова на себе и при такой нагрузке мало вкушал пищи.

Такими подвигами преподобный Трифон достиг великой крепости духовной. Раз медведь вошел в его келью, опрокинул квашню и начал есть тесто. Подвижник, подходя к келье, сказал медведю: “Иисус Христос, Сын Божий, повелевает тебе выйти из кельи и стоять смиренно.” Медведь вышел и стал у ног преподобного. Взяв жезл, преподобный наказал виновного медведя и, сказав, чтоб вперед не смел беспокоить обители, отпустил его. С того времени, прибавляет писатель жития преподобного Трифона, медведи никогда не делали вреда ни оленям, ни другим животным монастырским.

В последние годы жизни своей преподобный часто удалялся в пустыньку, где, построив храм Успения Богоматери, проводил время в уединенной молитве.

Пред кончиною своею блаженный Трифон был тяжело болен. Наконец, близкий к смерти сказал он братии: “Заповедую вам, погребите меня у церкви Успения Богородицы в пустыньке, куда отходил я на молчание.” Он преставился в глубокой старости 15 декабря 1583 года, прожив на Печенге около 60 лет [26].

Чудь поморья Балтийского в Ижоре и Копорье [27] еще не отставала от жрецов давнего суеверия — колдунов, чтит камнями и деревья, совершала обряды языческие при рождении и смерти родных. Архиепископ Макарий по сношении с государем в 1530 году отправил способного священника к суеверам, велел разорять мольбища их, а местному духовенству строго напомнил его обязанности. Старики по привычке к старине со страхом смотрели, как священник сокрушал страшные для них деревья и камни. Но дети оказались умнее стариков: они помогали священнику в трудах его. С того времени христианство прочнее утвердилось между чудью.

Апостольские подвиги распространения веры христианской между лопарями и чудью происходили в последние годы жизни великого князя Василия Иоанновича и пред самую его кончину.

Отвергнув добродетельную, но неплодную супругу, Василий поспешил вступить в новый брак, чтоб иметь наследника. Он избрал невестою княжну Елену Глинскую, родную племянницу знаменитого изменника, князя Михаила Глинского [28]. Великолепно отпраздновали брак, но более трех лет Елена не имела детей. Наконец 25 августа 1530 года родился столь давно ожидаемый сын и наследник. Он был окрещен в обители Троицкой и наречен Иоанном: обрадованный отец принял младенца из рук восприемников — столетнего старца Кассиана Босого и преподобного Даниила Переяславского — и положил в раку чудотворца Сергия, моля угодника Божия, да будет ему заступником в опасностях жизни. Василий не знал, как изъявить благодарность небу: сыпал золото в казны церковные и на бедных; велел отворить все темницы и снял опалу со многих знатных людей, бывших у него под гневом.

Но дни его уже были сочтены. Спустя три года по рождении первенца великий князь заболел и через несколько недель скончался (3 декабря 1533 года), приняв пред смертью монашество с именем Варлаама, благословил младенца-сына на царство тем самым крестом, которым некогда святой Петр, митрополит, благословил Иоанна Калиту, и простился со всеми, окружавшими смертный одр его.

Любовь народная к почившему государю, которого летописец называет “добрым и ласковым” [29], раскрылась вполне при его погребении. Скорбь народа была неопишанная, плач и вой раздавался в Кремле: видно было, что дети хоронили отца.

Может быть, всеобщая горесть увеличивалась еще страхом предстоящего царствования государя-младенца под опекою матери, которую мало любили и еще менее уважали жители Москвы. Но они не знали еще, какие ужасы ожидают их в будущем; они не могли предчувствовать, что плод законопреступного брака [30] сначала возвеличит царство и раздвинет пределы его, но потом обольет землю Русскую потоками русской крови и оставит по себе страшную память кровожадного мучителя!

22. Царь Иоанн Грозный.

Стоглавый Собор. Покорение Казани.

Воцарение государя-младенца было не на радость Церкви и государству. Недолго власть оставалась в руках правительницы-матери [1]. После преждевременной смерти Елены начались необузданные смуты бояр, которые принялись управлять государством и беспощадно губить друг друга. В этих смутах не уважалась даже святость сана первосвященителей: митрополит Даниил был свержен с митрополии указом боярским и заточен в Иосифов монастырь [2]. Преемник его Иоасаф, поставленный из игуменов Сергиевой Лавры, муж богоугодный и добродетельный, не более трех лет занимал кафедру первосвященническую: крамольники низвергли его еще с большею наглостью и буйством. На место его был возведен владыка Новгородский Макарий, святитель просвещенный, усердный ко благу Церкви и отечества.

Между тем возрастал юный самодержец-сирота. Рожденный с отличными способностями, но предоставленный с детства своим влечениям, лишенный всякого воспитания он развивался в окружавшем его зле, а не в добре. Может быть, предрасположение к жестокости он всосал в себя с молоком матери, но бояре, на беду самим себе, постарались уси-

лить в нем это предрасположение до страсти; они тешили его звериною охотою, любовались, когда он убивал животных и мучил их. “Пусть веселится державный,” — говорили они. Отрок государь уже разумел, что верховная власть, которою так дерзко злоупотребляли князья Шуйские и другие бояре, принадлежит ему, а не им; видел, что они пренебрегают им, позволяя себе всякое бесчиние и наглость даже в присутствии государя. В душе отрока возникла и росла ненависть к боярам-крамольникам.

Когда Иоанну исполнилось 17 лет, он объявил митрополиту и боярам волю свою: венчаться на царство и вступить в брак. Торжество царского венчания было совершено митрополитом Макарием в Успенском соборе 16 января 1547 г.; на Иоанна возложен был крест царский, венец Мономахов и бармы (ожерелье) [3]. С того времени самодержцы русские начали не только в сношениях с иными державами, но и внутри государства во всех актах именоваться царями, сохраняя и древний титул великих князей. В 1561 году Патриарх Константинопольский Иоасаф в знак усердия к венценосцу русскому соборною грамотою утвердил его в сане царском [4].

Со всех краев России привезли в Москву красавиц, девиц благородных. Иоанн выбрал из них девицу Анастасию Романовну, дочь вдовы Захарьиной [5]. Совершая бракосочетание царственной четы, первосвятитель Макарий в красноречивом слове поучал новобрачных творить правду и милость, посещать темницы, чтить духовенство, жаловать бояр и народ, не слушать клеветников, святить дни воскресные и праздничные молитвою и добрыми делами и соблюдать посты, воздерживаясь на это время от плотских удовольствий.

Но советы мудрого первосвятителя и влияние добродетельной супруги не могли скоро исправить царя, приученного к шумной праздности, к забавам грубым, неблагочестивым. Нужен был сильный урок, и этот урок был ниспослан страшным пожаром, опустошившем Москву. На пепелище столицы кипел мятеж народный, а Иоанн трепетал в недоумении на Воробьевых горах. Там предстал царю Благовещенский иерей Сильвестр и сильным словом пробудил заснувшую совесть юноши. Угрозы суда Божия в минуту гнева Божия потрясли сердце, не совсем еще ожесточенное. Иоанн стал как бы другим человеком. Он призвал митрополита и святителей, торжественно каялся им в грехах своих, собрал и народ на Лобном месте, оплакал пред ним свои заблуждения, слагая вину на недостойных пестунов. С чудесным исправлением царя все приняло вокруг него иной вид: удалили преступных бояр; Адашев, новый добродетельный друг царя, не знатный родом, но благонамеренный и верный, стал на ближней ступени престола — и процвело государство; нашлись в думах мудрые мужи, в битвах — опытные вожди. На законы гражданские в первую очередь обратилось внимание нового правительства: опытная Дума бояр, рассмотрев уложение Иоанна III, составила новый судебник.

Собрав Собор епископов русских, царь открыл его трогательною речью, в которой изложил бедствия первых лет своих. “Отцы наши, пастыри и учителя, — говорил он, — вникните в чувства ваши, прося у Бога милости и помощи, протрезвитесь умом и просветитесь во всяких богодухновенных обычаях, как предал нам Господь, и меня, сына своего,ставляйте и просвещайте на всякое благочестие, какое подобает быть благочестивым царям, во всех праведных царских законах, во всяком благоверии и чистоте, и все православное христианство нелестно утверждайте, да непорочно сохранит истинный христианский закон. Я же единодушно всегда буду с вами исправлять и утверждать все, чему наставит вас Дух Святой; если буду вам сопротивляться, вопреки божественных правил, вы о сем не умолчите; если же преслушник буду, воспретите мне без всякого страха, да жива будет душа моя и все сущие под властью нашею.” На этом Соборе было установлено празднование угодникам Божиим, новым чудотворцам Русской земли, от которых царь желал при-

звать благословение на свой царский сан; постановлено составить им новые службы и пересмотреть жития их [6]. Тот же Собор утвердил и предложенный ему на рассмотрение новый судебник.

В 1551 году снова собрались святители русские в Москву по желанию государя [7]. Положение не только государства, но и самой Церкви требовало соборных совещаний. Беспорядки государственные, возникавшие из-за мятежного духа бояр и нравственной порчи самого юного самодержца, не могли не вредить и благоустройству Церкви. Церковь на восточной окраине Русского царства испытывала бедствия от врагов иноплеменных, которые при вторжениях своих грабили и разрушали храмы, попирали святыню, отводили в плен священнослужителей и многих пленных христиан доводили до измены вере и отечеству.

Церковь внутри себя страдала от буйства правителей государства, которые (как мы уже видели) низвергли в течение трех лет двух первосвятителей. Когда царь, еще юный, но совращенный с доброго пути теми же боярами, уже терял уважение к постановлениям церковным, когда и сами пастыри увлекались смутами правления, неизбежно возникали важные опущения и беспорядки во внутренней жизни Церкви [8]. В самом деле, явное пренебрежение обязанностей христианских, нарушение уставов церковных, нравственные беспорядки в духовенстве, взаимное невнимание и презрение между духовенством и мирянами — все это ясно и сильно представляет сам Стоглавый Собор. Народ по легкомыслию и невежеству легко увлекался заблуждениями, своевольничал в делах веры и предавался всей грубости нравов. Таковы были результаты невежества при отсутствии способов к просвещению народа, при отсутствии даже самого попечения об этом важном предмете!

Предметы рассуждений Собора разделены на сто глав, откуда и самый Собор получил имя Стоглавого. В этих главах изложены вопросы царские к Собору, ответы на них Собора и некоторые соборные постановления. На Соборе рассуждали, обличая беспорядки и бесчиния, о богослужении и уставах церковных, об иконах [9], о книгах богослужебных [10], о просфорах и просфорницах [11], о благочинии в храмах, о чине совершения таинств, о крестном знамении, о произношении аллилуии, об избрании и поставлении священнослужителей, о благочинии черного и белого духовенства, о суде церковном, или святительском, о содержании храмов и причтов, об исправлении общественных нравов и обычаев [12]. Догматов веры Собор не касался и не имел в виду опровержения какой-либо ереси.

Что сказать о достоинстве постановлений Стоглавого Собора? Справедливость требует сказать, что многие постановления Собора были полезны для Церкви и имеют свое несомненное достоинство. Таковы его определения о заведении училищ при церквях, об учреждении старост для надзора за благочинием духовенства [13], защите судебных прав клира, мысль об исправлении церковных книг, об истреблении соблазнительных пороков духовенства, суеверий и зловредных обычаев народных. Забота об избрании достойных служителей алтаря, о точности в соблюдении церковного устава при богослужении, о благочинии христианском в храмах, благоустроение монастырей, попечение о содержании церквей, ограничение мзды в церковных сборах, приведение в порядок судопроизводства епископского — все это показывает в членах Собора пастырскую ревность о благоустройстве Церкви отечественной. Некоторые особенные постановления Собора были весьма полезны для жизни общественной, как, например, постановления о богаделенных домах, о выкупе пленных, о принятии в церковные училища детей гражданских сословий; с добрым намерением Собор предохранял отечество от иноземных обычаев, с доброю мыслию обращал внимание на крестьян (епископских и монастырских) и людей, скитающихся по миру для собирания милостыни, открывая последним способы получать пропитание чест-

ными трудами, облегчая состояние крестьян чрез ограничение роскоши и корыстолюбия в монастырях. Вообще, видна благонамеренность решений Собора и усилие основывать их на правилах Вселенской Церкви. Но при всем том нельзя не заметить и тех недостатков и даже погрешностей в решениях Собора, которые уничтожают его достоинство и лишают его канонической важности в Церкви.

Так в особенности главы о двуперстном сложении для крестного знамения и сугубой аллилуии потворствуют неразумной привязанности к мнимой старине. Впрочем, в разных дошедших до нас списках Стоглава крестное знамение и иерейское благословение “двумя персты” изложено неодинаково и неясно [14].

О сугубой аллилуии особого вопроса на соборе предложено не было. Но в одной из глав Стоглавника помещено сведение о явлении будто бы Пресвятой Богородицы великому князю Евфросину, Псковскому чудотворцу [15], с повелением произносить сугубое аллилуия (т.е. аллилуия дважды, а в третий раз: слава Тебе, Боже). Эта мнимая заповедь Божией Матери, изложенная в житии преподобного Евфросина, в виде весьма важного догмата веры введена в Стоглавник, как правило для всеобщего употребления и сопровождается толкованием, наполненным самыми странными заблуждениями и нелепостями — жалкими плодами невежества.

Должно полагать, что учение об аллилуии не принадлежит целому Собору, но есть частное мнение одного из членов его, внесенное в Стоглавник позднее переписчиками. Это тем более вероятно, что еще в 1419 году первосвятитель Фотий грамотою к новгородцам предписывал “трегубить аллилуия” (как и ныне соблюдается при православном Богослужении), и сам председатель Стоглавого Собора, митрополит Макарий, поместил такое же распоряжение в одной из книг своей великой Четьи-Минеи со строгим обличением против “сугубящих” аллилуию [16].

Подлинных актов Стоглавого Собора не сохранилось в летописях; даже ни в одном из списков сборника, называемого Стоглавником, не видим подписей лиц, бывших на Соборе, даже подписи самого митрополита Макария. Может быть, недостаток единомыслия между членами Собора в определениях или общая неуверенность в правильности и твердости соборных постановлений были причиною того, что они не были утверждены общим согласием и потому не могли иметь законной силы. Во всяком случае, Собор Стоглавый не имеет канонического значения для Церкви Русской, как допустивший заблуждения, сделавшиеся впоследствии опорой суеверия и расколов и в особенности как не утвержденный Греческой Церковью и позднее отвергнутый большим Собором не только русских святителей, но и Патриархов Восточных.

Спустя два года созван был снова Собор по следующему случаю: появилась, особенно в северных монастырях [17], ересь Матвея Семенова Бакшина (или Башкина). Вот сущность этой ереси.

1. Бакшин хулил Иисуса Христа, отрицая Его равенство Отцу.
2. Тело и Кровь Господа называл простым хлебом и вином.
3. Не признавал таинства покаяния по чину православной Церкви. “Как перестанет грех творить, — говорил еретик, — еще и у священника не покается, те весть ему греха.”
4. Отвергал достоинство внешних учреждений церковных. — “Что такое Церковь? — говорил он. — Собрание верных? Итак, эти храмы — ничто, иконы — идолы” и проч.
5. Отечественные предания и жизнеописания Отцов называл баснословием и обвинял во властолюбии Отцов Вселенских Соборов: “Все для себя они писали, — говорил Бакшин, — чтоб им всем владеть: и царским и священническим.” Кроме этого, Бакшин рассеивал много и других плевел, подкрепляя свое учение неправильным толкованием разных мест Святого Писания.

Ересь Бакшина, очевидно, сходна с ересью жидовствующих; но, по признанию самого ересеучителя, наставниками его были литовские протестанты: аптекарь Матвей и Андрей Хотеев [18].

Бакшин наименовал своими последователями многих, между прочими — Артемия, отказавшегося пред тем от игуменства Сергиевой Лавры, которому Бакшин отдан был на увещание. На Артемия явились и другие доносители. Но обвинение Артемия в хуле на Святую Троицу, на таинства, на иконы Собор признал недоказанными; а за неосторожность отзывов его о некоторых предметах священных лишили его сана и заточили в Соловецкий монастырь [19].

Между зараженными вольномыслием Бакшина особенно известны стали Феодосий Косой, распутный бродяга, и такой же товарищ его Игнатий. Феодосий был слугою одного боярина в Москве, но, обокрав его, бежал на Белоозеро и постригся в монашество. За распространение нечестивых мыслей он (в 1555 г.) был взят в Москву, но и отсюда бежал вместе с Игнатием, и оба скрылись в Литве. Здесь, сбросив с себя монашество, оба женились: Косой на жидовке, Игнатий на польке, и стали новыми проповедниками.

Косой оставил и в северной России семена своих лжеучений. Мысли его сильно тревожили клирошан Хутынского монастыря. Учение Косого было совершенно сходно с ересью Бакшина. Только Косой был наглее Бакшина и, начитавшись социнианских книг, нагло высказывал самые дерзкие вымыслы Социна. Он выставял только один разум источником знания человеческого; прямо говорил, что смерть человеку естественна, а не есть плод вольного греха; троичности Лиц в Божестве и воплощения Сына Божия решительно не допускал; над всем внешним устройством церковным, над святыми иконами и прочим насмехался нагло.

Монах Зиновий, даровитый ученик преподобного Максима Грека, сосланный в Отенский монастырь в 50 верстах от Новгорода после заточения его учителя, написал здесь целую книгу против ереси Косого [20].

Около того же времени на Соборе рассматривалось дело дьяка Висковатого. После страшного пожара 1547 года возобновлялось стенное иконописание в придворном Благовещенском соборе; иконописцы, вызванные из Новгорода, изобразили на стенах храма вместо прежних предметов историю творения мира, Символы Веры, содержание некоторых церковных стихов в лицах, или, как говорили тогда, — “в притче.” Когда окончено было стенное письмо, начались толки о новой росписи; прежние иконописцы явились первыми с осуждением новых росписей и вселяли в простодушных подозрения. Дьяк Висковатый, имея, вероятно, неприязнь против любимца царского Сильвестра поднял открытое волнение, шумел, бранил новые иконы, а еще более — надзиравших за работою. Он указывал народу на Сильвестра и Благовещенского священника Симеона, как на сообщников Бакшина. Поднялось волнение. Висковатый устно и письменно изложил пред Собором свои сомнения о “новостях,” говорил, что другие изображения, кроме указанных седьмым Вселенским Собором, запрещены; высказался даже, что лицо Бога Отца — неизобразимо. Митрополит Макарий, которому, вероятно, известны были иконописцы и их работа еще по Новгороду, устно и письменно разрешил сомнения Висковатого. Священники Сильвестр и Симеон оправдались во взведенных на них подозрениях, и первый присовокупил: если некоторые изображения соблазняют народ, то пусть Собор рассудит, не должно ли запретить их. Собор решил, что поскольку нигде не было запрещения новым иконам, то нет нужды запрещать новые иконы за то, что они новы, указал в Ветхом Завете на явление Бога Отца в образе Ветхого Денми, поставил на вид Висковатому и правило Трульского Собора: “Не подобает пред людьми простыми учительного слова подвигнути, или учить, сам себе учительство усвоая, но внимати от Господа преданному чину.” Висковатый при-

нес раскаяние. Собор за то, что он произвел волнение в народе и несправедливо говорил, особенно об изображении Бога Отца, наложил на него духовную епитимию [21].

Между тем внутреннее благосостояние государства отразилось и победами над врагами: царства и области постепенно падали к ногам юного царя; обломки Золотой Орды, рассыпавшейся при Иоанне III, вошли в державу его внука. Еще недавно грозили Крым и Казань взаимно поддерживать свои силы и хан Девлет-Гирей опустошительным набегом приближался было к столице, приводя в трепет думу боярскую и отрока Иоанна; но бежал обратно в степи при одном слухе о вооружении возмужавшего царя. В последний раз взволновалась Казань и возбудила гнев Иоанна. Большие приготовления воинские предшествовали величайшему из ратных подвигов того времени. На пути к мятежному городу заложена была Свияжская крепость; увещательные грамоты митрополита возбудили ее новых поселенцев и собравшиеся полки к святому исполнению своего долга [22]. Наконец поднялся сам Иоанн; блистательный поход его имел совершенное подобие крестового; торжественность обрядов церковных мешалась с упражнениями воинскими; молебствия начинали и заключали каждый подвиг. В виду Казани расположился необъятный стан русский, и близ шатра царского разбит шатер церковный. Пред началом приступа все войско очистило совесть исповедью. Царь молился в походном храме, при совершении литургии готовясь к приобщению Святых Тайн. Когда диакон возгласил слова Евангелия: “Будет едино стадо и един пастырь!,” грянул гром первого взрыва подкопов; при словах ектении: “Покорити под нозе его всякого врага и супостата” — второй взрыв поднял на воздух стены Казанские. Сеча закипела, но царь причастился и дождался конца литургии. Едва успел он сесть на коня, как принесли ему весть: “Казань взята!” Это событие совершилось 1 октября 1552 года и сопровождалось избавлением 60 тысяч христиан, томившихся в неволе мусульманской.

Торжествующий победитель сам водрузил первый крест посреди покоренного города и, обойдя по стенам с хоругвями и иконами, посвятил Пресвятой Троице бывшую столицу царства Казанского. В несколько дней была создана им малая церковь Благовещения, начаток просвещения северо-востока. Неисчислимы были счастливые последствия взятия Казани, прославившего имя Иоанна в Европе и Азии: владетель Сибирский предложил ему дань, князья Горские и Черкасские — подданство. Скоро пало пред его оружием и другое царство татарское — Астрахань, хотя с меньшими усилиями. Казаки, новый народ, образовавшийся еще при деде Иоанна из разнородных племен на верховьях Дона и на порогах Днепра, тревожили Крым и Литву и соединились под предводительством вождей русских, чтобы наступить на хана. Еще Иоанн 3-й поставил им одно только условие: хранить и всегда защищать Православие. Достаточно было одного повеления Иоанна 4-го, и последний остаток силы батыевой исчез бы в пределах наших, но царь не послушал совета благоразумных вельмож, обратил честолюбивый взор на Ливонию, и Крым ожил для бедствий Русской земли.

Торжественно и радостно возвращался царь-победитель из покоренной Казани; рождение сына Димитрия, возвещенное ему на пути домой, еще более усугубило радость. Он направился в Лавру дивного чудотворца Сергия, чтобы принести там благодарственное моление; два святых мужа, как жильцы иных времен, встретили его у гроба Сергиева: святитель Иоасаф, пострадавший во дни его юности, и преподобный Максим Грек, доживавший в заточении многострадальную старость. Другая, более торжественная встреча ожидала его в Москве: митрополит Макарий со всем духовенством стоял на том месте, где некогда предместник его Киприан принимал икону Владимирскую как залог спасения Москвы от Тамерлана. В умиленной речи изложил царь все о своих победах, смиренно относя их к молитвам святителей, и в избытке чувств простерся пред собором. В свою черду

приветствовал его Макарий, благодаря от лица всей земли Русской, и пал к ногам его с духовенством и бесчисленным народом. Последняя сладостная встреча была в Кремле — супруга Анастасия с младенцем. Крещение его ознаменовалось принятием в недра Церкви царицы и двух царей Казанских: митрополит сам испытывал искренность обращения. В новопокоренном царстве Казанском открыта, по определению Собора 1555 года, новая архиепископия, к которой причислена Казань, Свияжск, нагорная сторона и вся Вятская земля. Для устройства церквей в новопросвещенной стране и на содержание причтов царь сделал значительные пожертвования из казны; то же вменено в обязанность монастырям и святителям. Пастырем по жребию избран был Гурий, игумен Салижаровский, а в помощники ему даны архимандриты Герман и Варсонофий. Царь, отправляя Гурия в Казань, вменял ему в обязанность приводить к вере с любовью и не против воли, лучших из крестившихся наставлять при своем доме, других посылать в монастыри, не отвергать и тех, кто искал бы крещения с сознанием в вине гражданской, и ходатайствовать за подсудимых [23]. Новый первопрестольник Казанский был торжественно отпущен из Москвы на судах, сопровождаемый крестами и хоругвями.

Подвиг сокрушения царства Казанского был делом достойным не только для государства, но и для свободы и успехов веры православной, страдавшей от татар целые столетия. Памятником покорения Казани сохранился для нас воздвигнутый по повелению Иоанна один из великолепнейших, храмов московских, собор Покрова Богородицы, поражающий взоры своею необычайною, полувизантийскою, полуготическою громадою [24].

Обращение царя Иоанна на путь благочестия, правды и добра казалось искренним и прочным. Но мало-помалу обстоятельства стали возбуждать в нем чувство недоверия к добрым советникам. Жестокая болезнь едва не свела в могилу молодого венценосца и послужила началом грядущих бедствий Русского царства: на смертном одре Иоанн испытал опять смуты боярские, которые еще в детстве и отрочестве были ему так горьки. Бояре в его присутствии спорили между собою, и — что наиболее поразило умирающего — самые близкие к нему люди из страха безначалия при государе-младенце или из зависти к родственникам царицы не хотели присягать законному наследнику, малолетнему царевичу Димитрию, и желали видеть на престоле двоюродного брата царского, князя Владимира Андреевича [25]. В каком волнении была душа Иоанна, когда он на пороге смерти видел непослушание, строптивость в безмолвных дотоле подданных, в усердных любимцах, когда он, государь самовластный и венчаный славою, должен был смиренно молить тех, кто еще оставался ему верным, чтоб они охраняли семейство его, хотя бы в изгнании! Иоанн перенес ужас этих минут, выздоровел и встал с одра, по-видимому, исполненный милости ко всем боярам. Казалось, он не хотел помнить того, что происходило во время его болезни, — но мог ли пылкий самодержец забыть мятеж крамольников и муки души своей, растерзанной ими в минуты борения с ужасами смерти?

С этого времени начался гибельный переворот в чувствах и делах царя, уже остывшего в любви к ближним своим советникам [26]. Отправляясь на богомолье в Кириллов Белозерский монастырь с царицею и младенцем-царевичем, Иоанн посетил на Песноше бывшего Коломенского епископа Вассиана Топоркова, друга отца его, лишеного епархии в боярское правление за лукавство и жестокосердие. Маститая старость не смягчила в нем души: склоняясь к могиле, он еще питал мирские страсти в груди, злобу и ненависть к боярам. Иоанн желал лично узнать человека, заслужившего доверенность его родителя: говорил с ним о временах Василия и требовал у него совета, как лучше править государством. Вассиан сказал ему: “Если хочешь быть истинным самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться, повелевать, а не повиноваться. Тогда будешь тверд на царстве и грозой вельмож. Советник мудрее госуда-

ря неминуемо овладеет им.” Эти ядовитые слова проникли в глубину Иоаннова сердца. Схватив и поцеловав руку Вассиана, он с живостию сказал: “Сам отец мой не дал бы мне лучшего совета!” В Лавре Сергиевой царь беседовал в последний раз с преподобным Максимом Греком. Страдалец за правду не похвалил богомольного путешествия царского: “Пристойно ли тебе, государь, — говорил угасающий старец, — скитаться по дальним монастырям с юною супругою и с младенцем? Вездесущего не должно искать только в пустынях: весь мир исполнен славы Его. Если желаешь изъяснить ревностную признательность к небесной благодати, то благотвори на престоле. Завоевание Казанского царства, счастливое для России, было гибелью для многих христиан: вдовы, сироты, матери избитых льют слезы: утешь их своею милостию. Вот дело царское.” Иоанн не принял его совета, и преподобный Максим сказал ему чрез бояр последнее слово, что если он не попечется об устройстве сирот и вдов, то Бог у него самого отнимет сына [27].

Предсказание Максима сбылось: царевич Димитрий скончался в дороге. Он был заменен царю двумя сынами — Иоанном и Феодором, но ничто не могло заменить царицы Анастасии. Ранняя кончина ее после краткой болезни отняла у неутешного супруга последнюю подпору на пути к добру. Никогда общая горесть не изображалась умильнее и сильнее. Не двор один, а вся Москва погребала свою первую, возлюбленную царицу. Когда несли тело в девичий Вознесенский монастырь, народ не давал пути ни духовенству, ни вельможам, теснясь со стопами ко гробу. Все плакали, и всех неутешнее — бедные, нищие, называя Анастасию именем матери. Им хотели раздавать обыкновенную в таких случаях милостыню, но они не принимали, чуждаясь всякой отрады в день великой печали. Но еще никто не знал тогда, что Анастасия унесла с собою счастье и царя, и царства Русского!

23. Митрополиты Иоасаф и Макарий.

Святитель Гурий Казанский.

Обозрев церковные события в первой, достославной половине царствования первого царя Московской Руси, обратим благоговейный взор на те благодатные звезды, которые светили тогда на небосклоне русском, озаряя собою тьму глубокого невежества. В числе их были великие святители, “правоправившие слово Твоея истины” были и смиренные отшельники, уединенно подвизавшиеся в пустынях.

Митрополит Иоасаф, из дворянского рода Скрипицыных, принял пострижение в Лавре Сергиевой и с 1529 года был там игуменом. Близкий к любителю иноков и иночества великому князю Василию Иоанновичу при жизни его, он крестил сына и наследника его Иоанна у раки преподобного Сергия. Во время малолетства царя, при буйном управлении бояр, митрополит Даниил принужден был сложить с себя сан первосвятительский, и на место его избран игумен Иоасаф. В своем исповедании веры нареченный митрополит писал: “Во всем следую святейшим патриархам, соблюдающим истинную непорочную веру христианскую, установленную святыми апостолами и преподанную богоносными отцами, а не ту, которую принес Исидор с несвященного латинского Собора, просиявшего злочестием. К тому же обещаюсь не делать ничего из одного угождения великому князю или многим князьям, хотя бы грозили мне смертью, принуждая сделать что-либо вопреки божественным и священным правилам.” Блаженный Иоасаф выполнил обещание свое с полною твердостью.

В эту эпоху совершенного безначалия и неистовых злодейств, которыми особенно отличались Шуйские, новый первосвященник, заботясь о прекращении беспорядков, испросил свободу заточенному князю Бельскому, и действительно, добрый боярин, заняв место в думе правителей государства, умел остановить грабежи и насилия. Но князь Иван Шуйский схватил и отправил Бельского на Белоозеро, где его и удушили. Тогда толпы неистовых едва не убили священника: в келью его бросали камни; во дворце самого великого князя он не нашел защиты; на Троицком подворье готовы были растерзать его. Именем преподобного Сергия игумен Алексей умолил пощадить жизнь первосвященника. Святой Иоасаф выпросил себе милость провести последние годы на месте иноческого обета. С ним и здесь были неприятности: с ним жили тогда люди, которые сами по себе мало хотели жить в монастыре и которых загнали туда только беды жизни мирской: они часто оскорбляли блаженного Иоасафа припадками своего мирского своеволия. Невольными и вольными скорбями священник очищал душу свою для светлых радостей неба и мирно почил 27 июля 1555 года [1].

В уединении блаженный Иоасаф еще потрудился для Церкви, рассматривая присылаемые к нему рассуждения Стоглавого Собора [2], и усердно занимался исправлением книг для пользы общей. В сборнике его читаем: “Божиею благодатию и Пречистой Богородицы помощью переписал житие святой преподобный отец. Писал же с разных списков, тщаясь обрести правый. И обретох в списках много не исправлено. И елика возможна моему худому разуму, сия исправлял, а яже невозможна, сия оставих, да имущий разум больший нас, тии исправят неисправленная и пополнят недостаточная” [3].

Достойный преемник его, митрополит Макарий, поставленный из архимандритов Лужецкого монастыря на кафедру Новгородской архиепископии (в 1526 г.), был избран на митрополию в 1542 году и, как мы уже видели прежде, председательствовал на нескольких Соборах. Забота его об уменьшении заблуждений и суеверий в народе и о распространении просвещения — одна эта забота уже дает ему почетное место между великими учителями Церкви. Множество письменных трудов, учреждение типографии, попечение о лучшем устройстве иноческой жизни, о распространении христианства на северных и восточных окраинах Руси, наконец, благотворное влияние на молодого царя делают навсегда незабвенным имя первосвященника Макария.

Определение Собора 1551 года о необходимости пересмотра книг, очевидно, вело к тому, чтобы большинство людей осознано на опыте, в каком печальном положении находятся богослужебные книги. После такого опыта должно было согласиться, что против повреждения книг рукописных надобно воспользоваться тем средством, которым давно уже пользовались в южной Русской митрополии — надобно ввести печатание книг. Царь Иоанн просил датского короля прислать в Москву книгопечатников, и в 1552 году прислан был королем типограф Ганс. Впрочем, и в Москве священник Макарий нашел русских, знающих дело типографское. Дьякон Иоанн Федоров и Петр Тимофеев приняли на себя приготовить все нужное для типографии. В Новгороде сыскался резчик букв Василий Никифоров. Первые опыты печати, как и во всем, были неудачны: не прежде как в 1564 году напечатана была первая книга — Апостол [4], уже по кончине Макария.

Обратимся к словесным произведениям приснопамятного священника. Он владел блистательным даром красноречия. Речи его к царю — при браке его, пред походом царя на Казань и по возвращении из Казани — написаны с одушевлением и красноречиво. Таковы же увещательное его послание к войску в Свияжске пред началом Казанского похода и пространное послание к царю от 17 июля 1552 года с увещанием идти смело против врагов Христовых [5], учительные послания о молитве против разных ересей, в Водскую пя-

тину об искоренении язычества [6] и многие другие. Глубоко умирительно духовное завещание святителя [7].

Весьма замечательны труды блаженного Макария на поприще истории. Красноречивый слог, каким описаны в Степенной книге 26 лет царствования Иоанна, скромность, с какою коснулись здесь действий митрополита Макария и опустили речи и послания его к царю, показывают, что труд митрополита Киприана в составлении Степенных книг должен был самим Макарием. Несомненно и то, что он дополнил труд Киприана внесением житий святых [8]. “Великая книга Минеи-Четьи” — блистательный памятник трудов Макария и самый богатый подарок для истории. Это целая библиотека сочинений исторических, поучительных и назидательных, состоящая из 12 огромных фолиантов. Над составлением ее проведено двенадцать лет. За основание приняты синаксари, или, как несправедливо называли их, прологи; потом помещены не только полные жизнеописания, не только слова на дни святых и на праздники, но и целые обширные сочинения учителей Церкви [9].

Незабвенны для иночества заботы Макария об устройстве общежития в обителях. Тогда как многие из московских монастырей, по учреждению святого Алексия и преподобного Сергия сохраняли чин общежития, почти все новгородские монастыри, в том числе и Антониев, до 1527 года не имели сего чина. “Каждый. — говорит летопись, — в своей келье имел трапезу, все отягчались житейскими печальми.” Некоторые монастыри имели у себя приходы наравне с церквами приходскими. В 1528 году архиепископ Макарий собрал к себе игуменов обителей новгородских и предложил им принять устав строгого общежития. Из 18 обителей в Новгороде и близ него только две отказались принять этот устав: “в том бесчинии обыкош жити.” Во всех прочих стали вводить строгое общежитие. Следствия сего скоро замечены. “Когда устроились общежития, — говорит летописец, — тогда начала умножаться благодать Божия, благочиние усилилось, число братий увеличилось! Тогда же владыка назначил для инокинь особые монастыри, поставив над ними игуменей, а игуменов, дотоле заведовавших женскими обителями, вывел в мужские обители. Тем монастырям, которые изъявляли желание принять строгое общежитие, архиепископ давал грамоту благословения с объяснением чина общежития [10].

Когда Макарий возведен был на митрополию, он стал заботиться, чтоб и во всей митрополии обители иноческие подчинились уставу общежития. Намерения святителя были приведены в исполнение, но не повсюду, — привычка к старому обычаю была слишком сильна.

Наконец, попечения об исправлении юного царя и о руководстве его на пути правды и добра составляют также великую заслугу приснопамятного святителя. Священник Сильвестр, пробудивший совесть Иоанна после великого пожара и с того времени имевший сильное влияние на царя, был, без сомнения, известен Макарию еще в Новгороде и им переведен в Москву. Блаженная кончина великого святителя последовала 31 декабря 1563 года, когда царь Иоанн уже совратился с доброго пути, но не успел еще сделаться ужасом человечества [11].

Ко времени первосвятительства Макария относится начало апостольских трудов в коренном царстве Казанском. Нет сомнения, что выбор архипастыря для новой паствы и достойных его сотрудников принадлежит митрополиту Макарию. Святитель Гурий, в крещении Григорий, родился в Радонежском городке, где жил некогда преподобный Сергий в родной семье своей, до удаления в пустыню. Родителями Григория были дворяне Руготины, бедные и малоизвестные. В доме благочестивого отца сын получил и благочестивое воспитание, и обучен был читать и писать. Сыновья незнатных дворян обыкновенно служили тогда, если не в службе великого князя, то при домах богатых княжеских фамилий.

Так служил в доме князя Ивана Пенькова и Григорий Руготин. Григорий был умен и деятелен, нрава кроткого и послушливого, честности неподкупной; он любил ходить в храм Божий на молитву, молился и в доме; любил целомудрие и, охраняя его, держал пост, подавал нищим милостыню, какую только мог. Ум, строгая честность и благочестивая жизнь Григория приобрели особенное доверие к нему князя и его супруги: Григорию поручено было все правление по княжескому дому. Товарищи Григория стали завидовать его счастью и оклеветали чистого юношу в преступной связи с княгинею. Гневный князь придумал жестокую месть: была выкопана яма и в нее опущен сруб, сюда заперли Григория. Только малое отверстие сверху темницы пропускало в нее свет, и в то же окошко бросали Григорию на пять дней по снопу овса и опускали немного воды. Тяжко было положение невинного страдальца; природа отвращается от страдания и неправды. Но благочестивая душа его скоро помирилась с темницею. “Мученики, — думал Григорий, — терпели и не то при всей своей святости; темница избавила меня от соблазна и тревог мирских. Это уединение оставляет мне полную свободу готовиться к вечности, а для чего и жить на земле, если не для вечности?” И вот блаженный Григорий “в таковой беде наипаче простирается на славословие Божие, терпя и благодаря Бога о всем.” Уже проходил второй год заключения, когда один из товарищей по княжескому дому, бывший другом Григорию, упросил сурового сторожа дозволить подойти к окну темницы и поговорить с заключенным; расспросив о состоянии заключенного, он вызвался доставлять ему приличную пищу. Григорий поблагодарил друга за участие и сказал: “Без наказания, которое терплю я, душа моя могла остаться неисцеленною; благодарение Богу за все! В пище не имею я нужды; а прошу тебя приносить чернила и бумагу: я стану писать азбуки, а ты будешь продавать их и деньги после покупки бумаги станешь раздавать нищим.” Так Григорий и в темнице хотел, чтобы дети учились закону Божию, так же как хотел помогать бедным, сам терпя крайнюю нужду. Спустя два года неожиданно в дверях темницы блеснул свет. Григорий, сотворив молитву, толкнул дверь, она отворилась. Страдалец понял, что Господь посылает ему свободу. Он взял икону Божией Матери, бывшую с ним в темнице, и пошел оттуда прямо в обитель преподобного Иосифа Волоколамского, известную тогда по строгой жизни иноков. Там он и постригся с именем Гурия.

После многолетних подвигов в посте, безмолвии и богомыслии, к которым приучился еще в темнице, Гурий был возведен на игуменство в Иосифовом монастыре; потом, по воле царя, принял на себя настоятельство Селижаровской обители [12].

Для завоеванного Казанского царства Собор определил избрать архиепископа. Это место служения в тогдaшнее время было чрезвычайно важно; здесь надлежало быть мужу с апостольскою ревностю и чистотою души, чтобы благоплодно проповедовать святу ю веру незнающим ее. Поэтому и избрание архипастыря происходило необыкновенным образом. По совершении молебного пения митрополитом из четырех жребиев взят был с престола один, и это был жребий Гурия; потом взят один из двух, и это был опять жребий того же избранника. В 1555 году святой Гурий Собором архипастырей рукоположен в сан архиепископа Казанского. Отправясь из Москвы водою, архипастырь в каждом городе встречался был молебствиями и сам совершал молебствия, так что все путешествие свяителя до Казани, продолжавшееся два месяца, было почти непрерывным молением.

Первопрестольнику Казанскому даны были два достойных помощника для многотрудного его служения: Герман, бывший архимандрит Старицкого монастыря, бывший на покое в Иосифовом монастыре [13], и Варсонофий, игумен Песношский; первый определен архимандритом в Успенский монастырь города Свияжск, а последнему предназначена была архимандрия в новой обители Преображенской, которую он должен был сам еще основать в Казани. Варсонофий был сыном Серпуховского иерея Василия и сам получил в

крещении то же имя. В 1512 году сыновья хана Менгли-Гирея опустошили берега реки Ока и захватили многих в плен; в том числе и юного Василия. Горько было положение пленника! Зная на память псалмы Давидовы, он взывал к Богу отцов своих: “Отец мой еси Ты, Бог мой и заступник спасения моего (Псал. 88, 27); избави мя от руки чуждых” (Псал. 143, 7). Молитва и богомыслие не только облегчали скорбь его, но доставляли сердцу его такое утешение, какого не чувствовал он в доме родительском. В нем росла любовь к Богу, а с нею и преданность воле Его. В таком расположении души молодой Василий работал на неверных со всем усердием и обучался послушанию безответному, терпению и незлобию. Пост, сперва невольный, обратился в дело воли его. Утомительные работы невольника занимали у него все время дня, и он посвящал ночь молитве. Всегдашняя готовность к услугам, верность и жизнь чистая смягчили сердце варваров; на другом году плена облегчили ему тягость трудов и дали некоторую свободу. Василий изучил разговорный язык татарский; по своей даровитости он узнал его настолько, что мог излагать мысли свои на письме, изучал основания магометанского зловерия, так что мог ясно говорить о заблуждениях учения Магометова. Основательным познанием языка и веры татар исполнилась премудрая цель, для которой Господь попустил рабу своему быть в плену. И вот спустя три года плена отец нашел средства выкупить дорогого сына из неволи татарской.

Василий возвратился на родину, но сердце его уже не могло увлечься земными радостями. Раб Божий покорил сам себя игу Христову в Андроньевской обители и в монашестве был наречен Варсонофием. Потом жил он при Тверском епископе Акакии в сане иеродиакона. Там и здесь совершаемы им были иноческие подвиги с полным усердием. Слух о духовной жизни его дошел до митрополита Макария, и в 1544 году он был посвящен в игумена Песношской обители.

Много трудов предстояло на новом поприще святителю Гурию, бодрому духом, но изнуренному плотию (темничная жизнь навсегда расстроила его здоровье). Хотя существовали начатки христианства в земле Казанской, уже напоенной кровию мучеников Христовых [14], но ревностный святитель и сотрудники его должны были неусыпно трудиться: прежде всего поучать духовенство, новокрещенных утверждать в вере и благочестии, магометан и язычников обращать к святой вере убеждениями, не прибегая к насилиям, за магометанина и язычника, осуждаемого судом за преступление, но принимающего святу ю веру, ходатайствовать пред начальством о прощении вины его. Святитель, выполняя эти правила, присовокуплял для успехов веры молитву и милосердие: в доме его находили себе пищу и помощь всякая бедность и нужда. Неверующие видели, что вся жизнь его — любовь святая, любовь благотворительная для всех без различия. На втором году служения своего святитель начал строить близ Казани Зилантов монастырь. По уставу святителя, иноки этой обители занимались обучением детей чтению и письму, преимущественно же — закону Божию. Благочестивое желание знакомить детей с верою и правилами христианскими, пробудившееся еще в темнице, теперь развилось в святом Гурии с особенною силою [15]. И труды евангельского проповедника в стране мрака были благоплодны: “Божественный муж, — как свидетельствует Гермоген, один из преемников его, — учением своим привел ко Христу множество душ.”

Ревностно помогал наставнику своему блаженный Варсонофий. Вместе с добрыми иноками, взятыми им из Песноши, он устроил в Казани новую общежительную обитель Преображенскую [16], и неутомимо трудился в обращении мусульман. В этом подвиге помогали ему знание языка и веры татар и искусство врачевать болезни. Знание татарского языка помогло ему войти в близкие отношения с татарами, а основательное знание учения Магометова и его глубокий ум подкрепляли обличения его мусульманства неотразимыми доводами. Уменьше лечить болезни привлекало к нему больных всякого рода, тогда как бо-

лезнь сама отворяет душу для лучших чувств, а следовательно, и для принятия мыслей христианских; к тому же терпеливое и бескорыстное лечение со стороны Варсонофия внушало доверие к безвозмездному врачу не только в больных, но и в здоровых.

Другой сотрудник святого Гурия, блаженный Герман, устроил обитель иноческую в Свияжске, учил детей, во множестве крестил магометан и язычников в струях Волги и усердно выполнял поручения святителя по епархии. Со своей стороны, святой Гурий оказывал ему особенное доверие, поручил суду его все сельские церковные причты Свияжского уезда, а монастырь его освободил от своего суда.

Последние три года жизни святитель Гурий лежал на одре болезни и не мог совершать служение и даже ходить в храм. Но дух его молился и молитвою низводил благодать небесную на его паству. В великие праздники носили его к литургии в соборный храм Благовещения Богоматери, построенный им; здесь сидел он или даже лежал, слушая службу Божию; душа его горела желанием молиться вместе с паствою своею в дни общей хвалы и молитвы. Блаженная кончина его последовала 4 декабря 1563 года. Преемником его кафедры стал святой Герман.

Вскоре после того (в 1567 г.) святой Варсонофий рукоположен был в сан святительский на Тверскую кафедру; но спустя четыре года, отягченный старостию, отказался от управления епархией и возвратился в Казанский Преображенский монастырь.

В обители продолжал он подвижническую жизнь. Когда от дряхлости не мог он ходить в церковь, ученики возили его на тележке к богослужению: так любил он молитву и славословие храма! Блаженная кончина его последовала 11 апреля 1567 года на 86 году жизни его [17].

Между тем как равноапостольные святители Казанские просвещали светом истинного богопознания страну, погруженную во мрак язычества и магометанства, в пустынных обителях земли Русской ярко сияли светильники благочестия, а на стогах Москвы один дивный труженик подвизался в юродстве Христа ради.

Преподобный Даниил, Переяславский чудотворец, в мире Димитрий, еще в юных летах обнаруживал порывы души к строгим подвигам. Услышав при чтении жития преподобного Симеона Столпника, что тот тайно обвинил себя веревкою для усмирения плоти, отрок отрезал себе конец веревки, которою рыбаки привязывали к берегу ладью, обвинил ею стан свой и так крепко, что веревка по времени стала въедаться в тело; родители увидели у спящего мучительный пояс и поспешили снять его. Воспитанный потом для жизни иноческой в Никитском монастыре, он тайно ушел в обитель преподобного Пафнутия Боровского и, приняв пострижение с именем Даниила, пользовался наставлениями опытного старца Левкия [18].

По смерти родителей блаженный Даниил возвратился в Переяславль и поселился в Успенской обители, что на Горицах; архимандрит Антоний, родственник его, зная чистоту его жизни, убедил его принять сан священства. Тут совершал он особенный подвиг любви к ближним: умерших странников, убитых, замерзших и утопших бедняков на своих руках переносил в скудельницу; он просил и других сказывать ему, если увидят где застигнутого внезапною смертию, и ночью шел отпевать покойного. Так продолжал он не один год. По ночам, смотря из Горицкой кельи на скудельницу (божедомье), он думал: “Сколько тайных рабов Божиих лежит, быть может, в этой скудельнице, попав туда только от того, что не хотели они быть известными миру ни при жизни, ни по смерти!” Эта мысль особенно часто стала посещать его после того, как один странный человек, не сказавший о себе, кто он, но часто находивший у Даниила в келье покой себе, зимней ночью найден был им уже умершим и похоронен в скудельнице. По временам преподобный Даниил видел в скудельнице огонь и до слуха его оттуда доносилось пение. В блаженном подвижнике родилась

мысль построить храм в божедомье, и Богу угодно было желание смиренного раба Его. Бояре Челяднины, избавленные молитвами преподобного Даниила от княжеской опалы, представили его лично великому князю Василию Ивановичу, выпросили ему дозволение иметь в своем распоряжении божедомье и построить там храм. Тогда же стали поступать приношения для построения храма, и появились желающие поселиться при нем, так что на божедомье неожиданно составила обитель иноческая. Новые подвижники стали жить под руководством преподобного Даниила. Он обнес божедомье оградой, дал правила монашеского жития и каждый день ходил из Гориц совершать службу в божедомском храме. Великий князь Василий, уважавший преподобного Даниила, восприемника от святой купели сына его Иоанна, посетив однажды бедную обитель, назначил для нее ежегодный отпуск хлеба.

Между тем иноки Горицкие упростили преподобного Даниила быть архимандритом их обители. “Если настояли вы на том, чтобы я был вашим настоятелем, — говорил Даниил братии, — то должны слушаться меня.” — “Желаем повиноваться,” — отвечали иноки. “У вас есть обычай, — говорил настоятель, — ходить из монастыря на торг без благословения настоятеля; ходите в мирские дома и там пируете и ночуете по несколько суток. Прошу вас вперед не делать так.” Иноки обещались исполнить волю настоятеля. “Вы ходите в бани, — продолжал настоятель, — и там бываете вместе с мирскими людьми. Этому не должно быть.” Согласились и на то иноки. Преподобный Даниил продолжал: “В праздники, именины, в поминовение родных созываете вы к себе родных, друзей, знакомых с женами и детьми, и они гостят у вас по несколько дней и ночей. Вперед не только не должно быть пиров, не только не должен никто из женского пола ночевать в кельях ваших, но женщин никогда не должны вы принимать в кельи.” Тяжело было на это согласиться монахам, но согласились. “Кельи у вас очень высоки, с высокими крыльцами, как у вельмож, — сказал еще преподобный, — это неприлично монашескому смирению.” Братьям неприятно было это замечание, но прекословить не могли. Впрочем, не прошло и года, как преподобный Даниил отказался от настоятельства Горицкого и перешел жить в новую обитель на божедомье, где в 1530 году построил каменный храм Святой Троицы иждивением великого князя Василия.

Во время голода обитель Даниила, где уже было до 70 братии, питала страдавших от голода. Раз сказали преподобному, что муки так мало осталось, что ее не хватит для братии и на неделю. Даниил пошел посмотреть, и в то же время подошла вдова с детьми, изнуренная голодом, и просит помощи. Он дал ей муки и приказал отпустить оставшуюся муку всем нуждающимся по их просьбе. В продолжение 8 месяцев в обители Даниила доставало всем хлеба. И после голодного времени многие, зная любовь святого старца к несчастным, бросали у ворот монастыря больных, увечных и не имевших, чем кормиться. Угодник Божий с радостью принимал их в монастырь, лечил и кормил, одевал и покоил. Будучи образцом христианской любви к ближним, он до гроба был и образцом смиренного подвижничества. Он воспитал и в учениках своих любовь к подвигам. Инок Нил, родом немец, постриженный преподобным Даниилом, соблюдал такой пост, что довольствовался только хлебом и водою и то в меру.

Пред концом земной жизни своей богоносный старец посетил крестника своего, великого князя Иоанна Васильевича, и сообщил ему, что переяславские храмы святого Предтечи и святого Николая, стоящие у городских ворот, очень обветшали, так что необходимо построить новые; при этом преподобный Даниил сказал, что у ветхого храма святого Николая в земле лежат мощи святого князя Андрея Смоленского, которому в прежние времена, как он твердо помнит и знает, была служба со стихирами и канонами и лик его писали на иконах; почему ныне не отправляется пение, неизвестно. Об этом же доложил он и свя-

тителю Иоасафу. Великий князь и митрополит приказали построить новые храмы и дозволили преподобному Даниилу вместе с местным духовенством осмотреть гроб святого князя Андрея. После молебна разобрали надгробный памятник и начали копать могилу, открыли гроб и в нем мощи, обвернутые берестой, мощи нетленные и издававшие благоухание: волосы русые и длинные, одежда с медными пуговицами цела, загнута на сторону. Крупицы бересты, осыпавшиеся при отгребании земли, с верою брали недужные и исцелялись. Преподобный Даниил послал священника Константина известить о том митрополита и великого князя. Из Москвы присланы Чудовский архимандрит Иона (впоследствии Суздальский епископ) и Успенский протопоп Гурий для проверки донесения и перенесения мощей в храм. Они вздумали спросить святого старца: с чьего дозволения решился он отыскивать мощи? — и объявили, будто бы “владыка митрополит ничего не знает о том и ничего не приказывал.” Старец заплакал и сказал: “Не будем искушать Духа Святого, действующего в чудных рабах Своих. Не говорите также, будто ничего не известно великому отцу нашему и святителю. Бог мне свидетель, что изведал я его сам и не только его, но и благочестивого самодержца и по их воле осмелился я, недостойный, открыть святые мощи.”

Даниил сказал потом, что противодействующие святому делу будут наказаны [19]: митрополит лишится престола, архимандрит и протоиереи жестоко пострадают. Это слово сперва смутило следователей [20], но потом они приняли его за плод дряхлой старости. Впрочем, очевидность дела вынудила кончить неуместный спор. Мощи блаженного князя положили в новый гроб и совершили службу.

Преподобный Даниил преставился 7 апреля 1540 года, достигнув почти 90-летней старости [21].

В том же Переяславле-Залесском, где подвизался преподобный Даниил, родился другой подвижник — преподобный Герасим Болдинский, в миру Григорий. Еще в юных летах он усердно ходил в храм Божий; святая жизнь преподобного Даниила особенно увлекла его душу и на 13-м году он уже со слезами просил старца принять его к себе. Даниил принял отрока к себе послушником; это было еще тогда, когда старец жил в Горицком монастыре. Герасим был сапожником и по воле старца усердно служил ремеслом своим бедной братии божедомья; на время оставлял он старца, чтобы слушать наставления других подвижников и по их совету возвратясь к Даниилу, принял пострижение от рук его. Это было в то время, когда Даниил начал жить в Троицкой обители. Новоначальный инок Герасим ревностно совершал подвиги поста и молитвы; принимал пищу через день и через два, постоянно выполнял келейное правило, а иногда всю ночь стоял на молитве. Преподобному старцу усердно служил он в заботах его о новой обители, особенно при построении храмов и келий. Чистою и подвижническою жизнью Герасим снискал себе общее уважение не только в обители, но и за оградю ее; он стал известен и в Москве. Эта слава тяготила его; он желал безмолвного уединения. Прожив до 26 лет под руководством преподобного Даниила, он вышел из обители его с желанием работать Господу в уединении.

В 1528 году поселился он в Дорогобужском округе, в таком диком лесном месте, что, кроме змей и диких зверей, никого там не жило; по временам же скрывались там разбойники, так как недалеко проходила большая дорога, на которой они занимались своим промыслом. Блаженный Герасим поставил себе хижину и в ней стал подвизаться; разбойники не раз били его, стараясь прогнать из своего соседства, но пустынный терпел и моллился. В хижине своей он жил, как птица, без печалей и забот житейских, хранимый и питаемый Господом. Впоследствии появился у него сторож — ворон; если недобрый человек подходил к хижине, ворон поднимал крик и, летая, бил крыльями по лицу нежеланно-

го гостя; то же было с хищным зверем: тому клевал он глаза, пока не заставлял обратиться в бегство. По особенному видению перешел Герасим на Болдину гору, где над потоком Болдиным стоял огромный дуб. Отсюда хотели прогнать его поселяне и отвели в Дорогобуж к наместнику, который велел посадить подвижника в тюрьму, как бродягу. Но внезапно явилась помощь: входит к наместнику царский посланный из Москвы. Увидав преподобного Герасима, которого видел вместе с преподобным Даниилом у царя, он с глубоким уважением поклонился ему и просил благословения. Наместник испугался и с честью отпустил подвижника. С того времени имя святого старца стало в уважении, и в пустыню его начали приходить ревнители благочестия. Сперва построена была молитвенная хранина для общих молитв и поставлена хижина. Потом преподобный Герасим отправился в Москву и там получил позволение на построение обители. Мало-помалу построены были храм Святой Троицы и келии для братии с трапезою. Преподобный Герасим сам трудился при постройках, трудился потом и для общежития вместе с другими: молот жерновом рожь, даже и за других, пек хлебы, рубил и носил дрова, мыл для братии свитки, прислуживал больным. Спал он мало и никогда — лежа. Пищей его был хлеб с водою.

Кроме Болдина монастыря, преподобный Герасим построил еще Предтечев монастырь в Вязьме; потом в Брынском лесу на реке Жиздра основал обитель Введения во храм Богоматери. В Болдиной обители под конец жизни преподобного было до 140 братьев. Он бдительно вел всех их по пути спасения. Под его руководством воспитались такие строгие подвижники благочестия, как блаженный Антоний, почивший Вологодским епископом (в 1588 г.) и доньне местно чтимый волгожанами. После многолетних подвигов преподобный Герасим преставился 1 мая 1554 года [22].

Другой ревностный труженик, постриженник Лавры Сергиевой и впоследствии один из достойных преемников великого чудотворца Сергия, преподобный Арсений происходил из дворянского рода Сухорусовых. При том богатстве доходов, какие тогда имела обитель Сергиева, преподобный Арсений не изменялся в любви своей к нищете и посту. Однажды великий князь Василий пришел на богомолье в обитель Сергия и на игумене богатой Лавры увидел одежду разодранную и заплатанную. На вопрос изумленного великого князя братия отвечала: “Игумен наш — истинный раб Божий и живет в Боге; но он думает только о том, как бы оставить нас и удалиться в безмолвную пустыню.” И, действительно, в 1527 году любитель безмолвия оставил игуменство и удалился в необъятный Комельский лес, где прежде него уединялись многие отшельники; избрал себе самое глухое место, на берегах речек Кохтыжа и Лежа, водрузил крест, поставил келью и стал подвизаться в безмолвном уединении. Место это, в 36 верстах от Вологды, еще и ныне окружено трясиной и болотами. Крестьяне, ходившие сюда то для рубки леса, то для звериной ловли, сочли помехою себе келью Арсения и разорили ее. Давая место гневу, пустынный ушел в Шилегонский лес, на речку Ингарь или Маслянку, и здесь стал подвизаться. К нему стали приходить ревнители пустынной жизни, и, сверх того, многие жители страны Вологодской, гонимые нашествием татар, толпами бежали в Шилегонский лес. Так безмолвие пустынников нарушено было поселившимися близ пустыни изгнанниками.

Любитель безмолвия, поручив безмолвную “Арсениеву пустынь” одному из учеников своих, решил водвориться опять в Комельском лесу: он поселился с учеником своим Герасимом там, где прежде водрузил крест, и стал расчищать лес. Его стали тревожить не люди [23], а звери; но молитвою своею он смирил их, и медведи уступали ему свои берлоги. Когда собралось к нему несколько учеников, он поставил храм в честь положения ризы Богоматери во Влахерне. Иногда посещал он и Шилегонскую пустынь. На пути из одной пустыни в другую он имел обычай беседовать о спасении души со встречавшимися с ним, а останавливаясь в селениях, назидал простых людей словом спасительным. Если замечал,

что кто-нибудь в поле трудится в праздник или в день воскресный, то строго обличал за то. Раз поселяне ослушались его — не перестали работать в праздник, и внезапно поднявшийся ветер разметал снопы их. Проведя долгую иноческую жизнь в посте, молитве и непрестанных трудах, старец пред кончиною приобщился Святых Тайн и мирно предал дух свой Господу 24 августа 1550 года [24].

На другом краю Русского севера, в стране Олонецкой, подвизался один из достойных учеников преподобного Александра Свирского [25]: в 9 верстах от места подвигов преподобного Александра жил в своей отчине дворянин Андрей Завалишин, охотник до звериной ловли. Однажды в самом разгаре охоты Андрей увидел оленя и бросился догонять его; охотник мчался с такою быстротою, что далеко оставил за собою товарищей охоты, и все-таки олень исчез из глаз его. Вдруг Завалишин увидел пред собою хижину и следы пустынного в таком диком месте, где, казалось, никогда не ступала нога человеческая. Он постучался у хижины, и пред ним явился труженик, изнуренный постом и подвигами, в ветхой одежде. Повесть подвижника о дикой своей жизни произвела на Андрея глубокое впечатление. Это было в 1493 году. Завалишин после того часто приходил к преподобному Александру (это был он) слушать наставления его и доставлял хлеб сподвижникам его. Из беседы с отшельником познав сладость пустынной жизни, Завалишин решил последовать примеру жизни его, оставил богатое имение свое и удалился в Валаамскую пустынь; здесь принял он иночество с именем Адриана и провел несколько лет в подвигах общежития. Потом по благословию преподобного Александра избрал для пребывания своего уединенное место на полуострове, на берегу Ладожского озера. К нему собрались ученики и последователи. В пустыне построен был храм в честь святителя Николая. Однажды Адриан вблизи своей обители встретился с такими людьми, которые грозили не только существованию обители, но и жизни пустынников. В дремучем лесу острова Сала, напротив Адриановой пустыни, укрывался недобрый человек Ондрус с шайкою подобных себе, живший на счет пловцов Ладожского озера. Близкое соседство пустынного, начавшего собирать к себе других, тревожило атамана разбойников: он заявил им, чтобы они удалились с острова, иначе будет им худо. Скорбно было Адриану расстаться с пустынным местом, особенно потому, что великий наставник его благословил ему здесь жить. Он умолял разбойника предоставить это место мирным труженикам; не имея у себя денег, чтобы предложить выкуп за место, Адриан обещал атаману ходатайствовать за него пред Богом и советовал ему расстаться с худым промыслом. Разбойник смеялся над словами пустынного. Долго упрашивал Адриан разбойника с горькими слезами; наконец, атаман смягчился и сказал: “Живите.” На каменистом мысу Ладожского озера, называемом ныне Сторожевским, тогда жил другой разбойник с шайкою и сторожил пловцов. Завидя счастью Адрианова соседа, он старался захватить и убить его. Случилось так, что оба атамана, разъезжая по озеру с шайками для промысла, встретились, и между ними завязалась битва. Жильцы Сала были побеждены, и скованный предводитель их брошен в лодку врага своего. Несчастный знал, что ожидает его мучительная смерть; он вспомнил советы пустынного — горькое раскаяние проникло в душу его, и вот он видит пред собою преподобного Адриана. “По милосердию Господа, для Которого просил я у тебя пощады пустынному братству, ты свободен,” — сказал явившийся и исчез; атаман увидал себя без оков, на берегу, и никого подле себя. Пораженный до глубины души, пришел он в обитель и нашел Адриана и сподвижников его в псалмопении. Атаман пал к ногам настоятеля и просил научить его путям спасения. Оставленный в обители, он здесь и кончил жизнь свою в тихом покаянии. И соперник его по ремеслу молитвами старца Адриана, наконец, пришел в себя. Почувствовав пагубу своей жизни, он на месте разбойничьего притона основал обитель молитвы и подвизался в ней с именем инок Киприана. Новою жизнью

своею, благотворительною для многих, блаженный Киприан не только привел в забвение у современников прежние недобрые дела свои, но и заслужил уважение; а Господь, Блаженный и Милостивый, за подвиги истинного самоотречения, прославил почившего подвижника чудесами. Так благотворно повлияла жизнь преподобного Адриана на глухой край. Основатель Адриановой Ондрусовой пустыни настолько известен был по святости жизни, что он и преподобный Григорий Пельшемский приглашены были царем Иоанном в Москву для воспринятия от святого крещения дочери царской Анны. Это было в августе 1549 года. Когда святой старец возвращался из Москвы в свою обитель и уже недалеко был от нее, близ селения Обжи злые люди напали на него и убили; злодеи надеялись найти у него деньги и не нашли ничего. Братия долго ждала своего настоятеля и уже не знала после долгого ожидания, что думать. Спустя два года в одну из ночей, в сонном видении, является преподобный Адриан одному из старцев Ондрусовой пустыни, рассказывает ему о страдальческой кончине своей, указывает место, где злодеи скрыли тело его, и повелевает перенести его в обитель. На другой день, 17 мая, иноки обрели в болоте нетленное тело страстотерпца и предали земле подле стены церкви святого Николая. Так вся жизнь преподобного Адриана была преимущественно борьбою со злыми людьми, и Господь увенчал его венцом мученика [26].

Еще два ученика того же великого наставника пустынножителей преподобного Александра, Геннадий и Никифор, подвизались на Важеозере. Первый из них, наследник богатого достояния, раздав все нищим, отправился к преподобному Александру, который тогда жил один на Свири: не хотелось дивному отшельнику нарушить своего уединения принятием кого-либо в свою келью; но усердные мольбы Геннадия заставили его расстаться с любимым уединением, — Геннадий остался учеником и сподвижником Александра. Спустя несколько лет преподобный Александр благословил Геннадия искать себе уединения в другом месте. Геннадий поставил себе келью на Важеозере и здесь подвизался отшельнически, а впоследствии дозволил он двум-трем ученикам поставить хижины подле своей кельи для безмолвной молитвы. Пред кончиною своею авва сказал ученикам: “На этом месте будет храм и киновия.”

Блаженный Никифор пришел к преподобному Александру иноком и в веригах когда уже основан был монастырь Свирский; отец пустынножителей принял Никифора и потом с утешением смотрел на его подвиги в общежитии. В 1518 году он просил у великого аввы благословения поклониться Печерским угодникам Божиим. “Иди, наперед повидайся с рабом Божиим Кириллом Новоезерским,” — отвечал авва. Послушный ученик исполнил волю своего старца. Когда прибыл он на берег Новоозера, то, утомленный трудом, заснул. Кирилл, окончив вечернее правило, поспешил переплыть на лодке озеро и разбудил странника. Изумленный путник просил благословения. Кирилл, поклонившись ему, сказал: “Ты благослови меня, ты послан преподобным игуменом и духовным братом Александром посетить меня, грешного.” Никифор понял, кто говорит с ним. Восемь дней после того пробыл Никифор у преподобного Кирилла, наслаждаясь духовными беседами его. С восторгом радости возвратился он к своему авве и пересказал, что видел и слышал у преподобного Кирилла. “Теперь можешь идти в Киев по твоему желанию,” — сказал Александр. Окончив благочестивое странствование свое в Киев, преподобный Никифор по благословению аввы поселился на Важеозере, там, где прежде него подвизался преподобный Геннадий, вблизи села Сермакса, где жили и почили родители преподобного Александра. Мало-помалу он собрал к себе любителей пустынной жизни, построил храм в честь Преображения Господня и завел общежитие. Здесь подвизался он до кончины своей, последовавшей 9 февраля 1550 года [27].

Еще далее, в тундрах Севера просиял святостию жизни преподобный Антоний Сийский. Сын богатых и благочестивых земледельцев Двинской волости Андрей (мирское имя Антония), научившись грамоте и иконописанию, не имел охоты к трудам земледельческим; любимым занятием его были иконописание и молитва. По смерти родителей отправился он в Новгород и там пять лет служил у одного боярина и по совету его вступил в брак; но через год жена умерла, и он решил расстаться с суетою мира. Возвратясь в дом свой, он раздал свою часть нищим и только в одной одежде отправился в Пахомиеву пустынь на реку Кена. По дороге заснув, увидел он во сне: муж благолепный с крестом в руке говорил ему: “Возьми крест свой и не бойся вступить на подвиг,” и осенил его крестом. Проснувшись, провел он остальную ночь в молитве. Блаженный Пахомий [28], облекши его в иноческую одежду, держал его в своей келье. Это было в 1508 году. Антоний прежде всех являлся в храм на молитву, трудился в поварне, нося воду и готовя дрова; пищу принимал через день и то не до сытости; память о смерти и Суде постоянно хранил в сердце. Удостоенный иерейства, один совершал он служение в храме (другого иеромонаха не было) и вместе с тем ходил на работы наравне с прочими; здоровье его было так крепко, что мог он трудиться за двоих.

По любви к пустынному уединению с благословения игумена оставил он Пахомиеву пустынь и с двумя братьями, Александром и Иоакимом, отправился на реку Шелексну; здесь избрано им место для пустынной жизни, поставлен небольшой храм святого Николая и несколько келий. Там подвижники прожили семь лет; потом, теснимые соседними жителями, ушли еще далее на север.

На глухом севере один зверолов показал пустынникам место, удобное для пустынной жизни, — Михайлов остров, окруженный глубокими озерами и омываемый с одной стороны рекою Сия. Место было совершенно дикое: тундра и лес, озера и чащи “непролазные”; оленей, лисиц, медведей, волков множество, и только по временам звероловы заходили сюда, гонясь за зверем, но еще никогда не обитал здесь человек. Антоний поставил тут часовню и для себя с братиею — хижину. Это было в 1520 году, на 42-м году его жизни. Три года проведено здесь в крайней скудости и в тяжелом труде! Антоний очищал лес и копал землю, чтобы сделать место сносным для житья; братия начинали роптать на скудость, но неожиданно неизвестный христоробец доставил им хлеб, муку, масло и сверх того — деньги на построение обители. Сборщик доходов Новгородского архиепископа Василий Бебр в уверенности, что у Антония много денег, вздумал добыть богатый доход для себя: он послал известных ему людей ограбить пустынников; но после сам же с раскаянием говорил Антонию, что хищникам представилось, будто обитель окружена стражею. С того времени начали посещать пустынь Антония богомольцы и доставлять ему средства к жизни.

Когда число учеников умножилось, двое старших из числа братии, Александр и Исаия, отправились в Москву испросить у великого князя Василия дозволение занять дикое место пустынною обителью и получили на это грамоту. Тогда они построили обширный деревянный храм Святой Троицы. Местный храмовый образ написан был самим Антонием и с молебным пением поставлен в иконостас. Однажды после утреннего пения оставили в храме незагашенную свечу: храм объят был пламенем, когда вся братия была на работе с Антонием. Весь храм и вся утварь сгорели, осталась только антониева икона Святой Троицы. Построен был новый храм и другой, теплый, при трапезе. По общей просьбе братии Антоний принял звание игумена, но продолжал быть примером любви к труду; он каждый день был в храме при каждом богослужении и потом в худой одежде то чистил он лес, то трудился на пашне, то занимался иконною работою. Праздности не любил ни в себе, ни в других; о больных заботился с отеческою любовью; пища и одежда была у него

в обители для всех одинаковая; нетрезвость считал тяжким грехом. Старец внушал братии никогда не увлекаться гневом, жить в кротости, терпении и любви. От иконы Святой Троицы еще при жизни преподобного Антония получались исцеления.

Пред кончиною своею по просьбе учеников оставил он духовную грамоту: “Братия и отцы!- писал он. — Видите, постигла меня, грешного, старость: часто подвергаюсь болезням, которою и теперьотячен. Все болезни мои говорят мне об одном — о смерти и о Страшном Суде. Сердце мое смущено от грозного исхода, и страх смерти напал на меня. Вы любовь свою понуждаете меня, грешного, написать, как вам жить после моей смерти. Господь Бог видит мои беззакония и в ваших глазах мои грехи. Вы видели — не был я примером ни одной добродетели. Вы называли меня, грешного, отцом своим, пастырем и учителем; но я не пастырь и не учитель. Един есть пастырь Христос. Неразумием своим я, грешный, разорял ваше богоугодное житие. Но не отчаиваюсь я в своем спасении, а надеюсь на милость Божию и на ваши молитвы. Бог говорит: “Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние.” Святыми молитвами вашими, по слову пророка, возлагаю на Господа печаль мою: пусть творит со мною, что Ему угодно. Он хочет, чтоб все спаслись и пришли в уразумение истины.”

“Много бы нужно писать вам из Святого Писания. Но вы знаете, что я умею грамоте лишь отчасти; да и боюсь Владыки моего Христа, Который сказал, что прежде надо самому делать, а потом учить. Поручаю монастырь свой и вас Богу и Пречистой Матери Его и преподобному Сергию, великому чудотворцу. Назначаю вам, по вашей просьбе, строителя старца Кирилла; пусть с ним священники соборно решают монастырские дела в трапезе при всей братии. Если иные строптивые и своевольные не захотят жить по монастырскому чину, не станут повиноваться строителю и братии, выгоняйте их из монастыря в страх прочим; если же такой возвратится с раскаянием, то нужно принять его, как своего, простить и считать не врагом, а братом... Прежде всего имейте страх Божий в душе, да вселится в вас Дух Святой и научит вас всякой истине! Живите общию жизнью по духу и телу, в пище и одежде, по заповеди святых отцов. Строитель пусть довольствуется братскою трапезою, не прибавляя себе ничего; то же — в одежде и обуви, разве по особенному усмотрению. Не держите хмельного в монастыре и не принимайте от христоролюбивых. Женский пол отнюдь не должен ночевать в монастыре, и миряне не должны ночевать в кельях вместе с братьями. Поите и кормите бедных досыта; подавайте милостыню, чтобы не обедняло это святое место. Здоровые из братии для своего спасения не должны оставаться без работ. Не позволяйте ставить дворов вокруг монастыря; скотный двор пусть стоит за озером. Молю вас, храните это.”

Передав управление обители ученику своему Кириллу, преподобный Антоний мирно почил на 79-м году жизни своей 7 декабря 1556 года [29].

В то же время и на острове другого озера подвизался отшельник. Уроженец Валдайского уезда, постриженник Крынецкой обители преподобного Саввы (близ Пскова) преподобный Нил удалился сначала на реку Серемля (тогда Ржевского, ныне Осташковского уезда). Поставив хижину, довольствовал он тело свое только травами, а дух насыщал молитвою и богомыслием. Он не давал простора желаниям плоти и жил духом для Господа, потому и Господь был с ним. Раз хотели напасть на него злые люди; он вышел к ним навстречу с иконою Богоматери, и они бежали. К нему приходили многие за наставлениями и с просьбою о молитве; жизнь его принесла пользу многим людям. Но он считал себя неутвердившимся в добре, а известность имени своего — опасною для души. Потому сильно желал он безмолвия. Однажды после молитвы задремал он и услышал голос: “Нил! Иди на озеро Селигер, там на острове Столбенском можешь спастись.” Узнав от прихо-

дивших к нему, где и каков Столбенский остров, Нил в радости о готовом для него безмолвии поспешил исполнить веление свыше [30].

Столбенский остров на озере Селигер, заключая в себе около 8 десятин пространства, весь покрыт был дремучим лесом. От нынешнего города Осташков, если плыть водою, он в 9 верстах. Преподобный Нил рад был такому тихому месту. На первое время он выкопал в горе пещеру и прожил в ней зиму (1528 г.). Потом поставил себе небольшую келью и часовню; для овощей он возделывал землю; а прежде того питался ягодами и травой. Отшельник утешался тем, что славил Господа вместе с природою, неотвлекаем людьми. Плоть не докучала ему, и духу была полная свобода славить Господа своего.

Раз пришли к отшельнику охотники до чужого добра и потребовали денег. “Чада! — сказал гостям своим преподобный Нил. — Все сокровище мое — в углу кельи.” Там стояла у него икона Богоматери. Разбойники бросились искать денег и ослепли. В слезах раскаяния просили они прощения. Нил преподал им наставление жить честно, не волноваться завистью слепую, помнить волю Божию: в поте лица твоего снеси хлеб свой; потом, сжалившись над ними, молитвою возвратил им зрение.

Иные были и добры к пустынножику. Рыбаки по временам присылали ему рыбу. И он не оставлял их без наставления. Раз послали они рыбу с одним товарищем своим; но преподобный Нил, увидев его издали, затворил окно, и тот принужден был воротиться назад. “Конечно, брат, ты совершил какой-нибудь грех, почему святой старец не принял тебя,” — сказали ему товарищи. И тот сознался в нечистом плотском грехе. Они послали другого товарища — отшельник принял от него рыбу и благословил его. Святой старец охотно преподавал наставления желавшим спасения, причем с иными говорил он строгим голосом. Один человек, оскверненный плотским грехом, бесстыдно пришел к преподобному, но был обличен в грехе и с того времени стал жить в страхе Божиим. Опытного в духовной жизни пустынножика посещали многие с пользою для себя.

В последнее время свое святой Нил жил в пещере, приготовив в ней гроб, и молитвою готовился к переселению в вечность. Извещенный о близкой кончине он молил Господа удостоить его причастия Святых Тайн пред смертью. Великий подвижник, столь возвысившийся в духовной жизни, считал нужным для себя причаститься Тела и Крови Христовых. По молитве угодника Божия желание его исполнилось. На остров прибыл посетить отшельника духовный отец его Сергей, игумен Никольского монастыря, что на Рожку; блаженный отец исповедался и причастился Святых Тайн; он просил игумена еще раз посетить его. На другой день игумен пришел с братиею и уже застал преподобного почившим. Святой старец стоял, опершись на двух костылях — так нашли его. Он преставился 7 декабря 1554 года после 26-летнего уединенного пребывания на пустынном острове [31].

Между тем, как дивные пустынножители озаряли светом богоугодной жизни своей дикие пустыни и дубравы, один великий труженик в первопрестольной Москве учил народ благочестию, посвятив себя на многотрудный подвиг юродства Христа ради. Это был блаженный Василий. В ранней молодости оставил он дом родительский [32], без крова и пристанища ходил по Москве, едва ли не нагой; зимою переносил такие морозы, от которых трескалась земля, а летом терпел зной на солнце; днем скитался по улицам, а на ночь ложился на паперти церковной и проводил время в молитве. Ни дружбы, ни знакомств не было у него ни с кем, для всех был он чужим, — так лишал он себя всякого утешения земного! Только у одной бедной вдовы иногда преклонял он голову. Ум блаженного Василия постоянно был занят молитвою и богомыслием. Во время малолетства царя Иоанна и страшных смут боярских жизнь Василия была уроком людям развратным и утешала невинно страдавших от произвола диких страстей. Нелегко было праведнику смотреть на

грехи людские. Любя людей, он плакал за них и слезами своими вел их к покаянию. Так в 1547 году он горько плакал, молясь пред монастырскою церковию Воздвижения креста [33]. На следующий день в Москве был страшный пожар, начавшийся с этого самого храма; оба города, старый и новый, сгорели; храмы, дома, дворец великого князя исчезли: “мед, как вода, разливался,” по слову летописца.

Внимательные к спасению своему замечали, что, когда Василий проходил мимо дома, в котором безумно веселились, пели песни и пьянствовали, он со слезами обнимал углы того дома. “Что это значит?” — спрашивали Василия. “Ангелы скорбные, — прерывая молчание, отвечал он, — стоят у этого дома и сокрушаются о грехах людских, а я со слезами упрашивал их молить Господа об обращении грешников.” Блаженный возвышался до чудных состояний духовных. Его видели ходящим по морю, как по суше; видели это люди неверные и дивились; придя в Россию, они говорили: “Мы видели такого человека, ходящим по морю” [34]. Это были персидские купцы, спасенные Василием на море во время бури.

Митрополит Макарий, узнав о блаженном Василии, сообщил о нем царю, и оба прославили Бога, воздвигшего в их время такого подвижника. Однажды царь Иоанн стоял в храме и думал, как украсить ему свой новый дворец на Воробьевых горах. После службы Василий зашел из храма к царю. “Где ты был, Василий? Я не видал тебя в храме.” — “А я видел тебя, — отвечал Василий, — только ты был не во храме, а на Воробьевых горах. Всякое ныне житейское отложим попечение, поет нам Церковь.” Царю вздумалось пригласить юродивого на свои именины. Подносили заздравную чашу. Юродивый три раза принимал ее и выливал за окошко. Иоанн прогневался, считая действие юродивого за пренебрежение к себе. “Не кипятись, Иванушка, — сказал юродивый, — надобно было заливать пожар в Новгороде, и он залит.” Царь не был из числа доверчивых людей, послан был нарочный в Новгород, и оказалось, что блаженный сказал правду.

Один богатый вельможа любил блаженного Василия, и Василий по временам бывал у него. Раз Василий пришел к нему в лютый мороз. Сострадательный боярин стал упрашивать его, чтобы тот, по крайней мере, в такое время защитил тело свое от мороза теплой одеждой. “Хочется тебе этого?” — сказал юродивый. “Искренним сердцем люблю тебя, брат, прими в знак любви моей,” — говорил боярин. Блаженный с улыбкою сказал: “Пусть так, и я люблю тебя.” Боярин с радостию надел на Василия богатую лисью шубу. Блаженный по обычаю побежал по улице. Недобрые люди, увидав юродивого в богатой шубе, вздумали обманом взять ее у него. Один лег на дороге, притворясь умершим; товарищи стали просить Василия подать что-нибудь на погребение бедняка. Отдавая шубу, Василий сказал: “Лукавнующие потребятся.” Когда отошел он, обманщики нашли товарища мертвым.

В последние дни свои блаженный труженик лежал на одре тяжело больным. Царь и царица Анастасия с детьми Иоанном и Феодором пришли к нему испросить молитв его за них. Блаженный, находясь уже при смерти, сказал царевичу Феодору: “Все достояние пра-родителей твоих будет твоим, ты — наследник.” И вслед за тем скончался. Это было 2 августа 1552 года. Из 88 лет жизни своей блаженный Василий провел в подвигах юродства 72 года. Царь с боярами нес одр его. Митрополит Макарий с собором духовным совершил погребение. Тело блаженного погребено было на кладбище Троицкой церкви во рву [35].

Исцеления от мощей блаженного Василия начались с 1588 года. Из множества чудес, совершенных Василием в загробной жизни, заметим одно, весьма замечательное. Черно-ризец Герасим двенадцать лет не владел ногами и питался милостынею у Спасских ворот. “Сколько лет ты ползаешь на коленях?” — спросил явившийся ему Василий. “Двенадцать лет, и все, что имел, роздал врачам, но без пользы,” — отвечал старец. “Для чего же ты, —

сказал ему Василий, — не веришь святым, от которых можно получать исцеление без всякой платы? Веруешь ли, что Бог может исцелить тебя?” — “Верую, Господи, — сказал бедняк; — верую, — прибавил он, — что твоими молитвами помилует меня Бог.” — “Хорошо, — сказал явившийся, — ступай же ко гробу юродивого.” Герасим отправился туда и совершенно выздоровел.

“Преблаженный Василий! С юности заботился ты стать в день Суда без страха и боязни и, смело отвергнув все удовольствия телесные, последовал за Христом; собирал богатство духовное трудами и терпением со свечою, всегда горящую. Как истинный и непобедимый страдалец, явился ты с чистотою душевною и телесною, для Христа изнузив тело всякою нуждою. Потому и получил от Него дар исцелений. И ныне, блаженный Василий, моли о нас, славящих твое успение” [36].

24. Митрополит Филипп Московский.

Разгром Новгорода. Смерть Иоанна Грозного.

Страшно делается следить за состоянием души человеческой, когда она, предавшись вполне влечению страстей и похотей ничем не сдерживаемых, никогда не укрощаемых, не внимая ни голосу совести, ни прещениям слова Божия, направляется к гибели путем беззаконий! Трудно и медленно поднимается человек на высоту по узкому пути добродетелей, под игом Христовым и бременем креста (хотя при всеильной помощи Господа-Спасителя это иго делается благим и бремя легким). Но как быстро, без усилий и напряжений, подобно безжизненному телу, увлекаемому своею собственною тяжестью, стремятся в бездну те несчастные, которые пошли широким путем пагубы! Поразительный пример такого внезапного бедственного, приводящего в ужас падения представляет нам личность царя Иоанна Васильевича, которого наши летописцы прозвали Грозным, а современники-иностранцы — Мучителем.

Иоанн родился с пылким сердцем, с воображением сильным, с умом более острым, нежели твердым или основательным. Худое воспитание, испортив в нем естественные склонности, предоставило ему способ к исправлению в одной вере, ибо самые дерзкие развратители царей не дерзали тогда касаться сего святого чувства. Дружья отечества и благие обстоятельства сумели ее тронуть спасительными ужасами, поразить его сердце; исхитили юношу из сетей греха и с помощью набожной, кроткой Анастасии увлекли на путь добродетели. Несчастные последствия Иоанновой болезни расстроили этот прекрасный союз, ослабили узы дружества, приготовили перемену. Царь перестал чувствовать потребность в руководстве, обнаружил холодность к Адашеву и Сильвестру, помня, что они благоволили ко князю Владимиру во время болезни царской. Скоро не стало их при дворе Иоанна [1]; враги прежних любимцев восторжествовали и заочно оклеветали их пред государем: уверили его, что Сильвестр и Адашев извели царицу ядом или чародейством. Нашлись новые любимцы, которые сумели угодить Иоанну пирами и развратом. Новый брак со злонравною черкешенкою [2] еще более развил в сердце его подозрительность и злобу на бояр, которых почитал он изменниками; полилась кровь ручьями; появились пытки и казни неслыханные. В порыве непонятого испуга Грозный царь разделил всю державу Русскую на две части: одну назвал своею собственною, или “опричниною,” в которую включил многие города и участки самой столицы под личным управлением; другую, с именем “земщины,” поручил боярам, жертвуя ею во всех случаях своей опричнине. Он окружил себя ватагою буйных людей, объезжал города и села, предавая их огню, мечу и

насилию, так что страшные опричники прослыли кромешниками в народе, как-будто они исторглись из тьмы кромешной. Избегая столицы, в Александровской слободе [3] устроил он себе кельи, палаты с крестовою великолепною церковью и обнес их оградой наподобие обители; там в мантии иноческой (в которую, как бы на поругание, облек и свою кривожадную братию) ревностно исполнял он весь устав церковный, чтобы заглушить совесть, молясь и карая, из храма выходя на пытки: странная игра человеческого сердца! Благочестивые навыки, с детства, всосанные с молоком кормилицы, набожность внешняя, ставшая привычной, без отчета и отголоска в сердце, пробивались всюду сквозь жесткую, грубую оболочку страстей, которая сделалась второю природою Иоанна.

От мрачной подозрительности и лютой Грозного царя страдала не только держава Русская, но и сама Церковь.

Преемник приснопамятного митрополита Макария, кроткий, но слабый духом и телом Афанасий [4] не мог вынести страшного зрелища казней и жестокостей и оставил кафедру. Иоанн, как-будто бы заботясь о благе Церкви, пожелал видеть первосвятителем святого Германа, архипастыря Казанского; но когда нареченный митрополит пред поставлением на кафедру Московскую и всея Руси осмелился говорить царю о Страшном Суде Божиим, пред которым должны отдать отчет все и подданные, и цари и пред которым страшно будет презрителям Закона Божия, кто бы они ни были, — Иоанн в ответ на это с бесчестием изгнал праведника из митрополичьего дома [5].

Тогда выбор царский, конечно, не без воли Божией, пал на пустынного подвижника, настоятеля обители Соловецкой, известного Иоанну еще в детском его возрасте и некогда им любимого. Это был игумен Филипп из боярского рода Колычевых. Он принадлежал к семейству знатному по заслугам предков и искренно благочестивому. Боярин Степан Иванович был любим великим князем Василием, как доблестный и заслуженный воевода; жена его Варвара была набожна и сострадательна к бедным. Сын их Феодор (мирское имя Филиппа) получил лучшее воспитание в духе того времени: он учился грамоте по церковным книгам, приобрел и сохранил до конца жизни любовь к душеполезному чтению [6]. Великий князь Василий взял Феодора Колычева ко двору, и юный Иоанн полюбил его. Но в малолетство Иоанна жизнь при дворе была вдвойне опасна: опасна для жизни из-за крамол боярских, опасна и для сердца из-за разврата. Горькая судьба, постигшая родственников Феодора [7], не могла не подействовать на его сердце: юноша живо почувствовал греховность и пустоту светской жизни. В один воскресный день (5 июня 1537 года) случилось ему во время литургии слышать слово Спасителя: “Никтоже может двема господинама работати.” Божественные слова так поразили его, что он решился навсегда расстаться с миром. Это было на 30-м году его жизни.

Феодор тайно в одежде простолюдина удалился из Москвы и близ озера Онега в деревне Хижах пробыл некоторое время в занятиях поселянина, чтоб остаться незамеченным в случае поиска; потом явился в Соловецкую обитель, не знаемый никем, и принял на себя суровые работы: сын знаменитых и славных родителей рубил дрова, копал в огороде землю, работал на мельнице и на рыбной ловле. Испытанный в течение полутора лет, Феодор Колычев был пострижен по желанию своему в монашество с именем Филиппа и отдан под надзор опытному старцу Ионе Шамину, собеседнику преподобного Александра Свирского. Игумен Алексей послал нового инока в монастырскую кузницу, и Филипп колотил железо тяжелым молотом; потом заставили его работать в хлебне. Везде Филипп оказывался лучшим послушником; несмотря на тяжелую работу, он никогда не оставлял церковной молитвы — первым являлся в храм и последним выходил из него. После Девятилетних подвигов смиренный послушник по единому желанию всей братии посвя-

щен в сан игумена (в 1548 году) и много потрудился для обители преподобного Зосимы и Савватия [8].

Таков был новый избранник, вызванный в Москву на престол митрополии. Первый взгляд на царя должен был произвести тяжкое впечатление на благочестивого игумена: беспокойный, раздражительный вид, зловещий огонь некогда ясных очей, внезапная, ранняя потеря волос должны были высказать опытному старцу всю несчастную повесть души царевой, пожираемой страстями. Царь надеялся, что найдет в Филиппе советника, который ничего не имеет общего с мятежными, по мнению Иоанна, боярством, как удаленный от него сначала образом мыслей и правилами воспитания, потом монашеством на острове Белого моря. Самая святость Филиппа должна была служить укором для бояр, в глазах царя недостойных и нечестивых. Иоанну казалось, что если он вручит подобному человеку жезл первосвятительский, то угодит Богу ревностью ко благу Церкви и себе доставит надежного молитвенника и духовного утешителя. Притом он мог надеяться, что смиренный отшельник не станет вмешиваться в дела правления, а, сияя добродетелью, будет и царя освещать ею в глазах народа. Он принял Соловецкого игумена с честью, говорил и обедал с ним дружески; наконец, объявил, что желает видеть его на кафедре митрополита. Филипп долго не соглашался принять высокий сан. “Не могу, — говорил он со слезами, — принять на себя дело, превышающее силы мои: отпусти меня Господа ради; зачем малой ладье поручать тяжесть великую?” Царь настаивал на своем. Филипп объявил, наконец, что исполнит волю царя, но с тем, чтоб уничтожена была опричнина, от которой страдает держава Русская. Иоанн отвечал, что опричнина нужна для царя и для царства, что против него все умышляют. Святители уговорили Филиппа согласиться на волю гневного царя: “Не вступаться в дела двора и опричнины, после поставления не удаляться с митрополии за то, что царь не уничтожил опричнины, но советоваться с царем, как советовались прежние митрополиты.” Таким образом святой Филипп оставил за своею совестью свободу и долг печаловаться за невинно гонимых и говорить о правде евангельской [9]. Первое время дела шли спокойно. Развратная опричнина притихла, опасаясь пустынного святителя. Царь осыпал его ласками, вниманием и уважением. Москва радовалась, увидя тишину с появлением нового митрополита.

В последней половине 1567 года снова поднялись дела опричнины: доносы, клевета, убийства, грабежи; особенно по возвращении из безуспешного похода литовского царь был в сильном раздражении, и этим пользовались злодеи. Над стонами невинных смеялись они и предавались гнусным делам. Уже многие знатнейшие бояре сложили головы, кто в Москве, кто по городам; одни в истязаниях, другие под ударом топора на плахе, некоторые пали от собственной руки Иоанна. Уже не только вельможи мнимо опасные, но и мирные безвестные граждане, страшась наглости кромешников, были в отчаянии, запирались в домах, и Москва как-будто замерла от ужаса; опустели площади и улицы столицы. Среди страшного безмолвия несчастные ожидали только, не раздастся ли за них единственный спасительный голос — голос Филиппа... Между тем митрополит убеждал владыку Новгородского Пимена и других епископов стать за правду пред лицом гневного государя. Но уже не было в живых святого Германа Казанского, “непобедимого о Бозе ревнителя,” а прочие трепетали от малодушия. Тогда ревностный первосвятитель не устрасился и один, без помощников вступить в подвиг: он отправился увещевать Иоанна в Александровскую слободу — эту берлогу разврата и злодейств. “Державный царь! — говорил он наедине Иоанну. — Облеченный саном самым высоким, ты должен более всех чтить Бога, от Которого принял державу и венец; ты — образ Божий, но вместе и прах. Властелин тот, кто владеет собою, не служит низким похотям и не волнуется в самозабвении собственную державу.” Иоанн закипел гневом и сказал: “Что тебе, чернецу, до наших

царских дел?” Святитель отвечал: “По благодати Святого Духа, по избранию священного Собора и по вашему изволению, я — пастырь Христовой церкви. Мы с тобою должны заботиться о благочестии и покое православного христианского царства.” — “Молчи,” — сказал Иоанн. “Молчание неуместно теперь, — продолжал святитель, — оно размножило бы грехи и пагубу. Если будем выполнять произволы человеческие — какой ответ дадим в день Пришествия Христова? Господь сказал: “Да любите друг друга: больше сея любви никто же имеет, да кто душу свою положит за друга своя. Аще в любви Моей пребудете, воистину ученицы Мои будете.” Твердый начетчик книжный Иоанн отвечал словами Давида: “Искреннии мои прямо мне приближишася и сташа, и ближнии мои отдалече мене сташа, и нуждахуся ищущий душу мою, ищущий злая мне.” — “Государь! — сказал святитель. — Надобно различать добрых людей от худых: одни берегут общую пользу, а другие говорят тебе неправду по своим видам; грешно не обуздывать людей вредных, пагубных тебе и царству; пусть водворится любовь на месте разделения и вражды.” — “Филипп! — сказал Иоанн. — Не прекословь державе нашей, чтобы не постиг тебя гнев мой, или оставь митрополию.” — “Я не посылал, — отвечал святитель, — ни просьб, ни ходатаев и не наполнял ничьих рук деньгами, чтобы получить сан святительский. Ты лишил меня пустыни моей. Твори, как хочешь.”

С того времени опричники стали настойчиво вооружать царя против митрополита. Царь возвратился в Москву, и казни возобновились. К святителю приходили вельможные и простые и со слезами умоляли его о защите. Святитель утешал несчастных словами Евангелия: “Дети! — говорил он. — Господь милостив! Он не посылает искушений более, чем можем понести; надобно быть и соблазнам, но горе тому, кем соблазн приходит. Все это случилось с нами по грехам нашим для исправления нашего; да и счастье обещано нам не на земле, а на небе.” В крестопоклонное воскресенье (2 марта 1568 года) царь пришел в храм соборный. Он и опричники были в черных одеждах, с высокими шлыками на головах и с обнаженным оружием. Иоанн подошел к митрополиту, стоявшему на своем месте, и ждал благословения. Святитель безмолвно смотрел на образ Спасителя. Опричники сказали: “Владыко! Государь пред тобою, благослови его.” Филипп, взглянув на Иоанна, сказал: “Государь! Кому поревновал ты, приняв на себя такой вид и исказив благолепие твоего сана! Ни в одежде, ни в делах не видно царя. У татар и язычников есть закон и правда, а на Руси нет правды; в целом свете уважают милосердие, а на Руси нет сострадания даже для невинных и правых. Убойся, государь, суда Божия. Сколько невинных людей страдает! Мы здесь приносим жертву бескровную Богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская! Грабежи и убийства совершаются именем царя.” Иоанн распалился гневом и сказал: “Филипп! Ужели думаешь переменить нашу волю? Не лучше ли быть тебе одних с нами мыслей!” — “К чему же вера наша? — отвечал святитель. — Не жалею я тех, кто пострадал невинно — они мученики Божии; но скорблю за твою душу.” Иоанн пришел в неистовство и грозил казнями: “Нам ли противишься ты? Увидим твердость твою!” — “Я пришлец на земле, как и все отцы мои, — тихо отвечал святитель, — готов страдать за истину.” Вне себя от ярости Иоанн вышел из храма. Пред собором епископов явился чтец с гнусною клеветою на святителя. Новгородский владыка Пимен, унижавшийся пред царем, сказал вслух: “Митрополит царя обличает, а сам делает гнусности.” Тогда исповедник правды сказал Пимену: “Любезный! Человекоугодничеством домогаешься ты получить чужой престол, но лишишься и своего.” Чтец тогда же со слезами сознался, что его заставили угрозами говорить клевету. Святитель, простив чтеца, предал себя в волю Божию. “Вижу, — говорил он духовным сановникам, — что хотят моей гибели, и за что же? За то, что никому не льстил я, не давал никому подарков, не угощал никого пирами.

Но что бы ни было, не перестану говорить правду — не хочу носить бесполезно сан святительский.”

Такою же смелость обличения показал святитель и во время крестного хода (28 июля), куда Иоанн явился с опричниками в полном их наряде. В то время, когда пришел царь, святитель хотел читать Евангелие и, преподавая мир всем, увидел опричника в тафье. “Державный царь! — сказал святитель. — Добрые христиане слушают Слово Божие с непокрытыми главами; с чего же эти люди вздумали следовать магометанскому закону стоять в тафьях?” — “Кто это такой?” — спросил царь. Но виновный спрятал тафью, а товарищи его сказали, что митрополит лжет и восстает на царя. Иоанн вышел из себя, грубо обругал святителя, называл его лжецом, мятежником, злодеем, клялся, что уличит его в преступлениях.

Стали искать лжесвидетелей против святителя в Соловецком монастыре, но там все называли Филиппа праведным и святым; наконец игумен Паисий, которому обещали сан епископа, монах Зосима и с ним еще некоторые, недовольные строгостью Филиппа еще во время его игуменства, согласились быть клеветниками против святителя. Составили доклад. В Москве Паисий в присутствии царя и духовенства со всею наглостью обвинял Филиппа. Святитель кротко сказал Паисию: “Что сеешь, то и пожнешь.” И, обратясь к царю, говорил: “Государь! Не думаешь ли, что боюсь я смерти? Достигнув старости, готов я предать дух мой Всевышнему, моему и твоему Владыке. Лучше умереть невинным мучеником, чем в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония. Оставляю жезл и мантию митрополичьи. А вы все, святители и служители алтаря, пасите верно стадо Христово; готовьтесь дать отчет и страшитесь Небесного Царя более, чем земного.” Святитель снял с себя белый клобук и мантию. Но царь остановил его, сказав, что ему должно ждать суда над собою, заставил взять назад утварь святительскую и еще отслужить литургию 8 ноября. При начале литургии ворвался в соборный храм один из гнусных любимцев царских, Басманов, и вслух при народе прочел осуждение Филиппу. Опричники бросились в алтарь, сорвали со святителя облачение, одели в рубище, вытолкали из храма, посадили на дровни и повезли в Богоявленский монастырь, осыпая его бранью и побоями. Толпы народа со слезами провожали святителя, а он спокойно благословлял народ. Пред воротами обители он сказал народу: “Дети! Все, что мог, сделал я, если бы не из любви к вам, и одного дня не оставался бы я на кафедре... Уповайте на Бога, терпите.” Несколько дней страдал неустрашимый исповедник правды в смрадной келье, окованный цепями, с тяжелою колодкой на шее, лишенный даже хлеба. Сюда Иоанн прислал ему голову любимого его племянника и велел сказать ему: “Вот твой любимый сродник, не помогли ему твои чары.” Святитель встал, благословил и поцеловал голову и велел возвратить царю кровавый подарок. Наконец, Иоанн сослал Филиппа в заточение в Тверской Отроч монастырь.

Прошло около года, как святой Филипп томился в заточении. В декабре 1569 года двинулся царь со своею дружиною карать Новгород и Псков за мнимую измену. Тогда по воле Иоанна Малюта Скуратов [10] явился в келью Филиппа и с видом смирения сказал: “Владыко святой! Преподай благословение царю на путь в Новгород.” Святитель знал, зачем явился Малюта. Еще за три дня до того сказал он бывшим при нем: “Вот приблизился конец моего подвига,” и причастился Святых Тайн. Злодею отвечал он: “Делай, что хочешь, но дара Божия не получают обманом.” Сказав это, он стал на молитву и просил Господа, да примет дух его с миром. Малюта задушил святителя подушкою и сказал настоятелю, что бывший митрополит умер от угара. Это было 23 декабря 1569 года. Так окончил земную жизнь свою великий святитель, положивший жизнь за стадо свое! Многими богоугодными, великими иерархами просияла Церковь Русская, но в числе их один

только мученик за правду и человеколюбие: слава его нетленна, как нетленны самые останки его [11].

“Восхвалим Филиппа премудрого, наставника православия, провозвестника истины, ревнителя Златоустого, светильника Русской земли. Вооружив себя броней духовного мужества, ты бестрепетно обличил непослушавших тебя; властью, от Бога единого данною, ты совершил свое течение и соблюл веру, блаженный святитель, увенчанный светлым венцом правды! Тобою украсил Бог храм Матери Своей и нетленное тело твое, в изгнании пострадавшее, много лет в земле сокровенное, возвратил престолу твоему, к радости и веселию паствы твоей” [12].

Между тем царь прибыл в Новгород, где верный народ и не думал сопротивляться воле его. Начались страшные истязания под предлогом мнимой измены, неслыханные свирепства; начался “разгром,” или, как называет современный летописец, — “неисповедимое колебание, падение, кровопролитие Великого Новгорода” [13]. Но и здесь нашелся смелый обличитель неправды и злодейства — преподобный Арсений-затворник [14]. Царь пощадил обитель Арсения, несколько раз посещал его и без гнева выслушивал обличения праведника, который один дерзал быть заступником несчастного города, отказывал царю в благословении и не принял от него богатых даров. Во все продолжение разгрома Арсений не выходил из кельи, неусыпно, но — увы! — не услышанный, молясь о смягчении царской ярости. Утомившись казнями и собираясь в Псков, Грозный царь пришел к затворнику принять благословение и звать его с собою. “Насытился ли кровию, зверь кровожадный? — сказал ему праведник. — Кто может благословить тебя, кто может молить Бога о мучителе, облитом кровию христианскою? Много душ неповинных послал ты в Царство Небесное, а сам не узришь его. И еще замышляешь новое кровопролитие.” Царь уверял, что никому не сделает зла во Пскове, если не найдет там измены. “И ты сам, отче, будешь свидетель тому,” — прибавил он. “Пусть будет по слову твоему, — отвечал преподобный Арсений. — Завтра готов я в путь с тобой и неотступен буду от тебя во Пскове. Но знай, что не на радость тебе будет, когда помыслишь злое, и ярость кровожадная возгорится в тебе. Тогда вспомнишь слова мои: страх и трепет обымут тебя, и сотрясутся от ужаса все кости твои.” Наутро дверь в келье Арсения оказалась запертою изнутри, и сколько ни стучались, старец не подал голоса. Разломали дверь и увидели старца на коленях, с согнутыми на груди руками и наклоненною головой. Он как будто продолжал молиться, но праведная душа его отлетела уже в селения небесные [15].

Для совести, отягченной кровью, тяжело было зрелище мирной кончины праведника! Во всю дорогу Грозный был мрачен и задумчив. На последнем ночлеге в селе Любятово, близ Пскова, царь с ужасом выбежал из избы, между тем как в городе, трепетавшем от ужаса, раздался благовест к воскресной утрени. “Теперь во Пскове все трепещут, но напрасно; я не сотворю им зла,” — сказал царь спокойным голосом. “Притупите меч о камень. Да престанут убийства.” Чем объяснить внезапный ужас Иоанна, внезапный переход от свирепства к кротости? Царь твердо помнил последние слова затворника Арсения и был уверен, что усопший праведник невидимо сопутствует ему во Псков. При мрачном и подозрительном характере, при расстроеном воображении, при помраченной злодеяниями совести Грозного не страшно ли было ему иметь при себе такого неотступного обличителя?

На следующее утро, 20 февраля, во второе воскресение великого поста, улицы Пскова представляли необыкновенное зрелище. По всем улицам до Кремля, против всех домов и ворот были расставлены столы с разными постными кушаньями; жители в праздничном платье стояли пред столами. Все они были в страхе, как приговоренные к смерти; многие дрожали, иные плакали. Один только человек в длинной рубашке, подпоясанный верев-

кою, смело и беззаботно разгуливал по улицам, пробегая босыми ногами от одного стола к другому и стараясь ободрить жителей.

Это был юродивый Никола, по прозванию Салос, всему городу известный и всеми уважаемый праведник. Царь въехал в город. Вдруг явился пред ним юродивый, прыгая на палочке по детскому обычаю и приговаривая:

— Иванушка! Иванушка! Покушай: вот тебе хлеб-соль. Чай, не наелся мясом человеческим в Новгороде.

Царь разгневался и велел было опричникам схватить его; но блаженный исчез, скрывшись в толпе народа. При выходе из Троицкого соборного храма снова встретил царя Никола и неотступно звал к себе в келью под соборную колокольню. В этой убогой и тесной келье на лавке была разостлана чистая скатерть и на ней лежал огромный кусок сырого мяса.

— Покушай, покушай, Иванушка, — приговаривал Никола, с поклоном угощая царя.

— Я христианин и не ем мяса в пост, — сурово сказал царь.

— Мяса не ешь, а людей губишь, и кровь христианскую пьешь, и суда Божия не боишься!

Закипело на душе у Грозного. Он велел снимать колокола с соборной церкви и грабить ризницу. А юродивый, взглянув ему в глаза, сказал строгим голосом:

— Не тронь нас, прохожий человек, ступай скорее прочь. Если еще помедлишь, не на чем тебе будет бежать отсюда.

В ту же минуту вошел Малюта Скуратов, бледный от страха, и доложил царю, что любимый конь его пал.

— Вот только тронь кого-нибудь в богоспасаемом Пскове, — закричал ему юродивый, — или церкви начни грабить — тотчас же издохнешь, как конь твой.

Грозный оставил в покое город, спасенный от разорения юродивым [16].

Спустя несколько лет Грозный царь, отправляясь в ливонский поход, посетил Псково-Печерский монастырь [17], где настоятельствовал тогда преподобный игумен Корнилий.

Иноческие подвиги Корнилия начались с ранней юности в той же Печерской обители; при нем устроен печерный храм, и с 1524 года храмовая икона Успения Богородицы начала источать исцеления. Облеченный в сан игумена с 1529 года ревностный подвижник в продолжение многолетнего настоятельства возвысил обитель во всех отношениях. Жизнь его была образцом строгой иноческой жизни, и он старался одушевить ревностию к подвижничеству подчиненных ему иноков. Неутомимый в трудах он построил в Пскове на Печерском подворье каменный храм в честь Богоматери Одигитрии; в монастыре своем деревянный храм 40 мучеников он перенес за монастырь для монастырских рабочих, а на месте его построил каменный храм Благовещения [18]. В назидание другим описал он чудеса Печерской иконы Богоматери. “Свидетель этих чудес, — говорит он, — не я один, а весь Псков и Новгород. Богоматерь подает исцеления не только православным, но и иноверным, приходящим из немецкой земли (из Лифляндии) с верою к чудотворному образу.” Блаженный Корнилий любил просвещение и насаждал благочестие не только в своей обители, но и во всей окрестности: он построил храмы Божий в Агиреве и Топине — соседних селениях и много заботился о просвещении полудиких эстов православною верою. Когда дружины русские завоевали большую часть Ливонии, блаженный Корнилий щедрою рукою раздавал пособия бедным эстам, пострадавшим от войны. В Нейгаузене построил он православный храм. Благотворительность ревностного игумена, кроткие наставления, бескорыстие и чистая жизнь его произвели то, что в приходе Нейгаузена все эсты, а в других приходах многие обратились к Православию, как к благочестию бескорыстному

и искреннему. В 1565 году блаженный Корнилий окружил монастырь каменной оградой и над воротами построил храм в честь святителя Николая, поручив сему дивному защитнику чистой веры оберегать обитель Православия. При положении обители на границе с ливонскими немцами, заклятыми врагами православия, такое укрепление необходимо было не для одной обители, но и для всей Русской земли.

Царь Иоанн знал и уважал преподобного Корнилия. Он обошелся с ним милостиво, когда встретил его в Пскове после разгрома новгородского. Но, приближаясь к обители Печерской со стороны Ливонии, Грозный царь увидел твердыни монастырской ограды, воздвигнутые Корнилием, и страшно разгневался, подозревая по наветам клеветников, что в этих укреплениях кроется мысль независимости от Москвы [19]. Когда преподобный Корнилий вышел за ворота с крестом навстречу государю, Грозный тут же повелел умертвить старца. Так, по свидетельству летописи, “приснопамятный, достохвальный, достоблаженный игумен, добрый пастырь, от тленного сего жития земным царем предпослан к Небесному Царю в вечное жилище.”

Страшная година мучительства служила испытанием веры всего русского народа: не было ни заговоров против Грозного царя, ни мятежа, ни измены, немногие решились на побег за пределы отечества [20]. Первые вельможи, подпоры престола, с таким же смирением, с такою же покорностью воле Божией, как и простолюдины, клали голову на плаху; никто среди неслыханных мучений не осмеливался проклинать мучителя, почитая в нем лицо помазанника Божия; нашлись и такие, кто, перенося истязания, молился за царя. При таких чувствах православного народа неудивительно, что Господь посылал чудные знамения для утешения и укрепления верующих в разных краях России.

Так в Великом Новгороде незадолго до страшного разгрома прославлены нетлением и чудесами мощи святителя Никиты, которые с разрешения самодержца и митрополита были открыты владыкою Пименом после бывшего ему видения. Когда поднята была крыша гробницы, увидели священное сокровище благодати: не только тело угодника Божия, но и ризы его сохранились в совершенном нетлении. Тогда же святые мощи, 450 лет почивавшие в недрах земли, были переложены из ветхой раки на одр и поставлены посреди церкви; бесчисленное множество чудес и исцелений над приходящими с верою слепыми, бесноватыми, хромыми, расслабленными и одержимыми разными недугами ознаменовало незабвенный для Новгорода день 30 апреля 1558 года [21]. В это время войска русские осаждали ливонский город Ругодив (Нарва), и в день открытия мощей многие ливонцы видели между русскими полками едущего по берегу Нарвы мужа безбородого [22], в ризах святительских, с жезлом и крестом. Между тем в Нарве немец-пивовар бросил в огонь, разведенный под котлом, две иконы, писанные на липовых досках и похищенные из Иваньгорода: на одной из них изображена была Богоматерь с Божественным Младенцем, а на другой — угодники Божии: Николай чудотворец, Василий, Козьма и Дамиан. Внезапно поднялся сильный ветер, и пламя, разливаясь из-под котла, объяло весь город, не только дома, но и стены, и ворота сгорели, а войска русские вместе с жителями Иваньгорода, воспользовавшись смятением немцев, быстро переправились через реку Нарва и овладели Ругодивом без приступа и стенобитных орудий. К довершению чудного события, обе иконы, брошенные в огонь, найдены были невредимыми в пепле на месте пивоварни [23].

Другим знамением милости Божией было явление иконы Пресвятой Богородицы в Казани. В 1579 году девятилетняя девочка по имени Матрона, жившая с матерью в новопросвещенной столице бывшего татарского царства, увидела во сне образ Богоматери, причем голос повелевал ей донести градоначальнику и архиерею, чтоб открыли и взяли из земли святую икону, и указал самое место, где икона была скрыта. Но Матрона по своему детскому неразумению и страху боялась сначала открыть об этом и только спусти

неделю рассказала матери о благодатном сне своем. Мать не обратила на рассказ дочери должного внимания и отнесла сон ее к обыкновенной детской грезе. Через некоторое время то же сновидение повторилось во второй и в третий раз, но уже с угрозой. Святитель и воевода, к которым обратились Матрона и мать ее, не обратили внимания на слова девочки. Тогда 8 июля около полудня мать Матроны пришла с заступом на указанное дочерью место и начала копать землю. Долго копала она, но святой иконы не находила. После нее принялись копать соседи ее, собравшиеся толпою из любопытства, вскопали все место, но также ничего не находили. Наконец, вместе с другими начала копать сама девица Матрона в том месте, где прежде находилась печь, и только что прорыла землю на пол-аршина, вдруг явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы с Предвечным Младенцем на руках, обвернутая в ветхое сукно вишневого цвета. Чудным светом сияла святая икона, как будто недавно была изображена она, и прах земли, казалось, не коснулся ее. Девица с благоговейным страхом и невыразимою радостью приняла на руки пречистую икону и поставила ее на том же месте. Такое чудное знамение милости Божией скоро сделалось известным всему городу: христиане радовались и благодарили Бога, а магометане дивились непонятной для них силе Божией [24]. Святая икона, прославленная многими чудотворениями, была перенесена в ближнюю церковь святого Николая, а царь Иоанн, получив известие о чудном явлении Казанской иконы Богородицы, повелел на самом месте, где обретаена чудотворная икона, построить храм во имя Пресвятой Богородицы и основать женский монастырь, прислав на сооружение храма значительную сумму из собственных царских доходов и определив в то же время выдавать деньги на содержание священнослужителей, игуменьи и сорока сестер [25].

Спустя несколько лет на другом конце широкой Русской земли усердная Заступница христиан даровала им свою помощь и предстательство. Это было в древнем Пскове, осажденном ляхами и Литвою во время несчастной войны Иоанна с королем Стефаном Баторием, одним из лучших полководцев своего времени. Грозный царь имел огромные рати в поле, но, мучимый неизъяснимым страхом, видя везде мнимую измену, не решался двинуть их против врага. Во Пскове войска было немного, но доблестные воеводы укрепляли себя и воинов молитвою: духовенство города, воеводы, воины, граждане с крестами, чудотворными иконами и мощами святого князя Всеволода-Гавриила обошли крестным ходом вокруг всех укреплений. Они молились, да будет град святой Ольги неодолимою твердынею против врагов, да спасется сам и да спасет Россию. Вечером увидели густые облака пыли, которые сильным южным ветром неслись к городу. Скоро явилась и рать неприятельская; она шла медленно, осторожно и стала вдоль реки Великая. Началась достопамятная осада Пскова [26]. Ждали приступа. Накануне праздника Рождества Богородицы дряхлый слепец Дорофей, инок Покровского монастыря, что в Углу, объявил воеводам бывшее ему видение. Он говорил так: “Сидел я в поздний вечер в сенях келийцы своей и плакал о горестном положении нашего города. Вдруг вижу померкшими своими очами, будто свет великий простирается от Печерского монастыря, чрез реку Великая к городу Пскову, и в том свете шествует сама Пресвятая Владычица наша Богородица. Под левую руку поддерживает Ее преподобный отец Антоний, Киевский пещероначальник, а под правую — наш блаженный Корнилий, игумен Печерский. Перешедши чрез градскую стену, Она вошла в нашу Покровскую церковь. Потом, вышедши из нее вместе с преподобным Корнилием, Пречистая Богородица стала на стене близ Покровской башни. Здесь предстали пред Нею святитель Нифонт, строитель Мирожского монастыря, благоверные князя Всеволод-Гавриил и Довмонт-Тимофей и преподобные Евфросин и Савва игумены, а сзади их стал блаженный Никола Салос. Все они поклонились Пречистой Богородице, а Она, смотря на град, как бы с гневом сказала: “О, злые человеки града сего! Прогневали

вы Сына Моего, Господа и Бога, и осодомили град сей скверными делами своими. И ныне пришла на вас туча и беда великая.” Тогда игумены Корнилий, Евфросин и Савва с блаженным Николою пали перед Нею со слезами и сказали: “О, Пресвятая Владычица Богородица! Велик грех их и беззаконие, но не прогневайся на них до конца и помолись Сыну Твоему и Богу нашему за град сей и за народ согрешивший.” Потом все благоверные князья припали к ногам Владычицы Богородицы, а Она, обратясь к тому месту, где я сидел, сказала мне: “Старче! Иди скорее, возвести боголюбивым воеводам, Печерскому игумену и всему народу, чтобы прилежно и непрестанно молили Господа Бога; завтра пусть стерегут это место, пусть принесут сюда старый Мой образ Печерский и святые хоругви, пусть поставят здесь пушки и направят их на шатры королевские. Всему народу вели плакаться о грехах своих, и Я буду молить Сына Моего и Бога за ваши согрешения.” После сих слов Пресвятой Богородицы все видение исчезло в очах моих. Я снова очутился в прежней темноте и поспешил поведать дивное видение, посланное мне, грешному и недостойному.”

Наутро начался приступ и именно на том месте города, которое было указано в видении Дорофею. От действия тяжелых орудий вражеских образовался пролом в стене близ Свиной и Покровской башен, и в этом проломе закипела страшная сеча. Не одни воины защищали город, но все граждане, способные носить оружие, простились с женами, благословили детей и стали вместе с воинами, между развалинами каменной стены и новою деревянною, еще недостроенною. Дряхлые старцы, женщины и дети собрались в соборном храме, где Печерский игумен Тихон и священники усердно молились. При страшном известии о приступе и проломе все молящиеся зарыдали воплем отчаяния. По словам летописца, они “весь пол храма омыли слезами.” Чрез несколько часов враги завладели обеими башнями и ворвались в южную часть города. Град пуль сыпался на осажденных, слабеющих и теснимых. Уже они изнемогали и начали отступать шаг за шагом. Но мгновенно изменяется ужасная картина. Из Кремля идет духовенство с чудотворною иконою Печерской, с мощами святого князя Всеволода-Гавриила, с крестами и хоругвями. Под выстрелами неприятеля, посреди кровавой сечи раздается пение молебствия. Утомленные защитники города одушевились верою, упованием и мужеством. Они стали непоколебимы. Вдруг Свиной башня, под которою заранее подложен был порох, потрясенная пушками, взлетела на воздух с королевскими знаменами. Весь ров наполнился трупами врагов, а на помощь к осажденным приспели свежие дружины из других частей города. Ужас овладел врагами, а верные псковичи твердо сомкнулись и двинулись вперед с криком: “Умрем за Христову веру! Богородицу и святого Гавриила не выдадим!” Дружным натиском они смяли изумленных неприятелей, вытеснили из пролома и прогнали в поле. Дольше других держались венгерцы, засев в Покровской башне; их выгнали огнем и мечом. Еще кровь лилась до вечера, но уже вне города, где оставались только больные, старцы и дети. Самые женщины помогали отцам и братьям: некоторые из них тащили на веревках в Кремль пушки, брошенные бегущим неприятелем; другие приносили холодную воду, чтобы освежить сражающихся, изнуренных жаждою. Поздняя ночь положила предел кровопролитию. С трофеями победы: знаменами, трубами литовскими и множеством пленных — возвратились победители в город воздать хвалу Богу в храме Святой Троицы. Там главный воевода князь Иван Петрович Шуйский сказал воинам и всему народу: “Вот, братие, миновал для нас первый день печали и веселия, трудов и мужества. Совершим, как начали. Сильные враги наши пали, а мы, немощные, препоясались силою. Гордый исполин лишился хлеба, а мы, алчущие милосердия Божия, исполнились благ. Будем готовы умереть за Церковь и за царя, не изменим ни лукавством, ни малодушием.” Воины и граждане отвечали ему со слезами умиления: “Мы готовы умереть за веру Христову! Как начали, так и довершим — с Богом, без всякой хитрости” [27]. После достопамятного побои-

ща 8 сентября 1581 года уже не было другого приступа к Пскову, но отдельные битвы возобновлялись. Морозы и недостаток продовольствия принудили врагов снять осаду.

Так по вере и молитве псковитян спасен был древний город святой Ольги! В то же время Матерь Божия чудно сохранила от врагов Свою Печерскую обитель. Мимо монастыря нередко проходили обозы, отправляемые Баторием в Литву с награбленным имуществом и русскими пленниками. В октябре один из таких обозов, состоявший из 30 подвод, был остановлен людьми, бывшими в монастыре; они рассеяли польскую стражу, а награбленное имущество все взяли и отвезли в монастырь. Ободренные этим успехом защитники обители на другой день разбили польский отряд из 300 человек, отняли пленных и богатую добычу. Озлобленный сопротивлением Баторий послал войско на осаду обители. Осада началась приступом с восточной и южной стороны монастыря; монахи с небольшим числом воинов и поселян, бывшими в то время в монастыре, твердо стали на стенах и бились с неприятелем от 3 часов дня до самой ночи. Приступ был отражен, один из военачальников Батория ранен, а другой вместе с многими воинами взят в плен.

Знаменитая осада Печерского монастыря продолжалась более двух месяцев и окончилась перемирием, заключенным между Россией и Польшею. Во время осады неустрашимые защитники обители, подкрепляемые многими чудесными примерами заступничества Божией Матери, бесстрашно отражали все нападения неприятелей и, несмотря на недостаток продовольствия, на мор и заразные болезни, не хотели слышать о сдаче обители. Чудесное спасение Печерского монастыря от врагов прославило эту обитель не только между христианами всей Русской земли, но и в чужих странах и между неверными [28].

Война кончилась постыдным договором с ляхами [29], который был заключен при посредничестве папского посла Антония Поссевина. Хитрый иезуит имел целью не примирение враждующих, а подчинение Русской Церкви папскому престолу, и папа Григорий XIII питал большую надежду на успех посольства, потому что сам царь просил папу усювестить Батория, союзника султана, и обещал вместе с другими государями ополчиться против турок и пребывать в непрестанных, дружественных сношениях с Римом [30]. Но надежды папы и старания Поссевина не увенчались успехом: Иоанн оказал всю природную гибкость ума своего, ловкость и благоразумие, которым и сам иезуит должен был отдать справедливость, благодарил за услугу, которая, впрочем, не стоила благодарности, обещал свободу и покровительство священникам латинским в Русской земле, честил и льстил римского посла, но отринул домогательство о построении на Руси латинской церкви, отклонил споры о вере и соединении Церквей на основании правил Флорентийского Собора и не увлекся мечтательным обещанием приобретения не только Киева, но и всей империи Византийской, утраченной греками будто бы за отступление от Рима. Царь спокойно отвечал: “Мы никогда не писали к папе о вере, я и с тобой не хотел бы говорить о ней: во-первых, опасаясь уязвить твое сердце каким-нибудь жестким словом; во-вторых, занимаюсь единственно мирскими, государственными делами, не толкую церковного учения, которое есть дело нашего отца и богомольца митрополита. Ты говоришь смело, ибо ты поп и для того приехал сюда из Рима. Греки же для нас — не Евангелие: мы верим Христу, а не грекам. Что касается до Восточной империи, то знай, что я доволен своим и не желаю никаких новых государств в сем земном свете; желаю только милости Божией в будущем.” В ответ на папскую грамоту Иоанн снова изъявил готовность участвовать в союзе христианских держав против турок, но ни слова не сказал о соединении Церквей. Этим пресеклись сношения Рима с Москвою, бесполезные для обеих сторон, потому что не ходатайство папы, а доблесть воевод псковских побудила Батория к умеренности после выгодной для него войны.

Но война еще не была прекращена, а страшная кара Божия уже совершилась над мучителем, к ужасу современников и потомства. В старшем, любимом сыне своем — Иоанне царь готовил России второго себя: вместе с ним занимаясь делами важными, присутствуя в Думе, объезжая государство, вместе с ним и сластолюбствовал, и губил людей. Но, извывая страшное в юности ожесточение сердца и необузданность в любострастии, царевич выказывал ум в делах и склонность к славе (хотя и к бесславию отечества). Во время переговоров о мире, страдая за Россию, читая гордость на лицах бояр, слыша, может быть, всеобщий ропот, царевич пришел к отцу и просил дозволения стать во главе ратей русских, изгнать неприятеля, освободить Псков, восстановить честь России. Иоанн в гневе закричал: “Мятежник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола!” — и поразил сына в голову острым жезлом своим. Царевич упал, обливаясь кровью. Внезапно исчезла ярость Грозного царя. Помертвелый от ужаса, в трепете, в исступлении он закричал: “Я убил сына, Бог покарал меня, я убил его!” Он кинулся на землю, обнимал, целовал царевича, старался удержать кровь, струившуюся из глубокой раны, плакал, рыдал, молил Бога о милосердии, звал лекарей иноземных. Но Суд Небесный уже совершился! Царевич Иоанн спустя 4 дня скончался в ужасной слободе Александровской [31]. Там, где потоками лилась кровь невинная, Грозный царь, обогранный кровью сына, неподвижно, в страшном оцепенении сидел у трупа несколько дней и ночей без пищи и сна. С тех пор никто не видал уже веселой улыбки на лице царя. Силы телесные истощились. Он тосковал ужасно, не знал тихого сна. Ночью будто окруженный привидениями он вскакивал с постели, звал убитого сына, стонал, вопил; утихал только к утру от изнурения сил, забывался в минутной дремоте на полу, где клали для него тюфяк и изголовье. Он ждал и боялся дневного света, боялся видеть людей и показать им на лице своем муку сыноубийцы — страшное предвкушение адской муки!

Ни прекращение тяжелой и опасной войны с Баторием, ни успехи Ермака в завоевании Сибири не могли вернуть спокойствия Грозному. Он медленно угасал, как багровое солнце в тучах. В час его кончины митрополит Дионисий постриг государя, и уже не Грозный царь Иоанн, а смиренный инок Иона предал дух свой Всевышнему Судье страшных дел его (18 марта 1584 года)!

Здесь не место изображать характер Грозного царя и судить о последствиях его царствования. Но не можем умолчать об одной замечательной особенности: непрестанно обураваемый страстями неукротимыми, необузданный в кровопролитии и мерзостном сластолюбии, Иоанн сохранил до конца жизни усердие к обрядам Церкви и благолепию храмов. Так он приносил великолепные вклады в некоторые, особенно любимые им монастыри, не почитая грехом святотатствовать в опустошаемых им городах, и жертвовал награбленное в другие церкви и обители. Имена погубленных им он вносил в синодики и на поминовение их щедро рассылал золото [32], почитал своим долгом заботиться о порядке и благочинии иноческой жизни и писал строгие обличения по монастырям [33]. Слог его отличается твердостью, чистотою языка и едкостью иронии, но обличает тревожный дух и отсутствие теплоты душевной. Обладая обширною начитанностью и отличною памятью, Грозный царь любил употреблять выражения из Святого Писания и творений Отцов, также примеры из истории церковной и гражданской [34], любил составлять и песнопения церковные [35].

Наследником царства стал Феодор, второй сын от первого брака царского, добрый сердцем, но слабый способностями ума и телесным здоровьем. Другой царевич, еще младенец Дмитрий, рожденный от последнего (шестого или седьмого) супружества Грозного царя, получил в удел Углич, куда был отправлен с матерью царицею Мариєю из рода Нагих.

25. Установление патриаршества. Царь Борис Годунов.

После ужасной грозы Иоанновой внезапно наступило время мира и всеобщего благоденствия. Двор царский не представлял уже страшной и отвратительной картины свирепства и разврата неслыханного; напротив того, юный венценосец был для подданных образцом кротости, сострадательности, искренней набожности, целомудрия и тихой семейной жизни.

Царь Феодор, рожденный от первого брака царя Иоанна Васильевича, был слаб душою и телом. Не одаренный от природы способностью к труду, почти постоянно больной он уклонялся от всех дел государственных. По словам современников, Феодор вставал обыкновенно в четыре часа утра и ждал духовника в спальне, наполненной иконами, освещенной днем и ночью лампадами. Духовник приходил к нему с крестом, благословением, святою водою и с иконою Угодника Божия, празднуемого в тот день Церковию. Государь кланялся до земли, молился вслух минут десять или более, шел к царице и вместе с нею отправлялся к утрени; возвратясь, садился на креслах в большой горнице, где приветствовали его с добрым днем некоторые ближние люди и монахи; в 9 часов ходил к литургии; в 11 обедал; после обеда спал не менее трех часов; ходил опять в церковь к вечерне и все остальное время до ужина проводил с царицею, с шутами, карлами, смотря на их кривлянья или слушая песни, иногда же любуясь работою своих ювелиров, золотарей, швцов, живописцев; ночью, готовясь к сну, опять долго молился с духовником и ложился с его благословением. Он любил пышность и благолепие обрядов церковных, любил звон колоколов, всякую неделю посещал монастыри в окрестностях столицы, иногда забавлялся медвежьею травлею. Случалось, что челобитчики окружали Феодора при выходе из дворца, “избывая мирския суеты и докуки” он не хотел слушать их и посылал к правителю.

Кто же был этот правитель, облеченный при жизни царя неограниченною царскою властью? Грозный самодержец, ясно сознавая неспособность своего преемника, назначил ему советниками “и блюстителями державы” пятерых знаменитых вельмож [1]; но один из них, ближайший к новому царю по родству и дружбе, Борис Федорович Годунов, сумел отстранить некоторых из них и вполне подчинить себе остальных.

Не только важное значение Годунова при жизни последнего царя из рода князей вяржских и по пресечении царского рода, но и влияние дел его на последующие судьбы Русской Церкви и государства заставляют нас ознакомиться ближе с этою необыкновенною личностью. Борис находился тогда в полном расцвете жизни, в полной силе душевной и телесной, имея 32 года от рождения. Величественною красотою, повелительным видом, умом быстрым и глубоким и сладкоречием обольстительным превосходя всех вельмож (как говорит летописец), Борис хотел и умел благотворить, но единственно из любви к славе и власти; видел в добродетели не цель, а средство к достижению цели. Если бы он родился на престоле, то заслужил бы имя одного из лучших венценосцев в мире; но рожденный подданным с необузданною страстию к господству, он не мог одолеть искушений там, где зло казалось для него выгодною, и проклятие веков заглушает в истории добрую славу Борисову. Блистая умом в делах внутренней и внешней политики, всегда острожный и миролюбивый Борис спокойно благоустраивал Русское царство, старался казаться беспристрастным, но всегда готов был жертвовать теми, кого считал своими врагами, не затрудняясь ни знатностию их, ни важными заслугами государственными [2]. В глазах

России и всех, сносившихся тогда с Москвою держав, он стоял на высшей степени величия, как полный властитель царства, не видя вокруг себя никого, кроме слуг безмолвных, или громко славословящих его высокие достоинства, не только во дворце кремлевском, в ближних и дальних краях России, но и вне ее, пред государями и министрами иноплеменными, получая на свое имя грамоты и дары от союзных венценосцев. Все видели в нем правителя царства и притом “правителя изрядного” (т.е. превосходного, выходящего из ряда правителей обыкновенных).

В то время, когда все дела внутренние и внешние зависели вполне от правителя Годунова, только одно важное дело должно быть приписано собственному желанию царя Феодора: это учреждение патриаршества Московского и всея России. Со времен святого Владимира до царя Феодора, Русская иерархия не искала чести равенства с древними патриаршими престолами востока: Византия, державная и гордая, не согласилась бы на равенство своей иерархии с Киевскою или Московскою; Византия, раба Оттоманов, не отказала бы в том Иоанну III, сыну и внуку его. Русская митрополия в последнее время почти не зависела от Царьграда; Русского первосвятителя с половины XVI столетия называли “святейшим” и отличали особенным уважением, как предстоятеля Церкви обширной, наслаждавшейся благоденствием. Естественно, что благочестивый царь Феодор, услаждавший душу свою только делами набожности и благочинием церковных обрядов, желал почтить митрополита всея России саном Патриарха. К тому же надежда найти в Русском Патриархе защиту Православию, угнетенному на востоке игом мусульманства, а с запада теснимо-му папизмом, также располагала желать возвышения сана для Русского митрополита.

В 1586 году прибыл в Москву за милостынею Антиохийский Патриарх Иоаким. Благочестивый царь предложил Собору святителей и боярской Думе свое желание об учреждении патриаршеского достоинства в Русском царстве [3]. Годунову поручено советоваться о том с Антиохийским иерархом. Иоаким, соглашаясь с мыслями благочестивого царя, обещал предложить это дело Собору патриархов.

На следующий год получен был ответ из Константинополя, что патриархи Цареградский и Антиохийский согласны с желанием царя и что они послали за Александрийским и Иерусалимским патриархами для совещания и решения соборного, положив отправить в Россию Патриарха Иерусалимского. Но нужды Церкви Цареградской потребовали, чтобы отправился в Россию не четвертый, а первенствующий между патриархами, Патриарх Константинопольский, к области которого издревле принадлежала Церковь Русская. В июле 1588 года прибыл в Москву святейший Иеремия, пастырь знаменитый, как просвещением, так и страданиями за Церковь. Вся Москва была в радостном волнении, когда первенствующий святитель православного христианства, благословляя народ и душевно умиляясь его радостным приветствием, ехал на осяти к царю по стогнам Московским; за ним ехали на конях митрополит Монемавасийский (или Мальвазийский) Иорофей и архиепископ Элассонский Арсений. Когда они вошли в Золотую палату, Феодор встал, чтобы встретить Иеремию в нескольких шагах от трона; посадил близ себя, с любовию принял дары его: икону с памятниками страстей Господних, с каплями Христовой крови, с мощами святого царя Константина, — и велел Борису Годунову беседовать с ним наедине. Патриарх передал правителю свою историю. Главною причиною бедствий, говорил Патриарх, был один отступник грек, который, променяв веру на выгоду земную, донес султану, будто Иеремия богат, будто храм его владеет сокровищами, которым нет цены; к тому же другой претендент искал почести, от которой Иеремия готовился отказаться за старостью. Султан нарушил обещание Магомета II, давшего за себя и за своих преемников клятву не вступаться в дела христианства, и велел Феолипту быть Патриархом без соборного определения. Иеремия смело напомнил через пашей о клятве султана, и султан со-

слал его на остров Родос, где пробыл он четыре года. Амурат отставил и Феолипта, ограбил церковь Божию, превратил патриарший храм в мечеть и возвратил Иеремию из заточения к новым скорбям. “Обливаясь слезами, — заключил Патриарх, — вымолил я у Амурата позволение ехать в христианские земли за милостыней, чтобы построить новый храм истинному Богу. Слыша о таком благочестивом царе, пришел я сюда, чтобы помог нам царь в наших скорбях.” Затем первосвяtitель объявил, что прибыл с соборным определением об открытии патриаршества в России.

Оставалось избрать Патриарха. Бедствия святейшего Иеремии возбудили в Феодоре желание успокоить страдальца-свяtitеля в России, что, по мнению царя, возвысило бы и достоинство Патриарха Русского. Но представились затруднения. Если Патриархом Москвы станет незнающий языка русского, трудно будет иметь с ним сношения, особенно по делам тайным; не хотелось также доброму царю огорчить Иова лишением Московской кафедры, особенно при просьбе правителя Бориса за Иова. Итак, царь велел предложить свяtitелю Иеремии: “Ты известил, что по грехам христианским султан воздвиг на Церковь и на тебя гонение; посему благочестивый самодержец молит свяtitню твою остаться в Русском царстве и патриаршествовать на престоле Владимира и всей России с именем вселенского; он обещает во всем успокоить тебя и твоих.” Иеремия искренно поблагодарил доброго царя; но дал заметить, что, оставаясь вдали от царя, будет он бесполезен и для Русской, и для Константинопольской Церкви; наконец, сказал, что желает лучше разделять скорби той Церкви, которую, “как мать, восприял,” и куда его зовут скорби епископов и всей паствы. Свяtitелю предлагал вторично о том же и Собор русских пастырей; но он опять отказался и благословил Государя избрать Собором Патриарха Русского с тем, чтобы и вперед патриархи поставлялись в России своими митрополитами, по чину церковному, не испрашивая разрешения Восточных Патриархов.

Собрался многочисленный Собор русских пастырей, и царь предложил им сделать совет о Патриархе. В храме Успения Богоматери, в приделе Похвалы Ее, где совершалось вообще избрание пастырей, происходило совещание о назначении великого первосвяtitеля Русской Церкви. По окончании совещания Патриарх обещал представить царю имена трех избранных, и выпал жребий на митрополита Иова. Поставление Патриарха происходило 23 января 1589 года. Престол, покрытый парчою, для царя и два стула, обитых темным (смирненным) бархатом, для патриархов поставлены были на амвоне, возвышенном 12 ступенями от помоста храма; по сторонам были скамьи для архиереев. Нареченный Патриарх исповедал на орле пред лицом всего Собора, пред Богом и избранными ангелами Церкви свою праведную и непорочную веру. По прочтении символа веры, взойдя на амвон, он приял осенение патриаршее и целование епископов и, поклонясь, удалился в придел Богоматери.

Когда служивший Патриарх со всем собором епископов вошел на малом входе в алтарь и пели песнь Трисвятую, протоиерей соборный и архидиакон привели нареченного Иова пред царские двери, а два епископа ввели его в алтарь. Патриарх вселенский, возложив на него руки, развернув над головою Евангелие, призывал божественную благодать, как на нуждающегося в сугубой благодати для высокого своего звания. Так совершилось посвящение Патриарха всероссийского. После литургии, которую совершили оба Патриарха, великолепное торжество в доме царя дополнило общую радость о великом свяtitеле земли Русской. Патриарха вселенского долго еще честили в радушной Москве, так что он пробыл на севере со времени прибытия почти год. Избрание и поставление Патриарха царь велел описать на пергаменте, грамота была скреплена печатями царя, обоих патриархов и всех архиереев русских и греческих, а в приложении рук участвовали весьма многие архимандриты и игумены.

Чрез два года Патриарх Иеремия прислал соборную грамоту об утверждении патриаршества в России за подписями его самого, патриархов Иерусалимского и Антиохийского (Александрийский в это время скончался), 19 митрополитов, 19 архиепископов и 20 епископов. В грамоте писано: “Во-первых, признаем и совершаем в царствующем граде Москве поставление и поименование патриаршеское господина Иова, да почитается и именуется и впредь с нами патриархами и будет чин ему в молитвах после Иерусалимского; а главным и начальным содержать апостольский престол Константина града, как и иные патриархи держат; во-вторых, дарованное ныне имя и честь патриаршества не только одному господину Иову дано и утверждено непоколебимо, но позволяем и по нем поставлять Московским Собором начальных властей в патриархи по правилам.”

Так патриаршество Русское утверждено было всею Православною Церковию! Видным поводом сего важного нововведения было, как сказали мы выше, благочестивое желание царя Феодора [4]; но Промысл Божий невидимо творил Свое дело в Церкви Своей. Он готовил в патриархах Русских защиту для отечества на близкое время скорбей и потрясений, которых не могли еще предвидеть люди. Он незримо устроил обстоятельства дела так, что патриаршество Русское явилось как бы по внезапному стечению обстоятельств, к взаимному утешению востока и севера.

Права нового первосвятителя — Патриарха — по управлению Церковию Русскою были те же, что и права митрополитов, его предместников. Только преимущества священнослужения, сообразные сану, возвышали его над прочими архиереями [5]. Но, как сан, так и эти преимущества придавали ему высокое значение в глазах духовенства и народа, и благочестие чад Церкви окружало его глубоким уважением.

Патриарху, как и митрополиту всей России, окончательно принадлежал суд церковный, но с прежним ограничением: дела, касающиеся всей Церкви, решались на Соборе. И Соборы при патриархах собирались часто. За Патриархом оставался особенно важный голос на Соборе. Область Патриарха, как епархиального святителя, была весьма обширна [6], но в сущности она была той же, что прежде была областью Московского митрополита. Впоследствии, она увеличилась частично за счет нескольких монастырей с принадлежащими к ним сельскими храмами, взятыми под непосредственное ведение Патриарха, частично селами, пожертвованными или купленными в пользу новых или прежних патриарших монастырей. Двор и управление прежних митрополитов сохранились в прежнем своем значении, но получили более внешнего величия: штат Патриарха был многочисленным; чиновников в его распоряжении было великое множество, как говорил очевидец. Штат был образован по примеру царского: были бояре, стольники, боярские дети и другие должностные лица.

Вместе с возвышением Московского первосвятительского престола на степень патриаршества возвышены и некоторые из епархиальных кафедр. Тою же грамотою Московского Собора, которою узаконено патриаршество, положено быть в России 4 митрополитам, 6 архиепископам и 8 епископам. Сему возвышению основанием поставлена сообразность с саном Патриарха и благолепием Церкви. Постановление Собора о митрополитах тогда же приведено было в исполнение: саном митрополита почтены были пастыри Новгородский, Казанский, Ростовский и Крутицкий, постоянный помощник (викарий) Патриарха. На степень архиепископа возведены прочие прежние епископы, кроме Коломенского. Из числа же новых кафедр епископских замещены только две: Псковская и Карельская.

Таковы были дела церковные в Московском государстве. Дела гражданские, внешние и внутренние, оставались в твердых руках Годунова; для него наступал решительный час, и самовластный правитель дерзнул, наконец, приподнять для себя завесу будущего!

По воцарении Феодора младенец царевич Димитрий, сын царя Иоанна от последнего брака его, как уже было нами замечено, был удален в предоставленный ему родителем город Углич вместе с матерью, царицею Мариною, и братьями ее, боярами Нагими. Мог ли Годунов спокойно наслаждаться величием и властью, помышляя о близкой кончине удрученного болезнью Феодора и о законном его наследнике [7], воспитываемом матерью и родными в явной, хотя и почетной ссылке, в ненависти к правителю, в чувствах злобы и мести? Что ожидало в таком случае Ирину? Монастырь. Что ожидало Годунова? Темница или плаха... Уже дела обнаружили душу Борисову: в ямах, на лобном месте погибали несчастные, которых опасался правитель: кто же был для него опаснее Димитрия? Борис не страшился случая, беспрецедентного в нашем отечестве от времен Рюрика до Феодора — трона упраздненного, конца племени державного, мятежа страстей в выборе новой династии, и твердо был уверен, что скипетр, выпав из руки последнего венценосца Мономаховой крови, будет вручен тому, кто уже давно и славно царствовал без имени царского. Алчный властолюбец видел между собою и престолом одного отрока безоружного, как голодный волк видит агнца! Сначала правитель надеялся возбудить в народе ненависть к царевичу, распуская слух, что отрок Димитрий есть совершенное подобие отца — любит муки и кровь, даже сам для потехи убивает животных. Эта сказка осталась без продолжения. Годунов думал объявить Димитрия незаконнорожденным, как сына шестой или седьмой супруги Иоанна; не велел молиться о нем и помянуть его имени на богослужении; но рассудив, что это супружество, хотя и действительно незаконное, было однако ж утверждено или терпимо церковною властью, что Димитрий, несмотря на то, во мнении людей остался бы царевичем, единственным наследником бездетного Феодора, — ненасытный властолюбец решился прибегнуть к яду или ножу; он искал только, кому доверить совершение убийства.

Начали с яда. Мамка царевича Василиса Волохова и сын ее Осип, продав Годунову свою душу, служили ему орудием; но зелие смертоносное не вредило отроку, по словам летописца, ни в яствах, ни в питии. Нашли человека надежного, дьяка Михаила Битяковского, ознаменованного на лице печатью зверства, так что дикий вид его ручался за верность во зле. Годунов высыпал золото, обещал совершенную безопасность, велел извергу ехать в Углич, чтобы править там земскими делами и хозяйством вдовствующей царицы, не спускать глаз с обреченной жертвы и не упустить первой минуты благоприятной. Вместе с ним приехали в Углич сын его Данило и племянник Никита Качалов, также удостоенные совершенной доверенности Годунова. И вот 15 мая 1591 года “царевича в Угличе не стало.” Как же это случилось? В полдень, когда во дворце не было никого из Нагих, мамка Волохова вывела царевича на двор; сюда же сошла и кормилица, Ирина Жданова. Убийцы уже дожидались жертвы. Осип Волохов, взяв царевича за руку, спросил: “Это у тебя, государь, новое ожерелье?” Отрок поднял голову и отвечал: “Нет, старое.” В эту минуту сверкнул нож; но убийца не захватил гортани и убежал. Димитрий упал. Кормилица пала на него, чтобы защитить его собою и стала кричать. Битяковский и Качалов отняли у нее царевича, дорезали и кинулись вниз с лестницы, в самое то мгновение, когда царица вышла из сеней на крыльцо... Восьмилетний страстотерпец лежал окровавленный в объятиях той, которая вскормила его своею грудью; он “трепетал, как голубь,” испуская дух, и скончался, уже не слыша воплей отчаянной матери. По звону на соборной колокольне, откуда пономарь видел убийство, прибежали братья царицы, Нагие, двор наполнился смятенным народом. Угличане, озлобленные убиением царевича, умертвили убийц: Битяковского, Качалова, Волохова и еще несколько человек; мамку сохранили живою для показаний. Уверяют, что злодеи, издыхая, облегчили свою совесть искренним признанием; наименовали и главного виновника Димитриевой смерти — Бориса Годунова.

Но виновник преступлений сам был распорядителем следствия и суда: следователи, присланные в Углич, Крутицкий митрополит Геласий, боярин князь Василий Иванович Шуйский [8], окольный Клешнин и дьяк Вылузгин в угоду правителю засвидетельствовали неправду: они объявили, что царевич играл в тычку ножом, и “тут пришла на него падучая немочь, и зашибло его и учало его бити; да как его било, и он покололся ножом сам.” Самый первый вопрос на следствии предложен так: “Которым обычаем царевича не стало? И что его болезнь?” Вообще, следственное дело, сохранившееся до нашего времени, доказывает, что следователи действовали криводушно [9]. Царская Дума утвердила следствие и донесла царю, что “жизнь царевича прекратилась судом Божиим; что Михайло Нагой есть виновник кровопролития ужасного и действовал по внушению личной злобы; что граждане углицкие вместе с ним достойны казни за свою измену и беззаконие.” Бояр Нагих сослали в отдаленные города и заключили в темницы; вдовствующую царицу, неволею постриженную, отвезли в дикую пустыню, в обитель святого Николая на Выксе (близ Череповца); тела злодеев, Битяковского и товарищей его, кинутые углицким народом в яму, вынули, отпели в церкви и предали земле с великою честью, а граждан тамошних, объявленных убийцами невинных, казнили смертью, числом около 200; другим отрезали языки, многих заточили, большую часть вывели в Сибирь и населили ими город Пельым, так что древний, обширный Углич, где было, если верить преданию, более 100 церквей и не менее 30 тысяч жителей, опустел навеки, в память ужасного Борисова гнева на смелых обличителей преступления. Тело невинного страдальца-царевича предано земле в Углицком Спасском соборе [10].

Царь Феодор, по словам летописца, горько плакал о смерти нежно любимого брата и, наконец, сказал: “Да будет воля Божия!” — и всему поверил. Еще несколько лет продолжалась тихая, чуждая житейских попечений, богомольная жизнь последнего царя из дома Рюрика. По выражению летописца, “Господь возлюбил смирение царевое” и посылал Русской земле благодатные знамения Своего благоволения. К числу таких знамений относится прославление мощей двух угодников Божиих: преподобного Антония Римлянина, Новгородского чудотворца, и святого князя Романа Углицкого.

Протекло уже 450 лет после преставления преподобного Антония. После трех пожаров в XIV веке и страшного разгрома в 1570 году [11] обитель совершенно запустела, так что не было в ней ни братии, ни церковной службы. Гонителю Новгорода, Грозному царю, пришло наконец на мысль, что нельзя оставлять в запустении монастырь столь знаменитый по святости основателя его, чудодейственно прибывшего из Рима. Для возобновления обители царь избрал и послал туда игуменом добродетельного старца Кирилла [12], который собрал братию и ввел строгий устав общежития, чем навлек на себя злобу людей неблагоданеренных и был ими отравлен на трапезе; но по усердной молитве к Божией Матери и преподобному Антонию получил исцеление. За этим первым чудом преподобного по возобновлении обители его вскоре последовали и другие чудеса.

Между тем, как продолжались благодатные исцеления у раки преподобного Антония, в обители его жил добродетельный и блаженный старец Анания [13], иконописец, который 33 года провел в монастыре неисходно и имел у себя ученика, именем Нифонт [14]. По кончине праведного своего наставника этот Нифонт, одушевляемый живою верою и любовью к чудотворцу Антонию, сподобился дивного сновидения и после того решил приподнять доску, прикрывавшую раку, чтобы видеть святые и нетленные мощи, лежавшие поверх земли в каменном глубоком гробе ниже помоста церковного. Это было при державе благочестивого царя Феодора Иоанновича, при святейшем Патриархе Иове и первом митрополите Новгородском Александре. Нифонт поведал о нетлении мощей игумену Кириллу, игумен — митрополиту, а митрополит обещался донести царю и Патриарху, но

не успел того исполнить, потому что вскоре скончался. Между тем игумен Кирилл, по воле царя Феодора, сделался архимандритом великой Лавры преподобного Сергия Радонежского, куда вслед за ним перешел и Нифонт, непрестанно умоляя Кирилла, чтобы позаботился о начатом святом деле. Архимандрит нашел случай доложить царю в присутствии Бориса Годунова [15] о нетлении мощей преподобного Антония.

Новому митрополиту Новгорода Варлааму поручено было патриаршею грамотою освидетельствовать и открыть святые мощи. Когда сняли богато украшенную раку, стоящую над гробом чудотворца, то митрополит, наклонившись, увидел нетленное тело, лежащее подобно живому на два локтя ниже помоста. Не осмеливаясь взять святыни руками, братия вместе с новым игуменом Трифоном стали копать землю подле гробницы. Тогда от святых мощей дивное благоухание разлилось в воздухе. Целебноносные останки чудотворца оказались лежащими на огромном камне, с которым вместе были приподняты на помост церковный 1 июля 1597 года.

Явление святых мощей сопровождалось множеством чудотворений. Митрополит со всем Новгородским духовенством и множеством народа совершил крестный ход из Софийского собора в Антониев монастырь и, приблизившись к многоцелебной раке, своими руками снял покров с чудотворца, причем весь храм наполнился сладостным благоуханием; святые мощи были обнесены вокруг храма и поставлены в церкви Рождества Богородицы над прежнюю могилу преподобного. С того времени учрежден митрополитом Варлаамом по воле царя Феодора и по благословию Патриарха Иова, ежегодный крестный ход в обитель чудотворца, в первую пятницу после праздника Петра и Павла, совершаемый и доныне.

Игумен Трифон был отправлен в Москву к царю и Патриарху с грамотою об открытии святых мощей, а между тем чудеса и исцеления продолжались непрерывно. Братия обители сообщали о них в Москву игумену Трифону, а он докладывал царю и Патриарху. Благочестивый Феодор в последние дни своей жизни радовался проявлению благодати Божией чрез нового чудотворца.

В древнем Угличе вскоре после разорения его неправедным судом как бы в утешение оставшимся горестным жителям прославлены нетлением и чудесами мощи святого князя Романа, обретенные при перестройке собора, в 1595 году [16]. Они были освидетельствованы, по распоряжению Патриарха Иова, Казанским митрополитом Гермогеном и поставлены открыто в том самом соборном храме, где таились до времени в недрах земли. Были обретенны в Угличе другие нетленные мощи — царевича и страстотерпца Димитрия.

В 1594 году Крымский хан Кази-Гирей совершил внезапный и коварный набег на Русскую землю в то самое время, когда послы его заключали мир с Москвою. Он прошел беспрепятственно до села Коломенского и встретил отпор только под стенами Москвы: здесь войско русское сразилось с неверными в виду храмов и палат кремлевских, перед глазами царя и царицы. Стены, башни, колокольни были унижены вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса: дело шло о Москве. Народ то безмолвствовал, то вопил, следуя душою за всеми движениями кровопролитной сечи, — зрелища нового для нашей древней столицы, которая видела приступы к стенам ее, но еще до того времени не видала полевой битвы на своих равнинах. В эти роковые часы, когда сильно трепетало сердце и в столетних старцах московских, один человек наслаждался спокойствием души непоколебимой: тот, чье имя вместе с Божиим призывалось русскими воинами в пылу битвы, тот, за кого они умирали пред стенами столицы — сам государь!.. Утомленный долгою молитвою, Феодор мирно отдыхал в час полуденный; встал и спокойно смотрел из высокого своего терема на битву. За ним стоял один добрый боярин и плакал. Феодор обратился к нему, увидел слезы и сказал: “Будь спокоен! Завтра не будет

хана!” Битва не была решительной и прекратилась к вечеру, но слово царское, по замечанию современников, оказалось пророческим: хан со всеми своими полчищами бежал ночью за час до рассвета, преследуемый русской ратью, предводимою правителем Годуновым.

В 1596 году царь Феодор был утешен переложением нетленных и многоцелебных мощей святого митрополита Алексия в новую серебряную раку. Он приказал Годунову прикоснуться к мощам и сказал ему достопамятное слово: “Осязай святыню, правитель народа христианского! Управляй им и впредь с ревностию. Ты достигнешь желаемого; но все суета и тление на земле.”

Почти в то же время набожное сердце Феодора глубоко огорчено было бедствием знаменитой обители Печерской-Нижегородской, где спасались некогда угодники Божии Дионисий Суздальский, ученик его Евфимий и Макарий Желтоводский, или Унженский [17]: гора, под которою стоял монастырь, вдруг с треском заколебалась и двинулась к Волге, засыпала и разрушила церковь, келии, ограду. Гибель сего места святого поразила воображение народное и названа в летописи “великим знамением” того, что ожидало Россию, чего ожидал и Феодор, заметно слабея и изнемогая. Он предвидел близкий конец свой, и час настал.

И в цветущей юности не имел иной важной мысли, кроме спасения души, он в это время еще менее заботился о мире и царской власти, ходил и ездил из обители в обитель, благотворил нищим и духовенству, особенно греческим монахам, иерусалимским, пелопоннесским и другим, которые приносили к нам драгоценности и святыни (еще нерасхищенные турками!): кресты, иконы, мощи. В конце 1597 года Феодор впал в тяжкую болезнь: 6 января открылись в нем явные признаки близкой смерти, к ужасу столицы. Народ любил Феодора, как ангела земного, и приписывал действию ревностных молитв его благосостояние отечества, любил с умилением, как последнего царя Мономаховой крови; и когда в отверстых храмах усердные толпы москвичей еще с надеждою молили Бога об исцелении государя доброго, тогда Патриарх, вельможи, сановники, уже не имея надежды, с сокрушением сердца предстояли одру болящего в ожидании последнего действия Феодоровой самодержавной власти, завещания о России сиротеющей. Первосвятитель Иов дрожащим голосом сказал: “Свет в очах наших меркнет; праведник отходит к Богу... Государь! Кому приказываешь царство, нас сирых и свою царицу?..” Феодор тихо отвечивал: “В царстве, в вас и в царице волен Господь Всевышний... оставляю грамоту духовную.” Завещание было уже написано; Феодор вручал державу Ирине, а “душу свою приказывал” великому святителю Иову, двоюродному брату Феодору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику царицы Анастасии) и шурина Бориса Годунова, то есть избрал их быть главными советниками трона. В 11 часов вечера Иов помазал царя елеем, исповедал и приобщил Святых Тайн, а в час утра 7 января 1598 года Феодор испустил дух без судорог и трепета, незаметно, как бы заснув тихо и сладко [18].

Все присягнули с усердием вдовствующей царице Ирине, но скоро узнали, что вместе с нею вдовствует и трон Мономахов, что венец и скипетр лежат на нем праздно, что Россия, не имея царя, не имеет и царицы: Ирина приняла пострижение иноческое в Новодевичьем монастыре с именем Александры. Из всех областных городов созваны были люди выборные на Великий Собор, и, наконец, 17 февраля 1598 года правитель Борис Годунов единогласно был избран и возведен на престол царский.

Окончим словами нашего незабвенного историографа: “Что, по-видимому, могло быть торжественнее, единодушное, законнее сего наречения? И что благоразумнее? Переменилось только имя царя, власть державная оставалась в руках того, кто уже давно имел оную и властвовал счастливо для целостности государства, для внутреннего устройства, для

внешней чести и безопасности России. Так казалось; но сей, человеческою мудростию наделенный правитель, достиг престола злодейством... Казнь небесная угрожала царю — преступнику и царству несчастному” [19]

26. Киевская митрополия. Церковная уния.

Когда на престоле Московского государства прекратился державный род святого равноапостольного князя Владимира в лице царя Феодора, нашему отечеству готовились тяжкие, продолжительные испытания. В первопрестольной и боголюбивой Москве существовала уже крепкая опора для православных сынов ее, поставленная Промыслом Божиим незадолго до пресечения царственной династии: мы говорим о возвышении первосвятительской кафедры, которое придало ей новый блеск, новое освящение в глазах народа. Первые патриархи Московские, вынося на старческих раменах своих бремя власти не только церковной, но и государственной, явили себя истинными отцами Церкви и отечества [1].

Не такова была судьба Православной Церкви в западной Руси, под скипетром королей иноплеменных и иноверных, под высшим управлением патриархов Цареградских, отдаленных по месту жительства и чуждых по языку, при архипастырях слабых и нередко увлекаемых честолюбием. Мы ранее говорили о первых стеснениях православной веры при Ягайле вскоре по соединении Литвы с Польшею [2]. Хотя общих гонений и не было, но самое разделение Русской Церкви на две митрополии не могло не вредить чистой вере [3] и пролагало путь к унии.

Уния Флорентийская не удалась папе и не оставила по себе следов не только в Московской, но и в Киевской (юго-западной) митрополии. Поборники папизма убедились после Флорентийской попытки, что им невозможно вести борьбу с Православною Церковию в полном ее составе; тогда они решили ограничить пока свои действия только русскими областями, непосредственно подвластными польской короне [4]. Первым и самым надежным приготовлением к унии было воспитание молодых людей из знатных южнорусских фамилий иезуитами польскими, особенно в Риме. Приготовление это как нельзя лучше вело к цели иезуитов [5].

Обстоятельства и страсти человеческие сильно содействовали коварным замыслам. С одной стороны, вступивший на престол Польши шведский королевич Сигизмунд III, от колыбели воспитанник иезуитов, был ревностным слугою их до гроба и всегда покорным орудием в руках папизма. С другой стороны, упадок нравов в православном духовенстве, особенно высшем, потребовал довольно строгих мер от Патриарха Цареградского.

Святейший Иеремия, отправляясь в Москву для избрания и посвящения первого Русского Патриарха (событие неприятное и тревожное для врагов Православия), увидел в южной митрополии много беспорядков: ослабление нравственности, отступление от правил и обычаев церковных. Он лишил кафедры митрополита Онисифора, как двоеженца, а также предал суду Луцкого епископа Кирилла Терлецкого, который вел жизнь разгульную, по примеру римских прелатов, и был уличен в разных преступлениях. Строгость первосвятителя возбудила недовольство духовенства, привыкшего к своеволию, неверчивость и вражду к Патриарху, которого мало знали. Место Онисифора заступил Михаил Рогоза, старик добрый, но характером слабый. Патриарху было угодно, чтобы к возвращению его из Москвы митрополит Михаил собрал Собор для рассуждения о церковном благочинии. Собор не был собран: Кирилл заставил слабого Рогозу бояться за самого себя. Патриарх напрасно ждал Собора в Замостье с потерей времени и издержек, тяжелых для его скудного престола. Отзываемый делами в Валахию он послал доверительную гра-

моту к митрополиту в Вильну; но Кирилл отнял ее по дороге. Патриарх, узнав о том, послал другую грамоту к Мелетию, епископу Владимирскому (на Волыни), поручая ему и экзарху своему созвать Собор, а на слабого митрополита возложил уплату издержек по пребыванию в Замостье. Кирилл дружески посетил Мелетия и тайно похитил у него грамоту Патриарха. Таким образом, Собор опять не состоялся; союз с Патриархом был сильно ослаблен.

Между тем иезуит Скарга издал ловкий панегирик унии, посвятив его “духовному сыну своему,” королю Сигизмунду. Для Кирилла, склонявшегося на сторону унии, найден был хитрый помощник в лице сенатора Поцея, воспитанника латинской Краковской академии. Иезуиты выпросили у короля обещание предоставить Поцею доходное епископство Владимирское, и Кирилл постриг Ипатия в монахи. В то же время по настоянию иезуитов начались новые притеснения православных.

Впрочем, Церковь южнорусская имела сильные опоры. Первою из них были православные церковные братства Львовское, Виленское и множество других (из них первые два были основаны еще в XV веке). Братства, как попечители монастырей и храмов, заботились о поддержании церковных зданий, о содержании духовенства и бедных и имели право голоса при назначении настоятелей и священников. В бедственное время борьбы, о котором мы теперь говорим, братства воодушевились новою ревностию. Не ограничиваясь прежним кругом деятельности, по преимуществу человеколюбивой, они обратили ревность свою на защиту веры, на помощь пастырям Церкви, на учреждение типографий и народных училищ [6].

Волнуемая бурей папизма, южнорусская Церковь имела также ревностного поборника Православия в лице доблестного воеводы Киевского князя Константина Константиновича Острожского, человека благочестивого и образованного. Он вступил в ближайшие сношения с Востоком, собирал и издавал богослужебные книги [7], заводил училища, рассылал по Литве, Украине и Волыни проповедников для утверждения народа в истинах веры. Постоянная, неусыпная заботливость князя о Церкви Православной была известна всем полякам, и они преклонялись пред нею. Король Стефан Баторий, уважая в князе несомненные заслуги воинские и гражданские, даровал ему то преимущество, которое верный и знаменитый сын Православной Церкви считал для себя выше всех наград: король признал его стражем, хранителем и защитником южной Русской митрополии [8]. Убеленный сединами маститой старости доблестный воевода оправдал этот почетный титул неотомимыми трудами.

Собор, созванный в 1590 году (первый Брестский), рассмотрел грамоты и привилегии, данные в разные времена Православию. Положено было просить короля, дабы им возвращено было значение действующего закона. Хитрый Кирилл, “яко бес, клеветца на Патриарха,” успел получить в свои руки белые бланки с приложенными печатями епископов, выданные для ходатайства пред королем о защите Церкви. После того Кирилл и Ипатий Поцей, уже епископ, объехали города для приготовления умов к унии. Они старались склонить на свою сторону Михаила Копыстенского, епископа Перемышльского, но тот тогда же протестовал против преступного их умысла. Легче казалось расположить к унии Гедеона Балабана, епископа Львовского, так как он сильно недоволен был Патриархом, который не в его пользу решил спор его с Львовским братством о правах епископа и даже грозил ему отлучением. Терлецкий и иезуиты, с одной стороны, употребляли все, чтобы отягчить положение Гедеона, с другой — твердили Гедеону, что Патриарх оставил его, что он несправедлив к нему. Гедеон поколебался; он склонил было и многих из духовенства, в том числе нескольких греков, к тому, чтобы признать над собою власть папы [9]. Но эта неверность долгу совести была только временною в душе Гедеона. Князь Острож-

ский в ответ на письмо Поцея от 21 июня 1593 года писал ему, что и он не прочь от мира с немиролюбивым Римом из желания облегчить участь Православия, но желает только такого мира, на который могли бы согласиться Патриархи Восточные и Московский; к ним и надобно прежде всего отнестись по сему делу [10]. Патриархи Александрийский и Константинопольский прислали увещания не прельщаться новыми учениями, а последний грозил отлучением от Церкви каждому, кто захотел бы изменить Православию. Голос Востока произвел сильное впечатление на всех. Но тем решительнее стали действовать Ипатий и Кирилл.

В конце 1594 года происходило совещание по поводу унии, и через несколько месяцев узнали, что Кирилл ездил в Краков и возил туда бланки, а Ипатий писал: “Истинно не знаю я ни о каких бланках.” На тех бланках, которые выданы были в 1590 году, за подписью всех пастырей Церкви, Ипатий и Кирилл написали прошение к королю и послание к папе (от 12 июня 1595 г.) с изложением желания о принятии унии не только от лица митрополита и всех епископов, но и “всего духовенства и вверенных им овец. Сигизмунд грамотою от 30 июля 1595 года объявил равенство прав униатского духовенства с римским и отправил Ипатия и Кирилла в Рим за свой счет.

Там приняли с восторгом изменников Православия. В торжественном собрании кардиналов и прелатов римских 23 декабря 1595 года Ипатий и Кирилл облобызали ногу папы Климента, вручили ему прошение Собора, и оно прочтено было вслух всем. Секретарь папы от имени его пышною речью объявил им благоволение. Оба епископа прочли исповедание веры: они признали исхождение Святого Духа и от Сына, верховную власть папы, чистилище, причащение тела и крови Христовой под одним видом, индульгенции и приняли все, что “определено Тридентским собором, сверх содержащегося в Никейско-Константинопольском символе”! Оба дали присягу за себя и прочих епископов. Таким образом, Ипатий и Кирилл действовали не только, как отступники Православной веры, но и как вероломные предатели, потому что приняли в римском исповедании много такого, чего никто даже и из числа сообщников их не думал принимать, а потому и не мог дозволить ручаться за него в принятии. Папа и кардиналы торжествовали, пели хвалебные песни, выбили медаль, достойную Рима [11], внесли в летопись “повесть о воссиянии нового света в странах полунощных.”

Предатели родной веры не успели еще возвратиться в отечество, а народное негодование против унии уже кипело и принимало грозный вид. Епископ Гедеон подал сейму жалобу о том (1 июля 1595 г.), что депутаты-отступники приняли во всем римскую веру, оставив только для вида греческие обряды, что они бессовестным подлогом позорят имя его и Михаила Перемышльского и без ведома паствы покорили эту паству воле папы. Народ проклинал отступников. Князь Острожский объявил, что он не хочет знать унии. Митрополит Михаил еще прежде того окружною грамотою известил, что дорожит союзом с Патриархом Константинопольским.

Тогда на защиту унии восстал со всеми своими силами король Сигизмунд. В августе 1596 года он выдал привилегию на имя униатского духовенства. Затем назначен был сейм в Бресте, и в начале октября 1596 года прибыли туда пять епископов, приверженных унии, с поверенными короля, латинскими епископами и сенаторами. Поборниками Православия на Соборе (по нашему счету, третьем Брестском) [12] были экзархи патриархов: от Константинопольского — Никифор и Александрийского — Кирилл Лукарь; епископы Гедеон и Михаил, Лука, митрополит Белгородский, из Славонии, множество архимандритов и протоиереев. Князь Острожский и вся светская знать русская были на стороне Православия. Начались богословские прения. Но за униатов был сам король, требовавший только повиновения. Прибыл после всех и митрополит Михаил. Православные послали

спросить его: чью сторону будет держать он? И он решительно объявил, что не хочет унии, но через несколько часов стал на сторону унии. Православные отправили протест к митрополиту, где грозили судом, как ему, так и другим изменникам; но все было напрасно. Собор униатов собрался в храме Святого Николая, где все дело началось и кончилось тем, что с амвона прочтены были: булла папы и акт соединения, подписанный 8 октября митрополитом с пятью епископами, но никем из светских.

Православные составили и подписали приговор: а) не слушать ни в чем митрополита и прочих отступников епископов, а считать их лишенными власти и б) не принимать ничего в отношении к вере без согласия Константинопольского Патриарха.

Так началась уния. Сигизмунд, латинские прелаты-фанатики и польские магнаты употребили все меры насилия в пользу унии, обагрили землю кровью на пагубу Польши, бессознательно и невольно подготавливая в будущем присоединение Малороссии к Москве, разделение Польши и зарю того отдаленного дня Господня, когда “отвергнутые насильем воссоединены любовью” [13].

“Отягчения и насилия, — писала Литовская конфедерация 1599 года, — умножаются более и более, особенно со стороны духовенства и некоторых светских лиц римского исповедания. Часто бывает, что ни в одном углу целого государства ни один из нас, православных, какого бы звания ни был, не бывает в безопасности. Наши церкви, монастыри, соборы большею частью уже захвачены, разорены и опустошены, притом с грабежом и мучительством, с убийствами и кровопролитием, с неслыханными надругательствами над живыми и мертвыми. Духовные лица наши за твердость в исповедании терпят разные преследования: на них нападают в собственных домах их, грабят, позоряют, ссылают, лишают собственности. Священники наши не могут крестить младенцев, исповедовать умирающих, отпевать мертвых; тела православных христиан вывозят, как падаль, в поле. Всех, кто не изменил вере отцов, удаляют от чинов гражданских; благочестие есть опала; закон не блюдет нас... Вопием — не слушают!..”

Возблагодарим Бога за то, что такой нетерпимости никогда не бывало в нашем любезном отечестве — северной Руси — от самой отдаленной древности и до нашего времени. Все иноверцы были терпимы под одним условием — не совращать православных. Иностранцы в конце XVI века дивились нашей терпимости, неслыханной в образованной Европе, где пылали тогда костры инквизиции. Каковы бы ни были причины, которые произвели и поддерживали это благотворное явление, во всяком случае, оно служило к славе православной Церкви и было выгодно государству, облегчая древним князьям завоевания наши и самые успехи в гражданском образовании, когда понадобились нам иноверцы, как пособники этого великого дела. Не только христиане иных исповеданий, но мусульмане и язычники совершали у нас молитву по своим убеждениям и обрядам, между тем как в Литве принуждали православных быть папистами и хотели утвердить единство Римской веры кровавыми гонениями.

Но если Церковь северной Руси не страдала от латинского изуверства, то и она, готовясь к ужасам смутного времени, имела свои внутренние недуги — недостаток просвещения и упадок монашеской жизни. О мрачном невежестве не только народа, но и самого духовенства мы говорили уже прежде, но в конце XVI века это зло еще усилилось. На Московском соборе 1551 года признаны были необходимыми школы для народа и типографии для печатания книг церковных. Но школ учреждено не было, а типографское дело шло неудачно: первые книги напечатаны были без всякого сличения с подлинниками. Люди темные, особенно писцы, восстали против типографов; невежество и злоба не замедлили огласить их еретиками. Диакон Иоанн и Тимофеев, напечатав в 1565 году Часовник, вынуждены были бежать из Москвы в Литву. Народ при слухе о ереси, о деле ерети-

ческом взволновался, и самый дом типографский был сожжен. Однако царь велел возобновить дело: в 1568 году была напечатана в Москве учеником изгнанников, Андроником Невежею, Псалтирь, а в 1578 году она же — в Александровской слободе.

В предыдущих веках обители иноческие были рассадниками духовного просвещения; в них живой опыт объяснял для души тайны веры и благочестия, развивая в них сознание в превосходстве чистой веры; пример святой жизни разливал свет и жизнь на современность. Но в мрачное время Грозного царя заметно ослабление пустынной строгости в монастырях. Оно происходило особенно от поселения в обителях бояр, то постриженных насильно по воле Иоанна, то укрывавшихся от страшного гнева его под иноческую мантию, и от невольного пострижения вдовых священнослужителей. Как бы строго ни наблюдали настоятели за сохранением монашеских правил, невольные постриженники — ненадежные слуги Божии. Положим, со временем нужда приучала их к монашескому затвору; но до того времени каково было от них монастырю! Люди, привыкшие ни в чем не отказывать себе, могли ли скоро расстаться со своими привычками, даже с одною привычкою — к независимости [14]? Сверх того много вредили монашеству попечения об имениях недвижимых. Хотя управление ими возлагалось на немногих избранных лиц, но разные неприятности и неурядицы управления привлекали внимание всей обители; притом наблюдать мирские заботы — это не то, что иметь в виду только Бога и святых Его: пример мира заразителен, по крайней мере, для слабых [15].

Впрочем, и в это время просияло несколько угодников Божиих, подобно звездам на тверди небесной среди темной ночи.

Так в пустынном лесу, окруженном болотами, между Псковом и Порховом, поселился около 1530 года молодой отшельник по имени Никон, сын благочестивых поселян из погоста Виделебье. В доме родителя обучился он чтению и с юности был богобоязнен и часто посещал храм Божий. Пример старшего брата, принявшего монашество с именем Арсения, и слава недавно почивших преподобного Саввы и Евфросина возбудили в юной душе его решимость отказаться от мира и служить единому Господу. По смерти отца семнадцатилетний Никон убедил мать раздать имение частью храмам, частью бедным и удалиться в обитель молитвы. Сам он обошел обители иноческие в стране Псковской. Заметив в себе недостаточное умение читать полезные книги, он поступил на работу в дом одного набожного Псковского жителя, а тот отдал его для обучения опытному книжному учителю, и Никон приобрел “разумение писаний.”

Услышав о пустынном месте на реке Демьянке, он решился удалиться туда на безмолвие. Блаженный Николай, юродивый Псковский, встретив его на дороге, сказал ему, что ожидают его “горечи”; но это не остановило юношу, также как и дикость пустынного места не изменила его намерения. Поставив себе хижину, Никон провел несколько лет в безмолвных подвигах молитвы и питался растениями пустыни. Соседние жители, услышав о новом пустыльнике, стали посещать его и невольно нарушали его безмолвие. Отшельник, избегая мирской известности, ушел в общежительную пустынь преподобного Саввы Крыпецкого и принял здесь иночество с именем Никандра. Строгостию жизни скоро обратил на себя внимание братии и потому снова возвратился в прежнюю свою пустынь.

Безмолвный и уединенный, без всякой защиты со стороны людей отшельник жил в беседе с Господом и с надеждою на Него. Раз злые люди вошли в его келью, ограбили его, взяли иконы, книги и другую бедную собственность отшельника, избили его самого немилосердно, а один пронзил копьем ребра его. Едва живой, покрытый кровию подвижник со слезами благодарил Господа и молил простить врагов, увлекшихся грехами корысти и злобы. Он исцелился быстро; хищники же, потеряв дорогу, блуждали три дня около озера;

двое из них, ожесточившись, осыпали имя пустычника бранью и скоро, упав в воду, утонули. Остальные раскаялись, возвратили Никандру отнятое у него и просили помолиться за них; отшельник отпустил их с миром. Народ стал собираться к нему, желая слышать наставления из уст подвижника. Отшельник провел уже 15 лет в уединении, но и теперь боялся славы человеческой.

Убегая известности, опасной для души, он снова пришел в Крыпецкую обитель. Здесь поручили ему сначала должность уставщика, а потом — келаря. Жизнь его была и здесь так же строга, как и в отшельничестве. Пять дней довольствовался он хлебом с водою и только по субботам и воскресным дням вкушал немного вареной пищи. Днем сверх возложенного послушания носил он воду и дрова для братии, а ночью молился. По временам, уходя из обители в лес, обнажал он до половины тело свое и отдавал его в пищу насекомых, а сам пряд и в то же время пел псалмы. Строгость его в звании келаря и жизнь, непохожая на жизнь большинства братии, казались тяжкими для слабых. Тогда он, заметив, что тяготит собою других, решил оставить обитель; в 3 верстах от нее, на острове поставил себе хижину и опять стал подвизаться в уединении. Но и здесь жизнь его колола глаза немощным. Когда стали приходиться ревнители благочестия за советами отшельника, братия обители еще более вознегодовала на него и говорила: “Никандр отнимет доходы у монастыря.” Подвижник оставил все и отправился опять на реку Демьянку.

На дороге в пустыню, в селе Локотах, нетрезвые крестьяне избили его по подозрению, — не из числа ли он злых людей, сожегших пред тем дом одного из них? Преподобный великодушно простил их.

В последние годы открылся в нем дар прозрения и чудесной силы. Одного соседнего помещика, никогда не выдав прежде, назвал по имени и предсказал чадородие бесплодной супруге его. Другому предсказал скорую смерть. Крестьянин Назарий, полтора года лежавший больным, велел нести себя в пустынь к преподобному Никандру и умолял его о помощи. Старец велел отнести больного в гостинную хижину, где останавливались приходившие, и оградил его крестом; больной, сладко уснув, встал на другой день совершенно здоровым.

Каждый год в великий пяток преподобный отшельник приходил к вечерне в Демьянский монастырь [16] и на другой день после исповеди приобщался Святых Тайн; а за 8 лет до кончины принял схиму от Демьянского игумена. Жившие в окрестности иногда тайно приходили к хижине отшельника и всегда слышали, что он молился с горьким рыданием; когда же он замечал близость людей, то умолкал. Никто не заставлял его лежащим для отдыха; он только сидя засыпал немного. Постоянною пищею его были пустынные растения, и по захождении солнца вкушал он немного сухого хлеба, если приносили его; в Великий Пост только раз в неделю принимал пищу.

В последние годы жизни преподобного Никандра часто приходил к нему благочестивый диакон Петр для беседы о душевном спасении. Однажды старец сказал ему: “Брат мой! Много страдал я ногами, но по благодати Божией освободился теперь от болезни.” Тогда же открыл ему о скором своем преставлении и просил предать земле тело его. “Как же узнаю я о твоей кончине?” — спросил Петр. — “Без скорби нельзя сказать тебе об исходе моем, — отвечал преподобный, — в тот день Псков объят будет бурей войны, его будут держать в осаде Литовцы. Ты же, когда услышишь о смерти моей, послужи мне.” Так и случилось. Прохожий крестьянин нашел 24 сентября 1581 года преподобного Никандра в келье его простертым на рогожке, со сложенными на груди руками, почившим в мире и еще не остывшим; в это время Баторий осаждал Псков. Диакон, услышав о кончине богоносного старца, пригласил духовных и мирян отдать честь подвижнику Божию, и

хотя Литовское войско рассеяно было по уездам Порховскому и Псковскому, усердствующие безопасно совершили свое благочестивое дело.

Вскоре поселился на пустынном месте преподобного Никандра инок Исаия. Он первый испытал на себе благодеяния почившего праведника: Исаия сильно страдал ногами, так что едва двигался — и по молитве над могилою пустытника получил исцеление. Благодарный преподобному Никандру Исаия построил (1584 г.) на месте его подвигов обитель с храмом Благовещения Богоматери. В новую обитель скоро собрались пустынники, и от гроба великого подвижника стали истекать чудеса. Новгородский дворянин Иаков Муравьев, скорбевший о бесчадии, обратился с молитвою к преподобному Никандру, и чрез год родился у него сын; он построил храм в честь преподобного Никандра [17].

В конце XVI века в пределах Костромских возникла уединенная обитель Монзенская. Первоначальником ее был преподобный Адриан, в миру Амос, Костромской уроженец. Еще в мирской жизни, будучи болен, он видел во сне одинокий храм между двух рек и слышал слово: “Здесь твое место.” Оправясь от болезни, Амос тайно ушел из дома родительского в Толгский монастырь, потом в Геннадиевой обители принял пострижение с именем Адриана. Здесь прожил он несколько лет; после того жил на Каменном острове Спасской обители и в Павловой Обнорской пустыни. Между тем повсюду сопровождала его мысль о храме, виденном между двух рек. В Павловой пустыни полюбил его старец Пафнутий, и Адриан рассказал ему давнее свое видение. В одно время вечером Пафнутий после правила лег отдохнуть. Является ему неизвестный человек и говорит: “пошли друга твоего Адриана к востоку: место не дальше 50 верст отсюда; там увидит он преподобного мужа.” Пафнутий спросил: кто он и откуда знает то место? Неизвестный отвечал: “То место не тебе назначено.” Пафнутий сообщил об этом Адриану. Адриан по рассказу столетнего иерея Евпла отыскал в глухом месте запустелый деревянный храм, тот самый, который представлялся ему в видении. С радостию возвратился к Пафнутию; оба вместе решились идти туда. Но неожиданно царский указ потребовал Пафнутия в Москву, где он был (в 1595 г.) назначен архимандритом Чудова монастыря. Адриан основался при храме с несколькими иноками. Место было самое пустынное, тихое и приятное. Но открылось и неудобство: поляя вода подмывала берег, и была опасность, что вода подмоет храм. Один старец сказал притом Адриану, что прежний игумен хотел перенести храм с опасного места на другое, и указал то место.

Но воля Божия назначала пустынникам не то место для подвигов, которое понравилось Адриану. Пришел к нему незнакомый отшельник и сказал: “не трудись, старец! Тебе назначено другое место — на берегу реки Монзы; ты узнаешь его тогда, когда двое юношей исцелятся от жестокой болезни.” Адриан стал осматривать место на берегу реки Монзы. В это время привезены были в Благовещенскую обитель Адриана два больных отрока, один из Буйгорода, другой из Солигалича; отец первого объявил, что сын его, по словам неизвестного старца, исцелится у старца Адриана, у которого ветхий монастырь Благовещенский, а в новом месте — храм Воскресения Христова и Николая-чудотворца. По рассказу другого отца, старец сказал ему, что больной сын его исцелится у Адриана, который переносит монастырь на устье реки Монзы. Больные действительно исцелились по совершении молебствия в храме. Тогда преподобный Адриан решился перенести обитель на новое место; оно было в 35 верстах от Галича и в 20 от Костромы, при впадении Монзы в реку Кострому. Неведомый Адриану пустытник, указавший новое место, был преподобный Ферапонт, великий подвижник и сокровенный раб Божий. Впоследствии узнали, что он жил прежде в Москве и подражал подвигам блаженного Василия [18], потом постригся в Костромском Воздвиженском монастыре и был там образцом послушания и постничества. Жители Костромы, начиная с воеводы, питали к нему уважение, приходили слушать

наставления его и принимать благословение; он принимал посещавших с любовью, но иных строго обличал за слабую жизнь и пристрастие в мирской суете. Тяготясь известностию, удалился он из Костромы и поселился на реке Монзе, в 25 верстах от Галича; место, где поселился он, было лесное и окружено болотами, так что сюда можно было проникнуть только на челноке рекою Кострома. Незримый никем подвизался он здесь в молитве и посте. Только след незнаемого человека видели здесь на траве; но пустынный не показывался никому.

Когда монастырь Адриана уже устроился на новом месте, преподобный Ферапонт сам пришел в обитель Монзенскую и стал жить здесь. Он взял слово с Адриана, что не будет говорить о нем ничего, что известно ему, и просил быть его духовным отцом. “Скоро, — прибавил преподобный, — спустя два года с половиною, исполнится надо мною воля Божия: до смерти же моей не разглашай обо мне.” Ферапонт каждый день выходил из обители и, перейдя реку Монзау, скрывался в чаще леса; там молился он наедине, а ночь проводил в келье без сна и переписывал книги. Инок Кирилл возроптал на святого старца за то, что тот не участвует в строении обители, и даже увидел эфиопов, внушавших ему негодование на святого; тяжело ему приходилось от подобных посетителей, пока не пришел к нему чудный Ферапонт; старец разогнал духов, но запретил Кириллу говорить о том. Однажды преподобный Ферапонт вышел в лес на обычное место для уединенной молитвы. Женщина по имени Пелагея, собиравшая ягоды, увидела старца издали и перешла овраг, чтобы посмотреть на него вблизи. Старец сидел на колоде, обнаженный до пояса; по телу его, искусанному комарами и оводами, лилась кровь, над ним роились кровожадные насекомые. Увлекаемая женским любопытством, она подошла еще ближе и ослепла. В страхе закричала она: “Угодник Божий, прости меня, грешную!” С этим словом невидимая сила отбросила ее за овраг, и она прозрела; но она боялась сказать о случившемся с нею кому-либо другому, кроме старца Адриана. Служивший в обители Петр, видя однажды преподобного идущего за реку Монзу, сказал ему с насмешкою: “Древен ты годами, а ступаешь искусно, как бы плывешь ногами, и мантия на тебе не движется.” Старец ничего не отвечал ему и прошел мимо. Петр, возвратясь в монастырь, почувствовал страшную боль в голове, и лицо его искривилось. Адриан, узнав случайно о его болезни, спросил: не говорил ли ты при встрече чего-нибудь оскорбительного святому старцу? Петр исповедал грех свой. Адриан советовал ему молиться и попросить прощения у блаженного Ферапонта. Когда святой старец выходил от вечерни, больной просил у него помилования. Ферапонт возложил на него руки и сказал: “Не надобно осуждать никого,” — и болезнь миновала. За день до кончины блаженный Ферапонт сказал: “Близок конец мой,” и просил Адриана причастить его Святых Тайн во время литургии. Братия, видя его на ногах, не хотела верить, что он скоро умрет. В самый день кончины его все собрались к утрени (это был воскресный день — неделя святых Праотцев); пришел к утрени и чудный Ферапонт, по окончании службы простился он с братиею и пошел в келью. Игумен Адриан пригласил иноков посмотреть на кончину праведника. Братия и теперь повторяла, что еще крепок он; но когда все пришли в келью, подвижник лежал на одре в мантии и кукле, и свечи горели пред иконами: он уже отошел ко Господу. Это было 12 декабря 1591 года.

Вскоре по преставлении преподобного Ферапонта однажды после литургии игумен Адриан лег отдохнуть на рогожке. Является Ферапонт и говорит ему: “Спустя десять лет будет великий голод в России, береги рожь; многие будут тогда питаться из твоих житниц, и оне не оскудеют; тогда населятся и пустые земли твои.” Феодосий, слепой старец, постриженник обители, в полночь молот жерновом рожь. И вот яркий свет наполнил храмину, и он увидел свет, исходящий из храма святого Николая; пред царскими дверями стоял преподобный Ферапонт. “Чего ты просишь у Господа?” — спросил его преподоб-

ный. “Отпущения грехов,” — отвечал слепой старец. “Подвизайся, и как начал, так и довершай; спустя немного времени увидишь ты свет вечности,” — сказал ему чудный Ферапонт. После того старец опять остался во мраке. В другое время Феодосий в полдень молот хлеб. Опять явился ему Ферапонт и сказал: “Мир тебе и благословение! Спустя немного времени будет великий голод во всей России, но ты не доживешь до того: скоро ты увидишь меня в другом мире; скажи тайно Адриану, чтобы крепко берег рожь, — многим придется питаться от монастыря.” Феодосий вскоре скончался [19].

В обители Монзенской братия доставала себе пропитание земледелием, и настоятель Адриан был первым на работах. Веря посмертному предсказанию чудного Ферапонта, он наполнял монастырские житницы хлебом. Когда в 1601 году предсказание сбылось и наступил голод [20], обитель Адриана и Ферапонта стала питательницей для всей окрестности: люди селились на пустошах монастырских, не находя на прежних местах пропитания. Игумен Адриан отпускал хлеб всем нуждающимся в уповании на Господа, и житницы обители не оскудевали.

Преподобный Адриан прожил после кончины старца Ферапонта более 20 лет и мирно преставился 5 мая 1619 года [21].

Два подвижника того же времени проходили трудный путь юродства. Одним из них был блаженный Симон, сын поселян, живших близ Юрьевца Повологского. Тайно ушел он из дома родительского в густой лес. Поселяне села Ялнатского увидели в лесу человека полунагого, в лохмотьях, но не могли допытаться от него, кто он и откуда. Из сострадания привели они его к священнику. В доме доброго пастыря послушливо занимался он работою, никогда не оставаясь праздным; он усердно посещал и храм Божий; но, показываясь малоумным перед людьми подвергался насмешкам и оскорблениям. Одна рубашка зимою и летом была одеждою его, и земля служила ему постелью; обуви не носил он и в самые жестокие морозы. Так прожил Симон в селе Ялнатском 15 лет.

Перейдя в город Юрьевец, он не имел уже никакого пристанища. Попрежнему босой и полунагой, он скитался по улицам, претерпевая насмешки и оскорбления; только в жестокие морозы заходил он в корчемницу, но и здесь встречал наглые толчки и шутки. Любимым местом его была паперть того или другого храма, где проводил он время в молитве; особенно же любил он Богоявленную обитель. Внимательные люди видели на глубоком снегу следы коленопреклоненных молитв его. От суровой жизни кожа его совсем почернела, а от поста прилипла к костям. Такими подвигами самоотречения дух его очистился и благодатно окреп, так что он видел то, чего не видали другие.

Раз, юродствуя, вошел он в дом воеводы Третьяка Трегубова; воевода разгневался на то, что вошел к нему такой нищий, и велел вытолкать его вон. Прогоняемый Симон намякнул на несчастье, ожидавшее воеводу, и за это подвергся новым побоям. На следующее утро жена Трегубова упала с крыльца дома и убила до смерти. У гроба жены суровый воевода вспомнил о словах юродивого, раскаялся в своем поступке и стал уважать Симона. В другое время блаженный говорил: “Молитесь, будет пожар.” Но никто не обратил внимания на слова юродивого. Спустя несколько дней в полдень загорелся город. Третьяк вспомнил о словах Симона и послал отыскать его. Его нашли на паперти, со слезами молящимся пред иконою Богоматери. Воеводы и другие просили его о помощи в страшной беде, и пламень тотчас же погас. Юрьевский житель Зубарев, переплывая Волгу в ладье, на середине ее застигнут был сильною бурей, и ладья его готова была потонуть. Увидав блаженного на берегу, он мысленно молил Симона помолиться о его спасении и обещал дать ему новую одежду и обувь. Буря утихла, но спасенный забыл о своем обещании. Спустя некоторое время, Симон, встретясь с ним в уединенном месте, сказал ему: “А кафтан и сапоги где? Ты забыл свое обещание, которое давал, как тонул в воде.” Зубарев со-

знался в грехе и готов был немедленно подарить обещанное; но блаженный сказал: “Мне не нужно; отдай нищим и не забывай их; милостыня избавляет от напастей.”

Близкий к кончине Симон зашел в дом нового воеводы Петелина. Тот, не зная его, избил его жестоко до того, что блаженный сильно заболел. Брошенный в подвал воеводы, упросил он слугу призвать духовника. Как великой милости Божией, обрадовался он, когда пришел священник со Святыми Дарами; исповедался, приобщился Святых Тайн и предал дух свой Богу 4 ноября 1584 года [22].

Другой подвижник в то же время юродствовал на улицах Москвы. Уроженец страны Вологодской блаженный Иоанн назывался “водоносцем.” Это название напоминает о трудах его в молодости; в соловарне с тяжкими трудами добывания и переноски соленого раствора соединял он строгий пост и молитву. С заводов перешел он в Ростов. Здесь начался новый подвиг его, подвиг особого рода. Его звали “большим колпаком,” потому что на голове носил он тяжелый железный колпак. На теле под одеждою носил он еще вериги, состоявшие из толстых железных крестов, тогда как на пальцах его было несколько блестящих колец. Раз, посетив преподобного Иринарха-затворника, он дал ему совет носить на себе кресты железные и сказал пророческие слова: “Даст тебе Бог научать людей от востока до запада, наполнять землю учениками, отводить людей от пьянства. За незаконное же пьянство и разврат Господь Бог найдет на Русскую землю иноплеменных. И они подивятся и почудятся великому терпению твоему и подвигам; меч их тебе не повредит, и они прославят тебя более верных. А я теперь иду в Москву просить у царя земли, потому что у меня в Москве столько будет видимых бесов (из Литвы), что едва устоятся хмелевые тычины. Но Святая Троица Своею силою их прогонит” [23]. В Москве ходил он в самые жестокие морозы босой, почти нагой, с распущенными волосами. Встречаясь с Годуновым, говорил вслух: “Умная голова, разбирай Божии дела. Бог долго ждет, да больно бьет.” Пред смертью пришел он в церковь Покрова Богоматери, что на рву [24], и просил у протоиерея место себе, где бы ему лечь. Протоиерей, поняв, чего желает юродивый, обещал похоронить его; блаженный указал на место своей могилы. По выходе из церкви Иоанн спустился к живому мосту на реку Москва; здесь встретился ему больной Григорий, два года не владевший ногою; расспросив его о болезни, Иоанн как бы нечаянно наступил ему на ногу, и нога Григория исцелела. Потом пошел за реку в баню и там, в первый раз сняв с себя вериги, трижды облился водою, готовя себя к погребению; лег на скамью, положив под голову все свои тяжести и сказал: “Простите меня, братия; когда я умру, отнесите к церкви Покрова Богородицы, ко гробу блаженного Василия, чтобы протоиерей и его причт перенесли бездыханное тело праведника в церковь свою, где во время панихиды исцелился боярский сын Елеазар Юрьев, 20 лет страдавший глазами.” По воле царя Феодора, слышавшего о подвигах блаженного, юродивого отпевали Казанский митрополит, Рязанский архиепископ и множество настоятелей монастырских. В самый час погребения забушевала буря с громом и молниею: ризничий владыки Рязанского убит был в самом храме; Покровского диакона Пимена вынесли едва живым; многие другие были оглушены и опалены [25].

Эта буря была как бы вестником волнений и безначалия, которые грозили Московскому государству. Они были предсказаны блаженным Иоанном преподобному затворнику Иринарху, и время событий уже приближалось. Об этом страшном времени мы будем говорить в следующей главе.

27. Смутное время. Патриарх Гермоген.

Пред нами расстилается летопись той эпохи, которую современники очень метко назвали “смутным временем.” Действительно, то было смутное время! Беспрестанное нарушение присяги, низвержение царей и святителей, цареубийство, измена становятся делом обыденным. Верность считается преступлением, измена и воровство — заслугою; разрываются все связи общественные и даже семейные; святость крестного целования, любовь к отечеству, честь и совесть исчезают, как бы бесследно, с лица земли Русской; престол царский сиротеет и изменники предлагают его иноземцам; вера православная колеблется... Наконец, когда бедствие достигло крайних пределов, когда мрак греховного ослепления сделался непроницаемым, гнев Божий обратился в милость по молитвам Церкви, торжествующей на небесах и воинствующей на земле. Страшная ночь миновала. Новое солнце воссияло на небосклоне Русском.

“Смутное время” начинается с воцарением Бориса Годунова. Достигнув престола путем убийства младенца наследника, он был, однако же, царем законно избранным “всею землею” Московского государства. Возлагая на себя венец Мономахов, новый царь клялся посвятить всю жизнь свою благу России. Как бы забыв устав церковный, среди литургии он воззвал громогласно: “Отче, великий Патриарх Иов! Бог мне свидетель, что в моем царстве не будет ни сирого, ни бедного,” — и, трясая ворот своей рубашки, промолвил: “Отдам и сию последнюю народу.” Единодушный восторг прервал священнодействие: слышны были только клики умиления и благодарности в храме; бояре славословили монарха, народ плакал.

Несколько лет продолжалось мирное царствование при постоянных попечениях Бориса о благоустроении державы. В то же время и первый Патриарх Русский Иов заботился о распространении веры Христовой между татарами Казанскими. Христианство, насажденное между ними святителем Гурием, стало ослабевать по мере ослабления охранительных мер. В 1593 году ревностный Гермоген, тогда митрополит Казанский, с глубокою скорбью писал в Москву, что некоторые из татар совсем отпали от веры. Посему просил он, чтобы возобновлены были меры к охранению христианства. По ходатайству Патриарха перед царем приказано было построить слободу с церковью и туда переселить всех новокрещенцев из уезда; запрещено было мусульманам держать у себя христиан в услужении, а христианам предписано пленников иноверных или отпускать, или присоединять ко Христу, жен иметь не иначе, как христианок, и выполнять все требуемое святою верою [1]. Чтобы оживить в казанцах память о чудесах христианства, бывших в Казанской стране, а равно и о подвигах первых проповедников веры, Гермоген (в 1594г). написал повесть о Казанской иконе Богоматери и житие святителей Гурия и Варсонофия.

Апостольская ревность первосвятителя Иова распространялась и на отдаленную, но единоверную Грузию, страдавшую под игом самых тяжких бед и опасностей. Турция тревожила ее набегами, а Персия принуждала к принятию мусульманства. Пред концом жизни царя Феодора Грузинский царь Александр слезно умолял его принять под покровительство единоверную Иверию. “Настали времена ужасные для христианства, писал он; мы, единоверные братья Россиян, стенаем от злочестивых; един ты, венценосец православия, можешь спасти нашу жизнь и наши души.” В следующем году принята была клятва царя Александра на подданство России, а Россия обязалась защищать Грузию, как свою собственность. Так как Грузинская церковь пришла в расстройство, то царь Александр просил святителя Иова вспомоществовать ей способными людьми. В апреле 1589 года отправлены были священники для исправления порядка в богослужении и иконописцы для

украшения ветхих и опустелых храмов живописью. Патриарх Иов отвечал тогда Александру за себя и царя умным посланием, в котором святительски поучал царя и народ христианскому смирению пред судьбами Божиими. Царь с восторгом принял послание и посланных духовных людей и отвечал, что Русские священники — это ангелы просветители для невежественного духовенства Иверского. [2].

При Патриархе Иове установлены были некоторые новые праздники: в 1591 году написан канон и самим Иовом исправлена служба преподобному Иосифу Волоколамскому, а Собор положил праздновать память его во всех церквях; в 1600 году установлено повсеместное празднование преподобному Корнилию Комельскому [3].

Книгопечатание в Москве шло довольно успешно. К сожалению, за недостатком людей, знающих греческий язык, в новопечатных книгах оказывалось много неточностей, хотя в самом начале патриаршества уже твердо были убеждены, что необходимо исправить бесчисленные ошибки в книгах и что для того надобно не только печатать книги, но предварительно печатанию сличать поздние списки с древними, как лучшими [4].

Но время всеобщего спокойствия и благоденствия не было продолжительно. Прежде всего, заметили перемену в действиях самого царя: под личиною добродетели Борис таил в душе мрачную подозрительность. Он, естественно, думал, что и другие подобно ему могли питать в сердце жажду к верховной власти, лицемерие и дерзость; хотел быть на страже неусыпной, все видеть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы, и вот восстановил для того бедственную Иоаннову систему доносов и вверил судьбу граждан сонму гнусных изветников. Много знатных родов боярских по доносам подкупленных рабов подверглось опале, ссылке и истязаниям. В числе пострадавших заслуживает особенного внимания по дальнейшему влиянию на судьбы Церкви и государства семейство Романовых-Юрьевых [5]. Старший в этом роде, родной племянник царицы Анастасии боярин Федор Никитич, по ложному доносу холопа был обвинен в измене и в намерении известить государя средствами волшебства. Постриженный насильно с именем Филарета, он был сослан в отдаленную Сийскую обитель преподобного Антония. Сюда не пускали даже и богомольцев, чтобы кто-нибудь не доставил письма иноку невольному, но ревностному в благочестии: коварный пристав, с умыслом заговаривая с ним о дворе, семействе и друзьях его, доносил царю, что Филарет, хотя занимается единственно спасением души, но тоскует о жене и детях, не зная, где они без него сиротствуют, и моля Бога о скором конце их бедственной жизни. Бог не услышал этой молитвы, к счастью для России [6]! Спустя три года Борис захотел похвалиться милостию: позволил Филарету стоять в церкви на клиросе, взять к себе чернеца в келью для услуг и беседы; приказал всем довольствоваться своего изменника (так называл он мужа непорочной совести) и для богомольцев отворить монастырь Сийский, но не пускать их к опальному иноку; приказал, наконец, в 1605 году посвятить Филарета в иеромонахи и в архимандриты, чтобы тем более удалить его от мира.

Это печальное время Борисова царствования, уступая Иоаннову в пролитии крови, не уступало ему в беззаконии: наследство, гибельное для будущего! Любовь народная к государю, единодушно избранному, остыла: он не мог уже возобновить ее даже чувствительностию к народному бедствию и неслыханной щедростью во время голода. Весною 1601 года, небо омрачилось густою тьмою и дожди лили в течение десяти недель непрестанно, так что жители сельские пришли в ужас: не могли ничем заниматься, ни косить, ни жать; а 15 августа жестокий мороз повредил, как зеленому хлебу, так и всем плодам незрелым. Еще в житницах и в гумнах находилось немало старого хлеба; но земледельцы, к несчастью, засеяли землю новым, гнилым, тощим, и не видали всходов ни осенью, ни весною; все истлело и смешалось с землею. Между тем запасы вышли, и поля остались незасеян-

ными. Тогда началось бедствие, и вопль голодных встревожил царя. Не только гумна в селах, но и рынки в столицах опустели. Борис велел отворить царские житницы в Москве и в других городах, убедил духовенство и вельмож продавать хлебные свои запасы по низкой цене, отворил и казну, раздавал целые кучи серебра народу. Но это пособие приманило в Москву несметное число нищих, и ужасы голода дошли до крайности. По свидетельству современников, люди сделались хуже зверей: оставляли семейства и жен, чтобы не делиться с ними куском последним. Не только грабили и убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга. Путешественники боялись гостиниц, которые стали вертепом душегубства: душили, резали сонных для поедания! Мясо человеческое продавалось в пирогах на рынке! Матери глодали трупы своих младенцев!.. Злодеев казнили, жгли, топили, но преступления не уменьшались... И в это время другие изверги копили, берегли хлеб в надежде продавать его еще дороже [7]! Но нашлись и люди сострадательные, готовые жертвовать всем своим достоянием ради помощи братьям по человечеству и христианству. Так блаженная Иулиания Осоргина, вдова помещика Муромского округа, при оскудении пищи распродала скот и всю движимость свою и кормила хлебом, купленным по дорогой цене, не только челядь свою, но и всех, просивших у нее милостыни. Когда великая нищета умножилась в доме ее, она собрала своих рабов и сказала им: “Голод обдержит нас, видите сами. Если кто из вас хочет, пусть идет на свободу и не изнуруется ради меня.” Благомыслящие между ними обещались с нею терпеть, а другие отошли. С благословением и молитвою отпустила она их и не держала на них гнева. Оставшимся рабам велела собирать траву лебеду и кору с дерева, называемого “илим” (вяз), и из этих припасов велела готовить хлебы, и тем сама питалась и детей и рабов кормила. И молитвою ее был тот хлеб сладок, и никто в доме ее не изнемогал от голода. Тем же хлебом она и нищих питала и, не накормивши, никого из дому не отпускала, а нищих в то время было бесчисленное множество. Соседи говорили нищим: “Что к Юлиании в дом ходите? Она и сама от голода умирает.” Нищие отвечали: “Много сел мы обходим, и чистые хлебы собираем, а так в сладость не наедаемся, как сладок хлеб у этой доброй вдовы.” И соседи для испытания посылали к ней за хлебом, ели его и дивились, говоря: “горазды рабы ее печь хлебы,” а того не разумели, что молитвою ее хлеб был сладок. Могла бы она умолить Бога, чтобы не оскудевал дом ее, но не противилась смотрению Божию, терпя благодарно и ведая, что терпением приобретается царствие небесное. И терпела в той нищете два года: не опечалилась, не смутилась и не изнемогла нищетою, но была еще веселее прежнего [8].

Но ужасы “великого глада” (как выражались современники) были только первыми каплями из фиала гнева Божия, медленно изливавшегося на Россию. Настало время явной казни для Бориса: не там, откуда он, волнуемый напрасными подозрениями, ждал для себя опасности, появилась опасность внезапная; не потомки Рюрика, не князья и вельможи, им гонимые, ополчились против него. Восстал на него неизвестный бродяга от имени младенца, давно лежавшего в Угличской могиле [9]. Имя царевича, слух о сохранении последней отрасли державного рода придали силу обманщику. Впрочем, успехи Лжедмитрия при жизни Бориса не были значительны. Еще не открылась явная измена. Патриарх Иов с духовенством твердо стоял за царя законного, разослал грамоты, повелевая совершать ежедневное молебствие об успехах Борисова оружия, и всенародно проклинал самозванца. Когда Борис скоропостижно умер, сын его Феодор вступил на престол, и все присягнули ему. Но войско предалось Лжедмитрию, видя в нем законного государя, сына Иоаннова; за этою первою изменою последовали другие; успехи измены навели ужас на столицу; грамоты самозванца читались на Лобном месте. Патриарх просил бояр вразумлять народ и сам в храме обличал обезумевших клятвопреступников. Многие присягнули самозванцу, но Патриарх Иов остался тверд. Злодеи во время литургии, которую совершал

сам первосвятитель, ворвались в храм, в самый алтарь и стали рвать с Иова святительскую одежду. Иов снял с себя панагию, положил ее у чудотворной Владимирской иконы и со слезами молился вслух: “Владычице Богородице! здесь возложена на меня панагия святительская, с нею исправлял я слово Сына Твоего и Бога нашего и 12 лет хранил целостность веры. Ныне, ради грехов наших, как вижу, бедствует царство, обман и ересь торжествуют. Спаси и утверди Православие молитвами к Сыну Твоему.” Святая молитва святителя только озлобила злодеев — слуг Лжедмитрия. Они надели на Иова рясу и клобук простого монаха, позорно таскали по площадям и, наконец, посадив в телегу, послали в Старицкий монастырь, прежнюю его обитель. Царь Феодор был убит вместе с матерью; сестра его царевна Ксения обречена на горькую жизнь [10].

Едва успел воцариться самозванец, как все лучшие люди с ужасом увидели в пришельце орудие ляхов и иезуитов, а не сына Иоаннова. На кафедру низверженного Патриарха был возведен, без соборного избрания, Рязанский архиепископ Игнатий, хитрый грек, живший долго в Риме. Такой пастырь нужен был самозванцу и ляхам. Когда Игнатий для приличия просил благословения у Иова, старец свободно отвечал: “по ватаге атаман, по овцам пастух.” Новый Патриарх согласился венчать на царство, помазать святым миром и сподобить причащения Святых Тайн еще до совершения брака невесту мнимого Димитрия, Марину Мнишек папистку, позволяя ей иметь свою латинскую каплицу и соблюдать все уставы Римской веры. Казанский митрополит Гермоген и Коломенский епископ Иосиф настоятельно требовали, чтобы невеста, как царица Русская, торжественно приняла Православие, а иначе она не будет царица, и даже не может быть заключен брак царя с нею. Самозванец закипел гневом, приказал немедленно выслать Гермогена из столицы в Казанский монастырь и грозил лишить его сана. Такая же участь ожидала и Иосифа. Но Господь защитил Церковь Свою! Неистовства ляхов во время свадьбы Лжедмитриевой восстановили всех против самозванца, и он погиб смертью позорною. Тогда же и лжепатриарх сведен был с престола и заключен в Чудовом монастыре [11]. Князь Василий Иванович Шуйский, первый деятель в низвержении Лжедмитрия и знатнейший между боярами, был избран жителями столицы и занял престол царский. Прежде всего, желал он избрать законного первосвятителя (старец Иов, лишившийся зрения, отказался). Освященным Собором единодушно был избран и посвящен Казанский митрополит Гермоген, муж непоколебимой твердости и правоты, постигнутый опалю самозванца за ревность к Православию.

Однако бедствия еще только начинались. Хотя самозванец убит был всенародно, хотя труп его обруган был на площади Кремлевской, но буря, поднятая именем царевича Димитрия, не утихала. Некогда Василий Шуйский не имел смелости открыть пред царем Феодором правду об умерщвлении царевича Димитрия и низким лжесвидетельством в угодность Борису скрыл обстоятельства смерти закланного отрока. Теперь же, избранный на престол, отдал он торжественную почесть царственному страстотерпцу перенесением мощей его в Москву. Царь Василий велел святителям Филарету Ростовскому [12] и Феодосию Астраханскому с боярами: князем Воротынским, Петром Шереметьевым, Андреем и Григорием Нагими [13], перевезти в Москву тело Димитрия из Углича, где оно, в господствование самозванца, лежало уединенно в опальной могиле, никем не посещаемой; иереи не смели служить панихиды над нею; граждане боялись приблизиться к тому месту, которое безмолвно уличало мнимого Димитрия в обмане. Но падение обманщика возвратило честь гробу царевича: жители устремились к нему толпами, лили слезы умиления и покаяния, потому что лучше других знали истину и молчали против совести. Когда святители и бояре Московские, прибыв в Углич, объявили волю государя, народ долго не соглашался выдать им драгоценные останки юного мученика, взывая: “Мы его любили и

за него страдали! Лишенные живого, лишимся ли мертвого?” Когда же вынули гроб из земли и сняли его крышу, увидели тело за пятнадцать лет неповрежденное сыростью земли: плоть на лице и волосы на голове были целы, равно как и жемчужное ожерелье, шитый платок в левой руке, одежду также шитую золотом и серебром, сапожки, горсть орехов, найденных у закланного отрока в правой руке и с ним положенных в могилу; тогда в единодушном восторге жители и пришельцы начали славить знамение святости. За этим чудом следовали новые чудеса, по свидетельству современников: недужные, с верою и любовью касаясь мощей, исцелялись. Из Углича несли раку, переменяясь, люди знатнейшие, воины, граждане и земледельцы. Василий, царица-инокиня Марфа, Патриарх Гермоген, духовенство, синклит, народ встретили раку за городом (1606 г.); открыли мощи, явили их нетление, чтобы “утешить верующих и замкнуть уста неверным.” Василий взял святое бремя на рамена свои и нес до собора Архангельского, как бы желая усердием и смирением очистить себя перед тем, кого он столь бесстыдно оклеветал в самоубийстве! Там, среди храма, инокиня Марфа, обливаясь слезами, молила царя, духовенство, всех Россиян простить ей грех признания Лжедмитрия своим сыном [14], и святители, исполняя волю царя, разрешили ее торжественно, “из уважения к ее супругу и сыну.” Народ исполнился умиления, и еще более, когда церковь огласилась радостными кликами многих людей, внезапно исцеленных от болезней действием веры в мощи Дмитрия, как пишут очевидцы. Хотели предать земле священные останки страстотерпца в правом предалтарии, где лежит царь Иоанн с двумя сынами; но благодарность исцеленных и надежда болящих убедили Василия не скрывать “источник благодати”; вложили мощи в деревянную раку, обитую золотым атласом, оставили ее на помосте и велели петь молебны новому угоднику Божию, вечно праздновать его память и вечно клясть Лжедмитрия. С того времени нетленные мощи святого царевича Дмитрия открыто почивают в Московском Архангельском соборе.

Вслед за тем Василий захотел загладить несправедливость современников в глазах потомства, сняв опалу с памяти венценосца, хотя и ненавистного за многие дела злые, но достойного хвалы за многие государственные благодеяния: велел пышно и великолепно перенести тело царя Бориса, Марии и юного Феодора в знаменитую Лавру Сергиеву. Торжественно огласив убиение и святость Дмитрия, Шуйский не смел приблизить к его мощам гроб убийцы и снова поставить между царскими памятниками, но хотел сим действием уважить законного монарха в Годунове, будучи также монархом избранным, хотел возбудить жалость если не к Борису виновному, то к Марии и Феодору невинным, чтобы вызвать живейшее омерзение к гнусным их убийцам. В присутствии бесчисленного множества людей, всего духовенства, двора и синклита открыли могилы; двадцать иноков взяли гроб Бориса на плечи свои (царь Борис скончался иноком); гроб Феодора и Марии несли знатные сановники, провождаемые святителями и боярами. Позади ехала в закрытых саниях несчастная Ксения, громко вопила о гибели своего дома, жалуясь Богу и России на изверга-самозванца. Зрители плакали, вспоминая счастливые дни ее семейства, счастливые и для России в первые годы Борисова царствования [15].

Но еще не достаточно смирился перед Богом царь Василий, чтобы погасить гнев Божий на Россию за нечистоты сердечные, за клятвopреступления и цареубийство. Повсюду начались волнения, сначала только потому, что царь Василий был избран одною Москвою; далее стали говорить, что нельзя нарушать клятву, данную Дмитрию, и что Дмитрию удалось бежать из Москвы во время восстания народного; появились новые самозванцы [16].

Тогда царь и Собор положили принести всенародное покаяние. Патриарх Гермоген посланием пригласил в Москву бывшего Патриарха Иова “для великого государева и зем-

ского дела” [17]. Иов приехал и (20 февраля 1607 г.) явился в соборном храме Успения, внешне окруженном и внутри наполненном несметным множеством людей. Он стоял у патриаршего места в виде простого инока, но возвышаемый в глазах зрителей памятью его знаменитости и страданий за истину, смирением и святостью, — отшельник, вызванный почти из гроба примирить Россию с небом. В глубокой тишине всеобщего безмолвия и внимания, поднесли Иову бумагу и велели патриаршему архидакону читать ее на амвоне. В сей бумаге народ (и только один народ, а не царь) молил Иова отпустить ему именем Божиим все его грехи пред законом, строптивость, ослепление, вероломство и клялся впредь не нарушать присяги, быть верным государю; требовал прощения живым и мертвым, дабы успокоить души клятвопреступников и в другом мире; винил себя во всех бедствиях, ниспосланных Богом на Россию, но не винился в цареубийствах, приписывая убиение Феодора и Марии только одному самозванцу; наконец, народ молил Иова благословить царя, бояр, христолюбивое воинство и всех христиан, да торжествует царь над мятежниками и да насладится Россия счастьем покоя. Иов отвечал грамотою, заблаговременно, но действительно им сочиненною, писанною присущим ему слогом, умилительно и красноречиво. Тот же архидакон читал эту грамоту народу. Изобразив в ней величие России, созданное умом и счастьем ее монархов, Иов соболезновал о гибельных следствиях Дмитриева заклания, но умолчал о виновнике злодейства, некогда любив и славив Бориса [18], напомнил единодушное избрание Годунова в цари и народное к нему усердие; дивился ослеплению народа, прельщенного бродягою; говорил: “Я давал вам страшную на себя клятву в удостоверение, что он — самозванец: вы не хотели мне верить и сделалось то, чему нет примера ни в священной, ни в светской истории.” Описав все измены, бедствия отечества и Церкви, свое изгнание, гнусное цареубийство, если и не совершенное, то, по крайней мере, допущенное народом; воздав хвалу Василию, “царю святому и праведному,” за великодушное избавление России от стыда и гибели, Иов продолжал: “Вы знаете, что самозванец убит; знаете, что не осталось на земле и мерзкого тела его, а злодеи дерзают уверять вас, что он жив и есть истинный Димитрий! Велики грехи наши пред Богом, “в сии лета последняя, когда вымыслы нелепые, когда сволочь гнусная, тати, разбойники, беглые холопы могут столь ужасно возмущать отечество!” Наконец, исчислив все клятвопреступления, не исключая и данной Лжедимитрию присяги, Иов именем небесного милосердия, от лица всего духовенства и своего объявлял народу разрешение и прощение в надежде, что он не изменит снова царю законному, и добродетель верности плодом чистого раскаяния умилоустивит Всевышнего, да победят врагов и возвратят государству мир и тишину [19].

Действие этой грамоты было неописуемо. Народу казалось, что тяжкие узы гнусной клятвы спали с него и что Сам Всевышний устами праведника изрек помилование России. Плакали, радовались и тем сильнее тронуты были вестию о том, что Иов, едва успев доехать из Москвы в Старицу, преставился. Мысль, что он, уже стоя на пороге вечности, беседовал с Москвою, умиляла сердца. Видели в нем мужа святого, который в последние минуты жизни и в последних молениях души своей ревновал о судьбе горестного отечества, умер, благословляя его и возвестив ему умилоустивление неба [20].

Дальнейшие события не соответствовали благоприятным ожиданиям. Государство утопало в пучине крамол. На время воссияла надежда в лице юного витязя, воздвигнутого, по-видимому, самим Провидением для избавления погибающего отечества. Все благоприятствовало герою князю Михаилу Скопину-Шуйскому: доверие царя и народа, усердие и единодушные своих соратников, смятение и раздор неприятеля. Наконец русские увидели то, чего уже давно не видали: ум, мужество, добродетель и счастье — в одном лице; увидели мужа великого в прекрасном юноше и славили его с любовию, которая столь долго

была жаждою, потребностью неудовлетворяемого их сердца и нашла предмет столь чистый и достойный. Но и эта надежда исчезла: князь Михаил, на 23-м году стяжав бессмертие в истории, умер скоропостижно [21]. Москва в ужасе онемела. Не находя слов для изображения общей скорби, летописцы говорят, что Москва оплакивала князя Михаила столь же неутешно, как царя Феодора Иоанновича. Кончина Михаила, столь неожиданная, казалась явным действием гнева небесного: думали, что Бог осуждает Россию на верную гибель, лишив ее защитника, который один вселял надежду и бодрость в души, один мог спасти государство, снова ввергаемое в пучину мятежей без кормчего! Люди русские имели государя, но плакали, как сироты, без любви и доверия к Василию, омраченному в их глазах несчастным царствованием. Сам Василий лил горькие слезы о горе, но их считали притворством, и взоры подданных избегали царя в то время, когда он, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывал необыкновенную почесть усопшему: отпевали, хоронили его великолепно, как бы державного. В Архангельском соборе, в приделе Иоанна Крестителя, стоит уединенно гробница знаменитого юноши, единственного просиявшего добродетелью и любовью народною в ужасный век! От древних до новейших времен России никто из подданных не заслуживал ни такой любви в жизни, ни такой горести и чести по смерти.

Может быть, Василий, погребая юного героя под кровом того храма, где почивают наши венценосцы, уже предчувствовал свою гибель. Она скоро свершилась. В Москве зашумел мятеж народный. Одни враги Василия требовали свержения его с престола; другие надеялись, что земля Северская и бывшие слуги Лжедмитрия немедленно возвратятся под сень отечества, как скоро не будет Шуйского, для них ненавистного и страшного, и что государство бессильно только из-за разделения сил: соединится, усмирится и враги исчезнут! Раздался только один голос в пользу закона и царя злосчастного — голос Гермогена; с жаром и твердостью Патриарх изъяснял народу, что нет спасения там, где нет благословения свыше; что измена царю есть злодейство, всегда казнимое Богом, и не избавит, а еще глубже погрузит Россию в бездну ужасов. Весьма немногие бояре, и весьма не твердо, стояли за Шуйского; самые искренние и ближние его приверженцы уклонялись, видя решительную общую волю; сам Патриарх с горестию удалился, чтобы не быть свидетелем дела мятежного. Василий был сведен с престола и против воли пострижен [22].

Никто не противился насилью нечестивому, кроме великого святителя: Патриарх торжественно молился за Василия в храмах, как за помазанника Божия, царя России, хотя и бывшего в темнице; торжественно проклинал бунт и не признавал Василия иноком. Но вопли страстей заглушали голос правды: дума боярская решилась предложить престол Владиславу, сыну Польского короля Сигизмунда, хотя Патриарх убеждал не жертвовать Церкви ради земных выгод и советовал возложить венец на юного Михаила Романова (сына Филарета). Так богомудрый святитель предвозвестил отечеству волю небес, хотя далеко еще было до избавления! Впрочем, святейший Гермоген успел настоять на том условии, что Владислав до вступления на престол обязан принять Православие, прекратить связь с папою и поставить законом смертную казнь каждому, кто отступит от Православия.

Между тем престол царский все еще оставался праздным [23]. Наступили времена ужаса, безначалия, буйства народного. Дума боярская, присвоив себе верховную власть, не могла утвердить ее ни в слабых руках своих, ни утишить народной тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванец грозил Москве нападением; Польские войска к ней приближались, народ вольничал, холопы не слушались господ, и многие люди чиновные, страшась быть жертвою безначалия и бунта, уходили из столицы даже в стан к Лжедмитрию, единственно ради безопасности личной. Казалось, что Русские люди уже не имели

ни отечества, ни души, ни веры; что государство, зараженное нравственной язвой своих изменников, издыхало в страшных судорогах. По словам очевидца, добродетельного келаря Сергиевой Лавры Авраамия Палицына, “Россию терзали свои даже более, нежели ино-племенные: путеводителями, наставниками и хранителями ляхов были наши же изменники — первые и последние в кровавых сечах. Ляхи же с оружием в руках только смотрели и смеялись безумному междоусобию. В лесах, в болотах непроходимых Россияне сами указывали им путь, и числом превосходным берегли их в опасностях, умирая за тех, кто обходился с ними, как с рабами. Вся добыча принадлежала ляхам: они избирали себе лучших из пленников, красных юношей и девиц, или отдавали на выкуп ближним и снова отнимали, к забаве Русских изменников... Сердце трепещет при воспоминании злодейств: там, где стыла теплая кровь, где лежали трупы убиенных, там гнусное любострастие искало одра для своих мерзостных наслаждений... Находились женщины, прельщаемые ино-племенниками, но многие смертью избавляли себя от зверского насилия. Уже не сражаясь за отечество, люди умирали за семейства: муж за жену, отец за дочь, брат за сестру вонзал нож в грудь ляху. Не было милосердия: добрый и верный царю воин, взятый в плен ляхами, иногда находил у них жалость и даже уважение к своей верности; но изменники называли их за то женами слабыми и худыми союзниками царя Тушинского; всех твердых в добродетели они предавали жестокой казни: метали с крутых берегов в глубину рек, расстреливали из луков и самопалов, на глазах родителей жгли детей, носили головы их на саблях и копьях; грудных младенцев, вырывая из рук матерей, разбивали о камни. Видя такую неслыханную злобу, ляхи содрогались и говорили: “Что же будет нам от Россиян, когда они и друг друга губят с такою лютостию?” Сердца окаменели, умы омрачились: во-круг свирепствовало злодейство, а мы-то думали, оно минует нас, или искали в нем личных для себя выгод. В общем кружении голов все хотели быть выше своего звания: рабы хотели быть господами, чернь — дворянством, дворяне — вельможами. Не только простые простых склоняли к измене, но и знатные — знатных и разумные — разумных, в домах и в самых битвах говорили: “Мы блаженствуем, идите к нам от скорби к утехам!...” Гибли отечество и Церковь; храмы истинного Бога разорялись, подобно капищам Владимирова времени; скот и псы жили в алтарях; воздухами и пеленами украшались кони; злодеи пили из святых потиров, на иконах играли в кости; в ризах иерейских плясали блудницы. Иноков, священников палили огнем, допытываясь сокровищ; отшельников, схимников заставляли петь срамные песни, а безмолвствующих убивали... Люди уступили свои жилища зверям; медведи и волки, оставив леса, витали в пустых городах и весях; враны плотоядные сидели стаями на телах человеческих; малые птицы гнездились в черепаках. Могилы, как горы, везде возвышались. Граждане и земледельцы жили в дебрях, в лесах, в пещерах неведомых, и на болотах, только ночью выходя из них обсушиться. Но и леса не спасали: люди, оставив звероловство, ходили туда с чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь в густоте древесной, страшились вопля своих младенцев, зажимали им рот и душили их до смерти. Не светом луны, а пожарами озарялись ночи; ибо грабители жгли, чего не могли взять с собою: дома и скирды хлеба, да будет Россия пустынею необитаемою [24].

В этом страшном кипении необузданных страстей только одни пастыри словесного стада Христова оставались верными своему долгу. Они видели, как действовал Патриарх Гермоген, непоколебимый столб Православия, несокрушимый адамант Церкви и отечества, и все ревностно подражали первосвятителю. В следующей главе увидим доблестные подвиги святителей, иереев, иноков и отшельников.

28. Осада Троице-Сергиевой Лавры. Избрание на царство Михаила Романова.

Посреди ужасов “Смутного времени” православное Русское духовенство, воодушевляемое сознанием священных своих обязанностей и руководимое примером своего неустрашимого первосвященника, сияло доблестью и совершало подвиги, достойные первых веков христианства. Постараемся изложить эти подвиги в том виде, как сохранились они в бытописаниях современников.

Первое место принадлежит родоначальнику грядущего поколения царей, будущему Патриарху Московскому. Филарет (Романов) в сане митрополита Ростовского показал в лице своем образец доброго пастыря. Когда (в 1608 г.) Сапега с ляхами возмутили Суздаль и Переяславль, верные ростовцы, не имея крепких стен для защиты, предложили митрополиту удалиться вместе с ними в Ярославль; но Филарет сказал, что не бегством, а кровию должно спасать отечество, что великодушная смерть лучше жизни срамной, что есть другая жизнь и венец мучеников для христиан, верных царю и Богу. Видя бегство народа, Филарет с немногими усердными воинами и гражданами заключился в соборной церкви; все исповедались, причастились Святых Тайн и ждали неприятеля и смерти. Не Ляхи, а братья единовверные, переяславцы, дерзнули осадить святой храм, стреляли, ломились в двери и диким ревом ярости ответствовали на голос митрополита, который молил не быть извергами. Двери пали, и добрые ростовцы окружили Филарета и бились до совершенного изнеможения. Храм наполнился трупами. Злодеи ограбили святыню [1], а митрополита повезли в Тушинский стан, как узника, босого, в изорванном польском платье и татарской шапке. Там самозванец готовил новое бесчестие и посрамление: встретил его со знаками чрезвычайного уважения, как племянника Иоанновой супруги Анастасии и жертву Борисовой ненависти, величал, как знаменитейшего достойного архипастыря, дал ему золотой пояс и святительских чиновников для наружной пышности, но держал его в тесном заключении, как непоколебимо верного царю Василию. Уже после двухлетнего плена Филарет отнят был у неприятеля под стенами Волоколамской обители отрядом Скопиона-Шуйского.

Во время междуцарствия Филарет был отправлен во главе посольства [2] к королю Сигизмунду для предложения венца царского сыну его Владиславу на условиях, заключенных в Москве. В этом трудном деле Филарет действовал, как верный сын отечества: ни хитрые обольщения, ни льстивые обещания, ни угрозы не могли поколебать его. За восемь лет плена, среди страданий и лишений всякого рода он не уступил ни шагу врагам, не согласился ни на сдачу Смоленска Сигизмунду, ни на изменение Московских условий.

Достойным сподвижником его был Смоленский архиепископ Сергей. Когда Сигизмунд с сильною армиею осадил Смоленск и потребовал сдачи города, архипастырь вместе с доблестным воеводою Шеиным отвечал королю: “Мы в храме Богоматери дали обет не изменять государю нашему Василию Иоанновичу, а тебе, литовскому королю, и твоим панам не будем раболепствовать во веки.” Добрый пастырь одушевлял защитников родины, разделял с ними лишения и опасности в продолжение двухлетней осады. Когда в городе из 80 тысяч жителей осталось едва 8 тысяч, когда, наконец, все средства геройской защиты истощились и город был взят приступом, тогда и Сергей сделался пленником ляхов и окончил жизнь свою в темнице.

И отдаленной Вологды достигло буйство ляхов и русских изменников. В 1609 году Вологда уцелела невредимой по молитвам преподобного Димитрия Прилуцкого [3]; но три года спустя и она пострадала от врагов и мятежников.

В Вологде подвизался тогда замечательный затворник преподобный Галактион. Когда Грозный царь умертвил боярина князя Ивана Вольского, семилетний сын убиенного Гавриил был укрыт родственниками и друзьями отца, которые отправили ребенка в город Старицу, чтобы спасти его от ярости царской. Там юный князь скрывался в неизвестности и кормился сапожным мастерством, а придя в зрелый возраст, постригся с именем Галактиона, пришел в Вологду, выпросил у жителей местечко для кельи на берегу ручья Содемки и наложил на себя тяжкий подвиг затворничества в оковах. Он приковал себя к стене цепью. Богобоязненные люди подавали ему в окошко пищу; когда склонял его сон, он становился на колени и, держась за цепь, засыпал сном легким и прерывистым; пищу его был только сухой хлеб с водою. Подвижнику Божию открыто было о наступающих для Вологды бедствиях. Он вышел из кельи в цепях своих, явился в земскую избу и объявил: “Грехи призвали на нас ляхов и Литву: пусть начнут пост и молитву и поспешат построить храм Знамения Богоматери. Царица небесная избавит Вологду, как некогда Новгород, от гнева Божия.” Но один из именитых граждан Нечай Щелкунов сказал: “Не о нас, а о себе хлопочет старец; ему хочется только иметь храм вблизи себя; а что будет с храмом, — прибавил он с насмешкою, — когда умрешь ты, старец?” Старец отвечал строго: “Гнев Божий близок к Вологде; что же до меня, то на моем месте прославится Бог, — построена будет обитель.” Затем объявил, что Троицкий храм, построенный Нечаем, будет сожжен и дом Нечая — запустеет. Проходя мимо храма святого Димитрия Прилуцкого, он громко сказал: “Чудотворец Димитрий молил Спасителя за город, но его оскорбили тем, что вокруг его храма настроили лавок и завели шум торговый; вот увидите, что и этот храм разорен будет.”

Предсказание труженика скоро исполнилось: 22 сентября 1612 года ляхи напали на Вологду и, по сказанию современника, “город взяли и людей всяких посекали и церкви Божии поругали и город и посады выжгли до основания.” Злодеи не пощадили и смиренной кельи Галактиона; а его самого жестоко избили и истерзали, так что он чрез три дня скончался мучеником. Вологжане погребли тело страдальца в бывшей его келье [4]. Лютость врагов особенно пала на духовенство Вологодское, вероятно, за то, что лица духовные поддерживали верность жителей при нападении ляхов. Епископа Сильвестра держали под стражею четыре ночи, подвергали истязаниям и отпустили едва живым [5]. Множество священников и иноков было умерщвлено [6].

Почти в то же время, когда ляхи не пощадили в Вологде дряхлого старца-отшельника, наставник этого старца преподобный Иринарх, затворник Борисоглебского монастыря [7], бестрепетно обличал врагов и мятежников. В 1609 году Ляхи завладели Ростовом; свирепый пан Микульский пришел к затворнику [8] и спросил: кого признаешь ты царем? — “Я живу на Руси,- отвечал старец, и знаю Русского царя, а других не знаю.” Слыша угрозы ляхов, он сказал спокойно: “Верю своей я не изменю, и Русского царя не отвергну. Не много вам во мне крови: вашего меча тленного я не боюсь, а у моего живого Бога есть такой меч, что всех вас погубит и ввергнет в геенну огненную.” — После того и сам вождь грабителей, Сапега, посетил преподобного Иринарха. “Благослови, батюшко, — сказал он, — как терпишь ты эту муку в такой темнице?” — “Для Бога терплю, — отвечал старец. — А ты, пан, возвратись в свою землю; полно тебе разорять Русь. Если не выйдешь из Руси или опять придешь, то Богом тебя уверяю, — убьют тебя в Русской земле.” Сапега прислал старцу пять рублей и строго запретил ляхам тревожить обитель. Спустя три года, снова явились ляхи в Ростов; преподобный Иринарх остался в своем затворе. Сюда пришел к нему один из панов с известием, что Сапега, по предсказанию затворника, убит под Москвою. “И вам не быть живым, — сказал старец, — если не уйдете в свою

землю.” На этот раз ляхи оставили Ростов, не тронув никого из уважения к преподобному Иринарху [9].

В Великом Новгороде митрополит Исидор претерпел много притеснений, но успел своими увещаниями удержать народ от измены царю Василию, призвать на помощь героя Скопина-Шуйского и сохранить единение с Москвою; можно сказать, что только один он отклонил Новгородцев от намерения покориться шведам и призвать к себе шведского королевича Густава-Адольфа. Когда шведы, прежде союзники, а потом враги Московского государства, завладели Новгородом, самая жизнь архипастыря была в опасности. Тогда же открыты были мощи святого князя Феодора, вынутые шведскими солдатами из могилы в соборном храме Юрьева монастыря [10]. Митрополит Исидор, услышав о том, выпросил у вождя шведов Делегардия дозволение перенести гроб в Новгородский Софийский собор; в это время не только оказались нетленными мощи девственного князя, но многим подавали и исцеления. С того времени мощи святого покоятся открыто при входе в придел Иоанна Предтечи. При владыке находился тогда старец-подвижник, преподобный Антоний Леонтовский, Тверской уроженец, из боярского рода Вельяминовых. Приняв иночество в молодости, Антоний основал пустынную обитель с храмом Преображения Господня. Здесь отшельник служил для братии образцом строгого подвижничества и почтен был саном игумена. Всего прожил он в иноческой жизни 56 лет и много успел в духовной прозорливости. Когда шведы стали в 1611 г. опустошать окрестности Новгорода, митрополит Исидор вызвал к себе уважаемого старца с учениками его. Антонию было тогда уже 85 лет. В праздник Воздвижения Креста Господня причастился он Святых Тайн; тогда же сказал он, что тело его будет покоиться в пустынной его обители. 17 октября мирно предал он дух свой Господу. Тело его, по опасностям военным, предано было земле в Новгороде, у церкви святого Евангелиста Луки [11].

Псков, еще недавно выдержавший со славою знаменитую осаду Батория, в пагубные дни безначалия сделался вертепом разбойников и душегубцев. Духовенство, дворяне, гости остались верны, но лазутчики и письма Тушинского злодея взволновали мелких граждан, чернь, стрельцов, казаков, исполненных ненависти к людям сановитым и богатым. Они присягнули второму Лжедмитрию, расхитили достояние святительское и монастырское. Добродетельный архипастырь Геннадий старался усюветить неистовых силою слова Божия; вооружал крестьян своих и монастырских для сопротивления мятежу и разбоям в окрестностях Пскова и не мог пережить измены своего города: он умер от горести [12]. Не успел образумить изменников и дивный затворник Иоанн, который совершал изумительные свои подвиги на городской стене. В 1592-м осаждали Псков шведы; с 1608 года семь лет сряду рыскал около Пскова с разбойничьими шайками своими лях Лисовский. Блаженный Иоанн все это время только молился и постился: среди шума, брани и битв, среди волнений гордого ума и малодушного маловерия он жил, как в пустыне, беседа с Господом, и для Него каждый день распинал плоть свою и каждый день твердил приходившим к нему людям о верности Богу и погибающему отечеству [13].

В том же духе действовали и другие святители русские. Иосиф Коломенский, сопротивлявшийся первому самозванцу, схвачен был воинами второго, которых напрасно хотел вразумить, и привязанный к пушке, влачим был бродягами; его паства при нем осталась верною долгу. Тверский архиепископ Феоктист еще в начале смячений от Тушинского самозванца, явился бодрым стражем своего стада, ополчил духовенство, людей приказных, собственных людей боярских, граждан и разбил многочисленную шайку злодеев. До последнего издыхания боролся он с изменою и, взятый в плен мятежниками, удостоился мученического венца. Ляхи, захватившие Суздаль, принуждали архиепископа Галактиона, чтобы он признал второго Лжедмитрия и разослал пастве своей грамоты о молит-

вах за него. Святитель не согласился; его отправили в заточение, где он и преставился [14].

Тою же ревностю и сознанием долга одушевлялось и белое духовенство; городские и сельские священники везде противились бунту и безначалию; немногие из них уцелели [15]. Особенно отличался ревностный протопоп Зарайского Никольского собора Димитрий, достойный сподвижник князя Пожарского в защите родного города: он укреплял граждан в верности законному царю, не допустил до присяги второму самозванцу и всех благословлял на смерть за правое дело [16].

Другой протоиерей в Великом Новгороде запечатлел пастырскую верность собственной кровью. Когда шведы ворвались в западную часть города и закипела сеча на улицах, один дом на торговой стороне казался неодолимою твердынею: шведы приступали и не могли взять его. Там мужественно стоял протоиерей Софийского собора Амос со своими друзьями на глазах митрополита Исидора, который на стенах крепости пел молебны и, видя такую доблесть, издали давал ему благословение крестом и рукою. Шведы наконец сожгли и дом и хозяина, последнего славного Новгородца!

Смиранные отшельники не щадили жизни своей за Бога и отечество; обители иноческие оказывались несокрушимыми твердынями веры и верности. Преподобный Евфросин подвизался в основанной им пустынной обители на берегу Синичьего озера [17]. Сюда спешили укрыться многие жители окрестных мест, когда ватаги ляхов проникли в округ Устюжины для грабежа и разбоя. Прозорливый отшельник увещевал всех твердо стоять в вере православной и не соблазняться обольщениями изменников, а 19 марта объявил, что скоро придут враги и в пустыню его. Он советовал бежать, кто куда может; о себе же сказал, что он должен остаться здесь по обету. Инок Иона в страхе хотел бежать вместе с другими. “Зачем допускать в душу страх малодушия? — говорил безтрепетный праведник. — Когда настает время брани, тогда-то и нужно мужество. Мы дали обет жить и умереть в пустыни. Надобно быть верным слову, данному пред Господом. В таком случае смерть вводит в покой. Другое дело — мирские люди: они не связаны обетом и им надобно беречь себя и детей.” Укрепленный словами игумена Иона остался с святым старцем. На следующий день ляхи явились в Евфросинову пустынь. Преподобный Евфросин в схиме молился у креста, который поставил он, как только пришел сюда. Наглые грабители потребовали у Евфросина монастырских сокровищ, а пустынный указал на храм Богоматери, как на единственное сокровище пустыни. Тогда один из кровопийц ударил по шее преподобного и рассек ему голову. Старец упал полумертвым. Поляки ворвались в храм Божий, но в нем ничего не нашли и возвратились к своей жертве. Один ударил чеканом по голове Евфросина и разбил череп до самого мозга. Новый страдалец предал душу свою в руки Господу. С ним вместе убит был и инок Иона.

Многие обители были разорены и иноки умерщвлены за ревность в вере и правде [18]. Знаменитый Боровский монастырь преподобного Пафнутия был осажден врагами. Здесь был главным воеводою неустрашимый князь Михаил Константинович, по прозванию Хромой, из доблестного и верного рода князей Волконских. Когда младшие воеводы [19] изменили и тайно впустили ляхов и изменников в задние ворота монастыря, князь Михаил бился с врагами в воротах церковных и пал, покрытый ранами, близ раки чудотворца [20], оставив память о своей доблести в гербе г. Боровска [21]. Иноки и все защитники обители были умерщвлены.

Лучезарным венцом подвигов доблестных, незыблемым оплотом Москвы и всего отечества в “Смутное время” была знаменитая обитель великого чудотворца Сергия. В 1608 году Троицкий монастырь окружен был мятежными полчищами второго Лжедмитрия (Тушинского). Самозванец хотел овладеть монастырем: его побуждали к тому и со-

кровища монастыря, собранные веками, и усилия иноков Троицких, вместе с Патриархом, поддержать в Москве верность народа царю Шуйскому, и местная важность Троицкой обители, которая стояла на пути к Москве от северных и восточных городов, откуда могли прийти на помощь верные сыны отечества для освобождения от иноземцев и мятежников.

Защитой обители было, во-первых, упование на всеильную помощь Божию и ходатайственное заступление бесменного начальника монастыря, которому сама Матерь Божия дала обетование быть неотступною от его обители; потом, благоразумие и попечительность ее временных правителей. Архимандрит Иоасаф везде являл себя сердобольным отцом нуждающихся, усердным молитвенником, верным до смерти блюстителем святыни. Келарем Лавры тогда был знаменитый в летописях отечества Авраамий Палицын. Во время осады его не было в Лавре; но тем не менее он болел душою за нее и делал все, что мог, в ее пользу в Москве.

Обитель Троицкая имела тогда более 300 человек братии; в числе их были такие, которые в миру служили отечеству на поле брани и в настоящих обстоятельствах могли быть полезными для обители своим мужеством и искусством. Сверх того, для защиты монастыря были присланы царем воеводы с отрядом войска, вооружены слуги монастырские и жители окрестных селений. Число всех защитников монастыря простиралось в начале осады до 2500.

Стены и башни монастыря снабжены были приспособлениями, нужными для обороны. Но непрочность укреплений видна была еще прежде осады; особенно западная стена была ветха и ненадежна. Запасов хлебных было немного. Таким образом, обыкновенные, человеческие средства защиты не обеспечивали обители: она не могла положиться ни на число воинов, ни на крепость стен, ни на довольство запасов, и если бы Господь по молитвам угодника Своего не сохранил града, конечно, все бдели бы стерегущие.

Враги появились под стенами Лавры 25 сентября. Со слезами встретили в обители праздник памяти преподобного Сергия, но не унывали. Принесли моление Господу Богу о защите от супостатов, воеводы, дворяне, дети боярские, слуги монастырские, стрельцы — все собравшиеся здесь в самый день праздника обязались присягою сидеть в осаде без измены. Число неприятельского войска, по показаниям захваченных в плен, простиралось до 30 000 человек. Предводителями были Ян-Петр Сапега, командовавший польскими войсками, и Лисовский с отрядом, славившимся дерзостью; к ним присоединились русские изменники, татары и казаки. Сапега и Лисовский хотели склонить архимандрита и воевод к добровольной сдаче монастыря, для чего прислали боярского сына с грамотою, обещающую милости мнимого Димитрия и грозя истреблением в случае упорства. Осажденные не колебались. “Надежда наша и упование, — говорили они, — Пресвятая живоначная Троица; стена и покров наш — пренепорочная Владычица наша Богородица и Приснодева Мария; помощники наши и молитвенники о нас к Богу — преподобные отцы наши Сергий и Никон.” И в сем уповании писали к полякам и изменникам: “Да будет известно вашему темному царству, что напрасно прельщаете вы стадо Христово; и десятилетнее отроча в Троицком монастыре смеется вашему безумному совету. Не изменим ни вере, ни царю, хотя бы предлагали вы нам и всего мира сокровища.”

Начались приступы врагов и вылазки защитников монастыря. Так 13 октября Сапега выступил из табора с полками, окружил монастырь и с наступлением ночи двинулся на приступ. Осажденные мужественно встретили нападающих и отразили; а наутро, увидев оставленные им осадные орудия, предали их огню и благодарили Бога за избавление от врагов, ходя со святыми иконами по стенам монастырским.

Защищая обитель свою от врагов, “великий чудотворец явился в чине Взбранного Воеводы, который приписуется ему в церковном песнопении (акафисте). Он ободрял и охра-

нял подвизающихся за веру и отечество, устрашал врагов и умножал свои чудеса, дабы, при умножении опасностей, не изнемогла надежда спасения” [22]. 23 октября преподобный Сергей, явившись во сне пономарю Иринарху, предупредил осажденных о новом приступе врагов и велел сказать воеводам, чтобы они дерзали с надеждою. В подкрепление сей надежды преподобный прошел по стене, кропя ее и здания монастырские святою водою. Ночью действительно последовало нападение, но отражено с уроном врагов. Вскоре узнали, что под монастырь ведется подкоп. Так как место и направление подкопа было неизвестно, то опасение сделалось всеобщим. Осажденные начали готовиться к смерти; исповедывались, приобщались Святых Тайн, с каждым часом ждали взрыва. В это скорбное время явился настоятелю преподобный Сергей, молящийся пред храмовою иконою Пресвятой Троицы, и по окончании молитвы сказал: “Бдите и молитесь: Всесильный Господь, по множеству щедрот Своих, еще милует вас и дает вам время на покаяние.” Осажденные ободрились, и неприятель, возобновивший нападение, был отражен с уроном.

В день архистратига Михаила во время вечерни ядро ударило в полуденные железные двери Троицкого собора и оставило след на доске образа святого чудотворца Николая. Народ пришел в ужас, слезы орошали церковный помост; пение замедлялось от плача. Но во время той же вечерни изнемогшему от уныния архимандриту явился архангел Михаил с лицом сияющим, со скипетром в руках и, грозя врагам, говорил: “Вскоре Всесильный Бог воздаст вам отмщение.” Сие видение тогда же возвещено народу, и архимандрит совершил молебное пение ко Пресвятой Троице и архангелу Михаилу.

Упование на помощь Божию еще более укрепилось, когда вечером во время правила архимандрит услышал новое ободрение из уст преподобного Сергия; а на другой день старцы Геннадий, Гурий и Киприан с некоторыми мирянами видели пред утренею преподобного Сергия, ходящего по монастырю и зовущего братию в церковь, где виден был также святой архиепископ Серапион, молящийся пред образом Божией Матери.

Ободренные защитники обители вышли за три часа до света в трех отрядах, разными путями; именем Сергия и быстрым нападением привели они неприятеля в смятение, опрокинули и преследовали по восточной и южной стороне монастыря. Это дало возможность найти устье подкопа, веденного под монастырь. Двое крестьян монастырских взорвали его, и сами сделались жертвою своего подвига.

Сражение продолжалось весь день при возобновляемых с обеих сторон усилиях, в разных направлениях и при обоюдных утратах; но кончилось тем, что воины монастырские захватили многочисленные туры неприятелей на Красной горе, взяли восемь больших пушек, много мелкого оружия, пуль и пороху, укрепления сожгли и истребили и заставили Сапегу удалиться в свои таборы. Победители возвратились с телами павших своих братьев и добычею уже поздно. Первым делом воздали благодарение Господу, даровавшему победу. Звон до полуночи возвещал их торжество. Быстро разнесшаяся по России весть о сем славном бое послужила сильным ободрением для верных сынов отечества.

Между тем внутри Лавры открылось новое губительное зло. От тесноты, сырости, недостатка чистой воды и пряных зелий 17 ноября появилась цинготная болезнь. Сначала в сутки умирало человек по десяти, потом по пятидесяти, даже иногда по сто. Наконец некому стало ходить за болящими. Монастырь наполнился смрадом от зараженных и умирающих. Успенский соборный храм каждый день наполнялся умершими. Оскудели священники от непрестанного хождения за больными и умирающими. Не столько война, сколько эта губительная болезнь до того уменьшила число защитников, что нельзя уже было думать по-прежнему о частых вылазках. Помощи ниоткуда не было. Положение осажденных становилось весьма затруднительным.

В марте осажденные получили некоторый отдых от врагов. Лисовский отлучился; оставшиеся враги, не тревожа монастыря, заключились в лагере. Но во время отдыха многие слишком забылись. Недостойные воины предались невоздержанию и другим бесчинствам; пользуясь трапезою монастырскою, они требовали еще себе урочного хлеба для продажи и ссорились с трезвенными иноками, которые, сами довольствуясь на трапезе только хлебом и водою, отказывали им в удовлетворении их прихотей. Напрасны были увещания архимандрита Иоасафа. Стрельцы жаловались на него царю, что не дает им удовольствия, и отказывались выходить на вылазки.

Спасителем в исправлении неустройств явился сам преподобный Сергей. Однажды, когда воины, побежденные страстями, с робостию шли на брань против поляков, приступавших к стенам, встретил их муж святолепный, идущий от надворотной церкви чудотворца Сергия, и грозно сказал им: “Что вы трепещете! Если и никто из вас не останется в живых, Господь не предаст святого места сего. Не будет услышано во вразех, яко пленником обитель Пресвятыя Троицы. Скажите в обители, что нечисто живущие во святом месте сем погибнут: Господь не нечестивыми спасет место сие, но имени ради Своего без оружия избавит.”

Архимандрит Иоасаф для прекращения смертоносного недуга 8 мая положил устроить в храме Пресвятыя Богородицы придел по древнему обычаю — для испрошения чрезвычайной помощи Божией строить обыденные церкви. И 9 мая, в день святителя и чудотворца, действие болезни приметно сократилось. Еще не оправившись и не собравшись с силами, осажденные должны были вынести новый сильный приступ: 28 июня они заметили в лагере Сапеги и Лисовского необычное движение и готовились отразить неприятеля. Будучи скудны числом и средствами, они кипятили вар, серу, смолу, таскали известь и камни на стену и вечером все стали на стене для стражи и защиты: мужчины и женщины. Иноки Афанасий Ощерин, Паисий Литвин, Гурий Шишкин приняли начальство над горстию оставшихся защитников. Когда смеркалось, неприятель стал подвозить лестницы и стенобитные орудия, и пальбою из пушек на Красной горе открыт был жестокий приступ; поляки и литовцы лезли на стену, но везде их отбивали оружием, камнями, известью, смолою, варом. Приступ продолжался с первого часа ночи до первого часа дня. В то время как одни сражались на стенах, другие в храмах молились. И к утру враги со стыдом и с потерю стенобитных орудий и множества людей принуждены были отступить, хотя в обители оставалось уже весьма мало защитников [23].

Около того же времени преподобный Сергей исцелил одного больного старца в обители и притом сказал ему: “Не так гнусен мне смрад мирян, согрешающих блудом, как иноков, нерадящих о своем обещании; и под стенами обители моя всех пришедших врагов истреблю, и во обители моей нечисто и двоемысленно живущих погублю же, и сосквернившимися управлюсь.”

Приметим здесь, как многообразно действовал чудотворец Сергей: и врагов устрашал, и находящихся в опасности ободрял, и болящих врачевал, и маловерных исправлял, и всех иноков поучал таким поучением, которое и ныне должно еще звучать в ушах наших [24].

При слухе об успехах Скопина-Шуйского Сапега удалился от монастыря, оставив под стенами несколько рот для наблюдения. Но после несчастной битвы под Калязином, разбитый еще раз князем Михаилом под Александровом 18 октября, принужден был возвратиться в свой лагерь. В это время спаситель отечества Скопин-Шуйский для охранения монастыря послал отряд в 900 человек. Наконец, Валуев, посланный князем Михаилом с пятьюстами человек для обозрения неприятеля, соединясь с прежде присланным отрядом, ударил на Сапегу; поляки и литовцы были опрокинуты в свои таборы и лагерь их зажжен.

Много было пролито крови на Красной горе, на пруде Келарском, на Волкуше и Клементьевском поле; но это было уже в последний раз.

Наконец, 12 января 1610 года Сапега обратился в бегство, почти 16 месяцев продержав монастырь в осаде без успеха; в продолжение недели иноки еще не решались верить, что враги оставили их навсегда; но 20 числа отправили старца Макария в Москву к царю с извещением о милости Божией и со святою водою, окропив ею наперед стены монастырские [25].

Архимандрит Иоасаф, старец, теплыми молитвами и попечительностью содействовавший спасению обители, утомленный бедами и опасностями, вскоре после окончания осады удалился в Пафнутиев монастырь, из которого взят был в настоятели Лавры. Но когда Пафнутиев монастырь взят был врагами, тогда вместе с прочими иноками умерщвлен и сей доблестный старец, которому напрасно грозил смертью Сапега в стенах Сергиева монастыря [26]. Преемником его был преподобный Дионисий. Уроженец города Ржева он в мире именовался Давидом; по желанию родителей вступил в супружество; “за благочестие” удостоен сана священства, но вскоре лишился супруги и вступил в Старицкий Богородичный монастырь; около 1605 года возведен в сан архимандрита того же монастыря. В смутное время царя Василия Иоанновича Шуйского он особенно обратил на себя внимание Патриарха Гермогена, так что в последнее время неотлучно при нем находился [27]. Царь имел в нем одного из ревностных защитников своего престола. Когда Иоасаф оставил Троицкую обитель, царь и Патриарх вверили управление ею преподобному Дионисию.

Обитель Сергиева после продолжительной осады требовала от своих властей ревностных забот для восстановления ее благосостояния, но бедствующее отечество призывало ее еще к новым усилиям и жертвованиям. Обитель предлагала кровь, пищу и врачевание лишенным крова и изувеченным от врагов. Архимандрит Дионисий убеждал братию и слуг монастырских служить бедствующим, кто чем может; приказал устроить странноприимные дома и больницы в подмонастырных слободах и селе Клементьево. Братия согласилась довольствоваться на трапезе овсяным хлебом и водою, чтобы сберечь пшеницу и ржаной хлеб для раненых. По окрестным лесам и дорогам рассылаемы были люди собирать изнемогших от ран и мучений и приводить в обитель или погребать умерших. Старец Дорофей, келейник преподобного Дионисия, днем и ночью разносил от него больным и раненым платье, полотенца, деньги. Такое пособие страждущим оказывала обитель во все то время (около полутора лет) пока Москва боролась с поляками. Келарь Симон полагал в это время было более 7000 умерших и до 500 оставшихся при обители во многих службах: по сему можно судить, как велико было число всех воспользовавшихся пособиями от обители.

Так действовали служители православной Церкви Русской в тяжкую годину искушения и гибели! Чистая и пламенная молитва, твердая вера, единодушные подвиги самоотвержения и мученичества могли ли не привлечь к себе всемогущей помощи Бога-Спасителя, Который изрек некогда Своими устами: “где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди их”? Без сомнения, Сам Господь-человеколюбец невидимо присутствовал посреди верных рабов Своих, когда они жертвовали всем, даже жизнью, для сохранения Православия, для спасения отечества. И теперь, при преобладании ляхов и изменников, как некогда под игмом монголов, не человеческие силы удержали Россию от гибели: теперь, как и тогда, — Церковь спасла государство!

Чтобы вполне убедиться в этой непреложной истине, бросим беглый взгляд на продолжение событий, описанных нами в предыдущей главе. По избрании Владислава на Русский престол Дума боярская решила призвать гетмана Жолкевского с польскими вой-

сками и поручить врагам охрану столицы. Как в среде бояр, частью изменников, передавшихся ляхам, частью робких и своекорыстных, так и среди черни, объятый безначалием и развратом бодрствовал на страже Церкви и отечества только один старец, ветхий и слабый телом, но несокрушимо-твердый духом — первосвященник Гермоген. Зная (через Филарета и Голицына) о намерениях Сигизмунда и о кознях иезуитов, он разрешил всех от присяги польскому королевичу и разослал грамоты по городам, призывая православных на защиту веры и государства. Первый восстал по зову Патриарха и пошел к Москве со своею дружиною рязанский воевода Прокопий Ляпунов. Но не ему, прежнему слуге самозванца и заклятому врагу царя Василия, судил Промысл Божий спасти отечество: чистое дело требовало людей чистых душой[28].

Боярская Дума убеждала Патриарха успокоить народ, сильно взволнованный вестию о походе рязанцев. В особенности наглый изменник Михайло Салтыков требовал, чтобы Гермоген не позволял поднять ополчение Ляпунову. “Не велю, — отвечал Патриарх, — если увижу крещенного Владислава и ляхов, выходящих из Москвы; но велю, если не будет того, и разрешаю всех отданной королевичу присяги.” Салтыков в бешенстве выхватил нож; Гермоген осенил его крестным знаменем и сказал громогласно: “Сие знамение против ножа твоего, и да вздыт вечная клятва на главу твою!” И обратясь к князю Мстиславскому, который по знатности рода занимал первое место в Думе, тихо примолвил: “Ты начальный; тебе первому должно пострадать за веру и правду; но если соблазнишься кознями сатанинскими, то истребит Господь корень твой от земли живых, и христианской кончины не сподобишься” [29]. Между тем благодаря грамотам первосвященника один за другим поднимались города Русские; народ Московский с нетерпением ждал избавителей и замышлял гибель ляхов. Еще раз бояре заклинали Гермогена удалить бурю, спасти Россию от междоусобия и Москву — от крайнего бедствия, написать к ополчившимся воеводам, чтобы они шли назад и распустили войско. “Ты дал им оружие в руки, — говорил Салтыков, — ты можешь и смирить их.” “Все смирится, — отвечивал Патриарх, — когда вы, изменники, со своею Литвою исчезнете, но в царственном граде видя ваше злое господство, в святых храмах Кремлевских оглашаясь латинским пением (ляхи в доме Годунова устроили себе божницу), благословляю достойных вождей христианских утолить печаль отечества и Церкви.” Дерзнули, наконец, приставить воинскую стражу к непреклонному иерарху; не пускали к нему ни мирян, ни духовенство; обходились с ним то жестоко и бесчинно, но при людях с уважением, опасаясь народа. В неделю Ваий дозволили Гермогену священнодействовать и приняли меры для обуздания жителей, которые в этот день обыкновенно стекались из всех частей города и ближних селений в Китай-город и Кремль — чтобы быть зрителями великолепного обряда церковного. Ляхи и немцы, пехота и всадники, заняли Красную площадь с обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патриарх ехал между уединенными рядами иноверных воинов: узду его ослати держал, вместо царя, один из бояр; за ним шло несколько сановников, унылых, мрачных видом. Граждане не выходили из домов, воображая, что ляхи умышляют внезапное кровопролитие и будут стрелять в толпы народа безоружного. День прошел мирно; так же и следующий. Но во вторник на Страстной неделе вспыхнуло народное восстание, кровь полилась рекою, запылал пожар. Ляхи, обратив в пепел Белый и Земляной город и предместья, заперлись в Китай-городе и Кремле. Там вместе с боярами-изменниками праздновали Светлое Воскресение и молились за царя Владислава, с иерархом, достойным такой паствы — Игнатием, которого вывели из Чудовской обители, где он пять лет жил опальным иноком, и снова назвали Патриархом, свергнув и заключив Гермогена на Кирилловском подворье. Один среди врагов, неистовых и гнусных изменников, — между памятниками нашей славы, в ограде священной для веков могилами Димитрия

Донского, Иоанна III, Михаила Шуйского — великий святитель Божий в темной келье сиял добродетелью, как лучезарное светило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенив в народе жизнь и ревность к великому делу. Еще пытались склонить старца, изнуренного постом и тесным заключением, чтобы он отменил восстание городов на защиту Москвы. Ответ святителя был тот же: “Пусть удалятся ляхи!” Грозил ему злою смертью, — старец указывал им на небо, говоря: “Боюся Единого, там живущего!” Невидимый для паствы своей, великий иерарх сообщался с нею молитвою; слышал звук битв за свободу отечества и тайно, из глубины сердца, пылавшего неугасимым огнем добродетели, слал благословение верным подвижникам. Наконец, видя непреклонность старца-первосвятителя, ляхи и изменники заключили его в Чудове монастыре и уморили голодом [30]. Старец-святитель, истаявая и угасая, подобно догорающей лампаде пред ликом Господним, до последнего вздоха воссылал крепкую молитву к Богу об избавлении отечества и предал дух свой небесному Пастыреначальнику 17 февраля 1612 года, оставив в наследие разоренной Москве свои нетленные, священномученические мощи [31].

Умолк голос пастыря, призывавший верную паству на защиту отечества. Но оплотом России была Лавра Сергиева: оттуда рассылались по всем городам и полкам увещательные грамоты, призывающие к очищению земли русской. В одной из этих грамот архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын писали так: “Вспомните истинную православную христианскую веру, что все мы родились от христианских родителей, знаменовались печатью — святым Крещением, обещались веровать в Святую Троицу; возложите упование на силу креста Господня и покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтобы быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских, Михайлы Салтыкова и иных, и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей. Сами видите конечную от них погибель всем христианам, видите, какое разоренье учинили они в Московском государстве: где святые Божии церкви и Божии образы? Где иноки, сединами цветущие, инокини, добродетелями украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием? Не пощажены ни старцы, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь над видимою общемою смертною погибелью, чтобы вас самих та же лютая смерть не постигла. Пусть служилые люди без всякого мешкания спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам. Сами знаете, что всякому делу одно время надлежит, безвременное же всякому делу начинание суетно и бездельно бывает; хотя бы и были в ваших пределах какие неудовольствия, для Бога отложите это все на время, чтоб всем вам сообща потрудиться для избавления православной христианской веры, пока к врагам помощь не пришла. Смилуйтесь, сделайте это дело поскорее, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здесь под Москвою войско от скудости не разошлось.”

Дружины из 25 городов стояли уже под Москвою, но, к несчастью, между защитниками отечества господствовало несогласие: воеводы не слушались друг друга, действовали врозь, без единства и связи, что не могло принести успеха в борьбе [32].

Но Троицкие грамоты не оставались без действия: народ был готов встать, как один человек; непрерывный ряд смут и бедствий не сокрушил могучих сил юного народа, но очистил общество, привел его к сознанию необходимости пожертвовать всем для спасения веры, попираемой врагами внешними, и государственного строя, которому грозили враги внутренние — “воры.” Появились признаки народного сознания о необходимости нравственного очищения земли от врагов, признаки того, что народ, не видя никакой внешней помощи, обратился всем сердцем к высшему духовному миру, чтоб оттуда извлечь средства спасения своего государства. По областям промчалось слово, города пересылали друг другу грамоты, где писалось, что в Нижнем Новгороде было откровение Бо-

жие какому-то благочестивому человеку, именем Григорию; велено ему Божие слово проповедывать во всем Российском государстве; говорили, что этот Григорий сподобился страшного видения в полночи: видел он, как снялась с его дома крыша, и свет великий облистал комнату, куда явились два мужа с проповедью о покаянии и очищении всего государства. Во Владимире тоже было подобное видение. Вследствие этого, по совещанию всей земли Московского государства, во всех городах, всем православным народом присудили поститься: от пищи и питья воздерживаться три дня даже с грудными младенцами; и по приговору, и по своей воле православные христиане постились: три дня — в понедельник, вторник и среду ничего не ели и не пили, в четверг и в пятницу ели один хлеб. Так, при господстве религиозного чувства, выразилась в народе мысль о необходимости очищения всей земли, отделения себя от настоящего смутного и оскверненного общественным развратом времени. Мы видели, что еще царь Василий (Шуйский) думал об этом очищении, и два патриарха произнесли отпущение народу греха недавних клятвопреступлений; но тогда покаяние совершалось по велению правительства, а не по всеобщему убеждению; теперь же народ путем испытаний сам пришел к мысли о необходимости очищения. “Православные христиане постились, — говорит грамота, — по своему изволению.”

Одна из грамот Троицких получена была в Нижнем Новгороде. Когда прочли ее в соборе, земский староста Козьма Минин-Сухорукий объявил, что он удостоен был явления великого чудотворца Сергия. Бывшее ему видение состояло в следующем: однажды в уединенной храмине, куда Козьма удалялся по временам для молитвы, “явился ему преподобный Сергий и повелел собирать казну для военных людей и идти для очищения государства Московского от врагов. Придя в себя, Козьма был в великом страхе, но ни на что не решился, думая, что устройство войска не его дело. Видение повторилось: но он опять остался в бездействии. По кратком времени преподобный явился ему в третий раз, возобновил свое повеление с прещением и присовокупил, что есть изволение праведных судеб Божиих помиловать православных христиан и от великого смятения привести в тишину; что старейшие в городе не столько войдут в поручаемое Козьме дело, сколько младшие, и что начинание их приведет к доброму окончанию. Сие последнее видение оставило Козьму не только в трепете, но и в некоторой болезни, почему он и раскаялся в своем небрежении, решился приступить к исполнению повеленного и думал, как бы начать дело [33]. На сходе граждан Нижегородских Минин предложил: “Если захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать и бить челом — кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником.” После того начались частые сходки; Минин продолжал свои увещания. “Что же нам делать?” — спрашивали его. — “Ополчаться, — отвечал Минин, — сами мы не искусны в ратном деле, так станем клич кликать по вольных служилых людей.” — “Будь так, будь так!” — закричали все. Начался сбор, всякий жертвовал, что мог; иные отдавали последнее “для великого земского дела.” Пришла одна вдова и сказала: “Осталась я после мужа бездетна, и есть у меня 12000 рублей, 10000 отдаю в сбор, 2000 оставлю себе.” Но прежде, чем скликать ратных людей, надо было найти воеводу. В это время в Суздальском уезде жил стольник и воевода князь Димитрий Михайлович Пожарский, который долечивался от ран, полученных при разорении Москвы. Минин снесся с ним, уладил дело и сказал народу, что не за кем больше посылать, кроме князя Пожарского. Посланы были к нему Печерский архимандрит Феодосий, дворянин Ждан Петрович Болтин, да изо всех чинов лучшие люди. Пожарский отвечал посланным: “Рад я вашему совету, готов хотя сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать.” Посланные отвечали,

что у них в городе такого человека нет. Пожарский сказал им на это: “Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай.”

Когда посланные возвратились и объявили Нижегородцам слова Пожарского, те стали быть челом Козьме, чтоб принял за дело: “Соглашусь, — говорил он, — если напишете приговор, что будете во всем послушны и покорны и будете ратным людям давать деньги.” Нижегородцы согласились, и Минин написал в приговор свои прежние слова, чтобы не только отдавать имения, но и жен, и детей продавать. Когда приговор был подписан, Козьма взял его и отправил к Пожарскому.

Собранное ополчение двинулось к Ярославлю, чтобы забрать по пути дружины других городов. Проходя с князем Пожарским и с воинством к Москве мимо Сергиевой обители и совершая в ней молебное пение, Минин сам объявил архимандриту Дионисию о бывших ему явлениях преподобного Сергия. 18 августа 1612 года на горе Волкуше (в 4 верстах от Лавры) архимандрит Дионисий благословил христоролюбивое воинство на брань за веру и отечество. К успокоению недоверявших успеху дела, ветер, дотоле противный, сделался вдруг попутным воинству, и все двинулись с надеждою к Москве. Келарь Авраамий пошел вместе с ними.

Но и соединившиеся под Москвою князя Трубецкой и Пожарский действовали неединодушно, потому что последний не мог вполне довериться первому, а еще более Заруцкому с его казаками. Из обители писали к ним о мире. Келарь Авраамий переходил из стана в стан, то склоняя несогласных воевод ко взаимному вспоможению, то ободряя в самых сечах именем Сергия, то убеждая казаков не отделяться от воинства. Чтобы удовлетворить корыстолюбивых, обитель предложила казакам последние свои сокровища — священные ризы, низанные жемчугом. Но никто не дерзнул коснуться святыни, и все единодушно обещали не отступать от столицы, доколе не освободят ее.

Не станем перечислять подробностей очищения Москвы от врагов: ляхи, запертые в Китай-городе, не получая помощи от своего короля [34] и томимые голодом, стали есть человеческое мясо и трупы; 22 октября Русские начали сильный приступ на Китай-город. Голодные поляки не могли обороняться и заперлись в Кремле. Пожарский и Трубецкой вошли в Китай-город с Казанскою иконою Богородицы, которая находилась в Русском стане, и тогда же дали обещание построить в память этого дня церковь во имя иконы Пресвятыя Богородицы Казанския [35]. Взяв Китай-город, Русские окружили Кремль, но поляки уже не думали защищаться. На другой же день они прислали просить милости и пощады, сдавались военнопленными, вымаливали себе только жизнь. Пожарский дал от себя обещание, что ни один пленник не погибнет от меча. Наконец, наступило время освобождения Москвы: в ночь под 25 октября великий заступник земли Русской, преподобный Сергий чудотворец, явился Арсению, архиепископу Елассонскому [36], томившемуся от голода и болезни в осажденном Кремле среди врагов, и сказал ему: “Встань и иди в сретение православному воинству: молитвами Пресвятыя Богородицы Господь очистил царствующий град от врагов” [37]. На следующее утро верная Русская рать торжественно вступила в Кремль. Земское войско предводимое Пожарским и Мининым, собралось подле церкви Иоанна Милостивого на Арбатской площади, а войско Трубецкого — за Покровскими воротами. С двух этих концов пошло впереди духовенство с крестами, иконами и хоругвями; за ним двигались войска. Оба крестных хода сошлись в Китай-городе на Лобном месте. Во главе духовенства был преподобный архимандрит Дионисий, прибывший из своей обители нарочно для такого великого торжества веры и земли Русской. Из ворот Флоровских вышло духовенство, находившееся в Кремле, с архиепископом Арсением, получившим исцеление от преподобного Сергия. Духовенство вошло в Кремль, за ним посыпала туда ратная сила, и в Успенском соборе совершено было благодарственное мо-

лебствие о избавлении царствующего града, очищенного от врагов чистою верою и любовью к отечеству.

Припомним слова нашего приснопамятного святителя: “Прославляют любовь к отечеству. Прославление справедливое и полезное! Бог да умножит в отечестве нашем людей, достойных такого прославления! Но славя любовь к отечеству, не забудем отдать должную славу благочестию, помощи Божественной, молитвам небесных граждан о земном отечестве. Любовь к отечеству возбуждается, действует и преуспевает только тогда, когда она одушевляется благочестием, когда руководствуется и утверждается помощию свыше.” [38]

Москва была очищена, но престол царский оставался еще праздным; буйные ватаги ляхов, казаков-грабителей и русских изменников еще неистовствовали по городам и селениям. Разосланы были грамоты по городам с приглашением прислать властей и выборных в Москву для великого дела; писали, что “Москва от польских и литовских людей очищена, церкви Божии в прежнюю лепоту облеклись, и Божие имя славится в них по-прежнему; но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься об нем и людьми Божиими промышлять некому; и потому бояре и воеводы приглашали, чтобы все духовные власти прибыли к ним в Москву, и из дворян, детей боярских, гостей, торговых, посадских и уездных людей, выбрав лучших, крепких и разумных людей, поскольку человек пригоже, для земского совета и государского избрания все города прислали бы в Москву.” Когда съехалось довольно много властей и выборных, назначен был трехдневный пост, после которого начались соборы. Прежде всего, стали рассуждать о том, выбирать ли из иностранных королевских домов или своего природного Русского? И порешили: “Литовского и Шведского короля и их детей и иных немецких вер и ни которых государств иноязычных не христианской веры Греческого закона на Московское государство не избирать, потому что Польского и Немецкого королей видели на себе неправду, и крестное преступление, и мирное нарушение. Литовский король Московское государство разорил, а Шведский король Великий Новгород взял обманом.” Стали выбирать среди своих; тут начались козни, смуты и волнения. Однажды, говорит хронограф [39], какой-то дворянин из Галича принес на собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всех по родству с прежними царями Михаил Феодорович Романов, его и надобно избрать в цари. Раздались голоса недовольных: “Кто принес такую грамоту, кто, откуда?” В это время выходит Донской атаман и также подает письменное мнение. “Что это ты подал, атаман?” — спросил его князь Димитрий Михайлович Пожарский. “О природном царе Михаиле Феодоровиче,” — отвечал атаман. Одинаковое мнение, поданное дворянином и Донским казаком, сильно подействовало на избирателей. Но еще не все выборные находились в Москве. Знатнейших бояр не было: князь Мстиславский с товарищами тотчас после своего освобождения разъехали из Москвы; им неловко было оставаться в ней подле воевод-освободителей; теперь послали звать их в Москву для общего дела, и окончательное решение отложили на две недели. Наконец, Мстиславский с товарищами приехали, также приехали и запоздавшие выборные. 21 февраля 1613 года, в неделю Православия, то есть первое воскресенье Великого Поста, был последний собор: каждый чин подал письменное мнение, и все эти мнения найдены сходными, все чины указывали на одного человека — Михаила Феодоровича Романова. Тогда Рязанский архиепископ Феодорит, Троицкий келарь Авраамий Палицын, Новоспасский архимандрит Иосиф и боярин Василий Петрович Морозов пошли на лобное место и спросили у народа, наполнявшего Красную площадь: кого они хотят в цари? — Народ единогласно воскликнул: “Михаила Феодоровича Романова!” Тогда Авраамий Палицын сказал: “Се бысть по смотрению Всевышнего Бога!”

29. Царь Михаил Романов. Патриархи Иоасаф I и Иосиф.

Слово Авраамия Палицына при единодушном избрании на царство Михаила Романова — “Се бысть по смотрению Всевышняго Бога” — оказалось вещим и сбылось на деле. Новый царь, “излюбленный всею землею,” стал залогом успокоения Церкви и государства. При ближайших потомках Михаила укрепилось царство Русское, и до наших дней, по милости Божией, на престоле обширной и сильной Империи сияют доблестями и славою державные отрасли дома Романовых.

Провозгласив царем шестнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, Земский Собор назначил ехать к нему “в челобитчиках” Феодориту, архиепископу Рязанскому, с Владимирскою иконою Богоматери и образом Московских чудотворцев, троим архимандритам: Чудовскому, Новоспасскому и Симоновскому, — Троицкому келарю Авраамию Палицыну, троим протопопам, боярам Феодору Ивановичу Шереметеву, родственнику молодого царя, и князю Владимиру Ивановичу Бохтеярову Ростовскому с несколькими окольными, стольниками и выборными людьми из городов. Посольство выехало из Москвы 2 марта; но еще прежде разосланы были грамоты по городам с известием об избрании Михаила.

Между тем послы Земского Собора прибыли в Кострому и 14 марта, подняв иконы, принесенные из Москвы, и чудотворную Феодоровскую икону Богоматери, из Костромского Успенского собора, пошли все с крестным ходом в Ипатьевский монастырь, где жил избранный царь с матерью, инокинею Марфою Ивановною. Они встретили образа за монастырем; но когда послы объявили им, зачем присланы, то Михаил отвечал “с великим гневом и плачем,” что он государем быть не хочет, а мать его Марфа прибавила, что она не благословляет сына на царство, и оба долго не хотели войти за крестами в соборную церковь: насилу послы могли упросить их. В церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты от собора и говорили речи по наказу, но получили прежний ответ; Марфа говорила, что у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем; он не в совершенных летах, а Московского государства всяческих чинов люди по грехам “измалодушествовались, прежним государям не прямо служили”; что Михаилу быть на государстве, а ей благословить его на государство — только на гибель; кроме того, отец его митрополит Филарет теперь у короля в Литве в большом утесненье, и враги, сведав об избрании сына его на царство, могут погубить Филарета. Послы со слезами молили и били челом Михаилу, чтоб соборного моленья и челобитья не презрел: выбрали его по изволению Божию, не по его желанию, положил Бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах. Все прежде зло, говорили они, делалось попущением Божиим для всех православных христиан за грехи, во всех людях Московского государства была рознь и междоусобие. А теперь Московского государства “люди наказались все и пришли в соединение во всех городах.” Послы молили и били челом Михаилу и матери его с третьего часу дня до девятого, говорили, чтоб он воли Божией “не снимал” и был на Московском государстве государем. Михаил все не соглашался; тогда послы стали грозить ему, что Бог взыщет с него за конечное разоренье государства. Наконец, священные чины, подъяв на руках честные кресты и чудотворные иконы, подошли с ними к Михаилу, и Феодорит с твердостью сказал: “Не противься воле Божией: не мы предприняли сей подвиг, но Пречистая Божия Мать возлюбила тебя, — устыдись пришествия Ея.” Смутился Михаил от неожиданной, строгой святительской речи, в которой мнил слышать глас самого Бога; твердость его поколебалась:

он подошел в слезах к матери, чтобы в ней найти себе подкрепление; но в то же время Феодорит со всем собором, и бояре с выборными из всех городов, и народ пали на колена пред инокинею Марфою Ивановною, рыдая и умоляя ее именем Бога, Церкви и страждущего отечества отдать сына на утешение народа Русского, на спасение Церкви, веры и отечества. “Смотри, — говорили они в слезах, указывая на чудотворные иконы, — кто желает сего, кто пришел приветствовать тебя с избранным царем — сыном твоим.” Наконец благочестивая инокиня с твердостью сказала сыну: “Божие есть сие дело, а не человеческий разум.” Тогда сын повергся на землю пред чудотворными иконами Богоматери и, рыдая, произнес: “Аще есть на то воля Твоя, я — Твой раб, спаси и соблюди меня.” Потом, встав и обратясь к послам, сказал: “Аще есть на сие дело воля Божия, буди тако.” Затихли в храме рыдания; на лицах присутствовавших слезы печали превратились в слезы радости; весть о милостивом слове нового царя мгновенно перелетела за стены храма и вложила в сердца всех восторг невыразимый. Благочестивая старица взяла руку сына и, вместе с ним преклонив колена пред ликом Заступницы рода христианского, со слезами изрекла: “В Твои пречистыя руце, Владычеце, предаю чадо мое, настави его на путь истинный, устрой полезное ему и всему православному христианству” [1]. Тотчас возложили на государя животворящий крест, поднесли царский жезл и предложили стул царский. Самодержец всея России слушал Божественную литургию и торжественное молебствие, при окончании которого возглашено было многолетственное поздравление царю Богоизбранному. Так совершилось воцарение Михаила Феодоровича в Костромском Ипатьевском монастыре в 14-й день марта 1613 года, с того самого времени доселе торжественно празднуемый Церковию в честь Феодоровской иконы Богоматери.

Слова Феодорита с товарищами о том, что Михаилу нечего было бояться участи своих предшественников, потому что люди Московского государства “наказались” и пришли в соединение, — эти слова были вполне справедливы. Страшным опытом люди Московского государства научились, что значит “рознь и шатость,” развязывающие руки измене. Земские люди имели столько нравственной силы, что сумели воспользоваться наказанием, встали, соединились, очистили государство и отныне могут уже поддерживать нового государя. Казны нет, и взять неоткуда, ибо государство разорено, земля наполнена воровскими казаками, не знающими меры своему буйству; Заруцкий грозит с юго-востока, шведы и поляки с запада; новый государь — неопытный, мягкосердечный юноша, около которого нет людей, сильных умом и доброю волею, и несмотря на это, Михаил удержался на престоле: при первой опасности, при каждом важном случае подле царя видим Собор Земский, одушевленный тою же ревностью, с какою “последние люди” шли на очищение государства. До какой степени в лучших людях 1613 года крепко было убеждение, что должно пожертвовать всем для поддержания, охранения нового царя, восстанавливаемого государственный порядок, до какой степени лучшие люди приняли наказание в этом отношении, доказал всего лучше подвиг Сусанина. Когда Михаил, выехавши из Москвы после сдачи Кремля, жил в отчине своей близ Костромы, отряд поляков (как говорит грамота, но по всей вероятности, воровских казаков, ибо поляков уже не было тогда в этих местах), узнав об избрании нового царя, отыскивал место его пребывания с целью умертвить нежеланного им восстановителя государственного порядка. Враги схватили крестьянина Ивана Сусанина из Костромского уезда села Домнина, принадлежавшего Романовым, и начали пытаться его, вымучивая показание, где скрывался Михаил. Сусанин знал, но не сказал, а повел их по ложному пути в непроходимые болота, где они замучили его до смерти, и сами все погибли в болотах [2].

Царское венчание Михаила совершилось в Московском Успенском соборе 11 июля; в священном обряде первенствовал Ефрем, митрополит Казанский [3].

И Дума, и двор в первые годы царствования Михаила находились в смутном положении, изобличая беспорядок, бывающий обыкновенно следствием сильных бурь, — развалины старины, слабые, беспомощные, лишенные главных подпор своих, низвергнутых бурею [4], еще не утвердившийся крепко, не вошедший в свое новое положение. При таком неопределенном состоянии и при отсутствии твердой руки, которая бы все привела в порядок, каждому дала свое место, всего легче людям энергичным, ловким, дерзким, не разборчивым в средствах овладеть волею других и приобрести видное место.

Наконец, нашлась твердая рука для управления кормилом государства. По заключении перемирия с ляхами и Литвою [5] возвратился в отечество доблестный родитель государя, митрополит Филарет, измученный долговременным пленом. После многих почетных встреч на пути, под Москвою, на берегу речки Пресни [6] встретил митрополита сам царь и поклонился отцу в ноги. Филарет сделал то же самое перед сыном и царем, и долго оба оставались в этом положении, не имея сил ни двинуться, ни говорить от радостных слез (14 июня 1619 г.).

Патриарший престол после Гермогена оставался праздным: дожидались Филарета, дожидался его Иерусалимский Патриарх Феофан, приехавший в Москву за милостынею. Вместе с владыками русскими Феофан предложил патриарший престол Филарету, “зная, что он достоин такого сана, особенно же потому, что он был царский отец по плоти, да будет царствию помощатель и строитель, сирым защитник и обидимым предстатель.” Посвящение Филарета последовало 24 июня.

С этого времени начинается в Москве двойная власть двух великих государей, Михаил Феодоровича и отца его святейшего Патриарха Филарета Никитича [7], и это была не одна форма: все дела докладывались обоим государям, решались обоими, послы иностранные представлялись обоим вместе, подавали двойные грамоты, подносили двойные дары. Хотя имя Михаила и стояло прежде имени отца его, но понятно, что опытный и твердый Филарет имел очень большую долю в правлении при малоопытном, молодом и тихом Михаиле. Этою неопытностью и мягкостью молодого царя уже успели воспользоваться люди, которым, по прежним делам их, не следовало быть близ престола. Иначе пошло дело, когда приехал Филарет; некоторые, привыкшие к своеволию при молодом царе, не желали возвращения его родителя, который должен был положить предел этому своеволию; другие, наоборот, были довольны тем, что с приездом Филарета они избавлялись от смутного и тяжкого многовластия [8].

Деятельность Филарета была обращена преимущественно на дела государственные. В самом начале правления предложил он меру простую, но весьма важную по последствиям: произвести всеобщую поземельную перепись государству. Земский Собор вполне одобрил предложение Патриарха. Когда составила перепись, правительство стало знать, с кого и сколько требовать, и доходы государственные увеличились. Помещикам определен рубаж, за который никто не мог простирать своего права; крестьяне перестали бродить с места на место и в нищенской праздности предаваться пьянству и грабежам.

Другим важным делом державного первосвятителя было учреждение патриарших приказов. В их числе: а) Приказ судный, иначе патриарший разряд, стал заведовать всею судебною частию в епархиальном управлении, где рассматривались дела о построении церквей, определение к духовным должностям (выдача настоящих грамот), жалобы на духовенство и духовных лиц между собою, преступления против веры, завещания и суд по брачным делам. б) Приказ церковных дел, наблюдавший, чтобы никто не служил без ставленных и отпускных грамот и при Богослужении соблюдалось бы благочиние. в) Казенный патриарший Приказ, с 1620 года собирал доходы с вотчин, посылал приказчиков, посельских и житничных старцев, брал пошлины за грамоты и печать Патриарха. г) Двор-

цовый Приказ под управлением дворецкого с дьяками, делал заготовления и расходы по продовольствию и постройкам патриаршего дома и двора и заведовал служащими при дворе Патриарха.

Печатание книг церковных и исправление их возобновились в Москве еще до возвращения Филарета из плена. В ноябре 1616 года царским указом поручено архимандриту Сергиевской Лавры Дионисию [9] с канонархистом старцем Арсением Глухим и священником села Клементьевского (что ныне слобода Сергиевского посада) Иваном Наседкою заняться исправлением Требника. Дионисий и его сотрудники принялись за дело, вверенное им, с живым усердием не имея достаточно пособий: кроме древних славянских рукописей, были у них четыре греческих Требника. Арсений хорошо знал славянскую грамматику и язык греческий. Такими образом увидели, что позднейшие списки Требника обезображены ошибками; особенно странно было видеть, что Требник, недавно изданный, издан был с грубыми ошибками. Исправители сделали, что могли сделать, по мере сил и убеждению своему, но в Москве огласили их еретиками. В июле 1618 года на соборе положили: “Архимандрит Дионисий писал по своему изволу. И за то архимандрита Дионисия да попа Ивана от Церкви Божией и литургии служить отлучаем, да не священствуют.” Дионисия обвинили в том, что “имя Святой Троицы велел в книгах марать и Духа Святого не исповедует, яко огонь есть.” Это означало: а) что исправители полагали сделать перемены в славословиях Святой Троицы, оканчивающих собою разные молитвы; б) в чине водосвящения исключали слово “и огнем,” как внесенное произволом невежества [10]. Напрасно Дионисий писал в защиту поправок своих. Пока происходили совещания Собора, Дионисия держали под стражею, а в дни праздничные в кандалах водили по улицам Москвы. Народ кричал: вот еретик! Хочет вывезть огонь из мира. И бросал в него чем попало. Преподобный, покрытый рубищем, был весел, как младенец. Потом в Новоспасской обители томили его в дыму на полатах и морили голодом. Арсений также посажен был в жестокое заключение. Целый год продолжались истязания Дионисия. Главными обвинителями на Соборе были Сергиева монастыря уставщик Филарет, ризничий диакон Маркелл да головщик старец Логгин. Маркелл мало известен, но весьма известны Логгин и Филарет. Головщик Логгин был прежде того справщиком книг при типографии и, следовательно, теперь стоял за личное свое дело. Все его достоинство состояло в том, что он был “громогласным певцом, но грамматику и философию книжное называл еретичеством.” “Ты мастер всему, — замечал ему не раз преподобный Дионисий, — а что поешь и говоришь, о том не рассуждаешь; вопишь великим гласом: Аврааму и семени, семени его до века.” Архимандрит ввел чтение в храме бесед Златоустого, переведенные преподобным Максимом Греком; а Логгину это “море сладости, яко лужа негодная, вменияется.” Наглость его не знала себе границ, как и невежество. Уставщик Филарет был другом Логгина. Этот был еще замечательнее. Он иночествовал в обители более 50 лет, но “от простоты ненаучения две мысли мудрования недоброго на ум его приидоша; первая убо мысль сицева, глаголаше бо, наш Иисус Христос не прежде век от Отца родися, но тогда, егда послан был Архангел Гавриил благовестити Пресвятой Деве Марии. Другая же мысль ему бе мудрование: Содетеля Бога, Непостижимого и Неописанного, Отца и Сына и Святого Духа, описана глаголаше и человекообразна суца.”

Иерусалимский Патриарх Феофан, прибыв в Москву, из любви обратил внимание на страдальцев: он предложил Патриарху Филарету облегчить положение их; Дионисий и Арсений освобождены были из темницы; Наседка успел освободиться от гонения еще прежде. Совершенное же оправдание Дионисию Филарет произнес не прежде того, как получил письменный отзыв от других патриархов. Тогда (в 1626 г.) особенною грамотою повелел он не читать более слова “и огнем” в молитве водосвящения и зачернить это сло-

во в Требнике. Таким образом волнение невежества, дышавшего расколом, было укрощено.

Исправление и печатание книг при Патриархе Филарете продолжалось непрерывно. Преподобный Дионисий и сотрудники его указали много ошибок в разных церковных книгах. Согласно с волею Патриарха особенно тщательно пересмотрены были Требник и Служебник. Но так как волнения поднятые невежеством, волновавшегося из-за одного слова, показывали, что весьма нужна осторожность в деле исправления, да и сам Патриарх Филарет стремился более всего охранить русское от иноземного, от латинства, то в исправлении книг при нем следовали преимущественно также славянским спискам. В 1633 году окружную грамотою он потребовал отобрать по всем местам и прислать в Москву для предания огню устав, напечатанный справщиком Логгином [11].

В то же время обращено особенное внимание на распространение христианства между сибирскими народами. Еще когда при царе Грозном покорена была Сибирь, в ней стали селиться по местам русские; в 1603 году уже крестились некоторые из начальников чучковских вогуличей. В 1620 году по ревностной заботливости Патриарха Филарета положено было для успехов веры назначить архипастыря в Тобольск; архиепископом поставлен Киприан, игумен Хутынский, уже известный ревностию к отеческой вере. Благочестивый царь Михаил снабдил Сибирского архиепископа пособиями для жизни. Ревностный архипастырь воплощал надежды царя и Патриарха, крестил многих неверных в святую веру; а чтобы и жизнь христиан не была соблазном для слабых в вере, он старался врачевать то падение нравов, какое видно было в русских поселенцах того края. Это стоило ему многих трудов и огорчений. Для успехов веры и благочестия построил он несколько монастырей в разных местах своей епархии [12].

Заботы первосвященника обращались и на бедственную, отдаленную Иверию. Персидский шах Аббас, пользуясь бедствиями России, опустошил Грузию. Кахетинский царь Теймураз I в 1619 году писал к царю Михаилу: “Лучше бы у матери моей утроба пересохла и я бы не родился, нежели видеть, что православная христианская вера и земля Иверская на моих глазах разорены; в церквах имя Божие не славится, и они стоят все пусты.” Теймураз умолял подать помощь Грузии. На Соборе духовенства и земских лиц Кахетия, Карталиния и Имеретия приняты были в подданство русского царя. Россия спешила подать возможную помощь бедствующей Церкви и государству Грузии. В 1637 году при посольстве к Теймуразу отправились “для рассмотра и исправления христианской веры” Ипатский архимандрит, два священника с диаконом, два иконописца и столяр с материалами.”

Желая поддержать мирные сношения с Россиею, разоритель Грузии, шах Аббас прислал в 1625 году посольство в Москву с дарами для великих государей. Патриарху поднесена была риза Господня в драгоценном золотом ковчеге, похищенная персиянами из Мцхетского собора [13]. В этом случае Патриарх и святители поступили весьма осмотрительно. Они рассудили, что о ризе Господней нет письменных свидетельств, а положиться на отзыв магометан невозможно: остается одно — молить Бога об открытии истины. Назначен был недельный пост с молитвою. После того в крестопоклонное воскресенье Великого поста первосвященитель, совершив всенощное бдение, повелел возлагать принесенную из Персии святыню на недужных, как древле равноапостольная царица Елена полагала найденные ею кресты на мертвеца. И как тогда истинный крест Христов узнали по силе, воскресившей мертвеца, так и теперь получено было удостоверение свыше о ризе Господней: больные разными болезнями по возложении на них святыни получали исцеления. В честь перенесения ризы Господней в Москву учреждено празднество в 10-й день июля и составлена служба [14].

После 14-летнего правления Патриарх Филарет преставился в старости доброй 1 октября 1633 года и погребен при всеобщем плаче в первопрестольном Успенском соборе. Знаменитый боярин в Думе и на поле ратном при сроднике его царе Феодоре, гонимый и насильно постриженный при Годунове, митрополит Ростовский при первом самозванце, страдалец за веру и правду в 10-летнем плене польском, наконец, Патриарх и соправитель державному своему сыну Филарет Никитич Романов занимает видное место между великими людьми Русской земли, как незыблемый столп Церкви и отечества в самое трудное и опасное время. Он любил просвещение: возвратясь из плена, он принес с собою с юго-запада сознание необходимости просвещения для веры. В Чудове монастыре заведена была при нем патриаршая греко-латинская школа, первым учителем в ней был тот самый Арсений, который страдал пред тем за ревность свою в исправлении Требника; в 1633 году школа уже подавала иностранцу-путешественнику Олеарию надежды на лучшую будущность. А в следующем году напечатали для нее при букваре несколько грамматических правил. Под надзором Патриарха Филарета составлена и исправлена его рукою “По-весть о бывших после царя Бориса замешательствах” [15].

Папизм на севере наделал много зла, а на юге мнимое сближение с ним греческого православия (уния) раздирало Русь и топило ее в потоках собственной ее крови. В такое время недивно слышать отзыв православия о папизме не слишком мягкий. Патриарх Филарет на Соборе 1620 года положил перекрещивать обращающихся из латинства к Православию: постановление, неправое пред учением церковным, но извиняемое ужасами времени [16]. В том же духе горьких недостойнств папизма осуждены были сочинения Кирилла Транквиллиона и рассмотрен катехизис Лаврентия Зизания [17].

Хотя лютеранство представлялось менее опасным, нежели папизм, но постановление о перекрещивании римских христиан отнесено было и к лютеранам. Царь строго предписал, чтобы, как в Москве, так и в других городах, православные, находившиеся в услужении у иностранцев, оставили и дома их и впредь не поступали бы к ним для работ и служб.

Преемником Филарета на первосвятительской кафедре был архиепископ Псковский Иоасаф, “по изволению царя и по благословию Патриарха Филарета.” Современные хронографы говорят, что “нравом и жизнью он был добродетелен, но к царю не дерзновенен,” т. е. не пользовался таким значением в делах государственных, какое по праву принадлежало великому предместнику его, отцу государя. Печатание Богослужбных книг продолжалось и при новом Патриархе: Иоасаф сперва позволил издать Требник, Устав и Служебник Филарета без перемен; но потом счел необходимым исправить в них очень многое. Главное исправление состояло в пополнении чинов молитвами и действиями, частью — же в отмене некоторых действий [18]. В других книгах, например в Октоихе, желали исправлять ошибки писцов поверкою, но по спискам славянским или же только одним своим рассуждением. Особенно же усердно продолжали печатать еще не напечатанные службы. Для улучшения книг собирали славянские списки в Москву из монастырей; но точно так же, как при Патриархе Филарете, глубоко чувствовали и сознавали, что в исправленных книгах остается много разных погрешностей.

По кончине Патриарха Иоасафа I на престол патриарший возведен был по избранию жребием Симоновский архимандрит, старец Иосиф (27 марта 1643 года).

Вскоре после того (12 июля 1645 года) скончался царь Михаил, добродушный первоначальник державного рода Романовых на престоле русском. Пред кончиною, находясь в полном сознании, он велел призвать царицу, сына Алексея Михайловича с дядькою его Борисом Ивановичем Морозовым и Патриарха; простился с женою, благословил сына на царство, причем сказал Морозову: “Тебе, боярину нашему, приказываю сына и со слезами

говорю: как нам ты служил и работал с великим веселием и радостью, оставя дом, имение и покой, пекся о его здоровье и научении страху Божию и всякой премудрости, жил в нашем доме безотступно в терпении и беспокойстве тридцать лет и соблюл его как зеницу ока: так и теперь служи.”

Снова увидели люди русские венец Мономаха на главе шестнадцатилетнего отрока [19]. Но еще не знали они, что юному царю Алексею Промысл Божий предназначил расширить пределы государства, стесненные при отце его [20].

30. Угодники Божии 17-го века. Упадок просвещения.

Обратим благоговейный взор на подвиги угодников Божиих, современных царствованию первого самодержца из благословенного рода Романовых. Начнем с великого поборника веры и отчины, преподобного Дионисия, архимандрита Сергиевой Лавры. Освобожденный от истязаний, которым подвергнут был за исправление Требника, он имел утешение принять в обители своей Патриарха Иерусалимского, своего защитника от несправедливого гонения. Первосвятитель Феофан возложил на страдальца правды свой клобук, положив его прежде к ногам преподобного Сергия и совершив молитву к угоднику Божию. И всему братству Лавры со слезами радости изъявил Патриарх одобрение за его подвиги: “Прежде слышали все церкви восточные скорбь вашу и труд, понесенные вами за Христа от гонителей правой веры, а ныне очи мои видели все, за что пострадали вы; и ненапрасно, потому что многим послужило это ко спасению.”

Особенно Патриарх изъявил желание видеть тех иноков обители, которые во время беды ратной дерзнули возложить на себя броню и с оружием в руках ратовать против врагов. Преподобный Дионисий принял было требование Патриарха с недоумением, но подвижники добровольно вызвались: “Яви нас, отче, владыке нашему; буди все по воле его.”

И представлено было Патриарху более двадцати иноков, “в них же первый был именем Афанасий Ощерин, зело стар сый и весь уже пожелтел в седилах.” Патриарх спросил его: “Ты ли ходил на войну и начальствовал над ратью мученической?” Афанасий ответил: “Ей, владыко святой, понужден был слезами кровными.” Патриарх спросил еще: “Что тебе свойственнее — иночество ли в молитвах тайно или подвиг перед всеми людьми?” Афанасий, поклонясь, ответил: “Всякая вещь и дело, владыко святой, в свое время познается: у вас, святой отец, от Господа Бога власть в руках разрешать и связовать. Что творю и сотворил — то сделано по долгу послушания,” и, обнажив голову, поклонился ему и сказал: “Известно тебе да будет, владыко мой, вот подпись латынян на главе моей от оружия; а еще и в лядвиях моих находится шесть памятей свинцовых; сидя же в келии в молитвах, как можно найти было добровольно таких будильников к воздыханию и стенанию? Все это не по нашему изволению, но по воле пославших нас на службу Божию.”

Патриарх, без сомнения, удовлетворенный сознанием, что над воинственным одушевлением защитников Лавры господствовал дух иноческого благочестия, смирения и простоты, благословил Афанасия, целовал его с любовию и прочих его сподвижников отпустил с похвалою.

Преподобный Дионисий ввел в обители чтение бесед святого Златоуста по переводу, сделанному Максимом и Силуаном, также бесед Григория Богослова и рассылал их списки по монастырям. “Келья не имеет устава,” — говорил Дионисий; в келье по своей горячей любви к Богу он почти все время проводил в молитве, в чтении слова Божия и пи-

саний святых Отцов. Спать ложился за три часа до благовеста к заутрене: когда приходил к нему пономарь со свечою, он в малой мантии полагал 300 поклонов земных; потом, разбудив келейников, шел в церковь. Он строго соблюдал церковный устав, не позволяя ничего убавлять против него. Сам читал и пел на клиросе. Признательный к благотворителям обители, он требовал, чтобы читались синодики на проскомидии. В каждую утреню обходил он церковь и осматривал, все ли в храме; выходил с братиею и на работы монастырские. У него были и живописцы, и иконописцы, и мастера золотых и серебряных дел. Он усердно заботился о храмах не только Лавры, но и сел монастырских, где построено им несколько новых храмов, особенно после разгрома польского. Все, что получал он для себя от благотворителей, употреблял не на себя.

Из числа учеников преподобного Дионисия особенно известен блаженный Дорофей, по прозванию Трудник [1]. Келарь Симон Азарьин пишет о нем: “Он был так тверд в благочестии, что никогда не оставлял церковного Богослужения, исправлял должность пономаря в церкви чудотворца Никона и вместе с тем был канонархистом и книгохранителем. В келье выполнял он правило необыкновенное: ежедневно читал псалтирь и клал до 1000 поклонов, притом же писал книги. Спал он очень мало и никогда не ложился для сна. Пищею его служил кусок хлеба и ложка толочна и притом не каждый день; только по убеждению архимандрита стал он есть хлеб с квасом. По известию священника Ивана Наседки Дорофей, усердно трудившийся для раненых и больных, много терпел неприятностей и по особенностям своей жизни. Следившие за жизнью его замечали, что не едал он по три и по четыре дня, а иногда и целую неделю. Иные говорили о нем, что он — святой человек; другие же, видя его валяющимся у стены или у печки, смеялись над ним, как над глупцом. “Раз и я, — говорил Наседка, — смеялся над ним вместе с другими. Дионисий, заметив это, строго посмотрел на меня. Спустя 10 лет в духовной беседе в Москве напомнил я Дионисию о замечании его относительно Дорофея; авва сказал: “Не спрашивай иноков о делах иноческих. Для нас беда открывать мирянам наши тайны.” Я, грешный, просил объяснить мне это. “Вы, миряне, — сказал он, — если услышите худое о чернецах, осуждаете их на грех себе; а если услышите доброе, не стараетесь подражать тому, а только хвалите; из вашей похвалы выходит опасное искушение для нас: рождается гордость.” На вопрос о значении строгого взгляда его, он отвечал: “Вы смеялись над человеком святым оттого, что жил он не по-вашему. Мне известно, что не едал он по неделе, по 10 дней капли воды не бывало у него во рту; ходил босой, нагой, голодный, с неумытыми руками и лицом. Он мучился блудными помыслами и потому-то томил себя голодом и жаждою.”

После опустошений польских в селах Лавры храмы были сожжены или ограблены. Преподобный архимандрит построил несколько церквей сельских, из которых иные еще доселе целы. Ревностный о благолепии дома Божия он имел в запасе всякую церковную утварь и, когда являлись просители, с любовью выдавал нужное для той или другой церкви.

Проведя жизнь в высоких подвигах любви к Богу и к ближнему, авва Дионисий мирно преставился 10 мая 1633 года, и Патриарх Филарет сам отпевал его [2].

В то же время просиял благочестием другой настоятель обширной и многолюдной обители, преподобный Иринарх, игумен Соловецкий с 1614 года. Тогда настоятель Соловецкого монастыря был лицом весьма значительным для целого северного края. На него возлагалась защита севера от шведов и датчан. Хотя со шведами заключен был тогда мир, но и на них нельзя было полагаться; а датчане, возлагая надежды на счастье шведов, потребовали от России, чтобы отдана им была вся Лапландия (земля лопарей), и приготовились поддерживать требование свое морскою войною. Царь Михаил, предоставив блаженному игумену Иринарху, кроме беспопытной продажи соли и рыбы, казенную подать с

монастырских крестьян и еще казенную долю с рыболовных промыслов на Норвежском берегу моря, предписывал привести все крепостные строения монастыря в полную боевую готовность на случай войны. Сколько забот и трудов игумену! На восточной стороне монастыря построена вторая каменная стена с двумя огромными башнями; внутри монастыря построены два корпуса для военных людей; на северной и южной стороне обители проведены глубокие рвы, выложенные камнем. В Сумском и Кемском острогах сделаны новые укрепления. В них и в обители число военных людей увеличено до 1040 человек на содержании монастыря. Датчане в 1632 году на четырех военных кораблях появились у Карельского острова, ограбили некоторых русских промышленников, но ни на что более не отважились и возвратились. При таких заботах об ограждении обители от внешних бед преподобный Иринарх, как сам был примером духовной жизни, так и ревновал возбуждать и поддерживать в братии заботу о жизни духовной. Эта ревность заставила его просить великих государей — царя и родителя его Патриарха, — дабы словом власти напомнили забывчивым инокам об их обязанностях. Во все время правления своего преподобный Иринарх отличался снисходительною кротостью в отношении к другим и строгостью к себе. Проведя последние два года свои без дел начальственных, в подвигах безмолвной молитвы, он преставился 17 июля 1628 года [3].

При настоятельстве преподобного Иринарха подвизался в Соловецком монастыре преподобный Диодор Юрьегорский, постриженный в иночество еще игуменом Антонием, который поручил его в надзор духовному иноку иеромонаху Иосифу Новгородцу.

Похоронив отца своего, скончавшегося иноком на Соловках, Диодор пожелал видеть Соловецких отшельников, подвизавшихся на пустых островах. Он ушел на пустынный остров, не взяв с собою ни пищи, ни питья; ходя 40 суток по острову, он изнемог до крайности; некоторые из братии нашли его лежавшим под деревом и едва живым; они принесли его на монастырское подворье и призвали духовника. После исповеди, укрепившись пищею, ревнитель отшельнической жизни поселился на пустынном острове при двух найденных им отшельниках. Отсюда ходил он беседовать и с другими отшельниками, каковы были: старец Ефрем, Никифор-белец, Алексей, Иоасаф, Тихон-москвич, Федор-рязанец, Порфирий, Трифон, Иоасаф, Севастиан и другие. Пустынный Тихон по настоятельной просьбе его рассказал о себе, как он ушел из Алексина во время первого самозванца, оставив все свое и переплыв на утлой лодке море; Никифор, встреченный безо всякой одежды, поспешил скрыться и только сказал: “Посещай подвижников, Диодор, чтоб и самому иметь от Бога утешение.” Диодор усердно посещал пустынников, доставляя им необходимое для жизни. Впоследствии братия обители стала роптать на то и говорить, что хлеб обители тратится на тех, кто не трудится для обители. Особенно же когда ушел в отшельничество больничный келарь Кирик, лучше которого никто не ходил за больными, братия сильно возмутилась, и игумен Иринарх вынужден был принять меры против страсти к отшельничеству. Он послал братию, стрельцов и рабочих на острова с тем, чтобы они возвратили отшельников в монастырь; тогда и Диодор вместе с другими заключен был в оковы в больнице, и к нему приставлена была стража. Спустя три месяца он снова ушел на остров и прожил там полгода. Брат его, живший также в Соловецком монастыре, отыскал его, но в самом жалком положении — расслабевшим от борьбы с нечистыми духами. Диодор решил теперь расстаться с Соловками и удалиться на Онегу. Недалеко от Кеноозера в пустынном лесу избрал он себе место для пребывания и начал подвизаться. Но соседние жители вынудили его уйти оттуда. Ему понравилась Юрьева гора, над Водло озером в 25 верстах от Олонца к северу; здесь водрузил он крест, поставил келью и начал подвизаться в молитве; сюда вскоре пришел к нему пустынный Прохор, и они 7 лет провели отшельниками. После того Диодор решил основать здесь обитель Святой

Троицы и отправился в Москву; при посредстве келаря Сергиевой Лавры Александра [4] получив доступ к великой старице Марфе Ивановне (матери царской), он получил от нее разную утварь и 200 рублей денег; царь Михаил дал старцу грамоту; от других благотворителей получено им 300 рублей. Так построены были храм и обитель. Скоро собралось довольно число братьев и построен был еще храм Богородицы с приделом в честь Соловецких чудотворцев. Хлебопашества своего еще не было у обители, а место было вдали от поселений. Поэтому случилась нужда в хлебе. Поднялся ропот на старца. “Деньги, — говорили, — истратили на храм, а питаться нам нечем.” Потерпите, отвечал старец, и сам стал на молитву. Ему явился светлый старец. “Кто ты?” — спросил Диодор. “Я Александр Ошевенский, — сказал явившийся, — не скорби, а утверждай братию; пропитал же Господь народ израильский в пустыне, а вас немного; будет время, что здесь соберется множество иноков, теперь же скажи братии, чтобы ловили рыбу в озере.” Старец не с первого раза поверил явившемуся, опасаясь обольщения; три раза явился ему небожитель, и только тогда, когда явившийся произнес молитву Господню, Диодор выслушал его доверчиво. Братия столько наловила рыбы, что, оставив себе нужное, продали остальное за 60 рублей и купили хлеба. В другой раз избавились от голода тем, что нечаянно нашли в лесу черную куницу и продали ее за 8 рублей. В монастырь прислан был от Патриарха Филарета инок Феодосий для усмирения, человек беспокойный. Раз так озлобился он на старца, наставлявшего его добру, что хотел убить его. Он завел преподобного в лес под каким-то предлогом и жестоко избил его до того, что бросил под деревом, считая умершим. Когда старец, придя в себя, добрал кое-как до кельи, Феодосий испугался и бросился в ноги настоятелю, прося простить его. “Бог да простит тебя, чадо, это — не твое дело, а дело врага,” — отвечал незлобный старец и не сказал тогда никому о случившемся. Феодосий и после того не переменился. Он начал возмущать братию против настоятеля и уговорил некоторых удалиться из обители. 17 человек убежали с Феодосием, похитив что только могли из собственности монастырской. Диодор благодарил Бога, что избавил обитель от смут и тревог. Много и других скорбей пришлось испытать блаженному Диодору; но он все переносил терпеливо. Большая часть времени его проходила в уединенной молитве. Приблизился и конец жизни его. Собираясь ехать в Каргополь по нуждам обители, старец собрал братию и убеждал проводить жизнь иноческую и не слушаться людей, подобных Феодосию; а старцу Прохору сказал: “Уже нам с тобой здесь не видаться; если Богу угодно, увидимся в Будущем Веке.” И точно, прибыв в Каргополь, он заболел, приобщился Святых Тайн и мирно скончался 27 ноября 1633 года. Он погребен был там под церковью; но собеседник его Прохор спустя два года перевез нетленное тело его в обитель, где оно было похоронено на южной стороне храма Святой Троицы. После преподобного Диодора осталось духовное завещание, в котором строго заповедал он братии отнюдь не держать в обители ничего хмельного [5].

В XVII веке немало являлось людей с именем юродивых. Патриарх Иоасаф I в 1636 году писал: “Иные ходят в образе пустынноическом, и в одеждах черных, и веригах, растрепав волосы, но не для Господа и не в Господе” [6]. И позднее Собор 1667 года осуждал таких же людей: “Иже мнятся благоговейни быти, но суть же таковы, живут посреди градов и сел в образе отшельника и затворника, волосаты и в монашеской свитце, иные же и в железах скованы, такожде наги и босы ходят по городам и селам в мире, тщеславия ради, да восприимут славу от людей и да почитают их за святых, ко прелести простым и невеждам” [7]. Не таков был блаженный Прокопий Вятский. Взяв на себя иго юродства для одного Христа, для Христа он нес его до смерти: до смерти терпел скорби самолюбия, язвимого то насмешками, то бранью, то холодностию людей, до смерти заставлял страдать

плоть свою и от недостатка пищи, и от перемен погоды. Он блаженно почил 21 декабря 1627 года [8].

В пределах Тотемских подвизался преподобный Вассиан. В мирском быту он был портным, жил в браке и имел двух сыновей. Потом в Тотемской обители приняв монашество, года два провел в подвигах послушания под настоятельством настоятеля Ферапонта. Ревнуя же о высшем совершенстве, по благословению игумена поселился в 50 верстах от Тотьмы, на реке Тиксне, при храме Святого Николая. Сперва жил он здесь на паперти храма, потом упросил причт и окрестных жителей уступить ему место в 20 сажнях от храма для хижины. Ему поставили келью, и он начал уединенно подвизаться в посте и молитве. Это было в 1594 году. Он приходил в храм на каждую службу, а в келье совершал иноческое правило. По благословению наставника своего Ферапонта возложил он на тело свое вериги: на плечи — цепь, на чресла — железный обруч, а на голову под куколем надел железную шапку. В таком одеянии подвизался он 13 лет. Он не пускал никого к себе в келью, кроме духовного отца, и питался подаянием, которое принимал в оконце кельи. Так подвизался раб Божий в строгом затворе, очищая дух страданиями грешной плоти для жизни небесной. Уразумев близкую кончину свою, преподобный Вассиан призвал духовника, исповедался, приобщился Святых Тайн и тихо предал дух свой Богу 12 сентября 1624 года. Только при погребении узнали, какими тяжестями смирял он тело свое [9].

Другой подвижник того же времени, Симеон Верхотурский, или Меркушинский, был родом из дворян, но, скрывая знатность свою в смирении христианском, вел жизнь бедняка. Переходя из деревни в деревню, шил он платье преимущественно для бедных; кончив работу, уходил из дома рано поутру, когда все спали, чтобы избежать не только денежной платы, но и слова благодарности за работу. Он доволен был и тем, что давали пищу и кров. Чаще всего проживал он в погосте Меркушах, в 50 верстах от Верхотурья, где была пристань для судов, плававших по реке Туре. Он любил в тиши уединения наслаждаться красотами природы и прославлять Творца ее. Когда не было работы, брал он уду, садился на берегу реки и доставал оттуда лишь нужное для одного дня. Еще поныне цела ель на утесистом берегу реки Туры, где полюбил сидеть блаженный, занимаясь ловлею рыбы. Вогуличи и другие инородцы края тогда были новыми христианами; блаженный Симеон вступал с ними в разговоры и учил христианскому благочестию. Располагая к себе бедных своею услужливостию, он находил сердца их открытыми для принятия наставлений его и усердно сеял в простых душах правила страха Божия. Никогда не оставлял он посещать Богослужение храма, и особенно храма Меркушевского. Чистая жизнь его служила примером для других; а этот пример особенно нужен был и благотворен для края еще дикого, недавно увидавшего свет христианский. Блаженный Симеон, страдавший грыжею, скончался нестарым, около 35 лет, в 1642 году и погребен был при церкви Архистратига Михаила [10].

Земледелец из отчины Волоколамского Иосифова монастыря Симеон, принявший иночество с именем Симона в Пинегской Макариевой обители, в 1613 году поселился в 80 верстах (к юго-западу) от Устюга, на реке Кичменге в лесу Воломском. Здесь он пять лет прожил один, неизвестный людьми; питался овощами, которые сам сажал, а иногда выпрашивал хлеба в каком-либо селении. Когда понемногу стали являться к нему ревнители благочестия, он построил по грамоте царя Михаила и по благословению Ростовского митрополита Варлаама храм в честь Воздвижения Креста Господня и в 1620 году посвящен был в сан игумена своей обители. Строгий подвижник, служивший для других примером трудолюбия, простоты сердечной, поста и молитв, 12 июля 1641 года злодейски умерщвлен был в своей обители. Подвижник рубил лес, когда подошли к нему три крестьянина и стали требовать, чтобы он отдал им царскую грамоту на землю обители. Они навалили на

него колоду и грозили смертью; преподобный едва упросил отпустить его в обитель за грамотою. Монастырские люди бросились искать злодеев, но те скрылись. Когда приблизился праздник блаженного Прокопия Устюжского, народ пошел на поклонение святому, и большая часть братии Симоновой пустыни отправилась также в Устюг. Злодеи, узнав о том, воспользовались благоприятным для них временем. Ночью, найдя преподобного Симона одного в пустыни, стали терзать его пытками, требуя царской грамоты; потом послали его в церковь искать грамоту. Преподобный со слезами молился Богоматери, причастился Святых Тайн и затем сказал: “Теперь делайте со мною, что хотите.” Злодеи осыпали его ругательствами и побоями, потом отсекли ему голову и бросили тело близ кельи [11].

Читатель, без сомнения, заметил, что число подвижников, угодивших Богу в первой половине XVII столетия, весьма невелико. Мы не видим здесь ни тех великих святителей-чудотворцев, ни тех дивных основателей обителей иноческих, какие просияли в предыдущих веках. Упадок истинного искренно-благочестивого монашества был очевиден в пределах Московского государства. Вместе с ним постепенно развивалось и другое зло — упадок просвещения, начинавшийся еще прежде. В страшном перевороте междуцарствия, нашествия ляхов исчезли последние остатки школ; в разоренных храмах и обителях Богослужбные книги, истребленные пожарами, заменены новыми рукописями — работами полуграмотных писцов со множеством грубых ошибок, или вновь напечатанными без надлежащей проверки и исправления. А между тем слепая привязанность к букве и обряду возрастает по мере возрастания невежества. Мы видели, какую бурю гонения воздвигло одно слово, невежественно внесенное в Требник и исключенное из него преподобным Дионисием. Чего же можно ожидать от других изуверов, подобных уставщику Филарету и громогласному певцу Логгину, когда будет предпринято полное исправление Богослужбных книг? Ответ на этот вопрос последует вскоре — во время первосвятительства великого Никона.

31. Пагубные последствия унии.

Восстановление православной иерархии.

Между тем, как Московское, или, лучше сказать, — севернорусское, государство начало успокаиваться после бедствий и кровопролития Смутного времени под скипетром первого самодержца из дома Романовых, православный народ южной Руси претерпевал тяжкие страдания за веру отеческую. Насильственное введение унии сопровождалось мучительством и страшными гонениями, о которых мы говорили уже прежде. Дикий фанатизм короля Сигизмунда и иезуитов не уступал в свирепости языческим гонителям христианства. В Малороссию введены были войска, и начались преследования вооруженною рукою. Полилась кровь. Гетман Наливайко, пламенный защитник прародительской веры [1], защищал родину, счастливо разбил ляхов и старался возвратить слабых духовно к долгу их по вере и в жизни. В 1597 году войсковые депутаты отправлялись по обыкновению на главный сейм. Наливайко вместе с ними явился засвидетельствовать верность королю. Но всех депутатов в первую же ночь схватили и бросили в подземную темницу; здесь, ни днем ни ночью не давая отдыха гетману, сторожа будили его обухом секиры, а на третий день он и депутаты выведены были на площадь, посажены в медного быка и сожжены медленным огнем. Однако и этим злодейством, нарушавшим все права политики и сове-

сти, рассудка и чести, не удовольствовались. Польские солдаты с обнаженными саблями принуждали в храмах народ преклонять колена и ударять себя в грудь по обычаю римскому и читать Символ Веры о Святом Духе не по православному. Храмы насилем отнимали и объявляли униатскими. Духовенство латинское переезжало от храма к храму в повозках, в которые впрягали до 20 и более человек, вместо скотов. Те храмы, где прихожан никаким насилем не могли вынудить к унии, отданы были в аренду жидам; ключи от храмов и колоколень перешли в жидовскую корчму.

На сейме в Варшаве один депутат (Волинский) говорил: “В войне турецкой много ратных людей потребуется от народа русского греческой веры — того народа, который если не будет удовлетворен в своих нуждах и просьбах, то может ли поставить грудь свою оплотом державы вашей? Как может он стараться о доставлении отечеству вечного мира, когда дома не имеет внутреннего спокойствия? Каждый видит ясно, какие великие притеснения терпит этот древний русский народ относительно своей веры. Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях нет монахов — там скот запирают; дети без крещения умирают; тела умерших без церковного обряда из городов, как падаль, вывозят; мужья с женами живут без брачного благословения; народ умирает без исповеди, без приобщения. Неужели это не самому Богу обида, и неужели Бог не будет за это мстителем? Не говоря о других городах, скажу, что во Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; нельзя мертвое тело погребать, нельзя к больному с Тайнами Христовыми открыто идти. В Вильне, когда хотят погребсти тело благочестивого русского, то должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечистоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьмы сажают” [2].

Более двадцати лет (считая от низложения на Брестском Соборе 1596 года увлеченного в унию митрополита Михаила Рагозы) кафедра православных первосвятителей Киевских оставалась праздною; не подчинившихся унии епископов оставалось только двое: Гедеон Львовский († 1607) и Михаил Перемышльский († 1612). Епископы, увлеченные в соединение с Римом, заняли престолы святителей православных и употребляли все средства, не стыдясь даже и самых преступных, для умножения своего стада. Между ними особенно отличался бесчеловечною жестокостью Полоцкий униатский епископ Иосафат Кунцевич. Он запечатал православные храмы по всей Белоруссии и открыто требовал выгнать православных вон из государства; мучил народ следствиями и судами, домогаясь одного — перехода в унию; издевался над совестью и над самыми мертвецами [3]. В ноябре 1623 года Кунцевич был умерщвлен жителями Витебска, в котором он запечатал храмы, и где надругался над святынею и над клиром, сохранявшим верность отеческой вере [4]. Смерть одного мучителя дала повод другим к усилению мучительства.

Но Церковь Православная, утвержденная на незыблемом основании, на самом Христе Спасителе, и Его Единого признающая своим главою и верховным Пастырем пастырей, пребывала неодолимою, несмотря на отпадение многих чад своих, увлекаемых лестию или отторгаемых насилем [5].

Слабыми в вере оказались некоторые из дворянства, прельщаемые богатством и почестями. В числе их находился и сын святопамятного князя Константина [6], последний князь Острожский — Иоанн (Януш), принявший латинство из опасения лишиться своих богатых владений [7]. Самою чувствительною потерю для Православной Церкви было отступничество князя Иеремии Вишневецкого, владельца неизмеримых пространств и неисчислимых поселений в южнорусском крае.

Главными опорами Православной Церкви в это тяжкое время были казачество и школы, учрежденные братствами.

Непоколебимая твердость в вере казацкого войска удерживала иногда порывы фанатизма папистов. Шляхта ненавидела казаков, но короли дорожили ими, понимая значение войска Запорожского в деле обороны королевской власти от непокорных и мятежных панов, а потому опасались слишком раздражать казаков гонениями на Православие. Так особенно при воинственном гетмане Петре Сагайдачном польское правительство не нарушало прав казацких, и уния в Малороссии утихла. Даже на Волыни, в Червонной Руси и в Литве при жизни Сагайдачного, всегда готового извлечь меч на защиту веры, гонения ослабели. По смерти его они возобновились с прежнею силою.

Мы имели уже случай говорить о церковных братствах и основанных ими школах. В начале XVII века они усугубили ревность свою на защиту веры; явились и учителя, достойные Православия. Одним из самых достойных представителей Православия был Леонтий Карпович, воспитанник Острожских школ, строитель и первый архимандрит виленского Духова монастыря, с 1616 года епископ Владимирский и Брестский. Он еще тогда, когда был иеродиакон Печерской Лавры в 1608 году, написал обличение на унию: он описал унию, как очевидец Брестского сейма 1595 года, и пером, достойным событий. В звании архимандрита виленского братства Леонтий в 1615 году произнес две проповеди: одну — на Преображение Господне, другую — на Успение Богоматери. Эти проповеди — образец сердечного красноречия, плод глубокого знания слова Божия — искусства, достойного церковной кафедры; современники не напрасно называли сего страдальца за веру “подобным Златоусту в витийстве.”

Мелентий Смотрицкий, преемник Леонтия в управлении виленскою обителью и воспитанник того же Острожского училища, сперва был самым ревностным защитником Православия, но отягченный злым гонением латинян и униатов, имел слабость (1627г.) перейти на сторону унии; по мнению некоторых современников, он раскаялся пред смертью († 1633).

В том же Острожском училище написано было весьма дельное сочинение об унии — Апокризис, или ответ на Ипатиево описание Брестского Собора [8]. К числу училищ южной Руси в 1615 году присоединилось еще одно, которому суждено было стать во главе всех прочих. Жена Стефана Лозки, маршалка Мозырского повета, Анна Гулевичевна Лозкина по наследственной набожности и из любви к русскому народу с согласия своего мужа отдала киевский дом и двор свой в пользу общественную, а именно на устройство там монастыря, школы для детей всякого сословия и гостиницы для духовных странников “греко-восточного исповедания,” а чтобы ее “фундация” пришла в действие, она немедленно ввела туда священника Исаию Копинского с несколькими монахами и светскими лицами и завела там школу; это распоряжение свое она утвердила на суде записью в 1615 году, 14 октября. С этой записи и начинается положительная и достоверная история киевского братства [9]. “Богомысленный муж” (по выражению современников), Исаия Копинский был первым исполнителем распоряжений достопамятной основательницы киевского братства и первым его устройтелем. Вскоре явился новый попечитель киевского братства — “муж христианских добродетелей и милостынь полный,” по словам митрополита Иова Борецкого. То был питомец Острожских школ и Запорожской Сечи гетман Петр Конашевич Сагайдачный, уроженец червонорусский. После многолетних войн и походов он в 1619 году, “вспомогая православным монастырям и церквам на Украине,” построил в киевском братстве деревянную Богоявленскую церковь с приделом Благовещения.

В 1620 году среди Великого Поста в братской гостинице остановился достопамятный духовный странник — Иерусалимский Патриарх Феофан, возвращавшийся из Москвы, где он посвятил в сан патриарший государева отца Филарета Никитича. При нем находил-

ся экзарх патриаршего престола константинопольского Арсений, архимандрит Великой церкви. Тогда киевское братство около десяти месяцев было, можно сказать, средоточием киевской иерархии, куда со всех ее концов стекались обрадованные православные люди. Феофан дал киевскому братству две благословенные грамоты и признал его патриаршею ставропигией.

Пребывание Патриарха Феофана в Киеве составило эпоху в управлении южнорусской митрополии. К празднику Успения Пресвятой Богородицы (15 августа 1620 г.) съехалось, по обыкновению, множество знатнейшего духовенства, дворян и запорожских казаков со своими начальными и гетманом Петром Конашевичем Сагайдачным. Скорбя о бедственном положении сиротствующей киевской иерархии, все, и особенно казаки, стали неотступно просить Патриарха Феофана поставить им православного митрополита и епархиальных епископов. Долго не соглашался осторожный святитель; но когда ему представили сеймовые польские конституции, определявшие свободу восточного вероисповедания, и указали на примере прежних константинопольских патриархов, которые присылали в Киев ими самими избранных митрополитов, тогда Феофан склонился на общую просьбу, посвятил Иова Борецкого, игумена Михайловского монастыря, в сан митрополита и рукоположил еще десять епархиальных архипастырей.

Восстановление православной киевской иерархии встревожило униатских епископов. Тотчас по отъезде Феофана из Киева они подали донос Сигизмунду III о том, что приехавший Патриарх был никто иной, как султанский шпион и возмутитель малороссиян, что Иов Борецкий и другие посвященные Феофаном епископы суть его соумышленники, что самое посвящение их без королевского разрешения есть нарушение закона и презрение к высшей правительственной власти. Окруженный иезуитами, король забыл на этот раз, что сам он в том же году предписывал киевским гражданам принимать священного гостя с почетом, что сам он в ту пору повелевал всем украинским и польским жителям провожать его “честно, безопасно и со всяким удобством.” Без всякого исследования доноса он немедленно велел разослать универсалы, где все новопосвященные епископы объявлены были изменниками, которых следует ловить и представлять королевскому суду. Напрасно митрополит Иов посылал для оправдания себя Иосифа, епископа Владимирского: король требовал, чтобы к нему явились и все прочие. Исполнить волю королевскую значило бы подвергнуть себя крайней опасности, и потому Иов написал только свое “Оправдание невинности,” посланное им к Сигизмунду III [10].

Тогда-то ожесточенные изверги поднялись с огнем и мечом на верных чад Церкви Православной. Иезуиты и униаты, будто соревнуясь друг с другом, употребили все, что только могут внушить нетерпимость и изуверство. Описание этих ужасов до глубины волнует душу самого спокойного исследователя дел человеческих...

В это бурное время наравне с прочими и киевское училище подверглось опустошению. Братство было рассеяно; ученики и учителя умирали в истязаниях; церковь разграблена, гостиница разорена, и не остаться бы камню на камне, если бы гетман Сагайдачный со своими казаками не остановил буйства грабителей и убийц. Огорченный вероломством поляков, он отказался помогать им в войне против турок и, поднявшись со своим станом, перешел через Днестр и вступил в Малороссию. С прибытием Сагайдачного в Киев гонение на православных стало значительно утихать. Он начал отнимать вооруженною рукою церкви, занятые католиками и униатами, овладел остатками Киево-Братского монастыря и занялся возобновлением, как его, так и находившегося при нем училища. Не жалея никаких издержек, Сагайдачный дал монастырю села и восстановил школу, пожертвовав ей свое достояние. Там же покоится и прах его [11].

Митрополит Иов Борецкий (1620-1631), посвященный из игуменов Киевского Михайловского монастыря, был, по словам святого Димитрия Ростовского, “благочестив и премудр, в Божественном Писании искусен, греческий и латинский языки добре умевый и тех языков иные в школах учивый” [12]. Им в 1621 году издано “Советование о благочестии,” сочинение столь превосходное, что полностью переносит читателя во времена мужей апостольских. Вот некоторые правила его: “Возбуждать и готовить к святому мученичеству, как самих себя, вспоминая слова Христовы “пастырь добрый душу свою полагает за овцы,” так и сердца народа, и чтобы с радостью переносили расхищение и разграбление своих имуществ и терпели бы, как за вины, притеснения от властей, а также и оковы; наконец, охотно, мученически принимали бы всякую смерть ради Господа... Не должно гневаться на младших и низких степенью клириков, если они архиереям и другим начальникам напоминают что-нибудь или от чего предостерегают; напротив, позволить им это делать, помня, что и царей, и патриархов предостерегали и обличали... Если архиереи и другие настоятели с любовью допустят делать себе замечания и будут исполнять все предписанное, то отцы в сынах, а сыны в отцах пребывать будут, и таким образом последует согласие и приверженность к ним народа.”

Когда православный епископ Полоцкий Мелентий Смотрицкий после путешествия в Рим написал “Защитение путешествию по восточным землям,” в котором он не только высказал желание, дабы “Восточная Церковь соединилась с Западной,” но и написал оскорбительную клевету на Церковь Восточную и русских защитников Православия, митрополит Иов созвал Собор (в 1628 году) в Печерской Лавре. Общим приговором сочинение Мелентия признано противным истинной Церкви, а сам автор принужден был торжественно отказаться от своих мнений.

Между тем иезуиты и униаты, оспаривая законность существования киевской школы, воздвигнутой Сагайдачным без королевского разрешения, делали ей разные притеснения и обиды. Многочисленные вкладчики и покровители училища не смели продолжать своих благотворений: если бы кто даже по духовному завещанию и отказал что-нибудь в пользу церкви и училища, принимать не дозволялось.

Налоги, утеснения, гонения на Малороссию до того усилились, что, наконец, воевода киевский счел себя вынужденным принести королю и сенату жалобу о горестном состоянии народа русского, доведенного до крайности. Тогда же митрополит Иов отправил из Киева в Москву Исаакия, епископа Луцкого, с просьбою к царю и Патриарху принять Малороссию под свое покровительство. Уважая права народные и не желая поступить против чести, царь Михаил Феодорович не захотел воспользоваться этим и нарушить мир с Польшею [13]; но щедро одарил митрополита и посланника его. Малороссия опять продолжала бороться своими собственными силами. После кровавой борьбы разбитые поляки старались помириться с казаками и предложили им в гетманы коневского уроженца Тимофея Арандаренка. Митрополит Иов и новый вождь храбрых запорожцев, съехавшись в Черкассах, положили отправить к королю двух представителей с жалобою на разорения, причиняемые Украине войною. Вместе с тем Иов поручил исходатайствовать у короля привилегию на заведенную в Киеве братскую школу. В 1629 году последовала королевская грамота, которою утверждалось устройство на усадьбе, подаренной Анною Гулевичевою, братства милосердия и богадельни с тем, дабы все что “они своим иждивением ни построили бы, то на вечные времена должно остаться во власти и ведомстве, как их самих, так и их потомков.” О школе, впрочем, тут не было упомянуто ни слова; очевидно, что грамота эта писалась под редакциею ближайших советников короля — иезуитов, для которых борьба с училищами была во сто раз трудней, чем разграбление церквей, монастырей и богаделен. Но на этот раз довольно было и такой привилегии: все-таки она могла

служить хоть какою-то защитой от беспрестанных нападений заклятых противников православного училища. Наконец, на сейме после самого шумного заседания повелено и духовным, и мирянам обоих вероисповеданий сохранять мир и спокойствие, а за насилия и наезды на владения, принадлежащие православным, положен штраф в три тысячи гривен. Таким образом, при конце жизни своей митрополиту Иову привелось увидеть хотя бы малые плоды своих многолетних попечений о спокойствии угнетенного края.

Преемником святителя Иова был Исаия Копинский, воспитанник Острожских училищ, с молодых лет до гроба подвижник. Он 14 лет провел в Антониевой пещере и был ее настоятелем, потом короткое время начальствовал в Богоявленском братстве при самом учреждении училища. По просьбе старцев принимал он на себя заботы об устройении нового Густинского монастыря, по его ходатайству князь Михаил Вишневецкий обезопасил существование новой обители своими распоряжениями; а супруга его княгиня Ирина (Раина) Вишневецкая назначила, как для устроенного им Мгарского Лубенского монастыря, так и для нового Ладинского скита угоды с тем чтобы последний был женским, а игуменнею была сестра отца Исаии Александра [14]. Из игуменов Межигорского монастыря посвящен он в 1620 году Патриархом Феофаном в епископа Перемышльского. Гонение, воздвигнутое иезуитами и униатами, принудило его оставить Перемышль. В Ладинском скиту с послушником Геннадием выкопал он своими руками пещеру, построил кельи и другие принадлежности, а в Густыне и Мгаре построил и освятил храмы. Любимым местом пребывания его был Ладинский скит [15]. В звании архиепископа Смоленского и Черниговского присутствовал он на соборе, призывавшем Мелентия к раскаянию. В том же звании он подписался при исправлении Служебника, изданного в Киеве в 1629 году.

Блаженному Исаии обязана Церковь превосходным назидательным сочинением — “Духовною Лествицею.” Это сочинение издается вместе с сочинениями святого Димитрия Ростовского, но ему принадлежит разве только перевод сочинения на славянский язык [16]. Особенно важно и по содержанию и по духу послание святителя к князю Иеремии Вишневецкому, сыну благотворительницы основанных им монастырей, с увещанием возвратиться к прародительской вере: “Милостивый князь, — взывал к отступнику богомысленный старец, — сердца всех нас духовных и всего благочестивого христианства преисполнились скорбью неизреченною, когда мы увидели, что ваша княжеская милость, возжеленная утеха наша, отрекается от святой веры ваших предков и родителей. Плачет и сетует Церковь Божия, вами покинутая. Всем нам ведомо, какими страшными клятвами связала вас относительно религии родительница ваша, блаженной памяти княгиня Раина, отходя от мира сего. На чью душу падает грех, Господь ведает. Но мы знаем, что отцовская клятва сушит, а материнская искореняет. Спросил бы я всех, зачем отрекаются от древней и чистой веры? Если для мудрости мира сего, то она мудрость есть юродство пред Богом, по слову Апостола. Если для избежания заблуждений, то да ведают все, что нет и быть не может заблуждения в Православной Церкви Христовой; скорее там оно найдется, где ежегодно что-нибудь прибавляется или убавляется по изволению человеческого. Если же для почести мира сего и для корысти — то это дело постыдное и низкое, недостойное вашего славного рода” [17].

Кратковременное управление митрополиею Исаии (1631-1633) ознаменовано в юго-западной России приобретением некоторой льготы для Православия, а по отношению к Киево-братскому училищу — полным развитием многополезной деятельности Петра Могилы.

32. Митрополит Петр Могила.

Преподобные Афанасий Брестский и Иов Почаевский

Величайший благодетель киевской школы Петр Могила происходил из князей молдавских, был внуком волошского князя Иоанна и сыном молдавского князя Симеона. Он принадлежал к семейству, которое всегда славилось своею ревностью к Православию и любовью к благолепию храмов Божиих. В киевском каталоге митрополитов сказано, что Петр Могила получил воспитание в парижском университете, где выслушал полный курс словесных наук и богословия; другие же пишут, что он обучался во львовской школе. Не утверждая ни того, ни другого мнения, мы видим только, что Могила вполне был знаком с европейским образованием; он лучше всех усмотрел то, чего тогда недоставало нашему отечественному просвещению. В молодости он находился на военной службе и отличился в рядах польских войск под Хотинном. Неизвестно, что заставило Петра Могилу променять блестящее поприще, ожидавшее его в мирской жизни, на скромную долю инока: пути Промысла неисповедимы, и часто вопреки всем предположениям ведут они человека к цели высокой, которую с другого, противоположного, пути и не видно. Печерский архимандрит Захария Копыстинский (1624-1626) принял его в число святого братства. Здесь в общении с учеными братьями, которые единственною целью своих мирных занятий ставили поддержание Православия, он ближе мог ознакомиться с состоянием и нуждами Русской Церкви и довершить свое образование, полученное им в мире.

Обитель Киево-Печерская была тогда одною из главных опор гонимого Православия. Заведенная в ней архимандритом Елисеем Плетенецким типография издавала необходимые книги для православных церквей и возникавших училищ. Святогорские иноки — Кириан, получивший образование в Венеции и Падуе; Иосиф, протосинкелл Александрийского Патриарха, виленский проповедник Лаврентий-Зизаний Тустановский, Памва Берында и Тарасий Земка — приготовляли переводы писаний отеческих. Архимандрит Лавры Захария Копыстинский, кроме переводов, писал защищение православного учения от нападений латинян и других иноверцев [1]. Таким образом, в Киево-Печерской Лавре, несмотря на гонения врагов, все одушевлено было ревностию ко Православию; ученые иноки старались и в прочих братьях и служителях церкви возбудить усердие к православной вере и слову Божию. Потомок княжеского рода, имевший, конечно, значительные связи, отлично образованный Могила и в сане простого иеромонаха пользовался особенным влиянием на дела церковные. Он находился в близких отношениях и с митрополитом Иовом, и с архимандритом Печерской Лавры Захарией. С ними-то он думал думу крепкую о бедственном положении Церкви Православной; с благословения их он исполнил замысел, дотоле небывалый. Не столько боясь огня и меча врагов веры истинной, сколько зловерного и хитро-обольстительного их учения, Петр Могила решил воздвигнуть достойнейших им соперников. Для этой цели, выбрав несколько способных молодых людей из иноческого и светского звания, он отправил их на собственное свое иждивение за границу для усовершенствования в высших науках.

Когда архимандрит Захария скончался (в апреле 1626 г.) и братия Лавры по своим правам приступили к избранию нового настоятеля вольными голосами, нашлось много голосов в пользу иеромонаха Петра, человека, знатного родом, истинного ревнителя о благе Церкви, хотя ему едва было тридцать лет от роду, и прошло не более двух лет, как он вступил в монастырь. Правда, были и несогласные на это избрание, и обитель довольно много времени оставалась без настоятеля; но, наконец, ученые братия восторжествовали.

Патриарх Константинопольский Кирилл Лукарь, от которого зависела Лавра, как его ставропигия, утвердил избрание.

Киево-Печерская Лавра только с половины XVI столетия начала восставать из развалин. Наколько позволяли обстоятельства, настоятели ее Мелентий, Елисей и Захария заботились об улучшении наружного ее состояния. Петр Могила, будучи архимандритом Лавры и в сане митрополита в продолжение девятнадцати лет не жалел ни своих денег, ни трудов на ее устройство. Он обновил снаружи и внутри церковь Успения Божией Матери, украсил святые пещеры, восстановил упавшие церкви. При нем в первый раз издано описание житий преподобных, подвизавшихся в пещерах, или Патерик, в прославление памяти древних подвижников [2]. При нем описаны и совершившиеся при святых мощах угодников Божиих чудеса, которые, вопреки несправедливым толкам врагов Православия, не иссякали и по отпадении униатов; а вместе с тем описана и Лавра с ее пещерами [3]. Он возвратил под управление Лавры древний монастырь в Киеве, Пустынно-Николаевский, основал Голосеевскую пустынь и на свой счет завел богадельню.

Другим делом, постоянно занимавшим Петра, было учреждение высшего училища в Киеве для образования достойных защитников Православия. Училище, существовавшее в Богоявленском Братском монастыре, не достигало этой цели, потому что не давало высшего богословского образования. Между тем для желающих такого образования из униатов открыт был доступ в коллегию, основанную папою Григорием XIII для греков в Риме, где по просьбе униатского митрополита Киевского назначено было постоянное содержание на казенный счет четырех воспитанников из русских. Многие из учившихся в этой коллегии заняли потом значительные места в греко-униатской иерархии. Подобную же коллегию, или семинарию, решили основать в Минске и униатские епископы.

Петр Могила дождался возвращения из-за границы своих питомцев, а других ученых взял из львовского православного братства и назначил им пребывание в Лавре, обязавшись письменно доставлять им содержание и всякие пособия. Патриарх Константинопольский Кирилл Лукарь и управляющий митрополиею Киевскою Исаия Копинский преподали благословение на сие святое дело. Епископы Луцкий, Пинский и Хельмский, знатнейшее духовенство киевское и почетное братство лаврское письменно изъявили на то свое согласие. Как велика была ревность к святому делу в Лавре, доказывает подпись одного из числа братии ее, Антония Мужилковского, который подписался так: “Антоний Мужилковский, иеромонах и старец монастыря Печерского, притом кровь свою пролить готов.”

Однако же вскоре по прошению главных сословий: православного духовенства, войска казацкого и обывателей города Киева — Петр Могила решился соединить свое вновь заводимое училище с Богоявленским. Причиной такой перемены, с одной стороны, было опасение, что училище Богоявленское может совсем упасть, имея столь значительного соперника в училище лаврском, у которого были лучшие наставники, а с другой стороны, быть может, и желание самого Петра скорее достигнуть цели трудов своих, так как в училище братском воспитанники уже были готовы к высшему образованию, тогда как в Лавре надлежало бы еще приготавливать их. Петр Могила удержал за собою звание старшего брата в Богоявленском братстве и опекуна, смотрителя и защитника в братском училище. Таким образом, давнее желание его исполнилось: круг образования духовного был расширен и приняты в преподавании наук лучшие методы, какие только существовали тогда в иностранных училищах.

На сейме 1632 года, бывшем по смерти короля Сигизмунда и избравшем на престол польский сына его Владислава, знаменитый архимандрит Печерский был в числе депутатов от Малороссии. При усиленных стараниях его и православных его сотоварищей в пер-

вый раз после водворения унии было торжественно признано правительством существование православной митрополии и четырех епархий. Тогда же положено: 1) быть двум митрополитам, униатскому и благочестивому (т. е. православному); 2) в Полоцкой епархии быть двум епископам, и благочестивому иметь пребывание в Могилеве; 3) в епархиях Перемышльской и Львовской всегда быть благочестивым епископам; 4) Луцкую епископию уступить им же; 5) благочестивым свободно относиться к священникам и епископам, хотя бы другой епархии; 6) возвратить им несколько монастырей и храмов, отнятых униатами. Жарко спорили ляхи и униаты, не допуская внести сего в акты книги; но приуспели только в том, что исполнение его отложено было до времени. На сейме коронационном (13 февраля 1633 г.) Владислав возобновил акт, предоставлявший свободу православным, и присягнул в охранении безопасности Православия. Тогда же вся Речь Посполитая подтвердила диплом, выданный королем.

В то же время все православные, бывшие на сейме, единодушно избрали в сан митрополита Киевского Петра Могилу. Ему хорошо было известно, что иезуиты и униаты не отдадут беспрекословно то, что они уже привыкли считать своею собственностью, что с ними надо будет действовать энергично. С другой стороны, он видел, что жезл киевской иерархии в дряхлых уже руках, что старец Исаия не выдержит ожидаемого напора со стороны врагов Церкви Восточной; ставя все это на вид православным, собравшимся на сейм, он не стал отказываться от единодушного избрания, несмотря на то, что Исаия был еще жив. Петр не мог не видеть, что выглядит неблагодарным к своему ближайшему благодетелю, что дело это может лечь пятном на достославную его память, но, имея целью умиротворение страждущей Церкви и защиту ее от врагов, он решился пожертвовать своею личною безукоризненностью и принял жезл архипастырский [4].

Получив королевское утверждение и испросив благословение патриарха Цареградского, Петр Могила вызвал во Львов Валашского митрополита с епископами и принял от него посвящение (28 апреля 1633 г.). После того он снова воротился в Краков и присутствовал при коронации короля Владислава IV, последовавшей 6 февраля того же года. Во время торжеств и церемоний Могила не терял из виду своего возлюбленного учителя. Испросив себе позволение и в сане митрополита оставаться архимандритом Киево-Печерской Лавры, а также и Никольского монастыря блюстителем, Могила начал ходатайствовать о дозволении преобразовать Киево-братские Богоявленские школы в Православную Академию. Но сколь легко достиг он утверждения первой своей просьбы, столь же трудно было ему отстоять последнее требование. Особенно неприятно это было католическому и униатскому духовенству: оно ясно видело, что под заведением первоклассного училища готовится неизбежный подрыв всему тому, что воздвигали они столько лет и такими трудами. Некоторые из значительнейших чинов сейма решительно отвергли просьбу Петра Могилы, но когда Владислав IV по неотступному его ходатайству изъявил твердую свою волю о преобразовании Киево-братского училища, тогда заспорили о переименовании его в академию. Могила уже не счел нужным гнаться за именем, когда самое дело было сделано, и получил желаемую привилегию на образование “коллегии,” в которой введено было пространное преподавание философии и богословия.

Первопрестольный город Православия в России после многократного разорения монголами и литовцами, надолго оставленный своими митрополитами, во время Петра Могилы имел не более десяти или двенадцати церквей православных. Софийский кафедральный храм, или монастырь, со времени унии принадлежавший униатским митрополитам, пришел в запустение. Петр Могила, возвратив его в свое ведение, первое старание употребил на восстановление этого священного памятника благочестия Ярослава, если не в прежнем величии, то, по крайней мере, в достойном его благолепии. Не укрылись от его

благочестивой попечительности и другие памятники древней святыни. Он возобновил древний храм Спаса в Берестове, восстановил монастырь Выдубицкий, начал возобновлять и церковь Десятинную, под развалинами которой обрел священные останки святого великого князя Владимира. Такими услугами святитель Петр засвидетельствовал не только свое благочестие, но и глубокое сочувствие ко всему древнерусскому. Заботясь об удовлетворении главнейших потребностей своей паствы, Петр Могила обратил внимание и на издание церковных книг. Он требовал, чтобы никакие церковные книги не выходили вновь без сличения их с греческими, и сам трудился над их пересмотром и исправлением. Этим благовременным распоряжением он устранил от своей Церкви те смуты, какие произошли в Церкви Великороссийской из-за первых неисправных изданий, выходивших более полустолетия. Еще будучи архимандритом Лавры, Петр Могила вместе с собором малороссийских епископов занимался пересмотром Служебника. После того он трудился над приготовлением к изданию Цветной Триоди и особенно Потребника. Этот последний труд, кроме своей обширности, важен и по тем наставлениям, какие предлагаются для священнодействующего о существе и образе совершения Святых Таинств.

Особенная защита Православной веры и Богослужения обнаружена была Петром Могилою против сочинения бывшего ректора киевского училища, потом архимандрита Дубенского, Кассиана Саковича, который сперва обратился в унию, а после совсем перешел в Римскую Церковь. Этот отступник Православия издал книгу, исполненную самой злобой клеветы против своих прежних единоверцев — православных и униатов, — в которой особенно нападал на Богослужение и обряды Православной Церкви, оставшиеся и у униатов по большей части неприкосновенными, и обвинял православных в усвоении себе реформатских мнений. При таком нападении на православие ревностный архипастырь не мог оставаться безответным. Он издал опровержение на клевету Кассиана в книге под названием “Камень с пращи истинной святой Православной Церкви Русской,” скрыв свое имя под названием Евсевия Пимена, т.е. благочестивого, или православного, пастыря. С отчетливым знанием дела он опроверг хулу на православное чиноположение в совершении Таинств и обрядов Богослужения, представил несправедливость укоризн, делаемых русскому духовенству, и доказал неосновательность учения Римской Церкви о главенстве папы и об исхождении Святого Духа “и от Сына.”

В 1640 году Петр Могила пригласил епископов, архимандритов и игуменов на Собор. С 8 сентября начались заседания, и читан был Катехизис, сочиненный в Киеве. Предварительные рассуждения о спорных предметах происходили между учеными архимандритами и игуменами под председательством Самуила Шацека, ученого архимандрита Слуцкого, а соборные определения записывали разумные и очень ученые отцы Иосиф Константинович, ректор киевский, ставший потом епископом Мстиславским, и Иннокентий Гизель, ректор Гойских школ. Тогда же рассуждали и составили определение не только “о состоянии святых, но и о состоянии вообще душ умерших, о частном Суде, о чистилище, о форме Таинства евхаристии.” В этих определениях видим, что собор, с одной стороны, опровергал Римское мнение о чистилище, с другой — осуждал и крайность Реформации, которая ввела из-за вражды к Риму свое ложное учение, будто святые до будущего суда не наслаждаются блаженством, а все вообще души умерших остаются до Суда в каком-то сне, в состоянии бессознательном. Таким образом Собор старался предостерегать православных сколько от ошибок папизма, столько же от своеволий Реформации. В этом духе пересмотрено и “Исповедание веры.” Назвав его “Изложением веры руссов,” Собор отправил его на греческом языке на рассмотрение восточных пастырей. Ясский Собор 1642 года при депутатах Русской Церкви снова пересмотрел его и отправил к Патриарху. “По настоянию нашей Русской Церкви, — писал Петр Могила, — Церковь Константинопольская произне-

сла проклятие на все кальвинские, еретические артикулы веры, изданные подложно под именем святого отца Кирилла (Лукаря), Патриарха Константинопольского, на соблазн верных Божиих чад Восточной Церкви.” Это определение в мае 1662 года, защитившее честь Патриарха Кирилла, за подписью Патриарха Парфения препровождено было к Киевскому митрополиту и было подписано им самим и всеми епископами южной России. “Пусть это обратится в стыд тебе и каждому другому, несправедливо обвинявшему нас в потворстве кальвинизму и лютеранству”- говорил митрополит Могила отступнику Кассиану Саковичу. В мае 1643 года одобрено было всеми Восточными Патриархами “Изложение веры руссов” и названо “Православным исповеданием Кафолической и Восточной Церкви” [5]. Но книга осталась еще на Востоке. Митрополит два года ждал ее. В 1645 году он издал сокращение “Православного исповедания веры” об артикулах веры сперва на польском, потом на русском языке; на польском для того, как сказано в предисловии к русскому изданию, чтобы “заградить уста бесстыдным клеветникам, которые на том же языке дерзают обвинять пред светом Церковь Православно-католическую в разных ересьях.” Хотя пространное “Исповедание веры” оставалось еще 29 лет неизданным, вопреки надеждам Могилы [6], но определение границ, отделяющих Православие от папизма и Реформации, уже сделалось общеизвестным.

Забываясь непрестанно о созданной им киевской коллегии, святитель Петр дал ей личное помещение в выстроенном на его иждивение каменном доме, назначил из своего имения и из волостей лаврских несколько деревень на ее содержание и, вообще, оказывал учащим и учащимся всякого рода вспоможение. Предоставив высшее образование юношества коллегии киевской, он завел другое низшее училище в Виннице. Он приготовил своим воспитанникам руководство для упражнения в молитве и благочестивых размышлениях в книге, названной им “Анфологион, или Собрание цветов.” Посвящая сию книгу “благонравным студеом (студентам) школ киевских,” он писал юношам: “Часто приходило мне на мысль, что в сем училище не только должны быть преподаваемы высшие науки, но и особенно должно быть посеваемо в сердцах ваших, юноши, благочестие. Посему я перевел некоторые духовные размышления и решился сам в настоящее цветущее весеннее время в виде отдыха от ежедневных трудов и хлопот собрать для вашего цветущего юношеского возраста благоухающие цветы благочестивых размышлений и умиленных молитв на лугах богодухновенных церковных учений и Святого Писания и в знак моего отцовского усердия принести их в дар всему вашему содружеству, т. е. конгрегации школ киевских.”

Современники уверяют, что ревностный к вере и просвещению архипастырь, видя неустройство и безначалие Польши и встречая на всяком шагу нетерпимость и фанатизм папистов, советовал вождям казацкой рати искать себе спасения в союзе с единокровным и единоверным Московским государством. Но Петру Могиле не суждено было дожить до соединения Малой Руси с Великою: еще не достигши преклонных лет, он уже приблизился к концу своего земного поприща. Обращая взор на протекшую свою жизнь, он мог сказать: “Все, что имел я, то посвятил вместе с собою на хвалу и служение Богу.” Той же цели посвятил он и остатки своего имущества. В духовном завещании, составленном за восемь дней до кончины, он объявил первую свою наследницею киевскую коллегию, которую, как “единственный залог свой” (*unicum pignus meum*), желал упрочить и на будущие времена. Ей оставил он значительные суммы на содержание, свою библиотеку на разных языках и недвижимую собственность, для нее приобретенную; поручил ее покровительству знатнейших тогда защитников Православия и умолял их милосердием Божиим о сохранении ее навсегда, а наставников ее обязывал, чтобы они жили по данным им правилам и по смерти его в каждый четверток совершали о нем поминовение. Прочее свое

имущество Петр Могила разделил киевскому собору, Лавре, бедным монастырям и церквам, им воздвигнутым из развалин. Несколько оставшихся отчин он передал своему брату Моисею, единственному тогда потомку рода Могила.

Приснопамятный и досточтимый архипастырь преставился 31 декабря 1646 года; тело его, согласно его завещания, положено в склепе Великой церкви Киево-Печерской Лавры.

Во время первосвятительства митрополита Петра в юго-западной Руси подвизались угодники Божий: преподобный Афанасий Брестский, мученик, и преподобный Иов (по прозванию Железо), игумен Почаевский, подвижник и чудотворец.

Первый из них был сыном благородных и благочестивых родителей, получил в молодых годах своих высокое образование, так что мог учить других языкам латинскому, польскому и русскому. В 1622 году гетман литовский Лев Сапега по воле короля отдал ему на воспитание мнимого сына Марины Мнишек, шляхтича Лубу, которого иезуиты готовили на самозванство, чтобы вновь поднять смуты в России; по распоряжению Сигизмунда, отпускали на содержание дорогого человека до 6000 злотых в год; наставник жил с питомцем своим семь лет в Брестском монастыре; потом, приняв иночество в Вильне, в 1629 году из-за гонений от униатов вынужден был переходить с одного места на другое. Он жил в обителях Кутеинской, Межигорской, Дубовской, что под Пинском. В 1636 году по распоряжению канцлера Радзивилла Дубовский монастырь отдан был иезуитам и православные иноки выгнаны были из своей обители. Блаженный Афанасий пришел в Купятицкий монастырь; но и здесь не было ему покоя от папизма. В 1637 году он отправился для сбора милостыни в Белороссию и оттуда в Москву. Полный помыслов и забот о благе Православия, представив царю Михаилу Феодоровичу свою печальную судьбу, он для успехов святой веры над ее врагами советовал изобразить на военных хоругвях образ Божией Матери в кресте, по его видению [7]. По возвращении из Москвы он назначен был игуменом Симоновского монастыря в городе Бресте-Литовском. По долгу звания своего вступив в спор об именах обители, резко обличал он поклонников папы в жадности, в корысти и в злостных происках. Это навлекло на него неприятности; но митрополит Петр Могила защитил его.

Проводя житие в страхе Господнем, игумен учил тому же и братию и настойчиво внушал не слушать новых учений, рассеиваемых отступившими от восточной католической веры; особенно же в скорбях времени ожидал он помощи Божией и проводил дни и ночи в молитве. Положив себе за правило читать каждую субботу акафист Божией Матери, он с точностью выполнял свое правило; Мать Божия утешила подвижника своего. “Иди, слуга мой, — сказала она блаженному Афанасию в видении, — смело говори сенату и королю, дабы не тревожили святой православной веры. Если они не послушают тебя, то навлекут на себя Суд Божий — преданы будут во власть сильного царя и народа.” Повинуясь Матери Божией, смелый подвижник правды объявил вслух сенаторам, что ляхи должны ожидать себе кары небесной за кровавые притеснения Православию. Тогда в Варшаве находились послы православного царя. Блаженный Афанасий открыл им, что иезуиты скрывают у себя лицо, опасное для России, мнимого сына Марины Мнишек, шляхтича Лубу, бывшего у него на воспитании, а теперь уже 15 лет проживающего у иезуитов; игумен доставил послам и несколько писем Лубы, где тот называет себя царевичем. По воле царя послы потребовали, чтобы выдан им был самозванец, но паны уверяли, что Луба — бедный шляхтич, невинный ни в чем, и Польша не может выдать его для казни. Блаженный Афанасий твердо повторил сенаторам о том, что напрасно худые люди строят козни против православного царства, — себе во вред преследуют они Православие. От него требовали доказательств, что воспитанник его — не сын Марины. “Ни покойный Сапега, ни

Мнишки не признавали Лубу за царевича,” — отвечал он. Блаженный Афанасий содержался в оковах и был освобожден только тогда, когда русское посольство перестало требовать выдачи Лубы. После того в Киеве невинный страдалец докончил свой дневник, сохранившийся до нашего времени [8]. Началась кровавая борьба казаков с ляхами. От блаженного Афанасия потребовали, чтобы он признал законность унии; за несогласие же с произволами человеческими заключили его в брестскую подземную темницу и заковали по рукам и ногам в кандалы. Твердый исповедник смело объявил гнев Божий польскому правительству за оскорбление прав человечества и за защиту, оказываемую тем, кто нагло оскорблял Церковь Божию ради прихотей человеческих. Ляхи решили предать его позорной смерти. Тогда он вслух сказал: “Конечно, отступники от святой веры, надменные ложным просвещением, еще немалое время будут преследовать исповедников истины небесной; но настанет время, когда в Бресте и во всей окрестной стране процветет Православие и сияние его уже не померкнет; там, где будет лежать тело мое, козни врагов, отступников от святой веры, будут бессильны.” Святой исповедник был обезглавлен 5 сентября 1648 года [9].

Преподобный Иов, в крещении Иоанн, сын православных родителей из Покутья, прозываемых Железо, положил начало подвижнической жизни в Угорницком Спасском монастыре в Червонной Руси. Сюда поступил он в 10 лет и спустя два года был пострижен в монашество. Возрастая послушанием, чистотою и кротостью в жизни духовной, он утешал друзей благочестия жизнью своею. Здесь же в 30-летнем возрасте удостоился он против воли своей и по воле настоятеля сана священства. Известность добродетелей его разносилась по Украине. По любви к благочестию и чистой вере князь Константин Константинович Острожский, узнав о духовной жизни его, выпросил его у Угорницкого игумена для должности настоятеля Дубенской обители своей. Дубенский крестный монастырь расположен был на острове, омываемом с трех сторон рекою, близ города Дубно [10]. Благочестивый князь вызвал блаженного Иова в свою обитель, чтобы поддержать искреннее благочестие в иноках среди разлившейся порчи нравов, растлеваемых папизмом. Ревностный игумен собрал в обитель свою многочисленное братство, которое по его наставлению усердно занималось изучением писаний святых Отцов. К нему приходили многие слушать наставления его в благочестии. Строгий подвижник твердо боролся со скорбями времени и утешал других в скорбях.

По кончине приснопамятного князя Константина, при отступнике от веры отеческой, сыне его Януше, начались жестокие гонения на православных. Блаженный Иов более 20 лет управлял Дубенским монастырем, но когда увидел, что нельзя уже ему оставаться более в том крае без вреда себе и другим, удалился в Почаевскую обитель.

Успенская обитель на Почаевской горе уже славилась тогда чудесами Богоматери [11]. Приняв на себя по неотступной просьбе братии настоятельство, блаженный Иов встретил и здесь новые скорби, но уже не от папистов, а от протестанта Форлея, наследника благочестивой Анны Гойской. Форлей отнял у обители имения, пожертвованные ей Гойскою, и всячески теснил иноков, разгонял богомольцев и хотел совсем разорить монастырь. В 1623 году послал он толпу слуг в монастырь разграбить его. В исполнение воли пана ограблены были все драгоценные утвари обители, и унесен чудотворный образ Богоматери. Для Форлея и этого было мало. Он нарядил жену свою в священные одежды иерейские, дал ей в руки святой Потир и она стала произносить хулы на святую Евхаристию и на Богоматерь. Но в то же мгновение злой дух овладел богохульною женою. Страшные ее муки прекратились только тогда, когда чудотворная икона была благоговейно возвращена в монастырь.

Множество подвигов преподобного Иова, как замечает писатель жития его [12], “можно уподобить разве бесчисленному множеству звезд на тверди небесной, и они известны единому Богу, прозирающему в тайные изгибы сердец человеческих.” И преподобный Иов дела благотворительности и подвиги поста совершал в тайне, равно как и подвиги молитв в изрытой им уединенной пещере. Днем он упражнялся в разных рукоделиях и особенно любил заниматься садоводством: он собственными руками насаждал плодовые деревья, прививал их, окапывал, устраивал сад. Сам же копал озеро и обносил его плотинами [13]. С братьями обходился кротко и ласково: никто не слышал от него слова резкого. Из уст его всего чаще слышались слова: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного.” Раз, проходя чрез гумно монастырское, застал он человека, крадущего пшеницу. Вор в испуге пал к ногам игумена и умолял не объявлять о его поступке. Преподобный не только не укорил его ни одним словом, но еще сам поднял на плечи его мешок и отпустил с миром, напомнив ему только о том ответе, который должны мы дать за дела свои пред Судом Божиим.

За несколько лет до кончины преподобный Иов принял великую схиму с именем Иоанна. Большую часть времени проводил он теперь в пещере, в строгих подвигах поста и молитвы. “Если бы каменная пещера, в которой тайно подвизался преподобный, имела уста, — говорит ученик его Досифей, — она о многом поведала бы нам.” Впрочем, не оставлял он забот и об иноках обители; в 1649 году под его смотрением построен был великолепный храм Святой Троицы. В пещеру затворялся он иногда на три дня, иногда на целую неделю, чтобы проливать слезные молитвы за себя и за бедствующее православие края. Однажды во время пламенной молитвы его небесный свет осиял пещеру и отразился из глубины пещеры на храме обители. Свидетель сего чуда Досифей пал в ужасе. От подвигов стояния молитвенного ноги преподобного Иова отекали и покрылись ранами. Это можно видеть и поныне на нетленных мощах его. Гниение страдавших ног было так сильно, что тело кусками отпадало от костей, но блаженный подвижник переносил страдания с дивным терпением по примеру древнего Иова. В таких подвигах дожил он до ста лет и, предсказав день смерти своей за неделю, тихо, без всяких страданий, почил 28 октября 1651 года [14].

Над мощами преподобного Иова являлся свет. Спустя семь лет по преставлении его блаженный игумен Почаевский явился Дионисию Болобану, митрополиту Киевскому, и сказал, что Господу угодно открыть мощи его. Видение повторилось в другой и в третий раз и сопровождалось угрозой гнева Божия за неисполнение воли Божией. Наконец митрополит Дионисий с архимандритом Феофаном и с братией обители (8 августа 1659 г.) открыл гроб преподобного Иова, и мощи его обреты нетленными. При этом последовали исцеления. Самое замечательное из них совершилось над больным Почаевским игуменом Досифеем. Накануне праздника Воздвижения Креста Господня прибывшая в обитель благородная панна Домашевская услышала (также как и ее слуги) необыкновенное пение, исходившее из храма, тогда как в окнах светился огонь [15]. Сперва подумала она, что иноки совершают всенощное бдение. Посланная служанка Анна нашла церковные двери отворенными и в храме слышала пение, а когда вошла в храм, увидела преподобного Иова среди светлых мужей, совершающих молитву. В страхе стояла она неподвижно, но угодник Божий, обратясь к ней, сказал: “Не бойся, девушка, иди и позови ко мне игумена обители Досифея.” — “Он лежит на смертном одре,” отвечала Анна. Преподобный подал ей шелковый плат, омоченный в миро, и велел отнести к больному. Анна пошла и у дверей кельи стала звать игумена в храм от имени преподобного Иова. Больной сперва принял этот зов за мечту; потом, оградив себя крестным знаменем, взял плат, положил его на себя и, почувствовав себя окрепшим, встал с постели и пошел в храм. Экклесиарх, при-

шедший к началу утрени, изумился, увидав того, кто вчера лежал на смертном одре. “Как это ты, отче, пришел сюда?” — спросил он игумена. “Отец наш Иов молится за нас и послал мне исцеление,” — отвечал игумен. Припомним еще одно чудо из наших времен: в 1832 году девица Матрона из Оренбургской губернии, три года страдавшая головою болью и отвращением ко всему святому, приведена была на богомолье в Киев. Там увидела она во сне старца, украшенного сединами, и близ него некую жену в белом одеянии. По слухам о чудесах Почаевской иконы Богоматери отправилась она в Почаевский монастырь и здесь над мощами преподобного Иова получила облегчение, а пред чудотворною иконою Богоматери полное исцеление [16]. Это было за семь лет до уничтожения в пределах Русской земли той унии, от которой так много страдали православные в XVII и XVIII веках.

33. Царь Алексей Михайлович. Патриарх Никон.

Исправление богослужебных книг. Старообрядчество.

Царь Алексей Михайлович при вступлении на престол имел важное преимущество перед своим родителем: он был уже не избранным, а наследственным государем; бояре и народ привыкли смотреть на него от колыбели с благоговейным уважением, как на будущего законного царя. Он наследовал государство, многолетнею деятельностью его родителя успокоенное внутри, огражденное безопасностью извне. Несмотря на то, бремя правления, неразличное с царским венцом, казалось, было еще не по силам 16-летнему монарху. Ему не доставало твердости и опытности, свойственных летам более зрелым; он еще чуждался дел государственных, искал развлечений, особенно в соколиной охоте, любимой им до страсти. Судьба не подарила ему руководителя, какого имел юный Михаил в доблестном родителе; мать Алексея, царица Евдокия Лукьяновна, скончалась чрез несколько недель после своего супруга. Патриарх Иосиф не был способен заменить собою Патриарха Филарета: удрученный глубокою старостью, он не обращал полного внимания даже и на дела церковные [1], а к государственным был вовсе неспособен.

Правление перешло в руки бояр, и во главе их стал воспитатель царя Борис Иванович Морозов [2], сановник умный, образованный, но хитрый и корыстолюбивый. Чтобы обезпечить за собою власть, он старался удалить от двора родственников покойной царицы; окружал юного государя людьми, себе преданными; доставил друзьям своим важнейшие места. Не довольствуясь этим, он искал случая еще более возвыситься посредством родственного союза с семейством царским [3].

Другие бояре завидовали влиянию Морозова, но корыстолюбие, притеснения его клеветов в соединении с некоторыми несвоевременными налогами вывели из терпения народ. Народ роптал, жаловался на лихоимство судей, достигшее высшей степени, приписывал все бедствия родственнику царскому, с которым заодно действовал тесть его Милославский, человек ума ограниченного, между тем возгордившийся своим возвышением, алчный к обогащению.

Наконец, вспыхнул мятеж в Москве; озлобленная чернь умертвила нескольких ненавистных ей чиновников и ограбила хоромы Морозова [4]; он также был бы убит, если бы царь не успел скрыть и тайно отправить его в Кирилло-Белозерский монастырь [5]. Спустя некоторое время, когда жители столицы были успокоены ласками и обещаниями, а упраздненные места заняты достойными сановниками, сам царь, объявив народу, что желает говорить с ним, в праздничный день выехал на лобное место. В сильной и трого-

тельной речи выразил он сожаление о бедствиях, претерпенных гражданами от злых чиновников, обещал быть их защитником, охранять от всяких притеснений. Особенно тяготила Алексея Михайловича забота о судьбе нежнолюбимого воспитателя. Дав обещание наказать Морозова, если найдет достойным этого, он решился напомнить о нем; объявил, что, не требовал до сих пор от граждан никакой жертвы и надеется, что они исполнят первую его просьбу: забудут проступки боярина, который был ему вторым отцом и наставником, а сам Морозов будет стараться заслужить и их любовь. Слезы блистали на глазах юного Алексея. Народ упал на колена, целовал одежду, ноги его и единогласно восклицал: “Да будет, что угодно Богу и тебе, государю! Мы все дети твои” [6]. Столица успокоилась. Через несколько времени возвратился в нее и Морозов. Он с тех пор в самом деле сделался благотворителем народа, защитником утесненных и, по свидетельству современников, вместо прежней ненависти заслужил общую любовь [7].

Впрочем, волнение, прекратившееся в Москве, отозвалось в других городах, где также народ жаловался на злоупотребления. В это смутное и тяжкое время Промысл Божий послал юному царю твердого и верного руководителя. Избранник Промысла явился к Алексею в лице игумена отдаленной и малозначительной обители Кожезерской, Никона.

Громадное значение этой великой (хотя и не всегда безупречной) личности в истории Русской Церкви налагает на нас обязанность проследить жизнь Никона от начала ее до конца.

В 1605 году у крестьянина Нижегородской области села Вильдеманова Мины родился сын Никита. Он скоро лишился своей матери и все детство провел под нестерпимым гнетом мачехи. Ему рано удалось выучиться грамоте. Чтение книг увлекло его к аскетической жизни, и в 12 лет он убежал из дома отца в монастырь, где еще в этом раннем возрасте удивлял братию силой своего характера и ревностью в монастырских подвигах. Родня опять вызвала его в мир и заставила жениться. На 21-м году жизни он выбран был в священники прихожанами одного соседнего села; но по своим достоинствам недолго мог оставаться в таком захолустье. Через два года о нем узнали московские купцы, бывшие на Макарьевской ярмарке, и позвали его с собою в Москву. Через 10 лет, лишившись детей, Никита уговорил жену постричься, а сам удалился на Белое море в Анзерский скит.

Анзерский остров лежит в двадцати двух верстах от острова Соловецкого. Он был прежде необитаемым и служил только временным пристанищем для беломорских судов и промышленников, пока не поступил в собственность Соловецкого монастыря по грамоте, данной еще при жизни преподобного Зосимы Соловецкого ввечем Великого Новгорода незадолго до уничтожения вольности новгородской. Настоятели монастыря завели там солеварни и при них поставили первую деревянную церковь святителя Николая. В 1616 году поселился на острове преподобный Елезар, сын козельского купца Севрюкова, постриженник Соловецкий при преподобном игумене Иринархе. Местное предание уверяет, что пустынный мастерил деревянные чашки, выставлял их на пристани, а сам удалялся в леса от людей. Приплывавшие поморцы брали посуду, а в оплату оставляли хлеб, крупу и капусту. Мало-помалу собралось к нему несколько ревнителей скитского жития. Кельи отшельников поставлены были в версте одна от другой. В субботу вечером собирались старцы для общей молитвы и на следующий день, совершив воскресное пение, расходились по кельям для богомыслия и рукоделия по силам каждого. Дивный пустынножитель лично известен был царю Михаилу Феодоровичу, которому он предсказал рождение сына и наследника, Алексея. К сему великому подвижнику пришел отрекшийся от мира священник Никита и принял пострижение иноческое с именем Никона. Тогда Анзерские скитники озабочены были сооружением каменного храма вместо ветхого деревянного; деньги на строение были собраны [8], но работы еще не начались. Несколько лет провел Никон в да-

леком от всякой мирской суеты, пустынном убежище, где вместо стен одно море и благочестие служили оградой, пока некоторые недоразумения, случившиеся между Никоном и преподобным Елезаром [9], не стали причиной удаления его в 1635 году из Анзерской пустыни. Никон, переплывая с острова на утлой ладье, едва не погиб от внезапной бури и только упованием на силу Креста Господня спасся от потопления пред Онежским устьем; пристал к Кию острову, где в память своего спасения водрузил крест с тем намерением, чтобы со временем построить там хотя бы малую церковь или монастырь. Потом он продолжал путь свой до Кожеезерской пустыни [10]; пробыв в ней несколько времени, он возлюбил это уединенное место и, принятый там в число братии, удалился на ближайший остров, построил себе келью, питался рыбою от своей ловли, ходил в монастырь только для отправления или слушания Божией службы и проводил все прочее время в уединении и богомыслии. Избранный братиею в сан игумена обители, он прибыл в Москву по делам монастырским. Молва о добродетелях пустынного инока сопровождала Никона в столицу. Его необыкновенный ум, светлый взгляд на предметы, природное красноречие и величаявая наружность довершили впечатление, произведенное им при дворе. Юный царь полюбил его с первого свидания и велел назначить архимандритом Новоспасского монастыря.

Здесь началось сближение царя с Никоном, обратившееся в искреннюю дружбу. Царь часто призывал его для беседы, поручил ему принимать и докладывать себе прошения от бедных, сирот и утесняемых. Влияние Никона возрастало так заметно, что даже Морозов, достигший тогда высшей степени значения, мог опасаться встретить в нем соперника. Чрез два года Новоспасский архимандрит был посвящен в сан митрополита Новгородского. Доверенность государя сопровождала его и на новое место служения: кроме полной власти в делах духовных, на него возложено было поручение иметь надзор за судопроизводством; дано право освобождать из темниц всех несправедливо заключенных. В Новгороде Никон прославился многими благодеяниями: во время бывшего там голода ежедневно питал на архиерейском подворье несколько сот неимущих, устроил богадельни для престарелых и увечных. Еще более возвысился он во мнении государя, когда с опасностью для собственной жизни укротил мятеж, возгоревшийся в Новгороде во время того же голода. Никон укрыл царского наместника князя Хилкова в своих палатах, а сам вышел к бунтующему народу; удары посыпались на Никона: одни бросали в него камни, другие били палками, и он был замертво оставлен лежать на площади. Едва дышащий, поднят он служителями; но тотчас же отправился совершать литургию с крестным ходом в той части города, где свирепствовал бунт. После литургии Никон не убоился еще раз появиться перед мятежниками, и вошел в самую избу, где собрались они. Твердость пастыря на сей раз поразила самых свирепых: они притихли, прекратили убийства, но еще не переставали действовать против правительства; заградив пути к столице, ссылались со шведами, чтобы передать им город. Никон успел уведомить царя и указал, какие нужно предпринять меры против злоумышленников; сам же предал бунтующих анафеме. Буря утихла, укрощенная твердостью Никона; народ обратился к нему за разрешением духовным; царь предоставил суд над виновными митрополиту, и митрополит судил как пастырь справедливый и милостивый [11]. Это было в 1650 году. С того времени любовь царя к Никону увеличилась; он часто стал вызывать его в Москву для советов.

Последние годы первосвятительства Патриарха Иосифа ознаменованы открытием святых мощей преподобного Саввы Звенигородского и преподобного Александра Свирского в основанных ими обителях, а также святого великого князя Георгия Всеволодовича во Владимирском Успенском соборе. В то же время, по мысли митрополита Никона [12] и соборному определению, царь повелел перенести в Московский Успенский собор останки

святителей, пострадавших за веру и отечество: Патриарха Иова из Старицы, Патриарха Гермогена из Чудова монастыря и святого митрополита Филиппа с Соловецкого острова. Сретая мощи первопрестольника Иова [13] при великом стечении народа и предчувствуя близость собственной кончины, старец-патриарх Иосиф со слезами сказал царю: “Вот, смотри, государь, каково хорошо за правду стоять: и по смерти слава!” Через несколько дней Иосиф сильно заболел и вскоре преставился (в 1652 году) после 10-летнего первосвятительства.

Между тем за мощами святого митрополита Филиппа отправился на Соловки митрополит Никон с боярином князем Хованским, в сопровождении многих лиц духовных и светских. С ними послана была царская молитвенная грамота к святому Филиппу, в которой правнук Грозного, преклоняя свой царский сан пред святителем-мучеником, молил его пришествием в Москву разрешить грех Грозного царя и упразднить поношение, лежавшее на царской власти [14]. Во время отсутствия Никона царь писал ему замечательные письма, в которых выразилась вся душа доброго и набожного Алексея [15]. Из писем царя видно, что бояре очень недовольны были силой Никона [16], заметно и то, что сам Никон не умел смягчать своей силы кротостью и благодушием. В самых почтительных выражениях царь советовал ему быть поспасительнее к боярам, но в то же время просил его не сказывать им об этом совете, не выдавать его — царя, что он заодно с ним — митрополитом. Добрый до слабости [17], находясь под двумя влияниями — Никона и бояр, царь боялся оскорбить ту и другую сторону, колебался между ними и старался мирить их.

По исполнении возложенного на него поручения [18] Никон не застал уже в живых патриарха Иосифа и должен был заступить его место [19]. Но он хорошо видел слабость церковной власти в дряхлых руках своего предшественника, видел вред монастырского Приказа [20] и невыгодное влияние нового уложения на дела церковные [21], видел самоволие бояр и враждебные отношения их к нему, как к любимцу царя, видел множество беспорядков [22], требующих для уничтожения своего свободной и ничем не стесняемой силы, и решительно отказался от первосвятительского сана. В Успенском соборе при полном собрании бояр и многочисленном стечении народа царь долго заклинал Никона именем Божиим не оставлять церкви в сиротстве и без пастыря. Наконец, Никон решил исполнить волю царскую, но прежде, обратясь ко всем, спросил: будут ли почитать его, как архипастыря и отца, слушать его во всем и дадут ли ему устроить Церковь? Все клятвенно обязались повиноваться своему пастырю в делах Церкви и совести, и Никон принял патриаршество 25 июля 1652 г.

Неограниченная дружба соединяла нового Патриарха с царем. Вместе молились они, вместе рассуждали о делах, вместе садились за трапезу, и так было каждый день. Патриарх был восприемником детей царских. Ни одно государственное дело не решалось без участия Никона в течение шести лет. И великий ум, предприимчивый, твердый характер Никона запечатлены на этих годах, счастливых для государства Русского (1651-1657).

Самым блистательным и самым славным делом в царствование Алексея было соединение Малороссии с Великою Россиею. Еще в предшествовавшее царствование, вскоре после смерти знаменитого защитника веры и прав своей родины Петра Конашевича Сагайдачного, умевшего внушить польскому правительству и страх, и уважение к себе, православный митрополит Киевский Иов Борецкий, не видя иного “благодетельнейшего пристанища” для своей паствы, присылал в 1625 г. к царю Михаилу Феодоровичу и Патриарху Филарету просьбу о принятии Малороссии и запорожских казаков “под их государственную руку” [23]. Но царь Михаил боялся вовлечь свое ослабленное смутами государство в новую борьбу с Польшей. Он только обнадежил своих единомыслителей в покровительстве;

обещал в случае нового притеснения Православия вступить за них. С такою же осторожностью действовал преемник его, созвав Земский Собор при Патриархе Иосифе (1648 г.), когда доблестный гетман Богдан (Зиновий) Хмельницкий умолял его о принятии Малороссии в подданство Москвы. Он соглашался исполнить его просьбу только в том случае, если сам король признает казаков независимыми; предлагал им в случае нестерпимых насилий переселиться в Московское государство, обещая дать обширные земли, в то же время старался примирить своих единоверцев с польским правительством. Но устроить дело мирным путем было невозможно.

Между тем страдания Украины увеличились [24], и Хмельницкий снова обратился в Москву с усиленными просьбами о присоединении единоверных к единоверным. Но и на этот раз царь решил еще раз испытать посредничество, и опять без успеха. Надлежало опасаться, что казаки, доведенные до отчаяния, подадутся к султану; тогда крымские татары и турки придвинутся ближе к Москве.

Гетман просил покровительства и ходатайства у нового Патриарха Московского [25], и не напрасно. В Грановитой палате снова созван был великий собор из духовенства, бояр, думных и выборных всяких чинов людей. Начиная с Патриарха Никона, все единогласно решили и просили государя “за честь свою стоять и против польского короля войну вести, а гетмана Богдана и все войско Запорожское с городами их и с землями принять под свою государскую руку для православной христианской веры и святых Божиих церквей” [26].

Наконец, важнейшее дело второго царя из дома Романовых, дело, обесмертившее имя Алексея, было решено. Получив радостную весть из Москвы, обрадованный вождем угнетенной Малороссии торжественно предложил войску и народу присоединение к Великой России. Бессмертный Богдан изобразил бедствия, претерпенные Малороссией, необходимость искать государя и защитника, но искать его “не в царях басурманских, турецком или крымском, а в православном христианском великом царе восточном, который есть с ними единого благочестия греческого закона, единого исповедания.” Он заключил словами: “Кроме его царские высокие руки благодетнейшего пристанища не обрящем; а буде кто с нами не согласует теперь, пусть идет куда хочет, вольная дорога.” Раздались общие восклицания: “Волим под царя восточного православного крепкую руку, в нашей благочестивой вере умирати, нежели ненавистнику Христову, поганину достатись.” Уверившись в согласии всех, гетман произнес: “Буди тако, да Господь Бог нас укрепит под его царскою крепкою рукою.” Народ единогласно отвечал: “Боже, утверди, Боже, укрепи, чтобы мы во веки все едино были!”

Торжество воссоединения Великой России с Малою совершилось 8 января 1654 года. Восторг народа и войска не знал пределов; бояре московские, принявшие присягу от новых подданных царя Алексея, посетили Киев, где митрополит Сильвестр Коссов встретил их такую речь: “Целует вас в лице моем оный благочестивый Владимир, великий князь русский; целует вас апостол Андрей Первозванный, провозвестивый на сем месте велию просияти славу Божию, яже ныне вашим пришествием благополучно паки обновляется; целуют вас общему житию начальницы, преподобный Антоний и Феодосий Печерские и все преподобные, лета и живот свой о Христе в сих пещерах изнурившие; целуем и мы о Христе ваше благородие со всем освященным собором, целующе же любовне взываем: внидите в дом Бога нашего и на седалище первейшее благочестия русского, да вашим пришествием обновится яко орля юность наследия благочестивых великих князей русских” [27].

Вслед за присоединением Малороссии необходимо должна была начаться война с Польшею. Но она не могла уже быть опасною для державы, которая по слиянии двух родственных племен русской земли сделалась настолько сильною, что сама уже внушала

ужас врагам своим. Царь Алексей сам отправился на войну, поручив семейство свое и все внутренние дела государственные другу-патриарху; бояре ежедневно являлись с докладами к Никону и без него не могли приступить ни к какому делу [28]. Посол за послом спешили к нему от царя с известием о взятии городов. В пол года овладели Смоленском, Минском и Витебском, со множеством окрестных мест. В 1655 году завоевана была Вильна с остальными городами Белоруссии; и в то же время прошли всю Волынь и Галицию, разбивая поляков; там и здесь первые в победах были казаки. Польша доведена была до изнеможения. Она предложила перемирие, оставив временно за Россию все завоевания.

Между тем, как царь находился с войском, в Москве (в 1651 г.) открылась моровая язва, перешедшая затем и в соседние города. В столице свирепствовала она со страшною силою так, что к ноябрю месяцу почти не осталось священников [29]. Патриарх с обыкновенною для него твердостью давал распоряжения к облегчению бедствий; особенно заботился он о сохранении оставленной на его попечение царской семьи. Послав заранее приказ в Калязинский монастырь об особом приготовлении келий, служб и всего нужного к приезду царицы [30], Никон отправился с семьею царя-друга в Лавру богоносного Сергия, потом странствовал с нею из монастыря в монастырь, вместе с тем лично наблюдал за безопасностью мест. В то же время от имени царицы он рассылал по городам грамоты об употреблении строгих мер предосторожности: предписано было ограждать зараженные места крепкими заставами, жечь костры для очищения воздуха. Наконец, в конце октября Патриарх в Вязьме передал царю дорогое сердцу семейство его невредимым и тогда же отправился вперед в Москву, чтобы очистить город [31]. Зараза открылась в 1655 году по городам восточного края. Так как суеверие распространяло вредные мысли о происхождении язвы, то Патриарх разослал от своего имени пространную окружную грамоту к вразумлению суеверных и невежд. В грамоте Патриарх, убеждая переносить несчастье с терпением, укрепляться молитвою и постом, советовал беречься сообщения с зараженными, запрещал верить ложным толкам суеверов, разглашавшим, что никто не должен избегать этой язвы, как посланной гневом Божиим. Пастырь поучал, что каждый отвечает за грехи свои, что по наставлению пророков, Спасителя и апостолов спастись от смерти не грешно, а, напротив, кто не избегает опасности видимой и подвергается ей без нужды, тот есть самоубийца. Иные, говорил Патриарх, не слушая добрых советов, сами погибли и других погубили. Они поверили сказкам сновидцев, которые говорили, будто Бог открыл им, когда и как прекратится язва. И что же вышло? Зараза поражала легковерных, а от них переходила на других; христиане умирали без приготовления христианского. “Будем, — заключал пастырь, — Ниневитяне, не содомляне! Оставим злобу, да не погибнем от злобы” [32].

При тех блистательных надеждах, какие возникли после побед над Польшею и с присоединением Малороссии, естественно было, что Никон (1656 г.) одобрил войну с Швециею за владения православной России в Ливонии. Дела с Швециею, как и с Польшею, шли с успехом, пока Никон пользовался доверенностью царя; между прочим в Кокенгузене освящена была церковь во имя царевича Димитрия и город назван Дмитриевым.

Плодом трудов Патриарха было и то, что в начале 1656 года молдавский воевода Стефан через послов своих просил царя принять его под свое покровительство также, как принят гетман Малороссии. И Молдавия причислена к владениям царя, хотя в дальнейшем и не была удержана [33].

Такова была государственная деятельность Никона на пользу православному отечеству, с искреннею любовью к доброму государю! Посмотрим теперь на пастырские подвиги его в служении Церкви и духовному просвещению.

Вступление на патриарший престол доставило ему средства еще более развить свой преобразовательный дух в служении истине и благу Церкви и отечества. Он установил партесное пение греческое и киевское, применяясь к древним напевам; ввел более разнообразия в иконной живописи; вообще, заботился о благолепии церковей московских и о стройности Богослужения, искореня повсюду, как прежде в Новгороде, обычай читать и петь в несколько голосов. Собственным примером строгой жизни внушал духовенству иметь бдительный надзор над нравственностью мирян; в отношении к нерадивым был взыскателен и строго наказывал за всякое нарушение церковного чина. При самом назначении в духовные должности подвергал ставленников строгому испытанию на знание обязанностей; посвящал в священники и диаконы только людей, имевших достаточные познания, по крайней мере, в чтении и письме, что, конечно, не могло нравиться невежественным ставленникам и вместе с тем настоятельно требовало изыскания мер для просвещения духовенства.

Патриаршая власть при Никоне усилилась до высшей степени. Патриарх был действительным, а не номинальным только “великим государем,” окружил себя царской пышностью и величием. Он выстроил себе новый дворец [34], употреблял все средства тогдашнего искусства для украшения соборов и для благолепия Богослужения: лучшие облачения в патриаршей ризнице принадлежат ему; на них употреблены целые пуды жемчуга, золота и камней; около митры первосвященника видим корону. Никона боялись сами бояре, которых он обличал без всякого стеснения, поступая с ними самовластно [35]. Действия монастырского приказа и самого Уложения были парализованы сильным влиянием Патриарха на царя. Хотя Никон не успел совершенно уничтожить Уложение и заменить его вновь изданною Кормчею книгою, но побудил царя разослать по всем воеводам выписки из градских законов Номоканона в дополнение Уложения с повелением производить суд по этим выпискам. Вопреки Уложению, которое, безусловно, запретило увеличивать церковное имущество, патриарший дом и построенные Никоном монастыри обогатились новыми вотчинами. Другие монастыри в то же время получили возможность делать новые приобретения. Но в то же время, вследствие той же дружбы царя с Патриархом и всегдашней готовности Никона на жертвования для блага отечества, никогда еще с церковных земель не было таких больших сборов даточными людьми, лошадьми, военными припасами, как при Никоне. Сам Патриарх выставил в поле до 10000 воинов; столько же выставили монастыри. Патриарх, кроме того, на свои богатые средства увеличивал свои домовые богадельни, раздавал богатую милостыню, делал жертвования на тюрьмы [36].

В начале XVII века стал уже весьма заметен упадок монашества. Хотя в это время возникло более ста новых обителей, но все они были не благоустроены и малолюдны (по 2, по 3 монаха, почти без всяких средств). Может быть, в видах возвышения монашества чрез посредство новых обителей иноческих, образцовых по строгому уставу и изяществу зданий, Никон основал в разное время три знаменитых монастыря.

Первый из них сооружен в 1652 году в заливе Белого моря, на Кию острове, где Никон, еще отшельником при переезде с Анзерского скита на материк, спасенный от потопления, водрузил крест. Новая обитель в память этого события наименована Крестным монастырем и была щедро одарена царем и Патриархом [37].

Другой монастырь основан Никоном на озере Валдайском. Живописные виды окрестностей озера и лежащих на нем островов весьма понравились Никону, когда он, бывши еще митрополитом Новгородским, проезжал в 1651 году в Москву. Немедленно по вступлении своем на патриаршеский престол он устроил на одном из островов обитель, отличную от обыкновенных — по образцу Иверского Афонского монастыря. Испросив

соизволение царя Алексея Михайловича, он отправил на Афонскую гору несколько живописцев, предписав им снять копию с чудотворной иконы Божией Матери, а равно доставить самовернейший план монастыря. Когда сии посланные возвратились, Патриарх отправил на остров Валдайского озера искусных зодчих, которые, избрав место для монастыря, построили на этом месте сперва рыбацьи хижины, а потом и деревянную церковь во имя Божией Матери. В 1654 году Никон отправил митрополита Новгородского Макария в Боровицкий Духов монастырь для перенесения мощей праведного Иакова Боровицкого в новосозидаемую обитель [38], а сам, вложив в серебряный позолоченный ковчег части мощей святителей московских Петра, Ионы и Филиппа, отправился с ними из Москвы и, прибыв в новоустроенный монастырь, переложил мощи святого Иакова Боровицкого в новую серебряную раку и поставил ее, равно как и ковчег с мощами святителей московских, в деревянной церкви. В том же году Патриархом Никоном учреждена в Иверском монастыре архимандрия. При втором посещении Патриарха заложена, а при третьем — освящена им вместо бывшей деревянной каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы. Тогда же принесена им икона Божией Матери, списанная с Афонской Иверской, или Портаитиссы, украшенная золотом и драгоценными камнями. Царь Алексей Михайлович, имевший особое благоволение к Никону, много содействовал своими щедрыми пожертвованиями к устройению сего знаменитого монастыря и 1654 года, мая 9-го дня, дал новой обители “великую жалованную грамоту” [39], в которой село Валдай переименовано Богородицким, озеро — Святым и самый монастырь назван Иверским-Святоезерским [40].

Третий и важнейший из числа монастырей, основанных Никоном, находится в окрестностях Москвы и известен всему просвещенному миру под именем Нового Иерусалима [41]. При поездках из Москвы в создаваемый им Иверский монастырь Никон заметил местность при реке Истре и вознамерился устроить здесь верное подобие Иерусалимского храма и в нем — Гроба Господня. Купив у боярина Романа Боборыкина землю и село Воскресенское, все окруженное рекою, гористое место выровнял насыпью, с трех сторон выкопал рвы, поверхность холма обнес деревянною оградой с восьмью башнями и внутри на первый случай соорудил во имя Воскресения Господня теплую деревянную церковь с трапезою и прочими службами. Эта церковь в 1657 году была освящена им в присутствии государя, который, рассматривая местоположение, столько пленился им, что сказал Патриарху: “Сам Бог изначала определил место сие для обители; оно прекрасно, как Иерусалим.”

Никон, утешенный столь сладким именем, назвал в угодность царю новую свою обитель Новым Иерусалимом, а гору, с которой царь смотрел на окружающую местность, Элеоном; тогда же и другие близлежащие многие места получили наименования, сходные со священными местностями Палестины. Вскоре после того чрез Арсения Суханова Никон получил из Иерусалима чертежи и модель храма Гроба Господня, и в 1658 году заложен тот дивный храм, который ему самому уже не суждено было окончить [42].

При всегдашней заботливости о духовном просвещении клира и народа великий первосвятитель не мог оставить без внимания и покровительства Греко-Латинской школы, учрежденной при Патриархе Филарете. В 1648 году любимец царя Алексея окольный Федор Михайлович Ртищев [43] устроил близ Москвы Андреевский монастырь, вызвал туда братию из разных киевских и других малороссийских обителей и решил завести там ученое братство для перевода разных полезных церковных книг. С этою целью он обратился с просьбою к митрополиту Сильвестру Коссову, который, снисходя к благочестивому его желанию, избрал между прочими Епифания Славеницкого и отправил его в Москву. Обеспеченный содержанием от Ртищева, Славеницкий немедленно приступил к пере-

воду священных книг. В этом деле он явился образцом для своих сотрудников, также вызванных из Киева: Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого; занимаясь переводами, он в то же время составлял полный лексикон славяно-греко-латинский и задумывал новый перевод всей Библии с греческого текста на язык славянский. По вступлении Никона на патриарший престол вызван был из Соловецкого монастыря и Арсений Грек [44] и присоединен к ученому братству. Никон желал иметь всех их близ себя и из Андреевского монастыря переместил Славеницкого, Птицкого и Арсения в Чудов монастырь, а Сатановского — в Богоявленский и сделал Епифания начальником патриаршего Чудовского училища и главным справщиком печатного двора, не отвлекая его и от прежних занятий [45].

Важнейший подвиг патриаршего служения Никона заключается в исправлении церковных книг. Труды, предпринятые по этой части при Патриархе Филарете и Иосифе, доказали необходимость проверки книг по греческим подлинникам и тщательного исправления вкравшихся погрешностей. Оба первосвятителя находили время и средства собственным надзором следить за печатавшимися церковными книгами, хотя и при этом вновь выходившие книги еще не освободились от некоторых важных ошибок.

По иному относился к этому делу слабый и доверчивый Патриарх Иосиф. Он не мог сам лично заниматься проверкой, а между тем потребность исправления книг или, по крайней мере, строгого и внимательного надзора за ними была уже ясно признана всеми, так что уже нельзя было пренебрегать ей. Патриарх решился поручить дело надзора за печатанием книг лицам, пользовавшимся особенным его доверием.

По свидетельству сибирского митрополита Игнатия [46], это были: протопоп Аввакум, Иоанн Неронов, суздальский поп Лазарь, поп Никита (прозванный впоследствии Пустосвятом), царский духовник протопоп Стефан Вонифатьев и некоторые другие. Это были, как можно увидеть из последствий их жизни, люди с умом хитрым, способные влиять на других, имевшие довольно лицемерия, чтобы возбуждать участие к себе. В предметах веры существовала для них одна только мертвая буква, без оживляющего духа. Не имея в сердце способности воспринимать внутренний смысл богослужебного обряда и всей внешней стороны христианского богопочитания, прикрываясь лицемерной набожностью, они, тем не менее, как и все подобные люди, любили доискиваться особенного значения, и больше всего там, где или вовсе не было повода к тому, или было совершенно невозможно из-за сокровенности самого дела. Неудивительно, что такие люди были приверженцами мнений и понятий, чуждых истинно благочестивому чувству и, вообще, принадлежали партии мнимых приверженцев старины. Они вносили свои мнения и в богослужебные книги. Ничто не препятствовало им; они овладели доверенностью Иосифа, пользовались общественным уважением по своему положению; печатный двор был тогда в ведомстве царского дворцового приказа, под управлением единомышленника их князя Львова. Итак, новые справщики церковных книг, отличавшиеся крайним невежеством, не только портили книги, печатая их с неверных, искаженных рукописей, о сличении которых и не думали, но и вносили в книги свои собственные заблуждения. Учение свое о сложении перстов в крестном знамении они подтверждали мнимым сказанием блаженного Феодорита о перстосложении Мелетиевом, присоединив собственное толкование [47] в так называемой Кирилловой книге (изд. 1644 г.), в предисловии к Следованной Псалтири (изд. 1647 г.), также в Книге о единой вере (изд. 1648 г.) и в малом Катехизисе (изд. 1649 г.). Каждая из этих книг печаталась в количестве 1200 экземпляров, и все они разносили заблуждения по всем краям Русской земли. При таком своеволии в издании богослужебных книг происходили беспорядки и несогласия в совершении самого Богослу-

жения. Порча церковных книг дошла до высшей степени и была тем прискорбнее и безотраднее, что производилась явно, утверждаясь, по-видимому, на законных основаниях.

Еще в сане архимандрита Новоспасского Никон смотрел со скорбью на невнимание к устройению церковному со стороны дряхлого и немощного Патриарха Иосифа. В 1649 году прибыл в Москву Иерусалимский Патриарх Паисий. Святитель, конечно, скоро заметил несогласие в Богослужении Русской Церкви с Церковью Греческою и из всех, окружавших его, скорее всего мог разделить наблюдения и мысли свои с Никоном, который сам так живо сочувствовал этому делу. Неудивительно, что на благоговейного к святыне Никона глубоко подействовали неоднократные беседы греческого святителя о некоторых отличиях в совершении обрядов Русской Церкви с Греческою. При беседах с царем Никон не замедлил передать ему замечания Паисия и собственные свои планы. Следствием того было отправление на восток Арсения Суханова [48]. К движению чувства благочестивой ревности пришло на помощь новое побуждение. Со святой горы Афонской пришло известие, что там явился некто из сербов, иеромонах Дамаскин, учивший открыто, что каждому христианину нужно креститься двумя, а не тремя перстами. Отцы афонских монастырей по благословению Цареградского Патриарха Парфения, присланному им письменно, составили Собор, призвали на оный к ответу самого Дамаскина и “книгу русскую, (вероятно, нашу следованную псалтирь) [49] у него взяли, а в ней тако написано, якоже той учаще, и тую книгу соборне сожгоша; а тако творящих и учащих анафеме предаша.” Собор Святогорский утвердил совершать крестное знамение непременно тремя первыми перстами.

Это событие навлекло явное подозрение на справщиков печатного двора. Они были удалены, и наблюдение над исправлением книг поручено ученым монахам киевским.

Вступив на престол первосвятительский, Патриарх Никон не замедлил обратить внимание на те же беспорядки в московских церквах, какие исправлял он в прежней своей Новгородской епархии. Кроме того, он был поражен здесь иными, еще более важными разногласиями и неправильностями: так литургию совершали то на семи, то на шести просфорах, употребляя притом просфоры с различными печатями; образ совершения проскомидии во многих церквах был также различен. Вместо того, чтобы для крестного знамения слагать три первых перста и благословлять перстоложением именованным, крестились и благословляли только двумя перстами; неправильно писали святое имя Господа Иисуса; были и другие различия [50]. Никон, строгий во всем, касающемся благочиния церковного, не мог смотреть на все это равнодушно и решился ввести то единство в Богослужении, которым все должно быть запечатлено в Церкви. Стремясь к этой цели он еще сильнее убедился в необходимости исправления богослужебных книг. Он увидел, что беспорядки в совершении Богослужения не были только отступлением от чина церковного, излагающегося в богослужебных книгах, но что они вошли и в самый состав этих книг, наполненных разными неисправностями.

Чтобы очевиднее и тверже удостовериться, в каком состоянии находились богослужебные книги, Никон обратил внимание на древнее книгохранилище, давно забытое всеми. В продолжение многих дней он рассматривал книгохранилище [51] с тайною и сильно поражающею душу его мыслью: “не есть ли что погрешно от православного греческого закона.” Страшная мысль эта оправдалась. Прочитав шитый на саккосе Фотия, принесенном из Греции, Символ Веры, Никон увидел несогласие с ним Символа в новопечатных книгах; рассматривал и чин святой литургии и здесь нашел некоторые недостатки и излишества в сравнении с греческим; намеренные и ненамеренные ошибки в переводе, даже немаловажные изменения смысла находились и в других книгах. Надобно было положить конец распространению зла. К тому же времени возвратился из путешествия Арсений Су-

ханов. Правда, составленный им отчет о путешествии (Проскинитарий) далеко не отвечал тем целям, каких ожидал от него Никон, ибо Арсений смотрел поверхностно на свое дело и вовсе не обращая внимания на тогдашнее бедственное состояние христианского Востока, много сообщил известий о Греческой Церкви, представлявших ее не совсем в благоприятном свете; однако ж это не препятствовало ему быть и полезным. Между известиями Арсения находилось и следующее: “Греки троют в церквах аллилуия, а в Царьграде знаменуются греки тремя персты.”

Увидев, столько разногласия между богослужебными книгами и церковными чинами, Никон советовался с царем об исправлении поврежденного. Царь, конечно, готов был предоставить ему полную свободу поступать в сем случае, как ему угодно, но не так думал сам Патриарх. С одной стороны, взирая с глубоким уважением на предпринимаемое дело, как на дело самой православной веры, Никон не хотел совершать его единолично, своею собственною властью; а с другой — замечая в одних явное нерасположение и предвидя противоборство с их стороны, а в других не совсем уверенный, он признал за лучшее просить царя о составлении Собора. Эту мысль Патриарх передал царю, основывая притом предложение свое о Соборе на правилах апостолов и Вселенских Соборов, повелевающих быть по временам Соборам для рассуждения о делах церковных. Царь согласился. Причина такого именно образа действия лежала сколько в опытах предшествовавших исправлений, столько и еще более из образа мыслей и отношений современников. На Соборе председательствовал сам царь, присутствовали Патриарх Никон и многие из пастырей Русской Церкви [52]. Заседание Собора открыто было речью Патриарха. Раскрыв, что нет ничего богоугоднее, как присно поучаться в Божественных заповедях и на них твердо основываться, показав, как за целым и чистым хранением сих заповедей постоянно и строго блюли Вселенские Соборы и благочестивые цари, Никон продолжал: “Праведно есть и нам всяку церковных ограждений новизну истребляти, видящим новины всегда виновны бывати церковного смятения же и разлучения, но уставом последовати святых отцов,” — и добавил, что надо благоговейно принимать все, что приняли и утвердили святые Соборы, бывшие до сего времени. Следовательно, надобно нововведенные чины церковные, несогласные с древними славянскими и греческими книгами, надлежащим образом исправить. Этого требуют самое дело, священный долг, возложенный на каждого пастыря Церкви, и сама совесть каждого истинного христианина. “На ваше рассмотрение, — заключил Патриарх, — предлагаю теперь вопрос: новым ли московским печатным книгам последовати, в них же многая обретошася нами от проведенных и преписующих неискусно, с древними греческими же и славенскими несходства и несогласия, явнее же решити, прегрешения, или древним греческим и славенским, иже обои един купно чин и устав показывают?” В ответ на эту речь и этот вопрос Патриарха царь и Собор сказали: “Достойно и праведно исправить противу старых харатейных и греческих.” Получив такой ответ, Никон здесь же предложил несколько примеров, свидетельствовавших об отступлении настоящих церковных чинов от греческих и о несогласии с правилами соборными. Всякий раз, как он представлял какую-либо несообразность или неправильность новых церковных книг, Собор говорил: “И мы такожде утверждаем быти, якожде греческие и наши старые книги и уставы повелевают быти” [53]. Однако же между присутствовавшими на Соборе нашлись люди, которые подавали голос в защиту московских книг. Это были: Павел, епископ Коломенский, протопоп Аввакум, Иоанн Неронов и другие [54].

Чтобы устранить всякие возражения со стороны противников, в совете царя с первосвятителем положено было написать к восточным патриархам о предложенном деле и просить их решения относительно некоторых предметов. Избран был известный по своей жизни с доброй стороны Мануил Грек и отправлен в Константинополь с царскою и патри-

аршею грамотою. В своей грамоте к Патриарху Вселенскому Никон спрашивал о предметах в то время спорных. Патриарх Паисий собрал греческих пастырей и деянием соборным утвердил решение Московского Собора: следовать православному Писанию восточных учителей в древних греческих и славянских книгах. Вместе с тем написаны были соборные ответы на 25 вопросов, приложенных Никоном. Патриарх Паисий в грамоте к Никону изъявил живейшую радость и глубокое уважение к предприятиям русского первосвященителя. Препроводив толкование на чин Богослужения, иначе Скрижаль, рассмотренную и одобренную, как писал он, на Соборе, Вселенский Патриарх просил Никона ни в чем не отходить от уставов Восточной Церкви: “Да будем, — говорил он, — чадами единой и той же матери — Церкви Восточной и да не имеют нечистые еретические уста никакого повода упрекать нас в какой-либо разности.” Хотя Никон, прикрывая Церковь свою, как любящий ее пастырь, не писал Паисию о самом важном несогласии нашей Церкви с греческою, о несогласии в Символе Веры, но Паисий, узнав об этой разности, препроводил верный греческий список никео-константинопольского Символа Веры и просил уничтожить разность, столь важную [55]. В заключение просил Паисий Никона быть снисходительным к тем, кто заблуждался не в существенных догматах веры, а только в вещах маловажных.

Послание Цареградского первосвященителя обрадовало царя и Патриарха Русского. Теперь с поразительной ясностью представилась им мысль, ясно высказанная Паисием в его послании, а именно мысль о том, чтобы среди зачинавшихся движений не отступить Русской Церкви от матери своей, но остаться верною и пребыть в совершенном единении с нею. Эта мысль окончательно побудила к приобретению древних рукописей греческих. С этою целью отправлен был на восток тот же Арсений Суханов, который был там прежде; ему поручено было не щадить издержек для приобретения древних греческих рукописей. Арсений приобрел на одном Афоне до 500 книг богослужебных и учительных, между которыми одному Евангелию считали тогда 1050 лет, другому 650, одному Служебнику 600 и другому 450 лет и проч. Много рукописей приобретено в разных других местах [56].

Ко времени возвращения Арсения с такими сокровищами прибыли в Москву Патриархи Антиохийский, Макарий и Сербский, Гавриил, митрополиты Никейский Григорий и Молдавский Гедеон. Никон воспользовался этим редким случаем для главного дела своего. Он собрал (в 1655 г.) собор русских пастырей и пригласил на оный дальних гостей. Патриархи и митрополиты признали нужду в исправлении книг, так как древние греческие книги, тогда же пересмотренные, оказались несходными с позднейшими славянскими. По прочтении деяний соборов Московского и Константинопольского 1654 года единогласно всеми принято следовать их решениям. Никон говорил пред собором, что уже много раз укоряли восточные пастыри Церковь Русскую в неисправности книг и обрядов ее, и как на пример указал на перстосложение в крестном знамении [57]. Патриарх Макарий объявил, что двуперстное знамение принадлежит армянам и издревле принято “творити знамение честного креста тремя перстами десныя руки.” Он произнес отлучение двуперстникам и свой отзыв подписал собственноручно [58]. Такой же голос подали Сербский Патриарх и оба восточных митрополита. Затем Никон предложил на рассмотрение Собора исправленный Служебник и Скрижаль, присланные Патриархом Паисием. То и другое было рассмотрено и одобрено. Дело исправления и печатания исправленных книг потекло быстро и непрерывно [59]. В особенности издание Скрижали было благотворным делом для Русской Церкви, слишком бедной такими источниками духовного просвещения...

Великое дело Никона принималось большинством духовенства и мирян с полною покорностью. Только немногие обнаружили противление пробудившемуся общему сознанию нужды в исправлении книг. Это были те, кто портил книги при патриархе Иосифе и кто теперь, вследствие определения соборного, должен был отвечать за порчу книг [*]. Та-

ков был Аввакум, первым обнаруживший недовольство на исправление испорченных им книг. К нему пристали Павел, Коломенский епископ, и костромской протопоп Даниил, делившие с Аввакумом дружбу. Эти трое стали возмущать других против дела, одобренного Соборами. По соборному определению, Аввакум сослан был на берег Байкала [60], помощник его в порче книг князь Львов — в Соловецкий монастырь, Даниил — в Астрахань, а Павел скрылся от обличений Патриарха. Спокойствие восстановилось. Мудрые распоряжения Никона оказывали благотворное действие. Когда выслушаны были отзывы святителей Востока, то и те, кто прежде колебался не по упорству против истины, а по недостатку образованности, оставлял теперь свои предубеждения, как, например, протопоп Иоанн Неронов, в иночестве Григорий [61]. Из отношений Никона к Неронову видно, что великий первосвященник умел иногда быть снисходительным отцом к немощным, хотя и ревновал о чистоте Церкви.

Удалив сеятелей плевел от двора церковного и в то же время действуя на прочих писаниями отеческими и вразумлениями в предметах православной веры, великий первосвященник, если бы не отвратил совершенно, то, по крайней мере, весьма ограничил бы влияние приверженцев к старопечатным книгам и указал бы средства к скорому искоренению их духа. Но по неисповедимым судьбам Промысла, часто располагающим события вопреки самой, по-видимому, очевидной верности человеческих соображений, произошло иное. Для блага Церкви потребно было отсечение всех ветвей, внутренне засохших и ставших бесплодными в очах Сердцеведца, дабы беспрепятственно и плодоносно совершалось произрастание и процветание неувядаемого дерева, Самим Богом насажденного.

Наказаны были заточением в отдаленные места главнейшие и упорнейшие противники исправления церковных книг. Удаление их послужило к распространению, или, лучше сказать, к выявлению раболопной привязанности к старым книгам и в других, дышавших одним духом с распространителями суеверия. Изгнанные из Москвы защитники старопечатных книг разносили грубые понятия и ложные нарекания далее — туда, где по судебному приговору надлежало им быть в заточении. Наказание их в связи с делом, которое еще только совершалось и которое не было еще общеизвестно и потому возбуждало любопытство народное, привлекло к ним весьма многих слушателей. Преступники пользовались своим положением. И здесь, как в Москве, они представляли дело по своим грубым понятиям, прибавляя к этому вымыслы и ложь, говорили с жаром, выставя себя мучениками за истину, за “старую” веру. Посему неудивительно, что “богохульное плодоношение” суеверов [62] распространялось по различным странам, градам и весям царства Русского.

Такое пагубное сеяние плевел еще более распространилось, когда прекратилась деятельность бодрого стража нивы Господней. Последующая печальная судьба Патриарха Никона сильно способствовала успехам расколуучителей.

[*] Резкая оценка старообрядчества в данном и в других церковноисторических трудах XIX века в значительной степени объясняется не столько существом разногласий, сколько раскольничьей деятельностью старообрядцев и тем, что они противодействовали целому ряду общегосударственных начинаний. Как явление же русской духовной жизни, раскол был и есть трагедия русского народа. — Прим. ред.

34. Низложение Патриарха Никона. Собор 1666 года.

Соединяя необыкновенный ум с возвышенным духом и непоколебимую твердость воли [1], Никон обладал чудною нравственною силою, влиянию которой невольно подчи-

нялось все окружающее. Доказательством служат, с одной стороны, безусловная к нему преданность большей части его приближенных, любовь народа, привязанность и неограниченная доверенность царя; с другой — мелкие козни царедворцев, не находивших средств действовать прямо против громадной личности, перед которою все враги выглядят какими-то пигмеями. Значение, которым облакал его государь, возбуждало зависть в боярах и Никон имел многочисленных врагов при дворе [2]. Вполне сознавая свое превосходство над другими, он любил им пользоваться, старался еще более возвысить патриаршую власть, вооружался против всякого ее нарушения. Суровый до излишества нрав, взыскательный надзор над поступками не только духовных, но и светских сановников, высокомерие Патриарха оскорбляли многих. Громко укорял он в церкви, в присутствии самого государя, бояр, подражавших некоторым обычаям Запада. К духовенству был неумолимо строг, не щадил даже святителей: так, Коломенского епископа Павла [3], дерзнувшего противиться исправлению церковных книг, отрешил без суда соборного от епархии и подверг заключению. Он восставал и против монастырского приказа, который стеснял патриаршую власть, особенно, когда распоряжения его стали касаться не одних церковных имений, но и духовных лиц [4]; не любя щадить врагов своих, нередко предавал их проклятию [5]. Но как дотоле власть духовная всегда находилась у нас в некоторой зависимости от власти царской, то при неуступчивости Никона падение его было неизбежно. Немаловажную роль в этом деле играли, без сомнения, и другие обстоятельства, такие, как ненависть приверженцев раскола к смелому исправителю книг, особенно же происки царедворцев. Но они не были главною, тем более единственною причиною: вражда бояр только поддала повод к первым разногласиям между царем и Патриархом и вместе с неуступчивостью и раздражительностью Никона уничтожила впоследствии саму возможность примирения.

Перемена отношений между царем и Патриархом сделалась особенно заметною по возвращении царя из второго (ливонского) похода в 1658 году. За время отсутствия государя власть Никона заметно возрасла; нет сомнения, что в это время и характер царя сделался независимее, по крайней мере относительно Никона: без него уже привыкли обходиться. Теперь, при новой встрече, действительно должны были яснее обнаружиться темные стороны характера строгого первосвященника, на которые прежде царь не обращал внимания или смотрел со снисходительностью друга. Тем не менее, едва ли и в это время Алексей Михайлович приобрел столько твердости характера, чтобы действовать с полною самостоятельностью, — его натура была слишком мягка для этого. Почувствовав некоторую решимость, чтобы выйти из-под влияния Никона, он в то же время весьма легко подчинился другим влияниям, и должно сказать, этим последним, собственно, и был обязан тем, что шел дальше и дальше в разлад со своим прежним другом. Дружеских бесед за трапезою уже не было, не было искренних совещаний о делах с другом-первосвященником. Если бы добрый царь и Патриарх откровенно объяснились между собою, прежнее дружество ожило бы снова. Но царь по природе своей и по прежним отношениям к Патриарху не мог решиться на прямое объяснение с Никоном; он был слишком мягок для этого и предпочел бегство; он стал удаляться от Патриарха. Никон заметил это и также по природе своей и по положению, к которому привык, не мог идти на прямое объяснение с царем и вперед сдерживаться в своем поведении. Холодность и удаление царя прежде всего раздражили Никона, не привыкшего к такому обращению: он считал себя обиженным и не хотел смириться до того, чтобы искать объяснения и мерами кротости уничтожить нелюбье в самом начале. По этим побуждениям Никон также удалился и тем давал врагам своим полную свободу действовать, все более и более вооружать против него государя. Так, вскоре по возвращении царя из похода отношения двух друзей сделались очень на-

тянуты; надобно было ожидать взрыва накопившихся в том и другом неудовольствий. Враги Никона сторожили удобную минуту, чтобы подложить искру и зажечь вожделенную для них вражду между царем и Патриархом. Благоприятный случай к тому представился скоро.

В Москве делали торжественный прием грузинскому царю Теймуразу, прибывшему скрепить союз Грузии с Россиею. Патриарх оставил Воскресенское уединение свое, чтобы принять участие в деле, которое было в связи с делами церковными, и в котором участвовали предшественники его, начиная с Патриарха Иова. Но Патриарх не был приглашен во дворец. Изумленный Никон послал своего боярина узнать о причине. Стольник Богдан Хитров, любитель старины и родственник царский, ударил боярина палкою; посланный сказал, что он прислан Патриархом; Хитров повторил удар с грубою бранью. Раздраженный Никон требовал удовлетворения, и царь обещал лично объясниться с Патриархом; но из-за происков бояр Никон не получил удовлетворения. Патриарх надеялся поговорить с царем в праздники; но пришел один праздник (8 июля 1658 г.), и царь удержан был от выхода; пришел другой (10 июля), — Патриарх долго ждал царя; но князь Ромодановский, пришедший объявить, что царь не выйдет, стал публично упрекать Никона в гордости за титул великого государя и “сказал царским словом,” чтобы вперед Патриарх не смел называться и писаться великим государем.

Тогда Никон, огорчившийся до глубины души, потерял терпение. По окончании литургии он объявил вслух, что он более не Патриарх [6]; поставил к Владимирской иконе Богоматери посох святителя Петра и в ризнице написал письмо царю, прося себе кельи для пребывания. Это был поступок своеволия, достойный порицания и пагубный по своим последствиям. Царь, смущенный, хотел успокоить Никона: присланный им князь Трубецкой стал увещевать Патриарха: но Никон остался непреклонен, ожидая, по-видимому, “пришествия царского.” Еще раз явился боярин и произнес, наконец: “Великий государь указал тебе сказать, где ты изволишь, тамо себе монастырь и келии избери.” Тогда Патриарх, имевший на этот раз право оскорбиться только тем, что не сбылись его ожидания, вышел из собора, чтобы сесть на телегу. Народ не допустил его, царь прислал карету; но Никон отверг ее и в большую грязь отправился из Кремля пешком на Воскресенское подворье, а оттуда уехал в свой Новый Иерусалим. Вслед за ним был послан Трубецкой, чтоб еще раз от имени государя спросить о причине отшествия. Никон повторил, что “ради спасения душевного ищет безмолвия, отрекается от патриаршества и просит себе в управление только основанные им монастыри: Воскресенский, Иверский и Крестный.” Вместе с тем благословлял Крутицкому митрополиту Питириму управлять церковными делами и в письме к царю смиренно молил о прощении за скорый отъезд.

Поселившись в любимой обители, он посвятил себя попечению о построении каменной соборной церкви, принимал личное участие в работах: вместе с другими копал землю, носил камни, известь, воду. Близ монастыря устроил он пустынь, в которую часто уединялся для поста и молитвы. Молва о труженической жизни добровольного изгнанника не могла не тронуть сердца кроткого царя, в котором еще не изгладились следы привязанности к бывшему другу. Алексей Михайлович не переставал осыпать его милостями: посылал значительные суммы на содержание ему и братии, предоставил в полное распоряжение доходы с трех основанных им монастырей и принадлежащих к ним сел. Но враги удалившегося Патриарха, в числе их которые были и лица духовные (Крутицкий митрополит Питирим, Рязанский архиепископ Иларион, Чудовский архимандрит Иоаким), продолжали действовать. Стараясь сделать невозможным примирение, они, с одной стороны, более и более вооружали царя; с другой — поддерживали раздражительность в Патриархе. Ни-

кон, изнуряя свое тело постом и трудами, не смирился духом настолько, чтоб совершенно отказаться от притязаний на власть, которая ему уже не принадлежала.

Так прошло четыре года, и отсутствие ревностного первосвященника принесло горькие плоды для Церкви. С одной стороны, сам Никон лишил себя средств примирить простых с делом книжного исправления. С другой — враги Никона, стараясь унижить его, вместе с тем унижали дело святой правды и укрепляли суеверие. Без сомнения, созревшее зло открылось бы и без переворота в судьбе Никона, но в другом виде. Теперь же сами суеверы приняли наиболее сильное участие в гибели Никона. Они надеялись, что, низвергнув ненавистного им Патриарха, восторжествуют над самою Церковью. Они успели вернуть Аввакума из Сибири, и Аввакум в столице принимал был с честью, тогда как Патриарха судили и осуждали. Они открыто просили царя свергнуть Никона, жалуясь, что Никоново исправление книг грозит вере падением [7], внушали народу, что Никон в немилости, Никон под судом за исправление книг.

Может быть, в видах мира церковного, а вероятнее, ради окончательного низложения ненавистного им Никона митрополит Питирим [8] с боярами Салтыковым и Трубецким представил царю, что Церковь остается без пастыря и необходимо избрать нового Патриарха. Царь велел быть Собору. Тогда ненависть к Никону обнаружилась в самом черном своем виде. Чего только не говорили о нем! Больно слушать крики страстей, дошедших до дикости. Впрочем, нашлись два лица, которые довольно свободно говорили в пользу Никона на Соборе. Ученый Епифаний Славеницкий, писавший соборные акты, объявил, что в правилах церковных не нашел он, чтобы отрешенного епископа лишали священства. А Игнатий Иовлевич, архимандрит Полоцкий, говорил, что, не выслушав голоса самого Патриарха, почему удалился он от кафедры и желает ли оставить ее навсегда, нельзя составлять определения об отрешении его от управления Церковью; к тому же русские епископы не вправе судить своего архипастыря без участия восточных патриархов. Сей голос проник в кроткое сердце царя, и постановления Собора не были утверждены.

К несчастью Церкви, прибыл в Россию бывший митрополит Газский Паисий Лигарид. Об этой личности, по важному участию ее в деле Никона, необходимо сказать предварительно несколько слов.

Панталеон Лигарид (мирское имя Паисия) был уроженцем острова Хиоса, получил образование в Риме, в греческой коллегии, учрежденной папою Григорием XIII. Оставив Рим в 1642 году [9], он искал, безуспешно, счастья в Константинополе, потом перешел в Угро-Валахию, был учителем в Яссах и там сумел расположить к себе пребывавшего в молдавских монастырях Гроба Господня Иерусалимского Патриарха Паисия. Последовав за ним в Иерусалим, Панталеон принял от него пострижение и получил новое имя Паисия, которым прикрыто было все старое.

Наш паломник Арсений Суханов, находившийся в то время в Иерусалиме, был восприимчивым отцом Лигарида. Спустя несколько лет монах Паисий был уже митрополитом Газы палестинской и, несмотря на перемену имени, подвергся осуждению патриархов Досифея и Хрисанфа (преемников покровителя его Паисия) за свои прежние неправославные сочинения [10]. При непрестанных странствованиях с места на место Паисий обратил на себя внимание Патриарха Московского Никона. Имея нужду в ученых людях для исправления церковных книг, Никон по рекомендации Арсения пригласил его к себе в Москву, тем более что слышал и о собственном желании Паисия приехать в Россию. “Слышахом о любомудрии твоём, — писал он к Лигариду в 1657 году, — от монаха Арсения, и яко же лаеши видети нас, великого государя: тем и мы тебе, яко чадо наше по духу возлюбленное, с любовию прияти хоцем. Точию, прием сия наша письмена, к царствующему граду Москве путешествовати усердствуи.” Но неизвестно, почему Паисий не последовал не-

медленно этому приглашению и только уже спустя несколько лет явился в Москву, когда Никон был совсем в другом положении, и явился не для пособия заботливому Патриарху в его полезных для Церкви трудах, а для отягчения его участи.

Паисий был самый истый грек из всех приезжавших в Россию греков, хитрый, льстивый, проницательный и всего более дороживший корыстью, которая, собственно, и привлекала его в Россию и для которой он охотно жертвовал и долгом, и совестью. Приезд его обрадовал обе стороны: царь принял его очень ласково, как человека, который при основном знании церковных правил легко может распутать это трудное дело, безуспешно тянувшееся целых пять лет. Никон, со своей стороны, тоже рассчитывал найти в Паисии своего защитника, тем более что тот явился в Москву по его приглашению. Он поспешил отправить к Паисию Арсения-грека с приветствием. Но обласканный царем и еще более вельможами Лигарид не замедлил стать в ряду самых злых врагов Никона. Первым делом для Паисия и вельмож были вопросы, поставленные родственником царским Семеном Стрешневым Паисию о Никоне, и ответы Паисия, выбранные из церковных правил в осуждение Никону. Между тем Никон, обычно не совсем доверчивый, не зная Паисия, в письме к нему излил жалобу на свое положение и подобную же грамоту написал Константинопольскому Патриарху. Грамота была перехвачена вельможами; письмо к Паисию было, как понятно, также в их руках, и обе бумаги глубоко огорчили доброго царя.

Вопросы Стрешнева и ответы Паисия скоро дошли до Никона. Теперь он уже видел совершенно ясно, как жестоко обманулся в Паисии и какого опасного врага нажил в нем, ожидая встретить защитника. На вопросы и ответы он отвечал, со своей стороны, сильными возражениями, причем обнаружил обширную начитанность и замечательную силу ума, смело высказал свой взгляд на многие важные предметы, имевшие отношение к его делу, выразил убеждения, в силу которых он действовал прежде, — выразил с полною откровенностью, несколько не стесняясь тем, что они могут послужить орудием против него же. Например, по поводу обвинения в том, что позволял себе бить подчиненных, Никон говорит прямо, что, действительно, иногда и в церкви смирял он непокорных, и даже “рукою помалу,” — но что он не отказывается и на будущее время поступать таким образом с людьми бесчинными, так как, по его убеждению, “тот не погрешит против истины, кто, взявши бич, изгонит из церкви соборной творящих беззаконие, говоря: дом Мой домом молитвы наречется, вы же властью сего мира сотвористе вертеп разбойников.” В возражениях Никона отразилось вполне смятенное, взволнованное до самой глубины состояние духа, в каком он находился в то тяжелое время своей жизни. Как-будто он и писал их единственно с тою целию, чтобы вылить на бумагу подавлявшие его ощущения, которые ему необходимо было высказать, чтобы сколько-нибудь облегчить себя, а высказать было некому; предположение это тем более вероятно, что Никон, как видно, не имел намерения сделать какое-либо употребление из написанных им возражений и никому не подавал их в виде протеста.

В конце 1662 года вельможи убедили царя потребовать сведений о состоянии имущества церквей, монастырей и дома патриаршего с донесениями настоятелей, каких вещей и подарков требовал от них Никон. В то же время раскрыт был тайный архив Патриарха. Понятно, какое впечатление должны были произвести на него известия о таких крупных обидах, как обвинение в растрате казны, вмешательство светских в духовные дела, осмотр его келий и бумаг. Никон в письме к государю горько жаловался на эти обиды и выражался тем резким и смелым языком, каким обыкновенно говорил в минуты душевного волнения и которому придавало теперь еще более силы сознание правоты своего дела. С особенным негодованием писал он об обыске, произведенном в его кельях, и горько жаловался на дерзость, с какою нарушены были тайны совести, вверенные ему, как святителю

[11]. Царь Алексей Михайлович не мог не признать справедливости Никоновых жалоб; но, с другой стороны, резкий тон письма, смелые и неумеренные обличения не могли не огорчить его: он сам признавался приближенным людям, как сильно “оскорбляют и досаждают его жестокие письма” Никона. Враги Никона, устроившие все это, торжествовали: им удалось разрушить добрые отношения между царем и Патриархом, возбудить между ними новые неудовольствия и сделать взаимные отношения их затруднительнее и запутаннее прежнего. Время между тем проходило. Царь оставался под влиянием бояр и хотя все еще не решался приступить к избранию нового Патриарха, но уже не делал попыток к сближению с Никоном; Никону, в свою очередь, труднее было теперь вернуть прежнее спокойствие; положение его становилось безвыходное, и теперь-то особенно явились те внутренние искушения, для борьбы с которыми нужна была великая нравственная сила. Напрасно думал Никон подавить поднимавшуюся внутри его бурю суровыми аскетическими подвигами, даже усиленными физическими трудами, разделяя их с работниками, работавшими при постройке Воскресенского монастыря.

Вскоре после того началось другое дело, не менее тяжкое для Никона. Тяжба с родственником царским, стольником Романом Бобарыкиным, которому монастырский приказ присудил землю, купленную Патриархом для Воскресенского монастыря, привела Никона в безмерное раздражение; он прибег к тому несчастному средству мщеника, к которому, как он сознается, он обращался, “от тяжкия кручины огорчеваясь”: он проклял Бобарыкина. Притом это несчастное дело Никон совершил каким-то особенным образом: отслужил молебен, за молебном велел прочесть царскую жалованную грамоту на земли Воскресенского монастыря, как бы в свидетельство того, что отнятая Бобарыкиным земля действительно составляет монастырскую собственность, и потом стал читать 108-й псалом, выбирая из него известные слова проклятия, и прилагая их к “обидящему,” да будут дние его мали, да будут сынове его сиры и жена вдова и проч. Бобарыкин сделал донос, что эти проклятия Никон относил к лицу государя. Чувствительный и очень набожный царь был, разумеется, огорчен этим известием до крайности. Назначено исследование на месте. В следователи избраны враждебные Никону бояре (князь Никита Одоевский и Родион Стрешнев) и несколько духовных лиц, между которыми первое место занимал Паисий Газский, легкомысленно принявший на себя судебную должность в чуждой ему Церкви, не имея от своего Патриарха не только полномочия, но даже и вида на свое звание.

Здесь суждено было Никону и Паисию, врагам прежде первого свидания, встретиться впервые лицом к лицу. Не станем исчислять всех наглых речей следователей (особенно Лигарида), обращенных к Никону, ни ответов Патриарха, не менее суровых и дерзких [12]. Хотя царь приказал вельможам-следователям обходиться с Патриархом Никоном со всем уважением, подобающим его сану, но они, окруженные толпами стрельцов и чиновников, распорядились Никоном по-своему: вместо вопросов предлагали ему укоризны и брань, запирали его в келье и живших с ним в монастыре подвергли пыткам. Никон доказал, что проклинал не царя, а обидящего Бобарыкина. “Я служу за царя молебны, — сказал он, — а не проклиная его на погибель.” Окружающие его монахи также подтвердили, что Патриарх за царя постоянно молится, а кого проклинал, они не знают. Итак, исследование не подтвердило доноса и только довело Патриарха до последней степени раздражения. Из донесения следователей, явно недобросовестных, царь не мог не видеть ненависти, преследующей Никона, и поспешил успокоить Патриарха своим расположением, потом послал ему подарки.

Но враги Патриарха не дремали: Паисий в письме к царю, выставя себя ревнителем Церкви и царской чести, писал, что для пользы Церкви и царя надобно снести с

Константинопольским Патриархом. Он же приготовил еще прежде вопросы о царской и патриаршей власти, не называя в них по имени Никона, но выбирая случаи из истории Никона в том виде, в каком представляла их враждебная сторона. Царь отправил вопросы не к одному, а ко всем патриархам. В 1664 году получены ответы, но все в неопределенных выражениях, а о самом Никоне не было ни слова. Конечно, все ответы имели ближайшее отношение к его делу и уполномочивали Собор русских пастырей действовать по отношению к нему самостоятельно; но все-таки они возбуждали сомнение, то ли именно сказали бы патриархи, если б их прямо спросили о Никоне, если б им с полной откровенностью изложили его дело. А Иерусалимский Патриарх Нектарий, хотя и подписался под определением Собора, но в особом письме просил царя за Никона; он писал, что ни в грамоте царской, ни в наказе послу не находит причин к строгому осуждению Никона, и умолял царя вспомнить заслуги Никона возвращением его к кафедре и, не слушая возмутителей покоя, умирить Церковь [13]. Голос одного из замечательнейших по глубокой учености и ревности к православию восточных первосвятителей произвел сильное впечатление на царя; он внушил ему сомнения относительно действительной важности патриарших ответов в приложении к делу Никона, показал, что ответы в том виде, как они написаны, не могут привести дело к верному и несомнительному решению и что для этого нужно придумать новые средства. Царь решился пригласить самих патриархов в Москву для личного присутствия на Соборе, который должен будет заняться подробным рассмотрением и решением дела о Патриархе Никоне. В ответ на царское приглашение Константинопольский и Иерусалимский патриархи отказались ехать в Россию по причине трудности путешествия и смутного состояния церковных дел в их собственных областях. Изъявили согласие отправиться в Москву два других Патриарха — Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий; последний бывал уже в России, именно во дни могущества Патриарха Никона, и был хорошо знаком с русским гостеприимством.

Когда горестный конец Никонова дела уже приближался, когда не оставалось уже, по-видимому, никакой надежды к примирению, лучшие из окружения царя стали замечать в разговорах царских сожаление об участи, ожидающей бывшего его друга, и желание вернуться к прежнему дружелюбию [14]. Царский постельничий, издавна расположенный к Никону, Никита Зюзин писал ему, что чрез ближних людей Артамона Сергеевича Матвеева да Афанасия Лаврентьича Ордына-Нащокина государь приказал ему, Зюзину, отписать к Патриарху, чтобы он немедля приезжал в Москву и шел прямо в соборную церковь Успения. По прочтении письма, Никон вполне уверенный в искренности Зюзина [15] и обнадеженный слухами о жалости, выражаемой государем, сказал: “Буди воля Божия, сердце царево в руке Божией, а я рад миру.” Чтобы восстановить союз любви, Никон прибыл в Москву прямо в Успенский собор в день памяти святого митрополита Петра (21 декабря) во время утрени и послал звать царя на молитву. Это произвело сильную тревогу. Минута была решительная: от нее зависело или падение врагов Никона, или окончательное низвержение его. Враги убедили царя не принимать Патриарха и объявить ему ехать обратно в Воскресенский монастырь. Огорченный Патриарх сказал вслух, что отрясает прах с ног своих там, где не принимают его [16]. Потом грамотою объявил согласие свое на избрание нового Патриарха с тем, чтобы оставлены были в ведении его построенные им монастыри, прощал всех оскорбивших его, разрешил как виновных перед ним епископов, так и бояр Стрешнева, Бобарыкина и подобных им, если они окажут раскаяние; желал также, чтобы не был запрещен ему доступ к царю и доступ к нему желающим посещать его. Но эти условия очень не нравились враждебной стороне: пребывая на покое близ Москвы, Никон мог снова сблизиться с царем и сделаться опасным для тех, кто старался погубить его.

Убедили царя положиться на решение Собора под председательством приглашенных патриархов, а письмо Никона было оставлено без внимания.

В ноябре 1666 года прибыли, наконец, в Москву два первосвятителя Православной Церкви: Паисий, “милостию Божиею папа и Патриарх великого града Александрии и судия вселенной,” и Макарий, “милостию Божиею Патриарх Божия града Антиохии и всего Востока.” Под председательством самого государя открылся Собор, на котором, кроме обоих патриархов, участвовали четыре митрополита русских, шесть греческих (из Никеи, Амасии, Иконии, Трапезунда, Варны, Хиоса), один грузинский и один сербский, шесть наших и два греческих архиепископа, пять епископов, более пятидесяти архимандритов, игуменов и протоиереев; присутствовал и весь синклит царский. Заседания открылись 1 декабря 1666 года: царь сидел на высоком троне, патриархи занимали богато украшенные места. Торжественна была минута, в которую Никон, вызванный из своей обители и приготовившийся к суду причащением Святых Тайн и елеосвящением, явился уверенный в правоте своей, гордый и непреклонный, как прежде. Никакие убеждения не могли заставить его прийти без преднесения, по чину патриаршему, животворящего креста. Все присутствовавшие встали. Он прочел входную “Достойно есть” и сотворил отпуск; трижды поклонился царю, потом патриархам и всему освященному Собору. Но, не видя для себя места наравне с патриархами, не хотел сесть на указанное ему, которое было без возглавия и подножия, и стоя слушал обвинения в течение нескольких часов. Обвинителем явился сам царь. Весь взволнованный, в слезах стоял он пред святителями, произнося обвинения на своего бывшего душевного друга, жаловался на самовольное удаление Патриарха, на восьмилетнюю церковную смуту по его вине, отрицал всякую вражду к нему со своей стороны. Если бы в эту минуту Никон решился сделать один добрый, уступчивый шаг, царь Алексей Михайлович, по всей вероятности, здесь же на Соборе искренне примирился бы с ним. Но крутой, чуждый смирения, неуступчивый нрав не допустил Никона сделать этого шага; он отвечал, что ушел от царского гнева, но в свою же епархию и патриаршества не оставлял. Царь представил Собору перехваченное письмо Никона к Патриарху Цареградскому и жаловался на бесчестие. Никон отвечал, что письмо это он написал духовно и тайно к своему брату, и не его вина, что написанное тайно делается явным.

На Соборе представлено множество обвинений против Никона. Между ними одни были заготовлены еще прежде и являлись поводом к созванию Собора и приглашению восточных патриархов; другие возникли во время самого суда. В числе первых обвинений были следующие: а) Патриарх Никон самовольно, без благословной вины оставил престол свой и пребывал в уединении слишком продолжительное время, от чего произошли в Церкви беспорядки; б) досаждал государю и не был ему покорен, а митрополита Газского называл еретиком и мятежником; в) без соборного суда подвергал запрещению некоторых епископов и лишал их епархий; г) по удалении от патриаршего престола посвящал некоторых в духовный сан; д) будучи Патриархом, вмешивался в дела гражданские. К другим же обвинениям, открывшимся на Соборе, относились следующие: е) когда был призван на Собор, по обычаю церковному, то пришел не в смиренном виде; ж) унижал патриархов, говоря, что они не владеют древними своими престолами; з) отверг правила средних и поместных Соборов, бывших по седьмом Вселенском [17]; и) в письмах к патриархам православнейшего государя обвинял в латинстве, называл мучителем неправедным, говорил, что и вся Русская Церковь преклонилась к латинским догматам; й) живя в Воскресенском монастыре, многих людей наказывал не духовно, но мучил мирскими казнями; к) построил монастырь Воскресенский, назвав его Новым Иерусалимом, и таким образом надругался над святым названием; л) отнял многие вотчины для своих новоустроенных монастырей, распорядился в этом случае самовластно и в ущерб имени монастырей, принад-

лежащих другим епархиям. Таковы были обвинения, которые читали Никону в Чудовской церкви по окончании всех соборных рассуждений, — обвинения, вследствие которых он и был низложен.

Самое важное из всех обвинений, возведенных на Никона, основывалось на пагубных последствиях удаления его от пастырской деятельности: на “волнении и колебании Церкви, на умножении нестроений,” словом — на расколе, который значительно усилился во время продолжительного вдовствования Церкви [18]. Действительно, с удалением Никона, преследовавшего зло, оно быстро оживилось и восстало с новою силою; те, кто был совершенно усмирён силою ума и воли Патриарха, теперь снова явились деятельными поборниками своих лжеучений, получив к тому полную свободу; вызванные снова боярами и, не видя здесь прежнего своего обличителя, они стали свободно развивать свою пагубную деятельность. Но в этом прискорбном явлении можно ли обвинять исключительно одного Никона? Не более ли виновными являются те, кто был причиною удаления Патриарха? Бояре стеснили чрез монастырский приказ деятельность патриаршего судного разряда, которому принадлежали дела по преступлениям против святости патриаршего сана, своей клеветой при дворе не дали ему докончить великого дела. Возвратив из ссылки в Москву главных зачинщиков раскола, они под видом ревности к старой вере, а на самом деле для успешного выполнения своих замыслов открыли широкий путь распространению раскола.

На последнем заседании Собора в Благовещенской церкви Чудова монастыря (12 декабря 1666 г.) была решена участь Никона. При этом печальном действии добрый царь не хотел присутствовать; не приняли участия в нем и достойнейшие пастыри того времени: Лазарь Черниговский, Симон Вологодский и Михаил Коломенский. Никону объявлено было, что он, от имени всех патриархов и Собора российского духовенства, присужден к лишению святительского сана и заточению, с сохранением только звания простого монаха в одной из пустынных обителей “даже до последнего его издыхания, яко да тамо возможет плакаться своих грехов в безмолвии мнозе” [19]. Тщетно возражал Никон, что его осудили не в соборной церкви, где он воспринял жезл пастырский, а в частной, монастырской и в присутствии одних клеветников его. Не удерживая своего негодования, называл он незаконным суд, произведенный “пришельцами и наемниками.” Патриархи стали снимать с него клобук с жемчужным херувимом и драгоценную панагию. “Разделив их, можете поправить ваше рабское состояние,” — произнес низложенный. Отправленный в Феррапонтов Белозерский монастырь он не принял богатой шубы и других даров, присланных от царя для обеспечения его во время путешествия; велел сказать, что Никон ничего не требует. Садясь в сани, он говорил сам себе: “Никон, Никон! От чего же все это тебе приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы. Давал бы ты богатые обеды и вечерял с ними, не было бы тебе этого.”

Низложением Никона не окончилась деятельность великого Собора: окончив в 1666 году суд над бывшим Патриархом, Собор в следующем, 1667, году произнес осуждение на упорных расколоучителей и их последователей.

На Соборе выяснилась необходимость полного, всестороннего исправления церковного порядка, нарушенного из-за исправления церковно-богослужебных книг Патриархом Никоном. Необходимость эта была тем настоятельнее, что неудовольствия и волнения дошли до открытого отступления от Церкви; духовенство усиливало эти волнения; священники, по выражению Собора, “вознерадели о всяком церковном благочестии и попечении,” позволяли себе произвольные действия, противные правилам церковным, даже начали образовывать свои отдельные общества, неповинуящиеся Церкви; мало-помалу стало развиваться мнение, что “ересьми многими и антихристовою скверною осквернены

церкви и чины и таинства церковныя” [20]. В духовенстве усматривалось грубое невежество, небрежность к своему делу, даже прямые нарушения обязанностей, происходящие от корыстного пользования местами, нетрезвость, неповиновение установленной власти; в среде монашествующих заметно было пренебрежение иноческими обетами и нарушение строгости монастырской жизни; в поведении народа — небрежное отношение к местам Богослужения, равнодушие к Таинству покаяния и другие признаки упадка истинного благочестия. На Соборе постановлены были и определения: а) ближайшим образом относившиеся к делу исправления книг и тех именно мест, которые были защищаемы раскольниками; б) касавшиеся жизни и поведения духовенства и, наконец, в) имевшие целью искоренить те беспорядки, которые замечены были в церковной жизни.

Определения, известные под общим наименованием определений Собора 1666-67 года, собственно суть: 1) определения Собора русских архиереев и высшего духовенства, бывшего под председательством митрополита Питирима в феврале 1666 года; 2) определения Собора русских архиереев и прочего духовенства вместе с восточными патриархами в 1667 году и 3) определения Собора русских пастырей под председательством новопоставленного Патриарха Иоасафа II [21].

Приступая к решению вопроса о раскольниках и их заблуждениях, Собор счел нужным предварительно изложить свое мнение о трех предметах, имеющих значение “оснований” в деле о расколе.

Предметы эти суть вопросы: о патриархах греческих, о греческих богослужебных книгах, о Соборе 1654 года. Два первых вопроса возникли, конечно, не по сомнению в чистоте верований православных восточных патриархов и неповрежденности греческих богослужебных книг, а потому, что появились дерзкие отрицания со стороны раскольников. Предубеждения против Церкви Восточной, нужно заметить, уже с давних пор росли в народе русском. Несчастное положение Греческой Церкви под владычеством турок, заставлявшее греков обращаться к Западу, приводило кое-кого в России к неверной мысли о том, будто Греческая Церковь впала в латинство и что греческие книги, печатаемые на Западе, утратили свой первоначальный православный характер и имеют отступления от Православия в духе западном. Предчувствуя, что вслед за патриархом Никоном и другими пастырями Русской Церкви восточные патриархи выступят со словом обличения против них, отделившиеся не устыдились обвинить восточных пастырей в неправославии и этим самым отрицать одно из важных доказательств, на которых утверждался Патриарх Никон в деле исправления церковно-богослужебных книг. Последовательно проводя свою мысль, раскольники признали недействительными и определения Московского Собора 1654 года именно потому, что в глазах Патриарха Никона и всей Русской Церкви определения эти были очень важны, так как побуждения к ним были поданы со стороны восточных первосвятителей и утверждение и засвидетельствование важности этих преданий проистекли от них же. Прежде всего предложен был вопрос: ато нужно думать о патриархах восточных? Остались ли они верными Православию, живя под властью мусульман? Решая этот вопрос, Собор определяет: “Исповедовать святейших патриархов: Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского по настоящее время пребывающими в Православии.” Другой вопрос был: “Праведны ли и достоверны ли печатные книги греческие, употребляемые патриархами восточными и священниками в священнослужении?” В деле исправления церковно-богослужебных книг, как вначале, так и впоследствии, Никон всегда старался поставить на вид важность греческих книг; и когда дело было сделано и исправленные книги стали вводить в употребление, тогда каждое отличие их от старых книг для людей несведующих казалась, по собственному их признанию, “латинской ересью.” И так как такого рода сомнение стояло в связи с предыдущим,

то и отцы Собора, опровергнув первое, опровергнули и второе: они единодушно определили, что “книги печатные и рукописные, которые употребляют святые патриархи и по которым исполняют славословие Божие и чины церковные, должно признавать православными и, следовательно, во всем принимать их.” Когда таким образом единодушное определение Собора признало верность Православию Церкви Восточной и ее богослужебных книг, то само собою открывалось значение Собора Московского 1654 года: он “признан был православным, истинным.”

Затем на Соборе было изложено мнение о тех основаниях, на которых думали утвердиться державшиеся раскола. Этими основаниями для расколуучителей были:

- 1) Собор 1551 года, известный под именем Стоглавого. Положения раскольников, опровергаемые Собором 1666-67 годов, почти все первоначально были высказаны на Стоглавом Соборе, и для раскольников постановления этого Собора были особенно дороги; они представлялись им в виде непререкаемых оснований древнецерковного учения; в Стоглаве представлены были доказательства для некоторых нерешительных раскольнических мнений; эти доказательства почти с буквальной точностью приводились раскольниками в борьбе против учения православного.
- 2) Житие преподобного Евфросина Псковского, в котором доказывается древность употребления сугубой аллилуйи в Церквах Русской и Греческой.
- 3) Свидетельство Мелетия и Феодорита в пользу двуперстного сложения.
- 4) Указание на Максима Грека, будто он учил читать и петь аллилуйя сугубое.
- 5) После исторических свидетельств раскольники в основание своих положений приводили и собственные объяснения и рассуждения. Так, доказывая свое мнение о сугубой аллилуйи, раскольники приводили в свое оправдание толкование, будто аллилуйя значит то же, что и слава Тебе Боже.

В своих определениях Собор излагает мнение о каждом из этих оснований. Отцы Собора, признавая недействительными постановления Стоглава, приводимые раскольниками, указывали, что этот Собор не чужд был ложных мнений, погрешности допущены им “нерассудно,” простотою и неведением, — внесено в церковное правило то, чего сами не могли хорошо понимать. Замечают даже, что это был только поместный Собор, так как в определениях своих не имел сношения с Церквами Восточными, тогда как это надлежало сделать в силу единоверия Церквей и это в обычае Восточной Церкви. Стоглав, не исполнивший этого обычая, есть только частный, поместный Собор, решения которого должны быть предоставлены на суд Собора важнейшего. Последний, т. е. “большой” Собор, может и должен исправить неправильности “меньшего” Собора. Присутствие самого царя не делает Стоглавый Собор равным Вселенскому, потому что характер Вселенского Собора есть именно тот, чтобы на нем — или сами непосредственно, или чрез своих представителей — присутствовали епископы всех Церквей, как это заповедует 2-е правило Карфагенского Собора. Заключительным выводом было то, что если Собор Стоглавый был поместным, то и постановления его можно отменять и изменять. Клятву, положенную на Соборе Стоглавом, Собор 1667 года разрешает и разрушает, как безрассудную клятву, ибо, по замечанию отцов Собора, митрополит Макарий и его сподвижники на Соборе не только не соглашались с древними греческими и славянскими книгами, но и издали свои определения без сношения с Восточными Церквами. Суждение Собора о другом основании раскольнических мнений — “жизни Евфросина” — было такое же, как и о Стоглаве; Собор сделал подробное и полное опровержение мнения о сугубой аллилуйе. Не признали отцы Собора

истинным и свидетельство Мелетия и Феодорита. А о свидетельстве Максима Грека Собор заметил, что это свидетельство не могло принадлежать Максиму, как человеку особенно мудрому и ученому, который не стал бы приводить мнения нетвердого и ни на чем не основанного. Наконец, и собственным рассуждениям раскольников Собор противопоставляет свои объяснения. Так на толкование раскольников, будто аллилуия есть то же, что и слава Тебе Боже, Собор дает иное, правильное объяснение.

Так в своих определениях Московский Собор опровергает все основания, приводимые раскольниками в защиту своих мнений.

Далее, рассмотрев основания свои и раскольничьи, Собор рассматривает самый “предмет” отделения раскольников от Церкви Православной — богослужебные книги и исправление их при Патриархе Никоне.

По рассмотрении некоторых церковно-богослужебных книг Собор вынес свое решение о “Служебнике” Патриарха Никона. Еще на Соборе 1651 года рассматриваем был Служебник, и в нем сделано было несколько поправок. В 1655 году на другом Московском Соборе Патриарх Никон, пользуясь присутствием Патриарха Антиохийского Макария, предложил снова на рассмотрение Собора Служебник; он был рассмотрен и одобрен. Вновь рассмотренный и напечатанный во время самого Собора Служебник Никона был утвержден. Другую книгу, обратившую на себя внимание Собора, была “Скрижаль.” Русской Церкви еще совсем недавно сделалась известна эта книга: когда Патриарх Никон просил восточных патриархов принять участие в исправлении книг, то Патриарх Паисий препроводил между прочим толкование на чин Богослужения, иначе Скрижаль, рассмотренную и одобренную, как он писал, на Соборе; так как в этой книге изъяснялся почти весь круг церковного Богослужения, то Собор определил воздавать ей особенную честь. Рассмотрена и одобрена была книга, которая, хотя и не принадлежала кругу богослужебных, но имела важное значение в деле полемики против раскола. Это “Жезл правления” Симеона Полоцкого [22]. Были рассмотрены и утверждены ответы Патриарху Никону (эпистолии), присланные в 1655 году Патриархом Константинопольским Паисием на те вопросы, которые предлагал Никон. Наконец, Собор издал свое решение о сочинении касательно сложения перстов при крестном знамении — сочинении, обыкновенно препосылаемом Псалтири следованной и другим церковным книгам; соборное определение запрещает веровать этому сочинению и повелевает уничтожить в печатных книгах, как “невежественное и нерассудное” [23].

Затем Собор обратил внимание на те “частные положения,” содержащиеся в богослужебных книгах, которые явились исправленными в новопечатных книгах, по сравнению со старопечатными. Таковыми были: а) чтение 8-го члена Символа Веры, б) крестное знамение, в) чтение так называемой молитвы Иисусовой, г) почитание четвероконечной и восьмиконечной формы животворящего креста и д) хождение посолонь.

Все эти частные положения, как составляющие главный предмет разногласия Православия и раскола, уже очень известны, поэтому мы только перечислим вкратце самые определения Собора. Излишнее слово в 8-м члене Символа Веры “истинного” Собор определил опустить. Вместо двуперстного сложения при крестном знамении Собор определил употреблять троеперстное, как древнее и всеобщее, и при этом отличает образ перстосложения при крестном знамении и при пасторском именованном благословении. В Иисусовой молитве вместо слов “Боже наш” раскольники читали “Сыне Божий.” Отцы Собора не осуждают и то, что читают раскольники, но только утверждают свою, как “соборную и общую,” а особенно “секущую меч на еретики арианы.” Вместо исключительного почитания раскольниками восьмиконечного креста с надписанием “се Агнец Божий” и адамовою головою Собор определил воздавать равное почтение и четвероконечному кресту и этот по-

следний изображать на просфорах, назначаемых для жертвенного Агнца. Наконец, раскольники защищали ошибочный обычай — хождение посолонь, которое действительно предписывалось в старопечатных книгах при некоторых священнодействиях. Восточные патриархи замечали на Соборе, что ходить по направлению к западу не согласно с Восточною Церковью. Поэтому согласно с обычаем Церкви Восточной и Древнерусской Собор отверг раскольническое мнение и определил, чтобы хождение с плащаницею, мощами, хождение вокруг купели при крещении, вокруг аналоя при Таинстве брака совершалось по направлению к востоку.

Из всех рассуждений и определений Собора выходило то общее заключение, что церковно-богослужебные книги исправлены законно и правильно и остались вполне верны древнецерковному Православию и что, следовательно, Церковь, принимающая в употребление эти книги, также православна. На этих общих выводах держится и то постановление, что те, кто не принимает новоисправленных книг, не признают их православными, равно те, кто не почитает православною Церковь, принимающую таковые книги, должны быть считаемы “раскольниками.” Чтобы подействовать на упорных страхом церковного наказания, Собор присовокупил к этим общим постановлениям и угрозы: “Аще кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святой Восточной Церкви и сему священному Собору или начнет прекословить и нам противлятися: и мы такового противника данною нам властью от Святого и Животворящего Духа проклятию предаем.” Вследствие таких определений бывший протоиерей Аввакум, поп Лазарь, чернец Епифаний, диакон Федор и др. преданы были анафеме, как противники Православию.

Эта анафема доселе производит сильное действие на старообрядцев: они утверждают, будто бы начало отделения их от Церкви последовало вследствие произнесения Макарием, Патриархом Антиохийским, в Москве в 1666 году и Московским Собором 1667 года клятв на содержащих старые обряды и будто клятвы произнесены были прежде, а потом последовало отделение. Они как-будто не видят или, лучше сказать, не хотят видеть, что клятвы Собора суть не что иное, как приговор, или осуждение, произнесенное Собором на людей, уже показавших себя противниками Церкви, и именно на них, а не на обряды, защитниками которых они себя выставили, потому что отделение расколотых от Церкви последовало прежде 1667 года, как ясно видно из наглых поступков и писаний зачинщиков раскола. Самое учреждение “правил единоверия” неоспоримо доказывает, что Православная Церковь не осуждает строго различия в обрядах, но отсекает от себя анафемою тех, кто из-за обрядов отделяется от единства церковного. Припомним слова приснопамятного нашего святителя, митрополита Московского Филарета: “Изреченное Собором 1667 года проклятие положено на непокоряющихся святой Восточной Церкви и священному Собору, на противников, яко еретиков и непокорников. И, следовательно, вступившие в мир и соединение со святою апостольскою Церковию, поелику сим являют, что они не суть противники, то по самой силе определения Собора 1667 года должны быть разрешены и разрешаются и пребывают свободны от изреченного тем Собором проклятия. При сем надлежит принять во внимание, что писанное в книге Стоглава о знаменнии честного креста и о сугубой аллилуйи и о прочем Собор 1667 года, хотя и нашел несходным с древними греческими и славянскими харатейными книгами и сего не одобрил, но, однако, на сию книгу и на писанное в ней и на упоминаемое в ней Собор своего проклятия не положил, рассуждая, что писано то по неведению и что составившие описанный в сей книге Собор не были противниками Церкви. И потому святейший Синод не против суждения Собора 1667 года и благословно вступившим в соединение и мир со святою апостольскою Церковью по снисхождению разрешает обычное для них употребление выше упомянутых и прочих подобных обрядов [24].

35. Патриарх Иоаким. Соловецкий бунт. Собор 1681 года. Заботы о просвещении.

За семь лет переменилось два преемника Никона на Московском патриаршем престоле. Они прошли едва заметно, как тени, и, действительно, казались теньями, сравнительно с тою личностью, которой место они заняли. Первый из них, Патриарх Иоасаф II, посвященный двумя Восточными Патриархами в январе 1667 года из архимандритов Троицкого Сергиева монастыря, старец добрый, кроткий и незлобивый, остался в памяти только по деяниям великого Собора, в которых он участвовал. Здесь, кроме суда церковного над противниками Церкви, определены были многие статьи, касающиеся внутреннего и наружного устройства церковного, и отменены вкравшиеся ложные обычаи, как то: перекрещивание переходящих к нам из Латинской Церкви и запрещение служения вдовым священникам, а также некоторые несвойственные привилегии, данные архимандритам великих обителей. Соображаясь с нуждами расширяющегося царства, Собор рассудил сделать некоторые изменения в составе епархий: архиепископы Астраханский, Тобольский и Рязанский возведены были в степень митрополитов, основано епископство в Белгороде, восстановлены особые епархии в Нижнем Новгороде и Владимире, Пермская епархия отделена от Вятской, положено увеличить число епархий в Сибири. Изданы многие постановления, касавшиеся устройства судов патриарших и епископских, имуществ архиерейских и монастырских. Исправление богослужебных книг по греческому тексту не прекращалось при Патриархе Иоасафе. В 1670 году издана была Цветная Триодь, сверенная с подлинником, а в 1672 году напечатана Постная Триодь, вновь переведенная с греческого текста.

По кончине Иоасафа (в 1672 г.) избран на патриаршество митрополит Новгородский Питирим, один из врагов Никона. Десятимесячное пребывание его на престоле прошло бесследно для Русской Церкви, но в лице преемника его она получила снова мудрого, твердого и ревностного первосвященителя.

Иоаким, из дворянского рода Савеловых, с ранней юности обучался в Киево-братской коллегии, потом проходил военную службу и на 35-м году жизни (в 1655 году) принял пострижение в Киево-Межигорском монастыре [1]. Вызванный в Москву Патриархом Никоном в 1657 году [2] он был архимандритом Чудова монастыря, потом митрополитом Новгородским; возведен на патриаршество в июле 1673 года. Промысл Божий судил ему во все время управления Русскою Церковью непрестанно бороться то с расколом, то с отпрысками папизма.

При самом вступлении на первосвященительский престол он застал горестное и небывалое дотоле событие: бунт в Соловецкой обители против Церкви и царской власти.

Еще в 1657 году присланы были в Соловецкий монастырь новоисправленные книги. Старые иеромонахи посмотрели на них и сказали, что они “старики и по старым книгам едва читают, а по новым, сколько ни учиться, не навькнуть будет.” Некоторые, помоложе, хотели было служить по-новому, но им запретил это архимандрит Илия. В Москве в это время заняты были делом Никона и не обратили надлежащего внимания на отдаленный монастырь, только сменили Илию. А между тем старообрядчество все зрело в обители под влиянием множества сосланных сюда противников Никона. Здесь жили князь Львов, бывший начальник печатного двора при Патриархе Иосифе, и бывший архимандрит Саввина монастыря Никанор, некогда бывший духовникот царским, а теперь ставший во главе

восстания. В обитель явились разбежавшиеся сообщники волжского разбойника Разина и множество безрассудных ревнителей мнимой старины. Когда после великого Собора снова прислано было в монастырь требование служить по-новому, келарь Азарий и казначей Геронтий написали челобитную государю от лица всей братии, в которой просили оставить монастырь в старом предании чудотворцев. После нескольких попыток к вразумлению упорных [3] в 1668 году царь послал в монастырь стрельцов, и началась соловецкая осада, при которой первою опорой бунта были казаки из шаек Разина. Из-за крепких стен обители, привыкшей к осадам во время нападений шведов, раздались пушечные выстрелы по царскому войску, впервые возвестившие открытый разрыв раскола с государством. В первый же раз раскол отверг здесь и молитву за царя. Священники все протестовали против этого решения монастырского Собора и успели ускользнуть из монастыря. Тогда явилось другое крайнее положение раскола: “Мы и без священников проживем,” — порешил Никанор с казаками и некоторыми из монахов, — “священники нам не нужны”; и действительно стали жить без Богослужения и без Таинств. Осада монастыря затянулась на 10 лет, потому что государство, занятое тогда еще Разинским бунтом, не могло употребить на нее достаточных сил. Наконец, в 1676 году уже третий воевода, Мещеринов, взял монастырь. Многие бунтовщики погибли в сече; оставшиеся в живых зачинщики бунта, в том числе и Никанор, были перевешаны, другие — разосланы в Колу и Пустозерск; покорные Церкви и государству оставлены в монастыре [4]. Так возвращена Православию знаменитая Лавра Соловецкая, когда зло пустило уже глубокие корни в окрестностях и даже в дальней Сибири.

Усмирение соловецкого бунта было последним делом царствования Алексея; монастырь был взят за неделю до его кончины [5]. После краткой болезни царь мирно преставился на 49-м году от рождения, напутствованный святыми Таинствами и назначив наследником престола старшего сына своего Феодора [6].

Царь Алексей Михайлович принадлежит к числу замечательнейших государей русских. Являя в себе высокий образец добродетелей христианских [7] и семейных, постоянно заботясь о благе своего народа, он “покорил себе сердца подданных, которые столько же любили его, сколько благоговели пред ним” [8]. Недоставало ему только пронизательности и более глубокого взгляда на государственные отношения; изменяла иногда и твердость, особенно в молодых летах. Чрезмерная доброта его подавала повод к излишней доверчивости, которую, как мы видели, часто употребляли во зло люди, умевшие чем-нибудь снискать расположение царя. Злоупотребления, особенно корыстолюбие некоторых вельмож, были главными причинами смут, нарушавших при Алексее Михайловиче спокойствие Московского государства. Но тень, набрасываемая временными неустойчивостями, исчезает пред светлую сторону царствования, в которое присоединилась Малороссия, распространились пределы России до берегов отдаленного Амура, вышло Уложение, решен вековой вопрос об исправлении богослужебных книг, совершились многие другие замечательные события. Потомство забыло бедствия, от которых страдали современные ему поколения. Оно помнит лишь деяния, посеявшие плодотворные семена для будущего, имевшие благодетельное влияние на судьбу многих грядущих поколений. Деяния эти навсегда увековечили память о царствовании Алексея Михайловича, стяжали ему, несмотря на недостаток самостоятельности в его характере, наименование “мудрого родителя Петра Великого.”

Царь Алексей пред кончиною писал в духовном завещании: “От отца моего духовного, великого господина, святейшего Никона, иерарха и блаженного пастыря, аще и не есть ныне на престоле сем, Богу тако изволившу, прощения прошу и разрешения.”

А между тем Патриарх-изгнанник, на которого умирающий самодержец устремлял угасающий взор свой, еще томился в заключении в пределах Белозерских. После низложения на Соборе Никон был отправлен в Ферапонтов монастырь, назначенный ему местом заточения. При жестокой стуже изгнанник и спутники его, не имея теплой одежды, сильно страдали от холода [9]. По прибытии на место Никон испытал всю строгость заключения, почти темничную, потому что сперва даже заложены были железными затворами окна его келий, однако в непродолжительное время получил он и облегчение от незаслуженных томлений. Никон даже начал пользоваться совершенною свободою и многими льготами по личной к нему любви кроткого царя Алексия, который никогда не питал к нему неприязни, несмотря на происки бояр. Искренно желал он примирения, хотя и тайного, с бывшим своим другом и крестным отцом всех детей своих. Милостыня царская — деньги и съестные припасы в виде поминок, то радостных, то печальных — часто посылались бывшему Патриарху. Сначала он отвергал дары царские, но в день Пасхи (1668 г.) пил царское вино и угощал им свою братию [10]. Вскоре получил от царя позволение иметь свою отдельную церковь в монастыре, для которой теперь же было прислано ему богато украшенное Евангелие на престольное, серебряные потир и дискос, несколько пар церковных облачений и немало различной церковной утвари. Никон избрал для себя одну из монастырских церквей, во имя Богоявления Господня на святых вратах, и здесь стали совершать для него Богослужение иноки, рукоположенные некогда в священник самим Никоном в последние годы его патриаршества. Одни из них прибыли с ним из Москвы, как добровольные спутники осужденного Патриарха; другие после различных судебных исследований об участии их в деле Никона под стражею присланы к заточенному Патриарху. Сам Патриарх стал с этих пор получать значительное содержание из Москвы, имел все удобства жизни, даже выезжал из места своего заточения и пользовался свободно монастырской библиотекой.

По указу государя выстроены были для него новые обширные кельи с 25 жилыми покоем и деревянными переходами на стене в 30 сажен длиной, ведущими к надворотной Крестовой церкви [11]. По своему властительному характеру Никон, можно сказать, был полным распорядителем в месте своего заточения: игумен монастыря и братия и даже самые стрельцы, приставленные для его стражи, были ему покорны и называли его святейшим по тому неизъяснимому чувству, которое обыкновенно вселяет в окружающих человек гениальный и твердый волею. Никон всегда любил труды подвижнические, когда еще был Патриархом, — еще более стал он трудиться в Ферапонтове. Сам он со своею прислугою и бывшею при нем братиею расчистил по другую сторону озера лесистый участок на урочище, называемом Лещево, развел там два обширных огорода и разработал поле для хлеба и овса. Иногда вместо годовых припасов, которые ему должно было получать из соседних монастырей, требовал он денег взамен их [12]. Все это давало ему возможность раздавать обильную милостыню по всей окрестности, и тем умножалось его влияние; народ к нему стекался отовсюду не только за денежным пособием, на которое Никон был весьма щедр, но и за лекарствами и для молитв его, потому что бывший Патриарх читал молитвы над болящими, особенно над беснующимися, помазывая их елеем, и некоторые исцелялись, как он сам письменно извещал о том царя. Никон, монах и узник, казалось, стал привыкать к своей доле, не ожидая ничего лучшего. Вдруг нечаянная кончина кроткого царя жестоко напомнила ему о его узах [13]; может быть, тяжкое испытание нужно было для великой души Никона, чтобы окончательно отрешить его от всего земного и сделать достойным той Голгофы, под которую он избрал себе место последнего покоя. Давно уже слишком привольное его положение в Ферапонтове приводило в страх недоброжелателей его в столице; там старались представить его опасным даже и в самом

заточении, распускали молву о мнимых его сношениях с волжским атаманом Разиным, неохотно смотрели на множество народа, стекавшегося к нему в монастырь; келейные посещения людей всякого звания и пола возбуждали неблагоприятное подозрение, и, быть может, в этом был неосторожен Никон, слишком строгий нравственностью во всю жизнь и потому мало внимательный к людской молве. Начались наветы от беглого келейника патриаршего Ионы, который был строго наказан за нетрезвую жизнь, впрочем, по суду монастырскому; Иона рассказал о крестах, какие ставил Никон на озере, с титулом патриаршим и с жалобой на свое заточение [14].

С кончиною царя Алексея отяготилась участь ферапонтовского узника. Новый царь Феодор и по болезненному состоянию постоянно зависел от лиц, его окружающих, а между тем друзья Никона (Матвеев и другие) были удалены от двора, уступив свое место Милославским, близким родственникам царя по матери, враждебно настроенным к бывшему Патриарху.

По доносам Ионы и других было назначено строгое исследование с перемещением Никона-монаха для более строгого надзора в Кириллов монастырь. Из наставлений, данных Чудовскому архимандриту Павлу и окольникему, посланному с ним для исследования доносов в Ферапонтов монастырь, видно, как еще боялись Никона в Москве и не доверяли его покорности, хотя и напрасно. Велено было позвать его на допрос в соборную церковь и в случае отказа идти к нему в келью с приговором; но бывший Патриарх не оказал ни малейшего сопротивления, спокойно пошел в церковь и отвечал на многочисленные статьи допросов.

Не отрекался он, что допускал к своей руке и позволял себя называть святейшим Патриархом, говоря, что о том известно было великому государю. Клевета о мнимых сношениях с Разиным несколько его не смутила; он не скрыл, что когда шайки атамана были в пределах Белозерских, сам пристав царский привел к нему в Ферапонтов двух казаков, которые извещали его о силе своего атамана, хотя это не имело никаких последствий и не было тайною. Видно, что совесть бывшего Патриарха была совершенно спокойна, и он не боялся никаких улик; касательно же виновного келейника объявил, что у него не было своей расправы и суда, как его в том обвиняли, но что приговор над Ионою совершился по суду монастырскому.

Несмотря, однако, на такие искренние ответы, бывшему Патриарху не позволено было даже возвратиться в свои кельи, и прямо из церкви был он отвезен в Кириллов монастырь под строгий затвор; все его имущество келейное описано и отобрано, кроме самых необходимых вещей; присные его все были разосланы по дальним монастырям; к нему приставили более для надзора, нежели для услужения, два совершенно ему чуждых старца в Кириллове, всякое же свидание и переписка запрещены и выход из кельи дозволен только в ближайшую церковь. Поколебалась на минуту твердая душа Никона; следовательно архимандрит Павел, сжалившись над ним, доносил Патриарху Иоакиму, что Никон заплакал, услышав о намерении удалить его присных, и со слезами просил оставить их при нем ради его старости, обещая впредь поминать Иоакима святейшим Патриархом, чего прежде не делал потому, что почитал его причиною всех зол. Он даже намекнул, что в начале своего удаления в Новый Иерусалим, когда дело шло о избрании ему преемника, сам он указывал на Иоакима, как на единственного человека, способного занять его престол; но все просьбы престарелого узника остались тщетными: ему надлежало испить до дна всю горькую чашу заточения.

Тяжка была жизнь Никона в Кириллове. Здесь предстоял низложенному первосвященнику последний период испытания, из которого вышел он, как золото, искушенное в горниле. Никону суждено было в первые годы своего заключения в Кириллове страдать еже-

дневно от угара в дымных кельях, где его затворили под крепкою стражею, так что он едва не скончался от невыносимого томления, пока не были построены для него новые кельи [15]. Изнуренный старец помышлял о вечности и желал только последней отрады — успокоиться под сению созданной им обители Нового Иерусалима. Все житейское в нем уже перекипело, и последняя даже искра мирская угасла в Кириллове во время пятилетнего тяжкого заключения.

Наконец, настало и для него время успокоения. Благочестивая тетка царя царевна Таиана Михайловна, всегда благоприсягнувшая Никону, убедил Феодора посетить забытую обитель Нового Иерусалима и принять от оставленной там братии челобитную о возвращении ее основателя. Пораженный величием зданий, начатых по образцу святого Гроба, государь велел продолжать их и, движимый состраданием, предложил на Соборе дозволить старцу Никону умереть в основанной им обители. Долго оставался непреклонным Патриарх Иоаким, вероятно, из боязни найти опасного соучастника в лице бывшего Патриарха, доколе, наконец, весть о принятии схимы и совершенном изнеможении Никона тронула его сердце.

В самый тот день, когда пришло в Кириллов монастырь милостивое разрешение царя и Патриарха, Никон еще заранее по тайному предчувствию собрался в путь и, к общему изумлению, велел собраться своей келейной братии. С трудом посадили в сани изнуренного болезнями старца, чтобы влачить их по земле до струга на реке Шексне. При впадении Шексны в Волгу приветствовали его посланные от братии Воскресенского монастыря; Никон велел плыть вниз к Ярославлю и, причалив у Толгского монастыря, приобщился запасных даров, ибо начинал крайне изнемогать. Игумен с братиею вышли к нему навстречу, и с ними вместе — сосланный на покаяние враг Никона, бывший архимандрит Сергей, который во время суда содержал его под стражею и осыпал поруганиями. Этому Сергию, заснувшему в трапезной в час приплыва Патриарха, явился во сне Никон, говоря: “Брате Сергие, восстани, сотворим прощение!” — и внезапно услышал он, что шествует Волгою Патриарх, и братия уже потекла ему навстречу. Вслед за ними устремился Сергей и, видя умирающего, раскаянный, со слезами пал к его ногам и испросил себе прощение. Снова тронулся струг по водам. Граждане ярославские, слыша о его пришествии, стеклись к реке и, видя старца на одре смертном, с плачем припадали к нему, целуя руки и одежды и прося благословения; одни влекли вдоль берега струг, другие же, бросаясь в воду, им помогали: так причалили к обители Всемилошного Спаса.

Изнемогающий страдалец уже ничего не мог говорить, а только давал всем руку; дьяк царский велел перевезти струг на другой берег, чтоб избавиться от толпы народной. Ударили в колокол к вечерне, Никон стал кончаться. Озираясь, будто кто пришел к нему, сам он оправил себе волосы, бороду и одежды, как бы готовясь в дальнейший путь; духовник с братиею прочитали отходные молитвы. Патриарх же, распростершись на одре, сложив крестообразно руки и вздохнув, отошел с миром (17 августа 1681 г.). Между тем благочестивый царь Феодор, не зная о его преставлении, послал навстречу карету свою со множеством коней; когда же узнал, прослезился и спросил: что завещал в своей духовной Никон? Услышав, что усопший избрал его, как крестного сына, своим душеприказчиком и во всем на него положился, кроткий царь с изумлением сказал: “Если так святейший Патриарх возложил на меня всю надежду, воля Господня да будет, и я его в забвении не положу.” Он велел везти тело Никона в Новый Иерусалим.

Новые затруднения возникли со стороны Патриарха Иоакима при погребении Никона, которому не соглашался он воздать почестей святительских, как лишенному сана вселенскими патриархами. Однако же государь убедил Корнилия, митрополита Новгородского, действовать при погребении и сам, участвуя в трогательном обряде, нес на раменах

своих останки Никона от Елеонского креста до той могилы под Голгофою, где Никон приготовил себе место для вечного покоя. По просьбе царя Феодора, все патриархи восточные, признавая церковные заслуги Никона, грамотами своими разрешили, чтоб имя его опять было включено в священный лик патриархов, ибо этот великий муж Русской Церкви всегда был достоин своего высокого сана, хотя временно испытал искушения и скорби.

Между тем как царь Феодор заботился о восстановлении святительской чести своего крестного отца, ревностный Патриарх Иоаким неутомимо подвизался в устройении дел церковных, в борьбе с расколом и в распространении духовного просвещения.

Осудив Никона, великий Собор 1667 года утвердил, однако, все его церковные распоряжения, признал даже справедливым его взгляд на монастырский приказ. Было постановлено, что Патриарх не должен носить титула “великого государя,” должен повиноваться верховной власти и не вступаться в мирские дела; но в то же время была подтверждена независимость духовенства и всех людей церковного ведомства от мирского суда не только в гражданских, но даже в уголовных делах. Впрочем, несмотря на соборные постановления, воеводы и другие мирские власти постоянно вторгались в церковные суды. Само духовенство предпочитало духовному суду светский, продолжало подавать свои иски на посторонних в разных приказах, а также судиться у воевод и городских властей; многие монастыри судились по старому в приказе большого дворца. Так было при двух слабых престарелых преемниках Никона; но ревностный первосвятитель Иоаким, взявшись твердою рукою за кормило Церкви, не допускал мирского вмешательства в дела церковные [16]; должности судей и сборщиков даней поручал он лицам духовным, строго следил, чтобы лица клира не подлежали суду мирскому, кроме преступлений уголовных, которые должна была судить власть светская и то не иначе, как с ведома власти духовной. Между тем он предпринимал меры, которые должны были увеличить надзор духовной власти за делами Церкви. На Соборе 1675 года он определил, чтобы все церкви и монастыри (кроме монастырей, приписанных к патриаршему дому), находившиеся по писцовым книгам в той или другой епархии, были в ведении епархиального архиерея и чтобы никто из архиереев не имел в чужой епархии подвластных себе церквей и монастырей. Этим распоряжением уничтожились те страшные беспорядки, которые в то время были так обыкновенны между духовенством, особенно монашествующим, и к которым вели так называемые “несудимые грамоты” и старый обычай, по которому некоторые монастыри и церкви ускользали от надзора местного архиерея, принадлежа архиерею другой епархии [17].

В ноябре 1681 года Патриарх Иоаким созвал Собор русских святителей для рассуждения о делах раскола. Собор просил благочестивого царя Феодора, чтобы “развратники и отступники (раскольники), которые по многом церковном учении и наказании и по архиерейском попечении явятся противны и святой Церкви непокорны,” были отсылаемы к гражданскому суду, где и получали бы решение, какого кто достоин, как было при царе Алексее Михайловиче [18], причем воеводы и приказные люди обязаны вполне содействовать церковной власти. По предложению царя Собор положил: новоисправленные книги безденежно выдавать каждому, кто только принесет книги прежних изданий. Царь сообщил, что самоволие заводит пустыни с тем, чтоб они служили пристанищем раскола; оно же умножает часовни, где народ собирается слушать молитвы пред сомнительными иконами, оставляя святую литургию. Собор постановил: впредь не дозволять новых подобных пустынь, а живущих в таких пустынях, где вблизи живут мирские люди, вывести в монастыри, храмы же обратить в приходские церкви; из числа же часовень оставить только те, к которым близка стража, прочие же закрыть.

Лучшими мерами, без сомнения, были те, которые направлялись против самого корня раскола, против народного невежества, которое предавало массы непросвещенного народа во власть злонамеренных расколоучителей. Так смотрел на корень раскола Патриарх Иоаким, и на этом взгляде основывалась заботливость его о распространении духовного просвещения.

Патриаршая Чудовская школа, существовавшая в Москве, покровительствуемая Никоном и руководимая Епифанием Славенциким вместе с другими членами ученого братства, пережила бурю бед Никона [19]. После падения Никона ученые труды наставников, возбудив толки в толпе невежд, нашли многих противников и учению: расколоучители открыто вопияли против книжных исправлений, крепко держась за старину, и в свете образования хотели видеть тьму бесовскую. Но слепое гонение на учение послужило только на благо сознанию нужды учения, и вместо разрушения его повело к его возрастанию.

Присутствовавшие на великом Соборе восточные патриархи Паисий и Макарий в слове, предложенном от лица их в день Рождества Христова, убеждали народ и царя любить мудрость и позаботиться о заведении училищ греческих и славенских [20], а пастырям вменяли в обязанность содействовать царю доходами с церковных имений [21].

Тогда же некоторые из боголюбивых граждан Москвы подали просьбу о дозволении открыть училище при церкви святого Иоанна Богослова [22]. Оба патриарха восточные и Московский Патриарх Иоасаф благословили доброе намерение двумя грамотами [23]. Но все возвания к щедрости пастырей и настоятелей монастырских остались тщетными. Церковные и монастырские отчины уже довольно были истощены частыми сборами на нужды государственные. Дряхлые старцы-патриархи Иоасаф и Питирим не предпринимали ничего для устройства училищ. Царь озабочен был то укрощением бунтов, то внешними войнами. Не известно ничего даже о судьбе предположенного училища при церкви Иоанна Богослова.

Странным кажется, что не настоял об учреждении училищ в Москве сильный при дворе, молодой образованный инок, с пылкой деятельностью, ученик уважаемого царем архипастыря Черниговского Лазаря Барановича, учитель царевича Феодора Алексеевича Симеон Полоцкий. Но, прибыв в Москву в 1664 году, он, хотя и принимал участие в ученых трудах на пользу Церкви Русской, однако более семи лет жил простым иноком в Заиконоспасском монастыре. Около 1672 года сделался он наставником царевича Феодора: с этой поры стал он более иметь силы и влияния на других. Но, к несчастью, он незнаком был с греческим языком, а его латинское образование отчуждало от него строгих к Православию иноков и иерархов.

При Патриархе Иоакиме настало, наконец, время, когда завещанное восточными первосвященниками дело должно было исполниться. В 1673 году возвратился в Москву из путешествия по Востоку некто иеромонах Тимофей и принес с собою известие о притеснениях, какие терпело тогда Православие на Востоке, особенно в Иерусалиме, от латинян, домогавшихся не только овладеть всеми святыми местами в Палестине, но и привести всех в покорность папе. Дошло это и до сведения юного царя. Сожалея об участи христиан восточных, он пожелал учредить училище греческое в Москве, дабы оказать какую-нибудь помощь угнетаемому Православию. Патриарх Иоаким охотно согласился с мыслию государя. Собрано было до 30 учеников, избран учителем проживавший в Москве ученый грек Мануил [24], а после него — иеромонах Иоаким, также из греков; ректором училища назначен был сам Тимофей, которого Патриарх причислил к своему домовому клиру. Училище открыто было при типографии. “И невозможно изобразить, — пишет один из учеников сего училища, — как заботились о нем сам благочестивейший государь и святейший Патриарх. Едва не каждую неделю приходили они в типографию, и порознь

и вместе, и явно и тайно, чтоб утешаться новым и неслыханным делом, наделяли учащих-ся и одеждою и червонцами” [25]. Не менее радовался и Патриарх Иерусалимский Досифей, когда узнал о благотворном предприятии на пользу духовного просвещения [26]. Скоро начатки еллинского учения показали малые размеры для щедрот государя, и он пожелал дать школе более обширные размеры и преобразовать ее в академию, но, не успев привести это дело в исполнение, скончался. Незадолго до ранней кончины он обратился к патриархам восточным с прошением прислать в Москву испытанных в Православии и учеными наставников.

Между тем, как в Москве едва появилась еще заря науки, свет просвещения колебался и едва не угасал на юге Руси: Братская коллегия в Киеве страдала от бури мятежей и неустройства, объявившей всю Малороссию. Около 1657 года Киево-Богоявленский монастырь со всеми принадлежавшими к нему строениями и училищем дотла был истреблен страшным пожаром. Коллегии в это тяжелое время уже не существовало, последние из возмужавших питомцев ее взяли за оружие, чтобы отомстить врагам отечественного спокойствия за гибель и разрушения, нанесенные ими. Несколько лет спустя при ректоре Иоанникии Голятовском предпринято восстановление разрушенных зданий, но успели построить только деревянную Богоявленскую церковь и несколько убогих хижин для небольшого остатка уцелевших учеников. В 1665 году в самых окрестностях Киева открылись военные действия, и коллегия снова подверглась полному разрушению.

Все эти бедствия происходили из-за междоусобий, раздиравших несчастную Украину после кончины доблестного гетмана Богдана Хмельницкого и митрополита Сильвестра. Между тем, как война польская продолжалась с обоюдными успехами и неудачами, самая Малороссия едва не отпала от державы Московской с изменою гетмана Виговского, избранного вопреки законных прав сына Хмельницкого Юрия. Один только Киев остался неизменно верным царю. Мечтая о совершенной независимости Украины, Виговский пленился ложными обещаниями Польши о свободе гражданской и духовной и обагрил кровию благословенную страну, присоединение которой к России не стоило ни единой капли крови. Поляки и хищные крымцы воспользовались неустройством Украины, чтобы грабить под видом союзников то Виговского, то Юрия. Сам Юрий явился за булавою отца своего, получил утверждение от царя, изменил ему и кончил иночеством во цвете лет странное и бурное свое поприще.

В столь же печальном расстройстве находилась со времени кончины Сильвестра Коссова и киевская иерархия, страдавшая внутренними раздорами и слабостию двух своих первосвященников. Первый из них, Болабан (1658-1663), прежде избрания в митрополиты был администратором на Волыни от имени Сильвестра Коссова и состоял в сане епископа Луцкого и Острожского. Избранный в Киевские первосвященники Дионисий Болабан истребовал на это избрание благословение от Константинопольского Патриарха Парфения. Нежелание его снестись предварительно о своем избрании с Патриархом Московским было причиною того, что царь Алексей Михайлович не признал Дионисия митрополитом и повелел посвященному тогда в Москве из киевлян епископу Мстиславскому и Оршанскому Мефодию стать блюстителем Киевской митрополии. К стыду Православия, Дионисий усердно содействовал измене Виговского и вместе с ним присягнул в верном исполнении статей Гадячского договора, предававшего Малороссию во власть Польши. Он окончил жалкую и многмятежную жизнь свою в Корсуні, не смея показаться в Киеве, но удерживая за собою власть святительскую до самой кончины.

Православное духовенство и шляхетство левой стороны Днепра избрали на митрополию Иосифа Нелюбович-Тукальского (1664-1676), бывшего епископа Могилевского, удалившегося в Чигирин от преследования униатов. Приверженцы Польши, с своей стороны,

избрали в митрополиты Антония Венницкого и убедили короля заточить Иосифа в Мариенбургскую крепость [27].

В начале 1665 года выступил на поприще общественной деятельности Петр Дорошенко, простой чигиринский казак, ознаменовавший последующую жизнь свою, как смелыми подвигами, так и различными злодеяниями. Он захватил в свои руки власть гетманскую. По просьбе его король приказал освободить из заточения митрополита Иосифа и вернуть его на родину. Но Иосиф не смел явиться в Киев, как потому, что боялся негодования царского на принятие митрополии без ведома и согласия московского двора, так и потому, что ни киевское духовенство, ни малороссийские казаки правой стороны Днепра, не участвовавшие в избрании Тукальского, не хотели признавать его своим митрополитом. В Киеве между тем местоблюститель Мефодий явился возмутителем народа [28] против благодетеля своего, царя православного. Вскоре после того Дорошенко поддался туркам по наущению митрополита Иосифа, который, не внимая советам лучших людей Украины [29], чрез это постыдное дело потерял уважение народное. Малороссии предстояло стать союзницей поклонников Магомета, если бы Андрусовский договор (1667 г.) не остановил это гибельное дела в самом его начале. Россия заключила перемирие с Польшею и, взяв на себя покровительство над исповедующими веру православную, утешила волнение в народе, а уступка Киева со всеми к нему принадлежностями и военными снарядами во власть царю на два года послужила первым звеном в цепи, неразрывно связавшим юго-западную Россию с северо-восточной.

Блюстителем престола Киевской митрополии от царя был назначен Черниговский архиепископ Лазарь Баранович. С первого же раза он благотворно повлиял на взволнованные умы несчастной Украины и способствовал восстановлению в ней возможной тишины. В 1669 году Баранович уговорил послать в Москву посольство о принятии всей Малороссии в подданство, о прощении вины ее и о подтверждении казацких вольностей. Между прочим поручено было членам сего посольства настоять на том, чтобы не отдавать полякам Киева, “сего, — как сказано в инструкции, — первопрестольного града Царства Русского, от которого искони на всю Россию воссияла благодать Божия.” Тогда же состоялись статьи так называемого Глуховского договора; Дорошенко отвергнут, и Демьян Многогрешный принял гетманские клейноды и присягнул в верности государю.

Истекал срок Андрусовскому договору; надо было возвратить Киев польской короне. Всегда прямодушный и верный слову царь Алексей Михайлович, может быть, и исполнил бы это, но обстоятельства были сильнее его царской воли. Гетман Многогрешный, митрополит Иосиф Тукальский, Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский и Киево-Печерский архимандрит Иннокентий Гизель настоятельно требовали не отдавать священного города врагам Православия, и царь Алексей Михайлович решился: в конце 1679 года Киев был окончательно присоединен к державе русской. Раз утвердив это, царь уже не отступал ни пред какими угрозами и на неоднократные требования польского правительства твердо отвечал одно: “Не отдам Киева.” И Киев, колыбель русского Православия, остался навсегда достоянием державы русской [30].

Грустно и смутно померкла вечерняя заря многомятежной жизни митрополита Киевского Иосифа Нелюбович-Тукальского. Он скончался в Чигорине в 1676 году. Увлекаемый обстоятельствами и слабым характером тяжкими несчастьями заплатил он за свои политические ошибки; но потомство не упрекнет его в измене Православию и самую привязанность его к недостойному Дорошенко отнесет к движению благородно-признательной души. Братская коллегия не забыла его посильной благотворительности; не от избытков он жертвовал ей, а делился собственным куском хлеба, ибо отдал ей то, что ему самому дано было на пропитание [31]. Смуты и нестроения своей родины, а всего более

Церкви, глубоко волновали его добрую, но слишком доверчивую душу, а отсутствие возможности поправить дело своей иерархии сокрушало его безмерно. “По беззакониям моим, — писал он 9 августа 1670 года к боярину Ордыну-Нащокину, — которым нет числа, не признаю я себя душою страждущею за благочестие. В горести душа моя. Как могу назваться пастырем, когда растеряно стадо? О, да соберет его Создавший и Искупивший Своею кровию.” [32].

Таково было бедственное положение южнорусской митрополии, еще отделенной от целостности отечественной Церкви, не под действительную, а только номинальную зависимость от патриархов Цареградских.

36. Стрелецкий мятеж в Москве. Борьба с расколом.

Подчинение Киевской митрополии Патриарху.

В числе многих заслуг для отечества бдительного и ревностного первосвятителя Иоакима нельзя умолчать об участии его в уничтожении пагубного местничества [1]. Когда по челобитной выборных людей, представленной царю Феодору боярином князем В. Голицыным, созван был Земский Собор (12 января 1682 года), Патриарх произнес сильную речь от лица духовенства [2]; все члены Собора пристали к мнению Патриарха, и разрядные книги были сожжены в присутствии царя и Собора. Таким образом, дела государственные начали приходить в порядок при тихом шестилетнем правлении царя Феодора: усмирилась Малороссия, и с Портою заключен был мир, также как и с другими соседями, Швециею и Польшею. Благоденствовала и Церковь: Патриарх Иоаким старался угашать расколы, распространять просвещение в училищах духовных и даже для лучшего надзора за духовенством и паствою хотел учредить в расширяющемся царстве до пятидесяти кафедр епископских, местных и викарных. Предприятие рушилось с преждевременною смертью бездетного царя Феодора (27 апреля 1682 года), и государство временно погрузилось в смуты и волнения, из которых исторгла его только мощная десница возмужавшего Петра.

Неистовый стрелецкий бунт был началом зол, когда Патриарх с благонамеренными боярами провозгласил на царство вместо болезненного Иоанна [3] десятилетнего бодрого Петра, под управлением матери его царицы Наталии и добродетельного боярина Матвеева. Честолюбивая царевна София, действуя втайне с родственными ей Милославскими, взволновала стрельцов, и жертвами их сделались в течение трехдневного бунта Матвеев, Нарышкины и все, бывшие опорой царствования Алексея и Феодора; едва не погиб сам Патриарх, устремившийся с Красного крыльца увещевать толпу. Вынужденное провозглашение Иоанна для соцарствования Петру и приглашение Софии управлять государством совокупно с малолетними братьями были плодами первого мятежа стрелецкого, стоившего отечеству столько драгоценной крови.

Спустя несколько дней смятение гражданское перешло в церковное. Когда вся Москва была еще в трепете от кровопролития, раскольники подговорили стрельцов Титова полка “постоять за старую веру.” Никогда раскол не имел лучшего времени для выполнения самых безрассудных замыслов. Начальником стрельцов был князь Хованский, тайный приверженец раскола. Хованский, не столько желая защищать раскол, сколько стать первым при троне, оказал покровительство заговорщикам. Они желали доставить себе более, чем полную свободу: они желали получить всю власть в свои руки и отмстить, как за Соловецкую осаду, так и за казнь Аввакума и его сообщников. Хованский дал им в предводители Никиту Пустосвята, уже несколько раз осужденного за раскол [4]. Подобные Ни-

ките соловецкий беглец Савватий и другие нарочно вызваны были в Москву. Они настаивали немедленно приступить к переменам. Хованский едва уговорил их не спешить, польстив им обещанием, что предстоявшее венчание царей (23 июня) совершится по старым книгам. Никита и другие бродяги ходили среди народа, призывая на защиту старого благочестия. “Постойте, постойте, православные, за истинную веру, не принимайте новой Никоновой,” — шумел Пустосвят. Выборные Титова полка ходили с тем же по стрелецким полкам. Волнение становилось общим, хотя большинство стрельцов (исключая Титов полк) не согласились подписаться под челобитною, составленную бродягой, монахом Сергием.

По настояниям Хованского назначен день для выслушания челобитной — 5 июля 1682 года. В этот день толпы раскольников с шумом ворвались в Кремль. Неся пред собою аналои, образа, зажженные свечи, а за пазухами — камни, они подошли к Архангельскому собору и расположились на площади. Сергей взшел на скамью и зачитал вслух соловецкую челобитную. Возбужденный фанатиками народ грозно волновался. Первосвященитель с собором святителей совершал моление об усмирении мятежа. Из храма он выслал протопопа с напечатанным увещанием народу и с обличением клятвопреступного Никиты. Раскольники едва не убили посланного. После молебна Патриарх возвратился в Крестовую палату. Князь Хованский не раз присылал требование, чтобы Патриарх вышел на площадь; с тем же требованием явился он и во дворец, куда приглашен был Софиею Патриарх. София и Патриарх видели намерения заговорщиков; да и недавний опыт был страшен. София, царица Наталия, две царевны объявили, что не оставят церкви и ее пастырей без защиты. Хованскому сказали, что собрание будет в Грановитой палате в присутствии царственных особ; там выслушана будет и челобитная.

Долго заговорщики не хотели расстаться с площадью, однако Собор открылся в палате. Близ правительницы, царицы и царевен сидели с Патриархом 7 митрополитов, 5 архиепископов, 2 епископа, между ними — святитель Митрофан. Несколько архимандритов и пресвитеров, бояре и выборные войска стояли. Раскольники по знаку Хованского вошли в палату с шумом, с образами, аналоями, свечами. Они подали челобитную. София приказала читать ее.

“Бьют челом, — так начиналась челобитная, — священнический и иноческий чин и вси православнии христиане, опрично тех, которые Никоновым книгам последуют, а старые хулят.” Патриарх заметил: “Книг старых не хулим мы, напротив, по ним и по греческим исправляются поздние испорченные; вы, судии старой и новой веры, еще не касались и грамматики, а принимаете на себе судить о вере, что принадлежит пастырям.” Дерзкий Никита, несмотря на то, что ему запрещено было говорить, сказал с грубостью: “Мы пришли не о грамматике с тобою говорить, а о церковных догматах,” — и продолжал шуметь в том же тоне. Холмогорский архиепископ Афанасий, сам прежде бывший в расколе, заметил Никите дерзость и грубость его. Пьяный расстрига в порыве ярости бросился на архипастыря, хотел бить его и едва удержан был одним из выборных. Далее в челобитной читали: “Цари изнемогша, архиереи падоша; просим, чтобы великие государи взыскали старое прадеда и деда их благочестие.” Выраженное в этих словах сомнение о Православии царей Алексея и Феодора особенно раздражило пылкую Софию: она вскочила с места и пригрозила, что все царское семейство после этого уйдет из Москвы. Стрельцы струсили от этой угрозы, потому что в случае ухода царского семейства из Москвы на них поднялись бы все войска и вся земля; они поспешили успокоить гневную правительницу [5]. Патриарх взял в одну руку Евангелие святого Алексия, в другую — соборное установление патриаршества. Первое показывал, как улику упорства, нежелающего переменить в старом ни одной буквы. В последнем прочел Символ Веры, где написан он без

прибавления слова о Святом Духе “и истинного,” тогда как эта прибавка печаталась при патриархах Филарете и Иосифе. По отношению к изображению святого креста указал на сосуды преподобного Антония Римлянина. Сделано было и еще несколько указаний в древних книгах по главным пунктам спора.

Чувствуя, что ничего не сделали для себя, невежды подняли неистовый крик: “Вот так, вот так!” — кричали они, подняв двуперстное знамение. Мятежникам было сказано, что решение им будет объявлено. Царственные особы удалились; за ними вышли Патриарх и прочие.

Невежды возвращались из Кремля с криком: “Победили!.” На лобном месте еще раз поставили аналой и кричали: “Веруйте по-нашему, мы переспорили всех архиереев.” За Яузою отзвонили в колокола.

Наутро расстриге Никите, выданному стрелецкими выборными, была отрублена голова на лобном месте; товарищи Пустосвята разосланы были по дальним монастырям, многие разбежались [6].

После столь явного и столь неистового мятежа в самих палатах царских правительство вынуждено было прибегнуть к самым строгим, согласно духу времени мерам для усмирения раскольников: раскол был совершенно запрещен в государстве, тех, кто перекрещивают совращенных, назначено казнить смертью, хотя бы они и покаялись; за укрывательство раскольников виновных бить кнутом и налагать на них пеню. Множество раскольников в отчаянии бросились за границу [7] или укрывались от правительства в непроходимых лесах севера и Сибири; самые рьяные изуверы сами стремились на казни, как на мучение за веру, или же сами себя сжигали в срубках; учение об очистительном подвиге самосожжения, которое проповедовал еще Аввакум, нашло себе множество последователей.

Между тем раскол, отвергнув церковный авторитет и предоставленный самому себе, распался на множество толков. Прежде всего, вследствие отвержения православной иерархии между раскольниками возник трудный вопрос: откуда брать священников? Одни стали сманивать к себе пьяных и нищих попов, разными способами очищая в них благодать рукоположения от “Никоновой скверны.” Другие положили, что можно обойтись и без священства, предоставив все требоисправления выборным мирянам. Так возникли два основных толка в расколе: поповщина и беспоповщина, — которые, в свою очередь, распались на множество различных толков [8], разделенных друг от друга обрядовыми различиями или степенью отрицательного отношения их к Церкви и государству. Ничем не обуздываемое отрицание часто принимает в них характер уже не раскола, а чистой ереси [9]. Еретический характер раскольнического отрицания главным образом выразился в отвержении православной иерархии, отвержении Таинств Евхаристии, Священства и Брака или в ложном представлении о силе и способах совершения этих и других Таинств, в смешении их с обрядами, раздавании, например, вместо Евхаристии пасхального хлеба (артоса) и богоявленской воды. Крайняя степень отрицания выразилась в нетовщине, которая совершенно отвергнула все Таинства и обряды и, отчаянно опустив руки, все предоставила Богу: “Пусть спасает, как Сам ведает.”

После раскольничьего бунта московского правительство приняло особые настоятельные меры. Неутомимый Патриарх Иоаким составил пространное опровержение челобитной, представленной Собору 1682 года, — сочинение, достойное христианского пастыря и по духу, и по изложению, в котором видна обширная ученость, ум глубокий и основательный. Оно составляет как бы отчет о поправках в Богослужении, на которые раскол указывал, как на отступление от веры истинной. Каждой такой поправке даны основания из подлинной священной древности. “Увет духовный” (так названо опровержение челобит-

ной) разослан был ко всем архипастырям для чтения по всем церквам. Сверх того Патриарх издал еще несколько небольших сочинений против раскола [10] и отправил в разные места избранных им уездных священников. Так архиепископ Холмогорский Афанасий, возвратившись в свою епархию, ревностно действовал там против “поморян” [11]. Он собрал обширную библиотеку рукописей для вразумления невежд и написал для них “Щит веры.” В сибирские остроги и волости в 1688 году послан был иеродиакон Михаил “для исправления церковных догматов и духовных дел,” поставленный после в игумена Енисейского с тем же назначением [12]. Игнатий Корсаков в 1689 году в сане Новоспасского архимандрита отправлен был в Кострому и Кинешму для увещания тамошних раскольников. Казанский митрополит Адриан написал для своей паствы “О крестном знамении.”

Письменная деятельность Патриарха Иоакима не ограничивалась обличением расколуучителей: он должен был вести борьбу и с папизмом. Польско-латинское влияние начало беспокоить русскую иерархию еще при жизни Славеницкого, вскоре по прибытии в Москву Симеона Полоцкого. Между этими представителями двух направлений киевского образования, старого — еллино-славянского и нового — польско-латинского, с самого начала обнаружилось столкновение, в котором московская иерархия приняла сторону Епифания и старалась его авторитетом ослабить авторитет Полоцкого. По своему кроткому и миролюбивому характеру Епифаний не входил в неприязненные отношения к Симеону Полоцкому, но не скрывал и своего несочувствия к образу его мыслей, например, указывая на то, что в основу своего “Венца Веры” Полоцкий принял не Никейский, а мнимо-апостольский католический символ веры. Когда Епифанию было поручено исправлять Библию, он не принял Полоцкого в число своих сотрудников, как человека, не знающего греческого языка, а лишь один латинский, и заметил, что, вообще, в последнее время в Киеве читают одни латинские книги и от этого иногда истины не знают. После смерти Епифания Полоцкий, оставшись без соперников, начал еще резче отзываться о невежестве москвитян, держал себя заносчиво и гордо, не хотел знать ни Патриарха, ни других духовных властей, даже сочинения свои печатал без благословения Патриарха в дворцовой типографии. Патриарх Иоаким был сильно раздражен гордостью придворного монаха, обвинял его в “хлебопоклоннической ереси” (так как он учил поклоняться хлебу в Евхаристии до времени его действительного пресуществления), называл его орудием иезуитов. Но Полоцкий был недоступен для патриаршей власти, потому что находил себе сильную поддержку в царе и при дворе [13].

Симеон Полоцкий отличался также как проповедник. Живая проповедь, давно уже замолкшая на севере, начала подавать голос с половины XVII века, особенно по примеру южной Руси. Еще Патриарх Никон дозволял Епифанию Славинецкому произносить иногда проповеди, а в 1667 году восточные патриархи Паисий и Макарий преподали благословение прихожанам церкви Иоанна Богослова иметь по их желанию священника-проповедника. Однако для Русской Церкви нужен был пример человека сильного, чтобы ослабить предубеждение народное против проповеди. И таким явился Симеон Полоцкий. Воспитанник южных училищ, даровитый ученик просвещенного и добродетельного Лазаря Барановича, учитель царский, уверенный в благоволении своего венценосного воспитанника Симеон с пылким умом, с живым воображением, с жаждою деятельности, свободно стал на кафедру. Успех проповедника был блистательный. Произнесенные им поучения на воскресные дни (“Обед душевный,” изданный в Москве, 1681) и на праздники (“Вечеря душевная,” 1683) быстро распространились по России; они стали известны еще прежде, чем вышли из типографии [14]. Однако ж новость Полоцкого для иных была странностию, а те, кому не нравилась власть его при дворе, особенно желали найти в новом что-нибудь худое. Патриарх Иоаким с неудовольствием смотрел на проповедника, но не мог запре-

тять ему [15]. Впрочем, к чести Полоцкого нужно сказать, что он, не ограничиваясь тонкостями киевской схоластики, имел в виду живые, практические цели и умел приспособляться к потребностям и понятиям слушателей: он сильно укорял духовенство за леность к назиданию паствы, обличал невежество народа, раскола, грязные пороки, суеверия, остатки язычества, как то веру в волшебство, в нашептывание, заговоры, встречи, приметы, ложные чудеса и святыни, обличал народные игры, праздники Коляды и Купалы, проповедовал необходимость просвещения и обращался к царю с молением об умножении школ и учителей.

Пример Полоцкого не остался без подражателей: в пермских усолях умного Строганова поощряемый его покровительством, неизвестный по имени приходский священник городка Орел написал книгу “Статир, или Поучения воскресные и праздничные,” подражая, как сам он говорил, поучениям святых отцов: премудрого Кирилла Транквиллиона и “трудолюбивого, разумного отца Симеона Полоцкого.” Сей неученый, но со здравым смыслом проповедник умно рассуждал о нужде живой проповеди. Но ему нелегко обходилась проповедь его; невежи-прихожане кричали: “Здесь бывали у нас священники добрые, но не делали того, а жили попросту; откуда же этот вводит странности?” В предисловии к “Статиру” проповедник излагает обстоятельства жизни своей в любопытном рассказе, по которому можно судить о степени образования нашего духовенства в конце XVII века [16].

Последним трудом Полоцкого была грамота для новой Академии [17]. Мы видели, что царь Феодор, не желая ограничиться одними начатками еллинского учения, захотел устроить высшее училище — Академию. Намерение царя сделалось известным на западе Европы, и ученые стали являться из Польши с намерением занять места наставников в будущей академии. В 1681 году прибыл в Москву с этою целью некто Ян Белободский, бывший кальвинским проповедником в Слуцке. Симоновский архимандрит Гавриил Дамецкий и Павел Негребецкий, выходец из Польши, вскоре из бесед с ним открыли его неправомыслие [18]. Белободский обличен был самим Патриархом в неправомыслии и не допущен в училище. Осторожный царь не хотел поручить академию даже ученым из юго-западных областей русских, которых представлял ему Негребецкий, как мужей отлично образованных и твердых в Православии. Русский посланник в Царьграде Возницын по воле царя в 1682 году обратился к патриархам Цареградскому, Антиохийскому и Александрийскому с прошением прислать в Москву испытанных в Православии и учении наставников, и Патриарх Иоаким писал о том же к Патриарху Иерусалимскому Досифею [19].

Написанная Полоцким грамота замечательна во многих отношениях. Академии предназначалось быть верховным училищем всех свободных наук, храмом мудрости духовной и гражданской со всеми правами самостоятельного ученого корпуса, какими пользовались в то время европейские университеты: она должна была управляться советом профессоров под председательством избираемого из их же среды блюстителя, или ректора, подлежала только собственному суду во всех делах, кроме уголовных, могла приобретать всякого рода имущество в полную безотчетную собственность. Учащиеся из низших сословий народа только чрез нее получали право на высшие степени государственной службы по части гражданской; для благородных академический аттестат облегчал и сокращал производство, давая немедленно чины соответственно успехам. Сверх того академии принадлежало право заведования всею системой народного образования и воспитания: без разрешения академии не дозволялось нигде заводить училищ, ни даже иметь домашних наставников и учителей. Иностранные ученые, приезжающие в Россию, должны были подвергаться испытанию в академии и только на основании полученных от нее свидетельств допускались к свободному пребыванию в государстве. Наконец, сообразно с духом времени, ака-

демическая конференция облечена была грозною властью верховного судилища по делам веры и благочестия над людьми всякого чина и звания. Ректору же и учителям вменялось в обязанность наблюдать, чтобы ни у духовных, ни у мирян не было в домах запрещенных книг и чтобы неучившиеся свободным наукам не вступали в состязания о вере.

Общие понятия о важности и целях христианского просвещения изложены в первом пункте грамоты [20]. Далее исчисляются предметы преподавания: грамматика, пиитика, риторика, диалектика, философия разумительная (умозрительная), естественная (физика), богословие созерцательное (учащее вещам Божественным) и деятельное (учащее очищению совести), право церковное и гражданское (учение правосудия духовного и мирского) и прочие свободные науки.

От блюстителя и учителей требовалась присяга в твердом сохранении Православия. Если кто из учителей пожелает определиться на царскую службу, то не иначе может быть принят, как со свидетельством ректора и прочих учителей. А за продолжительную усердную службу при академии, засвидетельствованную ректором, учителю обещается особая пенсия от щедрот царских.

Поместить Академию предназначалось в Заиконоспасском монастыре, в котором для сего обещано построить до Неглинных ворот здание на казенный счет. На содержание училища, учителей и учеников приписывались к Заиконоспасскому монастырю еще семь монастырей с их вотчинами. Сверх того царь прибавлял еще на содержание Академии свою дворцовую Вышегородскую волость в Верейском уезде со всеми угодьями и мельницами и несколько пустошей. Наконец, чтоб обеспечить академию учебными пособиями, царь обещал предоставить академии царскую библиотеку [21].

После кончины Феодора, не успевшего привести в исполнение задуманного им великого дела, бунт стрелецкий и волнения, поднятые раскольниками, отвлекли на время правительство от устройства академии; впрочем, учение в типографской школе продолжалось. По укрощении мятежей, когда бразды правления приняла царевна София, заботы о начатом деле образования возобновились, и два ученых инока представили царевне просьбы в стихах о водворении наук в столице по плану Феодора. Первым был Чудовский иеродиакон Карион Истомина, который в ноябре 1682 года поднес просьбу в стихах: в ней он изображает высокое значение мудрости, восхваляет ум Софии, напоминает ей заботы отца ее и брата о просвещении своих подданных и просит, чтоб она умолила братьев своих Иоанна и Петра утвердить в Москве полный курс образования [22]. Другим был настоятель Заиконоспасского монастыря иеромонах Сильвестр Медведев, ученик Симеона Полоцкого, в январе 1685 года он представил царевне грамоту царя Феодора об учреждении академии и вместе с нею также свое стихотворное послание [23]. Но, вероятно вследствие влияния Патриарха Иоакима, который неблагоприятно смотрел на Медведева, как на поборника латинства, и опасался видеть его блюстителем будущей академии, — привилегии академии не были утверждены руками царей. В это время в Москве уже ожидали учителей греческих, за которыми посылали к восточным патриархам.

В марте 1685 года прибыли в Москву после многотрудного и продолжительного путешествия два родных брата — иеромонахи Иоанникий и Софроний Лихуды [24]. Они представили в посольском приказе две грамоты: одну — от восточных патриархов, свидетельствующую о их Православии и учености, а другую — от гетмана Самойловича, обласкавшего путников при проезде через Малороссию. Цари и царевна приняли милостиво ученых восточных наставников; для них построены были особые деревянные кельи в Богоявленском монастыре.

Здесь начались труды Лихудов [25]. Между тем приступлено к постройке обширного здания для академии в Заиконоспасском монастыре, чему весьма много содействовал и

деньгами, и распоряжениями сильный в то время при дворе князь Василий Васильевич Голицын, которого Лихуды называли своим “заступником, защитителем, помощником, покровом и прибежищем.” Здание было окончено в 1686 году: сам Патриарх с собором духовенства присутствовал при открытии его и благословил перейти туда Лихудам с учениками из Богоявленского монастыря. Открылся полный, но постепенный курс учения на двух языках, латинском и греческом. Грамматику и пиитику Лихуды преподавали на греческом, а риторику, логику и физику — на обоих языках. Успехи учеников так были блистательны, что они в три года изучили означенные науки, могли говорить на обоих языках и перевели несколько книг на славянский язык.

Но едва только первые семена науки начали приносить плоды, как учителя подверглись тяжким искушениям. Еще до приезда Лихудов в Москву начали распространяться в народе неправильные толки о Таинстве Евхаристии, принесенные с Запада: некоторые держались мнения лютеран о значении хлеба и вина в Евхаристии; другие принимали учение римских католиков о времени пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христову. На девятый день по приезде Лихуды уже имели спор о святой Евхаристии с поляком Белободским в присутствии царей и придворных. Белободский не мог устоять в споре с православными докторами богословия и, наконец, сознался, что он “непричастен богословия.” Но такое благоприятное окончание спора было только еще началом продолжительных состязаний. Во главе приверженцев римско-католического учения о Евхаристии стоял строитель Заиконоспасского монастыря иеромонах Сильвестр Медведев, по отзывам современников, “чернец великого ума и остроты ученой [26]. Он представил свои мысли в сочинении под названием “Манна,” сиюсь в нем доказать, что хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Христовы при произнесении слов Спасителя, выражающих установление Таинства: “Примите, ядите, сие есть тело Мое, пиите от нея вси, сия есть кровь Моя,” — и не считал важными последующие слова молитвы церковной, которую призывается на освящаемые Дары благодать Святого Духа. Для опровержения сего мнения Лихуды написали “Акос, или врачевание, противопологаемое ядовитым угрызениям змиевым,” и на основании многих свидетельств, взятых из преданий апостольских и писаний святых отцов, изложили православное учение о времени пресуществления. Против “акоса” Сильвестр написал “Тетрадь на Иоанникия и Софрония Лихудов,” на которую Лихуды отвечали “Диалогами грека учителя к некоему иисуиту.” Спор зашел так далеко, что о высоких предметах святейшего Таинства даже простой народ стал толковать на торжищах. Для пресечения соблазна Патриарх Иоаким вступил в сношения с восточными патриархами, которые и прислали целое собрание церковных свидетельств, подтверждающих православное учение о Святой Евхаристии [27]. Сверх того он с особенною пастырскою строгостию прислал послания к духовным властям киевским, подозревая, что ложные мнения первоначально возникли на юге России, и получил от них удостоверительные листы, которыми они соглашались с православным учением и отвергали заблуждение папистов [28].

В это время первосвятитель Московский мог иметь властное влияние на южнорусскую Православную Церковь: Киевская митрополия была уже подчинена Патриарху Московскому и всея России.

При гетмане Самойловиче настало самое удобное время для соединения Киева с Москвою в церковном отношении. Мы видели, что это дело было близко к успеху при Богдане Хмельницком и Патриархе Никоне, но удаление последнего и, наконец, низвержение его отсрочило успех соединения надолго. Теперь гетман Самойлович также сознавал необходимость быть верным Москве и вместе с тем, подобно Хмельницкому, все в Малороссии старался подчинить своей власти, от всех требовал полнейшего себе повиновения;

а Патриарх Иоаким еще более Никона способен был устроить это дело, потому что он лучше Никона знал состояние малороссийского духовенства, так как в юности своей много лет провел в Малороссии [29].

Переписка между Патриархом Иоакимом и гетманом Самойловичем относительно поставления в Киев митрополита начинается с 1683 года. В письме к Самойловичу (от 4 сентября 1683 г.) Патриарх высказывает глубочайшее сожаление о том, что, по дошедшим до нему слухам, Киевская митрополия не имея начального пастыря, Киевского митрополита, всякого благочиния лишилась. Действительно, положение иерархии в Киевской митрополии могло подать повод Патриарху, к сожалению, и к вмешательству в дела митрополии. Иерархия тогда совсем пала. Под видом настоящих архиереев в Киевской митрополии ходило много греческих и сербских архиереев, изгнанных патриархами и даже лишенных сана, которые тем не менее за недостатком в Малороссии настоящих архиереев совершали всякие священнодействия и рукоположения. Но еще более сильное побуждение к избранию в Киев митрополита имел Московский Патриарх, потому что в то же время могло выставить претендента на ту же митрополию и польское правительство, которое возобновило попытку привлечь в унию представителей южнорусской иерархии — епископов областей, находящихся еще под польской властью. Один из них, Иосиф Шумлянский, епископ Львовский, охотно согласился принять унию. Снискав себе таким образом расположение польского правительства, он начал незаконно титуловаться администратором Киевской митрополии и старался возбудить в Малороссии мятеж против Москвы.

Вслед за тем (в 1684 г.), пока гетман Самойлович заботился о подискании достойного лица для занятия престола Киевской митрополии, прибыл в Батурин епископ Луцкий и Острожский Гедеон Святополк, князь Четвертинский, знаменитый происхождением и страданиями за веру православную [30]. На съезде в Киеве он был избран на митрополию и тогда же изъявил неперменное свое желание принять жезл архипастырский не от кого другого, как от первосвященителя всероссийского в Москве. После продолжительной переписки о правах и преимуществах будущего архипастыря Киевского, цари и царевна изъявили полное согласие на присоединение южной митрополии; а Патриарх Иоаким с великою радостью отвечал Самойловичу, что он согласен избранного архипастыря на престол Киевской епархии возвести и благословением его утвердить, во-первых, потому, что с самого начала распространения христианской веры в России митрополия была одна и повсюду россияне были в повиновении и послушании всероссийскому престолу; во-вторых, потому, что, когда Собором всех святейших Восточной Церкви патриархов устроился в царствующем граде Москве патриарший престол, то на Соборе повелено было всем российских престолов архиереям повиноваться патриаршему престолу Московскому. В особом письме к Четвертинскому Иоаким приглашал его в Москву для посвящения.

Прибыв в Москву с многолюдною свитою духовных и мирских лиц, Гедеон был посвящен в сан митрополита Киевского 8 ноября 1685 года при торжественном служении Патриарха в Московском Успенском соборе и в присутствии царей. Стоя пред Патриархом среди церкви на орлеце и произнося обыкновенную архиерейскую присягу, Гедеон давал обещание, что во всем будет повиноваться Московскому Патриарху [31]. После посвящения он получил драгоценные дары от щедроты царской [32] и две утвердительные грамоты: одну — от царей, другую — от Патриарха. В первой из них подтверждены все привилегии, о которых просил гетман [33], за исключением одной — права называться экзархом Константинопольского Патриарха. В грамоте, данной от Патриарха, заметно стремление с его стороны поставить Гедеона на такое же положение, в каком были и другие митрополиты, подчиненные Московскому Патриарху. Так он титурует новопоставленного митрополита “митрополитом Киевским и Галицким и Малья России,” но ни разу не

называет его митрополитом всея России, как назывались до того времени Киевские митрополиты. Дозволяя Гедеону носить митру с крестом и ношение креста пред ним в его епархии, Патриарх “ради единчества” с прочими российскими митрополитами повелевает носить белый клобук, что до сих пор не было в обыкновении у Киевских митрополитов по примеру святителей восточных. О неподсудности митрополита Патриарху в делах администрации (чего особенно добивался гетман) в патриаршей грамоте не упоминалось [34].

После того, как Гедеон Четвертинский принял посвящение в сан митрополита Киевского в Москве от Московского Патриарха и торжественно обещал повиноваться ему во всем, подчинение Киевской митрополии Московскому Патриарху уже совершилось на деле. Но пока Константинопольский Патриарх не изъявил своего согласия, присоединение не могло еще считаться совершенно законным. Притом гетман и Четвертинский считали необходимым, чтобы Константинопольский Патриарх знал о совершающемся подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату и дал на это свое согласие: они опасались, чтобы Вселенский Патриарх не поразил их своим проклятием, чему уже бывали примеры [35]. Немедленно после посвящения Гедеона отправлено было посольство в Константинополь, и чрез год получены грамоты от Патриарха Константинопольского Дιονисия и Иерусалимского Досифея, разрешающие подчинение южнорусской Церкви Московскому Патриарху [36].

Таким образом благоразумный и деятельный Патриарх Иоаким блистательно довершил то, чего не успели в свое время сделать великий Патриарх Никон и незабвенный гетман Богдан Хмельницкий [37]. Присоединение Киевской митрополии к Москве имело весьма важное значение для современной церковной и государственной жизни. С одной стороны, оно давало Московскому первосвятителю возможность следить за учением православной веры на юге, не допуская лжеучений, притекающих с Запада. С другой — предотвращалась возможность участия духовных властей в смутах, возбуждаемых честолюбцами, которые постоянно находили поддержку в местном духовенстве [38]. Наконец, самое соединение политическое, совершенное Богданом, оставалось непрочным без единства религиозного, которое одно могло связать неразрывными узами малороссийский юг и великороссийский север в одну обширную Россию посредством единства Церкви.

Совершив великое дело соединения, Иоаким явил себя самым глубоким политиком XVII века, тем более, что светлый ум его прозревал еще далее для блага и силы России. В нем созрела обширная мысль: соединить под властью патриаршего престола всея Руси, как основанного Первозванным Апостолом, всех православных наших единоплеменников на юге Европы. Эту мысль подтвердил сербский митрополит Савва II Бранкович, приехавший в Россию для сбора в пользу своей кафедры, разоренной междоусобиями [39]. Выехавший из Болгарии в Москву князь Ростислав Страшимирович еще более утвердил Иоакима в его намерениях: обласканный Патриархом он обещал склонить к церковному соединению не только своих единоземцев, между которыми имел много приверженцев, как единственный потомок государей болгарских [40], но даже и сербов с черногорцами и молдаван с волохами. Иоаким надеялся склонить Вселенского Патриарха к отказу от духовной власти над этими странами, как достиг той же цели относительно Малороссии; но племянник его Дубровский, посланный им в Царьград для предварительных переговоров с греческим духовенством и турецким правительством об этом деле, едва спасся от разъяренной черни, когда в Константинополе получено было известие, что в Москве подписан (26 апреля 1686 г.) наступательный и оборонительный союз с Польшею против Крыма и Турции [41]. Эта неудачная попытка завоевания Крыма, предпринятая по внушению славолюбивого князя В. Голицына, вопреки желанию Патриарха Иоакима, вопреки убедительному молению Цареградского Патриарха [42] и настояниям умного гетмана Самойло-

вича [43] послужила препятствием к тому великому делу, которое и донныне еще не вполне совершилось: мы разумеем здесь освобождение православных славян, и в особенности многострадального народа болгарского от греческой иерархии и возвращение им права иметь своих единоплеменных архипастырей и возносить свои молитвы пред престолом Божиим на своем родном языке.

37. Царь Петр Великий.

Уничтожение патриаршества и учреждение Святейшего Синода.

Преемником просвещенного и ревностного первосвятителя Иоакима был митрополит Казанский Адриан, последний в числе десяти патриархов Московских и всея России. При выборе Патриарха высшие власти указывали на Маркелла, митрополита Псковского, — человека ученого и образованного [1]; но низшее духовенство было против Маркелла и указывало на Адриана. Царь Петр пристал к архиереям и хотел Маркелла; но царица Наталья Кирилловна с архимандритами, игуменами и низшим духовенством стояла за Адриана. Врагам Маркелла не нравилась его всесторонняя ученость, и они говорили, что ученый Патриарх будет благоприятствовать иноверцам. Враги Маркелла пересилили, и Адриан был возведен на патриаршество [2].

Новый Патриарх крепко стоял за старые обычаи: он предавал анафеме брадобритие [3] и вооружался против употребления табака так же, как и против лжеумствований лютеранских [4]. При нем усилилось противодействие южнорусскому образованию; один несчастный случай еще более утвердил иерархов в подозрительности к западным ученым [5].

Реакция против западного образования коснулась самих Лихудов. Они преподавали своим ученикам грамматику, пиитику, риторику, логику и физику. Все эти науки излагались ими по схоластическому, но сглаженному методу; вместо Аристотеля ученые греки выдвинули Отцов Церкви, вместо латыни — греческий язык. Но для возбуждения сомнений в их Православии теперь довольно было и того, что они с греческим языком не оставляли и латинского. Главным обвинителем их явился Иерусалимский Патриарх Досифей, который давно уже следил за успехами латинской науки в России и несколько раз писал в Москву предостережения против киевских ученых. Отправляясь в Россию, Лихуды дали ему обещание учить москвичей только по-гречески. Узнав, что они не сдержали своего обещания, Досифей (1693 г.) отправил в Москву три послания: к царям, Патриарху и самим Лихудам, в которых решительно осуждал преподавание в Академии латыни; Лихудов укорял за то, будто они не занимаются своим делом, а забавляются около физики и философии и не подготовили пока еще ни одного учителя, и грозил им отлучением. Ученых братьев отставили от академии, предоставив им преподавать итальянский язык на печатном дворе; но Досифей не был доволен и этим: он требовал, чтобы их вовсе выгнали из Москвы, обвинял их в сношениях с турецким правительством. Тогда их заточили в констромской Ипатьевский монастырь [6]. Место их в академии заняли их ученики, при которых латинский язык уже совершенно был изгнан из Академии.

Все это происходило в начале царствования Петра, когда юный царь сначала под опекою Софии, потом под влиянием матери, далеко не свободной от предрассудков старины [7], наконец, в соправительстве со старшим братом [8] не пользовался полною самодержавной власти. Но освободившись от всех препон, связывавших его руки, Петр явился гениальным преобразователем своего государства.

И прежние цари из дома Романовых предпринимали преобразования, но по характеру своей церемониальной, неподвижной дворцовой жизни и своего исключительно церковного образования они только могли писать грамоты из дворца, обличать настроения, выставлять новые письменные требования, направленные не столько на нововведения, сколько на сохранение старых обычаев при новых порядках. Новый царь явился человеком, отрешенным и от дворцового этикета, связывавшего деятельность его предшественников, и от древнего быта. Религиозного воспитания он не получил ни в правилах киевской схоластики, ни в духе великорусского древнего благочестия; отсюда готовность у него к восприятию новых понятий в религиозной сфере и светский характер его реформы. Он учился без руководителей и даже без книг, на ходу, среди потех, и прежде всего, разумеется, бросался на то, что его поражало очевидной пользой: его заняли не киевская элоквиция с диалектикой, а корабли, пушки, крепостные работы, ремесла — то, чем Европа так возвышалась над Россией, для чего Россия толпами вызывала к себе иностранцев, несмотря на свою религиозную замкнутость; это был уже не ученик риторики, как брат его царь Федор, а корабельный плотник, бомбардир, шкипер, человек совершенно реального направления. Это направление сблизило его с Немецкой слободой, без которой он не находил удовлетворения своей любознательности. Для его предшественников, для большинства русских людей знаться с еретиками было страшно; для Петра же, не воспитанного в старинных понятиях, этого страха не существовало, и он без всякого стеснения протянул иноземцам свою руку, как друзьям и учителям.

Петр вырос в гонении от родных (Милославских), царевен-теток и царевен-сестер, под страшными впечатлениями стрельцких бунтов, впечатлениями вечных жалоб матери, постоянно раздражаемый указаниями окружающих на отнятую у него власть, на его заброшенность в Преображенском, на торжество нелюбимой родни. Еще в XVI веке был у нас царь, воспитанный под такими же впечатлениями; из него вышел Иоанн Грозный. Из Петра выработывался царь такой же грозный, с такою же ревностью к своей власти, с болезненной ненавистью к религиозному суеверию и религиозной исключительности. Но от кровавого мучительства Иоаннова спасла его высокая задача, которую он поставил целью всей своей жизни и для которой трудился, напрягая все силы духовные и телесные, силы исполинские в сравнении с обыкновенными силами человеческими [9]. Задачей его было образовать русский народ и посредством образования довести его до возможно высшей степени политического могущества и экономического благосостояния. С давних пор и доньше против Петра слышится упрек в увлечении иноземцами, в поклонении Западу, в пренебрежении русской народностью. Ничего не может быть несправедливее этого упрека. Россия в ее идеальном виде была для Петра всем на земле; за нее он готов был жертвовать жизнью [10]. Запад же для Петра был только орудием — орудием ценным, пока цель еще не достигнута [11].

К несчастью, еще в начале Петр встретил страшные бунты мнимых староверов, волнение невежественных масс под личиною веры и во имя древнего Православия, потом заговор на жизнь его и мятежное восстание стрельцов. На это восстание царь отвечает страшным стрельцким розыском с пытками и жестокостями, каких история не видала со времен Грозного; это был акт не правосудия, а ожесточенной ярости царя, который в это время, по словам современников, был, как лев рыкающий [12]. Страшные застенки Преображенского постоянно наполнялись новыми жертвами царского гнева; среди пыток и казней орудие крутой воли Петра — суровый князь-кесарь Ромодановский непрестанно, по собственным словам его, “кровью омывался.” Так с самого начала Петровская реформа получила крутой и даже фанатический характер и стала вводиться насильственными и жестокими средствами.

Но, несмотря на ненависть к суеверию, напрасно обвиняют Петра в недостатке веры. Ввиду громадности предстоящих работ Петр считал первым долгом, как для себя, так и для своих подданных “безустанный труд,” физический и умственный, ремесленный и военный. И в этой любви к труду мы видим первую черту религиозного характера Петрова. “Молись и трудись,” — говаривал он, а также: “Аще кто не хочет делати, ниже да ясть.” “Мы, — писал царь из Голландии Патриарху Адриану, — последуя слову Божию, бывшему ко праотцу Адаму, в поте лица трудимся.” “Мы, — писал царь в другой раз почти в тех же выражениях боярину Стрешневу, — по заповеди Божией к праотцу Адаму, в поте лица своего хлеб едим.” Как человек умный и много испытавший, Петр не мог не заметить, что часто самые усиленные труды ни к чему не ведут, что для успеха нужно еще что-то. Что же именно? “Благословение Божие,” — решил Петр, по крайней мере, в применении к себе. “Быть трудолюбивым и честным, — рассуждал Петр, — вот лучшая политика человека, власть имущего; приносит она, однако же, мало пользы, если не сопутствует ей благословение Божие.” Эта идея о воле Божией, всеми управляющей, о необходимости помощи Божией, Божьего благословения для успешного труда проникает всю общественную деятельность Петра и дает ей христианский оттенок. Обращение царя к Промыслу Божию оживало с особенною силою при радостных или торжественных событиях [13]. Воззвание к промыслу Божию не было чуждо Петру и при неудачах [14].

В трудных для совести случаях, которые, впрочем, при определенности воззрений Петра, были у него очень редки, он считал для себя непрременным долгом обращаться к свету закона Божия и освещать им путь свой. Таково было дело царевича Алексея. Петр призывал духовных и светских сановников принять участие в разбирательстве этого трудного для его совести дела [15].

Нельзя сказать, чтобы религиозное сознание, внушавшее Петру во всех общественных отношениях благоговение к закону Божию, было всегда безошибочно. Строгость перевешивала в нем милосердие, и, казня преступников, Петр почти всегда забывал изречение Апостола: “И хвалится милость на суде.” В этом отношении любопытна одна сцена из эпохи стрелецких казней. Патриарх Адриан, вспомнив старинную обязанность святителя печаловаться за опальных, пришел в застенок с иконою Богоматери и молил царя о пощаде преступников. “Зачем ты здесь? — вскричал Петр. — Разве тебя зовет сюда твоя обязанность? Скорее уходи и поставь икону на свое место; знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой долг и истинное благочестие обязывают меня заботиться о народе и карать злодеяния, ведущие к общей гибели.” “Я думаю, — сказал далее царь, — что для Бога нет более приятной жертвы, как кровь беззаконников.” Но в другом подобном случае Петр поступил иначе: когда он приехал в Смоленск для казни стрельцов, и преступники уже были подведены к плахе, вдруг из толпы народа бросается к ногам раздраженного государя игуменья Смоленского девичьего монастыря Марфа с громким воплем о помиловании. Это неожиданное зрелище так поразило царя, что он подал знак остановить казнь, и вскоре милость восторжествовала над справедливым гневом. Петр почувствовал сладость прощения и в благодарность Марфе приказал, чтоб она требовала от него, чего пожелает, — он все готов исполнить. Тогда благочестивая старица просила построить в обители ее каменную церковь вместо деревянной, и просьба ее была исполнена [16].

Как человек искренно верующий, Петр, естественно, должен был молиться. К внешнему богопочтению Петр относился довольно свободно. По праздникам Петр ходил в церковь, причем по живости характера любил принимать участие в Богослужении: пел на клиросе и читал Апостол, но богомольем особенным не отличался. Черты древней русской набожности: постничество, долгие земные поклоны, возжигание многих свечей пред обра-

зами, любовь к добродушным колоколам и прочее были не в духе царя. Тем не менее, были в многотрудной жизни Петра такие минуты, когда он молился с полною горячностью и искренностью. Так после страшной бури на Белом море, пристав к берегу у Пертоминского монастыря, Петр с усердною благодарственною молитвою поставил крест в память о своем чудесном спасении. Так же на полях полтавских, над могилою убитых воинов Петр, конечно, волнуемый самыми сильными и разнообразными молитвенными ощущениями, водрузил собственноручно крест с надписью: “Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся в лето от воплощения Бога Слова 1709.” Так во время пребывания в Карлсбаде Петр часто удалялся на близлежащую гору для уединенных молитв. И доселе деревянный крест обозначает там место царской молитвы.

Но вместе с тем Петр ввиду осмеяния суеверий и старых обычаев позволял себе грубые и кощунственные забавы [17], соблазнявшие верующих людей. Брадобритие, немецкое платье, празднование Нового года 1 января (вместо 1 сентября) и другие нововведения восстанавливали почитателей старины против царя-преобразователя. А преследуемые Петром изуверы раскольники принимали его за Антихриста.

Патриарх Адриан сначала было резко высказался в старом духе против иноземных обычаев и нововведений, но скоро должен был замолчать; в последнее время он даже вовсе уехал из Москвы и жил безучастно в своем любимом Перервинском монастыре [18]. Патриарх не мешал реформам; но Петру этого было мало, ему нужно было, чтобы Патриарх ему содействовал: безучастное положение первосвященника было тем же отрицанием новых порядков, только безмолвным. Петр видел в Патриархе живое нравственное средоточие всех недовольных; для подтверждения такого взгляда среди тогдашних обстоятельств ему вовсе не нужно было каких-нибудь особенных фактов в поведении Адриана, достаточно было и того, что Адриан высказывался в духе недовольных прежде; теперь он замолчал, но мог заговорить опять и притом в такое время, когда противодействие Патриарха было бы всего более опасно и могло наделать еще больше хлопот, чем во времена Патриарха Никона. В октябре 1700 года Патриарх скончался, и возник трудный вопрос о назначении ему преемника. Где было найти человека, сочувствующего реформам, когда между духовными лицами трудно было выбрать даже такого Патриарха, который давал бы право надеяться на одно только безмолвие со своей стороны? Петр решился повременить с избранием Патриарха. Управление Церковью на время поручено было “местоблюстителю патриаршего престола.” С этого времени идет непрерывный ряд перемен в иерархическом строе Русской Церкви.

Патриарший дом, дома архиерейские и монастырские дела повелено ведать боярину И. А. Мусину-Пушкину: “Сидеть на патриаршем дворе в палатах и писать монастырским приказом.” Велено переписать все монастыри, мужские и женские; сколько монахов и монахинь переписчики застанут в каких монастырях, тем и оставаться в своих монастырях неисходно. Монахи в кельях наедине не должны ничего писать, чернил и бумаги не держать, писать должны в трапезе, в определенном месте с позволения начальника, по преданию древних отцов. Ни в мужских, ни в женских монастырях нельзя было никого постричь вновь без царского указа. Эти распоряжения объяснялись целым рядом жалоб предшествовавшего времени на ослабление нравственности в монастырях и на кочевую жизнь монахов и монахинь, производящих соблазн своим поведением. Затем последовала хозяйственная реформа: в архиерейских и монастырских вотчинах велено дать новый торг на все оброчные статьи, которые отданы были на оброк до урочных лет, и если новые откупщики станут давать больше старых, то им и отдавать статьи, не дожидаясь истечения урочных лет для прежних откупщиков. Посольские старцы в вотчинах отставлены; вместо них определены приказчики из мирян. Наконец, знаменитый указ 1702 года определил на-

значить монашествующим определенное (весьма ограниченное) количество денег и хлеба, а затем все остатки назначены на пропитание нищих в богадельнях и в бедные монастыри, у которых нет вотчин.

Понятно, что такие распоряжения не могли быть приятными высшему духовенству. Может быть, в этом заключалась одна из главных причин, почему Петр встречал в нем постоянное противодействие всем своим преобразованиям, особенно в духовенстве великорусском, как наиболее обиженном притеснениями монастырского приказа и не имевшем достаточно средств для реформы образования. В этом сопротивлении видам Петра оказывались виновными не только священники и монахи, но даже и архиереи [19]. Большая часть иерархов великорусского происхождения подражала безмолвию Патриарха; и только весьма немногие выражали делами свое сочувствие Петру, такие, как Афанасий Холмогорский и Тихон Казанский. Первый был лично известен царю своим образованием и ласковым обращением с иностранцами, которые приезжали к архангельскому порту; последний доставлял значительные пожертвования на содержание войска.

В особенности пользовались уважением царя Петра два современных ему святителя: Иов, митрополит новгородский, и святой Митрофан, первый епископ Воронежский.

Иов, постриженник и впоследствии архимандрит Сергиевой Лавры, митрополит Новгородский с 1697 года, завел в своей епархии училища для образования достойных священников. Главными сотрудниками его в этом деле были греки, братья Иоанникий и Софроний Лихуды, заточенные, как мы уже видели, в костромской Ипатьевский монастырь, Иов выпросил их у царя Петра и с помощью их в 1706 году учредил при доме своем два училища: греко-латинское и словенское. Для них он построил подле своего архиерейского дома обширное двухэтажное здание, до сих пор известное под именем “Лихудиевского училища.” В шесть лет они довели своих учеников до риторики и логики, обучив их сверх того греческому и латинскому языкам. Через учеников, получивших образование в этих училищах, митрополит завел потом до четырнадцати русских школ по уездным городам и монастырям обширной своей епархии.

Кроме занятий по училищу, Лихуды трудились над сочинениями и переводами книг с греческого и латинского на русский язык. Для пособия им митрополит Иов вызвал из Москвы некоторых прежних учеников их (иеродиакон Кариона Истомина, Николая Семенова и других) и таким образом учредил при своем доме “Общество переводчиков” [20]. Кроме этих учреждений, клонившихся к распространению отечественного просвещения, митрополит Иов достопамятен еще другими заботами, делающими честь его человеколюбию. Он в 1706 году на иждивение своих вотчинных доходов завел в Новгороде три больницы, странноприимницу и дом для незаконнорожденных и подкидышей. Этот воспитательный дом был устроен в приписанном к архиерейской кафедре упраздненном монастыре Колмове на берегу Волхова, близ Новгорода. Иов жила здесь летом и сам наблюдал за своими “найденщиками.” Государь, узнав об этих человеколюбивых учреждениях, в 1712 и 1713 годах повелел на содержание их приписать к Новгородскому архиерейскому дому половину монастырских вотчин в Олонецком уезде и Галилейскую пустынь в Новгородском уезде в Деревской пятине, бывшую до того времени за Воскресенским монастырем; в 1714 году обратил в воспитательный дом для приема несчастнорожденных и всяких младенцев богадельню сестры своей, царевны Наталии [21]. Достигнув глубокой старости, Иов несколько раз просился на покой в Троицкий монастырь, в котором принял пострижение, или в Колмов, где завел воспитательный дом для подкинутых младенцев; но государь удерживал полезного деятеля на его месте. Досточтимый святитель скончался 3 февраля 1716 года [22].

Святой Митрофан знаменит не школьною ученостью, но святостью жизни и содействием Петру в усердном радении о благе родной земли.

Михаил (мирское имя святого Митрофана) происходил из духовного звания и провел большую часть жизни в быту семейном. Овдовев [23], он на 40-м году постригся в Золотниковской обители, недалеко от Суздаля. Там же и после в Макарьевом Унженском монастыре был он настоятелем.

В 1682 году, когда нужно было избрать первого епископа Воронежского, царь Федор, благоговевший перед преподобным Макарием, избрал “ученика и наместника его игумена Митрофана, мужа истинно праведного и святого,” как говорит современная монастырская записка [24]. Новые епархии, в том числе и Воронежская, открыты были тогда с тою целью, чтобы ближайший надзор святителей мог вовремя заметить замыслы лжеучителей и принять меры для противодействия расколу. Митрофан был посвящен в епископа Воронежского 2 апреля 1682 года Патриархом Иоакимом с 16 архипастырями. Здесь же, в Москве, пришлось ему убедиться в значении раскола для Церкви и государства: он был свидетелем кровавого неистовства стрельцов против ненавистных им бояр и буйства Никиты Пустосвята с его шайкой в Грановитой палате. Нельзя было не удержать до гроба в душе этих страшных сцен. И святитель Митрофан до гроба был столько же твердым обличителем своеволий раскола, сколько ревностным попечителем о благе государственном.

Проникнутый духом учения Христова, святитель был искренним чителем власти царской и усердным попечителем о благе православного царства. Царь Петр Великий готовился тогда к войне с мусульманским царством и для осады Азова с моря строил на воронежской верфи корабли разных размеров. Святитель Божий старался помогать царю и молитвою, и словом увещания. Он объяснял при каждом случае, как благодетельны намерения государя для Церкви и отечества, столько лет страждущих от дикого магометанства. Когда же строительство кораблей встретило затруднение, вопреки стараниям царя, из-за недостатка денег, святитель поспешил отвратить это препятствие. Собрав все деньги, какие были у него при кафедре, он принес их государю и сказал: “Всякий сын отечества должен от своего достатка помогать нужде государственной; прими же, государь, от моих издержек оставшиеся деньги и употреби их против неверных.” Тронутый Петр принял это пособие из рук святителя, как залог благоволения Божия к его предприятию. И в последующее время святой Митрофан жертвовал достояние свое на нужды государства. Во время шведской войны расходы военные истощали казну до крайности. В 1700 году святой Митрофан послал от себя 4000 рублей на остановившееся строительство кораблей в Воронежском адмиралтействе. В следующем году он пожертвовал 3000 рублей на жалованье войнам.

Со своей стороны, царь-преобразователь глубоко чтит и любил святого Митрофана: не уступая никогда никому и ни для чего из своих нововведений, он сделал однажды уступку только ради святителя Воронежского по следующему случаю: человек Божий, благоговевая к помазаннику Божию, твердо хранил в душе, что святая воля Божия выше всего и что спасение душ христианских, врученных сею волею христианскому пастырю, должно быть предметом ревности пастырской, и не боялся говорить правду царю ввиду опасности грозного царского гнева. Петр проживал по нескольку недель в Воронеже для надзора за постройкою военного флота. Вблизи адмиралтейства стоял дворец его. По обычаю иноземному, здание царское было украшено изваяниями языческих богов. Раз царь пригласил к себе святителя. Старец перешел уже мост и вступил на остров реки Воронеж, где находилось адмиралтейство, как взор его встретил изваяния языческие у ворот дворца. Целомудренный взор святителя оскорбился, и благоговение его к христианству, заменяемому здесь памятниками язычества, возмутилось. Святитель не пошел далее, а воротился

в свои кельи. Государь, которому сказали, что архиерей был у дворца и ушел, оскорбился поступком архипастыря и послал опять звать его к себе. Святитель отвечал посланному: “Пока государь не повелит низвергнуть идолов, которые соблазняют народ, не могу явиться во дворец пред царские очи.” Услышав столь решительный ответ, Петр пришел в негодование. “Как смеет он не слушаться царской власти?” — говорил гневный Петр. Царь послал сказать, что, если не явится сейчас же, как преступник царской воли подвергнется казни. “Жизнь моя во власти царя, — отвечал святитель посланному, — но для меня лучше умереть, чем нарушить долг святительского сана моего. Лучше умереть, чем присутствием своим или боязливым молчанием одобрять язычество. Неприлично государю православному ставить языческие болваны и тем соблазнять простые сердца народа.” Гнев Петра между тем несколько остыл, и, когда передали ему слова святителя, он терпеливо выслушал их. Со своей стороны святой Митрофан, хорошо зная строгость Петра, спешил приготовить душу свою к вечности. Он распорядился, чтобы благовестили к всенощному бдению в большой колокол. Государь, услышав блавест, спросил: “Что за праздник завтра?” Ему отвечали, что нет никакого. Он послал спросить о причине блавеста к архиерею. Святитель отвечал посланному: “Мне, как преступнику, словом царским назначена смерть; готовясь к смерти, хочу я совершить соборное моление с церковью о прощении грехов моих, чтобы Господь явил надо мною милость Свою.” Петр изумился решимости святителя умереть по ревности к делу Божию. Он немедленно послал успокоить его милостивым словом своим и просил не тревожить народ необычайным звоном. Затем немедля велел снять статуи, оскорбившие пастыря. Услышав о последнем, святитель на другой день пришел к царю и смиренно благодарил его за уничтожение изваяний, соблазнительных для народа. Так пастырь Божий совершил исповеднический подвиг. Государь увидел по этому опыту величие духа в святителе и еще более, чем прежде, стал уважать его. Святитель Митрофан и во всякое другое время близко к душе держал мысль о смерти. Доказательством тому служит синодик его, в котором видим, как любвеобильное сердце святителя обнимало и овец паствы своей, и людей, верно служивших отчизне православной [25]. Дом его был отдыхом для всех утомленных жизнью, в нем находили помощь себе все бедные, вдовы и сирые. Он был прост в обхождении: к нему открыт был доступ для каждого: богатого и бедного, знатного и безызвестного.

Двадцать лет святой Митрофан управлял воронежскою паствою, достиг глубокой старости и мирно преставился 23 ноября 1703 года [26]. По воле Божией, случилось, что в тот самый день прибыл в Воронеж государь. По обычаю своему, поспешил он посетить доброго архипастыря, но уже застал его при последнем издыхании; царь поцеловал его руку и остался ждать кончины, которая не замедлила. Государь сам закрыл глаза его и велел приготовить все нужное для погребения почетного. Когда священники подошли, чтобы поднять тело для выноса, государь, обратясь к чинам мирским, сказал: “Нам стыдно будет, если не засвидетельствуем признательности нашей сему благодетельному пастырю отдаением последней почести; мы сами вынесем тело его.” И с этими словами государь поднял гроб святителя и со старшими военачальниками понес в собор; потом сам же нес тело в усыпальницу и опустил в могилу. “Не осталось у меня такого святого старца, — буди ему вечная память!” — сказал царь благодарный [27].

Между архипастырями своего времени, воспитанными среди старого, немногосложного быта, где важнейшим церковным вопросом была забота о благолепии обрядов и о строгой дисциплине церковной, Петр нашел слишком мало святителей, подобных Иову и Митрофану, и встретил слишком мало сочувствия и содействия своим предначертаниям, а потому, естественно, должен был обратить взор на духовенство южной России, как на более просвещенное и более способное к тем реформам, которые казались ему необходимыми-

ми. Недоверие к Православию киевских ученых, сильно укоренившееся в Москве, и обличения восточных патриархов [28] не могли задержать исполнения твердой воли царя. Еще при жизни Патриарха Адриана Петр положил начало поставлению архиереев из малороссов — воспитанников киевских, и первый выбор пал на того, кому впоследствии вверено было управление всею Русскою Церковью по кончине последнего Патриарха.

Стефан (в миру Симеон) Яворский родился в Волынском местечке Яворове. Родители его, принадлежавшие к дворянскому сословию, как и все дворяне тогдашнего времени, обращали на себя особенное внимание папистов и униатов. От их злобных преследований Яворские принуждены были покинуть родину, удалились в Малороссию и поселились со всем своим семейством в Нежине. Юный Симеон с детских лет показывал необыкновенные способности и склонность к наукам. Но так как в Нежине в то время не было никакого училища, то родители поручили его воспитание Варлааму Ясинскому, бывшему тогда иеромонахом и проповедником в Киево-Печерской Лавре. Когда в звании ректора и восстановителя Киево-Могилянской коллегии Ясинский перешел игуменом в Братский монастырь, то взял с собою Яворского и определил его во вновь открытые школы, имея сам непосредственное над ним наблюдение. Дорожа счастливыми способностями своего воспитанника, Ясинский независимо от школьных уроков сам преподавал ему поэзию и риторику, читал и объяснял ему латинских авторов, искренно радуясь понятливости и успехам своего юного питомца, и, наконец, отправил его в галицкие и польские училища, славившиеся тогда отличными наставниками-иезуитами [29]. Возвратившись оттуда со званием “учителя словесных наук и философии и полного богослова” [30], Яворский посвятил труды свои на служение родному училищу. Постриженный в Киевской Лавре в 1690 году, учитель, проповедник, игумен Киево-Николаевского пустынного монастыря, он был прислан (в начале 1700 года) от благодетеля своего Варлаама Ясинского (тогда уже митрополита Киевского) в Москву, с просьбою к Патриарху Адриану о посвящении его на вновь учрежденную Южно-Переяславскую епархию. Выслушав слово [31], произнесенное Стефаном над гробом боярина Шеина, Петр захотел видеть проповедника на одной из ближайших к Москве епархий. Несмотря на то, что в Москве приняли Стефана неласково, осыпали его бранью и клеветами и даже сам Стефан упорно отказывался от архиерейства [32], царь повелел Патриарху Адриану посвятить Киевского игумена прямо в сан митрополита Рязанского, а по кончине Патриарха назначить его “екзархом святейшего патриаршего престола, блюстителем и администратором.”

Одним из главных дел Стефана в новом его звании была борьба с расколом и протестантством. Он застал в Москве рассеваемое раскольниками мнение, будто бы близко пришествие антихриста, что Москва — Вавилон, а жители ее — вавилоняне, слуги антихристовы и сыны погибели. Главнейшим поводом к распространению этих слухов были преобразования Петра, дурно понятые невеждами. Они брались за вычисления, назначали день и час, когда Христос придет на суд, и сообразно с таким вычислением рыли могилы, делали гробы, закутывались в саваны и ложились ожидать Христа. Яворский решился обличить и образумить грубых лжеучителей и для этого написал сочинение, в котором, обличив суеверные мнения раскольников, показал на основании Священного Писания истинные знамения пришествия антихристового.

В то время была открыта в Москве секта самых исступленных кальвинистов. Стрелецкий полковой лекарь Димитрий Евдокимов Тверитинов-Дерюшкин, живя при одном неправославном враче и набравшись от него кальвинских мыслей, начал рассеивать дерзкие хулы на святые иконы, крест, мощи, Евхаристию, призывание святых, поминовение усопших, литургию, посты, значение добрых дел и другие предания Православной Церкви. Эта зараза распространилась между стрельцами и мастеровыми. Цирюльник

Фома Иванов дошел до такой дерзости, что публично произносил в Чудове монастыре хулу на святого Алексия-митрополита и разрубил ножом его икону. Стефан немедленно приступил сначала к тайному расследованию относительно этого общества и, нашедши главных виновников, в 1714 году предал нераскаянных анафеме, а Фома Иванов подвергнут был смертной казни по суду гражданскому [33]. Чтобы навсегда предохранить некрепких верою от подобных заблуждений, Яворский написал знаменитое свое сочинение “Камень Веры,” которое, впрочем, не было напечатано при жизни автора.

Митрополит Стефан Яворский был одним из знаменитейших ревнителей Православия. Смелый, благородный и откровенный, он говорил правду самому Петру, окруженному протестантами. Это не мешало, однако ж правдолюбивому монарху уважать святителя; за то иностранцы-лютеране смотрели на митрополита, как на непримиримого и опасного своего врага. И не они одни, но и все враги Церкви православной боялись сильных, прямых и непобедимых его обличений. По его внушению царь в 1719 году издал указ не иначе дозволить брак лютеранина с православным лицом, как под условием воспитания детей в Православии.

Другой, современный Стефану, великий святитель и искренний друг последнего от юности, был святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

Невдалеке от Киева, в городке Макарове, у малороссийского сотника Саввы Григорьевича Туптало в 1651 году родился сын, нареченный при крещении Даниилом. Воспитанный с младенчества благочестивыми родителями в страхе Божиим юный Даниил был отдан в Киево-Могилянскую коллегию и начал проходить по порядку классы, только что открытые Иоанником Галятовским [34]. Томимый жаждою знаний он быстро окончил учение в начальных школах и в цвете юношеских лет достиг классов поэзии и риторики. Здесь-то раскрылся перед ним тот рудник слова, который потом разработал он сам своим гениальным умом. Под руководством знаменитого полемического богослова Галятовского Туптало изучил те приемы и обороты речи, которые невольно поражают в его поучениях и беседах самого обыкновенного читателя; у него занял он ту энергию и непобедимую силу убеждения, которые проявились впоследствии в борьбе его с раскольниками. И потому благодарить надо Провидение, что оно допустило будущего святителя слушать уроки в киевской коллегии. К сожалению, он не пошел далее риторики, ибо кроме того, что других классов не было тогда в коллегии, даже сама она в то время едва не подверглась полному разрушению.

Окончив учение в коллегии, семнадцатилетний юноша не захотел оставаться в миру и, испросив у своих родителей благословение вступить в монашество, 9 июля 1668 года в Киево-Кирилловском монастыре Даниил принял иноческое пострижение и прославленное им потом имя Димитрия. Следуя таким образом вышнему призванию, юный инок весь погрузился в подвижничество: строгое уединение и богомыслие, отречение от всего, что имеет мир в себе привлекательного, необыкновенная кротость, смирение и послушание, неутомимое усердие к Церкви Божией и непрестанная молитва отличали его даже между старейшими братьями обители. Такой светильник не мог долго оставаться под спудом. Через шесть лет после этого блюститель киевской митрополии архиепископ Лазарь Баранович вызвал его в Чернигов, облек в сан иеромонаха и определил проповедником при соборе. Два года проповеднического служения в Чернигове столь прославили молодого витию, что имя его сделалось известным не только в Малороссии, но и в Польше и Литве. Упрощенный братиею Слуцкого православного монастыря, он целый год проповедывал там слово Божие. Многие обители предлагали святому Димитрию принять начальство над ними, но он уклонялся от этих приглашений и продолжал жить в Слуцке, не имея сил расстаться с любимцем души своей Иоанном Скоцкевичем, строителем того монастыря.

Лазарь Баранович и гетман Самойлович упрашивали его воротиться в Малороссию, и святой Димитрий, дождавшись кончины своего друга и почтив память его надгробным словом, в 1679 году прибыл на родину. Гетман принял его весьма милостиво и благодетельствовал ему; но добродетельный и смиренный инок не захотел употреблять в свою пользу расположение сильного человека и удалился в Батуринский Николаевский монастырь, где усугубил свое подвижничество, проводя время в посте, молитвах, чтении Священного Писания и проповедании слова Божия. Вскоре братия Киево-Кирилловского монастыря обратилась к святому Димитрию с убедительнейшими просьбами о принятии начальства над ними, извещая, что они единогласно избрали его своим игуменом. Они просили и гетмана ходатайствовать о том же; но святой Димитрий отправил представителя их с благодарственным письмом; убеждения Самойловича также не подействовали. Через год после того явились к нему два старца Максаковской Преображенской обители с предложением игуменства. Долго отговаривался святой Димитрий; наконец, неотступные просьбы преодолели его глубокое смирение потому более, что Максаковский монастырь по своему уединенному местоположению соответствовал строгой отшельнической его жизни. Не долго, однако ж, он управлял этою обителью: 1 марта 1682 года его перевели в том же звании в Батуринский Крупницкий монастырь; но и здесь начальствовал он с небольшим полтора года и потом сам отказался от настоятельства и возобновил строгую келейную жизнь в том же монастыре. Так будущий великий святитель готовился в тиши уединения к будущим великим подвигам!

В 1684 году архимандрит Киево-Печерский Варлаам Ясинский вызвал святого Димитрия в Лавру и предложил ему собрать и исправить “Жития святых.” Огромный труд устрасил Димитрия; но убеждения архимандрита и соборных старцев вынудили его согласие, и он приступил к занятиям. Действительно, работы было много; попытки предшественников Димитрия в этом деле были далеко несовершенны, руководствоваться ими и думать было нечего, следовало начинать сначала. Димитрий обложил себя книгами Матафроста, писателями восточной и западной Церкви, греческими историками и жизнеописаниями святых, собранными Макарием, митрополитом Московским, под названием Четых-Миней. Два года провел святой Димитрий в Киево-Печерской Лавре, весь преданный своему занятию [35]; а в 1686 году, подвигнутый неотступными убеждениями гетмана Самойловича и батуринского духовенства, снова принял начальство над Крупницким монастырем. Здесь он докончил первую четверть своих Четых-Миней, содержащую в себе жизнеописания святых, память которых празднует православная Церковь в сентябре, октябре и ноябре месяцах. Труд этот, рассмотренный и одобренный архимандритом Варлаамом Ясинским и всем лаврским собором, немедленно был напечатан в Печерской типографии и в 1689 году представлен царскому двору. Патриарх Иоаким разгневался было, что книга напечатана без его рассмотрения, но, сделав замечание митрополиту Варлааму, одобрил благочестивое усердие сочинителя [36].

В том же году гетман Мазепа, питая уважение к Димитрию и желая представить его ко двору, взял его с собою в Москву, где он и пробыл около двух с половиною месяцев; при чем представился царю Иоанну Алексеевичу и царевне Софии Алексеевне, а также и царю Петру Алексеевичу в Троицком монастыре. В Москве Димитрий часто посещал Патриарха Иоакима, который, продолжая одобрять его занятия, благословил его иконою. Возвратившись из Москвы, святой Димитрий еще с большею ревностью принялся за работу. Чтоб не иметь никакого развлечения, он построил для себя в своем Батуринском монастыре [37] особую келью, которую в записках своих называет “скитом” [38], и, отказавшись от управления вверенною ему обителью, совершенно заключил себя в своем ските и в 1693 году окончил вторую четверть своего творения, в которой поместил жизнеописания

святых, празднуемых в декабре, январе и феврале месяцах. В следующем году святой Димитрий был переведен игуменом в Глуховский Петропавловский монастырь, где также продолжал многополезные свои занятия. Через три года потом он был перемещен в звании настоятеля в Киево-Кирилловский монастырь, куда двадцать девять лет перед сим вступил бельцом, а вышел оттуда уже иноком. Здесь, однако ж, святой Димитрий начальствовал недолго, ибо того же года наименован архимандритом Черниговского Успенского Елецкого монастыря, а в 1699 году переведен был в Новгород-Северскую Спасскую обитель. Тут он окончил и третью четверть своих Миней: март, апрель и май месяцы. Последняя четверть была довершена святым Димитрием в 1705 году уже в Ростове. Таким образом, с лишком двадцать лет трудился святитель над этим образцовым сочинением, которое и в свое время имело, и донныне сохранило духовновоспитательное влияние на православный русский народ. Святой Димитрий желал дать благочестию чтение и приятное, и полезное и предоставить лучшее для всех сословий общества. Красноречие жизнеописателя — живое и увлекательное, язык — образец славянской чистоты и изящества.

В том же 1700 году, когда Стефан Яворский был неволею поставлен в митрополиты Рязанские, Петр поручил Киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому “поискать из архимандритов и игуменов или других иноков доброго и ученого и благодетельного жития, которому бы в Тобольску быть митрополитом и мог бы Божию милостью исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и других невежествах закослелых человек приводить в познание и служение и поклонение истинного живого Бога.” По этому требованию был прислан Димитрий и весной 1701 года посвящен в митрополиты Сибирские; но и это назначение было против его воли и Димитрий заболел с горя; он чувствовал, что здоровье его не могло бороться с суровым климатом Сибири, да и труд, на который он положил все свои силы, остался бы неоконченным. Посему царь Петр, посетив его, больного, позволил ему остаться в Москве для проповеди слова Божия, и святитель проповедывал здесь около года. В 1702 году определен он был на кафедру Ростовскую.

Ревностный святитель нашел свою епархию в печальном положении, в каком находились тогда почти все епархии великороссийские и из которого хотел извлечь их Петр посредством образованных архиереев. Духовенство было невежественным, учить своих духовных детей не могло, и духовные дети тем легче увлекались проповедью какого-нибудь раскольничьего старца, который кричал против духовенства, отступившего от правой старой веры [39]. Грустно и больно было образованному и ученому сыну юго-западной Руси встретить такое невежество в новой своей пастве; св. Димитрий решился просветить и исправить для начала церковных учителей и для этого написал и разослал им два окружных наказа с изъяснением их обязанностей, как по отношению к самим себе, так и к вверенной им пастве. А дабы на будущее время приготовить для Церкви способнейших священнослужителей, он основал в Ростове семинарию и, разделив ее на три класса, сам надзирал за ходом учения, а иногда, за неимением учителей, сам обучал детей. Кроме этого способнейшим из воспитанников он толковал в свободное время Священное Писание, желая восполнить этим недостаток богословского класса [40].

Но святому Димитрию предлежал еще другой, важнейший подвиг в Ростовской пастве. Там было в то время множество раскольников, главные учителя которых, укрываясь в брынских лесах, чрез потаенных своих проповедников всюду рассеивали свое зловерное учение. Крайне прискорбно это было просвещенному защитнику веры Христовой. Он решился объезжать по нескольку раз свою епархию и проживал в Ярославле небольшое время для того, чтобы словом обличать закоснелое невежество отступников Церкви православной. Однажды при выходе из храма нечаянно спросили его незнакомые ему чтители брады: “Нам велят брить бороды, а мы готовы положить и головы свои за бороду.

Как повелишь нам, владыко?” Святитель, вовсе не ожидая подобного вопроса, нашелся, однако, дать ответ и верный и остроумный: “Как вы думаете, — сказал святитель, — отрастет ли голова, если у вас снимут ее?” — “Нет,” — отвечали те. “А брада?” — “Брада отрастет.” — “Пусть же вам отрежут бороду, дождетесь другой.” После того святитель узнал, что в пастве его много людей, которые сомневаются в спасении души из-за того, что по указу царя обрили бороду, думая, что вместе с тем лишились образа Божия. Святитель в 1705 году разослал по епархии сочинение “Об образе Божии и подобии в человеце.” А царь Петр повелел как можно чаще печатать это сочинение. Между тем святитель готовил обширное сочинение “Розыск о брынской вере,” сочинение превосходное в том отношении, что раскрывает самый дух раскола, показывая в нем недостаток евангельского смысла и любви. В первой части он оканчивает исследование тою мыслью, что вера раскольников не права, а во второй — тем, что учение их душевредно; в третьей же — тем, что дела их не богоугодны. Ненависть, возбужденная в раскольниках всех толков этим сочинением к угоднику Божию, лучше всего свидетельствует о том, как сильно и неприязненно им было оружие слова Димитрия. Перед очами всего мира стали они с своей верой неправую, своим вредным учением и с делами, приводящими в ужас и омерзение всякого испытателя судеб человечества [41].

Из ученых сочинений святителя Ростовского особенно замечательна “Летопись,” названная самим сочинителем по скромности “келейною,” т. е. написанною для домашнего употребления; но из собственного письма святого Димитрия к другу его Стефану Яворскому открывается и другая, важнейшая цель этого сочинения. “В нашей Малороссийской стране трудно найти Библию славянскую..., и редко кто знает порядок историй библейских... И для того хотел вкратце библейскую историю преподать таковым для ведания.” Особенно любопытно здесь его исследование “О несогласном летосчислении.” Вообще, летопись эта была бы единственною в нашей литературе, если б была окончена; но, к сожалению, святой Димитрий успел довести ее только до 3600 года от сотворения мира.

Такие многочисленные и разнообразные занятия, увеличивавшиеся с году на год, по мере возвышения святого Димитрия по степеням церковной иерархии нимало не погасили в нем проповеднического жара. Будучи уже митрополитом, он все оставался тем же ревностным возвестителем слова Божия, каким был и в ту пору, когда едва лишь переступил границу юношеского возраста, каким являлся и в Киеве, и в Чернигове, и во всех монастырях, куда приводим был ко благу святой Церкви вышним Промыслом. В сане иерарха он редко совершал литургию без слова поучительного. Проповедуемые им истины христианства, так сродные его уму, были жизнью его сердца и от того, изливаясь прямо из души, являлись всегда живыми, действенными; и не в тесных пределах школьной риторики, не в напыщенных формах классического ораторства того времени изрекал он высокие догматы и святые правила жизни христианской, а в простой беседе отца с детьми, учителя с учениками. Искусно пользуясь всем, что имеет в себе наука, святой Димитрий при необыкновенной силе выражений и живости оборотов умел держать в постоянном напряжении внимание слушателя, не позволяя ему ни на одну минуту скучать сухим изложением догматических или нравственных истин. Самый тон обличения у него не грозный и потрясающий, а тихий, отечески-укорительный, выражающийся иногда в повествовании несколько сатирическом. И доселе вся православная Россия питается вдохновенными беседами святителя Ростовского [42].

Но дух бодр, а плоть немощна. Изнемогая в силах, святой Димитрий все еще не прекращал своих занятий и за два дня до своей кончины (26 октября 1709 г.), больной и ослабленный, едва совершил Божественную Литургию. На другой день он позвал к себе певчих и заставил их петь им же самим сочиненные духовные песни. Что происходило то-

гда в душе праведника, тихо волнуемой воспоминаниями, порождаемыми этой мелодией, которую сложил он в первой поре свежести и крепости сил!.. 28 октября служители, взошедшие в келью митрополита, увидели его стоящим на коленях и уже предавшим дух свой Богу. Так скончался праведник на 59-м году от рождения!

Тело святителя оставалось непогребенным до прибытия друга его Стефана Яворского [43], который вторично отпел его 25 ноября и предал земле в Иаковлевском монастыре, в юго-западном углу Зачатейской церкви, по желанию почившего [44].

Оставшаяся многочисленная библиотека его отослана тогда же в Москву в патриаршую библиотеку, а черновые его рукописи положены, согласно завещанию, в гроб вместо возглавия и подстилки. Кроме библиотеки, не найдено никакого имения, потому что он, кроме книг, ничего не собирал, а все раздавал бедным, нуждающимся, больным и сирым, не оставив себе ничего даже на погребение [45].

Мы видели, что слабость здоровья и труды в составлении Четиих-Миней отвлекли святого Димитрия от апостольского подвига в пустынях Сибири. Промысл Божий предначинил этот подвиг другому неутомимому и ревностному труженику: имя просветителя Сибири принадлежит преимущественно блаженному митрополиту Филофею, в схиме Феодору.

Филофей Лещинский родился в 1650 году и по выходе из киевской коллегии женился и был священником; но лишившись супруги, принял монашество и в скором времени произведен в наместники Братского монастыря. Местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский, соученик Лещинского, имел счастье в непродолжительном времени, согласно державной воле Петра I, рукоположить Филофея в сан митрополита Сибирского и Тобольского, на место святителя Димитрия, перемещенного в Ростов. При самом посвящении он получил послушание трудиться на распространении христианства между разными язычниками Сибири в духе евангельском; личная ревность и внутреннее призвание еще более требовали того же от Филофея. Помощниками святому делу были взятые им из Киева ученые иноки и благочестивые молодые люди. Филофей, как видно, глубоко сожалел о потере восточной Даурии, уступленной Китаю в 1689 году. Он отправил миссионеров к пограничным сибирским монголам и старался обратить к святой вере самого калмыцкого кутухту (первосвященника), который столь уважал его, что не усомнился в грамотах своих называть святителя “Великим ламою” и “над ламами ламою.” Святитель Филофей простирает ревность свою и на Пекин [46]; узнав, что некоторые из пекинских поселенцев под тяжестью языческого мрака начинают ослабевать в святой вере, он послал в Пекин (в 1711 г.) обличительную грамоту и успел поддержать слабых в любви ко Христу. Одушевленный наставлениями его купец Осколков в 1713 году просил маньчжурскую Палату внешних сношений о дозволении присылать в Пекин русских священников. Хотя пред тем такая же просьба русского правительства была отвергнута, но Осколкову дело удалось. Император дозволил прибыть русской миссии. И в 1711 году отправлены были из Тобольска архимандрит Иларион Лежайский, иеромонах Лаврентий и иеродиакон Филимон с причетниками. В 1715 году они приняты были в Пекине с большим вниманием; император велел отвести им квартиры и выдавать содержание; они служили в той же каменной церкви, которая устроена была для русской роты, и их труды не оставались без пользы для русских и для китайцев [47]. Заболев тяжкою болезнью, неутомимый труженик отказался от кафедры и принял схиму в Тюменском монастыре с именем Феодора; ревность его к распространению веры получила тогда еще большую свободу. Сибирский воевода, князь Гагарин, предложил ему внешние пособия для проповеди; Феодор отправился с несколькими священниками вниз по Иртышу к осяткам. Первый год службы вере принес немного и видимых плодов: после долгих убеждений Феодор успел склонить в Са-

маре народ к тому, что они сами сожгли идола своего; то же сделано в шорванских юртах, но тамошнее смятение едва можно было успокоить убеждениями в бессилии не умевшего защитить себя идола. В Конди крещены были некоторые отцы семейств. В 1713 году Феодор во второй раз поплыл по Иртышу. В алтынских юртах слово веры одержало победу над самыми закоренелыми идолослужителями. Феодор крестил 3500 человек, в том числе жен и детей прежде крещенных остяков. В следующем году отправился он из Тюмени в Пелым и крестил 400 вогулов, а миссионер-помощник его еще 300. В Березове, по устройению Промысла Божия, собрались Остяки из дальних кочевьев. Феодор крестил их и оставил им священника. В 1715 году он плывал вниз по Конде и в здешних остяках встретил упорное сопротивление, даже покушение на жизнь его. Но надежда на Господа, искренность убеждения и чистота души, одушевлявшие богоугодного старца, одержали победу над упорным заблуждением. В том же году он снова был вызван в митрополию продолжать заботу о распространении веры. В 1716 году посланные им миссионеры обратили чулымских татар и более половины кистимцев, живших на реке Тома. В 1718 и 1719 годах святитель, несмотря на дряхлость лет, опять сам путешествовал с проповедью святой веры, был в Иркутске и оттуда — дважды за Байкалом, плывал по рекам Ангаре, Тунгуске и Кеши. Феодор был отцом обращенных им, доставлял им пособия жизни, свободу от подушного оклада и рабства.

Апостольскими своими подвигами он успел обрести для Христа до 40000 остяков, вогулов, татар, тунгусов и других инородцев и поставил для них 37 церквей.

Удалясь в Троицкую тюменскую обитель, он провел пять лет в труженичестве и молитвенных подвигах. Добрый пастырь, не щадивший себя для паствы своей, скончался 31 мая 1726 года, завещав похоронить себя у самого входа в храм Троицкий, дабы, по его собственному выражению, “мимоходящие попирали прах его ногами” [48].

В первые годы служения митрополита Филофея открыта была епархия Иркутская, — викарная сибирской митрополии, где прежде того были уже обители иноков — ревнителей веры [49]. Первым епископом Иркутским был Варлаам Косовский, из воспитанников киевских. По перемещении его в Тверь на место его, несколько лет остававшееся праздным, поступил святой Иннокентий, уроженец малороссийский, из древней дворянской фамилии Кульчицких. По окончании полного курса наук в Киевской академии он был пострижен в монашество в Печерской Лавре и отправлен вместе с другими в Москву в должности учителя в тамошнюю Славяно-греко-латинскую Академию. Четыре года не он училищную службу и, достигнув звания префекта, был переведен в Петербург в Александро-Невскую Лавру, где вскоре занял должность наместника. Когда Петр I вознамерился учредить в Китае епископию наравне с римско-католическою миссией, Иннокентий 5 марта 1721 года хиротонисан был в сан епископа и отправлен к посланнику Измайлову в Пекин на место бывшего там архимандрита. О прибытии его послана была к китайскому правительству предуведомительная грамота. К несчастью, она не застала уже в Пекине Измайлова, пользовавшегося большим уважением Богдыхана, и по интригам миссионеров-иезуитов была возвращена селенгинскому начальнику с таким изъяснением, что “по указу богдыханскому, господина Иннокентия Кульчицкого в Пекин пропускать не велено, от того что от сибирского губернатора никакого об нем письма нет и знаку печати, каковые даны Измайлову, не приложено.” Иннокентию повелено было до времени оставаться в Селенгинске, где он и пробыл до 1725 года, а затем, по указу Синода, выехал в Иркутск на житье в тамошнем Вознесенском монастыре; два года спустя он назначен был викарием Тобольского митрополита в Иркутске с подчинением ему Вознесенского монастыря; и таким образом уроженец юга поставлен был Промыслом благовестить Евангелие сынам суровой Сибири. Высшее помазание, щедро изливанное в душу и сердце угодника Бо-

жия, не прошло тщетно: полудикие обитатели дальнего севера убеждались вдохновенною его проповедью и толпами стекались к купели крещения. Чтоб упрочить дело обращения идолопоклонников, Иннокентий открыл при Вознесенском монастыре училище для детей всякого звания, где преподавали им русский букварь, чтение и пение, толковали заповеди, учили читать, писать и переводить по-монгольски; но с кончиною святителя эта школа пришла в упадок и совсем уничтожилась. Святой Иннокентий мирно кончил благочестивую жизнь свою 26 ноября 1731 года и в простой монашеской мантии погребен был в склепе под соборною церковью Вознесенского монастыря [50].

Таковы были святители, избранные Великим Петром на служение Церкви Православной в трудную эпоху преобразования России! Нам остается сказать еще несколько слов об одном, в высшей степени даровитом ученом монахе, который сделался ближайшим и усерднейшим сотрудником Царя-преобразователя и по кончине его стал во главе церковного управления.

Феофан Прокопович родился в 1681 году. Он был сыном киевского мещанина и при крещении наречен Елеазаром. В детстве лишившись родителей, он поступил на воспитание к родному своему дяде иеромонаху Феофану Прокоповичу, бывшему тогда ректором коллегии. Елеазару было всего три года; но с каждым месяцем появлялись в нем новые отблески того могучего ума и несокрушимой воли, которыми впоследствии изумлял он всех своих современников. Достигнув отрочества, он поступил в низшие классы училища и еще раз остался сиротой, лишившись на восьмом году своего возраста благодетеля-дяди. Какой-то киевский мещанин, имя которого остается, к сожалению, неизвестным, взял мальчика к себе на воспитание и дал ему возможность продолжать начатое учение. Семнадцати лет от роду Елеазар Прокопович уже окончил полный курс академических наук; но жажда к познаниям только что разгорелась в нем. В 1698 году он поехал в Литву и, встретив препятствие в исповедуемой им православной вере, назвался униатом и даже вступил в братство витебского базилианского монастыря, под именем Елисея — все это для того, чтоб иметь возможность еще раз выслушать курс высших наук. Настоятель отправил его в вольнское владимирское училище, находившееся при кафедральном монастыре униатского епископа. Блистательные успехи в науках скоро обратили на него внимание всего училищного начальства, и Елисей скоро из ученика сделался учителем поэзии и риторики. Чрез некоторое время принципал базилианского ордена отправил Прокоповича вместе с другими канониками в римскую академию для изучения философских и богословских наук. Три года пробыл он там, исполняя все обязанности, сопряженные с принятым им званием; но пылкость характера Прокоповича была причиною того, что тайна его обнаружилась и мнимый Елисей должен был бежать через Венецию и Австрию в Польшу. Прибыв в православный Почаевский монастырь, он принял монашество с переименованием в Самуила. Спустя некоторое время Прокопович был приглашен в Киев митрополитом Варлаамом, который лично знал необыкновенные его способности и с 1704 года определил его в академию учителем пиитики. В следующем году Прокопович принял имя Феофана в память своего покойного дяди и с тем уже остался до самой смерти.

Словом приветственным на проезд в Киев Петра I, произнесенным в Софийской церкви июля 5-го 1706 года, открывается великолепный ряд торжественных и похвальных слов Феофана. Это слово замечательно как памятник первой встречи его с Петром. Несмотря на многие недостатки, нельзя не признать в нем искреннего выражения радости. Очень кстати Феофан окружил себя воспоминаниями старины и связал древнюю славу России с настоящею. В год Полтавской битвы, во время проезда Петра Великого через Киев, Феофан Прокопович произнес длинное похвальное слово или “Панигирикос о православной над войсками Свейскими победе.” В этом слове, довершившем возвышение

Феофана, он — первый из современных ему ораторов — стал изображать живую современность, не переводя ее в символы и аллегории.

В 1716 году уже будучи ректором академии он был вызван в Петербург и там постоянно говорил проповеди, в которых объяснял слушателям политические события и планы Петра. В 1718 году во время розысков, когда русское духовенство уличалось в связях с царевичем и отринутой царицей, когда Петр заподозрил в этом даже и Стефана Яворского [51], Феофан говорил слово о власти царской с ясными намеками на современников; тут говорилось о богословствующих невеждах, которые хотят летать, но, как “прузи, имея малые крыльца, а чревище великое,” сейчас же падают на землю, о мудрецах, каким-то бесом льстимых или меланхолиею омраченных, которые считают грешным, что ни увидят чудного, славного, веселого, о видящих сония и гласы слышащих; доказывалось, что и священный чин обязан повиноваться государю, ибо этот чин не есть иное государство.

Феофан положил основание новой школе проповедников, заключавшей в себе возможность уклонения в протестантскую односторонность: он допускал совершенно свободное изъяснение текстов Писания без авторитета отцов Церкви [52]. От проповеди он требовал обличения предрассудков и суеверий и преподавания основных догматов христианства, всем доступного, ясного и подкрепленного текстами. Он особенно предостерегал против произвольных, натянутых толкований, против обычая помимо прямого смысла искать аллегорий и символов и предписывал строго держаться буквального смысла. Как основатель новой школы в богословской науке, Феофан сильно восстал против влияния католических преданий, вкравшихся в нашу Церковь, и ревностно трудился над их искоренением. В этом критическом труде он руководствовался одним Писанием и личным разумом. Понятно, что при таком образе мыслей Феофан, непримиримый враг римского католицизма, в своих воззрениях на предметы веры и церковное устройство, естественно, должен был уклоняться на сторону протестантизма и в этом отношении значительно расходился с Яворским и другими киевскими учеными, которые отыскивали в его богословских лекциях протестантские понятия о первородном грехе, об оправдании верою, о церковной внешности и т. п. Сверх того, местоблюстителю Стефану, строгому в жизни и твердому в правде, не могла нравиться гибкость Феофановой совести и свободное участие его в пиршествах вместе с иностранцами [53], так что, когда царь захотел возвести Феофана в сан святительский, Стефан счел за нужное противиться его поставлению [54]. Но воля Петра была исполнена, и Феофан в 1718 году сделался епископом Псковским с правом носить саккос, что тогда почиталось особенным монаршим благоволением, ибо епископы облачались в фелонь с омофором. С этой поры Прокопович становится правою рукою Петра в делах церковных, более министром, чем святителем Церкви.

По кончине Петра и особенно при Бироне Феофан стоял во главе церковного управления и действовал самовластно, нисколько не обуздывая страстей своих и мстительности против тех, кто прежде служил ему препоною. Хитрый и дальновидный, он сумел выстоять и удержать все влияние в ту страшную эпоху, когда знатнейшие деятели на поприще политическом кончали жизнь свою в снегах Сибири, когда от пыток и телесных наказаний не избавляли ни личные достоинства, ни высокий сан. Но пришел конец и его многмятежной жизни (8 сентября 1736 г.); в устрашающих образах проходили пред ним минувшие события, и, готовясь предстать суду Божию, он, приставив указательный палец ко лбу, произнес: “О, главо, главо! Разума упившись, куда ся преклонишь?” [55]

Церковные преобразования Петра коснулись и состояния духовенства, как монашеского, так и белого. Взгляд Петра на монашество, выраженный еще при учреждении монастырского Приказа, происходит по всему его законодательству о монастырях. Руководясь своими материальными понятиями о служении обществу и раздраженный теми

подметными письмами против реформы, которые из монастырских келий распространялись в народе, он смотрел на монахов, как на людей, которые “поядают чуждые труды” и от которых, кроме того, являются “забобоны, ереси и суеверия.” Несмотря на значительные суммы денег, заимствованные Петром из богатых обителей [56], первую заботой его было сокращение числа монастырей и монахов. Еще с 1701 года монастырский Приказ начал перепись монастырей для составления определенного штата монашествующих. Штаты не были составлены, но принято было общим правилом число монахов и монахинь против переписи не увеличивать, постригать желающих только на свободные места. С течением времени и то число монашествующих, какое найдено по переписи, стало уменьшаться; вместо убывших монахов в монастырях помещались больные, нищие, сумасшедшие и особенно отставные солдаты. Впрочем, вскоре по основании новой столицы на берегах Невы Петр устроил там новую обитель в честь святого великого князя Александра Невского, в которую перенес и мощи его из Владимира [57]. Здесь монахи были преимущественно ученые, по выбору самого царя, который ясно понимал пользу, приносимую Церкви ученым монашеством, и указом предписал: “Во всех Российския Империи монастырях, переписав молодых ниже 30 лет монахов, для учения, кого каких наук возможно, в славяно-латинские школы собрать.” В 1727 году император Петр II повторил тот же указ; в нем замечено между прочим, что целью такого распоряжения ставили то, чтобы был от ученых иноков “плод Божией Церкви.”

Белое духовенство требовало еще более попечений, нежели монашествующее; реформа застала его в самом жалком положении, материальном [58] и нравственном [59]. Для улучшения материальных средств приходского духовенства правительство предпринимало сокращение числа церквей и священно-церковнослужителей. При построении новой церкви требовалось предварительное разрешение высшей духовной власти и самого государя, обращалось внимание на число приходских дворов, отводимых для новой церкви, на достаточность средств для ее содержания и на расстояние ее от соседних церквей. Но вопрос об улучшении содержания духовенства так и остался нерешенным. При Петре уменьшилось даже и то благосостояние, каким духовенство пользовалось прежде. Так еще с 1698 года всем церквам, у которых были какие-нибудь угодья и приходские дворы, прекращена была казенная руга, а тем, у которых вовсе не было ни прихода, ни угодий, эту ругу велено выдавать только наполовину. Кроме того, самые угодья церквей: мельницы, рыбные ловли, лавки, постоялые дворы и пчельники, которые были особенно любимой доходной статьей духовенства, — были объявлены теперь оброчными статьями казны и обложены оброком. Старые платежи в архиерейскую казну сделались для духовенства еще тяжелее прежнего, попав теперь в ведомство сборщиков монастырского Приказа. Чтоб усилить нравственное значение белого духовенства, решили поставлять в священники и дьяконы людей достойных и противодействовать обычаю, по которому места передавались по наследству и продавались, находясь в зависимости от домов священнослужительских. Набор детей духовенства на военную службу еще более увеличил число недостойных священников и дьяконов, потому что молодые люди бросались на места, чтоб избавиться от военной службы. Народному значению духовенства весьма много вредило еще то, что оно было притянуто к общей тогда системе полицейских доносов; оно обязано было доносить правительству о прихожанах, которые противодействовали реформе, о распространителях суеверий и расколов, о заговорах против государя даже в том случае, если узнавало о них на исповеди.

Неудивительно, что при таком положении духовенства, с одной стороны, а с другой — при жестоких гонениях на раскольников со стороны правительства раскол, как отрицание Церкви, усиливался постоянно, разветвляясь на бесчисленные толки [60]. Вразумле-

ния церковного (кроме святителей, упомянутых выше) народ встречал весьма мало. Безжалостный впоследствии к неисправимым изуверам Петр в первой половине своего царствования приказывал с противниками Церкви с кротостью и разумом поступать по Апостолу: “бых беззаконным яко беззаконен, да беззаконных приобрящу,” и “не так, как ныне, жестокими словами и отчуждением.” Он думал, как видно из этих слов, что дело пойдет успешнее с переменою тона, ибо до тех пор духовные лица обращались к раскольникам, как строгие судьи к преступникам. Петр нашел человека, который мог быть способнее других к такой перемене обращения: то был Питирим, игумен Переяславского Никольского монастыря, сам бывший прежде в расколе и потому знавший хорошо своих прежних собратий. В 1706 году Петр поручил ему обращение раскольников увещательными средствами. Если царь не хотел преследовать своих подданных за религиозные убеждения, то, с другой стороны, смотря на раскол, как на заблуждение, он не мог позволить, чтобы заблуждения распространялись в народе. Он терпел раскол только с условием, чтобы раскольники исполняли обязанности добрых граждан и подданных: так он прямо объявил выгорецким раскольникам, что позволяет им молиться по-старому, если только они будут усердно помогать ходу железных заводов. Выгорецкие раскольники усердно работали, уверяли царя, что они за него молятся, оказывали разные знаки своей преданности и потому беспрепятственно могли молиться по-старому. Но Петр хорошо знал, что не все раскольники были похожи на выгорецких, знал, что это самые злые противники преобразования, самые ревностные распространители учений о новых временах, как о временах антихриста, знал, что эти люди толпами бегут и укрываются в лесах и пустынях, лишая государство рабочей силы и скрываясь от службы. Петр не хотел преследовать безвредных раскольников; но чтоб они были безвредны, чтоб правительство могло терпеть их, как безвредных, нужно было знать, что они, где они и сколько их. В феврале 1716 года велено было переписать всех раскольников, как светских, так и чернецов и черниц; но как выгорецкие раскольники получили право молиться по-старому за усердную работу на заводах, так и все раскольники за это право должны были помочь государству в его великой денежной нужде, должны были платить двойной оклад. В течение 12 лет Питирим обратил весьма много раскольников в Юрьевецком и Балахнинском уездах. В 1716 году он послал в керженские поповщинские скиты 130 вопросов, на которые раскольники отвечали тоже вопросами (числом 240), но ответов на вопросы Питирима не прислали, уклоняясь от состязания с ним, боясь посрамления. После неоднократных требований с его стороны эти ответы присланы были в 1719 году, когда он был уже епископом Нижегородским. В селе Пафнутове, наконец, состоялся обмен этих ответов с ответами Питирима и знаменитое собеседование его с учителями керженцев Варсонофием и дьяконом Александром в присутствии многочисленной толпы раскольников, кончившееся присоединением расколуучителей к Православию [61]. Ответы святителя Питирима под именем “Пращицы” и исповедь Варсонофия напечатаны и разосланы были по церквам [62]. Питирим сам объезжал скиты раскольничьи, строил церкви, приготавливал и поставлял способных священников. К концу жизни его (умер в 1738) в его епархии едва осталось 2000 раскольников, тогда как в 1716 году их насчитывалось свыше 40000.

Для истребления раскола необходимо было просвещение духовное, и оно составляло постоянную заботу царя-преобразователя. В Киевской-Могилянской коллегии, по мере восстановления ее, учение продолжало процветать. Тишина, водворившаяся в Киеве со времени присоединения его к семейству городов русских, безопасность от всех притеснений, никогда неперестававших в местах, подвластных польской короне, привлекали в Киевское училище и других молодых людей, не принадлежавших даже державе русской. От царей Иоанна и Петра коллегия получила две грамоты: в первой из них предоставлено ей

право беспрепятственно владеть вотчинами со всеми принадлежащими к ним угодьями, пожитками и доходами. Вторая грамота назначает еще в первый раз царское жалованье коллегиальному начальству [63], хотя и весьма скудное. Петр-единовластитель даровал (26 сентября 1701 года) киевским школам новую милостивую грамоту. Главное, что особенно было лестным для коллегии в этой грамоте, — это название ее Академией, равною по привилегиям “иным академиям во всех государствах иноземческих.” Вместе с этим ученики в царской грамоте наименованы “студентами,” с правом неподсудности никому, кроме ближайшего своего начальства. С этой поры началась новая эра существования Киево-Могилянской коллегии: возведенная в звание Академии, она год от году становилась все более достойною своего высокого имени.

В 1710 году Киев, пораженный тяжким бедствием — чумою [64], был свидетелем чуда, явленного Богом, дивным во святых Своих. Только один Михайловский монастырь, в котором почивают мощи святой великомученицы Варвары, был сохранен вместе с подгорным скитом своим от губительной болезни. Желая увековечить сие великое знамение молитвенного ходатайства св. великомученицы, митрополит Иоасаф сочинил ей акафист и установил прочитывать его еженедельно по вторникам, что исполняется доньне.

Конечно, и академия не могла не разделять бедствий своего края. В одних имениях, принадлежавших коллегиальному братству, произвели страшное опустошение моровая язва и саранча, а другие отошли за границу, под владычество Польши, по Прутскому договору, при котором Украина правой стороны Днепра досталась Польше. Но внутреннее состояние академии день ото дня возвышалось. Особенно ректор ее Феофан Прокопович, от решившись от уз схоластики, приобрел своими богословскими трактатами такую славу, какой никогда не имели его предместники. Сверх того, высокое значение его, приобретенное милостивым вниманием государя и могущественного любимца его Меншикова, связи с другими вельможами двора не могли не быть благодетельными и для училища; в аудитории стали слышны знатнейшие фамилии, и все лучшие помещики малороссийские, зная о любви монарха к просвещению, наперерыв спешили отдать детей своих в единственное тогда училище. Граждане, купцы и мещане киевские за честь себе поставляли быть в числе воспитанников академии, заключавшей в себе до 1100 слушателей.

Академия пользовалась покровительством гетманов Мазепы и Скоропадского и имела постоянных попечителей в лице митрополитов Киевских: Варлаама Ясинского (1690-1707) и Иоасафа Кроковского (1707-1718), который после измены Мазепы был вызван Петром на Собор в Глухов вместе с другими святителями, чтобы предать проклятию коварного изменника и ненасытного честолюбца. Болезненно отзывалась в сердце Иоасафа анафема тому, кого за несколько дней перед сим почитал он охранителем Православия и благодетелем просвещения; но, скорбя о человеке, он поражал клятвою изменника вере, царю-благодетелю и родному краю. Немедленно по прибытии в Киев митрополит обнаружил акт проклятия печатными листами с увещанием ко всему народу пребывать в верности к государю. В 1718 году, когда начался суд над царевичем Алексеем, Иоасаф был вызван в Петербург, но остановлен в Твери, и между тем, как свите его приказано было следовать в обратный путь, митрополит был заточен в Тверском Архангельском монастыре, где 1 июля 1718 года и скончался [65]. Он был последним первосвященником киевским на праве избирательном; преемники его назначались уже по общему порядку.

Положение Московской Академии в начале царствования Петра было весьма неблагоприятно. Наступило время переходное: влияние греческого языка сменяется латинским, круг ученой деятельности расширяется, наставников берет академия не из Греции, но из единоплеменной Руси юго-западной. Замечательно, что в это время рушилась последняя опора ученых из греков: последний Патриарх Московский, стоявший за идеи

царя Феодора и Софии, до самой смерти заботившейся о вызове новых ученых из греков, скончался, оставив Академию в опасности совершенного упадка. Действительно, непрерывная смена наставников в Академии после Лихудов, дошедшая, наконец, до того, что некому стало учить, сокращение предметов учения, открытое гонение на язык греческий не могли обещать академии прочного существования, и это продолжалось до тех пор, пока не вступился за ее участь преобразователь России.

Первый из учеников Лихудов и почти последний в ряду наставников, вышедших из их школы, Палладий Роговский, не мог напоминать собою Лихудов: заграничное образование не оставило в нем и следов греческого образования, полученного им в Москве, так что он не знал даже языка греческого. Слушая полтора года Лихудов еще в школе Богоявленского монастыря, Палладий, “желая совершенного учения,” удалился из Москвы, снял иноческое платье и учился год в Вильне в иезуитской школе; потом в силезском городе Нейссе провел еще год, “учаяся пиитическому разуму”; отсюда перешел в Ольмюц для слушания риторики. Но ольмюцкие иезуиты не соглашались допустить его в школу, если он не примет унии, и Палладий решился из любви к науке на временное, впрочем, и только наружное отступление от Православия. Это открыло ему дорогу в Рим, где семь лет изучал он философию и богословие в греко-униатской коллегии, был здесь посвящен в пресвитера униатским митрополитом Онуфрием и, по окончании учения получив степень доктора философских и богословских наук, тайно уехал в Россию, исповедал Патриарху Адриану свое невольное отступничество, написал пространное исповедание своей веры в духе Православия и проклял учения, мудрствования, догматы и толкования западные, несогласные с учением Восточной Церкви. В 1699 году Патриарх принял Палладия в недра Православной Церкви, а на следующий год поручил ему должность наставника в Академии и поставил его игуменом Заиконоспасского монастыря [66].

Между тем по смерти Патриарха Адриана во главе управления делами Церкви стал митрополит Стефан Яворский. В 1701 году царь вверил его непосредственному надзору и попечению Московскую Академию, и Яворский первый принял звание протектора академии. Выбор, сделанный Петром, оправдался как нельзя лучше: просвещенному вниманию Яворского обязана академия своим восстановлением и распространением. Лучший из тогдашних воспитанников Киевской Академии, докончивший свое образование за границею, Стефан внушил царю, что лучшим образцом для устройства Академии Московской может быть Киевская, уже засвидетельствовавшая долговременными опытами доброе направление введенного в ней образования и даровавшая Церкви многих архипастырей и ученых, и Петр, еще прежде указывавший Патриарху Адриану на киевских ученых [67], повелел “завезть в академии учения латинские.” Сличая это распоряжение Петра с распоряжениями царя Феодора Алексеевича и Патриархов Восточных, имевшими место при основании академии и позднее при — Лихудах, находим, что тогда отдавали предпочтение и даже исключительное господство образованию греческому, а теперь вводится образование латинское. Царь Петр в свое путешествие по Европе видел одни рассадники латинского образования и потому, внося преобразование во внешнюю жизнь народа, желал и науку облечь в общепринятые на Западе формы. Стефан Яворский, питомец школ киевской, львовской и познанской, очевидно, не мог не сочувствовать порядку, введенному в этих школах. Потому в силу указа царского Яворский обратился за учителями к Академии Киевской и после смерти Палладия устроил Академию Московскую по образцу Киевской. Есть основание думать, что все уроки читались и сочинения были писаны на одном латинском языке, Академия утратила прежнее название школ греческих и именовалась славяно-латинскими школами [68].

Мы уже видели, что царь-преобразователь тяготился последним Патриархом. Хотя Адриан вовсе не походил на Никона и только безмолвием протестовал против реформ и нововведений, но пред глазами Петра всегда носился призрак прежнего “властительного” великого государя [69]. Не надеясь найти Адриану преемника просвещенного, достойного уважения по благочестию, и вместе с тем усердного сподвижника в деле преобразования государства, Петр давно уже решил уничтожить патриаршество в России и заменить его соборным управлением.

По воле царя, в 1720 г. собран был Собор пастырей Церкви Русской. Под председательством самого царя Собор рассуждал о высшем духовном правительстве. Признано было полезным поручить управление Церковью, вместо Патриарха, постоянному Собору пастырей. Причины обнародованы были следующие: а) тогда как занятия одного лица могут останавливаться то болезнями, то смертью его, Собор имеет возможность вести дела безостановочно, и ответы на возможные сомнения могут быть всегда готовы, б) легче дознаться правды Собору многих, чем одному лицу, в) в решениях собора более может быть беспристрастия, чем в решениях одного лица, г) решения Собора более имеют важности и твердости и потому охотнее будут исполняемы, чем решения одного лица, и д) влияние сильных не столько может препятствовать правильным определениям Собора, чем решениям одного лица. Вследствие сего, положено было, не изменяя ничего в отношениях церковного правления, открыть постоянный духовный собор, который назывался сначала духовною коллегиею, а потом получил наименование “святейшего Правительствующего Всероссийского Синода.”

В 1721 году царь Петр уведомил посланием Константинопольского Патриарха, а через него и прочих первосвятителей восточных об учреждении соборного правления Русской Церкви. Патриарх Иеремия в ответ на царское послание, писал к Святейшему Синоду, признавая его братом во Христе восточных патриархов, с равною им церковною властью. Такое же послание было получено от Патриарха Антиохийского Афанасия; Патриархи Александрийский и Иерусалимский не прислали от себя отзыва, потому что первый скончался, а второй лежал на смертном одре.

Так утвердился новый вид высшего управления Церкви Русской!

Духовный Регламент, написанный Феофаном Прокоповичем, пересмотренный Собором и утвержденный государем, как применение древних церковных правил к состоянию Русской Церкви, стал церковным правилом. Впрочем, самим Регламентом как оставлены в неприкосновенности и прежней силе древние правила Соборов, так предоставлено и Синоду вводить новые постановления по нуждам Святой Церкви, по руководству Священного Писания и правил Церкви вселенской по утверждению их самодержавною властью [70].

Президентом Святейшего Синода был назначен Стефан, митрополит Рязанский; за ним по старшинству следовали члены: Феодосий (Яновский), архиепископ Новгородский, Феофан, архиепископ Псковский, Петр, архимандрит Симоновский, Леонид, архимандрит Петровский, Филофей, архимандрит Донской, греческий священник Анастасий Кондоиди, Иоанн, протопоп Троицкий, Петр, протопоп Петропавловский, иеромонах Варлаам Овсянников.

В сущности, постоянный собор, или Синод, остался тем же для Русской Церкви, чем было патриаршее правление, как и писали Патриархи. Заменяв собою патриаршество, он принял на себя и занятие патриаршего правления. Священным долгом его, долгом пред Господом и Церковью, служит следующее: наблюдать за чистотою учения и благолепием богослужения, противодействовать ересям и расколу, поверять сказания о святых и искоренять всякое суеверие, наблюдать за проповеданием слова Божия, избирать и поставлять достойных архипастырей, преподавать наставление архипастырям в случае недоумения

их, принимать и разрешать жалобы недовольных решениями церковных правителей. Премущественному надзору его подлежат все духовные училища и все лица духовного звания, а равно цензура духовных книг, освидетельствование мощей и чудес и сопричисление к лику святых. Ему принадлежит окончательное решение дел о сомнительных браках или о браках в недозволенных степенях родства и о расторжении брака. Вообще же, все, что может иметь влияние на состояние отечественной Церкви по отношению к догматам веры или к богослужению и правлению, составляет предмет забот и рассуждений Святейшего Синода [71].

Приложение

Хронологический список митрополитов и патриархов

Митрополиты

В Киеве

Святой Михаил (988-992).
Леонтий (992-1008).
Иоанн I (1008-1035).
Феопемпт (1035-1049).
Святой Иларион (1051- ок. 1053).
Ефрем (1055).
Георгий (1062 г., † после 1072).
Святой Иоанн II (1077-1089).
Иоанн III (1089-1090).
Святой Ефрем (1091-1096).
Святой Николай (1097- ок. 1101-1103).
Никифор I (1104-1121).
Никита (1122-1126).
Вдовство Церкви (1126-1130).
Михаил II (1130-1145).
Климент (1147-1155).
Святой Константин I (1156-1159).
Феодор (1161-1163).
Иоанн IV (1164-1166).
Константин II (1167 г., † после 1172).
Никифор II (упоминается с 1182-1197).
Матфей (упоминается в 1201 г., † 1220).
Кирилл I (1224-1233).
Иосиф (1237-1240).

В Киеве и Владимире

Святой Кирилл II (1243-1280).
Святой Максим Грек (1283-1305).
Святой Петр (с 1308 г. по 1325 г. — во Владимире, в 1325-1326 гг. — в Москве).

В Москве

Святой Феогност (1328-1353).
Святой Алексий (1354-1378).
Святой Киприан (1380-1385).

Пимен (1385-1390).
Святой Киприан, вторично (1390-1406).
Святой Фотий (1410-1431 г., рукоположен в 1408).
Исидор (1437-1441).
Святой Иона (1449-1461).
Святой Феодосий (1461-1465).
Святой Филипп I (1465-1473).
Святой Геронтий (1473-1489).
Зосима (1491-1494).
Святой Симон (1496-1511).
Варлаам (1511-1522).
Даниил (1522-1539).
Святой Иоасаф (1539-1543).
Святой Макарий (1543-1563).
Афанасий (1564-1566).
Святой Филипп II, священномученик (1566-1569).
Кирилл III (1568-1572).
Антоний (1572-1581).
Дионисий (1581-1586).

Патриархи

Святой Иов (с 1586 г. митрополит, с 26 января 1589 г. по 1605 г. — Патриарх)
Святой Ермоген, священномученик (1606-1612).
Междупатриаршество (1612-1619).
Филарет Никитич (1619-1633).
Иоасаф I (1634-1641).
Иосиф (1642-1652).
Никон (1652-1658).
Питирим, митрополит Крутицкий, правитель (1658-1667).
Иоасаф II (1667-1672).
Питирим (1672-1673).
Иоаким (1674-1690).
Адриан (1690-1700).
Стефан Яворский, Местоблюститель Патриаршего Престола (1700-1721).

Святейший Синод в Петербурге (1721-1918).

Святой Тихон (1918-1925).
Петр, митрополит Крутицкий, Местоблюститель Патриаршего Престола (1925-1936).
Сергий (1925-1936) — заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола;
1936-1943 Местоблюститель Патриаршего Престола;
1943-1944 — Патриарх).
Алексий I (1945-1970).
Пимен (1971-1989).
Алексий II (День интронизации-28.V. (10.VI) 1990).

Хронологический Список Великих Князей, Царей и Императоров

Великие Князья

В Новгороде:

Рюрик (862-879).

В Киеве:

Олег (879-912).

Игорь Рюрикович (912-945).

Святая Ольга (945-955).
Святослав Игоревич (955-972).
Ярополк I Святославич (972-980).
Святой Владимир I Святославич (980-1015).
Святополк I Ярополкович (1015-1018).
Святой Ярослав I Владимирович (1019-1054).
Святой Изяслав I Ярославич (1054-1073).
Святой Святослав II Ярославич (1043-1076).
Святой Изяслав I Ярославич (опять 1076-1078).
Всеволод I Ярославич (1078-1093).
Святополк II Изяславич (1093-1113).
Святой Владимир II Всеволодович Мономах (1113-1125).
Святой Мстислав I (Феодор) Владимирович Великий (1125-1132).
Ярополк II Владимирович (1132-1139).
Всеволод II Олегович (1139-1146).
Святой Игорь II Олегович (1146 г., около недели или двух).
Изяслав II Мстиславич (1146-1154).
Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий (1155-1157).
Изяслав III Давидович (1157-1159).

В Киеве и Владимире

Святой Андрей I Георгиевич Боголюбский во Владимире (1157-1174).
Святой Ростислав (Михаил) Мстиславич в Киеве (1159-1167).
Мстислав II Изяславич в Киеве (1167-1169).
Владимир III Мстиславич в Киеве (1169-1172).
Святой Михаил I Георгиевич во Владимире (1174-1176).
Всеволод III Георгиевич во Владимире (1176-1212).
Роман Ростиславич в Киеве (1173-1177).
Святослав III Всеволодовича в Киеве (1177-1195).
Рюрик II Ростиславич в Киеве (1195-1211).
Святой Георгий II Всеволодович во Владимире (1212-1216).
Всеволод III Святославич в Киеве (1212-1214).
Константин Всеволодович во Владимире (1216-1219).
Георгий II Всеволодович опять во Владимире (1219-1238).
Мстислав III Романович в Киеве (1214-1224).
Владимир IV Рюрикович в Киеве (1224-1240).
Во Владимире, но жили в других местах
Святой Ярослав II Всеволодович (1238-1246).
Святослав III Всеволодович (1246-1248).
Михаил II Ярославич во Владимире (1248 г., полгода).
Андрей II Ярославич (1249-1252).
Святой Александр I Ярославич Невский (1252-1263).
Ярослав III Ярославич (1263-1272).
Василий I Ярославич (и в Костроме, 1272-1276).
Святой Димитрий I Александрович в Переяславле Залесском (1276-1294).
Андрей III Александрович (и в Городце, 1294-1304).
Святой Михаил III Ярославич (и в Твери, 1305-1318).
Георгий III Даниилович (и в Москве, 1319-1322).
Святой Димитрий II Михайлович в Твери (1325).
Александр II Михайлович в Твери (1325-1328).

В Москве

Святой Иоанн I Даниилович Калита (1328-1340).
Симеон Иоаннович Гордый (1340-1353).
Иоанн II Иоаннович (1353-1359).
Димитрий III Константинович Суздальский (1359-1363 гг., † 1384).
Святой Димитрий IV Иоаннович Донской (1363-1389).

Василий II Дмитриевич (1389-1425).
Василий Васильевич Темный (1425-1462).
Иоанн III Васильевич (1462-1505).
Василий IV Иоаннович (1505-1533).

Цари

Иоанн IV Васильевич Грозный (1533-1584).
Святой Феодор I Иоаннович (1584-1598).
Борис Феодорович Годунов (1598-1605).
Феодор II Борисович (1605)
Василий Иоаннович Шуйский (1606-1610).
Муждущарствие (1610-1613).
Михаил Феодорович Романов (1613-1645).
Алексий Михайлович (1645-1676).
Феодор III Алексеевич (1676-1682).
Иоанн V и Петр I Алексеевичи (1682-1689).
Петр I (царь 1689-1721).

Императоры и Императрицы в Петербурге

Петр I (1721-1725).
Екатерина I Алексеевна (1725-1727).
Петр II Алексеевич (1727-1730).
Анна Иоанновна (1730-1740).
Иоанн VI Антонович (1740-1741).
Елисавета Петровна (1741-1761).
Петр III Феодорович (1761-1762).
Екатерина II Алексеевна (1762-1796).
Павел I Петрович (1796-1801).
Александр I Павлович (1801-1825).
Николай I Павлович (1825-1855).
Александр II Николаевич (1855-1881).
Александр III Александрович (1881-1894).
Николай II Александрович (1894-1917).
